

Г.П.ФРАНЦОВ

ФИЛОСОФИЯ
И СОЦИОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

●
ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

●
АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ПРИ ЦК КПСС

Г. П. ФРАНЦОВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ФИЛОСОФИЯ
И СОЦИОЛОГИЯ

•

НАУЧНЫЙ АТЕИЗМ

•

БОРЬБА ЗА МИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» • МОСКВА 1971

1
Ф-84

Г. П. ФРАНЦОВ

ФИЛОСОФИЯ
И СОЦИОЛОГИЯ

3539

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» • МОСКВА 1971

ПРЕДИСЛОВИЕ

РЕДАКТОРЫ-СОСТАВИТЕЛИ:

П. Н. ФЕДОСЕЕВ (ответственный редактор),
Г. Е. ГЛЕЗЕРМАН, Е. Д. МОДРЖИНСКАЯ,
В. С. СЕМЕНОВ

Георгий Павлович Францов был крупным ученым в области философии, истории, научного коммунизма, социологии, страстным пропагандистом марксизма-ленинизма, видным общественно-политическим деятелем, талантливым публицистом, человеком огромной эрудиции и обаяния. Он был человеком энциклопедических знаний. Широкий философский и в то же время острый партийный взгляд на проблемы общественного развития обусловил творческую разработку им многих важных проблем исторического материализма и научного коммунизма, позволил ему дать глубокий критический разбор современных буржуазных социологических концепций. Он направил на путь социологических исследований и критики буржуазных социологических воззрений многих молодых ученых. Г. П. Францов * щедро передавал им свои знания, мысли, замыслы и вместе с тем по отечески критиковал их. Являя собою пример большого ученого и человека, Георгий Павлович и в своих учениках стремился воспитывать страстное служение науке.

Заслуженной известностью и уважением пользовался Г. П. Францов как общественный деятель, организатор научной деятельности и подготовки кадров. Он был директором Института международных отношений, заведующим отделом печати МИД СССР, ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС, шеф-редактором журнала «Проблемы мира и социализма», заместителем директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Везде проявляя себя как незаурядная, яркая личность, как человек с острым, ясным умом, Георгий Павлович был прежде всего бойцом за дело марксизма-ленинизма.

Г. П. Францов оставил большое и ценное научное и литературно-публицистическое наследие. Написанные им книги, бро-

* Многие его работы публиковались и под именем: Ю. П. Францов, Ю. Францев, а также под различными псевдонимами.

ширы и статьи вызвали большой интерес широкого круга читателей. Это объясняется тем, что его работы сочетали строгую научность и глубину философского анализа со страстной коммунистической партийностью, воинствующей непримиримостью к современным реакционным буржуазным и мелкобуржуазным течениям. Это было свойственно как его большим, капитальным научным трудам, так и небольшим по объему, но глубоким по содержанию статьям в журналах и газетах, в которых он соединял свои научные познания с блестящим даром партийного публициста.

Основное содержание данного тома составляет книга «Исторические пути социальной мысли», впервые изданная в 1965 г. Эту книгу сам автор считал итогом проведенных им исследований в области истории общественной мысли. В книге развернута широкая панорама диалектики социальной мысли, неразрывно связанной с самим историческим движением, с пронизывающей историю человеческого общества классовой борьбой. Г. П. Францов проявил в этой книге весь свой талант философа и историка, глубоко обобщив предысторию научной идеологии, показав, как искала и находила себе дорогу к истине прогрессивная мысль, пока не произошел коренной поворот в ее эволюции и основоположники марксизма дали научный ответ на вопросы, поставленные всем ходом исторического развития.

Автор ярко раскрывает содержание революционного переворота в общественном сознании, совершенного основоположниками марксизма, и одновременно убедительно показывает кризис современной буржуазной общественной мысли, ее реакционность и антинаучность, отказ от научного подхода к анализу общественного прогресса, ее теоретическое бессилие.

Очень богаты по конкретному материалу и научному осмыслению исторических событий разделы книги, посвященные развитию марксистского учения В. И. Лениным. Становление ленинизма показано в борьбе с враждебными делу рабочего класса и всему общественному прогрессу идейно-политическими буржуазными и мелкобуржуазными течениями. Убедительно вскрыто всемирно-историческое значение ленинизма, как идейного знамени мирового общественного прогресса.

В настоящий том включена также работа «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции», написанная к 50-летию Советской власти. Эта работа полемична в самом серьезном и глубоком смысле этого слова. Она не только убедительно показывает величие первой в истории человеческого общества победоносной социалистической революции, но и дает отпор попыткам наших идеологических противников принизить ее значение, ограничить ее опыт региональными рамками. Научно анализируя роль главных, всеобщих закономер-

ностей социалистической революции, Г. П. Францов ярко показывает также большое значение учета всего разнообразия исторически сложившихся национальных особенностей и традиций различных стран и народов. Автор показывает, как идеи Октября и его опыт распространяются по всему земному шару и служат неисчерпаемым, животворящим источником революционной мысли и действия.

Третий и четвертый разделы тома содержат работы Г. П. Францова, раскрывающие историческое значение учения марксизма-ленинизма, его роль в строительстве социалистической культуры и идеологической борьбе.

Г. П. Францов глубоко анализирует развитие марксистского учения, убедительно показывает как органически сочетались у В. И. Ленина непреклонная верность научным принципам основоположников марксистского учения и глубоко новаторский, творческий дух, смелость в обобщении новых явлений и тенденций всемирно-исторической общественной практики.

Статьи Г. П. Францова, посвященные основоположникам марксизма-ленинизма К. Марксу и В. И. Ленину, проблемам научного коммунизма, культуры и коммунистического воспитания, написаны в подавляющей части в последние годы его жизни. Это законченные произведения, цельные сами по себе и вместе с тем взаимосвязанные единой мыслью, органически продолжающие друг друга. В них Г. П. Францов выдвинул много теоретически новых и практически актуальных положений, несомненно заслуживающих дальнейшего развития в самостоятельные исследования. Некоторые статьи публикуются в сокращении.

Будучи неразрывно связан с практикой коммунистического строительства, Г. П. Францов в этих работах вновь предстает перед нами как ученый большого ума и теоретической смелости, как страстный борец за дело коммунизма.

Работу по изданию избранных сочинений академика Г. П. Францова осуществляла комиссия в составе:

академик П. Н. Федосеев (председатель), академик Е. М. Жуков, член-корреспондент АН СССР А. Г. Егоров, доктор философских наук Г. Е. Глезерман (зам. председателя), доктор философских наук А. Ф. Окулов, доктор философских наук В. С. Семенов, доктор философских наук Е. Д. Модржинская, доктор философских наук П. К. Курочкин (ученый секретарь), Г. А. Жуков, Л. Н. Толкунов, доктор философских наук М. О. Шахнович, В. М. Францова.

Научно-вспомогательную работу провела Т. Н. Кузнецова. Составители указателей — В. Б. Севко, Ю. В. Коретков.

ФРАНЦОВ (ФРАНЦЕВ) * *Георгий (Юрий) Павлович* родился 1 октября 1903 года в Москве в семье больничного врача, детство провел в г. Иванове и г. Самаре (Куйбышев). В 1919 г. поступил в Самарский Государственный Университет, в 1922 г. перевелся в Ленинградский Государственный университет, факультет общественных наук, который закончил в 1924 г., после чего был принят в аспирантуру, начав свою исследовательскую работу. Интересовался главным образом проблемой ранних форм религии в связи с развитием сознания и мышления. Под руководством акад. В. В. Струве занимался историей народов Древнего Востока, их языками и памятниками культуры, написал в этой связи ряд работ (оценка этих работ дана в книге: Н. М. Постовская. Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959). М., 1961, стр. 38, 49—50, 89, 134, 135). Одновременно работал под руководством проф. М. В. Серебрякова по вопросам исторического материализма. По окончании аспирантуры под руководством проф. В. Г. Богораза-Тана занимался также проблемой развития духовной жизни первобытного общества. В 1929 г. получил степень кандидата исторических наук, а в 1942 г. степень доктора исторических наук (диссертацию защищал до войны, в 1938 г.).

В своих работах стремился вскрыть на конкретном материале ранние формы постановки вопроса об отношении сознания к бытию, проследить длительный и сложный процесс формирования представлений об отделимой от тела душе, проследить отражение в религии процесса перехода от бессилия человека при первобытном строе к ощущению своего бессилия перед общественными силами, перед эксплуататорами, изучить формы антиклерикализма, возникающего в раннем классовом обществе, рост научного знания, приходящего в конфликт с религией и мифом, например указал на существование у древних египтян

ГЕОРГИЙ ПАВЛОВИЧ
ФРАНЦОВ
(1903—1969)

* Автобиография написана Г. П. Францовым в начале 1969 г.

представления об объемной форме Земли, плавающей в небесном пространстве. Обобщение проделанной в этом направлении работы было дано в большой книге «У истоков религии и сводомыслия» (М., 1959), отчасти также при подготовке и редактировании первого тома «Всемирной истории» и в главах книги «Общество и религия» (М., 1967).

С 30-х годов принимал активное участие в пропаганде научного атеизма, состоял членом Президиума Ленинградского областного совета Союза воинствующих безбожников, был научным сотрудником, а затем директором Музея истории религии в Ленинграде, научная группа сотрудников которого являлась ленинградским сектором истории религии и атеизма Института философии АН СССР. С 1931 г. начал преподавать в ленинградских вузах диалектический и исторический материализм, а также историю атеизма.

В 1939 г. принят в кандидаты, а в 1940 г. в члены КПСС.

В годы Отечественной войны оставался в Ленинграде, работал в партийном аппарате, сначала в Куйбышевском РК КПСС, а затем в Ленинградском Горкоме КПСС (лектор, зав. сектором культуры). Принял активное участие в организации научной работы в блокированном Ленинграде (см. в книге: А. В. Кольцов. «Ученые Ленинграда в дни блокады». М. — Л., изд. АН СССР, 1962, стр. 103, 131).

В 1945 г. был переведен в Москву и назначен директором Института международных отношений, принял активное участие в подготовке необходимых для страны кадров международных работников. С 1949 г. по 1952 г. был зав. отделом печати МИД СССР, а с 1953 г. стал членом редколлегии и затем зам. главного редактора «Правды». Опубликовал ряд работ, посвященных критике буржуазных социологических теорий и политической идеологии современного империализма. Многие из этих выступлений были опубликованы также в иностранной печати. В этих работах стремился вскрыть, как буржуазные социологические теории искажают действительные явления общественного развития, какую роль играют в этом традиционные догмы идеализма и как эти извращения составляют «теоретическую» основу политической идеологии современного империализма. В 1958 г. избран членом-корреспондентом АН СССР.

В 1958 г. назначен ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС. До отъезда в Прагу в начале 1965 г. на работу шеф-редактором журнала «Проблемы мира и социализма» заведовал также кафедрой научного коммунизма, созданной в Академии общественных наук. Главное внимание уделяет в этот период проблемам научного коммунизма, принимает участие в подготовке книги «Основы научного коммунизма», выступает с докладами, пропагандирующими принципы научного коммунизма на международных конференциях в Женеве в 1958 г.

(«Человек и труд»), в Париже в 1961 г. («Какое будущее ожидает человечество»), обобщает эту работу в книге «Исторические пути социальной мысли» (1965 г.), в которой стремится показать, как социальная мысль шла к научному коммунизму, как она сталкивалась с проблемами, которые способен решить только научный коммунизм. Книга находит отклики в Латинской Америке, переводится на испанский язык в Монтевидео, вызывает рецензии в коммунистической печати. В 1967 г. опубликовал также книжку «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции», которая была издана на русском, английском и испанском языках. В 1964 г. избран действительным членом Академии наук СССР. С 1968 г. — зам. директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, член редколлегии журнала «Коммунист».

На XXII и XXIII съездах КПСС избирался кандидатом в члены ЦК КПСС. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак почета», медалью «За оборону Ленинграда». В 1963 г. Союз журналистов присудил премию Воровского за статьи в советской прессе (см. «За рубежом», 1963, № 8). Награжден также орденом ГДР «За заслуги» в признание «особых заслуг в области взаимопонимания и дружбы народов, а также в деле сохранения мира».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУТИ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Введение

О ЧЕМ ГОВОРIT ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Мир все пристальнее вглядывается в будущее. Программа КПСС указала к нему путь, по которому идет советский народ. И вновь вспоминаются слова Энгельса, сказанные в 1883 г.: «Россия — это Франция нынешнего века. Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива *нового* социального переустройства»¹.

Конец XVIII и значительная часть XIX в., включая Парижскую Коммуну, прошли под знаком французской революции. Она проложила путь в будущее. В огне революций 1848 и 1871 гг. закалился марксизм, затем возникли социал-демократические партии, накопившие большой опыт в организации рабочего класса. Первые годы нового, XX в. ознаменовались тем, что на арену мировой истории вышла ленинская партия, которая повела за собой массы. Русский пролетариат, как и предсказывал Ленин в начале века, стал авангардом международного революционного движения. С его инициативой и связаны величайшие преобразования общества, новые победы социальной мысли.

Классики марксизма-ленинизма придавали большое значение революционной инициативе, силе примера, показывающего, «как это делается». Для победы созревшего нового над старым в общественном развитии огромную роль играет революционная инициатива. С ней связана реализация осознанных истори-

¹ «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 208.

ческих возможностей, соединение революционной мысли и революционного дела.

В многовековом развитии человечества и в истории социальной мысли ныне достигнут новый этап. Мы идем к обществу, в котором окончательно исчезнут глубокие рвы, разделявшие людей и созданные тысячелетиями господства эксплуататорского строя. Социальная мысль в прошлом останавливалась перед этими рвами или старалась перекинуть через них мосты, созданные фантазией. Марксизм-ленинизм дал научный анализ перспектив общественного развития и деятельности народных масс для превращения в реальность открывающихся исторических возможностей.

Вскрытие объективной диалектики исторического процесса, анализ общественного развития есть анализ его источника, изучение самодвижения общественного целого. В этом и заключается сила материалистической диалектики, именно поэтому она и совершила переворот в истории социальной мысли. Историзм пронизывает марксистско-ленинское учение об обществе; установление этапов его развития — великая заслуга марксистской мысли. Ленин подчеркивал, что марксизм отличается своим историческим подходом к явлениям общественной жизни «не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению»². Этими замечательными словами определяется переворот в истории социальной мысли, произведенный марксизмом. Творческая марксистская мысль выявляет возможности общественного развития и соответственно ставит новые конкретные задачи практической деятельности людей. В этом значение политической линии марксистско-ленинских партий. Теория превращается, таким образом, в политику, в систему действий, в конкретнейшие задачи исторической деятельности миллионов людей.

Понимание объективных тенденций развития неизбежно ведет к постановке вопроса о будущем, об исторических перспективах и о возможности активных действий человека во имя осуществления этих перспектив. Этим оценивается роль социальной мысли в объективном историческом процессе. Поэтому научный коммунизм есть высшее достижение социальной мысли.

Вслед за признанием возможности изменения социального состояния встает вопрос и о возможности сознательного воздействия людей на это изменение. Связь между развитием общественной науки и революционной теорией не есть нечто случайное, неправомерное, как это хотят доказать буржуазные социологи, переписывающие историю на свой лад. История со-

циальной мысли вскрывает эту нарастающую связь, ее возникновение и развитие.

Социальная мысль может возникнуть и развиваться лишь в том случае, если настоящее представляется людям не как нечто вечное и неизменное. Когда же явления общественной жизни воспринимаются как застывшие, путь для размышлений о них закрыт. Современная буржуазная общественная мысль совершила акт самоубийства, объявив, что капитализм существовал всегда (по крайней мере в виде элементов) и будет существовать вечно.

Начало сознательного отношения человека к общественному развитию сопряжено именно с тем, что он понял: настоящий строй жизни отнюдь не есть вечное состояние без начала и конца, навсегда установленное богами. Такая мысль появилась в истории не сразу. Ее появление — начало развития социальной мысли. Установить эти этапы — задача науки.

Развитие социальной мысли неразрывно связано с анализом прошлого, пониманием настоящего, а также с попытками решить вопрос о будущем, ибо глубокое понимание настоящего сопряжено с выяснением тенденций и открывающихся перспектив. Прошлое подготовило настоящее, которое в свою очередь чревато будущим. Что могут и должны сделать люди для того, чтобы превратить возможность исторического процесса в действительность? Ответ на этот вопрос дает исторический и материалистический подход к явлениям общественной жизни.

Но современные буржуазные теоретики не хотят этого признать, их разногласный хор выводит старую песню: научное рассмотрение явлений жизни якобы исключает трезвый и реалистический взгляд на будущее. Будущее — по-прежнему удел туманной мечты, а не предмет научного анализа. Это один из важных вопросов современной идеологической борьбы.

Буржуазные теоретики никогда не могли взять в толк, что подлинная теория общественного развития есть в то же время и теория коренного преобразования общества. В угоду своим классовым предубеждениям они фальсифицировали историю социальной мысли. Вся эта история — якобы лишь смена различных субъективных пожеланий и взглядов, общественная наука родилась будто бы в тиши кабинетов и объявила войну мечте о коренном преобразовании общества. Так они хотели бы перетолковать историю социальной мысли.

Буржуазными исследователями написано немало книг об истории социальной мысли, но они искажают это понятие, толкуют его произвольно, вкрыв и вкось. Какое действительно содержание следует вкладывать в это понятие? В него входят те течения общественной мысли, которые пытаются осветить вопросы социального развития, решить проблемы жизни общества. История социальной мысли, разумеется, тесно связана

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 75.

с историей политической мысли, которая по преимуществу выделяет вопросы политической организации общества, а также с философскими течениями. *Основной вопрос, над решением которого билась в течение столетий социальная мысль, — вопрос о судьбе эксплуатации человека человеком, вечно ли структура общества, основанного на эксплуатации и угнетении.* На этот вопрос социальная мысль человечества и пыталась найти ответ с самого своего пробуждения. Вначале эти ответы были детски наивными, они не опирались еще на серьезную научную базу. С развитием общественной науки накапливалось все больше данных, позволяющих ответить на этот вопрос с научной глубиной и убедительностью. Подлинный ответ был дан лишь после того, как появился пролетариат — могильщик капитализма и всего общественного строя, основанного на эксплуатации, как история впервые поставила вопрос о реальной возможности уничтожения эксплуататорского строя. Этот ответ дал научный коммунизм.

Буржуазные теоретики не желают видеть эту логику развития социальной мысли, они всячески искажают ее историю. Они делают и делают все возможное для того, чтобы извратить представление о прошлом, настоящем и будущем трудящихся. Они стремятся оставить рабочее движение без исторических перспектив, внушить трудящимся мысль, будто им суждено вечно удовлетворяться капитализмом, реформированным и подновленным, ибо иных перспектив у истории якобы нет. Противоположное мнение объявлялось и объявляется утопизмом. Предавая анафеме научный коммунизм и называя его утопизмом, отрицая социалистическую революцию и диктатуру пролетариата, реформисты лепят из элементов капитализма свой «идеал общества», в котором сохраняется частная собственность на средства производства и свобода капиталистического предпринимательства. Таким образом, их «социализм» — лишь принаряженный капитализм в его последней, монополистической стадии. Идеологи буржуазии излагают историю социальной мысли, повторяя на разные лады, будто ими научно обосновано, что реформированный капитализм есть конечная стадия на долгом пути развития человеческого общества. Они хотели бы изобразить историю социальной мысли так, будто не было никакого развития социализма от утопии к науке, это-де извечные «два русла» социальной мысли — утопическое и научное, причем последнее запрещает ставить вопрос о будущем обществе.

Буржуазная идеология и капиталистическое общество, породившее эти воззрения, встретились теперь с могучим развивающимся общественным строем и его идеологией, которая соответствует новому этапу социального прогресса человечества. В борьбе двух идеологий вопросам общественного развития

принадлежит важнейшее место, ибо это вопросы о судьбе человечества. Сейчас, когда контуры величественного здания коммунизма, возводимого трудом миллионов, вырисовываются все яснее и четче, по буржуазной идеологии наносится самый тяжелый удар за все столетие развития марксизма. Революционная инициатива нашей партии, нашей страны, строящей коммунизм, оказывает свое преобразующее воздействие. Эта инициатива ведет за собой миллионы и миллионы людей на борьбу за будущее, за создание нового мира. Она оказывает обновляющее влияние на всю политическую и духовную жизнь человечества. Буржуазные взгляды на общественное развитие предстают перед всеми честно мыслящими людьми в своем истинном виде, как оправдание застоя, как призыв к движению вспять.

Возьмем, например, воспевание современными буржуазными идеологами милитаризации — одного из проявлений гниения современного капитализма. Это воспевание особенно наглядно говорит о реакционном значении буржуазной идеологии и о тормозящей роли господства монополий в современном общественном развитии. Военное ведомство — самый могущественный клиент,купающий большие партии товаров по высоким ценам. Оно покупает при этом товары, которые быстро стареют. Это выгодно. Пожалуй, никогда со времен феодально-абсолютистских режимов роль военизации не была столь велика в государственном аппарате. Феодальные монархии умирали, задыхаясь в расшитых золотом причудливых военных мундирах. А еще раньше рабовладельческий Рим, по тому времени тоже вооруженный до зубов, думал преградить своими легионами путь истории. Но все это были лишь приметы гибели старого строя.

Исход соревнования между новым и старым строем в конечном счете решался в важнейшей сфере деятельности человека — в производстве. Да и военное преимущество в силу этого оказывалось на стороне нового строя. Ныне положение изменилось в том смысле, что новый общественный строй, добившись преимуществ и в военной области, мешает реакции перенести решение великого исторического спора нового и старого мира на поля кровавых битв. Новый строй с уверенностью смотрит в будущее, зная, что победа в мирном соревновании за ним. Идея прочного мира, также представляющая собой результат длительного развития социальной мысли, находит все больше сторонников и активных борцов во всех краях земли. Эта идея в сознании масс все прочнее объединяется с идеями коммунизма. Коммунизм выступает под знаменем мира и несет человечеству мир.

Некоторые более дальновидные теоретики на Западе отдают себе отчет в том, что престиж капитализма падает все ниже и

ниже, а престиж социализма растет. В среде интеллигенции Запада рождается более острая критика капитализма и признание силы научного коммунизма. Буржуазным теоретикам больше всего не нравится, что и в странах капитала люди говорят об объективно возможном будущем, о необходимости своей деятельности для того, чтобы в жизни победили именно прогрессивные тенденции, ведущие человечество вперед. Ведь это значит, что люди проявляют сознательное отношение к социальной действительности. А пробуждение сознательного отношения людей к действительности, правильная оценка возможностей для деятельности масс являются важной стороной развития самой исторической действительности. Об этом говорит вся история социальной мысли.

Вот почему буржуазные идеологи стараются доказать, будто оценка перспектив общественного развития всегда была и будет результатом субъективного мнения, а не научным выводом, основанным на глубоком анализе исторических тенденций. Буржуазные теоретики уже в течение примерно столетия с пеной у рта доказывали, будто конечные цели борьбы рабочего класса не обоснованы объективным ходом общественного развития. Эти старые возражения против марксистской теории общественного развития ныне выдвигаются в несколько подновленной форме, ибо конечные цели борьбы рабочего класса стали практическими задачами деятельности миллионов трудящихся стран мировой социалистической системы. Свои возражения против марксистской теории общественного развития идеологи буржуазии выдвигают даже под флагом диалектики и во имя диалектики. Например, вышедшая в 1962 г. книга профессора Сорбонны Жоржа Гурвича так и называется «Диалектика и социология». Автор признает необходимость диалектического метода для успешного развития социологии. С этим, конечно, можно было бы согласиться, если бы профессор Гурвич не истолковал диалектику и диалектический метод на свой лад. Поначалу автор восхваляет диалектику за ее критически революционный характер, непримиримый ко всяким догмам и предвзятым суждениям. Но затем выясняется, что диалектика в социологии, по его мнению, несовместима ни с какой идеей прогресса. А в марксизме «диалектика остается восхождением человечества к светлому будущему. Диалектика Маркса является «победоносным маршем через революции к человечеству, наконец лишенному всякого порабощения и примиренному с самим собой»³. Для такой диалектики, которую он никак не может принять, профессор Гурвич изобрел специальный термин «диалектика восхождения», или «восходящая диалектика». Современные западные теоретики были бы рады, если бы диалекти-

³ G. Gurvitch. *Dialectique et sociologie*. Paris, 1962, p. 155.

ка — учение о развитии — твердила, что исторический процесс осужден на вечные блуждания в лабиринте зигзагов.

Как и многие другие современные «критики» Маркса, профессор Гурвич заявляет, что «у Маркса «историческая диалектика» скрывает «философию истории» и служит для того, чтобы смешать историческую реальность, историографию (или историческое знание) и эсхатологический и утопический взгляд на будущее общества»⁴. Гурвич добавляет, что судьба человечества, его будущее теоретику-марксисту уже «известны без диалектики» и поэтому «историческая диалектика» Маркса «становится догматической», так как она-де допускает предвзятые точки зрения. По мнению Гурвича, эта диалектика становится также «апологией второй фазы коммунизма»⁵. Мы приводим эти утверждения Гурвича, ибо они, пожалуй, наиболее характерны для современной буржуазной социологии, упорно обороняющейся от наступления марксизма-ленинизма по всему фронту общественных наук.

Буржуазные теоретики не хотят признать того несомненного факта, что столетие тому назад произошел великий переворот в социальной мысли. Они не хотят смириться с тем, что социализм превратился из утопии в науку, что возник и развивается научный коммунизм. Неопозитивизм в различных его проявлениях призван уверить людей в том, что вопрос о направлении исторического процесса якобы лежит за пределами науки.

Свое понимание диалектики профессор Гурвич именует «диалектическим эмпиризмом». Причем автор нескладно удивлен тем, что Жан Поль Сартр попросту считает такой эмпиризм неопозитивизмом. А удивляться тут нечему. Отрицание всякого философского содержания в социологии, всякой связи между социологическими теориями и философскими учениями и есть неопозитивизм. Отнять у человеческой мысли право на обобщение развития явлений социальной жизни — это значит убить социальную мысль, отнять у нее будущее, перечеркнуть ее прошлое.

Попытки дать обобщенную картину развития социальной жизни человечества насчитывают столетия. Эти попытки были наивны, слабы, утопичны, пока был низок уровень классовой борьбы трудящихся против эксплуататоров. Эти попытки страдали идеализмом и метафизичностью до тех пор, пока не возникла революционная материалистическая диалектика — оружие рабочего класса, который призван историей преобразовать мир. Это оружие оттачивалось в классовых битвах, насчитывающих столетие. Оно с великой силой применяется ныне

⁴ Там же, стр. 149.

⁵ Там же, стр. 149, 155.

в борьбе трудящихся против капитала, в строительстве новой жизни.

Ныне диалектический материализм теснит буржуазные неопозитивистские концепции повсюду, под его ударами эти концепции разлетаются в прах. Отсюда, собственно говоря, и возникла странная идея доказать недоказуемое, будто сама диалектика благословляет неопозитивизм с его бескрылостью, с его так называемым эмпиризмом.

Вопросы, которые поднял автор «Диалектики и социологии», волнуют на Западе не только его одного. Многие ложные ответы на эти вопросы приобрели прочность предрассудка в современном буржуазном мире. Нападая на «диалектику восхождения», ряд современных социологов неизбежно приходит к отрицанию самой идеи развития. Они думают, что диалектика восхождения от низших форм к высшим в истории общества не может лежать в основе научной теории общества.

С такой точки зрения история социальной мысли есть история постепенного забвения порывов к светлому будущему, история замены этих порывов позитивистскими «научными» формулами, запрещающими даже думать о коренном преобразовании общества. Такова буржуазная карикатура на историю социальной мысли. Таково буржуазное извращение роли общественной мысли в истории освободительной борьбы человечества.

Но когда общественная наука перестает формировать убеждения людей и их побуждения к деятельности во имя прогресса, она начинает служить реакции, что бы при этом ее представители ни говорили о своих претензиях на «объективность», о разграничении «науки» и «идеологии». Это понимают и некоторые современные ученые на Западе, далекие от марксизма.

Перед нами доклад на годичном собрании Общества по изучению социальных проблем, прочитанный 28 августа 1961 г. в США. Автор доклада профессор Гоулднер со всей резкостью выступает против принципиальных установок ведущих социологов США, утверждающих, будто не их дело оценивать факты общественной жизни. «Должно ли понятие социологии, свободной от суждений о ценностях, означать, что социологи являются индифферентными или должны быть индифферентны к моральным выводам из их работы?.. Означает ли это, что социологи не могут логически вывести суждения о ценности из фактов? Означает ли это, что социологи не могут или не должны иметь или выражать свои чувства за или против некоторых явлений, изучаемых ими?»⁶ Автор выступает против таких объективистских претензий. Он полагает, что такие претензии зародились под влиянием отношений купли-продажи, которые

определяют место ученого-социолога в этом мире. «Это используется теми молодыми или не очень молодыми людьми, которые скорее живут с помощью социологии, чем живут для социологии, и которые считают социологию средством продвигаться вперед, поставляя нейтральные технического характера работы, которые могут быть на рынке проданы какому-либо покупателю»⁷. Гоулднер напоминает, что «физики до Хиросимы» тоже говорили о своей «нейтральности» по отношению к явлениям общественной жизни. Теперь, добавляет он, многие физики не столь убеждены в этом. «Если мы сегодня сосредоточимся исключительно на технической выучке наших студентов и отбросим всякую ответственность за их моральное чувство или недостаточность его, то однажды на нас может быть возложена ответственность за воспитание поколения, которое пожелает служить в будущем в Аушвице (Освенциме.— Г. Ф.)»⁸. Это прекрасное предостережение сторонникам неопозитивистских взглядов на общественную науку. Общественная наука, которая не служит великому делу социального прогресса, перестает быть наукой. Она отказывается от поисков научной истины, во имя которой поколения передовых мыслителей человечества шли на костры и эшафоты. Такая «наука» может стать лишь сводом некоторых технических правил, как считает профессор Гоулднер.

Но профессор Гоулднер не раскрывает действительной, объективной связи человеческих идеалов, или, как он говорит, «моральных ценностей», и диалектики общественного развития. Если профессор Гурвич считает, что диалектика развития общества должна обходиться без идеалов, то профессор Гоулднер говорит об идеалах без связи их с диалектикой общественного развития. Как же в действительности обстоит дело?

Сознательное отношение людей к окружающей их действительности не может быть глубоким без научного познания фактов. Но научное познание явлений социальной жизни возможно лишь в их взаимной связи. А установление взаимосвязи явлений приводит к открытию закономерностей и тенденций развития. Сознательное отношение к существующей действительности опирается на научное познание возможностей, перспектив, тенденций исторического развития. Научное познание устанавливает, какие возможности таит в себе историческая действительность, а следовательно, реалистически определяет и возможности исторической деятельности людей.

Чем слабее научное познание действительности, тем меньше выявляются реальные возможности исторической деятельности масс. Когда социальная мысль еще вынуждена была доволь-

⁷ Там же, стр. 204.

⁸ Там же, стр. 212.

⁶ «Social Problems», 1962, стр. 200.

стноваться смутной утопией, она не могла определить, что именно должны делать массы. Только научный коммунизм показал трудящимся действительную дорогу борьбы.

Многие представители общественной науки на Западе сбивы с толку следующим «аргументом», выдвинутым в защиту неопозитивистского, эмпирического подхода к изучению социальных явлений. Со школьной скамьи их учат, что теория общественного развития не должна допускать смешения двух видов суждений — суждения о наличии факта и суждения о его ценности. Наука должна оперировать только суждениями первого вида. Оценка же факта — дело убеждений, которые субъективны, и потому такие оценки произвольны; это дело «идеологии», моральных и политических убеждений, сфера мечтаний и утопий.

Суждение «в обществе существует такой-то процент бедняков, нищих» есть суждение о наличии факта. Но может ли социальная мысль ограничиться лишь констатацией наличия такого социального явления, разве не требует она выработки научно обоснованного отношения человека к существованию этого явления? Определенный уровень развития классовой борьбы определяет различия в этом отношении и их глубину. Только высокий уровень развития общества, классовой борьбы позволяет дать действительно глубокий, научный анализ этого явления. Научный анализ вскрывает его происхождение и тенденции развития, возможности ликвидации его в зависимости от определенных условий. Эти же вопросы в наивной форме ставила социальная мысль и в донаучный период ее развития, когда в ней господствовали различные утопические проекты. Но и тогда социальная мысль в своем развитии опиралась на существующие знания, хотя их было столь мало, что оставался огромный простор для восполнения их недостаточности фантазией, воображением и домыслом. История тогда еще не поставила в порядок дня решения вопроса об уничтожении бедности на земле, в обществе еще не развилась та сила, которой по плечу решить эту задачу. Неразвитость самой общественной жизни и недостаточность глубоких знаний о ней определяли и соответствующую ступень развития социальной мысли, которая находилась еще на донаучной стадии.

Говоря, что капитализм должен уступить свое место социализму, мы выражаем познанный историческую закономерность, необходимость развития общественной жизни. Вместе с тем мы определяем в зависимости от этого наш долг, долг рабочего класса, всех передовых сил. Так формируется представление о конечной цели борьбы, определяется возможность исторической деятельности рабочего класса.

Классовая позиция познающего может мешать или помогать познанию социальных явлений и их объективных связей.

В этом состоит важнейшая сторона марксистско-ленинского учения о партийности общественной науки. Но от этого сами явления и их связи не становятся субъективными, они существуют вне познающего субъекта. Да и сама социальная позиция познающего есть в конечном счете явление, детерминированное объективными условиями, а не простой результат его субъективных вкусов, произвола или игры фантазии.

Если вернуться к вопросу о «моральных ценностях», поставленному американским ученым, то следует сказать, что нравственный долг, моральное побуждение к деятельности могут развиваться в полной мере только в связи с осознанием человеком существующей действительности. Безразличное отношение к явлениям социальной жизни, вернее, отсутствие всякого отношения, т. е. осознания этих явлений, не может ни к чему побуждать.

Из современных теоретиков-марксистов, писавших на эту тему, особенно Антонио Грамши придавал большое значение пониманию массами необходимости исторического процесса. Он писал: «Научную основу морали исторического материализма, мне кажется, следует искать в утверждении, что «общество никогда не ставит себе задач, для разрешения которых еще не созрели условия». При наличии условий «разрешение задач становится «долгом», «воля» становится свободной». Он обращал внимание именно на «исследование условий, необходимых для осуществления свободы воли в определенном смысле, по направлению к определенной цели...» Такое исследование должно быть «одновременно доказательством, что эти условия существуют»⁹. Это и есть одна из важнейших задач социальной мысли. В познании исторической необходимости, назревших задач и целей общественной деятельности лежит основа моральной деятельности отдельного индивидуума и всего «общества индивидуумов», как говорит Грамши, т. е. деятельности групп и классов, к которым принадлежат индивидуумы. Человек осознает, к чему он должен стремиться, какие задачи диктует эпоха, какие цели выдвигает перед ним данный этап общественного развития. Чем глубже он это сознает, тем прочнее его убеждения и тем более сильны его побуждения, моральные стимулы к деятельности, тем эффективней становится его деятельность. Это дает социальная наука, научная теория общественного развития. В этом и заключается сила марксистско-ленинских партий, которые разрабатывают свою научно обоснованную политику, вскрывая требования, тенденции общественного развития, мобилизуя массы для исторической деятельности во имя разрешения назревших задач.

⁹ А. Грамши. Избранные произведения в трех томах, т. III, М., 1959, стр. 101.

Научно обоснованная партийная линия марксистско-ленинских партий ныне столбовая дорога деятельности масс и развития социальной мысли. Утопизм стал уделом реакции, теоретики империализма все чаще сочиняют различные реакционные утопии. Если утопизм проникает в сознание трудящихся под влиянием главным образом мелкобуржуазных течений общественной мысли, то в современной идеологической борьбе он затрудняет движение вперед народных масс. А вторжение реакционного утопизма в социальную науку убивает в ней пытлившую научную мысль. Губит науку и бескрылый эмпиризм, который по сути дела есть попытка вернуть общественную мысль к давно пройденным ею стадиям, когда наука еще не могла формировать убеждения человека относительно окружающей его социальной действительности.

В настоящей книге мы не сможем охватить все эти вопросы развития социальной мысли от утопии к науке, говоря словами Энгельса, и попытаемся лишь коротко ответить на некоторые из них*.

* Главы или части глав этой книги печатались ранее отдельно, но все они вошли в эту книгу после переработки.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

СОЦИАЛЬНАЯ МЫСЛЬ ИЩЕТ И НАХОДИТ ДОРОГУ

Человечество не пойдет узким
и грязным проселком, — ему надобно
широкую дорогу.

А. И. Герцен

Глава первая

КАК ВОЗНИК ОСНОВНОЙ ВОПРОС СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Современные буржуазные социологи склонны начинать свой рассказ о возникновении социальной мысли с чего угодно: с мифов о происхождении человека, с первых догадок о возникновении власти царей и т. д. Они избегают при этом ставить вопрос большого философского значения о том, как люди пришли к мысли, что социальное состояние, в котором они находятся, не есть predetermined природой рок, нечто неизменное и вечное.

Именно эту мысль Маркс подчеркивал с удивительной глубиной и гениальностью, когда, анализируя духовный мир древних сельских общин, писал, что «они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того чтобы возвысить его до положения властелина этих обстоятельств», и что «они превратили саморазвивающееся общественное состояние в неизменный, predetermined природой рок»¹. В этом суть различных мифологических и религиозных концепций древности, касающихся общественной жизни людей. Миф в приложении к явлениям общественной жизни, строго говоря, ничего не объясняет, он переносит то или иное явление в седую древность и приписывает его возникновение воле богов. Лишь отдельные черты мифа, обрамляющие его основную, бедную содержанием идею, несут следы человеческой наблюдательности, признаки исторических эпох и социальных отношений. Как и когда были

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 136.

разбиты эти религиозные концепции, сковывающие ум человека, вот вопрос, на который должна ответить научная история социальной мысли. Освобождение человечества от вреднейшего предрассудка, будто социальное состояние есть предопределенный природой рок,— вот в чем состоит одна из больших заслуг пробудившейся социальной мысли.

Религиозные предания лишь освящали, давали религиозную санкцию сложившимся социальным отношениям, а следовательно, признавали незыблемость существующих порядков. Такие предания способны были скорее усыплять социальную мысль, нежели ее пробуждать. «Это повелось исстари» — такая основная мысль подобных мифов.

Первые попытки ответить на вопрос о возникновении неравенства, как показал советский этнограф Л. Я. Штернберг², были связаны с религиозной идеологией. В пору разложения первобытнообщинного строя складываются представления о неравенстве людей, о богатстве как результате особого «благоволения богов»: боги посылают своим любимцам удачу. Штернберг назвал этот комплекс представлений «идеями божественного избранничества». Развитию этих идей в немалой степени способствовал и тот реальный факт, что выделяющаяся богатая верхушка располагала жреческими функциями, имела самое непосредственное отношение к культу и миру сверхъестественного. Но неизбежно возникает вопрос: как и когда начинает распадаться этот круг идей, как и когда угнетение перестает представляться людям роком, предопределенным богами? Это узловое вопрос истории социальной мысли.

В «Лекциях по истории философии» Гегель правильно говорил, указывая на отличие философии от религии, что истинное «должно быть известно», в то время как позиция религии состоит в том, что «истины существуют, причем мы не знаем, откуда они берутся», и поэтому «утверждают, что человек должен смиренно принять эту истину». Ссылка на волю божью, на божественный промысел — это лишь бездоказательное признание, что устои общественной жизни изначально, это отказ от объяснения их возникновения. Из истории человеческого сознания противоположность между слепой верой и знанием изъять нельзя, невозможно ее изъять и из истории социальной мысли.

Следует также вспомнить замечательную мысль Маркса о другом препятствии, которое встретила на своем пути возникающая социальная мысль и впоследствии преодолела его. Маркс писал, что в классовом антагонистическом обществе

«...социальная сила, вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают...»³. Когда люди добились правильного представления об их социальной силе и возможностях, когда они нашли ответ на вопрос о происхождении и тенденциях развития этой великой социальной силы, их совместной деятельности, в первую очередь в производстве, тогда возросли исторические возможности их деятельности, а их реальная мощь возросла во много крат. В течение веков в ходе классовой борьбы социальная мысль мужала и крепла, прежде чем смогла одержать такую победу. Но с появлением классового общества представление о социальной силе принимает извращенную форму представлений о власти, о господстве эксплуататоров. О происхождении этой власти складывались религиозные сказания, обожествлявшие угнетателей, наделявшие их сверхъестественной родословной. Разрушение представлений, согласно которому социальная сила есть некая сверхъестественная власть, стоящая над людьми и гнетущая их,— вот огромная заслуга человеческой мысли в процессе общественного развития.

Рассмотрение исторического материала позволяет нам поставить и другой вопрос — о времени возникновения науки об обществе. В самом деле, в наше время детально изучены начальные этапы возникновения науки о природе. Хорошо известно, что возникновение естествознания и возникновение материалистической философии — единый процесс. После начального этапа накопления эмпирических знаний о природе наступил такой период в Древней Греции, Китае, Индии, когда появились первые научно-философские теории, в том числе и атомистическая, которой предстояло великое будущее. А как обстоит дело с наукой об обществе, как определить дату ее рождения? Этот вопрос чрезвычайно запутан буржуазными теоретиками, которые истоки научного знания об обществе, как уже упоминалось, искали в религиозных воззрениях, в мифологии и мистике.

Видный историк и этнограф Г. Шурц в прошлом веке, ставя этот вопрос, писал о развитии первобытной культуры: «Разлад с требованиями общества, в который так часто впадает собственное я, вызывает на размышления, и как бы часто окаменевший обычай ни принимался как нечто непреложное, как бы часто цепь логической мысли ни обрывалась и на место ее ни выступал какой-нибудь миф или басня, заглушая беспокой-

² См. Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 140—178. См. также журнал «Этнография», 1927, № 1.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 33.

ный вопрос о причинах, все же человечество вступило на путь, который наконец приведет его к самопознанию. Постепенно начинают понимать разницу между неизменными законами природы и преходящими обычаями и узаконениями людей»⁴. В этом положении есть одно неверное допущение: разлад личности и общества, как и все другие социальные конфликты, принес лишь период становления классового общества. Первобытнообщинный строй этих конфликтов не знал. Энгельс, сравнивая жизнь в условиях первобытнообщинного строя и в классовом рабовладельческом обществе, подчеркивал: «Там оставшийся из года в год неизменным способ производства средств к жизни никогда не мог породить таких словно извне навязанных конфликтов, такого противоречия между богатыми и бедными, между эксплуататорами и эксплуатируемыми»⁵. С распадом общинных отношений, при которых сохранялся неизменный строй жизни, с развитием классовой дифференциации и классовой борьбы изменяется отношение человека к его общественному бытию. Жизнь ставит перед ним новые вопросы. В ряде памятников древнейшей литературы говорится о ломке общинных отношений, о разрыве родовых уз, о кризисе патриархальной морали, о возникновении порядков, когда одни грабят других, когда насилие царит повсюду, когда все-ильны одни и бесправны другие. Однако эти изменения воспринимаются как божье наказание, как кара богов.

Не прав Шурц также и в том, что история социальной мысли начинается с противопоставления незыблемости природы и исторической изменчивости жизни людей. На самом деле процесс шел иначе. Он заключался в том, что и явления природы и явления общественной жизни переставали казаться неизменными, подчиненными лишь произволу сверхъестественных сил, року или богам.

Наука берет свое начало от разрозненных знаний. Но затем по мере их накопления они приводятся в систему соответственно тем сторонам объективной общественной жизни, к которым они относятся, закономерности которых они выражают. Так зарождаются отдельные социальные дисциплины. Обобщение всех конкретных социальных наук содержит исторический материализм, который распространяет на явления общественной жизни положения диалектического материализма.

Однако это не значит, что первоначально, когда знаний относительно общественной жизни было накоплено еще мало, никаких попыток их обобщить не существовало. Знания очень рано начали входить в конфликт со слепой верой.

На ранних этапах рабовладельческого общества социальные порядки и политический строй объявлялись продолжением порядков, установленных богами в природе. Бог создал правителей, чтобы они управляли, так же как он создал растения, животных, весь мир. Боги повинны и в том, что на земле есть счастливые богачи и несчастные бедняки. Идея незыблемости этих богоустановленных порядков является на этом этапе доминирующей. Всякое нарушение людьми этих порядков — грех, часто он мыслится как результат вмешательства злых сверхъестественных сил. Видеть в этих представлениях отправной пункт развития социальной мысли, как утверждают теоретики-идеалисты, нельзя. Наоборот, ниспровержение этой социально-теологической догмы стало началом развития социальной мысли.

Стихийный материализм, развивавшийся в рабовладельческом обществе, нанес удар по этим неподвижным религиозным представлениям. В наивной форме он утверждает, что в мире, в природе и обществе не существует божественной воли. Мир сам развивается по своим законам. Люди должны быть освобождены от страха перед божественной силой, перед загробным миром. «Устрой свои дела на земле», — призывала древнеегипетская песня арфиста. Эти идеи получили свое развитие в Древнем Китае, в Индии, а затем в Греции. Формировалось представление об общей, единой закономерности, которая проявляется в природе и обществе, во всем мире. Древнегреческие мыслители называли эту закономерность логосом. На этой основе развивались догадки о возникновении тех или иных общественных явлений и институтов. Это открывало дорогу для дальнейшего накопления знаний о жизни общества.

Гераклит, по-видимому, был близок к мысли, что борьба противоположных сил господствует не только в природе, но и в общественной жизни. Замечательные догадки о происхождении отдельных явлений общественной жизни высказал Демокрит. Попытка дать историю развития общества принадлежит Лукрецию, отправлявшемуся от идей Эпикура. Нет никакого сомнения в том, что это были зачатки науки об обществе, зародыши мысли, оценивавшей социальные явления. Мыслители стремились очистить этику от веры в сверхъестественное и утверждали, что нормы поведения людей не должны основываться на воле богов.

Но стихийный материализм не ставил и не решал вопроса об отношении сознания к бытию, мыслители исходили из материалистических предпосылок как данного. Без решения же вопроса об отношении мышления к бытию не мог быть решен вопрос о сознательной деятельности людей, а следовательно, и вопрос о развитии общества. Когда же был поставлен вопрос об отношении мышления к бытию, то мир в глазах мыслителей

⁴ Г. Шурц. История первобытной культуры, СПб., 1910, стр. 887.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 112.

раскололся на духовное и материальное, на небесное и земное. Бездна разделила эти миры. Идеалистическое объяснение деятельности людей, привычка исходить из сознания для того, чтобы объяснить «делание рук», как говорили египетские жрецы, стали доминирующими.

Однако это не значит, что знания общественной жизни, ее явлений и процессов перестали существовать и их накопление прекратилось. Идеалистические взгляды мешали правильному обобщению этих знаний, но не могли их ликвидировать. Жизнь ставила перед человеком все новые вопросы по мере развития классовой борьбы, усложнения самой жизни.

Истоки социальной мысли отнюдь не в «сверхчувственном», не в области веры, а в практике, в общественной жизни людей. Этому не противоречит тот факт, что первоначально социальная мысль не могла прочно опереться на науку, дать научную перспективу социального развития и во многом удовлетворялась фантазией, утопией.

Буржуазные философы и социологи совершенно неправильно ставят вопрос о донаучной и научной стадиях в развитии социальной мысли. По сути дела они предпочитают говорить не о двух стадиях, а о двух формах социальной мысли, метафизически разрывая их. Первую, донаучную, форму часто называют «идеологией», которая противопоставляется научному знанию. Такое разделение базируется на позитивистском противопоставлении философской мысли эмпирическому знанию. Философия, согласно этим взглядам, не есть обобщение имеющихся знаний, а является чем-то посторонним по отношению к знаниям. Разумеется, действительное соотношение между социальной мыслью и общественной наукой иное.

Когда не было еще подлинно научной теории общественного развития, люди все же стремились осознать явления общественной жизни. При этом, чем меньше у них было знаний о социальных явлениях, тем в большей степени они руководствовались своими непосредственными представлениями, тем в большей степени они поддавались иллюзиям и фантазии.

История социальной мысли, т. е. история сознательного отношения человека к явлениям общественной жизни, своему социальному состоянию, начинается с борьбы, сначала стихийной, чрезвычайно слабо осознанной, против эксплуататоров. Эта борьба неизбежно несет с собой сомнение в том, что данное социальное состояние существовало всегда. Неизбежно вставал и вопрос, будет ли оно длиться вечно. Допущение возможности социального изменения, таким образом, имеет огромное революционное значение.

С одной стороны, это допущение было невозможно без серьезных изменений в общественном бытии людей, которые толкнули бы человека к такой мысли. Когда борьба эксплуатируе-

мых против эксплуататоров только начинается, она носит стихийный характер, сознательность пробуждается лишь в самой зародышевой форме. С другой стороны, в этот период и социальная наука крайне неразвита и не может еще сколько-нибудь эффективно помочь этой борьбе. Развитие социальной науки предполагает сравнительно высокий уровень развития общества, классовой борьбы, появление таких общественных сил, которые заинтересованы в научных знаниях явлений жизни общества, в установлении перспектив и тенденций развития этих явлений.

Нельзя считать, что рост научных знаний о социальных явлениях и развитие классовой борьбы есть два не связанных между собой процесса. На самом деле именно рост классовой борьбы ставит важнейшие вопросы социальной мысли. Сначала социальная мысль пытается дать ответы на эти вопросы исходя лишь из отрывочных знаний и наблюдений, дополняя все недостающее воображением, фантазией.

Исторически вопрос о саморазвивающемся социальном состоянии в противовес исконным представлениям о нем как о predetermined природой, роком или богом возникает, разумеется, не в столь абстрактной форме, как проблема «социального состояния вообще». Перед людьми эпохи древности вставала в первую очередь проблема их отношения к тому недавно наступившему социальному состоянию, в силу которого одни влачат жалкую жизнь рабов, другие утопают в богатстве и роскоши. «Так установили боги», — говорили одни. «Так установила сама природа», — твердили другие. Это были лишь ссылки на божественную волю или на predetermined природой рок. Социальная мысль так и осталась бы навеки в пленках, если бы она удовлетворялась такими ответами. Но жизнь с ее социальными катаклизмами, с превращениями вчерашних свободных в рабов, с разорением, гибелью одних и торжеством других, в чьих руках накапливаются богатства, была могучим стимулом развития социальной мысли. Она развивалась не в результате случайного прозрения умов, «кипящих в действии пустом», говоря словами Пушкина, а в результате классовых битв, разгоревшихся в истории общества.

Античная социальная мысль

Первые успехи стихийной материалистической мысли, отрицавшей творение мира богами и существование божественного промысла, создавали, как уже было сказано, важную предпосылку для развития социальной мысли. Материалисты Древней Греции разрушали религиозные представления о природе, и у них же мы находим проблески мыслей о развитии, изменении жизни людей.

Попытки античных мыслителей объяснить явления общественной жизни исходили из наивных материалистических представлений, согласно которым социальные порядки не созданы богами, общественные явления не управляются сверхъестественными силами. Слепая вера оттеснялась, и открывалось поле для деятельности общественной науки.

Однако дальше этих попыток социальная мысль античного мира не продвинулась сколько-нибудь существенно вперед.

Представление о возможности социальных изменений, порывавшее с концепциями социальной неподвижности, предполагало постановку вопроса: извечны ли отношения господства и подчинения, угнетения и рабства в человеческом общежитии? Этот важнейший вопрос социальной мысли не был поставлен в античном обществе, ибо тогда еще не было реальных условий для этого. Рабское состояние человека служило пьедесталом и для всех социальных теорий античности вплоть до утопических мечтаний о лучшей организации общества. Опыт классовой борьбы еще не был богат.

Самое могучее социальное потрясение, которое произошло на памяти поколений античного общества, относилось к прошлому — это был переход от первобытнообщинного строя к рабству. Великий поворот от доклассового общества к рабовладельческому строю оставил глубокий своеобразный след в сознании народных масс, в их преданиях и легендах.

Тогда и возникла сказка о «золотом веке», якобы лежащем *позади* истории, затерявшемся где-то в глубине времен. Предание о том, что счастливая жизнь на земле существовала когда-то в прошлом, а затем ее сменило жестокое царство зла и насилия, эта легенда — ответ возникновения рабовладельческого общества, когда впервые в истории появились антагонистические классы. Это было, пожалуй, первое смутное представление об общественном изменении. Мифы первобытнообщинного строя не идут ни в какое сравнение с этим представлением, хотя, конечно, нельзя отрицать, что и в мифах накапливались некоторые здравые наблюдения относительно общественной жизни людей. Но в этих мифах создавались главным образом фантастические мосты между миром животных и человеком, «объяснялось» с помощью веры в сверхъестественные силы возникновение тех или иных общественных институтов и т. д. Здесь же люди пытались противопоставить две крупнейшие стадии в истории общества — первобытнообщинный строй и рабовладение, стремились осмыслить и оценить переход от одной стадии к другой. Причем люди, попавшие в рабство, вспоминали с сожалением и грустью порядки родового строя. Они хотели бы вернуть безвозвратно минувшее, и, когда они думали о будущем, перед их глазами вставало лишь прошлое.

Легенда о «золотом веке», распространенная в фольклоре, говорила, что счастливую жизнь людей надо искать либо в глубине прошлых веков, либо она затеряна где-то в бескрайних просторах земной суши или водной глади. Там случилось однажды побывать удачливому мореходу-путешественнику. Но дорог, ведущих в эту страну, больше никто не знает. Такие легенды известны древности и средним векам.

С появлением первых более или менее правильных сведений о первобытном строе обнаружилась несостоятельность легенды о «золотом веке», которая оставляла в тени тот факт, что рабовладельческое общество принесло огромный расцвет культуры по сравнению с первобытными временами. Пробуждающаяся античная научная мысль восстановила этот факт, но дальше, собственно, и не пошла.

В сказке о «золотом веке», как ее нам передал, например, Овидий, не только подчеркивалась мысль об отсутствии принуждения, оружия мести и возмездия в руках людей, но и проводилась идея об отсутствии тяжелого труда, ибо «все земля им сама приносила». Это была несомненная идеализация прошлого, фантастическое искажение действительной исторической картины. Научная мысль с первых своих шагов пыталась разрушить эту идеализацию. Но оставалась мечта о «золотом веке», продолжал оставаться нерешенным вопрос, содержащийся в этой легенде.

Древние рабовладельческие государства были окружены различными варварскими племенами. Сравнивая жизнь тех и других, мыслители древности приходили к выводу о двух ступенях общественного развития. Одним из наиболее ярких завоеваний античной общественной мысли, таким образом, было противопоставление варварства и цивилизации (хотя последнего термина еще не существовало, но это понятие уже начало тогда формироваться). Возникли первые учения о государстве, появились первые теории политической деятельности и политической борьбы. Однако рабский труд представлялся неизбежной основой общества, цивилизации, политической деятельности людей.

Мыслители древности не предполагали, что рабство исчезнет и на смену ему придет другой общественный строй. Дальнейших ступеней развития общества они не видели. За узкими горизонтами отношений, основанных на рабстве, еще нельзя было разглядеть дальнейшую судьбу человечества, другие общественные связи людей. Это хорошо иллюстрируют рассуждения Платона (427—347 до н. э.) о лучшем устройстве общества. Его мечты укладывались в рамки рабовладения. В его идеальном государстве, в котором правят философы и воины, положение ремесленников и земледельцев немногим лучше положения рабов. Как правильно говорит академик В. П. Вол-

гин, «у Платона члены коммунистического общества не трудятся, а трудящиеся живут вне коммунистической системы»⁶. Это была попытка узурпировать идею «золотого века» в интересах рабовладельцев, мечта о создании для рабовладельцев лучшей, разумно организованной жизни. Конечно, и в этом виде сочинение Платона оказало впоследствии известное влияние на развитие утопических идей XVI—XVII вв.

Мысли о развитии общества и государства в прошлом также подчинены у Платона этой его идеальной схеме. Платон и не пытается нарисовать историческую картину развития общества, его интересует лишь логическая схема. Его идея извечного «разделения труда» между людьми должна была лишь подтвердить, что и в будущем обществе останется неравенство общественного положения, социальных функций, выполняемых людьми. Вдумываясь в концепцию Платона, все яснее можно обнаружить, что идеи саморазвивающегося социального состояния она не содержала даже в зародышевой форме. Наоборот, эта концепция должна была обосновать предопределенность самой природой того социального состояния, которое характерно для рабовладельческого строя и которое Платон лишь с некоторой модификацией перенес в будущее общество. Советские ученые в полемике с социал-демократическими откровенно буржуазными апологетами теории Платона давно установили, что его утопические взгляды «восстанавливают те общественные отношения, которые уже были изжиты к началу VI века, и восстанавливают иногда настолько точно, что дают нам ключ для понимания многих фактов из раннегреческой истории, которые иначе остались бы для нас загадкой»⁷. Остается неопровержимым фактом, что «во главе платоновского идеального государства стоят замкнутые касты аристократов и военных... Этим сливкам общества запрещено занятие физическим трудом и торговлей»⁸. Кастовое строение идеального общества предлагали и другие греческие мыслители, которые вдохновлялись в этом случае примером социального устройства ранних ступеней развития рабовладельческого общества на Древнем Востоке⁹. Мысль была направлена к прошлому, к восстановлению тех или иных порядков, ушедших в историю, а не к будущему. Без решения, хотя бы самого первоначального, вопроса об исторической судьбе эксплуатации социальная мысль теряла необходимую глубину и направ-

ление. В той или иной мере она осуждена была служить апологетике существующего.

Правда, Аристотель (384—322 до н. э.), усматривавший общую закономерность в переходе народов от семейного быта к городской жизни, а затем к созданию больших государств, уже задавал вопрос, не является ли обращение в рабство насильем над природой. Сама постановка этого вопроса показывала, что социальная мысль уже пробудилась. Но, сделав робкий шаг, она остановилась, стала топтаться на месте. На поставленный вопрос Аристотель не колеблясь отвечал, что одни должны управлять, а другие — быть управляемыми, что это необходимо и полезно, ибо с самого своего рождения одни предназначены для того, чтобы покоряться, а другие — господствовать. Интересно отметить, что, приводя эти мысли Аристотеля, американские социологи Беккер и Барнес в своей «Истории социальной мысли» пишут: «Аристотель был гораздо ближе к истине, чем некоторые демократические писатели позднего времени, особенно XVIII в. и позже, которые рассуждали о естественном биологическом равенстве всех людей»¹⁰. Рабовладельцы современные, как видно, ищут поддержки у рабовладельцев древности.

Наиболее ярко проблески знания об обществе вспыхнули у одного из великих материалистов древности — римского поэта и ученого Тита Лукреция Кара (99—55 до н. э.). В поэме «О природе вещей» он нарисовал картину изменения жизни людей от состояния дикости до первых побед культуры, господства над силами природы. Мы видим здесь ростки научного знания об истории общества и проблески идеи развития, восхождения от низших форм общественной жизни к высшим. «Золотой век» был вытеснен представлениями о грубой и скудной жизни первобытных людей. Но это была лишь одна сторона дела.

Лукреций упоен успехами, которых добилось человечество, идя от варварства к античной цивилизации. У него нет и тени сомнения, которое появится впоследствии у Руссо, видевшего, что люди, вступив в эпоху цивилизации, потеряли драгоценное равенство первобытных времен.

Мысль ученых Древней Греции и Рима обращалась лишь к прошлому и настоящему, старалась связать первые две стадии развития общества. Настоящее подготовлено долгими трудами прошлого — это была плодотворная идея, без которой не могло существовать представление об общественном развитии даже в самом примитивном виде. Но мысль великих ученых древности не обращалась к будущим судьбам человечества.

¹⁰ H. Becker and H. E. Barnes. Social Thought from Lore to Science. I, 2 ed., Washington, 1952, p. 189.

⁶ В. П. Волгин. Кампанелла — коммунист. В кн.: Т. Кампанелла. Город Солнца. М.—Л., 1934, стр. 11—12.

⁷ С. Я. Лурье. История античной общественной мысли. М.—Л., 1929, стр. 329. Следует отметить, что некоторые концепции, изложенные в книге, не могут считаться правильными.

⁸ Там же, стр. 335.

⁹ См. там же, стр. 310—313.

Они отмечали, что к их времени люди прошли огромный путь, овладев многими, как казалось тогда, знаниями и навыками. Умственному взору античных мыслителей открывалась лишь минувшая эпоха дикости и варварства, за которой последовал период господства рабовладельческих отношений, принесший цивилизацию, расцвет науки и искусства, господство законов и государственной власти.

Если мыслители не хотели и не могли воспевать настоящее как вечное и неподвижное, они приходили к отрицанию дальнейшего развития общества. У материалиста Лукреция сквозит мысль о неизбежном конце мира, о катастрофе, которая грозит человечеству в отдаленном будущем. У идеалистов пифагорейцев ожидание мировых катастроф превращается в теорию циклов, каждый из которых все начинается сызнова, а кончается такой цикл катастрофой.

Некоторые мыслители хотели восстановить в своих правах легенду о «золотом веке», но она не получала у них никакого развития и оставалась сказочной мечтой. Антифонт (V в. до н. э.), например, проповедовал фактически распад общества, ликвидацию общественных связей, единственно, что он призывал, — это были «кружки друзей», на которые и распадалось общество; даже жениться и иметь детей, по его мнению, не следовало. Нужны были века, чтобы вместо этой сказки появились утопии — первые проекты устройства будущего общества, отвечавшие на вопрос о судьбе эксплуатации.

В античном обществе не было класса, который мог бы значительно двинуть вперед социальную мысль. Когда социальная мысль начинает заглядывать в будущее, это всегда означает, что в обществе народились социальные группы, которым принадлежит будущее. В античном обществе будущего не было ни у рабов, ни у рабовладельцев, и с возникновением нового феодального строя оба эти класса обречены были на гибель. Рабы мечтали о возврате прошлого, утраченного ими свободного состояния. Рабовладельцы не представляли себе общества, цивилизации, которая не покоилась бы на рабстве.

Подлинного развития социальная мысль не получила ни в Греции, ни в Риме. Возникали отдельные теории, например о происхождении религии, о возникновении государства, — теории, обращенные главным образом в прошлое. Были подчас очень меткие наблюдения о настоящем, о современной социальной борьбе. Впоследствии эти первые ростки социальной мысли были широко использованы. Но все же дальше первых ростков социальная мысль античности не пошла.

Вопрос о будущем был отдан фантастике. У римского поэта Вергилия мечта о будущем окутана религиозным туманом: возврата «золотого века» надо ожидать, уповая на чудо, его принесет избранник богов. Эта мысль о сверхъестественном

избавлении особенно широко развита была ранним христианством. Туманные мечты о возврате «золотого века», об общности в распределении, в потреблении, вплоть до общности жен, принимали иной раз истинную форму, выливались в страстную надежду у рабов и других обездоленных Римской империи. Они провозглашали «священную нищету», призывали отречься от греховного мира с его богатством и роскошью, жить, как птицы небесные живут, но во всем полагались на сверхъестественную силу, на спасителя, на божественное избавление. При всем своем бунтарском характере эти идеи не были опасны эксплуататорскому строю. С течением времени, когда в христианские общины вошли представители высших классов, эти фантастические бунтарские настроения, выражавшие бессилие эксплуатируемых, были подавлены и заменены законом со ссылкой на ту же сверхъестественную силу «рабы да повинуются господам своим».

Уже на примере античной общественной мысли мы видим, что вопрос о перспективах общественного развития — важнейший вопрос теории общества. Без ответа на него не может быть анализа настоящего. Мало сказать, что настоящее подготовлено прошлым. Чтобы понять настоящее, надо разглядеть в нем тенденции развития. Настоящее подготавливает будущее. Анализ настоящего неизбежно связан с оценкой прошлого и возможностью заглянуть в будущее. Такова логика теории общественного развития. Когда античные мыслители утверждали, что рабство вечно и может погибнуть разве лишь с исчезновением мира, они по существу свидетельствовали, что идеи саморазвивающегося социального состояния в античном мире еще не было.

Средневековые теории общественного процесса

Что же касается средневековья, то социальная мысль в этот период находилась под сильным влиянием официальной доктрины христианства, провозгласившей абсолютную невозможность какого-либо изменения общества по воле людей. Церковь начиная с блаженного Августина (354—430) разрабатывала теологическую концепцию общественного развития, сводившуюся к идее постепенного упрочения «царства божьего», т. е. побед и утверждения власти церкви во всех делах земных. Основная мысль Августина заключалась в том, что вся история предопределена богом, сверхъестественной силой, все пороки общественной жизни есть результат грехопадения людей, а превращение людей в рабов — составная часть божественного плана. Пожалуй, никогда еще древняя идея предопределенности социального состояния божественным роком не была выраже-

на со столь отталкивающей прямою, как в писаниях «отцов церкви».

Фома Аквинский (1225—1274) приложил немало усилий, чтобы еще более внедрить эту идею. Человеческое общество, утверждал он, основано на неравенстве, с которым люди должны примириться. Господствующим классам при этом следует быть милосердными к своим «меньшим братьям», а те в свою очередь обязаны терпеть и смиряться. Неравенство отнюдь не следствие грехопадения, оно угодно божьей воле, оно неизбежно.

В течение веков церковь внушала трудящимся, будто счастливая жизнь для них возможна только на небе, а их уделом на земле должно быть терпение и смирение, ибо нет такой силы, которая изменила бы их социальное состояние, предопределенное сверхъестественным путем.

И все же нельзя считать, что человеческий разум полностью примирился с этой догмой в период средневековья. Он восстал против нее по мере развития классовой борьбы угнетенных. Правда, в мечтаниях средневековых бунтовщиков о «тысячелетнем царстве справедливости», о лучшей жизни на земле, а не на небе тоже большое место занимали религиозные иллюзии, вера в сверхъестественное избавление, надежда на чудо. Русский историк XIX в. Стасюлевич писал о средневековых идеях: «...как в отдельном человеке духовная деятельность не прекращается и во сне, хотя и получает фантастический характер, так и в темный период средних веков дух человека не переставал ни на минуту работать и точно так же сохранял некоторую связь с идеями здравых эпох, как сон повторяет виденное наяву»¹¹. В сознании бунтовщиков представление о воле божьей, о сверхъестественной силе, якобы господствующей повсюду, в природе и обществе, мешало развиваться здравому пониманию социальных и политических основ земной власти помещиков. Наиболее радикальным выходом, казалось, было вмешательство в людские дела сверхъестественной силы, карающей «руки божьей», которая может установить справедливость на земле.

Правда, иной раз эта карающая божественная сила уже представлялась в виде крестьянских отрядов, вооруженных топорами и косами. Но разрыв с представлением о социальном состоянии как предопределенном божественной силой здесь лишь намечается. Идея изменения социальных порядков уже появляется, но это изменение еще не мыслится без «божьей помощи», социальная сила еще не осознана, ее реальные возможности принижаются.

Когда волны крестьянского и плебейского движения против власти помещиков и церкви достигали своей высшей точки, религиозная оболочка, в которую были облечены надежды и чаяния народных масс, прорывалась.

Но чем более стихийным является революционное движение масс, тем в меньшей степени мы видим в нем какие-либо следы позитивной программы, отчетливых представлений о поставленных целях борьбы, о возможностях социального переустройства. Для Дольчино, вождя крестьянского восстания в Северной Италии начала XIV в., как хорошо показал академик С. Д. Сказкин, вопрос об отмене частной собственности не стоял в общем виде. Он ограничивался по существу требованием, чтобы руководители вели «апостольский» образ жизни, не имели собственности и должны были «своим примером учить других святой жизни, т. е. жизни без собственности как идеала, жизни бедной, апостольской как жизни совершенной»¹². Вместе с тем у Дольчино имеются совершенно недвусмысленные призывы покарать «жестокой смертью» (*morte crudelissima*) всех церковников, клириков, монахов. Только в этом его программа чрезвычайно конкретна. Весь удар, следовательно, направлен против верхушки общества, на ее ликвидацию.

Выдвинутая двумя веками позже позитивная программа вождя крестьянской войны в Германии Томаса Мюнцера уже значительно богаче, чем программа Дольчино, но и его идеал — представление о «царстве божьем» на земле — все же расплывчат, он включает лишь требование уничтожить угнетение, частную собственность, власть, стоящую над людьми. Перед взором вождя крестьянского восстания вставал смутный образ такого общественного строя, в котором не будет сословных, классовых различий и частной собственности, не будет государственной власти, чуждой народным массам. Существовала лишь общая идея, общее, но по необходимости еще смутное стремление.

Да и могла ли в тех условиях появиться разработанная социальная теория? Разумеется, нет, время для нее еще не пришло. И позднее это общее смутное стремление, общие идеи могли быть развернуты лишь в утопии, в более или менее подробные картины жизни людей, к которой стремились трудящиеся.

Энгельс в «Анти-Дюринге», говоря о стихийных выступлениях городской бедноты и крестьянства, отмечал: «Эти революционные вооруженные выступления еще не созревшего класса сопровождались соответствующими теоретическими выступ-

¹² С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино. Сб. «Из истории социально-политических идей». М., 1955, стр. 129.

¹¹ М. Стасюлевич. Философия истории в главнейших ее системах. СПб., 1902, стр. 106.

лениями; таковы в XVI и XVII веках утопические изображения идеального общественного строя, а в XVIII веке — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли)¹³. Для истории социальной мысли это положение Энгельса имеет огромное значение. Нельзя изображать утопистов XVI—XVIII вв. пустыми фантазерами, которые целиком ушли в заоблачные дали мечты, порвав все узы с действительностью. Их мечтания, их крайний утопизм были обусловлены уровнем классовой борьбы того времени, а следовательно, выражали уровень развития социальной мысли.

Именно так подходил Ленин к анализу развития социальной мысли более позднего периода, первой половины XIX в., в России. Известно, что реакционные теоретики, объединившиеся в сборнике «Вехи», считали идеи Белинского и других наших просветителей выражением лишь настроений интеллигенции, верхушки общества. Ленин отвечал авторам «Вех»: «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»¹⁴ Настроения трудящихся масс, борющихся против эксплуататоров, питают социальную мысль, дают ей мощные импульсы. Недостаточно высокий уровень развития классовой борьбы находит свое выражение в незрелости, утопизме социальной мысли. Нельзя отождествлять трактаты Мора или Кампанеллы с миропониманием крестьянских масс и плебейских элементов городов XVI—XVII вв. Но прямая связь здесь существует.

Ленин писал в «Что делать?» о стихийности в рабочем движении: «И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой*»¹⁵.

Некоторое пробуждение сознательности в стихийных народных бунтах, пробуждение, которое выражается в том, что трудящиеся теряют веру в незыблемость давящих их порядков, — это и есть начало социальной мысли, могучий стимул к ее развитию. Потеря веры в незыблемость существующих социальных порядков принимает форму мечты о таком общественном строе, при котором нет этих порядков. В народных массах эта мечта

не приобретает сначала сколько-нибудь определенных очертаний, разработанных форм. Некоторая разработка будет дана в первых утопиях. Но и в них основное содержание все же сводится еще к тому, чтобы заявить во всеуслышание, чего нет в их идеальном обществе: нет угнетения, нет денег, нет частной собственности. Социальная мысль прошла долгий путь, пока появились эти систематизированные ответы на вопрос, чего не должно быть в идеальном, разумно устроенном обществе. Вместе с тем утопии были и первыми попытками создать наглядную картину такого общества, в котором отсутствуют порядки, до недавнего времени казавшиеся незыблемыми.

Это не была, конечно, теория общественного развития даже в ее зародышевой форме. Но это была идея возможности существования других социальных порядков. Феодальные порядки подтачивало время, которое приближало неминуемую победу буржуазных отношений. В конечном счете этим обуславливались огромные изменения в мировоззрении, которые были характерны для XVI—XVII вв. Духовная атмосфера в значительной степени определялась открытием Коперника, революционными победами естествознания, которые также были предвестниками рождения нового общества со своими новыми потребностями. «Неподвижная» до того времени Земля начала двигаться вокруг Солнца, идея незыблемости всех земных и небесных порядков начала терять прежний престиж. Застывшие от века общественные порядки, упиравшаяся прямо в небо лестница властей и чинов от сложной феодальной иерархии земных властителей до ангелов и архангелов — все это заколебалось. И земные порядки подвержены изменениям. Феодальное, средневековое мировоззрение дрогнуло и зашаталось, цепь неподвижных догм была порвана в одном из важнейших звеньев. Но изменения во взглядах на общественный процесс последовали отнюдь не сразу. Идеи общественного развития прокладывали себе дорогу сквозь густую пелену вековых предрассудков и сказывались лишь с течением времени.

Попытки создать социальную теорию и утопии

Современные буржуазные обществоведы весьма охотно начинают историю социальной мысли нового времени с Николо Макнавелли (1469—1527). Его высказываниями открывается, например, такое издание, как «Теории общества. Обоснование современной социологической теории», выпущенное виднейшими американскими социологами в 1961 г. Почему это так? Потому, отвечают Беккер и Барнес в своей «Истории социальной мысли», что «анализ Макнавелли был откровенно основан на допущении, что корыстные интересы и ненасытные желания со-

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 18.

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 169.

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 30.

ставляют главную движущую силу всей человеческой активности»¹⁶. Последнее становится понятным, если учесть, что в эпоху Макиавелли началось кровавое шествие капитализма, надвигалось господство голого чистогана, наступал период первоначального накопления — один из самых страшных периодов человеческой истории. В этой обстановке и родилась мысль о корыстном интересе и ненасытной алчности как главной движущей силе истории. Нельзя отрицать большое значение для общественной науки обнажения в эксплуататорском обществе такой «мотивировки социального действия», по выражению Талькота Парсонса, как корыстный интерес. Но для того чтобы изучение роли «корыстного интереса» в эксплуататорском обществе стало подлинно научным, необходимо было выявить классы и их вступающие в конфликт интересы, понять, что эксплуатация — основа этого общества. У Макиавелли же были лишь отдельные индивидуумы, одержимые ненасытными желаниями. Главный вопрос — об эксплуатации, о частной собственности, о социальном неравенстве — у него оставался в тени. Основное русло для передовой социальной мысли, для теории общественного развития в то время было проложено не Макиавелли, а другими умами, которые пошли гораздо дальше вопроса о «мотивировке социального действия» индивидуума.

Возникновение буржуазных отношений сопровождалось тяжчайшими бедствиями народа. И те, кто заметил это в XVI—XVII вв., пошли по другой дороге, чем Макиавелли, который узаконивал ненасытные желания, выводя их из человеческой природы. Они выступили против кровавого мира частной собственности — мира, в котором все покупалось и продавалось.

Передовой общественной мысли в XVI—XVII вв. предстояло подойти к открытию самой возможности существования человеческого общества без эксплуатации. Как было сделано это открытие и в чем оно состояло?

Резкая критика строя эксплуатации и угнетения, горячая надежда на лучшую жизнь, на счастливое будущее сказываются в утопиях, возникших в эпоху формирования капитализма. В этих сочинениях сквозит мечта о социальной справедливости, мысль о несправедливости порядков, при которых есть богатые и нищие. В ряде утопических сочинений отражается идея уравнилельного коммунизма, крестьянское представление о равном дележе всех благ как идеале общественных отношений. Но утопические сочинения допускали мысль, что может существовать общество без частной собственности, что устранение этого института ведет не к гибели рода людского, а к его процветанию. И это было в то время главное завоевание общественной мысли. Трудно переоценить огромное значение этой,

хотя и выраженной абстрактно и наивно, идеи. Представление об обществе, хотя и в форме мечты, перешло границы частнособственнических отношений.

Первоначально эта мысль была выражена в виде допущения логически возможного. Ряд мыслителей уже тогда почувствовали, что буржуазные отношения, идущие на смену феодальным, не несут народу счастья. Эти мыслители задумывались над вопросом, какой же общественный строй действительно был бы счастливым для людей. Можно без колебаний сказать, что утопии в истории общественной мысли были предшественницами теории прогрессивного развития общества. В них в той или иной форме давалась критика современности, принципа частной собственности как устоя общественной жизни и содержалось предположение о возможности общественной жизни людей, не связанных узами частной собственности, борьбой корысти и алчного стяжательства.

В этой корысти на заре капитализма Макиавелли увидел силу, движущую общество вперед, а великие авторы утопий задались вопросом, нельзя ли устранить эту силу и что будет с обществом, если ее устранить. Но никто еще не говорил о неизбежности такого общественного устройства, никто не видел к нему реальных путей. И все же сама постановка вопроса была продиктована условиями социального бытия, великим периодом ломки общественных отношений.

Основная идея Томаса Мора (1478—1535) выражена в следующих словах первой книги «Утопии»: «Именно, если каждый на определенных законных основаниях старается присвоить себе сколько может, то, каково бы ни было имущественное изобилие, все оно попадает немногим... Поэтому я твердо убежден в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности; но если она останется, то и у наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей»¹⁷. Воображаемый собеседник Мора допускает, что можно ввести меры, ограничивающие размеры земельной собственности, «сумму денежного имущества» и т. д. Но эти меры лишь несколько облегчат, а не уничтожат «бремя скорбей», лежащих на народе. Так думает автор.

Как пришел Мор к этому радикальному выводу? Ход его мысли в «Утопии» говорит о гуманистических предпосылках и глубокой чуткости автора к социальным вопросам. Отношения собственности того времени Мор изучил благодаря своим занятиям судебными делами, и изучил их, по отзывам современников, прекрасно. Более того, он глубоко продумал отношение

¹⁶ H. Becker and H. E. Barnes. Social Thought from Lore to Science, p. 302.

¹⁷ Т. Мор. Утопия. М., 1953, стр. 97.

собственности, богатства и власти. Он хорошо знал законы, глубоко проник в тайны государственной власти и умел оценить ее существо своим острым критическим умом. Он шел от гуманистических принципов и сопоставлял их с жизнью. «Можно ли назвать справедливым и благодарным такое общество, которое столь расточительно одаряет так называемых благородных, золотых дел мастеров и остальных людей этого рода (в другом месте Мор добавляет к этому перечню ростовщиков.—Г. Ф.), ничего не делающих, живущих только лестью и изобретающих никчемные удовольствия, а с другой стороны, не выказывает ни малейшей заботы о земледельцах, угольщиках, поденщиках, ломовых извозчиках и рабочих, без которых не было бы никакого общества?»¹⁸ Для того времени это была гениальная мысль. Не с меньшей силой звучат и следующие слова: «При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются не чем иным, как неким заговором богатей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах»¹⁹. И далее: «Раз богачи постановили от имени государства, значит также и от имени бедных, соблюдать эти ухищрения, они становятся уже законами»²⁰. Может ли быть сомнение в том, что Мор в своей «Утопии» становится на сторону «бедных», против «богатых»? Конечно, в то время формировалось понятие «третьего сословия», которое противопоставлялось бездельникам и тунеядцам из среды аристократии, и для Мора «богатые» — это верхушка феодально-абсолютистского государства, знать, ростовщики, всяческая челядь, обслуживающая королевский двор и его приближенных. Надо сказать, что именно в период феодально-абсолютистских монархий этот паразитизм был особенно вопиющим, он бросался в глаза и умеренному, скопидомному и трезвому бюргеру. Но Мор идет дальше. Он не питает никаких иллюзий насчет природы феодально-абсолютистского государства, которое от имени и богатых, и бедных издает законы, выгодные только богатым, и представляет собой своеобразный, легализованный заговор богатей против народа. Богатство и праздность подрывают самые устои общества, ибо его основа — трудящиеся, без них не может быть общества. С этим последним положением, пожалуй, были согласны многие представители буржуазной среды, из которой вышел Мор. Но Мор сказал гораздо больше, он провозгласил, что без паразитов и богатых общество может существовать и развиваться.

¹⁸ Т. Мор. Утопия, стр. 217—218.

¹⁹ Там же, стр. 218.

²⁰ Там же, стр. 219.

Мор ставит в своей «Утопии» и такой трагический вопрос: может ли человек со столь радикальными взглядами добиться чего-либо, как сказали бы сейчас, средствами политики? Серьезные раздумья и сомнения порождает этот вопрос у Мора. Единственное средство влиять на политику — это быть советником государственной власти. Но Мор знает, что этот путь ничего не даст. Он предлагает в своей «Утопии» радикальное решение тех труднейших проблем, которые встали перед Англией в XVI в., когда овцы поедали людей, по известному выражению Мора, когда наличие огромных масс бездомных и нищих показывало всю «неразумность» общественного устройства страны.

По сути дела Мор в первой книге своего произведения показывает всю трагедию радикально мыслящего, высокообразованного человека в условиях XVI в. Сам он, как известно, высоко продвинулся по государственной лестнице, но свою неприязнь к порядкам феодально-абсолютистской монархии выражал лишь в форме поддержки католицизма, когда король Англии вступил сам в конфликт с католической церковью. За это Мор заплатил жизнью. Политической линии, которая соответствовала бы его радикальным воззрениям, он не нашел. Он восставал против реформации в Германии, против Лютера, отстаивая католицизм. Политическое его кредо, по-видимому, сводилось к тому, что нельзя «королю чрезмерно проявлять свою власть, а народу быть излишне своевольным». Он знал, что это паллиатив, но путей от своих радикальных взглядов к политике того времени не видел.

Несколько иным был ход мыслей Томмазо Кампанеллы (1568—1639). Мировоззрение этого доминиканского монаха было крайне противоречивым. Мечты о коммунистическом обществе сочетались у него с планами установления религиозного и политического единства тогдашнего мира, достичь которого он надеялся главным образом с помощью католицизма; элементы материализма и страстная вера в силу человеческого знания уживались с верой в астрологию, которую он считал важнейшей наукой, и с остатками схоластической философии. Такое мировоззрение было не редкостью в тот противоречивый век. И ярый проповедник атеизма Лючиано Ваннини, сгоревший на костре в 1619 г., верил во влияние звезд на человеческие судьбы. Опираясь на астрологию, Кампанелла предвещал скорый конец старого мира и наступление «золотого века». Он писал об «изумительном изобретении книгопечатания, огнестрельного оружия и применении магнита — знаменательных признаках и в то же время средствах соединения обитателей мира в единую паству», он был горд тем, что «в наш век совершается больше событий за сто лет, чем во всем мире совершилось их за четыре тысячи; что в этом столетии вышло больше книг,

чем вышло их за пять тысяч лет»²¹. Он полон предчувствий новых великих перемен, но приписывает их расположению планет и звезд, «способствующих... новым плаваниям, новым царствам и новому оружию», под их влиянием «произойдет преобразование и обновление законов и наук...»²²

Но как пришел Кампанелла к своим идеям? Академик В. П. Волгин допускает возможность влияния на Кампанеллу флорентийского писателя XVI в. Донни, который дал один из ранних набросков утопии. В. П. Волгин считает, что в конце XVI—XVII в. образовалась «интеллигентская прослойка, не находящая себе места в существующей общественной иерархии, естественно настроенная по отношению к ней резко оппозиционно, в силу этого очень восприимчивая к страданиям масс...»²³

В Городе Солнца, пишет Кампанелла, «...того почитают за знатнейшего и достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет применять их с большим знанием дела. Поэтому они издеваются над нами за то, что мы называем мастеров неблагородными, а благородными считаем тех, кто не знаком ни с каким мастерством, живет праздно и держит множество слуг для своей праздности и распутства...»²⁴ Город Солнца — республика трудящихся, в ней нет паразитов и тунеядцев. Основная мысль книги — возможность организовать общество на научной основе, так, чтобы во главе его стояли ученые, и даже дети, смотря на городские стены, уже видели бы на них своеобразные атласы, звездные, ботанические и зоологические. Но под научной основой Кампанелла подразумевает и астрологию, а вмешательство науки в жизнь изображается им часто наивно и крайне примитивно (например, регулирование деторождения).

В молодые годы Кампанелла принял участие в революционном заговоре на юге Италии, в Калабрии. Заговор был раскрыт. Кампанелла после этого провел около четверти века в тюрьме. По-видимому, он не только принес некоторые свои мысли в эту среду заговорщиков, но и многому у них научился. Заговорщики ставили своей целью поднять на восстание крестьянство, у них были связи с народными массами. Тогда много говорили о первых христианах, об апостольской жизни, лишенной богатства и внешних почестей. Эти идеи истолковывались в духе крестьянской уравнительности и дележки. Отголоски этих идей есть и у Кампанеллы, он ссылается на христианских писателей, он объясняет раннехристианской традицией и свое требование общности жен. Он высказывает мысль, что «соб-

ственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей»²⁵, отсюда попытки людей добиться богатства, а затем оставить наследство своим детям и т. д. На Кампанелле сказались и влияние идей Платона, особенно там, где он рисует брачные отношения.

Произведение Кампанеллы во многих отношениях не достигает того уровня разработанности и продуманности, который характерен для «Утопии» Мора. Но тем не менее прогресс был значителен. Мор — гуманист с радикальными взглядами, огромный ум, который, однако, не знает, как можно применить свои взгляды к политической деятельности. Кампанелла — первый проповедник идеалов утопического коммунизма, он страстно убежден сам и убеждает других в их торжестве. Конечно, и Кампанелла не знает действительных путей к реализации этих идеалов. Недаром на помощь себе он призывает астрологию. Как и Мор, он католик и враждебен протестантизму. Но в своей критике протестантизма он особенно нападает на догмат о предопределении, на отрицание свободы воли. Конечно, и для Кампанеллы этот вопрос неясен: тут и божья воля, тут и астрология ему мешают. Но страстный борец, устоявший перед пытками, пишет в конце своей книги о взглядах граждан Города Солнца: «Человек свободен, и говорят, что если в течение сорокачасовой жесточайшей пытки, какою мучили одного почитаемого ими философа враги (т. е. самого Кампанеллу. — Г. Ф.), невозможно было добиться от него на допросе ни единого словечка признания в том, чего они от него добивались, потому что он решил в душе молчать, то, следовательно, и звезды, которые воздействуют издали и мягко, не могут заставить нас поступать против нашего решения»²⁶. Сквозь привычный для того времени рокот воли мистики, астрологии и католической схоластики впервые в истории идей утопического коммунизма слышен голос человека-борца. Это голос Томмазо Кампанеллы.

Мысль, которая заставила Мора и Кампанеллу взяться за перо, заключалась в том, что счастье людей немислимо, пока существует право частной собственности, пока каждый старается присвоить себе столько, сколько может, пока общественное богатство попадает в руки немногих, а массы народа обречены на нищету.

«Утопия» Мора и «Город Солнца» Кампанеллы — первые продуманные схемы организации общества без частной собственности, без эксплуатации. В этом их немеркнущее историческое значение. Даже допущение абстрактной возможности

²⁵ Там же, стр. 45.

²⁶ Там же, стр. 124.

²¹ Т. Кампанелла. Город Солнца. М., 1954, стр. 120.

²² Там же.

²³ Т. Кампанелла. Город Солнца. М.—Л., 1934, стр. 15.

²⁴ Т. Кампанелла. Город Солнца. М., 1954, стр. 50.

существования общества без частной собственности не могло не наталкивать мысль на анализ путей общественного развития, тем более что оба утописта постоянно проводили аналогию между настоящим и теми общественными порядками, которые должны быть.

Идеал прогресса

На великом историческом переломе от феодализма к капитализму мечта о справедливом общественном строе оставалась всего лишь мечтой; теории общественного развития, включающей решение вопроса о будущем человечества, еще не существовало и не могло существовать. Само понятие закономерного развития человечества тогда только еще возникало, вытесняя богословские представления о предопределенности судеб человеческого рода.

К XVII в. уже накопились значительные сведения по истории общества, много материала имелось не только об античном обществе, но и о племенах, живущих в условиях первобытнообщинного строя. Еще в начале XVI в. появились фундаментального характера сообщения об обычаях и нравах различных племен и народностей²⁷. В этих трудах довольно подробно говорилось о первобытном устройстве общества. Английские материалисты XVII в. использовали в своих работах описания быта и нравов племен, населяющих Америку, знали о племенном и родовом (патриархальном) быте. У Локка имеются ссылки на жизнь народов Бразилии, Перу, Африки. Немало в XVII—XVIII вв. вышло книг о «добродетельном дикаре», о счастливом быте людей, которые не знают еще государственной власти и богатства. Шел спор о том, добр ли человек от природы, или ему нужна жестокая узда власти и господства одних над другими²⁸. Для критики строя эксплуатации человечество располагало к тому времени историческим опытом первобытной общины и крестьянской общины, сохранившейся в эпоху средневековья. Именно этот опыт подсказывал образ общества, где будут господствовать крестьянская дележка и уравнилельные порядки, о которых мечтали вожаки крестьянских восстаний.

Прав был русский социолог прошлого века Максим Ковалевский, который писал о социальных порядках, отраженных в утопиях Мора и Кампанеллы: «Эти порядки, очевидно, весьма близки к тем семейным общинам, которые некогда известны

²⁷ P. Saintyves. Les origines de la méthode comparative et la naissance du folklore. Des superstitions aux survivances. «Revue de l'histoire des religions», t. CV, N 1, Paris, 1932.

²⁸ См. P. Ю. Буннер. Общественные учения и исторические теории XVIII—XIX вв. М., 1908, стр. 19—30.

были не одним только южным славянам под именем задруг, или общих куп, но и западноевропейским народам под разными названиями...»²⁹ Ковалевский указывает вместе с тем на «пристрастие» авторов утопий «к городу-республике или к федерации городов-республик»³⁰. Эти представления, несомненно, возникли благодаря знакомству с античной историей. Сложившиеся в то время феодально-абсолютистские государства не могли ни в коей мере вдохновлять ни Мора, ни Кампанеллу в их мечтах о совершенной организации общества. Передовые мыслители не видели путей к изменению этих феодально-абсолютистских государств, они переносили свои мечты о новом строе на далекие, затерянные в океане земли, где не надо было расчищать почву, убирать с дороги абсолютистские порядки, где не было всемогущих помещиков и алчных толстосумов с кошельками, полными червонцев.

Певцы восходящей буржуазии, наоборот, словословили частную собственность и воспевали государство — орудие в руках господствующего класса. Их теория общества, пожалуй, наиболее ярко была сформулирована Гоббсом: государство — «миротворящая власть», которая спасает людей от «войны всех против всех», от безначалия и полного беспорядка, выводит человечество из полуживотного состояния. Отказавшись от средневековых теорий «божественного» происхождения государственной власти, лишив политические учреждения ореола святости, идеологи буржуазии выступают на защиту неограниченного господства высших классов. Конечно, это был шаг вперед по сравнению с теориями «божественной» предопределенности политической организации общества и всего исторического процесса.

Поднимающаяся буржуазия, опираясь на накопленные к тому времени знания, сделала своим знаменем идею «естественного», не подчиненного божьей воле движения человечества вперед. Но конечной целью этого движения было буржуазное общество. Идея неизбежности устоев эксплуататорского общества и государства пронизывала труды Бодена, Гоббса и многих других. Мор и Кампанелла не мирились с этой мыслью, делая скачок от настоящего к мечте, противопоставляя настоящему свою утопию.

В начале XVIII в. идея закономерного развития общества блеснула в трудах неаполитанского философа Вико, который не желал славословить наступление века господства буржуазии, но и отказался мечтать о счастливом устройстве общества. Он оставил свою теорию общественного развития без буду-

²⁹ М. Ковалевский. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму, т. I. М., 1906, стр. 500.

³⁰ Там же, стр. 483.

щего. Во всемирной истории Вико выделил три основные ступени: период богов, период героев и период людей. Начальный период освещает мифология — летопись первых шагов культуры человечества; век героев — век эпоса, гомеровских сказаний, господства аристократии; век человеческий наступает после того, как народ становится сильнее и господству «благородного происхождения» приходит конец. Но за «веком человеческим» вновь следует упадок, и весь круговорот эпох повторяется снова.

Буржуазные историки общественной мысли не дали правильной оценки места и роли Вико. Много вздорного было написано об этом «загадочном» мыслителе, главное же для понимания умонастроения Вико при этом старательно замалчивалось. Каковы были исторические условия появления идей Вико? Италия — родина Вико — в то время клонилась к упадку, и он не стал певцом восходящей буржуазии, трубадуром капиталистической цивилизации. Итальянский мыслитель видел в истории не только прогресс, но и упадок.

С какой периодизацией истории, с какими представлениями об историческом процессе имел дело Вико? В кругах гуманистов появился термин «средние века» — промежуток времени, отделяющий античный мир от эпохи Возрождения, к которой принадлежали сами гуманисты. В XVI—XVII вв. такое деление истории приобретает все большее распространение, причем средние века считались периодом регресса, Возрождение же начинало собой «золотую эпоху». Впоследствии Вольтер говорил, что средневековье надо изучать лишь затем, чтобы его презирать. Уже в конце XVII в. появились сочинения, озаглавленные «Древняя история», «История средних веков от времен Константина Великого до взятия Константинополя турками» и «Новая история»³¹. В «Новой истории» на первых порах особое место отводилось Возрождению, главное внимание уделялось Италии и весь этот период считался веком ее славы. Но мыслящему итальянцу становилось ясно, что по крайней мере для Италии к XVIII в. этот период закончился и начались новые сумерки. Вставал вопрос, есть ли это лишь частная судьба Италии или бурно начавшийся именно в Италии поток света «век человеческий» вообще должен потеряться в сумерках.

Перед Вико встали две роковые загадки общественного развития. Как случилось, что человечество, шагнув от дикости и варварства к греко-римской цивилизации, затем заблудилось в варварском средневековье? Италия, привлекавшая в эпоху

Возрождения все передовые умы, гордо вступившая первой в «век человеческий», тоже клонилась к упадку? Почему, говоря другими словами, цивилизация XVII—XVIII вв., т. е. буржуазное общество, рождается с печатью грядущей гибели, острейших противоречий и явного несовершенства?

Вико был убежден, что наступивший «век человеческий» отнюдь не эпоха вечного процветания: права людей портятся, корысть и властолюбие усиливаются. Таким образом, за гранью этого века вновь проглядывает варварство, которое уже наступило однажды, сменив римскую цивилизацию. Критические размышления о «человеческом веке» ведут Вико не к мысли о новой, высшей ступени развития общества, которая должна сменить его «человеческий век», установив подлинное царство человека. Видя признаки варварства в наступившем «человеческом веке», Вико приходит к убеждению, что в этом периоде истории тоже заложены семена гибели и упадка. Это была новая мысль, одинокий голос, раздавшийся посреди всеобщего ликования по поводу вступления общества в «человеческий век». Но Вико не видит пути в будущее; история должна повернуть вспять. Следовательно, мечте Мора и Кампанеллы не суждено сбыться.

Однако просветители XVIII в., отражавшие взгляды поднимавшейся буржуазии, не считали возможным, чтобы история повернула вспять и вновь наступила эпоха упадка, и отставали идею безграничного прогрессивного движения человечества. Это общественное развитие, утверждали они, не божественный, а естественный процесс. Уже в XVII в. Спиноза учил, что человек есть часть природы, что разум повелевает человеку объединять свои усилия с другими людьми, что объединение людей в общество — естественный процесс, а государство — выразитель мощи объединившихся в нем людей.

В 1748 г. вышла книга Монтескье «Дух законов», которая с еще большей глубиной развивала идею естественных, природных причин существования и изменения государства и общества. Многие в судьбах человеческого общества Монтескье объяснял географическими условиями, характером почвы и климата. Вместе с тем Монтескье был глашатаем развития торговых связей между странами и народами, в изоляции отдельных племен он видел причины отсталости их культуры. Но Монтескье был еще далек от идеи социального развития, мысли его заняты политическими учреждениями, и в первую очередь государственной властью.

Идею безграничности развития человечества по-своему излагал Тюрго. Несвободный от некоторого влияния Макиавелли, он утверждал в «Рассуждении о всеобщей истории» (1751), что «благодаря смене возбуждения и спокойствия, добра и зла общая масса человеческого рода непрерывно идет к своему

³¹ См. В. Н. Лазарев. Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей». Сб. «Из истории социально-политических идей». М., 1955, стр. 137.

совершенству»³². Другой французский просветитель, Кондорсе, говорил о прогрессе, в силу которого человек способен «обогащать свой разум новыми истинами, культивировать свое познание, развивать свои возможности, учиться лучше их использовать для своего собственного благосостояния и для общего блага»³³.

Мысль о безграничности общественного прогресса была не чужда и немецкому просвещению, в частности такому мыслителю второй половины XVIII в., как Гердер, у которого впервые ясно видна идея, что общественное развитие есть процесс, корнями своими уходящий в природу. По мнению немецких просветителей, если в истории и была эпоха упадка — средневековье, то она все же послужила в конечном счете делу воспитания человечества. Воспитание, раскрытие духовных возможностей человека — такова суть всемирной истории, говорили они. Но вопрос о социальном прогрессе оставался в тени.

Идеализм был камнем преткновения для зарождающейся теории общественного развития. Метафизичность, прямолинейность сковывали представления об историческом процессе. Все просветители были согласны в том, что прогресс проявляется в успехах науки, просвещения, в гибели суеверий и предрассудков, которые уступают дорогу разуму, побеждающему тьму. Это основная идея теории общественного развития французских просветителей. Поколения мыслителей XVII—XVIII вв. показали, какое огромное значение для развития человечества имеют наука, знание, помогающие ему покорять природу. Они указали также на зависимость, которая существует между моральным и интеллектуальным прогрессом человечества, но свели дело к тому, что просвещение в конечном счете определяет и изменения в области этики.

Помимо духовного совершенствования прогресс, по их мнению, включает развитие политических учреждений. Эти учреждения, и в первую очередь государство, лишились средневекового ореола сверхъестественного, божественного происхождения. Они стали представляться делом рук человеческих, и вопрос о политическом развитии общества был поставлен в порядок дня. Но прогресс политической организации общества мыслители поднимающейся буржуазии связывали в конечном счете с просвещением, со смягчением нравов, с развитием интеллекта.

Что же касается понятия социальной организации общества, то у просветителей XVIII в. оно совпадало с понятием политической организации, с государством. В этот период еще

только начинают появляться представления о «гражданском обществе» — так все чаще стали называть социальную организацию, но четкого представления о социальной структуре еще не существовало и термин «гражданское общество» оставался крайне расплывчатым. Основной вопрос общественной теории — о возникновении эксплуатации человека человеком и его судьбе в развитии общества — не был поставлен, в результате чего оставалось огромное количество нерешенных проблем, не укладывавшихся в схему прямолинейного прогресса.

Именно в то время и раздался предостерегающий голос одного из великих просветителей XVIII в. — Жан-Жака Руссо. В своей первой диссертации, представленной в Дижонскую академию, он выступил с резкой критикой культуры и цивилизации, которые, по его мнению, отнюдь не означали для человечества одних благодеяний. Богатство — великое зло, а наука и искусство порождаются богатством, роскошью. В рассуждениях Руссо вновь слышатся отголоски легенды о «золотом веке», лежащем позади нас, о «счастливом дикаре», отголоски идеализации давно минувших эпох.

Пример Руссо показывает, что буржуазная теория прямолинейного прогресса вновь наталкивалась на подводные камни. Если действительность есть прогресс, то почему он несет с собой господство сильных, подавление слабых? Может ли человеческое общество вырваться из цепких лап социальной несправедливости? От этих вопросов теории общественного развития уйти было некуда.

Призыва вернуться назад, к «золотому веку», у Руссо нет. «Так что же? — пишет он. — Значит нужно разрушить общество, уничтожить различие между моим и твоим, вернуться в леса и жить там вместе с медведями?»³⁴ На этот вопрос Руссо не мог ответить положительно. Он считал, что нужно идти вперед, а не назад, для того чтобы решить трудную задачу, поставленную историей. Но куда и как идти? Единственный ответ, который может дать Руссо, вглядываясь в будущее, — это совершенствование политической организации буржуазного общества, установление буржуазно-демократической власти.

Правда, Руссо иной раз говорил о таком государстве и обществе, которые, как он выражался, были бы «лучше организованы». В сочинении «Об общественном договоре» Руссо писал: «Чем лучше государство организовано, тем более в сознании граждан общественные дела преобладают над частными. Частных дел остается меньше, потому что из суммы общего блага предоставляется более значительная часть для благосостояния каждого индивидуума и ему меньше надо предаваться частным

³² H. Becker and H. A. Barnes. Social Thought from Lore to Science. 1, 2 ed., p. 413.

³³ Там же, стр. 474.

³⁴ Ж.-Ж. Руссо. О причинах неравенства. СПб., 1907, стр. 129.

заботам» (кн. III, гл. XV). Подобные идеи, справедливые и глубокие, повлияли на последующих мыслителей, интересовавшихся вопросами общественного развития, его тенденциями и перспективами. Но ни Руссо, ни его последователи не знали, что надо сделать для того, чтобы создать изобилие «общественных благ», из которых бы черпал каждый индивидуум, забывая свои «частные заботы». Уже Мор и Кампанелла пришли к мысли, что этого нельзя достичь без установления общественной собственности. Но и они не знали, как приведет к этому исторический процесс и вообще приведет ли он к этому. Такой вопрос по существу и у них оставался без ответа. Руссо считал, что для блага людей достаточно избежать крайностей — богатства и нищеты, частная собственность должна быть распределена равномерно. Это был несбыточный идеал мелкой буржуазии. Следовательно, важнейший вопрос — вопрос об эксплуатации, о частной собственности и ее судьбе — не был поставлен Руссо и его последователями.

Общественная мысль буржуазии XVIII в. не хотела задерживаться на проклятых вопросах об уничтожении социальной несправедливости. Последователи Руссо видели выход в пропаганде абстрактного, формального буржуазного равенства и свободы. Изменение политических учреждений — вот ключ к решению всех вопросов. Эти идеи вдохновляли многих деятелей французской революции 1789 г. Идеологи буржуазии на разные лады славословили ее «тысячелетнее царство», называя его эрой свободы, равенства и даже братства. Они заявляли, будто новый строй несет неизменное счастье человеческому роду, истомившемуся в тенетах феодализма, средневековья. Когда будут разрушены гордые и неприступные замки феодалов и епископов, когда будут засыпаны глубокие рвы и сравняются с землей стены, которые их окружают, наступит братство среди людей. Достаточно уничтожить чудовищные привилегии феодально-абсолютистской знати, причислившей себя к небожителям, и среди людей установится равенство. Ведь все, кроме духовенства и феодально-абсолютистской знати, принадлежат к одному и тому же «третьему сословию». Люди очень богатые, например откупщики, связали свою судьбу с феодально-абсолютистской знатью, вошли в ее ряды, уничтожение привилегий коснется и их. А от буржуазии, которая еще не имела возможности показать свое подлинное лицо, не ждали больших бед для трудящегося люда, ее не выделяли из общего понятия «народ». Поскольку вопрос об эксплуатации человека человеком не ставился со всей остротой, постольку и представления об общественном развитии и его перспективах были расплывчаты и туманны.

На деле буржуазные лозунги свободы означали лишь свободу частного предпринимательства, уничтожение прав, выте-

кающих из феодального владения землей, а лозунги равенства — лишь провозглашение формальных прав, которыми рабочие и трудовое крестьянство не имели никакой реальной возможности воспользоваться.

В истории общественной мысли XVIII век был одним из важнейших периодов. Буржуазия готовила шторм народными массами устоев феодального строя под знаменем прогресса, утверждая, что новый общественный строй, который сменит феодализм, будет отвечать требованиям разума и исторической справедливости. Значение этой идеи состоит в том, что она предполагала возможность, необходимость, закономерность преобразования общественных порядков. Этой идее принадлежало будущее. Она была первым значительным успехом зарождающейся теории общественного развития, который неотделим от исторической, революционной деятельности масс. Вся последующая история социальной мысли состояла в том, что в ходе классовой борьбы были развеяны иллюзии о способности капитализма установить свободу, равенство и братство на земле, был открыт путь к действительному торжеству прогресса и социальной справедливости.

Глава вторая

ПРЕДВЕСТНИКИ ВЕЛИКОГО БУДУЩЕГО

Однако и в XVIII в. наиболее смелые умы общества, вышедшие из недр феодализма, стремились заглянуть далеко вперед, за пределы того периода, который становился исторической действительностью. Рассуждая о свободе, равенстве и братстве, о возможности изменения общественных порядков, эти мыслители снова поднимали вопрос о возможности уничтожения эксплуатации человека человеком, о ликвидации классового неравенства. Их воображению вновь и вновь рисовался иной общественный строй, который уничтожит извечное деление на бедных и богатых, на имущих и неимущих. Когда готовились буржуазные революции в Англии и Франции, когда в движение пришли крестьянство и плебейские элементы городов, которые придавали размах и силу этим революциям, настроения и чаяния революционизирующихся масс народа не могли не влиять на наиболее передовые умы того времени. Для теории общественного развития, для поисков путей исторического прогресса это имело огромное значение. Эти мыслители как бы говорили: уж если суждено появиться новому обществу, о кото-

ром говорят кругом, если оно должно отвечать требованиям человеческой природы, то надо идти дальше, чем предлагают многие сторонники этого нового общества.

Коммунисты-утописты XVIII в.

Одним из таких смелых умов XVIII в. был французский писатель Морелли. Как хорошо говорит академик В. П. Волгин, Морелли в своей утопии использует новую форму «готовых, разбитых по статьям проектов законов»¹. В этом своеобразии сказан тот исторический период, который отделяет утопию Морелли от утопий Мора и Кампанеллы. Наступило время великих социальных и политических перемен, и мыслители начинали облекать свои мечты в форму законодательных актов, обеспечивающих преобразование общества.

В. П. Волгин справедливо видит у Морелли первоначальную формулировку одного из основных принципов социализма — каждый должен по способностям трудиться на общее благо. Что касается принципа распределения, то Морелли склоняется к мысли о необходимости распределения по потребностям. В. П. Волгин отмечает, что эта мысль сквозит также в утопиях Мора и Кампанеллы. Таким образом, гуманизм, начавший свою историю с требования освободить личность человека от феодальных пут, неизбежно пришел к новому требованию: личность человека должна иметь возможность развивать свои способности, приносить их на общее благо и удовлетворять свои потребности. Если не будет простора для проявления способностей человека, если не будут удовлетворяться его потребности, то о развитии личности не может быть и речи. Это был логически необходимый этап в развитии гуманизма.

Общественная мысль вплотную подошла к формулировке одного из важнейших принципов коммунизма, коренного требования социальной справедливости. Но не решен был вопрос: когда и в результате чего наступит новый общественный строй, законом которого будет труд каждого по его способностям и распределение по потребностям?

Споры о коммунистическом обществе не вышли еще из сферы умозрительных абстракций: одни говорили, что коммунизм логически невозможен, ибо противоречит природе человека, другие стремились поколебать эту точку зрения, утверждая, что такой строй возможен, допустим, что он соответствует требованиям социальной справедливости и природе человека. Морелли, наоборот, доказывает, что частная собственность испортила и извратила природу человека. Пройдя через своеобразное

грехопадение — установление частной собственности, люди осознают свои ошибки и должны затем вернуться к порядкам «золотого века».

Несмотря на умозрительный характер, эти споры представляли необходимый этап в подготовке новых взглядов на исторический процесс, на важнейшие проблемы общественного развития человечества. Мечта о социальной справедливости, об уничтожении эксплуатации ярко вспыхивала и в сознании народных масс, например в ходе английской революции XVII в. у диггеров — «конателей», мечтавших об общинном землевладении. Старая феодально-абсолютистская монархия рухнула, была создана новая, революционная власть. Все говорило о наступлении времени больших перемен. И трудящиеся надеялись, что с падением абсолютизма настанет их социальное освобождение. Это была лишь абстрактная возможность, а реальные условия для ее воплощения отсутствовали. Но в развитии социальной мысли человечества был взят важный рубеж. Идея революции, представление о возможностях революционной власти и идея социальной справедливости все более сближались.

В ходе английской революции выявились два наиболее радикальных течения: левеллеры — «уравнители» — выступали за политическое равенство; диггеры боролись за обобществление земли, за предоставление земли народу на началах общественной собственности. Это движение возникло еще в начале XVII в. Крестьяне, уничтожавшие изгороди и каналы — знаки частной собственности на общинной земле, обратились еще в 1607 г. с воззванием, в котором говорилось: «Захватчики-тираны перемалывают наше мясо на жернове бедности для того, чтобы они могли жить сами по себе среди своих стад жирных баранов. Они обезлюдил и уничтожили целые селения, обратили их в пастбища, несколько не выгодные для нашего государства»². В более или менее законченную систему взгляды диггеров были превращены уже позже, в ходе революции.

Вождь этого движения Уинстенли в своем произведении «Закон свободы» (1652) рисовал общество, в котором «все плоды трудов хозяйственников и ремесленников внутри страны и доставленные навигацией из других стран будут предназначены для общих запасов»³. Из этих общественных складов продукты будут выдаваться «каждому по потребности». «Так как каждый работает для пополнения общих запасов, то каждый будет свободно пользоваться любым предметом со склада для своего удовольствия и обеспеченной жизни, без купли и продажи и без

² С. И. Архангельский. Движение крестьянской бедноты в графстве Норсептон в первой половине XVII в. Сб. «Из истории социально-политических идей», стр. 209.

³ Д. Уинстенли. Закон свободы. Избранные памфлеты. М.—Л., 1950, стр. 326.

¹ В. П. Волгин. Коммунистическая теория Морелли. См. книгу Морелли «Кодекс природы или истинный дух ее законов». М.—Л., 1956, стр. 36

всякого ограничения»⁴. В республике восторжествует общественная собственность. Характерно, что Уинстенли, так же как и Морелли, только на сто лет раньше его, придает своей утопии форму проекта мероприятий, которые следует осуществить власти, рожденной революцией⁵. Утопизм Уинстенли сказывается в том, что он надеется осуществить все эти мероприятия с помощью правительства Кромвеля. В утопии Морелли, однако, вообще не было ясно, с какой государственной властью связывает он свои надежды на новые законы. Но и тот и другой хотел с помощью законодательных актов заставить общество прыгнуть от феодально-абсолютистских порядков к осуществлению общинно-коммунистических принципов. Конечно, такой прыжок можно было проделать только с помощью фантазии. Уинстенли надеялся, что крушение феодально-абсолютистских порядков в Англии полностью расчистило почву для коренных социальных преобразований. По мере того как Франция приближалась к решительным боям за свержение феодально-абсолютистских порядков, эта уверенность появилась и там. Теория общественного развития, его закономерных этапов, его движущих сил еще не созрела. Первые проблески мысли о коренном перевороте в жизни общества, как зарницы, занимались и потухали.

Утопия Уинстенли важна для нас тем, что она была непосредственно связана с революционной борьбой масс. И во Франции XVIII в. наступает новый этап в развитии общественной мысли, и там все более ярко проступает эта связь утопических коммунистических идей с революционной борьбой масс за свержение феодально-абсолютистского строя. Сельский священник Жан Мелье, видевший своими глазами нищету, безжалостную эксплуатацию и бедствия масс французского крестьянства, изложил в своем «Завещании» коммунистические мечты о новом строе без угнетателей и угнетенных. Мелье считает, что без революционной борьбы нельзя расправиться со строем частной собственности, угнетения и несправедливости, когда ничтожная кучка богатееров господствует над трудовым народом.

В работе о народных истоках мировоззрения Мелье профессор Б. Ф. Поршнев справедливо отмечает, что «все народные волнения, бунты, восстания, при всей безмерной нестроте их поводов и обстоятельств, разыгрывались вокруг вопросов собственности, по поводу собственности...». Автор указывает далее, что в этих бунтах «трудно представить хоть одного участника погрома дома габелера или замка сеньора, который бы сам считал себя грабителем, который не искал бы оправдания своих

действий перед самим собой и своими ближними в представлениях, пусть смутных, о несправедливости, незаконности происхождения этих богатств, которые сами награблены у него и т. д.»⁶. Эти смутные чувства и разрозненные мысли были систематизированы и развиты Мелье. Поршнев подчеркивает, что при всей стихийности и негативности народных стремлений в них проскальзывает идея победы народного восстания, свержения существующей власти и установления власти народа. Эта идея была выражена и развита Мелье. В крестьянских восстаниях налицо факт «нарушения глубочайшего церковно-религиозного запрета — запрета восставать». Эти антицерковные, антирелигиозные настроения были на материалистической основе развиты Мелье, который пришел к атеистическому мировоззрению.

В эпоху французской буржуазной революции XVIII в. был сделан дальнейший важный шаг в развитии социальной мысли и действия. Вывод, что для установления коммунистического общества и господства справедливости нужна революция, был значительно обогащен и развит. Появилась мысль о революционной диктатуре. Диггеры связывали свои мечты о социальной справедливости с диктатурой Кромвеля. Французские революционеры уже простились с подобными иллюзиями. Об установлении революционной диктатуры, которая означала бы реорганизацию общества на коммунистических началах, мечтали сторонники Гракха Бабёфа, выражавшего чаяния предпролетариата, парижской бедноты, плебейских элементов города.

В «Манифесте», написанном поэтом и философом Сильвеном Марешалем от имени группы «равных», говорилось: «Французская революция только предтеча другой, более великой и более величественной революции, которая будет уже последней». «Равенство было не чем иным, как красной и бесплодной юридической фикцией», теперь встает задача добиться фактического равенства, говорили бабувисты. Эта мысль о другой, будущей революции имела огромное значение. Что революция 1789 г. породила «новых богачей», что она не добилась социальной справедливости, это видели уже «бешеные». Одни из участников этой группы заявляли: «Место дворянской и священнической аристократии заняла буржуазная и торговая»⁷. Таким образом, надежда на то, что уничтожение привилегий духовенства и дворянства приведет к господству «народа» и к равенству, была уже подорвана «бешеными». Но они не делали из этого тех радикальных выводов, к которым пришли затем бабувисты.

⁴ Д. Уинстенли. Закон свободы. Избранные памфлеты. М.—Л., 1950, стр. 326—327.

⁵ См. М. А. Барг. Социальная утопия Уинстенли. Сб. «История социалистических учений». М., 1962, стр. 58—88.

⁶ Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье. Сб. «История социально-политических идей», стр. 221—222.

⁷ См. М. Захер. К вопросу о значении взглядов «бешеных» в предистории социалистических идей. Сб. «История социалистических учений», стр. 136.

Первое требование, выдвинутое группой «равных», гласило: «Долой частную собственность на землю, земля ничья». «Равные» заявляли, что люди могли бы «удовлетвориться одинаковым количеством пищи одного и того же качества»⁸. Основные идеи бабувистов сводились к тому, что революция еще не кончена; надо готовить новый революционный переворот, захват власти; предстоит осуществить фактическое равенство, труд должен стать уделом всех членов общества, не должно быть ни богатых, ни бедных, никто не может присваивать себе земельную и промышленную собственность.

Как отметил академик В. П. Волгин, «подчеркнуто централистический характер имели проекты бабувистов, первой революционной группы, провозгласившей целью революции осуществление коммунизма»⁹. В их программе имелись такие положения: 1. Объединить все ныне существующие богатства в руках республики. 2. Заставить трудиться всех работоспособных граждан, каждого в соответствии с его способностями и свойствами ему привычками»¹⁰. Волгин пишет, что долгое время для проектов социального переустройства было характерно, что «хозяйственной единицей и распорядителем общей собственности является небольшая хозяйственно независимая община»¹¹. Мы говорили уже о данной идее применительно к утопиям Мора и Кампанеллы. Бабувисты отбрасывают это старое представление и говорят об общественной собственности в масштабе республики, целого государства.

Так в ходе французской буржуазной революции XVIII в. уже возник образ другой, более великой революции, которая установит социальную справедливость на земле. В результате переворота должна быть установлена революционная диктатура. Но участники группы «равных» думали, что эту великую революцию немедленно может начать кружок заговорщиков. Какие классы должны осуществить эту революцию, какова будет классовая природа новой революционной власти — обо всем этом имелись лишь туманные представления.

На самом же деле долгий путь вел к этой величайшей революции. На этом пути должен был сформироваться класс, который в состоянии во главе трудящихся масс совершить социалистическую революцию. Должен был сформироваться авангард этого класса — партия, которая способна вести класс на великие битвы и победы. Должна была возникнуть теория, которая показала бы путь революционного переустройства общества.

⁸ См. *Ф. Буонаротти. Грахх Бабёф и заговор равных*. П.—М., 1923, стр. 70—72.

⁹ В. П. Волгин. Наследие утопического социализма. Сб. «История социалистических учений», стр. 10.

¹⁰ Там же, стр. 17.

¹¹ Там же, стр. 9.

Ничего этого в XVIII в., в эпоху французской буржуазной революции, не было. И все же идеи «равных» Бабёфа сыграли огромную роль в истории социальной мысли. В. И. Ленин, конспектируя работу Маркса и Энгельса «Святое семейство», так передает одно из положений, выдвинутых в этой работе: «Французская революция породила идеи коммунизма (Бабёф), которые при последовательной разработке содержали идею нового Weltzustands (мирового порядка. — *Ред.*)»¹².

Если подытожить некоторые важные мысли об общественном развитии, которые были достижением XVIII в., то среди них помимо теории прогресса надо отметить следующие. В начале истории был общественный строй, который не знал частной собственности. Этот строй господства общественной собственности соответствует велениям природы. Раздел имущества был величайшим злодеянием в истории человечества. Только равенство отвечает природе человека и создает условия для нормального развития людей; неравенство их вредит и губит. Частная собственность — причина всех бед. Это важное положение теории общественного развития было установлено, но оставалась загадка, сформулированная еще Руссо: века господства частной собственности принесли благо цивилизации, искусство, науку, культуру. Человечество не может вернуться вспять и жить с медведями, как говорил Руссо. Не остановит ли отмена частной собственности это движение вперед культуры и цивилизации? Утописты-коммунисты считали, что новый строй может возникнуть на основе «священной бедности». Вопрос о развитии, об умножении общественного богатства, которое должно полииться могучим потоком, еще не стоял. Только изучая развитие экономики, производства, можно было подойти к правильному ответу на этот вопрос. Важнейшие, коренные вопросы общественного развития, следовательно, в XVIII в. не были разрешены и даже казались неразрешимыми.

В наследие новому веку, родившемуся после французской буржуазной революции, осталась мечта об общественном строе, который осуществит принцип «каждый по способностям, каждому по потребностям». К этому строю в действительности нет прямого пути, говорил аббат Мабли, надо проводить лишь частичные реформы, ограничивающие непомерную частнособственническую жадность. Этот строй можно ввести сразу с помощью революции и революционной диктатуры, утверждали участники «заговора равных». Передовой мысли XIX в. предстояло разобраться и в этом вопросе и сказать свое мнение о судьбе человечества.

Не случайно Мабли одно из своих главных сочинений назвал «Сомнения, предложенные философам и экономистам относи-

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 27.

тельно естественного и основного порядка политических обществ» (1768). Мабли ставил вопрос о том, как можно от порядков современных ему политических обществ перейти к порядкам, основанным на общественной собственности и коммунистическом уравнительном распределении. Он не сомневался, что именно такой порядок соответствует природе человека и от него ведет свою историю человеческое общество. Человечество совершило глупость, начав раздел земли и введя частную собственность, вырыв пропасть между имущими и неимущими.

Мабли признает право угнетенных восстать «в защиту прав человечества», право на революцию. Он пишет: «Кто не видит, что наши общества разделены на различные классы людей, которые по причине существования у них земельной собственности, по причине жадности и тщеславия имеют интересы, не скажу разные, но противоречивые?» При этих противоречивых интересах имущих и неимущих «как возьметесь вы заставить людей, у которых нет ничего, т. е. громадное большинство граждан, поверить, что они, очевидно, живут в таком государственном строе, где они могут найти *наибольшую сумму наслаждений и счастья?*»¹³ Эта мысль о «наибольшей сумме наслаждений и счастья» как идеале коммунизма выделяет Мабли среди других утопистов-коммунистов, которые думали о строе, удовлетворяющем в равной мере минимальные потребности всех.

Мабли пытается ответить и на вопрос, как достичь «золотого века». Он считает, что века господства частной собственности слишком развратили людей, чтобы можно было сразу подчиниться законам природы и непосредственно ввести коммунистические порядки. Активные и повелительные страсти пробуждаются частной собственностью, и с ними нельзя не считаться.

Для того чтобы воспитать потребности людей, нанести удар по страстям, порожденным частной собственностью, надо регулировать право наследования, провести аграрную реформу, ограничив право владения землей, создать демократическую республику. В этом Мабли в известной мере близок к мысли Руссо. Но Мабли идет дальше Руссо: новое в его трудах заключалось в том, что свою демократическую республику, осуществляющую частичные реформы, Мабли поставил как промежуточное звено между миром безудержного господства частной собственности и коммунистической утопией. И в своей утопии он постарался ответить на возражение, выдвинутое противниками, в частности физиократами, утверждавшими, что частная собственность является единственным могучим стимулом, побуждающим людей к труду. «Именно земледельцев, поля которых будут наиболее плодородными, — писал Мабли, — я поощрял бы к соревнованию *вознаграждением* (курсив наш. — Г. Ф.); пасту-

ха, стадо которого было бы наиболее здоровым и плодовитым; охотника, самого ловкого и наиболее выносливого в том, чтобы выносить трудности своей профессии и изменения погоды; ткача, наиболее трудолюбивого; женщину, занятую всего более домашними обязанностями; отца семьи, наиболее внимательно к воспитанию в семье гражданских обязанностей, и детей, наиболее послушных на уроках и наиболее старающихся подражать добродетелям своих отцов»¹⁴. Мабли решительно критиковал книгу физиократа Мерсье де ла Ривьера «Естественное и необходимое состояние обществ», в которой проповедовалось «естественное неравенство» людей как результат различных способностей и жажда к стяжательству объявлялась единственным стимулом к трудовой деятельности человека.

Но Мабли еще не задумывается над проблемой оплаты членов нового общества в зависимости от количества и качества их труда, он стоит на позициях уравнительного коммунизма. И все же идея вознаграждения обществом особо отличившихся в труде на общее благо была предвестницей идеи социалистов-утопистов XIX в. о труде по способностям и об оплате по труду. Это было зерно, которое упало на плодородную почву. Пройдут еще десятилетия, пока над этой же проблемой будут раздумывать Сен-Симон и Фурье, пока сен-симонисты не сформулируют отчетливо принципа социализма: «от каждого по способностям, каждому по труду». Попытка Мабли найти такую форму общественной жизни, которая подготовляла бы коммунизм, также имела большое значение. Социальная мысль XIX в. должна была ответить на вопрос, поставленный Мабли, оставшийся у самого автора «Сомнений...» неразработанным. Действительно ли путь длительных реформ, как это думал Мабли, должен привести человечество к новому строю? Сен-Симон и Фурье, каждый по-своему, последовали за Мабли. Но была и другая дорога, которую предстояло открыть. Энгельс высоко оценивал Мабли. Говоря в «Анти-Дюринге» о коммунистических теориях XVIII в., он упоминал лишь имена Морелли и Мабли. Это были умы, прокладывавшие дорогу социальной мысли XIX в.

Мечта о прочном мире

У Мабли, пожалуй одного из первых, мечта о социальном переустройстве общественной жизни сочетается с мечтой о прочном мире между народами. Мабли провозглашает мир «естественным состоянием» людей, а частную собственность и возникшие вместе с ней корыстные интересы считает источником грабительских, захватнических войн. Его демократическая респуб-

¹³ См. С. Сафронов, Политические и социальные идеи Мабли. Сб. «Из истории социально-политических идей», стр. 252—253.

¹⁴ Г. Мабли. Избранные произведения. М.—Л., 1950, стр. 198—199.

лика является основой прочного мира, а наступательная война рассматривается как преступление. Разрешается только оборонительная война, вызванная нападением врага, тогда республика призывает к оружию всех своих граждан и пробудит в них высокую воинскую доблесть. Вообще же внешняя политика демократической республики Мабли определяется коренными интересами ее граждан и направлена на мирные отношения с другими государствами. Это был новый этап в развитии представлений о прочном мире¹⁵.

Мечта об установлении на земле прочного и длительного мира зародилась еще в средние века в феодальной Европе, которая постоянно была ареной кровавых схваток феодалов. Тогда возникли мечты и планы о прекращении этих распри. А заодно возникла мысль: нельзя ли вместе с набегами феодалов похоронить и войны вообще? Именно это стремление было связано с появлением на Западе идей установления международного порядка, с выработкой норм международного права.

Что касается официальной, господствующей точки зрения, то католическая церковь в сущности предлагала относиться к войне либо как к неизбежному злу, либо как к благу — в обоих случаях нити, ведущие к войне, находились в руках божьих и войны в конечном счете объяснялись божьим промыслом. Милость божья, по мнению блаженного Августина, помогала римлянам вести их захватнические войны¹⁶. Предложение похоронить войны по воле людей политическими средствами при всей утопичности играло освободительную роль в развитии социальной мысли.

Средневековье породило первый, по мнению ряда историков, проект своеобразного политического объединения европейских государств. Этот проект относится к XIII в., к периоду крестовых походов. Автор его юрист Пьер Дюбуа заявлял, что христиане не должны вести войны друг с другом. Он предлагал создать объединение своих правителей во главе с советом, в который должны входить духовные и светские феодалы. Этот совет выбирает делегатов, уполномоченных мирно разрешать конфликты; в случае неудачи в дело вступают арбитры, в числе их папа, которые могут ввести в действие санкции против непокорных. В XV в. Марини, развивая эти же идеи, считал необходимым создание некоего международного суда для разбора конфликтов. Это были по существу проекты создания союза европейских государств под идейным и политическим влиянием католической церкви. Мечты о мире в этих проектах отражались лишь косвенно, в своеобразном преломлении политического со-

знания некоторых правящих кругов средневековья. Все же в этих проектах видны и первые попытки ввести в обиход нормы международного права и избавиться от господства кулачного права, от постоянных кровавых стычек феодалов¹⁷.

В XVI в. Витория и Суарес полагали, что ведение войны законно лишь в том случае, если мирные средства исчерпаны. Оба они были испанскими юристами и монахами, в их работах заметны идеи «естественного права». Они призывали вернуться к некоему «естественному порядку» во взаимоотношениях между людьми и между народами¹⁸. Не порывая с понятиями, порожденными феодально-абсолютистскими порядками, они, однако, считали необходимым смягчить их, несколько ограничив произвол самодержавия.

В XVI в. гуманисты подняли свой голос против войны. Друг Томаса Мора виднейший гуманист Эразм Роттердамский в 1515 г. выпустил сочинение под характерным заглавием: «Война сладка тем, кто ее не испытал». Эразм отправляется от понятия «человеческого» отношения людей друг к другу, дает критику войны с позиций гуманизма. В другом своем произведении, «Жалоба мира» (1517), он пишет: «Война — первопричина всех бед и зол, бездонный океан, поглощающий все без различия. Из-за войны все цветущее загнивает, все здоровое гибнет, все прочное рушится, все прекрасное и полезное уничтожается, все сладкое становится горьким»¹⁹. У Эразма мы видим осуждение войны и с позиции социальной справедливости: «Теперь государи начинают войны и остаются в безопасности, их военачальники становятся великими людьми, огромная же часть всех бед и потерь падает на плечи земледельцев и простого народа, который не думал о войне и не давал к ней никакого повода»²⁰. Он пишет гневно и обличительно: «Большая часть народа ненавидит войну и молит о мире. Лишь немногие, чье благополучие зависит от народного горя, желают войны». Эразм призывает: «Поймите, какая огромная сила таится в согласии множества, противостоящего тирании»²¹.

Однако эта идея не становится у Эразма Роттердамского ведущей: не воля и сила народа положат конец войнам, а мудрость государя. Практические мероприятия, предупреждающие войны, должны в первую очередь включать различные меры, направленные к устойчивости границ, во-вторых, к устранению всяких династических споров и претензий. Но главное — это моральное осуждение войны. «Пусть все люди поднимут против нее свои голоса!» — восклицает Эразм.

¹⁷ G. Bouthoul. Les Guerres. Eléments de polémologie. Paris, 1951, p. 482.

¹⁸ «Les doctrines politiques modernes». New York, 1947, p. 81—83.

¹⁹ См. «Трактаты о вечном мире», М., 1963, стр. 40.

²⁰ См. там же, стр. 55.

²¹ См. там же, стр. 65.

¹⁵ См. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли. Сб. «Из истории социально-политических идей», стр. 258.

¹⁶ См. Н. Голубцова. Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V вв. Сб. «Из истории социально-политических идей», стр. 70—71.

В XVII в. Эмери Крюсе написал «Новый Киней» — сочинение о «средствах установления всеобщего мира и свободе торговых сношений для всего света». Эта книга, вышедшая в 1623 г., безоговорочно осуждала войны. Автор особенно решительно выступал против феодального понятия «чести», которое становится «ничтожной вещью, если ее следует покупать ценой кровопролития». Не от феодального понятия «чести» отпавляется автор в своих рассуждениях о войне. Его заботит другое: развитие торговли, рост богатства. Люди должны заниматься полезными делами, прокладывать дороги, рыть каналы, делать все, что может облегчить торговые сношения. «Война не платит», пишет Крюсе, она не приносит доходов, для нее нет законных причин и поводов. Утопический проект автора предусматривает создание ассамблеи государств, в которую войдут правители не только европейских государств, но и Китая, Японии, Персии, татар, а также «Великого Могола». Эта ассамблея сначала действует с помощью «мягкости», а в случае необходимости и силой²². Аргументация изменилась, но рецепты достижения прочного мира остались прежние.

Гуманистические идеи всеобщего мира в XVII в. более подробно развил и обосновал великий чешский мыслитель Ян Амос Коменский (1643—1670), которого также волновала эта идея объединения государств. Он составляет огромный трактат, основная мысль которого — искоренение всякой бесчеловечности. В основу подлинно человеческих отношений должны лечь три принципа: во-первых, принцип, который осуждает взаимные ссоры, раздоры и обиды среди людей; во-вторых, принцип, запрещающий силой навязывать другим людям свои философские, богословские и политические идеи; в-третьих, принцип общего согласия в том, что хорошо для всех. Коменский мечтает о том, чтобы разлады среди людей прекратились в трех основных сферах: в философии, религии и политике. Он считает, что в каждом королевстве или республике должны существовать «стражи мудрости», «стражи веры» и «стражи мира». Один достойнейший должен быть выбран в каждой из этих сфер в Европе, в Африке и т. д. Государства, как пишет Коменский, «должны стать подлинным звеном, связующим воедино человеческое общество», надо добиться, чтобы человеческое общество «в своих многосторонних связях и отношениях не поступалось законами мудрости»²³. Идея общественной связи впервые с такой яркостью изложена в истории социальной мысли, хотя, конечно, ее автор очень далек от того, чтобы видеть основу этих общественных связей. Его утопический проект всеобщего мира, вклю-

чающий создание различных межгосударственных советов, как бы завершает «звенья общественной или личной безопасности». «Целью человеческого общества, — пишет Коменский, — является всеобщий мир и безопасность». Коменский первый, насколько нам известно, предложил «запретить оружие... ружья следует применять против хищников... пушки надо бы перелить на колокола»²⁴.

С позиций правовых, заботясь также о развитии торговли и экономическом процветании стран, обосновывает идею прочного мира в Европе американский квакер Вильям Пенн (1644—1718), имя которого носит и поныне Пенсильвания в США. Пенн считает, что в Европе должна существовать упорядоченная «система государств». Без этой идеи не могут существовать никакие международноправовые нормы. Но как реализовать эту мысль, как добиться того, чтобы Европа стала не конгломератом, а «системой государств»? Пенн детально разрабатывает проект создания «палаты государств» — верховного межгосударственного учреждения, которое положит конец не только всем войнам, но даже шпионажу и всякому недоброжелательству между европейскими странами.

Утопическую идею прекращения войн с помощью создания союза всех европейских государств, которые остаются по своей природе феодальными, унаследовал и XVIII век. В 1713—1717 гг. эту идею изложил аббат де Сен-Пьер в своем «Проекте вечного мира в Европе». В основе его проекта лежит стремление прекратить войны, которые ведут феодально-абсолютистские силы. С этой целью надо провозгласить неприкосновенность границ европейских государств, как они сложились к 1713 г. «Все государства будут всегда иметь те же границы, которые они имеют в настоящее время, никакая территория никакого государства не может быть расчленена, и никакая другая не может быть добавлена в силу наследования, пактов, заключенных между различными домами, выборов, дарения, деления, продажи, завоевания, добровольного изъявления покорности подданными или по-другому»²⁵. Нельзя не видеть, что автор разобрал здесь все поводы к войнам, которые вели феодально-абсолютистские государства. Это был утопический проект абсолютной стабильности международных отношений и на этой основе полной ликвидации произвола властителей. Но вместе с этим ученый аббат полностью отрицал и всякий суверенитет, всякую волю народа.

Государственные деятели феодально-абсолютистского режима открыто издевались над проектом мечтательного аббата. Прусский король Фридрих II, например, писал Вольтеру: «Это

²² G. Bouthoul. Les Guerres. Eléments de polémologie, p. 483.

²³ См. «Трактаты о вечном мире», стр. 78.

²⁴ См. там же, стр. 80.

²⁵ G. Bouthoul. Les Guerres. Eléments de polémologie, p. 486.

вещь в самом деле возможная, не хватает только одного: согласия Европы и других безделиц в том же роде»²⁶.

Следует заметить, что идея такого военно-политического объединения феодально-абсолютистской Европы все больше приобретала оттенок, весьма далекий от мечты о всеобщем мире на земле. Она стала обоснованием военных союзов, направленных против стран Востока. Так представлял себе «европейскую организацию» французский политический деятель XVII в. Сюлли. К этой же мысли склонялся и немецкий философ Лейбниц²⁷.

Итак, вопрос об установлении мира политическими средствами был тесно связан с вопросом о той политической силе, которая может поддержать порядок на международной арене, исключив возможность перерастания конфликтов в кровопролитные войны.

Вначале политические мыслители думали, что возникновение могучих феодально-абсолютистских государств, усиление власти императора, короля положит конец произволу сеньоров, ограничит их возможности и приведет к установлению мира в истрадавшейся Европе. Но, как пишет французский социолог Бутуль в своей книге «Войны...», «ослабления и исчезновения феодалов было недостаточно для того, чтобы положить конец европейским войнам. Из праха средневековых конфликтов возникали большие войны, которые вели могущественные короли»²⁸. Захватнические устремления феодально-абсолютистских кругов часто маскировались династическими претензиями, борьбой за законное наследство и т. д. Аббат де Сен-Пьер в своем проекте предусмотрел все эти поводы и надеялся, что общеевропейский договор может их устранить. В XVII — начале XVIII в. казалось, что с помощью какой-то европейской организации можно прекратить эти феодально-абсолютистские распри. Конец XVIII в. сказал свое слово об этих утопических мечтаниях.

Политическая мысль XVIII в. пришла к совершенно новому выводу, считая, что именно существование монархий, тираний, деспотизма порождает войны, что лишь торжество в Европе «миролюбивого духа республик» положит конец военным конфликтам. Один из писателей XVIII в. заявлял: «Людовик XIV предавался удовольствию войны, как предаются удовольствию охоты»²⁹. Надо устранить с политической арены не только феодалов, сеньоров и вассалов, но и королей, которые по своей прихоти развязывают войны и тешат свое неумное честолюбие.

Из всех писателей XVIII в., пожалуй, наиболее остро выступил против войны Вольтер. В своем «Философском словаре» он подверг резкой критике Монтескье за его высказывания в поль-

зу превентивной войны. «Если ваш сосед становится слишком могущественным в период мира, что мешает вам сделаться таким же могущественным, как он? Если он заключает союзы, делайте то же самое с вашей стороны. Если он имеет меньше приверженцев религии, чем мастеровых и солдат, подражайте ему в этой мудрой экономии. Если он лучше обучает своих матросов, подражайте ему в этом, все это справедливо»³⁰, — писал Вольтер. Войну Вольтер считает самым страшным преступлением, которое запрещает «естественная религия» и благословляют лишь «искусственные религии». Война противоречит и самой природе человека. Повернуть развитие международных отношений на мирный путь может просвещенный монарх, который в своей политике руководствуется велениями разума. Такое «радикальное» решение вопроса исключало даже необходимость какой-либо организации европейских государств, надо было лишь сменить монархов.

Но Вольтер не был вполне справедлив в своей оценке точки зрения Монтескье. Автор «Духа законов» впервые в истории политической мысли обратил внимание на опасность роста вооружений (кн. XIII, гл. XVII). Европа меняла свое прежнее средневековое вооружение; после открытия пороха, с ростом промышленного производства военная техника стала важной силой в политике. Это и заметил Монтескье. «Новая болезнь, — писал он, — распространилась в Европе; она овладела нашими принцами и заставляет их содержать беспорядочное число войск». Монтескье подчеркивал, что эта болезнь усиливается и она заразна, ибо «как только одно государство увеличивает то, что оно называет своими войсками, другое тотчас увеличивает свои, таким образом, никто от этого ничего не получает, кроме общего разорения». Мыслитель считает, что этот рост вооружений ведет к нищете народов, к упадку культуры и торговли. Так впервые политическая мысль в XVIII в. встретилась с вопросом о росте вооружений. Еще Ян Амос Коменский предлагал «запретить оружие». Но как этого добиться?

Скептическая мысль о пути достижения вечного мира принадлежит Руссо, который считал, что эта идея «слишком хороша, чтобы быть принятой, ибо зло и злоупотребления, выгодные стольким людям, входят в жизнь сами собой; то же, что полезно обществу, внедряется только силой, так как частные интересы тому почти всегда противостоят». Итак, для того чтобы победить «частные интересы» во имя общего блага, нужна сила. Высказав эту мысль, Руссо сам испытывает немалый страх: «Федеративные лиги, как видно, создаются только революционным путем; так кто же из нас решится сказать, желать ли создания Европейской лиги или страшиться его? Быть может,

²⁶ G. Bouthoul. Les Gunerres. Eléments de polémologie, p. 486.

²⁷ См. там же, стр. 484.

²⁸ Там же, стр. 473.

²⁹ Там же, стр. 475.

³⁰ См. Voltaire. Dictionnaire philisophique, t. III, Amsterdam, 1789, p. 174.

создание ее за один раз принесет больше зла, чем отвратит за целые столетия»³¹. В воздухе уже носились идеи революционных переворотов, изменения политических порядков силой восставшего народа. Руссо боится этих могучих новых веяний.

Передовые мыслители XVIII в. объясняли войны главным образом прихотью монархов, и деятели революции 1789 г. в своих теоретических установках не изменили этой исходной точки зрения. Самым радикальным им казался единственный выход — свержение тиранов.

Французская революция 1789 г., которая уничтожила во Франции феодально-абсолютистские порядки, провозгласила своей политикой мир. Все человечество должно освободиться от тиранов, и тогда оно добьется вечного мира. «Народы обнимутся перед лицом поверженных тиранов»³², — заявлял депутат законодательного собрания Инар.

Таким образом, уже к XVIII в. политическая мысль поставила вопрос о возможности длительного мира на земле. Передовые мыслители осудили войны средневековья и феодально-абсолютистского периода как преступление перед человечеством. Они указали на опасность для народов роста вооружений, на необходимость соревнования между государствами в области торговли и изготовления материальных благ, на желательность запрещения оружия. Они считали, что упорядочивать и завязывать международные сношения, разрешать возникающие споры нужно мирными средствами. Однако пути к установлению прочного мира они не знали. Французская революция 1789 г. внесла существенный корректив в эти представления, подчеркнула роль народных масс, но ограничила эту роль лишь политическим актом свержения тирании, монархии, установления республики.

Завершением круга идей XVIII в. о мире стал трактат Канта «К вечному миру» (1795). Философ сформулировал в нем требования, соблюдение которых способствует установлению мира. Мирный договор не должен содержать в себе семена будущей войны, ни одно самостоятельное государство не должно быть поглощено другим, постоянные армии со временем должны исчезнуть, государственные долги не должны использоваться во внешнеполитической борьбе, ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в вопросы правления и государственного устройства других государств. Последнее требование запрещает прибегать во время войны к «бесчестным военным хитростям», которые «сделали бы невозможным доверие в будущем, в мирное время». Кант резюмировал и развил дальше разработанные передовой мыслью XVIII в. нормы международных отношений.

Кант осуждает колониальную политику «культурных, преимущественно торговых государств», принесших в дальние страны «весь длинный ряд бедствий, тяготеющих над родом человеческим». Кант приходит к выводу, что «международное право должно быть основано на федерализме свободных государств». Под «федерализмом» он понимает союз народов, который, однако, не должен быть государством государств, подавляющим их суверенные права. Этот союз предполагает, что «гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским». Правда, Кант при этом оговаривается, что установить и сохранить такое устройство крайне трудно.

Вместе с тем философ пытается ответить на вопрос, когда и в результате чего станет возможным вечный мир. Он считает, что к этому приведут не субъективные добрые пожелания людей, а объективная необходимость. Это был, несомненно, шаг вперед в постановке вопроса. Но этот шаг показал, что без научной теории общественного развития проблема мира не может быть правильно поставлена. Кант возлагает свои надежды на природу, на «механизм природы», как он говорит. Этот «механизм» создал эгоистические склонности людей и государств, противодействующие друг другу. В этом противоречии заложены не только возможности военных столкновений, но в конечном счете и возможности мира, который «осуществляется и обеспечивается не ослаблением всех сил, как это имеет место при деспотизме (на кладбище свободы), но их равновесием, их активнейшим соревнованием»³³.

Рассматривая проблему мирных отношений между народами, Кант больше всего надежд возлагает на торговлю. «Дух торговли, который рано или поздно подчиняет себе каждый народ, — вот что не может существовать рядом с войной!» — восклицает Кант. Немецкий философ, разумеется, прав, что человеческое общество не может существовать исключительно в условиях войн, что мирные отношения диктуются развитием экономических связей. Но Кант — человек своего века — не мог ответить на вопрос, почему эти мирные экономические отношения должны в конечном итоге вытеснить войны. Он сам делает следующий вывод: «Именно таким способом, даже самым устройством человеческих склонностей природа гарантирует вечный мир, конечно, с достоверностью, которая недостаточна, чтобы (теоретически) предсказать время его наступления, но которая, однако, практически достижима и обязывает нас работать во имя этой (не столь уж призрачной) цели»³⁴.

В вопросе о мире продвинулись дальше социалисты-утописты начала XIX в., которые подчеркнули, хотя и в туманной

³¹ См. «Трактаты о вечном мире», стр. 148—149.

³² G. Bouthoul. Les Guerres. Eléments de polémologie, p. 475.

³³ «Трактаты о вечном мире», стр. 171.

³⁴ Там же, стр. 172.

форме, необходимость новой социальной организации общества для достижения вечного мира. Они были убеждены в том, что войны вредны для общественного развития, что объединение усилий людей, а не их разъединение с помощью военных конфликтов содействует прогрессу человеческого общества.

Мечты социалистов-утопистов о прочном мире ярко сформулировали русские революционеры-демократы. В первом издании «Былого и дум» А. И. Герцен писал: «Мир может быть только принесен социализмом... При первой заре восходящей общинности народы, завлеченные по колена в кровь, лучше узнают друг друга; дикий крик завистливых национальностей, хищного патриотизма умолкнет. Эти ненависти принадлежат не народам, а государствам; народы виноваты только в невежестве, а как им что-либо знать, когда им проповедуют целую ложную религию крови и безумия, народной исключительности, чести знамени, право сильного, всю эту тупую и ограниченную доблесть патриотического эгоизма, против которой уже восставали первые христиане и которую теперь так усердно проповедуют последние»³⁵. Итак, корни войны — существование деспотических государств. Герцен так и пишет: «Деспотизм — значит исключительность, ненависть; империя — значит война, оттого Наполеон и назвал ее миром»³⁶. Здесь русский мыслитель недалеко ушел от идей эпохи французской революции XVIII в. Далее он отмечает значение той религии крови и безумия, которую насаждает «деспотизм». Это, несомненно, верно, но корни этой «религии» не были еще обнажены.

Только марксизм доказал, что для торжества мира на земле должна быть коренным образом изменена социальная организация общества, должны быть ликвидированы классы и социальные группы, заинтересованные в развязывании войн. Дело заключается не в том, чтобы изменить политическую форму правления, как считали деятели буржуазных революций XVIII в. Речь идет о коренном преобразовании экономики и социальной структуры общества. Вопрос о мире также оказался неразрывно связанным с научной теорией развития общества.

Утопический социализм начала XIX в. и идея развития общества

Подытоживая, можно сказать, что путь, которым человечество шло к постановке коренных и наиболее острых вопросов общественного развития, к решению их и созданию научной теории социального процесса, был совершенно иным, чем это изображают буржуазные историки.

³⁵ А. И. Герцен. Избранные философские произведения, т. II. М., 1948, стр. 346.

³⁶ Там же, стр. 345.

Без величайших социальных битв не могла бы появиться теория общественного развития и ее важнейшие предпосылки, она возникала из ответов на вопросы, которые ставила жизнь, классовая борьба. Она порождалась стремлением разобраться в тенденциях и перспективах общественного развития, понять исторические судьбы человечества. Не праздные умы создавали эту теорию, а люди, которым внятно было веление времени, которые стремились разгадать поступь истории, вдумываясь в острые конфликты современности. Великие классовые битвы периода перехода от феодализма к капитализму — вот что стимулировало социальную мысль, ставило перед ней коренные проблемы общественного развития. История общественной мысли убедительно показывала, что подлинная теория общественного развития неизбежно должна быть и теорией коренного преобразования общества. Таков был итог развития общественной мысли на пороге XIX в.

На эти вопросы попытались ответить великие социалисты-утописты начала XIX в. Они по-своему, на свой лад попытались продолжить рассмотрение вопроса, поставленного бабувистами: что следует делать с обществом, порожденным французской революцией, каковы дальнейшие пути его развития? Без решения этой проблемы не могла успешно развиваться теория исторического процесса. Если коммунистические утопии XVI—XVIII вв. по сути дела просто отвергали капиталистический путь развития, то новому веку предстояло исходить из того, что мир уже вступил на этот путь. Некоторый отрезок уже пройден, наступал «век индустриализма», бурное промышленное развитие Европы становилось историческим фактом, немалые успехи человеческого труда, покоряющего силы природы, были у всех перед глазами. Стараясь ответить на поставленные жизнью вопросы, социалисты-утописты утверждали, что человечество должно эволюционировать к новому обществу, основной добродетелью которого будет труд, а не корысть и выгода. Но новый этап в истории общественных отношений, в развитии труда, производства заставил их задуматься в первую очередь над тем, как будет организован трудовой процесс при будущем строе жизни с учетом уже достигнутого. Они рисовали себе новое общество иначе, чем сторонники коммунистических идей XVIII в. Социалисты-утописты XIX в. не считали, что вслед за царством частнособственнической наживы придет строй, который на своем знамени напишет «каждый по способностям, каждому по потребностям». Они склонялись к мысли, что каждый член нового общества будет трудиться по способностям, а получать по труду.

Социалисты-утописты XIX в. считали, что надо взять многое положительное из того, что уже развивалось тогда в общественной жизни, откинув все отрицательное. Но что считать «положи-

тельным» в буржуазном обществе, чему предстоит развиваться и что осуждено историей на гибель? Социалисты-утописты дали резкую и острую критику многих сторон жизни буржуазного общества, внося этим немалый вклад в историю социальной мысли. Однако, когда дело доходило до выяснения «положительных» элементов, достигнутых буржуазным обществом, тех элементов, которые должны стать предпосылкой строительства нового общества, они путались и шли по совершенно ложному пути. В свое будущее общество они склонны были перетаскать даже капиталистов, которые должны для этого объединиться с рабочими.

Сочиняя проекты будущего общества, они стремились отпавляться от уже достигнутого уровня в развитии общественного труда, производства. Им казалось совершенно естественным, что будущее общество должно установить оплату по труду, иметь материальные стимулы для развития производства, откинув корысть, наживу, эксплуатацию и угнетение. Но они не могли научно проанализировать сущность эксплуатации при капитализме, не заглядывали глубоко в экономику буржуазного общества, не понимали, какую социальную структуру определяет эта экономика. Они не видели и не понимали роли рабочего класса как разрушителя социальной структуры эксплуататорского общества, как создателя нового общественного строя.

Вместо эксплуатации человека человеком, твердили они, наступит время сотрудничества всех во имя господства общества над силами природы. Тогда воцарится наконец социальная справедливость. Прогресс будет вечным, он перестанет набегать волнами прилива и отлива, общественное устройство будет служить безграничному совершенствованию человечества.

«Золотой век, который слепое предание относил до сих пор к прошлому, находится впереди нас». Этими прекрасными словами знаменитый французский социалист-утопист Сен-Симон (1760—1825) начинает свои «Рассуждения литературные, философские и промышленные»³⁷. «Золотой век» человечества начнется тогда, когда будет осуществлено создание «наиболее выгодной для огромного большинства организации, такой организации общества, которая была бы наиболее благоприятна для развития всех полезных способностей»³⁸. Надо добиться такой организации общества, которая давала бы простор для развития всех полезных способностей человека. В обществе, в котором господствует грубая корысть, не может быть достигнуто удовлетворение потребностей большинства людей и развитие их способностей. Надо добиться такой структуры общества, кото-

рая давала бы возможность развитию промышленности, сельского хозяйства и служила бы интересам большинства людей.

«Лучшее общественное устройство — то, которое делает жизнь людей, составляющих большинство общества, наиболее счастливой, предоставляя им максимум средств и возможностей для удовлетворения их важнейших потребностей»³⁹, — писал Сен-Симон. Как понимал он высшую ступень прогрессивного развития человечества, видно из следующих его слов: «До настоящего времени люди оказывали чисто индивидуальное и изолированное воздействие на природу. Больше того, их усилия в весьма значительной части всегда взаимно уничтожались, так как до настоящего времени человечество было разделено на две неравные части, из которых меньшая постоянно тратила все собственные силы и даже нередко силы большей части в целях господства над последней, между тем как большая употребляла значительную часть своих сил для борьбы против этого господства. Несомненно, однако, что и при такой огромной трате сил человечество достигло все же в наиболее цивилизованных странах довольно значительной степени достатка и благосостояния. Судите поэтому, чего достигло бы оно, если бы не растрачивалось напрасно ни одного усилия, если бы люди, перестав господствовать одни над другими, организовались, чтобы оказывать объединенное воздействие на природу, и если бы народы в своих взаимоотношениях придерживались той же системы»⁴⁰.

Таков угол зрения великого утописта на исторический процесс. Какое же место занимает в таком случае Сен-Симон в развитии социологии? Буржуазные теоретики отвечают на этот вопрос довольно просто, подчеркивая в учении Сен-Симона все то, что заимствовал у него и затем искажил Огюст Конт. На самом деле место Сен-Симона в истории изучения общественного развития определяется отнюдь не «через Конта», а следующим:

во-первых, Сен-Симон выдвинул важную проблему теории общественного развития — проблему отношения общества к природе. Как мы видели, этот вопрос ставили уже немецкие и французские просветители, особенно Монтескье, который подчеркивал мысль о влиянии географической среды на общественное развитие. Сен-Симон, развивая идеи Кондорсе и других французских просветителей, на первый план выдвигает мысль о прогрессивном значении овладения человеком силами природы, об активном воздействии общества на окружающую природу. В этом, по воззрениям Сен-Симона, заключается сущность исторического процесса. Он придает большое значение производству, экономической деятельности людей. Это подлинный источник богатства и процветания общества. Но, сделав шаг вперед, Сен-Симон остановился на полпути. Оставаясь на пози-

³⁷ Сен-Симон. Избранные сочинения, т. II. М.—Л., 1948, стр. 273.

³⁸ Там же, стр. 363.

³⁹ Там же, стр. 277.

⁴⁰ Там же, т. I, стр. 442.

циях идеализма, он не видел в производстве основы общественного развития и по-прежнему возлагал все надежды на разум — полновластного хозяина исторического процесса, считая, в частности, что смена мировоззрений в конечном счете и определяет исторические эпохи;

во-вторых, Сен-Симон подчеркнул значение социальной организации общества для успешного овладения им силами природы. Социальная организация общества наиболее прогрессивна, когда она дает возможность в максимальной степени развить и объединить усилия людей для овладения силами природы. Господство одних людей над другими, войны между народами — все это растрата усилий, которые могут и должны быть объединены во имя воздействия общества на природу, развития его благосостояния и процветания. Эта мысль была сформулирована лишь в самой общей форме (так как представления Сен-Симона о социальной организации общества туманны и расплывчаты), но ей принадлежало великое будущее;

в-третьих, такой подход Сен-Симона к историческому процессу давал возможность поставить и вопрос об отношении личности и общества, об общественных связях людей. Эти связи, по мнению Сен-Симона, определяются совместной деятельностью людей в процессе их воздействия на природу. Конечно, Сен-Симон и здесь оставался идеалистом, полагая, что гармонические связи могут объединить буржуазию и рабочих. Но человеческое общество — это «большая мастерская»; оно призвано не к тому, чтобы одни господствовали над другими, а к тому, чтобы господствовать над природой.

Задача общественной организации — в максимальной степени развить способности и возможности людей для их совместного труда, творчества, производства. Человек должен занимать место в обществе не по своему богатству, а по способностям, которые он приносит на общее благо.

Предшествующие эпохи не соответствовали этому требованию, господство воинов вкупе со жрецами, господство «законников и метафизиков» сдерживало творческие силы человека, отдавало предпочтение тунеядцам, а не «производителям», тормозило развитие разума и научного знания. Эта концепция Сен-Симона, однако, отличается туманностью, поскольку у него не было четкого понятия класса, классовой борьбы и сколько-нибудь глубокого понимания эксплуатации⁴¹.

⁴¹ Из буржуазной научной литературы, посвященной Сен-Симону в связи с его 200-летием, резко выделяется работа Ж. Гурвича в «*Cahiers Internationaux de Sociologie*». Но и он этот важнейший вопрос затушевывает, всячески сближая Маркса и Сен-Симона. См. также М. А. Алпатов. Французские утопические социаллисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в. Сб. «Из истории социально-политических идей», стр. 391 и сл.

Было ли это попыткой окончательно порвать с порядками капитализма, с эксплуататорским обществом? Нет, этого, разумеется, сказать нельзя. Но и нельзя считать Сен-Симона дюжинным апологетом капитализма, как это делают многие современные буржуазные теоретики. У Сен-Симона была значительная реформистская основа его воззрений, поскольку он считал, что пропагандируемое им устройство общества претворится в жизнь не с помощью классовой борьбы и революции. Он не говорил о необходимости уничтожить, свергнуть капитализм. Вернее сказать, у Сен-Симона речь шла лишь о необходимости так повернуть развитие капитализма, чтобы обезвредить его, лишить тех страшных язв, которые уже зияли на его теле, и превратить его в новое общество. Он думал добиться этого путем создания ячеек нового общества в недрах, в рамках капитализма. Хотя Сен-Симон и говорил о смене эволюционного и революционного типов в развитии общества, о смене «органических» и «критических» эпох, но в основе своей он был эволюционистом. Вместе с тем нельзя недооценивать значение взглядов Сен-Симона: это была попытка найти в историческом процессе такие тенденции, которые в конечном итоге делают эксплуататорское общество лишь преходящей исторической стадией. Это была попытка пересмотреть ход общественного развития.

Для Сен-Симона период рабовладения, античное общество «благоприятствовали успехам просвещения, доставляя господствующему классу возможность заниматься развитием своих умственных способностей»⁴². Средневековые, феодализм не являются периодом полнейшего упадка, регресса. «Варварские народы оказали огромную услугу человечеству, совершенно разрушив общественную организацию, установленную греками и римлянами»⁴³, — пишет он. Европейцы вначале «занимались исключительно усовершенствованием системы общественного устройства: им предстояло разрешить весьма трудную задачу». Эта задача состояла в том, что «они должны были смягчить участь рабов и подготовить полную отмену рабства»⁴⁴, — подчеркивает Сен-Симон. Смягчение участи раба, появление крепостничества вместо рабства было важнейшим шагом в общественном развитии, поэтому и нельзя средневековые считать царством регресса и застоя.

Средневековые порядки были сломаны новым общественным строем. «Начиная с XV века, — писал Сен-Симон, — философы должны были заниматься главным образом разрушением теологической и феодальной системы, так как сделанные в это время открытия доставили необходимые данные для созда-

⁴² Сен-Симон. Избранные сочинения, т. II, стр. 246.

⁴³ Там же, стр. 289 (прим.).

⁴⁴ Там же, стр. 290.

ния системы общественного устройства, гораздо высшей, чем средневековая»⁴⁵. Французская революция была, по мнению Сен-Симона, вынужденным актом в борьбе с феодализмом, но она внесла дезорганизацию, ибо «народные беспорядки тяжелее всего отражаются на промышленности»⁴⁶.

Ушло в прошлое крепостничество. Но на этом не заканчивается история человечества. Теперь предстоит создать новую социальную организацию общества, которая должна отменить господство меньшинства над большинством народа, постронуть отношения между людьми по принципу объединения усилий всех на общую пользу.

Сен-Симон, сделав замечательные для своего времени догадки о возможностях развития человеческого общества, рисует лишь весьма расплывчатую картину нового общественного строя. В нем не будет нетрудящихся, оно станет ассоциацией, которая осуществит покорение природы. Функции управления превратятся в функции руководства всеми работами общества. Государство потеряет свое прежнее значение и исчезнет: общество потеряет в нем нужду. Основная цель общества, как мы уже говорили, по мнению Сен-Симона, состоит в наилучшем удовлетворении потребностей всех своих членов, в первую очередь беднейшего класса — пролетариата. Надо «прийти к этой великой цели»⁴⁷.

Но Сен-Симон боялся «войны бедных против богатых», он думал, что создание нового общества будет сопряжено не с этой «войной», а с проповедью «нового христианства», с его проповедью братства⁴⁸. Так отчетливо выступают реакционные черты учения Сен-Симона, за них впоследствии ухватился и развил их в целую систему Огюст Конт.

С другой стороны, ученики Сен-Симона стремились уточнить нарисованную их учителем картину: всеобщая ассоциация должна осуществить принцип «каждому по способностям, каждой способности по ее трудам». Именно они впервые точно сформулировали это требование; но они не понимали, что это требование может характеризовать лишь первую фазу нового общества, для них это была конечная цель⁴⁹. Они подчеркивали, что с «эксплуатацией человека человеком» должно быть покончено; именно у них четко сформулировано впервые и это требование:

⁴⁵ Сен-Симон. Избранные сочинения, т. II, стр. 299.

⁴⁶ Там же, т. I, стр. 417.

⁴⁷ Там же, т. II, стр. 419.

⁴⁸ См. М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в. (Сб. «Из истории социалистических идей», стр. 401—402). В книге указывается на некоторые мысли Сен-Симона о необходимости революции.

⁴⁹ См. В. П. Волгин. Наследие утопического социализма. Сб. «История социалистических учений», стр. 20—21.

«В прошлом общественный строй всегда, в большей или меньшей степени, основывался на эксплуатации человека человеком; отныне самый важный прогресс будет состоять в прекращении этой эксплуатации, в каком бы виде она ни представлялась»⁵⁰. Хотя в своих планах переустройства общества они не проводили этого принципа последовательно, но исторически важно было, что этот великий принцип был провозглашен. Он возвестил конец царства паразитизма и начало новой эры — царства труда. Человек должен соединиться с человеком для того, чтобы эксплуатировать силы природы. Некоторые из учеников Сен-Симона при этом не признавали его «нового христианства», стояли на атеистических позициях, другие все больше эволюционировали, превращаясь в подобие религиозной секты.

Ни Сен-Симон, ни его ученики не видели реальных путей к осуществлению своих идеалов, они не могли оценить значение величайшей движущей силы истории — классовой борьбы. Поэтому и их картина будущего социального устройства отличается такой расплывчатостью: промышленники продолжают управлять производством, и в само это понятие «промышленники» сен-симонисты включают и капиталистов, и рабочих.

При всей непоследовательности Сен-Симона и его учеников огромное значение имеет мысль о возможности общественного устройства, при котором каждый работает по способностям и получает по труду. Этот принцип стал программным требованием социализма. Не менее важна и мысль о том, что общество, освободившись от эксплуатации человека человеком, приобретет огромные созидательные силы, что девизом этого общества будет всемерное развитие техники и науки, овладение могучими силами природы, поставленными на службу человеку. Великое будущее открывалось и перед идеей превращения государства из аппарата управления в аппарат руководства всеми работами общества.

К тому времени, когда возник утопический коммунизм, единственным историческим опытом человечества были первобытная и крестьянская общины, которые сохранялись в древнем мире и в эпоху феодализма. Требования крестьянской дележки и уравниловки были продиктованы этим опытом. Вместе с тем это был ответ на вопрос о социальной справедливости, ответ, гласивший, что она не может быть осуществлена без полного равенства.

Маркс и Энгельс, говоря об утопических системах Сен-Симона, Фурье, Оуэна и других, отмечали в «Манифесте Коммунистической партии», что «фантастическое описание будущего

⁵⁰ См. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения в пяти томах, т. III. М., 1957, стр. 597.

общества возникает в то время, когда пролетариат еще находится в очень неразвитом состоянии и представляет себе поэтому свое собственное положение еще фантастически, оно возникает из первого исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества»⁵¹. Системы социалистов-утопистов исходили из этого еще слабо осознанного порыва пролетариата к преобразованию общества, когда в его предчувствиях этого преобразования сказывалось влияние иллюзий, навеянных буржуазным либерализмом, ибо борьба между пролетариатом и буржуазией только начиналась. В буржуазной науке давно уже делаются попытки резко отделить теорию общественного развития Сен-Симона от его утопического социализма. Это, однако, в лучшем случае грубое упрощение. Сен-Симон с позиций идеализма старался выработать теорию общественного развития и идеал переустройства общества. Его попытки показали, что созрела потребность в создании такой теории общественного развития, которая включала бы решение вопроса о коренном переустройстве общества, о судьбе капитализма, о ликвидации социальной несправедливости, и что с позиций идеализма этого сделать нельзя. Только разрыв с идеализмом и метафизикой, открытие внутренней диалектики исторического процесса могли удовлетворить назревающую потребность в научной теории общества.

Французский буржуазный теоретик первой половины XIX в. Огюст Конт пошел по другому пути: он щедрой рукой черпал из сокровищницы идей Сен-Симона и всячески подчеркивал реакционные стороны его учения. Конт создал свою социологию на основе признания гармонии классовых интересов, отрицания значения революции в общественном развитии, подчеркивания роли идей, которые определяют исторические эпохи, и т. д. При этом он, конечно, убил живую душу теории Сен-Симона, уничтожил его замечательную попытку поставить вопрос об изменении социальной организации общества. Из оставшихся обрывков идей Сен-Симона, используя его непоследовательность и ограниченность, выпятив его идеализм в рассмотрении явлений общественной жизни, сдобрив все это агностицизмом и мистикой, Конт и создал «систему», которая верой и правдой должна была служить буржуазному либерализму и апологии капитализма. На этом основании буржуазные социологи, искажая действительную картину развития социальной мысли, зачислили Сен-Симона в «предшественники» Конта и даже в сторонники позитивизма. Сен-Симон действительно мечтал о создании «политической науки», которая увенчала бы собой всю систему наук, но при всей ограниченности и непоследовательности своих

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 456.

взглядов он отнюдь не собирался строить эту науку на базе апологетики буржуазного общества⁵².

Если буржуазные историки социальной мысли соглашались видеть в Сен-Симоне «предшественника» позитивистов середины XIX в., то для другого социалиста-утописта они не смогли подыскать даже такого места в истории социальной мысли. Между тем Фурье, конечно, оказал значительное влияние на социальную мысль своего времени. Он внес свой вклад и в теорию общественного развития. Идея социального изменения, развития социальной организации общества пронизывает труды Шарля Фурье (1772—1837). Эта идея пробивается, несмотря на идеалистические и теологические путы, которыми еще скован его ум.

В своей общественной теории Фурье выдвинул, хотя и в непоследовательной, туманной форме, мысль, что человек есть общественное существо. Только в обществе, в связях с другими людьми проявляется его сущность, его природа, развиваются его наклонности. Для буржуазных теорий XVIII в. были характерны известный социальный атомизм, «одинокий Робинзон на необитаемом острове», представление об удачливом одиночке, выделяющемся на фоне «других», и целая серия робинзонад, выражающих этот взгляд. Фурье противопоставляет этому другую мысль: деятельность и сущность человека проявляются именно в его общественных связях. Но он делает на этом пути лишь первый шаг. Фурье видел движущую силу деятельности человека в страстях, которые его обуревают. Эти неизменные страсти принадлежали абстрактному человеку. Общественная сущность человека не была понята и вскрыта.

Фурье в большей степени, чем Сен-Симон, отметил значение социальной организации общества. Он не отождествлял исторического процесса с развитием индустрии, подчеркивая, что развитие производства требует новой социальной организации, в противном случае оно несет народу не счастье, а беды. Натолкнувшись на это противоречие общественного развития, Фурье, однако, не сделал необходимых выводов, занявшись поисками выхода в социальной «гармонии», заботясь о предотвращении обострения противоречия.

Далее Фурье подверг критике ряд идей буржуазных просветителей XVIII в., заявив, что государство есть не проявление согласия всех, «общественного договора», а результат угнетения большинства народа со стороны богатых. Он отверг также идею прямолинейного прогресса. Хваленая буржуазная цивилизация предстала перед его взором в столь отталкивающем ви-

⁵² Критику теорий, изображающих Сен-Симона апологетом капитализма, см. в статье Н. Е. Застенкера «Апри де Сен-Симон». Сб. «История социалистических учений», стр. 208.

де, что он отказался считать ее венцом прогрессивного развития. Правда, утверждая, что общественное развитие происходит и по восходящей, и по нисходящей линиям, и не видя материальной основы прогресса, Фурье пришел подобно Вико к идее цикличности. Ведь только понимание развития производства и социальных отношений, смены способов производства дает прочную основу для суждения о прогрессе. Подход к этой проблеме с идеалистических позиций всегда будет оставлять возможность предположить, что общество в своем развитии идет по запутанному кривым, то делая шаг вперед, то возвращаясь вспять. Идеалистическая методология привела Фурье к ложному и вредному выводу.

Вместе с тем для взглядов Фурье на общественное развитие характерно его критическое отношение к идеологам античного мира: «Привыкшие, согласно основным положениям философии, смотреть всегда назад, восхвалять себя, сравнивая с варварами, они рассматривали свой социальный уклад как предел движения; любой философ античности поддержал бы положение, что цивилизация не могла существовать без обращения земледельцев и домашних слуг в рабов»⁵³. Сильнейшие удары, нанесенные по идее, согласно которой социальный уклад буржуазного общества представляет «предел движения», — великая заслуга социалистов-утопистов. Общество должно идти вперед. Рабы «стали свободными у людей нового времени, и цивилизация, далекая от того, чтобы прийти в упадок из-за этой свободы, продвинулась вперед»⁵⁴, — говорит Фурье. «Цивилизация нового времени, — пишет он, — приведя к исчезновению ужасного режима рабства, поднялась до полноты развития»⁵⁵.

Фурье утверждает, что феодальная порабощенность незаметно поднимает народ к свободе, которой он был лишен у греков и римлян. Надо вспомнить, с какой силой звучали эти слова в то время, когда идеологи буржуазии восхваляли античную рабовладельческую демократию, прославляли прогресс в области политических институтов, всякий раз умалчивая о том, что его пьедесталом были рабы, изнывавшие под игом тягчайшего труда, забывая, что и в основе буржуазной демократии лежит эксплуатация. Фурье подчеркивает, что «все знаменитые республики Греции и Рима, нежно влюбленные в свободу, сделали для себя забавой ремесло палача...»⁵⁶. Они безжалостно управлялись с рабами, которые не считались людьми. Фурье не склонен верить и певцам буржуазной цивилизации, скрывающим ее вопиющие пороки.

Конечно, современным буржуазным социологам не по праву такие мысли. Но на самом деле только такие оценки и открывали научную правду, вытесняли слащавую фальсификацию и прямую ложь во взглядах на общественное развитие, прокладывая социальной мысли дорогу вперед.

Цивилизация нового времени, т. е. буржуазный общественный строй, изобилует пороками. Долю семей бедных рабочих, которые оказались без работы, Фурье сравнивает с участью дикаря и приходит к выводу, что судьба безработного в цивилизованном обществе страшнее судьбы дикаря. Социальное здание современной цивилизации порочно. Фурье смело вскрывает зияющие язвы капиталистического общества, бичует строй, основанный на всевластии богатей.

Он клеймит идеологию буржуазной цивилизации с не меньшей силой, чем теоретиков античного рабства: «Как объяснить подлую снисходительность философов в отношении торгового грабительства? Они, трубившие о преступлениях пап и королей, не осмеливаются говорить о преступлениях торговли»⁵⁷. Конечно, при этом мысль Фурье не проникает до ядра производства, до тайн процесса эксплуатации при капитализме. Но начало было положено хорошее. Новый строй должен быть воздвигнут «на развалинах строя варварства и цивилизации»⁵⁸. Фурье приходит к замечательной мысли, что промышленность строя цивилизации может создать лишь элементы счастья, но не счастье, что «чрезмерный рост промышленности ведет строй цивилизации к очень большому несчастью, если не сумеют открыть средства действительного продвижения вперед по ступеням социального развития»⁵⁹. Нужно не только развивать промышленность, но и совершенствовать социальную организацию общества, уничтожить строй, при котором богатство и счастье одних зиждутся на нищете и несчастье других. Фурье полемизирует с «индустриалистами», т. е. с теми защитниками капитализма, которые счастливое будущее человечества видели в одних успехах техники и просвещения. К чему просвещение несчастным, не имеющим на что существовать? Бедность рождается при строе цивилизации из самого изобилия, говорит Фурье, порочный круг этой стадии развития человечества надо разорвать. Это были идеи огромной силы и значения для развития социальной мысли, для возникновения научной теории общественного развития.

Наиболее сильная сторона системы Фурье — критика им буржуазной «цивилизации», которой так кичились идеологи капитализма. Фурье сумел разорвать завесу лжи, которой защит-

⁵³ III. Фурье. Избранные сочинения, т. II. М.—Л., 1951, стр. 34.

⁵⁴ Там же, стр. 34.

⁵⁵ Там же, стр. 35.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 55.

⁵⁸ Там же, стр. 139.

⁵⁹ Там же, т. III, стр. 92—93.

ники капитализма старались скрыть действительные пороки буржуазного общества. Много прав существует на бумаге, восклицает он и приводит образец этих «бумажных прав»: «На деле право является иллюзорным, когда не можешь осуществлять его. Свидетельство тому — конституционное право на суверенитет, которое имеет народ. Вопреки этой блестящей великолепием прерогативе плебей не имеет даже возможности пообедать, если у него нет ни су в кармане»⁶⁰. На первое место Фурье выдвигает «право на труд, которое воистину неосуществимо при цивилизации, но без которого ничего не стоят все остальные права»⁶¹.

Великий социалист-утопист правильно угадывает черты анархии производства, которые характерны для капитализма, когда 8 миллионов французов вовсе не едят хлеба, 25 миллионов не пьют вина, а «между тем вследствие перепроизводства винограда приходится бросать в мусорные ямы целые урожаи». Фурье знает, что важное свойство буржуазной цивилизации состоит в том, чтобы «производить беспорядочно, безо всякого метода», богатство растет, но нет «приобретения» производителя, или рабочего, к растущему богатству»⁶².

Огромное значение имеет тот факт, что Фурье поставил вопрос, каким образом труд, который идеологи эксплуататорского строя объявили проклятием человека, можно превратить в наслаждение. Путь, указанный Фурье, был неправильным. Маркс в подготовительных рукописях к «Капиталу» высмеял представление Фурье о том, что труд в будущем обществе превратится в забаву. Труд превратится в первейшую потребность человека, но пустой забавой не станет никогда.

Сама гармония, которая должна наступить в обществе, по мысли Фурье, основана на удовлетворении человеческих страстей, которым Фурье придает большое значение. Фурье создал довольно запутанную классификацию человеческих страстей, на учете которых должно быть основано гармоническое сочетание индивидуумов в обществе. В этом вопросе Фурье продолжает линию, начатую Мабли, считавшим, что страсти определяют общественные отношения. Одни страсти добродетельны, они вызваны к жизни периодом господства общественной собственности, другие обязаны своим возникновением частной собственности и злобредны (жадность, корысть и т. д.)⁶³. Современный французский специалист в области социальной психологии считает Фурье одним из предшественников нынешних специалистов этой области. Он утверждает, что «социализм Фурье основыва-

ется на этой социальной психологии»⁶⁴, попыткой создать которую и явилось «учение о страстях».

Объединение людей в процессе труда, согласно этому учению Фурье, должно быть основано на симпатиях. Рассуждая далее о страстях человеческих, Фурье приходит к мысли, что труд должен быть организован так, чтобы он давал удовлетворение человеку, чтобы человек не был обречен постоянно заниматься только одной разновидностью труда, а мог бы выбирать себе тот вид трудовой деятельности, который наиболее подходит ему по способностям, по склонностям. Таким образом, Фурье задумывался и над тем, как уничтожить уродующую человека капиталистическую систему разделения труда, как ликвидировать противоположность между городом и деревней. Все это, несомненно, огромная заслуга французского мыслителя. Но его рецепты будущего общественного устройства утопичны, и в их основу часто положена совершенно неверная мысль.

Как правильно заметил академик В. П. Волгин, «в истории тех течений социальной мысли, которые подготовляли возникновение научного коммунизма, можно различить два течения в вопросе о форме общественной собственности»⁶⁵. Фурье принадлежал к течению, представители которого считали, что единицей нового общества должна быть небольшая хозяйственно независимая община, что, говоря другими словами, общественная собственность — это собственность данной общины. Противоположной точки зрения держались сен-симонисты, которые выдвигали мысль о «централизованном национальном хозяйстве» и при этом доводили «до полной четкости идею общего хозяйственного плана»⁶⁶. Следует подчеркнуть, что бабувисты, как мы уже говорили ранее, были близки к идее общенародной, государственной собственности. Что же касается Фурье, то у него мы встречаем мысль о кооперировании и кооперативах, которые должны преобразовать общество. В этом он был предшественником Роберта Оуэна, который тоже мечтал с помощью кооперативов преобразовать капитализм. Оуэн рассчитывал, что его кооперативы охватят в первую очередь фабрики и заводы, ячейки же нового общества, по мысли Фурье, должны были покониться на своеобразном сочетании земледелия и промышленного производства. Но кооперирование, конечно, отнюдь не могло заменить собой классовую борьбу и социалистическую революцию, а сама эта идея, как показала история, получила свое действительно преобразующее значение только в условиях общества, строящего социализм.

⁶⁴ J. Stoetzel. La Psychologie sociale. Paris, 1963, p. 15.

⁶⁵ В. П. Волгин. Наследие утопического социализма. Сб. «История социалистических учений», стр. 9.

⁶⁶ Там же, стр. 11.

⁶⁰ Ш. Фурье. Избранные сочинения, т. I. М.—Л., 1951, стр. 254—255.

⁶¹ Ш. Фурье. Избранные сочинения, т. I. М., 1938, стр. 199.

⁶² Ш. Фурье. Избранные сочинения, т. II. М., 1939, стр. 37—38.

⁶³ См. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли. Сб. «Из истории социально-политических идей», стр. 249.

Единая организация общества, расколовшегося на фаланги, по сути дела у Фурье отсутствует. Вопрос об установлении связей между фалангами и о характере этих связей у Фурье оставался в тени. Будущее общество начинало свою жизнь с создания обособленных ячеек, и по сути дела вся общественная жизнь сводилась к их деятельности. Правда, Фурье предполагает, что фаланги будут вступать между собой в сношения для разрешения производственных задач, которые не под силу одной общине, но никакой разработанной системы связи, объединения фаланг он не дал.

Современные буржуазные социологи считают, что взгляды Фурье не имеют прямого отношения к теории общественного развития, в компендиальных трудах по истории социальной мысли Фурье отводится по несколько строк. Конечно, Фурье был утопистом и ему было далеко до научной теории. Но он вскрывал возможности общественного развития, выступал против идеи вечности и неподвижности социальных институтов. Его мысли о возможности изменения характера труда, отношения людей к их трудовой деятельности, изменения установившихся принципов разделения труда, несомненно, имели освободительное влияние на умы. Фурье думал об увеличении социальной силы объединенных людей как о важнейшей проблеме общественного развития и выступал против концепций, провозглашавших окостенелость общественных форм. Но, не владея материалистической диалектикой, эту проблему нельзя было решить. Фурье сбивался на такие тропы, которые вели его в болото мистики. Жизнь выдвигала проблемы, которые с позиций идеализма решить было невозможно.

С большей четкостью и силой, чем Фурье, провозгласил тезис о том, что частная собственность стала величайшим тормозом для развития человека, английский социалист-утопист Роберт Оуэн, который сыграл большую роль в деле просвещения рабочего класса Англии. Оуэн ополчается против частной собственности как основы основ всей социальной несправедливости, царящей в обществе. «Частная собственность была и есть причина бесчисленных преступлений и бедствий, испытываемых человеком»⁶⁷. Вот краткая характеристика этих бедствий и преступлений, которые она вызывает: «Частная собственность отчуждает человеческие умы друг от друга, служит постоянной причиной возникновения вражды в обществе, неизменным источником обмана и мошенничества среди людей и вызывает проституцию среди женщин. Она служила причиной войн во все предшествующие эпохи известной нам истории человечества и побуждала к бесчисленным убийствам»⁶⁸. С большой

страстью Оуэн доказывает, что главная задача социального, интеллектуального и морального прогресса состоит в том, чтобы уничтожить частную собственность. Только тогда человечество вздохнет полной грудью, когда «все, за исключением только предметов чисто личного обихода, превратится в общественное достояние, а общественное достояние будет всегда иметься в избытке для всех»⁶⁹. Говоря другими словами, подлинное счастье человечества наступит тогда, когда будет построен коммунизм. И Оуэн верит, что это время придет, что «будет должным образом понято несравнимое превосходство системы общественной собственности над системой частной собственности с вызываемым ею злом»⁷⁰.

По сравнению с Фурье и Сен-Симоном Оуэн гораздо более резко подчеркивал великое прогрессивное значение в истории человечества перехода от частной собственности к собственности общественной. Он был неутомимым пропагандистом этой идеи. В этом заключался значительный вклад Оуэна в развитие социальной мысли. Несомненно, что решительная постановка коренного вопроса общественного развития неизбежно влекла за собой вопросы о том, как и почему человеческое общество пришло к господству частной собственности, какие существуют пути для того, чтобы изменить это социальное состояние. Оба этих вопроса были неразрывно связаны между собой, и правильный ответ на них означал бы рождение научной теории общественного развития.

Но сам Оуэн стоял на идеалистических позициях, думая, что взгляды людей определяют ход исторического процесса, и не видел дороги к коренному преобразованию общественного строя. Он наивно думал, что рациональная идея в силу своей разумности в конце концов возьмет верх, и постоянно обращался к тогдашним правительствам с реформаторскими предложениями. Его заслуга, разумеется, не в этом, а в настойчивой пропаганде идеи превосходства социального строя, основанного на общественной собственности.

Другая заслуга Оуэна перед теорией общественного развития по сравнению с Сен-Симоном и Фурье состоит в том, что он решительно очищал эту теорию от всех богословских и мистических примесей, еще имевшихся у французских социалистов-утопистов. Оуэн не считал, что религиозные взгляды есть некая опора прогресса. Он был далек от идей «нового христианства» Сен-Симона или мистических представлений Фурье. Оуэн с атеистических позиций ставил вопрос о реакционной роли религиозных идей в развитии общества, смело продолжая в новых ус-

⁶⁷ Р. Оуэн. Избранные сочинения, т. II. М.—Л., 1950, стр. 22.

⁶⁸ Там же, стр. 24.

⁶⁹ Там же, стр. 25.

⁷⁰ Там же.

ловиях атеистическую традицию французских просветителей XVIII в.

Что касается сторонников идей утопического социализма в Германии начала XIX в., то для некоторых из них было характерно, хотя и смутное, представление об исторической миссии пролетариата. В 40-х годах XIX в. об этом писал немецкий социалист-утопист Вильгельм Вейтлинг. Он говорил о рабочем классе как о «новом мессии», который «разрушит гнилое здание старого общественного порядка, отведет источники слез в море забвения и превратит землю в рай»⁷¹. Таким образом, немецкий социалист-утопист пошел несколько дальше французских социалистов-утопистов. Но в своих построениях он исходил из идеалистических предпосылок, а не из законов общественного развития, его социальная и политическая программа страдала крайним утопизмом. Марксист-историк немецкого рабочего движения Франц Меринг справедливо говорит, что Вейтлинг был еще далек от пролетарского классового сознания, но пролетарская революция становится для него тем, чем для Фурье был спасительный миллионер; но, по воззрению Вейтлинга, эта революция будет опираться не на возрастающую силу рабочих, а на растущую их нужду⁷². Преобразование общества отныне зависит именно от революционной деятельности пролетариата. Он — могильщик капитализма. Приходит конец утопическим мечтаниям о социализме. Наступает эпоха революционной борьбы за социализм, разработки теории революционного действия.

На этом пути большой вклад в развитие социальной мысли внесли русские революционные демократы, выдвинувшие таких замечательных теоретиков-революционеров, как Герцен, Чернышевский и Добролюбов. Их заслуга состояла в первую очередь в том, что они стремились сблизить социалистические идеи с революцией, с революционной борьбой. Они поставили вопрос не только о революции в России, но и о мировом революционном процессе.

Русские революционные демократы и проблема общественного развития

А. И. Герцен — один из самых блестящих публицистов эпохи, богатой литературными талантами, человек, выделявшийся своим философским образованием в то время, когда каждый образованный человек порядочно разбирался в философии, деятель, прочно связавший свою судьбу с революцией, с передовым демократическим движением народа, — оставил глубокий след в истории идейной борьбы. Его имя украшает историю философ-

ской материалистической мысли. В. И. Ленин отмечал, что Герцен «вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»⁷³. Если же говорить о вкладе Герцена в развитие социальной мысли, то следует подчеркнуть, что он первый поставил вопрос о месте России в революционном процессе XIX в. Это имело принципиальное значение, ибо вместе с тем возник и более общий вопрос о роли в этом процессе стран аграрных с преобладающим крестьянским населением, отставших в своем развитии от передовых индустриальных государств. Это была одна из важных проблем мирового развития большой социологической глубины и серьезного политического значения.

В радикальных западноевропейских кругах Россия, особенно после революции 1848 г., представлялась реакционной силой, значение которой для преобразования общества могло быть только негативным. Николай I справедливо считался жандармом Европы, за его спиной виднелись штыки хорошо вымученных солдат, а дальше — забитый, невежественный народ, который неизвестно когда пробудится к исторической деятельности, который «создал несно подобную стону и духовно навеки почил». Тютчев писал: «...всю тебя, страна родная, в рабском виде царь небесный исходил, благославляя».

Герцен решил изменить это представление, он писал: «Мы ничего не пророчим; но мы не думаем также, что судьбы человечества пригвождены к Западной Европе. Если Европе не удастся подняться путем общественного преобразования, то преобразуются иные страны; есть среди них и такие, которые уже готовы к этому движению, другие к нему готовятся. Одна из них известна — это Северо-Американские Штаты; другую же, полную сил, но вместе и дикости, — знают мало и плохо»⁷⁴.

Сомнение в том, что Европе не удастся подняться путем общественного преобразования, было продиктовано неудачами революции 1848 г., которые в значительной мере изменили взгляды Герцена на исторический процесс. Большие надежды возлагал Герцен на эту революцию, велико было и его разочарование. Чем объяснялись эти надежды? Герцен предполагал, что господство буржуазии недолговечно, что революция 1848 г. и установление республики принесут глубочайшие социальные преобразования. Первое восстание пролетариата он принял за последний и решительный бой. Понятие «республика» для него выражало отнюдь не господство буржуазии, а переход власти в руки трудящихся и глубокие социальные преобразования.

Крушение этих надежд вызывает у Герцена сравнение буржуазного общества середины века с последними столетиями су-

⁷¹ Ф. Меринг. История германской социал-демократии, т. I. М., 1920, стр. 103.

⁷² См. там же, стр. 100.

⁷³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 256.

⁷⁴ А. И. Герцен. Сочинения, т. 3. М., 1956, стр. 390—391.

существования рабовладельческого мира. Кругом он видит распад и гниение. Против этой философско-исторической концепции выступил Чернышевский, доказывавший, что у западного общества немало творческих сил, что оно вовсе не нуждается в спасении, которое должно прийти извне.

Герцен дал уничтожающую критику буржуазного радикализма, который склонял во всех падежах слово «республика», но вкладывал в него старое содержание, унаследованное без изменений от 1789 г. Между тем слово «республика» уже не соответствовало новой борьбе, ибо борьба перешла за пределы этого понятия. С иронией пишет он, что перестал теперь искать глас народный в газетных статьях и общественное мнение — в тесном кружке приятелей, собирающихся ежедневно для того, чтобы повторять одно и то же. Но Герцен далек от масс трудящихся Запада, найти к ним дорогу ему чрезвычайно трудно.

Герцен был решительным сторонником социалистических идей. Для его общей социологической концепции характерна мысль об историчности классов, неравенства: «Сословность — огромный шаг вперед, как разъяснение и выход из животного однообразия, как раздел труда. Уничтожение сословности — шаг еще больший»⁷⁵. В этом и состоит социальный прогресс человечества.

«Социалист я не со вчерашнего дня. Тридцать лет тому назад я утвержден Николаем Павловичем в звании социалиста»⁷⁶, — писал о себе Герцен. Однако трудно отнести его к какому-либо определенному направлению из господствовавших в то время на Западе. Герцен отмечал, что «после 1830 года, с появлением сенсимонизма, социализм произвел в Москве большое впечатление на умы». Он объяснял это влияние следующими специфическими условиями, в которых находилась русская интеллигенция: «Привыкнув к общинам, к земельным разделам, к рабочим артелям, мы видели в этом учении выражение чувства, более нам близкого, чем в учениях политических. Нас, свидетелей самых чудовищных злоупотреблений, социализм смущал меньше, чем западных буржуа»⁷⁷. При этом Герцен подчеркивал, что «в Москве социализм развивался вместе с гегелевской философией», говорил о союзе «новой философии с социализмом», выступал за «тесную связь науки и революции»⁷⁸. Герцен признавал «неясный, религиозный и вместе с тем аналитический» характер сенсимонизма. Идейное развитие своих единомышленников от сенсимонизма Герцен рисует так: «Изучив его, они совершенно естественно переходили к Прудону, так же как от Гегеля — к Фей-

ербаху»⁷⁹. Однако нельзя считать Герцена безоговорочно и сторонником Прудона: соглашаясь с некоторыми его идеями, он не был приверженцем системы его взглядов в целом.

Свои взгляды на государство Герцен уточняет позже. В 1869 г. он пишет: «Между мнением Лассалья и проповедью о неминуемом распусчении государства в федерально-коммуную жизнь лежит вся разница обыкновенного рождения и выкидышания. Из того, что женщина беременна, никак не следует, что ей завтра следует родить. Из того, что государство — форма преходящая, не следует, что эта форма уже прошедшая»⁸⁰. Это было открытое осуждение прудонизма и бакунизма. Какой народ уже созрел до того, что с него «может быть снята государственная опека», спрашивает Герцен. И добавляет, что ни один народ не может «безнаказанно начать такой опыт, окруженный другими народами, страстно держащимися за государство... Можно ли говорить о скорой неминуемости постоянных войн и обезоруженного устройства, когда уничтожение постоянных войн и обезоруженные составляют дальние идеалы?»⁸¹ Это были смелые догадки. Но позитивная сторона воззрений Герцена и тут страдала ограниченностью. Он соглашался с Лассалем: «Этой государственной силой хотел воспользоваться Лассаль для введения социального устройства. Что же, думалось ему, ломать мельницу, когда ее жернова могут молоть и нашу муку?»⁸². А история и передовая революционная теория к тому времени уже поставили вопрос о сломе буржуазной государственной машины, о создании нового государства — пролетарской диктатуры.

Что же касается идей фурийизма, то Герцен ограничивал их влияние главным образом кругами петербургской интеллигенции и учащейся молодежи. Он отмечал положительные стороны взглядов Фурье, который тоже мечтал, но «основывал свои мечты на арифметических выкладках и скрывал свою поэзию под именем промышленности, а любовь к свободе — под объединением рабочих в бригады...» Вместе с тем Герцен резко критиковал фурийизм: «Фаланстер — не что иное, как русская община и рабочая казарма, военное поселение на гражданский лад, полк фабричных»⁸³.

Герцен считает, что революция не пойдет точно по тем путям, которые предуказаны доктринарами, что она не остановилась! «Вместо неосторожных попыток и заговоров, работник думает крепкую думу и ищет связи не с цеховыми революционерами, не с редакторами журналов — а с крестьянами»⁸⁴. Герцен утвер-

⁷⁵ А. И. Герцен. Сочинения, т. 20, стр. 590.

⁷⁶ А. И. Герцен. Сочинения, т. 18, стр. 277.

⁷⁷ А. И. Герцен. Сочинения, т. 3, стр. 501.

⁷⁸ Там же, стр. 501.

⁷⁹ Там же, стр. 502.

⁸⁰ А. И. Герцен. Сочинения, т. 20, стр. 591.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ А. И. Герцен. Сочинения, т. 3, стр. 502.

⁸⁴ Там же, стр. 209.

ждает, что революционная волна поднимается и среди крестьянства: «В груди крестьянина собирается тяжелая буря... он мрачно поглядывает на богатого собственника, на нотариуса, на ростовщика; но он видит, что, сколько ни работай, барыш идет в другие руки — и слушает работника»⁸⁵. На объединение сил рабочих и крестьянства Герцен возлагает большие надежды, говоря о крестьянине, что, когда он дослушает рабочего и хорошенько его поймет «с своей упорной твердостью хлебопашца, с своей основательной прочностью во всяком деле, тогда он сочтет свои силы, а потом сметет с лица земли старое общественное устройство. И это будет настоящая революция народных масс»⁸⁶. Таким образом, и в революции на Западе решающую роль Герцен приписывает скорее крестьянству, чем рабочему классу.

Образ этой народной революции, которая только и может спасти Запад от гибели и разложения, не очень отчетлив. Герцен уверен, что «современный государственный быт с своей цивилизацией погинут — будут, — как учтиво выражается Прудон, — ликвидированы»⁸⁷. Такие «учтивые выражения» не подходят для этой революции, она представляется Герцену по-другому: «Пролетарий будет мерить в ту же меру, в которую ему мерили. Коммунизм пронесется бурно, страшно, кроваво, несправедливо, быстро. Среди грома и молний при зареве горящих дворцов, на развалинах фабрик и присутственных мест — явятся новые заповеди, крупно набросанные черты нового символа веры»⁸⁸. Совершенно очевидно, что пролетарская революция для Герцена — это главным образом разрушительная, а не созидательная сила.

Теперь можно вернуться к вопросу: как представлял себе Герцен мировой революционный процесс и роль в нем России? К середине века Россия продолжала оставаться европейским жандармом. «Это она, это солдафонская Россия хочет штыками положить конец вопросам, волнующим мир»⁸⁹. Но даже попытки интервенции царизма против революционной Европы не могут задушить революцию: «...революционная Европа не может быть побеждена императорской Россией. Она спасет Россию от ужасного кризиса и спасется сама от России»⁹⁰. Герцен уверен, что в России зреют революционные силы и самодержавие, восторжествовав над цивилизацией, очутится лицом к лицу с крестьянским возмущением, с огромным восстанием, подобным пугачевскому. Два революционных потока сольются — в этом суть

⁸⁵ А. И. Герцен. Сочинения, т. 3, стр. 209—210.

⁸⁶ Там же, стр. 210.

⁸⁷ Там же, стр. 221.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же, стр. 506.

⁹⁰ Там же.

взглядов Герцена на мировой революционный процесс. Он не замыкается, таким образом, лишь Западной Европой. Но Герцен неверно толкует роль революционной волны, которая поднимается в России.

Как говорит Герцен, Россия живет «надеждами и стремлениями революционной Европы», но он видит вместе с тем особую роль России: «Национальный элемент, привносимый Россией, — это свежесть молодости и природное тяготение к социалистическим установлениям»⁹¹.

Передовые люди должны работать в интересах революционного процесса, который требует деятельности людей, ибо, как говорит Герцен, «будущего нет: оно делается людьми... Тут-то и является наше дело, наше признание», т. е. дело революционеров. Важное значение для революции, по мнению Герцена, имеет пропаганда: «Всякое слово человека преданного есть дело». О себе он пишет в том же письме в Россию: «...я только и желаю быть вашею бесцензурною речью; я, между прочим, для того и не старался о возвращении, чтоб познакомить Европу с Россией и быть свободным ее органом»⁹². Герцен полон веры в конечную победу революции, но думает, что эта победа может запаздать лет на пятнадцать — семнадцать, временная «победа реакции» вызовет через поколение такой отпор и такой разгром, о каком мы и не мечтали»⁹³.

«Природное тяготение к социалистическим установлениям», которое Герцен видит в России, — это существование в стране испокон веков крестьянской общины. Ее исторические судьбы на Западе и в России совершенно различны: «Германская и кельтская общины пали, встретившись с двумя социальными идеями, совершенно противоположными общинной жизни: феодализмом и римским правом. Мы же, к счастью, являемся со своей общиной в эпоху, когда противообщинная цивилизация гибнет вследствие полной невозможности отделаться, в силу своих основных начал, от противоречия между правом личным и правом общественным»⁹⁴. Общинная собственность разрешает это противоречие между личностью и обществом и торжествует над «противообщинной цивилизацией», господствующей на Западе. Главнейшая ошибка Герцена состояла в том, что он думал, будто русская община встречается с гибнущим капитализмом, а не развивающимся, имеющим достаточные силы и возможности, в том числе и для того, чтобы разложить общину в России.

В 1869 г. Герцен пишет, однако, о собственности, что «видоизменение ее, вроде перехода из личной в коллективную, неяс-

⁹¹ А. И. Герцен. Сочинения, т. 3, стр. 504.

⁹² А. И. Герцен. Сочинения, т. 24, стр. 200.

⁹³ Там же.

⁹⁴ А. И. Герцен. Сочинения, т. 3, стр. 511—512.

но и неопределенно»⁹⁵. Он видит огромное значение частной собственности для западного крестьянина и не знает, что может заставить крестьянина отказаться «от веками взлелеянной мечты, которою он жил и тешился и которая действительно поставила его на ноги...». Единственно, на что можно надеяться, — это процесс «беспрерывно крошащихся и дробимых участков» и проистекающая отсюда выгода «свободного хозяйства общинных запашек полей»⁹⁶. Того процесса капитализации земледелия, увеличения возможностей приложения техники в крупных хозяйствах, который видел Чернышевский на Западе, Герцен не замечал.

Даже в отношении русского крестьянина Герцен считал, что тот не сможет отказаться от права наследования⁹⁷. Остается только общинная обработка земли. К этому сводится в конечном счете «природное тяготение к социалистическим установлениям». Чернышевский же мечтал о дополнении общинного владения землей общинным производством. Он шел гораздо дальше Герцена.

Что же касается замечания Герцена о «свежести и молодости», которые должна принести Россия в мировое революционное движение, то в этом сквозит известная дань уважения народным массам, русскому крестьянину, который «низко склонил голову, и несчастье часто проносилось над ним, не задевая его; вот почему, несмотря на свое положение, русский крестьянин обладает такой ловкостью, таким умом и красотой, что возбуждал в этом отношении изумление Кюстина и Гакстгаузена»⁹⁸. Но в силу своей исторической ограниченности Герцен не видел и не мог видеть русского рабочего класса, силу его характера, его ум, сноровку и красоту. Это наложило печать и на решение вопроса о месте и роли России в мировом революционном процессе.

Герцен не считает правильными обвинения его в идеализации русского народа: «Не мы перенесли на народ русский свой идеал и потом, как это бывает с увлекающимися людьми, сами же стали им восхищаться, как находкой. Мы просто встретились. События последних годов и вопросы, возбужденные крестьянским делом, открыли глаза и уши слепым и глухим. С тех пор, как огромная северная лавина двинулась в России, она идет ни делалось, даже самого противоположного в России, она идет от одного социального вопроса к другому»⁹⁹. Это была верная догадка об обострении классовых противоречий в России, признание обилия важнейших социальных вопросов, к решению ко-

торых страна подошла к тому времени в своем общественном развитии. Заблуждением было выпячивание на первый план крестьянской общины.

Чернышевский и Добролюбов подвергли критике концепцию Герцена и внесли в нее серьезные изменения. Великие просветители уже по-иному смотрели на капитализм, гораздо глубже его критиковали, они старались иначе поставить вопрос и об общине. Вопрос, поставленный Герценом, продолжал волновать умы.

Ломка старых общественных отношений, первые шаги российского капитализма, обострение классовых противоречий и революционной борьбы будили социальную мысль, поднимали большие вопросы будущего. Чернышевский и Добролюбов боролись против нарождающегося в стране буржуазного либерализма, апологетики капитализма и против крепостнической, помещичьей реакции. Проникшие с Запада идеи утопического социализма были очищены от буржуазно-либерального, реформистского характера, который они к 40-м годам все более приобретали в Европе. Потеряли эти идеи и свой мистический налет, который они имели у Сен-Симона и Фурье. Социалистические идеи пытались соединить с традициями материализма. И хотя революционные демократы не дали материалистического истолкования общественной жизни, элементы материализма все же проникали и в их представления о социальных явлениях. Мощный ум Чернышевского не удовлетворился материализмом Фейербаха, он пытался применить диалектику Гегеля к явлениям общественной жизни. Чернышевский отверг теологическое снятие, которым, по словам Маркса, еще было окружено у Фейербаха понятие человека. В противоположность Фейербаху внимание русских материалистов приковывали социальные вопросы. От сочинений Чернышевского, как говорил Ленин, веет духом классовой борьбы, он ясно видел, что общество разделяется на антагонистические классы, и вплотную подошел к пониманию великой роли классовой борьбы в истории. Чернышевский ставил большие вопросы мирового развития, мирового революционного процесса.

Энгельс называл Чернышевского и Добролюбова двумя социалистическими Лессингами, сравнивая их деятельность с деятельностью наиболее крупного деятеля немецкого просвещения. Великим революционерам-просветителям были одинаково доступны вопросы литературы и искусства, проблемы экономики и истории, многообразные задачи политической борьбы в Западной Европе и России. Ленин писал о Чернышевском: «Он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм»¹⁰⁰. Сила революционных демокра-

⁹⁵ А. И. Герцен. Избранные философские произведения, т. II, стр. 309.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ См. там же.

⁹⁸ А. И. Герцен. Сочинения, т. 3, стр. 513.

⁹⁹ А. И. Герцен. Сочинения, т. 18, стр. 277.

¹⁰⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 94.

тов, их значение для развития социальной мысли состоят в том, что они соединяли острейшую критику феодализма и его остатков в России с глубокой критикой капитализма и буржуазно-либеральных апологетов «просвещенного капитала».

Н. Г. Чернышевский, неутомимо боровшийся против крепостников, наносил удары и по идеологии буржуазии. Буржуазная социальная мысль, по его мнению, идет от XVIII в. не вперед, а назад. Отношение Чернышевского к буржуазной общественной мысли XVIII в. определяется следующими его словами: «Адам Смит был, в сущности, учеником французских энциклопедистов; и как они воображали, что народу не нужно ничего иного, кроме тех вещей, которые были нужны для буржуазии, и как народ сам не замечал еще тогда, что его потребности не во всем сходны с интересами среднего сословия, шедшего тогда во главе его на общую борьбу против феодалов, так и Адам Смит не заметил разницы между содержанием своей теории, соответствовавшей экономическому положению среднего сословия, с основным своим учением о труде как источнике всякой ценности»¹⁰¹.

Время, когда в «среднем сословии» были объединены буржуазия и трудящиеся, прошло. Возникла необходимость в теории, которая выражала бы интересы трудящихся: «Прежняя теория говорит: все производится трудом; новая теория прибавляет: и потому все должно принадлежать труду...»¹⁰² На этой основе следует создавать «теорию трудящихся», говорит Чернышевский, — «так будем называть мы теорию, соответствующую потребностям нового времени, в противоположность отсталой, но господствующей теории, которую будем называть теорией капиталистов»¹⁰³. Эта «теория трудящихся» уже начинает создаваться в ходе политической, классовой борьбы. «Среднее сословие и работники издавна держат себя, уже и в Англии, как две разные партии, требования которых различны. Открытая ненависть между простолюдинами и средним сословием во Франции произвела в экономической теории коммунизм»¹⁰⁴. Но Чернышевский имел в виду при этом утопический коммунизм, преодолеть который в силу отсталости тогдашней России он не мог.

Чернышевский ополчается против некоторых из основных принципов буржуазной теории общественного развития. Буржуазные теоретики, например, «уверяют, что соперничество в нынешнем своем виде необходимо для усовершенствования про-

изводства». Писатель иронически замечает по этому поводу. «Им кажется, будто человеку хлеб вкусен бывает только тогда, когда отнят у другого»¹⁰⁵. По мнению русского мыслителя, нет никаких оснований думать, что частное предпринимательство и конкуренция — единственный двигатель прогресса, в том числе и техники: «...трудящийся не хуже капиталиста должен чувствовать выгодность усовершенствованного инструмента, если трудится в свою пользу»¹⁰⁶. Эти слова и сегодня быют не в бровь, а в глаз защитников «свободного предпринимательства», правота этих слов доказана делом миллионов трудящихся социалистических стран.

В противоположность буржуазным классовым интересам, которые основываются на голой корысти, трудящиеся имеют свои общие интересы товарищества: «Не имея причин зложелательствовать друг против друга, трудящиеся не имеют побуждений держаться каждый особняком. Напротив, они имеют прямую экономическую необходимость искать взаимного союза»¹⁰⁷. Однако из этого верного положения Чернышевский делал неверные выводы о возможности создания так называемых товариществ трудящихся. В этом Чернышевский не уходил от идей Сен-Симона и Фурье, под влиянием которых он рисует свои «товарищества трудящихся», располагающие промышленными мастерскими, больницами, школами, библиотеками, концертными залами, столовыми и даже магазинами. Члены товарищества занимаются также земледелием. За работниками сохраняется заработная плата. Товарищество обеспечивает своих членов и жилищем, сохраняя квартирную плату. «Словом сказать, товарищество находится относительно своих членов в таком же положении, как фабрикант и домохозяин относительно своих работников и жильцов»¹⁰⁸. Это была пропаганда идеи общественной собственности в противовес апологии частнособственности. Писатель убедительно показывает, что подлинный экономический, социальный и интеллектуальный прогресс человечества должен быть связан с установлением и развитием общественной собственности.

С этих позиций подходит Чернышевский и к вопросу об исторических судьбах общины. Он высмеивает взгляды славянофилов, провозгласивших, будто община является фактом исключительной русской или славянской истории. Чернышевский подчеркивает, что «общинное поземельное устройство в том виде, как существует теперь у нас, существует у многих других народов, еще не вышедших из отношений, близких к патриархальному

¹⁰¹ Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. II. М., 1948, стр. 345.

¹⁰² Там же, стр. 309.

¹⁰³ Там же, стр. 352.

¹⁰⁴ Там же, стр. 346.

¹⁰⁵ Там же, стр. 363.

¹⁰⁶ Там же, стр. 362.

¹⁰⁷ Там же, стр. 363.

¹⁰⁸ Там же, стр. 373.

быту, и существовало у всех других, когда они были близки к этому быту... Сохранение общины в поземельном отношении, исчезнувшей в этом смысле у других народов, доказывает только, что мы жили гораздо меньше, чем эти народы»¹⁰⁹. Установление частной собственности на землю было прогрессивным этапом, но введение в будущем общинной собственности отнюдь не будет простым сохранением существующего порядка или возвратом вспять. Это будет качественно новый, высший этап общественного развития. Полемизируя со своими противниками, Чернышевский приводит положение гегелевской диалектики: «По форме высшая степень развития сходна с началом, от которого оно отправляется». Он прослеживает действие закона отрицания отрицания на материале естественных и общественных наук, включая лингвистику, и возвращается затем к истории общины.

В каких же условиях общинная форма собственности будет означать новый, высший этап социального развития? Чтобы ответить на этот вопрос, Чернышевский останавливается на том моменте аграрной истории, когда «обработка земли начинает требовать таких капиталов, которые превышают средства огромного большинства земледельцев, а земледельческое хозяйство требует таких размеров, которые далеко превышают силы отдельного семейства, а по обширности хозяйственных участков также исключают (при частной собственности) огромное большинство земледельцев от участия в выгодах, доставляемых ведением хозяйства, и обращают это большинство в наемных работников. Этими переменами уничтожаются те причины преимущества частной поземельной собственности перед общинным владением, которые существовали в прежние времена»¹¹⁰. Таким образом, переход к общинной собственности подготавливает развитие капитализма, его вторжение в сельское хозяйство, как это происходит на Западе. В этих новых условиях, по мнению Чернышевского, уничтожаются те преимущества, которые частная собственность имела перед общинной, и «общинное владение представляется нужным не только для благосостояния земледельческого класса, но и для успехов самого земледелия: оно оказывается единственным разумным и полным средством соединить выгоду земледельца с улучшением работы»¹¹¹. Чернышевский оставляет в стороне вопрос, «действительно ли достигнута в настоящее время нашей цивилизацией та высокая ступень, принадлежностью которой должно быть общинное владение».

¹⁰⁹ Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. I, стр. 696.

¹¹⁰ Там же, стр. 716—717.

¹¹¹ Там же, стр. 717.

ние», его интересует логика общественного развития, его закономерность, в силу которой общественная собственность на землю должна неизбежно сменить частную собственность и стать, таким образом, высшим этапом. Нельзя не видеть, что для своего времени Чернышевский дал яркое и глубокое толкование одного из важных вопросов материального развития и даже заглянул далеко вперед, ставя вопрос о закономерности победы общественной собственности в сельском хозяйстве.

Ошибка Чернышевского состояла в том, что он считал, будто развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве на Западе, выявляющее преимущества общественной собственности в земледелии, избавляет Россию от необходимости идти западным путем. Проблема, которую в связи с этим ставит Чернышевский и которая его волнует, — это проблема возможности ускорения исторического процесса. «Нас занимает вопрос: должно ли данное общественное явление проходить в действительной жизни каждого общества все логические моменты, или может при благоприятных обстоятельствах переходить с первой или второй степени развития прямо на пятую или шестую, пропуская средние, как это бывает в явлениях индивидуальной жизни и в процессах физической природы?»¹¹² Отвечая на этот вопрос, Чернышевский приходит к правильному выводу: «Когда известное общественное явление в известном народе достигло высокой степени развития, ход его до этой степени в другом, отставшем народе может совершиться гораздо быстрее, нежели как совершался у передового народа»¹¹³. В этой связи Чернышевский говорит, что «история, как бабушка, страшно любит младших внуков»¹¹⁴.

Из этого анализа, казалось бы, логически следовал вывод, что когда передовые страны достигнут высшей стадии развития — общественной собственности, то России не надо будет проходить более низкую стадию капиталистических отношений и она сможет перейти к общественной собственности. Такой вывод делали Маркс и Энгельс, которые считали, что только после победы социалистической революции на Западе смогут отставшие страны взять курс на сокращенный путь развития.

Но, поставив вопрос о некапиталистическом пути развития отсталых стран и правильно философски и социологически его обосновав, Чернышевский давал на него ответ, тесно связанный с идеями утопического социализма. Он считал, что на Западе стадия капиталистического развития уже на исходе, и не видел

¹¹² Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. I, стр. 728.

¹¹³ Там же, стр. 729.

¹¹⁴ Там же, стр. 727.

возможностей капитализма в России. Здесь сказался утопизм Чернышевского. Подойдя очень близко к правильному решению одной из важнейших проблем общественного развития, он затем сворачивал в сторону под влиянием идей социалистов-утопистов. Для того чтобы дать правильный ответ, надо было знать, что такое пролетарская революция, какова ее роль в истории, как подготавливается она на Западе. Этой важнейшей категорией научной социологии Чернышевский не владел.

Критикуя неверную точку зрения Герцена на общину, Чернышевский пишет: «Они кроме общинного землевладения не видят у себя ничего такого, чему полезно было бы распространиться от нас на передовые страны и чем бы могли мы содействовать их оживлению. А этому обычаю Европе поздно научиться от нас, да и не нужно учиться, потому что сама она гораздо лучше нас понимает, какие новые порядки ей нужны, как их устроить и какими способами вводить»¹¹⁵. Каковы же эти порядки и какими способами их хотят вводить на Западе?

Внимательно следя за земельными отношениями на Западе, Чернышевский приходит к выводу, что там имеет место приложение капиталов в огромных размерах к земледелию, перспектив для развития и процветания мелкой крестьянской собственности там нет, ибо «мелкие производители не могут выдерживать соперничества с крупными...»¹¹⁶. Он подчеркивает, что во Франции в силу этого крепнет тяга к созданию «земледельческих союзов».

Чернышевский видит, что на Западе назревают битвы пролетариата, потому что, «с одной стороны, требования пролетариев остаются все еще неудовлетворенными, а с другой стороны, число пролетариев все увеличивается и, главное, возрастает их сознание о своих силах и проявляется их понятие о своих потребностях»¹¹⁷. Это глубоко верное наблюдение. Но к чему же сводятся потребности восстающего пролетариата? Чернышевский цитирует журнальное сообщение и вполне с его оценкой согласен: «Рабочий класс в Западной Европе волнуется, требуя применения начал товарищества к своему труду, все резче и резче провозглашая потребность работы от правительства и общих мастерских»¹¹⁸. Ясен или нет смысл движения, спрашивает Чернышевский, приведя эту цитату. Увы, смысл движения ему был не ясен. Он принимал это движение за предвестник скорой реализации программы социалистов-утопистов. Именно в этом сказался его утопизм.

¹¹⁵ Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. II, стр. 600.

¹¹⁶ Там же, т. I, стр. 323.

¹¹⁷ Там же, стр. 301.

¹¹⁸ Там же, стр. 305.

По-видимому, для Англии Чернышевский допускал некоторую возможность мирного развития к социализму, для Франции этот путь неизбежно становился насильственным. По крайней мере Чернышевский так противопоставлял путь Англии и Франции: «Сравните Англию и Францию — там и здесь владеет частная собственность; откуда же в Англии успехи земледелия, которых нет во Франции? В Англии прочный законный порядок, которого никто не осмеливается и никто не желает нарушать, потому что мирным путем законного требования и прения торжествует всякая сознанный обществом потребность; во Франции этого нет, там как ни ясно сознавай общество, как ни разумно доказывай оно необходимость реформы, реформа достигается только насильственным путем — вот главное различие»¹¹⁹. Но и во Франции насильственный путь ведет к созданию товариществ рабочих. Социалистическая революция — неодолимое движение, Чернышевский уверен в этом, но толкует он революцию на Западе неверно.

В неодолимый революционный процесс, по мысли Чернышевского, включается и Россия с ее уцелевшими остатками патриархальных времен — общинным владением. Никакого нового слова, как думал Герцен, это для Запада не представляет. Европе, конечно, не следует учиться общинному быту у России, ибо «то, что существует у нас по обычаю, не удовлетворительно для ее более развитых потребностей, более усовершенствованной техники, а для нас самих этот обычай пока еще очень хорош, а когда понадобится нам лучшее устройство, его введение будет значительно облегчено существованием прежнего обычая, представляющего сходным по принципу с порядком, какой тогда понадобится для нас, и дающим удобное, просторное основание для этого нового порядка»¹²⁰. Такова концепция Чернышевского. Он не отождествлял будущего социалистического устройства России с общиной, оставшейся от прошлого. Он считал, что в будущем социалистическом устройстве и в общине сходен лишь принцип. Поэтому он считал необходимым сохранить общину до тех времен, «когда понадобится нам лучшее устройство», т. е. до социалистических преобразований, которые наступят после революции.

В воззвании «К барским крестьянам» Чернышевский выдвигал программу, которая предусматривала, «чтобы народ всему голова был, а всякое начальство миру покорствовало, и чтобы суд был праведный, и ровный всем был бы суд, и бесчинствовать над мужиком никто не смел...»¹²¹. Разъясняя в этом же воззва-

¹¹⁹ Там же, стр. 300.

¹²⁰ Там же, т. II, стр. 598—599.

¹²¹ Там же, стр. 613.

нии порядки, существующие во Франции, Чернышевский подчеркивал, что там нет юридической разницы, «сам ли человек землю пашет, других ли нанимает свою землю пахать; много у него земли — значит богат он; мало — так беден, а разницы по званию нет никакой...»¹²² В первую очередь революционным путем следует добиться именно таких порядков. Для осуществления революционного переворота «надо только единодушие иметь между собою мужикам, да сноровку иметь, да силой заставить»¹²³. Только после революции, когда встанет вопрос о лучшем устройстве, только тогда пригодится и община как форма для решения проблемы коренных социальных изменений. Он призывал народ к революции и готовил ее.

Идеи Чернышевского по вопросам общественной жизни развивал Н. А. Добролюбов со свойственными его огромному таланту яркостью и четкостью. Решительно выступая против апологетики капитализма, он сравнивал две важнейшие исторические эпохи — феодализм и капитализм, вскрывал их общую эксплуататорскую основу, отмечая, что «с развитием просвещения в эксплуатирующих классах только форма эксплуатации меняется и делается более ловкою и утонченною; но сущность все-таки остается та же, пока остается по-прежнему возможность эксплуатации»¹²⁴. Нельзя не видеть, что этот анализ двух формаций приближается к марксизму, оставляя позади и Сен-Симона, и Фурье.

Критикуя буржуазный либерализм, Добролюбов вскрывал союз буржуазии с помещичьей реакцией, обнажал их общие классовые интересы: «Если рассмотреть дело ближе, то и окажется, что между грубым произволом и просвещенным капиталом, несмотря на их видимый разлад, существует тайный, невыговоренный союз, вследствие которого они и делают друг другу разные деликатные и трогательные уступки, и щадят друг друга, и прощают мелкие оскорбления, имея в виду одно: общими силами противостоять рабочим классам, чтобы те не вздумали потребовать своих прав...»¹²⁵ Отправляясь от этой прекрасной мысли, Добролюбов в кратких чертах рисует историческую картину возникновения этого союза: «Самая борьба городов с феодализмом была горяча и решительна только до тех пор, пока не начала обозначаться пред тою и другою стороною разница между буржуазией и работником. Как только это различие было понято, обе враждующие стороны стали сдерживать свои по-

рывы и даже делать попытки к сближению как бы ввиду нового, общего врага»¹²⁶. Немного в 1859 г. нашлось бы в Европе умов кроме Маркса и Энгельса, которые могли бы дать столь верный социологический анализ примирения «просвещенного капитала» с помещичьей реакцией.

На основе этого анализа Добролюбов делает вывод о незавершенности выполнения буржуазно-демократических задач в странах Западной Европы: «Это повторилось во всех переворотах, достигших Западную Европу, и, без сомнения, это обстоятельство было очень благоприятно для остатков феодализма как для партии уже ослабшей. Но для *мещан* эта робость, сдержанность и уступчивость была вовсе не выгодна: вместо того чтобы окончательно победить слабевшую партию и истребить самый принцип, ее поддерживавший, они дали ей усилиться из малодушного опасения, что придется поделить своими правами с остальною массою народа»¹²⁷. Такого соотношения сил внутри господствующих классов, создавшееся в Западной Европе: компромисс помещиков с буржуазией перед лицом общего врага, трусливость буржуазного либерализма.

Это соотношение сил отражается и на политическом строе западноевропейских государств: «Вследствие таких своекорыстных ошибок остатки феодализма и принципы его — произвол, насилие и грабеж — до сих пор еще не совсем искоренены в Западной Европе и часто высказываются то здесь, то там, в самых разнообразных, даже цивилизованных формах...»¹²⁸ «Своекорыстные ошибки» буржуазии обеспечили торжество реакции, произвол и насилие.

На основе этого блестящего анализа политического положения в Западной Европе, где капитализм победил, Добролюбов делает выводы и для развития России: «Да, счастье наше, что мы позднее других народов вступили на поприще исторической жизни. Присматриваясь к ходу развития народов Западной Европы и представляя себе то, до чего она теперь дошла, мы можем питать себя лестною надеждою, что наш путь будет лучше»¹²⁹. Добролюбов не вкладывает, однако, в эти слова мысль о каком-то особом, некапиталистическом пути развития. Он прямо пишет: «Что и мы должны пройти тем же путем, это несомненно и даже несколько не прискорбно для нас»¹³⁰. Добролюбов цитирует российских либералов, которые говорят то же. Но дальше он резко расходится с ними, подчеркивая свою основную мысль: «Того, что сделано у других, все еще слишком ма-

¹²² Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. II, стр. 611.

¹²³ Там же, стр. 614.

¹²⁴ Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах, т. II. М., 1952, стр. 658.

¹²⁵ Там же, стр. 663.

¹²⁶ Там же, стр. 663.

¹²⁷ Там же, стр. 664.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же, стр. 667.

¹³⁰ Там же.

ло». Надо, следовательно, идти дальше и последовательней, чем шла Западная Европа: «Что и мы на пути своего будущего развития не совершенно избежим ошибок и уклонов, в этом тоже сомневаться нечего. Но все-таки наш путь облегчен; все-таки наше гражданское развитие может несколько скорее перейти те фазисы, которые так медленно переходило оно в Западной Европе. А главное, — мы можем и должны идти решительнее и тверже, потому что уже вооружены опытом и знанием...»¹³¹ Русская революция, говоря другими словами, не пойдет по пути компромисса между помещичьей реакцией и буржуазией, не остановится на паллиативах, она должна и может выполнить свои буржуазно-демократические задачи. Едва ли можно по-другому понять эти строки Добролюбова.

В этих скупых строках, появившихся в подцензурной прессе, дана в сущности вся социологическая концепция революционных демократов.

В этой концепции Добролюбова нет мысли о конечной цели борьбы, нет упоминания об идеалах утопического социализма. Мы знаем, однако, что Добролюбов разделял эти мечты. Его перу принадлежит большой очерк о Роберте Оуэне, в котором популяризировались в меру возможностей, предоставляемых подцензурной печатью, идеалы английского социалиста-утописта. Чернышевский ссылался на этот очерк, считая его, по-видимому, важным для пропаганды социалистических идей. Можно не сомневаться, что Добролюбов разделял мнение Чернышевского о том, что после победы революции «понадобится лучшее устройство» и последует осуществление идеалов утопического социализма.

Русские революционные демократы пытались наметить лишь некоторые контуры революционной теории, того соединения «науки и революции», о котором мечтал Герцен. Особое значение имела их попытка поставить вопрос о мировом революционном процессе, в котором заняла бы свое место и Россия, шедшая к революции. Попытка русских революционеров поставить жизненно важные вопросы явилась предвестником наступления нового этапа в истории общественной мысли, обновившего всю духовную жизнь человечества и сформулировавшего подлинно научную теорию развития общества.

¹³¹ И. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах, т. II, стр. 667.

Глава третья ПЕРЕВОРОТ В ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

В 1848 г. вышел «Манифест Коммунистической партии», который означал коренной поворот в истории социальной мысли. Из всех теоретиков, принимавших в те годы участие в освободительном движении, веление времени адекватно поняли и выразили только Маркс и Энгельс, которые наиболее глубоко постигли и критически переработали достижения самой передовой общественной мысли, а также имели возможность изучить на практике и обобщить опыт борьбы рабочего класса в Германии, Франции и Англии — главнейших капиталистических странах того времени. Ленин подчеркивал, что «вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила». Маркс и Энгельс были гигантами революционной мысли и революционного дела, чей взор с величайшей силой проникал в прошлое, анализировал настоящее и устремлялся в будущее человеческого общества.

Все предшествующее развитие социальной мысли относилось к периоду падения феодализма, крепостничества и возникновения капитализма. Острейшие социальные конфликты той эпохи, бурные революции и восстания стимулировали развитие социальной мысли, ставили перед ней большие вопросы о судьбе общества, путях его развития, будущем, которое должно, по мнению передовых людей, излечить человечество от тяжелых ран, нанесенных ему суровой историей. Мысль о социальной справедливости давно уже волновала умы. Моральное осуждение эксплуатации человека человеком было произнесено еще при рождении капитализма. Когда он вышел из колыбели, обнаружилось его страшные язвы, и о них стали говорить все громче. Значение политической организации общества и могущество политического переворота были оценены, в том числе и той Европой ремесленников и мелкой буржуазии, которая поняла, что буржуазные революции ее обошли, не дав желаемого. Поднят был вопрос о судьбе в новых исторических условиях крестьянской революции в России, прогрессивные силы которой, как казалось еще недавно, были скованы вековым льдом. Словом, много было поставлено вопросов, но на них не было дано научного ответа. Подлинно научной теории общественного развития все еще не было.

А между тем уже в конце XVIII в. было объявлено, что наступает эпоха господства науки. И действительно, наука одерживала все новые огромные победы. Естественное знание и техника ушли так далеко вперед, что предшествующий этап их развития представлялся лишь предысторией. Становилось ясно, что

царство пара, перевернувшего мир, окончится и придет время еще более революционной силы — электрической искры. Как оценить значение этих новых явлений для судеб общества, человечества? В Лондоне в 1850 г. на Риджентстрит была выставлена модель электрического поезда. Среди людей, толпившихся у витрины, был Маркс¹. Все предвещало дальнейший бурный рост техники, новые успехи в различных областях знания. Через девять лет на книжных прилавках появилось «Происхождение видов» Дарвина. Идея развития пробивала себе дорогу во всех отраслях естествознания. Эта идея произвела революционный переворот и в химии. Научная атмосфера несколько напоминала времена великих побед Коперника и Галилея. Тогда социальная мысль делала только свои первые шаги. Но ныне для того чтобы возникло и успешно развивалось научное мировоззрение, необходим был революционный переворот именно в социальной мысли. В своем взлете она могла опереться на достижения естествознания, но для того чтобы осмыслить их значение для судеб общества, нужен был взлет социальной мысли. Ее неразвитость стала оковами философии, всего мировоззрения человека. В первую очередь мирозерцание необходимо было освободить от уродующего влияния классового интереса буржуазии, мешающего видеть глубже и дальше. Без этого невозможно было правильное теоретическое обобщение достижений естествознания. Нельзя было обобщить и накопленные немалые данные отдельных общественных дисциплин — истории, экономической науки и др. Синтез наук был необходим, эту потребность ощущали все передовые умы. Для них было ясно, что в общественном развитии появились новые огромные возможности. Но в чем они состояли?

Для передовых мыслителей становилось все более очевидным, что уже недостаточно рассуждать о духовном прогрессе, росте науки и конечной победе просвещения как о сути исторического процесса. Новые явления вторгались в сознание. На страницах газет и журналов, на обложках брошюр появились новые слова: «социальный вопрос», «рабочий вопрос». Какое место должны занять эти проблемы в теории общественного развития? Пролетариат заявил о своем выходе на арену истории большими классовыми битвами, стачками, баррикадами. Нельзя уже было удовлетвориться теориями политического прогресса, прославляющими замену феодальных политических порядков новыми учреждениями, устанавливающими власть буржуазии, и теориями интеллектуального развития человечества. В порядок дня был поставлен вопрос о прогрессе самой социальной организации человеческого общества. Верно ли, что утопии, говорящие об уничтожении эксплуатации и о господстве

общественной собственности, — только несбыточная мечта? Верно ли, что социальная организация буржуазного общества есть состояние, соответствующее «требованиям разума и природы человека», и что, таким образом, достигнут тот предел в общественном развитии, за которым оно должно остановиться? Эти вопросы стали важнейшими вопросами мировоззрения.

Буржуазные теоретики напрасно хитрят, заявляя, будто на этом основании проблема уничтожения эксплуатации человека человеком не является предметом науки. Вопрос о вращении Земли вокруг Солнца есть предмет науки, этого никто сейчас не отрицает, но вместе с тем этот вопрос стал одной из важнейших проблем мировоззрения, вокруг которой кипела битва идеологий. Идет ли человечество к коммунизму — этот вопрос стал коренным вопросом мировоззрения и одновременно важнейшей проблемой всей общественной науки.

Для правильного решения этой коренной проблемы развития человечества большое значение имели важнейшие мировоззренческие выводы философской мысли конца XVIII и начала XIX в.

Материалистическое мировоззрение и коммунизм

Ленин так характеризовал значение идейных битв, которые вела буржуазия в конце XVIII в.: «В течение всей новейшей истории Европы, и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п.»² Так впервые в истории было доказано величайшее революционное значение материализма для развития науки, общественной мысли и освободительной борьбы. Однако победившая буржуазия отбросила знамя философского материализма, для защиты своей власти она прибегла к различным формам идеализма, тесно связанного с религией, с верой в сверхъестественное. Кроме того, даже материалисты прошлого были материалистами, лишь когда объясняли явления природы, и становились идеалистами, рассуждая о процессах общественной жизни. В вопросах развития общества идеализм с особой яркостью проявил всю свою порочность. Он вырос в преграду на пути развития социальной мысли.

Коренной вопрос о соотношении духовной и материальной сторон жизни общества был безнадежно запутан идеализмом. Между тем без правильного его решения нельзя было и шагу сделать в анализе явлений общественной жизни, в которых

¹ См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 91.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 43.

отражались деятельность людей, их сознание и воля. Пока не была вскрыта материальная основа жизни общества, до тех пор теория общественного развития неизбежно сводилась к более или менее произвольным построениям, в которых воля и сознание творили исторический процесс, как им заблагорассудится. С этих позиций вопрос об уничтожении эксплуатации человека человеком, о смене эксплуататорского строя социализмом был по существу неразрешим. Дальше благих пожеланий дело не шло. Что же касается революционной теории, то она неизбежно сводилась к волюнтаризму и руководством к действию быть не могла.

Если мыслитель-идеалист и подходил к такому важному вопросу, как соотношение общества и природы, задумывался над проблемой общественного труда — ключевой проблемой социального развития, он, ослепленный идеалистическими догмами, каждый раз поворачивал в сторону от правильного решения. Он признавал, что производство состоит в воздействии работающего на материю и ее силы. Но признание этого факта есть лишь предпосылка для применения философского материализма к изучению исторического процесса. Остановиться на этом положении еще отнюдь не значит применить философский материализм к пониманию важнейшего вопроса общественного развития.

Во-первых, надо объяснить именно развитие этого процесса воздействия на природу. Здесь для идеалиста открывается возможность заявлять, что развитие разума, человеческого духа в конечном счете определяет растущее и углубляющееся воздействие рабочего на материю и ее силы. Философский материализм требует материалистически объяснить источник саморазвития этого процесса.

Во-вторых, необходимо вскрыть существо общественных связей, объединяющих людей в процессе труда, ибо человек в этом процессе выступает не изолированно, не в одиночку. Идеализм подстерегает мыслителя и тут, нашептывая ему, что существо этих связей надо искать в сфере сознания, в человеческой психике. Таким образом, идеи, настроения будут в итоге основой всего развития общества.

Из сказанного видно, что применение философского материализма к пониманию явлений общественной жизни возможно только в том случае, если это материализм диалектический, если он может объяснить смену социальных состояний в истории общества как их саморазвитие, указав с материалистических позиций внутренний источник движения общества.

И все же материализм прошлого, ограниченный и метафизичный, имел большое влияние на развитие социальной мысли. Известно замечание Маркса о том, что одно из направлений французского материализма «вливается непосредственно в со-

циализм и коммунизм»³. Из посылок материализма ничего нет легче вывести социализм — так резюмирует Ленин мысль Маркса, конспектируя «Святое семейство»⁴. Эти послышки говорили о необходимости в первую очередь перестроить «чувственный мир». Таким образом, правильный ответ на основной вопрос философии уже содержал посылку социализма, его требование перестроить окружающую человека действительность. «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими»⁵, — писал Маркс о логическом выводе из посылок материализма. Маркс приходил к заключению, что французские коммунисты, как Дезамы, или английские, как Оуэн, развивали «учение материализма как учение *реального гуманизма* и как *логическую основу коммунизма*». Следовательно, развитие гуманизма неизбежно приводило к материализму, ибо только материализм способен создать реальный гуманизм. По мнению Маркса, и «*Фурье* исходит непосредственно из учения французских материалистов». Коммунизм, социализм не могут не исходить из материалистических посылок, ибо они требуют изменения условий жизни человека для освобождения и развития личности. Без материалистической традиции философской мысли не могли бы развиваться социалистические учения. «*Бабувисты* были грубыми, неразвитыми материалистами, но и развитой коммунизм ведет свое происхождение *непосредственно от французского материализма*»⁶, — подчеркивал Маркс.

В этом же смысле Маркс писал и Фейербаху относительно его работ: «В этих сочинениях Вы — я не знаю, намеренно ли — дали социализму философскую основу, и коммунисты сразу же так и поняли эти Ваши работы. Единение людей с людьми, основанное на реальном различии между людьми, понятие человеческого рода, перенесенное с неба абстракции на реальную землю, — что это такое, как не понятие общества»⁷.

Речь идет во всех этих случаях именно о посылках материализма. Но только из посылок материализма не могло быть выведено ничего большего, чем утопический социализм и коммунизм. Для того чтобы возник научный коммунизм, должен был развиваться и сам материализм. Он должен был охватить явления общественной жизни, дать им глубокое и полное материалистическое истолкование. Те связи, которые в истории социальной мысли наметились между философским материализмом и социалистическими учениями, должны были развиваться и обогатиться.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 145.

⁴ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 31.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 145—146.

⁶ Там же, стр. 146.

⁷ Новые документы К. Маркса и В. И. Ленина. Цит. по журналу «Проблемы мира и социализма», № 2, 1958, стр. 9.

Маркс, говоря о материализме как об учении реального гуманизма и как о логической основе коммунизма, указывает на связь между философской и социальной мыслью на протяжении столетий. Существует логическая и историческая связь между материалистической традицией философии и гуманизмом. Гуманизм в свою очередь логически и исторически являлся одной из предпосылок возникновения утопического социализма. Идеи гуманизма вдохновляли утопистов в поисках общественного устройства, достойного человека. Это было дальнейшее продолжение и углубление идей гуманизма, признание истинности материалистических посылок. Идеи гуманизма логически приводили к отрицанию уродующего человеческую личность строя угнетения и грубой частнособственнической корысти.

Но для того чтобы был решен вопрос о социальных условиях, необходимых для полного и всестороннего развития человека, мало было посылок старого материализма. Нужен был материализм в его наиболее развитом, полном виде. Надо было понять общественную природу человека, материальную сущность и основу общественных отношений, которые определяют судьбы людей и выступают как объективная сила социального прогресса, указать реальные возможности и перспективы переустройства этих общественных отношений. Ничего этого метафизический материализм дать не мог. Исходя из предпосылок материализма, мыслители логически приходили к идеям социализма и коммунизма как к реальному гуманизму. Но они не могли ответить на вопрос о том, как достичь этого идеала, каковы действительные пути к нему и в чем, собственно, должен состоять реальный идеал, к которому следует стремиться. Здесь они оказывались в плену идеализма.

Только научный коммунизм стал подлинной наукой о человеке как существе социальном, об условиях, необходимых для его полного развития. У Фейербаха, по словам Маркса, человек был окружен теологическим ореолом абстракции; только с возникновением марксизма действительный человек стал предметом социальной мысли.

Материализм был освобожден Марксом и Энгельсом от присущей мыслителям XVIII и XIX вв. ограниченности. Само понятие «материя» было поднято на новую, качественно более высокую ступень: под материальным стали понимать не только природное, но и социальное, например, производственные отношения, которые, как таковые, нельзя положить под микроскоп, но которые вместе с тем весьма ощутимо, с неумолимостью естественного закона управляют всей жизнедеятельностью социального организма и отдельных людей. И человек в полной мере стал объектом философской мысли. Не слабый отсвет действительного человека, сведенного до положения духовной сущности, не пассивный аппарат, воспринимающий сигналы внеш-

него мира, а человек действующий, изменяющий мир и самого себя. «Маркс,— указывает Ленин,— не остановился на материализме XVIII века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха»⁸. Указывая на это, Ленин подчеркивает, что главным приобретением была диалектика, т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде.

Диалектика и научный коммунизм

Для того чтобы теория общественного развития из отдельных более или менее удачных догадок стала подлинной наукой, необходимо было значительно обогатить само понятие развития, идея развития должна была приобрести подлинную глубину и полноту. Большое значение для этого имели выводы буржуазной общественной мысли начала XIX в., и в первую очередь Гегеля. Он подверг глубокой критике характерные для XVIII в. ложные представления о развитии как о некоем одностороннем процессе. От этих представлений хотел уйти Фурье, но, сделав шаг вперед, он попал в плен циклической схемы. Только диалектика могла дать представление о развитии общества с отступлениями назад и с повторением пройденного на более высоком уровне.

Метафизическое противопоставление Сен-Симона разрушительных и созидательных эпох было наивной попыткой понять сочетание эволюционного и революционного путей в развитии общества. Диалектика Гегеля указывала дорогу к правильной постановке этой проблемы. Развитие — непрерывный процесс возникновения нового и уничтожения старого, процесс восхождения от низшего к высшему. Огромное значение имело учение Гегеля о том, что противоречия повсюду порождают движение, медленные количественные изменения вызывают скачки, приводящие к изменению качества. Немецкий философ обобщил и развил многие идеи, которые высказывали передовые умы человечества, и Герцен был прав, называя диалектику «алгеброй революции».

Однако диалектику Гегеля нельзя было в готовом виде успешно применить к решению проблем, поставленных теорией общественного развития. Такое «применение» не вскрыло бы главного — источника самодвижения общества. Наука мало продвинулась вперед, оттого что вместо человеческих страстей, фигурирующих у Фурье, появился абсолютный дух. С его помощью нельзя было дать никакого разумного объяснения тех

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 43.

конкретных проявлений капитализма, которые увидел, например, Фурье. Поднятая Сен-Симоном проблема роли и перспективы покорения человеком природы также не могла получить разрешения от применения к ней диалектики идей.

До Маркса предпринималось немало тщетных попыток соединить утопический социализм и коммунизм с гегелевской идеалистической философией. Таким путем надеялись создать новое мировоззрение. В конце 1842 г. в Париж, например, приезжал немецкий журналист Гесс, хлопотавший о соединении левого гегельянства с утопическим коммунизмом. Он пытался установить связи с обществом «Союз справедливых» в Париже. Гесс всячески превозносил действие и «философию дела», но в своей политической концепции не пошел дальше индивидуалистического анархизма, наглядно доказав, что соединение гегелевской идеалистической философии с утопическим коммунизмом — дело бесплодное и способное увлечь лишь небольшие группы философствующих интеллигентов⁹. Левый гегельянец А. Руге также побывал в Париже, пропагандируя немецкую идеалистическую философию и стремясь «объединить» ее с некоторыми левыми французскими течениями. Он считал, что немецкая философия «до тех пор не станет силой, пока она не выступит в Париже, соединившись с французским духом»¹⁰. Но в действительности дело сводилось лишь к туманным идеалистическим рассуждениям о гуманизме. Механическое объединение левого гегельянства и утопического социализма и коммунизма было совершенно бесплодно. Маркс и Энгельс в своих ранних работах дали уничтожающую критику таких попыток.

Для того чтобы создать цельное и последовательное революционное мировоззрение, философской основой которого мог быть лишь диалектический материализм, должны были подвергнуться коренной творческой переработке и традиции французского социализма, и самая основа немецкой классической философии, диалектика должна была освободиться от оков идеализма, а критика буржуазного строя должна была дойти до его основ, до экономических и социальных отношений, а не ограничиваться лишь моральным осуждением этого строя.

В своей «Философии истории» Гегель сам попытался применить идею развития к истории. Он изображал всемирную историю как своеобразную лестницу, ведущую человечество ко все большему духовному совершенству. Это была попытка объяснить прошлое, уложив его в прокрустово ложе идеалистической схемы. Идеализм ничего не мог сказать о будущем челове-

ского общества, не мог заглянуть в него, не обнажив реальные тенденции развития в настоящем. Гегель потерпел жестокое поражение, заговорив о будущем человечества, пытаясь остановить историю, увидеть ее завершение в жалком настоящем Германии того времени.

Но у Гегеля были и гениальные догадки об историческом процессе. Он близко подходил к пониманию фундаментального значения процесса труда в общественном развитии. Именно в этом вопросе его теория содержит зачатки исторического материализма. Эти зачатки увидели Маркс и Энгельс, они развили и обогатили их, создали стройную теорию. Конспектируя гегелевские лекции по философии истории, Ленин отмечает следующую важную мысль Гегеля: «Человек со своими потребностями относится к внешней природе практически; удовлетворяя свои потребности с помощью природы, он ее преодолевает, действуя при этом в качестве посредника. Дело в том, что предметы природы могущественны и оказывают всякого рода сопротивление. Чтобы покорить их, человек вставляет между ними другие предметы природы, обращает таким образом природу против самой природы и изобретает для этой цели орудия»¹¹. Несомненно, здесь был заложен правильный подход к анализу процесса труда — основы развития общества. Эту же мысль развивает Гегель в следующих словах: **«В СВОИХ ОРУДИЯХ ЧЕЛОВЕК ОБЛАДАЕТ ВЛАСТЬЮ НАД ВНЕШНЕЙ ПРИРОДОЙ, ТОГДА КАК В СВОИХ ЦЕЛЯХ ОН СКОРЕЕ ПОДЧИНЕН ЕЙ»**¹². Ленин, приводя это высказывание Гегеля, пишет: «На деле цели человека порождены объективным миром и пред- полагают его, — находят его как данное, наличное»¹³. Эти мысли Гегеля показывали возможность применения материализма к пониманию важнейших явлений общественной жизни, материалистического подхода к анализу основы всей деятельности человека. Изучая эти мысли Гегеля, Ленин характеризует **«ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ КАК ОДНО ИЗ ПРИМЕНЕНИЙ И РАЗВИТИИ ГЕНИАЛЬНЫХ ИДЕЙ — ЗЕРЕН, В ЗАРОДЫШЕ ИМЕЮЩИХСЯ У ГЕГЕЛЯ»**¹⁴. Таким образом, диалектика, наиболее полное учение о развитии, даже скованная идеалистической системой, пробивалась сквозь эту систему, приводила к зарождению ряда правильных выводов относительно важнейших сторон общественной жизни.

Идеалистически ставил Гегель и вопрос о необходимости в историческом процессе, об эпохах всемирной истории как необходимых ступенях развития. Он выступил против теорий,

⁹ См. О. Корню. Маркс и Энгельс. Жизнь и деятельность, т. I. М., 1959, стр. 383 и сл.

¹⁰ Там же, стр. 462 (прим. 36).

¹¹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 286.

¹² См. там же, стр. 172.

¹³ Там же, стр. 171.

¹⁴ Там же, стр. 172.

изображавших исторический процесс как нагромождение случайностей, как сферу произвола. В идеологической борьбе того времени это имело большое значение. Хотя и на идеалистический лад, он поставил вопрос об отделении, отчуждении деятельности человека в условиях господства частнособственнических отношений и тем самым открыл путь к критике идеологии и общественных отношений буржуазного общества.

Теории общественного развития как воздух был нужен диалектический метод в органическом соединении с материализмом, ибо идеализм в истолковании явлений общественной жизни показал свою неспособность решить коренные проблемы. Оказалось невозможным определить сущность общественных отношений с позиций идеализма. Гегель, как писал о нем Маркс, «на место человека ставит самосознание», и благодаря этому «самая разнообразная человеческая действительность выступает здесь только как *определенная форма самосознания, как определенность самосознания*»¹⁵. Нужна была титаническая работа мысли, чтобы вместо догадок о действительности на основе анализа форм сознания создалась научная теория общественного развития, объясняющая реальные процессы, раскрывающая их объективные законы и решающая вопрос об отражении этих процессов в сознании людей.

Но для возникновения научного коммунизма, опирающегося на подлинно научную теорию общественного развития, на наиболее полное и глубокое понимание деятельности общественно-го человека, необходимы были огромные успехи мысли не только в области философии, но и в исследовании особой области общественной деятельности людей — области производства. Без анализа материального производства нельзя понять человека как общественное существо. В этом случае мысль обречена довольствоваться фейербаховским абстрактным человеком, не переходя от утопического к научному коммунизму. В трудах социалистов-утопистов, особенно у Сен-Симона, социальная мысль вплотную подошла к вопросу о роли этой сферы для будущего человечества, но остановилась у порога. Гегель пытался с философских позиций понять смысл труда в историческом процессе. Но идеализм сковал его попытку, не дал ей развиться.

Важнейшая сфера деятельности человека

Между тем многие ученые и мыслители упорно разрабатывали вопросы экономической науки, подготавливая необходимые предпосылки для выделения и изучения основной сферы человеческой деятельности — производства. В работах ряда англий-

ских ученых, изучавших материальные условия жизни человека, высказывались верные мысли: они провозглашали, что источником всего богатства общества является труд, разрабатывали трудовую теорию стоимости, которая определяется количеством труда, измеренного временем; обмен товарами есть в конечном счете обмен трудовой деятельностью.

Еще в 1662 г. Уильям Петти заявлял, что стоимость товаров определяется трудом, вложенным в их изготовление. Что стоимость является результатом человеческого труда, признавал и Джон Локк. Адам Смит рассматривал прибыль как продукт неоплаченного труда наемных рабочих. Маркс писал в связи с этим: «Насколько важно было свести *стоимость* к труду, настолько же важно было *прибавочную стоимость*, которая представлена в *прибавочном продукте*, свести к *прибавочному труду*. По сути дела это было сказано уже А. Смитом...»¹⁶

Таким образом, важнейший вопрос теории общественного развития — вопрос об эксплуатации человека человеком, о социальной сущности процесса производства в классовом обществе — приближался к решению. Но Смит и другие представители классической буржуазной политической экономии не раскрыли сути капиталистических отношений, глубочайших противоречий, свойственных капитализму. Они не показали, какую роль играет производство в историческом процессе, не создали теории общественного развития.

И все же изучение вопроса о социальной структуре подвинулось значительно вперед, если иметь в виду прежние представления о едином «третьем сословии» или совершенно наивные противопоставления «богатых» и «бедных». Смит видел в капиталистическом обществе три класса — рабочих, капиталистов и землевладельцев; заработная плата, прибыль и рента — форма доходов каждого из них.

Таким образом, перед наукой только еще открывалась важнейшая сфера деятельности человека — производство. Английские экономисты направили свое внимание на материальную деятельность людей и добились немалых успехов в ее изучении. Они сделали важные шаги по пути анализа капитализма, а следовательно, создали и предпосылки для его научной критики, для выявления его основного противоречия. Критика капитализма устраняла антинаучное представление об этой социальной системе как пределе развития. Общественный характер производства и частный характер присвоения — отнюдь не конечный пункт исторического процесса. Частный характер присвоения неизбежно станет величайшим тормозом для развития производства. Теория общественного развития приобретала прочную научную базу.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 209.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. III, стр. 246.

Но английские экономисты сделали лишь первые шаги. Сами представители английской школы политической экономии и не помышляли об уничтожении капитализма и замене его новым общественным строем. Наоборот, капиталистический строй казался им «естественным порядком», наиболее соответствующим «натуре человека». Для того чтобы философский материализм был распространен на жизнь общества, чтобы он глубоко и всесторонне охватил эту жизнь, вскрыл ее материальную основу, необходимо было создать марксистскую политическую экономию. Последняя в свою очередь стала теоретической основой научного коммунизма. Отныне социальная мысль уже не могла развиваться без опоры на диалектику и материализм, без опоры на марксистскую политическую экономию.

Научный анализ экономики буржуазного общества стал оружием огромного значения в борьбе объединенного труда против капитала; пропаганда основных положений этой теории стала важным средством объединения рабочих, создания партии рабочего класса, борющейся за победу над эксплуататорами.

Вопросы политической экономии Маркс рассматривал в широком философском аспекте. Уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он близок к выявлению характерных черт капиталистической эксплуатации, подчеркивая «враждебную взаимную противоположность» между трудом и капиталом, выясняя, что самый ход экономического развития ведет к революции и эмансипации рабочих и это «заключает в себе общечеловеческую эмансипацию». В занятиях политической экономией Марксу большую помощь оказал Энгельс, который к тому времени, переехав в Англию, уже основательно познакомился с чартистским движением, с утопическим социализмом Оуэна и в «Немецко-французском ежегоднике» опубликовал статью «Наброски к критике политической экономии», содержащую некоторые выводы из его занятий вопросами экономической теории.

Маркс и Энгельс, объединив философский материализм и экономическую теорию, доказали, что господство человека, полное его возрождение означают испровержение мира частной собственности. Маркс так резюмировал впоследствии ход своих мыслей: «Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в 1844 г. в издававшемся в Париже *«Deutsch-Französische Jahrbücher»*. Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и фран-

цузских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии»¹⁷.

В результате глубокого анализа экономической основы общества были развиты взгляды на мировой исторический процесс, на его движущие силы. Что касается вопроса об источниках самодвижения общества, то Гегель широко распахнул двери для правильного понимания развития как диалектического процесса. Но он упрятал всю всемирную историю в голову человека, объявив ее порождением сознания, мысли, духа. Изучение экономики давало ключ к пониманию социальной структуры общества, но английские мыслители не ставили проблему развития, изменения этой структуры, противоречий в ней, которые ведут к изменениям самой структуры. Хотя историческая наука начала XIX в. накопила немало важнейших наблюдений относительно социальных противоречий, она не дала сколько-нибудь законченной теории общественного процесса, ограничившись его описанием.

Источник развития классового общества

Буржуазные историки времен реставрации во Франции ярко и убедительно показали, что в истории общества существует классовая борьба («борьба сословий», по их терминологии). Это был значительный шаг вперед по сравнению со взглядами на исторический процесс французских просветителей XVIII в., видевших в истории лишь шествие разума, побеждающего невежество. Это был шаг вперед и по сравнению с Гегелем, который хотя и говорил о диалектическом характере исторического процесса, но в конечном счете сводил все дело к деятельности духа. Утверждение Гизо, что «борьба сословий» делает историю¹⁸, было дальнейшим шагом вперед и по сравнению со взглядами Сен-Симона и Фурье. Великие классовые битвы французской буржуазной революции не прошли даром, и ученые буржуазии заговорили о борьбе классов. Представления о «борьбе сословий» лежат в основе трудов французских историков Гизо, Тьерри, Минье.

Но история борьбы классов оканчивалась для них установлением буржуазных порядков. Они увидели борьбу «третьего сословия», но на этом и остановились. Живая нить исторического процесса как бы обрывалась с победой буржуазии. Резюмируя их взгляды, Маркс писал: «Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет. До сих пор была история, потому что были феодальные институты и потому что в этих

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 6.

¹⁸ См. Г. В. Плеханов. Сочинения, т. VIII, изд. 2. М., 1923, стр. 12.

феодалных институтах мы находим производственные отношения, совершенно отличные от производственных отношений буржуазного общества, выдаваемых экономистами за естественные и потому вечные»¹⁹. Чтобы стать наукой, теория общественного развития должна была преодолеть этот барьер, возведенный классовыми интересами буржуазии. Анализ экономической основы капиталистического общества с позиций материалистической диалектики дал глубокое научное понимание основы классовой борьбы.

Идеологи буржуазии лезли из кожи вон для того, чтобы изобразить капиталистический строй как вечный, соответствующий «требованиям вечного разума» «человеческой природы», велениям «абсолютного духа» и т. д. Философия, религия, право, экономическое учение были призваны обосновать эти догматы. Все рычаги своего влияния на трудящихся буржуазия пустила в ход, для того чтобы держать пролетариат в плену этих догматов.

«Только философский материализм Маркса, — пишет Ленин, — указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма»²⁰.

Для Маркса движущей силой истории является не идея, а массы, он заявляет, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»²¹. Уже в ранних произведениях Маркс хорошо понимает, что «для уничтожения идеи частной собственности вполне достаточно идеи коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется действительное коммунистическое действие»²². И он глубоко верит, что «история принесет с собою это коммунистическое действие», что будущее принадлежит коммунистическому движению²³.

Важнейшее отличие «нового направления» состояло в том, что оно провозглашало: «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту нетронутую народную почву, свершится эмансипация немца в человека»²⁴. Из этого вытекала задача просветить и организовать пролетариат. Это было время, когда Маркс, живя в Париже, устанавливает отношения с «Союзом справедливых», когда он изучает опыт

французского рабочего движения и с большой теплотой и уважением пишет о «французских социалистических рабочих»: «Человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их загрубелых от труда лиц на нас сияет человеческое благородство»²⁵. Из опыта революционной борьбы рабочего класса во Франции он делает выводы и для Германии: «Пролетариат зарождается в Германии в результате начинающего прокладывать себе путь промышленного развития...»²⁶ С этим связано будущее страны.

По выражению Ленина, Маркс указал единственное средство для того, чтобы изменить мир, — «найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению должны — составить силу, способную сменить старое и создать новое»²⁷. Это был важнейший результат критики старого мира. Господство человека, полное его возрождение означают ниспровержение мира частной собственности — такова миссия пролетариата, который, освобождая себя, освобождает и все общество.

Так была провозглашена необходимость просветить и организовать пролетариат для великой освободительной борьбы. Было указано значение революционного мировоззрения для пролетариата, неразрывная связь этого мировоззрения с его освободительной миссией, с его политической борьбой. Что же касается революционного мировоззрения, то оно не может существовать без философской основы, не может сводиться к набору сентенций о принципах устройства будущего общества, оно должно опираться на прочную философскую базу, содержать критику политических, экономических и идейных устоев старого общества. Без такого революционного мировоззрения невозможно сплочение пролетариата в политическую организацию, создание партии рабочего класса, который уже начал национальные, социальные и политические бои. Возникновение научного коммунизма и возникновение партии, правильно выражающей интересы пролетариата, неразрывно связаны между собой.

Политическая организация рабочего класса

Впервые в истории социальной мысли Марксом и Энгельсом было сформулировано важнейшее положение о роли политической организации рабочего класса, его партии для общественного развития. Без этого не может в полную меру проявиться великая социальная энергия рабочего класса. В истории не было еще такой политической организации трудящихся, кото-

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 142—143.

²⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 47.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, стр. 422.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 606.

²³ См. там же.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, стр. 428.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 607.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, стр. 428.

²⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 47.

рая охватывала бы весь угнетенный класс, а не отдельные разрозненные его отряды, сплачивала бы все передовые силы класса, указывала бы ему научно обоснованную перспективу борьбы, ближайшие конкретные задачи и конечные цели, систематически руководила бы этой борьбой. До возникновения политической партии рабочий класс был раздроблен на различные социалистические и полусоциалистические секты. Коренной перелом, предвещавший конечную победу эксплуатируемых над эксплуататорами, наступил во всемирной истории, когда рабочий класс создал свою политическую организацию и свою революционную идеологию. Пролетариат начал объединяться, сплачиваться в стройные, дисциплинированные ряды для систематической борьбы с капиталом. «Ничего подобного даже приблизительно не было у крепостного крестьянина, не говоря уже о рабах»²⁸, — писал В. И. Ленин.

В чем же состоит коренное отличие политической организации рабочего класса от всех организаций прошлого, почему возникновение политической партии пролетариата означает крутой перелом во всемирной истории и в развитии революционной теории?

О далеких временах древности В. И. Ленин говорил: «Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»²⁹. Восстание рабов под руководством Спартака создало лишь свою военную организацию, которая и прекратила существование после разгрома армий восставших. Когда рабам удавалось захватить власть на более длительный срок, они создавали на ограниченной территории изолированные от всей остальной массы рабов «государства» во главе со своими «царьками». Эти государства исчезали, подавленные военной силой рабовладельцев. Прочной политической организации не могло создать и крепостное крестьянство, хотя крестьянские войны были в истории более высоким этапом революционной борьбы, чем восстания рабов. Стихийное революционное творчество крестьянских масс создавало различные повстанческие организации, ограниченные районом восстания, но оно не способно было породить политические партии. Это были главным образом организации армий восставших крестьян, ограниченные временем и местом восстания. Пока пролетариат был еще слаб, крестьянские массы чаще всего шли на поводу у буржуазии, которая руководила ими в своих классовых интересах.

«Человечество шло к капитализму, — продолжает Ленин свою мысль об историческом развитии политической организации эксплуатируемых классов, — и только капитализм, благодаря городской культуре, дал возможность угнетенному классу пролетариев осознать себя и создать то всемирное рабочее движение, те миллионы рабочих, организованных по всему миру в партии, те социалистические партии, которые сознательно руководят борьбой масс»³⁰.

Истоки нынешних великих побед трудящихся восходят к тому времени, когда пролетариат накопил силы, осознал себя как класс и создал свою политическую организацию — партию, которая способна сознательно руководить борьбой масс. Только с появлением политической организации рабочего класса, ведущей борьбу под знаменем научного коммунизма, исторический прогресс обрел величайшую силу, появился тот рычаг, с помощью которого стало возможным перевернуть мир эксплуатации и угнетения. С этого времени рабочий класс превращается в самостоятельную политическую силу, способную своей борьбой во главе трудящихся коренным образом изменить общественные отношения. В ходе борьбы складывается союз рабочего класса и крестьянства, представляющий собой фактор огромного социального и политического значения. Пролетариат привлекает на свою сторону различные слои трудящихся, переплетая их с своей интеллигенцией. Возможности в корне меняются. Возникновение революционной теории и партии рабочего класса — новый всемирно-исторический этап в идейном развитии и в освободительной борьбе всего человечества.

Классовая борьба пролетариата развивалась от отдельных вспышек к таким мощным политическим революционным выступлениям, как восстание парижских рабочих 1848 г., а затем к Коммуне 1871 г. Возникновение и история марксизма есть вместе с тем история развития политической организации рабочего класса от Союза коммунистов к I Интернационалу, а затем к созданию социал-демократических партий в ряде стран. Развитие научного коммунизма неотделимо от истории политической организации пролетариата, его партий.

В те годы, когда возникал научный коммунизм, было немало болотных огоньков, которые старались заманить пролетариат на ложный путь. В 20-х и 30-х годах XIX в. много советов было дано рабочему классу представителями различных мелкобуржуазных течений, старавшихся растворить пролетариат в общей массе «народа», а также деятелями либеральной буржуазии, которые были заинтересованы в том, чтобы усилить буржуазное влияние на рабочий класс, превратить пролетариат

²⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 82.

²⁹ Там же.

³⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 82.

в послушное орудие буржуазного либерализма. Чтобы смело и уверенно идти вперед, пролетариат должен был отбросить эти советы, нанести «смертельный удар всем этим шумным, пестрым, крикливым формам домарковского социализма»³¹, — как говорил Ленин. Жизнь поставила перед рабочим классом такие сложные вопросы: как ему следует действовать, вступив на политическую арену, какие формы и методы борьбы следует пустить в ход, каковы ближайшие и конечные цели начавшейся борьбы, как наиболее эффективно организовать свои силы во имя успеха в разгоревшейся битве? На эти вопросы не было готового ответа. Его следовало найти. Ответ должна была дать социалистическая теория.

В возникавших тогда организациях рабочего класса намечались следующие основные линии, которые показывали, что вопрос о правильной революционной теории стал самым жизненным, самым важным историческим вопросом. С одной стороны, тогда уже наметились попытки создания массовых политических организаций рабочего класса. В 1840 г. в Англии возникла «Национальная чартистская организация», явившаяся важным этапом в развитии рабочего движения.

С другой стороны, для Франции в этот период было характерно создание тайных обществ, более или менее законспирированных заговорческих политических организаций, в которых участвовали рабочие. В них возрождались традиции движения «заговора равных» Бабёфа времен французской буржуазной революции. Главным выразителем этих мечтаний явился страстный революционер Огюст Бланки. Он сам и его последователи считали, что пробил час второй великой революции, что непосредственной задачей ее является установление революционной диктатуры.

Видным пропагандистом идей революции, революционной диктатуры и завоевания социального равенства наравне с Бланки был Теодор Дезами. Эти идеи пропагандировали также журнал «Эгалитер» и газета «Юманитер». Под влиянием этих идей возникло тайное общество «Работники-эгалитарии». Энгельс, наблюдавший из Англии за деятельностью этого общества, как на недостаток их теоретического багажа справедливо указывал на их полное незнание «с историей и политической экономией»³².

Еще в 1848 г. Маркс и Энгельс выдвинули великий и плодотворный принцип революционной борьбы — принцип *единства* рабочего класса, который должен быть сплочен внутри страны и на международной арене. С тех пор движение рабочего клас-

са развивается под знаменем единства, на основе принципов пролетарского интернационализма. Рецидивы старых, мелкобуржуазных представлений были еще очень сильны при жизни Маркса и Энгельса. Принцип единства был встречен в штыки бакунистами; бланкисты возлагали надежды не на массы рабочего класса, а на группы заговорщиков.

Энгельс так оценивал деятельность революционеров этого типа: «Воспитанные в школе заговорничества, спаянные свойственной этой школе строгой дисциплиной, они полагали, что сравнительно небольшое число решительных, хорошо организованных людей в состоянии в благоприятный момент не только захватить власть, но и, действуя с огромной, ни перед чем не останавливающейся энергией, удерживать ее с помощью этого в своих руках до тех пор, пока не удастся вовлечь народные массы в революцию...»³³ Но революцию нельзя делать без масс. Отсутствие революционной теории тяжело сказывалось на всей практической деятельности революционеров. Различные течения утопического коммунизма и социализма не могли удовлетворить историческую потребность в выработке революционной теории.

Теория утопического коммунизма в любой ее разновидности не могла быть идейной основой для создания прочной политической, революционной организации рабочего класса, для ее организаторской и пропагандистской работы в массах, для определения стратегии и тактики политической борьбы пролетариата. Сумма идей и убеждений, при этом довольно расплывчатых, о принципах устройства будущего общества, разумеется, не представляла собой сколько-нибудь цельного революционного мировоззрения. Эти представления уживались с идеалистическими буржуазными иллюзиями. Утопический коммунизм не мог ориентировать пролетариат в создавшейся политической обстановке, не мог вооружить его правильным пониманием расстановки сил на политической арене, дать представление о подлинном соотношении конечных целей борьбы и ее конкретных задач сегодняшнего дня.

Что касается социалистов-утопистов, то они представляли себе, что их социализм разовьется без политической борьбы в недрах капитализма. Они питали надежду на то, что богачи пожертвуют свои богатства во имя создания нового общественного строя, верили в возможность примирения классов с помощью социалистической проповеди. Эти черты утопического социализма, имевшиеся у Сен-Симона и Фурье, были усугублены в теории и практической деятельности их различными эпигонами. Французский социалист-утопист середины XIX в. Луи

³¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 2.
³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, стр. 530.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 198.

Блан вошел в историю именно как ревностный сторонник примирения пролетариата и буржуазии. Спустя многие годы Ленин, клеймя российских меньшевиков, называл их сторонниками «луиблановщины».

Итак, для осознавшего себя пролетариата и для его успешной борьбы в сложных исторических условиях необходимо было цельное революционное мировоззрение, которого не мог дать утопический коммунизм или тем более утопический социализм.

Наличие этой потребности можно проследить с особой наглядностью на примере истории «Союза справедливых». Возникнув в 1836 г. как преимущественно немецкое, «наполовину пропагандистское, наполовину заговорщическое общество»³⁴, он превратился в начале 40-х годов в разветвленную интернациональную организацию с центром в Лондоне и отделениями («ложам») во Франции, Германии, Швейцарии и других странах. Однако социальная доктрина союза страдала большой неопределенностью и вообще члены его были весьма беспечны по части теории, в особенности политической экономии. Значительным влиянием в союзе пользовался утопический коммунизм Вейтлинга. Сыграв прогрессивную роль на первоначальном этапе деятельности союза, вейтлинговский коммунизм превратился к середине 40-х годов в серьезный тормоз развития той части рабочего движения, которая оказалась под его влиянием. «Установливаемая Вейтлингом связь коммунизма с ранним христианством, — писал Энгельс, — при всей гениальности отдельных положений его «Евангелия бедного грешника», привела в Швейцарии к тому, что движение большей частью попадало сначала в руки таких глупцов, как Альбрехт, а затем и корыстных пророков-шарлатанов, как Кульман... Перед лицом несостоятельности господствовавших до тех пор теоретических представлений и вытекавших из них практических ошибок в Лондоне (центре «Союза справедливых». — Г. Ф.) все более и более убеждались, что наша, Маркса и моя, новая теория правильна»³⁵. В 1847 г. большинство членов союза заявило о своем убеждении в общей правильности теории, разработанной Марксом и Энгельсом, и пригласило их вступить в союз и изложить свои воззрения в качестве манифеста его. В том же году союз был преобразован в Союз коммунистов. Место старого девиза: «Все люди — братья» — занял новый лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В феврале 1848 г. вышел в свет «Манифест Коммунистической партии» — научная программа борьбы мирового пролетариата за свое освобождение.

Путь социального прогресса

Маркс и Энгельс показали, что коммунизм — закономерный этап в развитии общества. Марксизм выдвинул важнейшие положения теории социального прогресса, создал и научно обосновал эту теорию. Он служит поэтому боевым оружием в борьбе против сил реакции. Маркс, Энгельс, Ленин в своих трудах дали стройную, научную теорию прогрессивного развития общества от первобытной общины через века господства эксплуатации к коммунизму. «Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм»³⁶.

Как невозможна высшая математика без координат Декарта, которые рассекали мировое пространство линиями x и y , так невозможно изучение общественного процесса без основных координат социальных отношений — типов производственных отношений, определенных способов производства. Пользуясь этими координатами, обществовед перестает блуждать в хаотическом потоке социальных явлений, получает возможность проследить различные формы социальных отношений той или иной эпохи, как бы пестры они ни были, понять мелкие и мельчайшие изменения, происходящие в данном обществе, найти ключ к пониманию идеологии и общественной психологии.

Зная закономерную линию исторического развития, располагая научным критерием для распознавания прогрессивного и реакционного, люди перестают блуждать в потемках, перестают быть жертвами обмана и самообмана в политике. Они могут отдать свои духовные и физические силы во имя победы великого будущего человечества. Марксистско-ленинское учение дает возможность выработать строгую и правильную оценку действия людей, классов, партий, выявлять социальную суть и направленность политических идей и учений. Коммунизм — закономерный результат развития общества; по сравнению с ним предшествующий путь человечества является лишь предысторией, ведущей к подлинной истории человека. Освободившееся от оков эксплуатации человеческое общество развивается ускоренными темпами, получает невиданные возможности для движения вперед. Свет научного коммунизма далеко озаряет дорогу экономического, социального и духовного прогресса человечества. Теория общественного развития стала теорией преобразования общества, руководством к революционному действию масс.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 215.
³⁵ Там же, стр. 222, 223.

³⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 44.

Основоположники марксизма-ленинизма показали, что основой общественного прогресса является развитие производительных сил и смена производственных отношений, происходящая в антагонистических обществах путем социальной революции. В то же время марксизм создал научный критерий для выделения ступеней исторического процесса, представляющих восхождение от низших общественных форм к высшим. Вместо хаоса «цивилизации» и «культур», вместо надуманных схем идеалистической философии истории была дана научная картина поступательного движения человеческого общества, установлена научная периодизация истории общества, показана смена общественно-экономических формаций как ступеней в прогрессивном развитии экономической, политической и культурной жизни человеческого общества. Разработав важнейшую категорию науки об обществе — понятие общественно-экономической формации, марксизм дал научное определение социального целого, научное понимание общественной жизни как единства и взаимодействия разнообразных социальных явлений и процессов, вскрыл основу этого единства и взаимодействия.

Марксизм обращен к современности, он позволяет рассматривать любое явление сегодняшней общественной жизни в перспективе, в его развитии, в тесной связи с историей общественных форм. Маркс, Энгельс, Ленин создали замечательные произведения, освещающие ярким лучом научной теории события и процессы сегодняшнего дня. Эти труды вместе с тем имеют огромное методологическое значение, ибо вскрывают закономерности общественного развития. Марксистско-ленинское учение об обществе соединяет изучение настоящего с анализом прошлого и научным взглядом в будущее.

Научно понять каждое явление общественной жизни можно лишь в том случае, если оно ставится в связь с другими явлениями и со всем социальным целым, находящимся в развитии. Обществовед, стоящий на позициях марксизма, какое бы конкретное явление он ни изучал, не теряет из виду социальное целое — способ производства, общественно-экономическую формацию, к которой это явление относится. Таким образом, исследователь никогда не теряет нить исторического процесса, перспективу общественного развития.

Марксизм изучает конкретные явления современной жизни в тесной связи с данным социальным целым, которое является ступенью в общем процессе развития человеческого общества. Вместе с тем он исследует данное конкретное социальное целое в его движении, а все процессы, происходящие внутри этого целого, рассматривает как различные стороны, составные части, элементы развития данной общественно-экономической формации.

Отмечая что бурные революции, которые сопровождали в Европе падение феодализма, наглядно показали основу общественного развития и его движущую силу — борьбу классов, Ленин пишет: «Гениальность Маркса состоит в том, что он сумел раньше всех сделать отсюда и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о *классовой борьбе*»³⁷. Последовательно развивая учение о классовой борьбе пролетариата, Маркс обосновал историческую необходимость диктатуры пролетариата, которая кладет конец господству эксплуататоров и открывает эпоху господства труда. Марксизм показал, что будущее человечества связано с революционным ниспровержением строя эксплуатации и установлением диктатуры пролетариата. Таким образом была создана цельная концепция всемирно-исторического процесса, учение о прогрессивном движении человечества. Это учение есть высшее достижение социальной мысли, подготовленное ее многовековым развитием в ходе классовой борьбы.

Именно эта концепция всемирно-исторического процесса подвергается наиболее ожесточенным нападкам буржуазных идеологов, ибо она неразрывно связана с научным коммунизмом. Именно за эту «связь» нападают теоретики буржуазии на марксизм. И основатель ревизионизма Эдуард Бернштейн, провозгласивший лозунг «движение — все, а цель — ничто», стремился «освободить» марксизм от учения о конечной цели борьбы рабочего класса. Буржуазия приводит в неиступление именно тот факт, что эта конечная цель борьбы пролетариата научно обоснована, выведена из анализа хода общественного развития.

Можно легко понять побудительные стимулы буржуазных теоретиков. Как было бы хорошо для них, если бы от марксистской теории общественного развития оказалось возможным отсечь вывод о закономерной смене капитализма коммунизмом. Такая теория общественного развития стала бы «безобидной» для буржуазии.

Но дело обстоит совсем не так, как этого хотелось бы буржуазным идеологам. Теория общественного развития, которая признает, что человечество навеки обречено жить под крышей капитализма, вечно почитать священную частную собственность на средства производства и поддерживать различные формы буржуазного государства и буржуазной идеологии, — такая теория перестает быть теорией развития и становится учением об общественном застое. Никакой научной теории развития общества, которая отказывалась бы от принципов научного коммунизма, в наше время быть не может.

³⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 47.

Вопрос о судьбе эксплуатации человека человеком в истории общества был давно поставлен как важнейший вопрос революционной борьбы и социальной мысли, и этот вопрос неизбежно следовало решить. Научная теория общественного развития выявила закономерность перехода общества от капитализма к новому социальному строю, который хотя и порождается капитализмом, но означает ликвидацию самих основ эксплуататорского строя. Превращение социализма из утопии в науку означало, что был поставлен вопрос об этой закономерности и на него дан научный ответ, основанный на экономическом, историческом и философском анализе всего хода общественного развития.

Возникновение и развитие марксизма означало коренной поворот во взглядах на роль масс в историческом процессе и огромное возрастание активной исторической деятельности масс. На основе анализа капитализма, его экономического, социального и политического развития марксизм указал роль рабочего класса, которую ему предназначала история и к выполнению которой пролетариат приступил. Марксизм всесторонне, научно обосновал идею союза рабочего класса с трудовым крестьянством и другими слоями трудящихся в борьбе за уничтожение эксплуатации. Эти идеи в корне изменили взгляды на прогресс общества. Для общественного прогресса огромное значение имеет соединение великой социальной энергии масс и научной революционной теории. Еще при жизни Маркса это продемонстрировал опыт Парижской коммуны.

Коммуна на весь мир возвестила о стихийном пробуждении могучей силы рабочего класса. Величие Парижской коммуны заключается в том, что в ее истории, как писал Ленин, «революционный инстинкт рабочего класса прорывается *вопреки* ошибочным теориям»³⁸. Парижских пролетариев сбивали столку своими теориями эпигоны утопического социализма, но здравый смысл рабочего класса все же брал верх и пролетариат проявлял революционную инициативу и творчество. Ленин подчеркивал, что «Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготовлял»³⁹. В этом одна из характерных особенностей великого восстания пролетариата XIX в. Говоря о неблагоприятных для дела победоносной социалистической революции условиях, которые сложились тогда во Франции, Ленин указывал, что французский капитализм был еще мало развит, что Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). Не было рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, не было, следовательно, серьезной поли-

тической организации пролетариата, не было тогда и влиятельных профессиональных союзов⁴⁰. Массы не овладели революционной теорией. Этим в первую очередь объясняются допущенные Коммуной серьезные ошибки, которые подробно вскрыли и проанализировали Маркс, Энгельс и Ленин, разрабатывая научно обоснованную теорию общественного развития и важнейшую составную ее часть — учение о социалистической революции.

Маркс и Ленин, изучая опыт Коммуны, в первую очередь высоко оценивали историческую инициативу масс. Опыт Коммуны наглядно показал, как необходимо для строительства нового общества живое творчество трудящихся. «Историческую инициативу масс Маркс ценит выше всего»⁴¹, — подчеркивал Ленин. Но эта огромная созидательная, революционная энергия масс может проявиться с должной эффективностью только при наличии политической организации пролетариата, его партии, его авангарда, способного вести за собой рабочий класс и всю основную массу трудящихся. Без этого невозможно правильное и глубокое осознание пролетариатом своих задач в революционной борьбе, понимание исторически возможных конкретных способов их осуществления.

Важный вывод, сделанный Марксом, Энгельсом и Лениным из опыта революционной борьбы, в том числе и из деятельности Парижской коммуны, относится к политической организации общества, совершающего социалистическую революцию, политической организации, которая должна дать максимальную эффективность, целенаправленность революционной энергии масс. Вывод большой теоретической глубины гласил, что социалистическая революция должна состоять в том, чтобы пролетариат разбил старую государственную машину и управлял при помощи новой машины. В Апрельских тезисах Ленин выдвинул требование создать такое государство, прообраз которого дала Парижская коммуна. Эту мысль он подробно обосновал накануне Великого Октября, развивая идеи Маркса. Ленин, как известно, внимательно изучал опыт создания Советов трудящихся нашей страны, увидел их великое будущее как найденной самими массами государственной формы строительства нового общества. Этот вывод был сделан им на основе изучения опыта революционной инициативы масс и применения научной теории общественного развития к конкретным задачам, которые диктует историческая обстановка. Этот вывод прочно вошел в сокровищницу всего мирового коммунистического движения. Историческое значение этого вывода ныне проверено гигантским опытом борьбы и побед.

⁴⁰ См. там же, стр. 219.

⁴¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 14, стр. 377.

³⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 329.
³⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 217.

Ленин обращался к данной Марксом оценке опыта Коммуны и тогда, когда Советское государство было уже создано. В докладе на III Всероссийском съезде Советов Ленин сравнивал опыт Коммуны и опыт Советской власти примерно за 2 месяца и несколько дней их существования. Из этого сравнения следовал вывод о том, что международное рабочее движение сделало за время, истекшее после 1871 г., гигантский шаг и Советская власть находится в неизмеримо более благоприятном положении, чем Коммуна. Русские рабочие, крестьяне, солдаты сумели создать мощный аппарат — Советскую власть, которая установилась по всей стране, пользуется повсеместно горячей поддержкой гигантского большинства народа.

Знамя Коммуны было поднято на рубеже двух эпох в истории человечества, но оно послужило символом неизбежного наступления величайшей, третьей эпохи. Уходила в прошлое эпоха, охватывавшая 1789—1871 гг., когда буржуазное общество освобождалось от феодализма. В ту эпоху революционная энергия масс придавала силу и размах буржуазным революциям, приводила к ликвидации власти феодалов. Но трудящиеся тогда еще не могли создать свою прочную политическую организацию — могучую партию, которая вела бы их по пути, освещенному научной революционной теорией. Буржуазия стремилась всемерно ограничить проявление революционной энергии народных масс, зажать ее в тисках. Она вступала для этого в союз с феодалами, крепостниками. После 1871 г. началась эпоха упадка и перезрелости капитализма, господства реакционнойшего монополистического капитала и собирания сил новым классом, пролетариатом, революционная энергия которого росла. Пролетариат был уже вооружен научной теорией общественного развития, указывавшей его место в историческом процессе и путь его революционного действия. Парижская Коммуна впервые показала, что государственная власть может и должна перейти в руки рабочего класса, что диктатура пролетариата — реальное требование общественного развития, что капиталистам неизбежно придется уйти с исторической сцены, уступив место новому строю общественной жизни. Революционная энергия пролетариата — великая созидательная, творческая сила, если обеспечены необходимые условия для ее проявления, если эта энергия руководствуется революционной теорией. Клеветники и лжецы из лагеря реакционной буржуазии не хотели признавать это в дни Коммуны. Реакционеры были слепы и много позже, в годы нашей социалистической революции. Им понадобилось время, многочисленные предметные уроки наших побед, наши гигантские стройки и наши ракеты, посланные уверенной рукой в космическое пространство, чтобы они заговорили об энергии созидания, пробужденной социалистическим строем. Научный коммунизм неопровержимо доказал, что

познание закономерностей общественного развития, его возможностей и перспектив является важной предпосылкой для исторической деятельности масс, сильнейшим орудием прогресса.

Научный коммунизм и его борьба против утопизма

Глубоко изучая важнейшие течения общественной мысли, Маркс еще в 1843 г. подверг критике утопизм французских социалистических и коммунистических течений. В письме к Руге он подчеркивает: «Хотя не существует сомнений насчет вопроса — «откуда?», но зато господствует большая путаница относительно вопроса: «куда?» Не говоря уже о всеобщей анархии в воззрениях различных реформаторов, каждый из них вынужден признаться себе самому, что он не имеет точного представления о том, каково должно быть будущее»⁴². Утописты знали, «откуда» они отправляются, понимали, что идти надо от капитализма вперед. Но они не знали реального пути в будущее. Вместо этого они сочиняли умозрительные схемы будущего общественного устройства.

Этим попыткам утопистов Маркс противопоставляет «новое направление» общественной мысли, о котором он пишет: «Между тем, преимущество нового направления как раз в том и заключается, что мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир»⁴³. Путем критики старого мира найти новый мир — это значит вскрыть в старом обществе те реальные силы, которые могут его переделать, определить, как из старого общества реально может родиться новый общественный строй. Голое же противопоставление капитализму умозрительных картин нового мира Маркс называет догматическим предвосхищением будущего. Это и есть безжизненный, лишенный революционной энергии утопизм. Диалектике жизни, практике борьбы, революционной теории глубоко враждебен всякий догматизм и тесно связанный с ним утопизм. При самом своем рождении марксизм объявляет войну догматизму, доктринерству и утопизму.

Социалисты-утописты выдвинули мысль о возможности общественного устройства, при котором каждый работает по способностям и получает по труду. Но они собирались добиться этого в условиях буржуазного строя, без революции. Коммунисты-утописты призывали к революции и революционной диктатуре, которые должны осуществить социальное равенство, создать общество, где каждый будет получать по потребностям.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 379.

⁴³ Там же.

Но революционный переворот в их понимании принимал совершенно фантастический характер: как по мановению волшебной палочки он мгновенно воплощал на земле идеалы полного равенства, социальной справедливости и распределения по потребностям.

На вопрос, почему новый общественный строй должен сменить старый, сторонники утопического коммунизма давали один ответ: благодаря его неоспоримым достоинствам. Они не представляли себе, какие реальные силы закономерно приведут к появлению нового общественного строя. Только научный коммунизм мог вместо догматических доктрин, которые были в ходу у сектантских групп и течений, создать революционную теорию, спланированную наиболее сознательную часть пролетариата в политическую партию, ведущую трудящихся на борьбу за построение нового общества.

В борьбе различных политических течений Маркс и Энгельс становятся на сторону революции, они с первых своих шагов примыкают к революционному движению. Маркс еще в 1843 г. подчеркивал, что сейчас речь идет *«о беспощадной критике всего существующего, беспощадной в двух смыслах: эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предрассудками»*⁴⁴. Маркс настаивает, таким образом, на политическом содержании этой критики и указывает, что «критик не только может, но и должен касаться этих политических вопросов (которые завязанному социалисту кажутся не стоящими никакого внимания)»⁴⁵. Поэтому Маркс и Энгельс решительно выступают против позиций тех утопистов, которые проповедовали воздержание от политической борьбы.

Далее Маркс и Энгельс столь же безоговорочно становятся на сторону коммунизма, для них нет сомнения в том, что конечная цель революционной борьбы — коммунизм. Но они начинают глубокую критику утопического коммунизма.

Уже в 1843 г. Маркс заявляет, что, поскольку утопический коммунизм Кабе, Дезами, Вейтлинга обращает внимание лишь на некоторые стороны будущего общества, это догматическая абстракция. Односторонность данной абстракции неизбежно порождает другую абстракцию — утопический социализм, т. е. «одностороннее осуществление социалистического принципа»⁴⁶. Одностороннее осуществление только социалистического принципа, как и столь же одностороннее осуществление принципа коммунизма, не удовлетворяет Маркса.

Уже в этих мыслях Маркса заключена идея о необходимости преодоления односторонности и утопического социализма

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, стр. 379.

⁴⁵ Там же, стр. 380.

⁴⁶ Там же, стр. 379.

и утопического коммунизма. Такое преодоление смог осуществить научный коммунизм. Социалисты-утописты выдвинули мысль о возможности общественного устройства, при котором каждый работает по способностям и получает по труду. Они провозгласили, что объединенными усилиями люди добьются господства над природой во имя общего блага, что государство из аппарата управления должно быть превращено в аппарат руководства всеми работами общества. Они поставили, хотя и недостаточно отчетливо, вопрос о материальных и моральных стимулах к труду, которые должны сменить основанную на голой корысти погоню за прибылью одних и постоянную угрозу голода для других. Но всего этого они собирались добиться без революционного преобразования буржуазного общества.

Коммунисты-утописты, например сторонники Бланки, призывали к революции и к революционной диктатуре, которая сразу же должна осуществить социальное равенство, создать общество, в котором каждый будет получать по потребностям. Вставал, однако, вопрос: может ли общество на другой день после социалистической революции обеспечить удовлетворение всех потребностей каждого своего члена? Отвечая на этот вопрос, коммунисты-утописты заявляли, что коммунизм может начать свой путь и со священной бедности. Вопрос о материальных стимулах к труду они игнорировали, развитие производства, экономики вообще оставалось в тени. Маркс уже в рукописях 1844 г. заметил, что в «грубом коммунизме», как он пишет, преобладает «жажда нивелирования», установления равного для всех минимума⁴⁷. Свести общественные потребности к минимуму, произвести в обществе полное нивелирование на основе этого минимума — таков и был «грубый коммунизм», критику которого Маркс начинает уже в 1843—1844 гг. Маркс видит в этом «грубом коммунизме» проповедь «возврата к неестественной простоте бедного и не имеющего потребности к искусственности, который не только не возвысился над уровнем частного человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее»⁴⁸. В этой критике уже заложено зерно мысли о том, что коммунизм возможен лишь на основе изобилия материальных благ. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» мы видим также зародыши мысли о том, что новое общество должно развиваться, пройти в своем развитии ряд ступеней, пока оно достигнет совершенства.

⁴⁷ На эту мысль Маркса обратил внимание В. С. Алексеев-Попов в работе «Социальный кружок» и его политические и социальные требования». Сб. «Из истории социально-политических идей», стр. 327—328. См. также обстоятельное исследование Т. И. Ойзермана «Формирование философии марксизма». М., 1962, стр. 269—279.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 587.

Эпигоны утопического социализма, с которыми боролся Маркс, рассматривали переход к новому обществу не как единый диалектический процесс развития, в котором новая, высшая стадия закономерно сменяет предшествующую, а как распад общества на отдельные ячейки. Ломка общественных отношений если и предполагалась ими, то лишь в том смысле, что многие общественные связи, характерные для эпохи капитализма, уничтожались, централизация сменялась полнейшей децентрализацией, самодовлеющие коммуны-ассоциации заменяли сложную систему капиталистических связей между людьми, народами, странами.

Бакунин и Прудон считали, что с уничтожением эксплуатации будет уничтожена и комбинированная деятельность людей, остановлено усложнение производственных процессов, зависящих друг от друга. Освобождение труда они понимали как установление независимой деятельности отдельных лиц или небольших групп.

В корне неверной была мысль некоторых социалистов-утопистов о том, что появление нового общества начнется с организации более или менее обособленных ассоциаций. Именно на эквивалентном обмене продуктами и услугами, а не на общественной собственности основывал Прудон свои «ассоциации» в противоположность другим социалистам-утопистам. Он проповедовал, что будущее общество распадется на отдельные коллективы, а вместо буржуазного государства появится не диктатура пролетариата, а безвластие.

Еще в 1847 г. Маркс вскрыл «нищету философии» Прудона, делая следующий вывод: «Он хочет парить над буржуа и пролетариями, как муж науки, но оказывается лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между капиталом и трудом, между политической экономией и коммунизмом»⁴⁹. В 50-х годах Маркс продолжал критику прудонизма, показав всю несостоятельность теории, согласно которой ремесленники и крестьяне должны получить кредит и землю, должны непосредственно обмениваться продуктами своего труда, что поведет будто бы к коренным социальным преобразованиям общества. Это были утопические чаяния, но не пролетариата, а мелкой буржуазии, которую крупный капитал теснил кредитами и конкуренцией. Все это, как говорил Маркс, были попытки придумать меры, насильственно задерживающие рост капитала, прогрессивное развитие общества.

В своих социологических работах Прудон довольно близко по духу подходил к Конту; русский революционер-народник П. Л. Лавров даже относил его вместе с Контом к сторонникам

позитивистской социологии. Если у Прудона отнять элементы утопического социализма, то Лавров окажется прав. Он замечает, что Прудон во втором издании своей книги «Создание порядка» «счел нужным указать на сходство своих идей с идеями Конта, хотя последний в это время (1843) не только не был крупным авторитетом, но едва был известен вне самого тесного кружка последователей»⁵⁰. Лавров приводит следующее положение Прудона: «Отношения вещей между собой — вот все, что доступно наблюдению человека... Онтология как наука сущностей и причин невозможна»⁵¹. Таким образом, Прудон у позитивистов заимствовал и агностицизм. У Конта или непосредственно у Сен-Симона заимствовал Прудон «закон трех стадий» прогресса человеческого общества; по его терминологии, это религия, философия, наука. К этому и сводилась его куца идеалистическая теория прогресса.

От Прудона в известной мере отправлялся в своих теоретических взглядах и М. А. Бакунин. Энгельс писал, что у Бакунина была «своеобразная теория — смесь прудонизма с коммунизмом, причем в его прудонизме самым существенным является то, что главным злом, которое следует устранить, он считает не капитал, а следовательно, и не классовую противоположность между капиталистами и наемными рабочими, возникшую в результате общественного развития, а *государство*»⁵². Последующие анархические теории в той или иной мере отправляются от идей Бакунина, для всех анархистов характерна эта амальгама прудонизма и коммунизма, все они враждебны не только буржуазному государству, но и идее диктатуры пролетариата, без которой совершенно невозможно провести глубокие социальные преобразования, подготовить строительство нового общества и создать его первую фазу. Несмотря на обилие звонких революционных фраз, нарочитой, показной левизны, бакунизм, как и другие анархические течения, был вреден делу революции.

Бакунин и его последователи обрушивались на марксизм с позиций реакционного утопизма, называя марксизм «государственно-коммунистической программой Маркса». Идее диктатуры пролетариата Бакунин противопоставлял анархистскую теорию «всемирного бунта и вольной организации рабочих масс снизу вверх». По его мысли, в результате «всемирного бунта» сразу же после свержения капитализма должен возникнуть такой общественный строй, при котором наступит «полное удовлетворение всех материальных потребностей посредством кол-

⁵⁰ П. Лавров. Задачи позитивизма и их решение. СПб., 1906, стр. 134.

⁵¹ Там же, стр. 135.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1955, стр. 448.

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 147.

лективного труда, для всех обязательного и для всех равного». Здесь Бакунин повторял идеи утопического коммунизма.

Новый общественный строй представлялся Бакунину как некое освобождение человечества от действия законов общественного развития. После «всемирного бунта», по его мнению, развитие общественных форм прекратится, общество, распавшееся на первоначальные ячейки — ассоциации, в дальнейшем не будет претерпевать каких-либо качественных изменений и его развитие сведется лишь к количественному росту. Это был значительный шаг назад в истории социальной мысли.

Впервые в истории социальной мысли Маркс и Энгельс, опиравшиеся на материалистическую диалектику, ведя борьбу против мелкобуржуазных взглядов, показали вреднейшую роль *волютаризма* в революционном деле. Воля — основа всей революционной теории Бакунина, и именно это подчеркивал Маркс, разоблачая бакунистов. За волютаризм критиковал Энгельс бланкистов. Маркс и Энгельс заложили основу для всей последующей критики мелкобуржуазной «левизны», научили видеть полную несостоятельность и вред такой теории и практики.

Проблема будущего общества

Важно отметить, что уже в 1844 г. Маркс критикует «грубый коммунизм» за стремление *насиловать* абстрагироваться от таланта, способностей людей⁵³. Мысль о необходимости учитывать способности человека противопоставляется уравнительному коммунизму. Коммунизм, как считает Маркс, «есть *подлинное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком...»⁵⁴ Все движение истории есть акт порождения этого коммунизма; с другой стороны, для мыслящего сознания это движение есть познание его становления⁵⁵. Если для Маркса в этот период уже ясно его отношение к коммунизму как течению мысли, то этапы становления нового общества еще не были ясны.

В «Нищете философии» (1847) Маркс дал более глубокий анализ доктринерского социализма: «Пока пролетариат не настолько еще развит, чтобы конституироваться как класс, пока самая борьба пролетариата с буржуазией не имеет еще, следовательно, политического характера и пока производительные силы еще не до такой степени развились в недрах самой буржуазии, чтобы можно было обнаружить материальные условия, необходимые для освобождения пролетариата и для построения нового общества, — до тех пор эти теоретики являются лишь утопистами, которые, чтобы помочь нуждам угнетенных классов,

придумывают различные системы и стремятся найти некую возрождающую науку»⁵⁶. Маркс стремится открыть материальные условия, необходимые для освобождения пролетариата и для построения нового общества, а также проанализировать возможности политической борьбы рабочего класса. Ответ на эти вопросы был дан в канун революционной бури 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии», содержащем глубокий анализ вопроса о реальных путях становления нового общества, о необходимости для пролетариата воспользоваться своим политическим господством, чтобы отнять у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия труда в руках государства, т. е. чтобы организовать в качестве господствующего класса и увеличить мощь производительных сил.

В 1850 г., возвращаясь к критике «доктринерского социализма», Маркс замечает, что «борьба между различными социалистическими вождями обнаруживает, что каждая из так называемых систем есть претенциозное подчеркивание одного из переходных моментов социального переворота в противоположность другим...»⁵⁷ Преодоление всех этих односторонностей мог осуществить лишь научный коммунизм, который изучил в целом всю проблему перехода общества от капитализма к социализму. Какие же этапы этого перехода наметили Маркс и Энгельс?

В 1847 г. в «Принципах коммунизма» на вопрос, можно ли уничтожить частную собственность *сразу*, Энгельс отвечал: «Нет, невозможно, точно так же, как нельзя *сразу* увеличить имеющиеся производительные силы в таких пределах, какие необходимы для создания общественного хозяйства. Поэтому надвигающаяся по всем признакам революция пролетариата сможет только постепенно преобразовать нынешнее общество и только тогда уничтожит частную собственность, когда будет создана необходимая для этого масса средств производства»⁵⁸. Далее Энгельс так поясняет свою мысль: «Стоит только произвести первую радикальную атаку на частную собственность, и пролетариат будет вынужден идти все дальше, все больше концентрировать в руках государства весь капитал, все сельское хозяйство, всю промышленность, весь транспорт и весь обмен»⁵⁹. Таким образом, процесс развития нового общества будет характеризоваться все большим обобществлением средств производства. «Осуществимость этих мероприятий и порождаемая ими централизация будут возрастать точно в такой же степени, в какой производительные силы страны будут умножаться трудом пролетариата»⁶⁰. В основе развития нового общества —

⁵³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 586.

⁵⁴ Там же, стр. 588.

⁵⁵ См. там же.

⁵⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 146.

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 91.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 332.

⁵⁹ Там же, стр. 333.

⁶⁰ Там же.

Нельзя не видеть уже здесь первый набросок мыслей, которые Маркс блестяще разовьет в «Критике Готской программы», уделяя особое внимание развитию производства нового общества, в такой степени, чтобы оно позволило перейти к распределению по потребностям. С развитием производительных сил, писал Энгельс, «общество будет производить достаточно продуктов для того, чтобы организовать распределение, рассчитанное на удовлетворение потребностей всех своих членов»⁶². Таким образом, уже в 1847 г. Энгельс точно указывает те основные условия, которые позволяют обществу перейти к коммунистическому принципу распределения. Он подчеркивал, что «общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонне развитые способности»⁶³. Тогда исчезнет противоположность между умственным и физическим трудом, между городом и деревней.

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 333.

⁶³ Там же, стр. 336.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 86.

Четкое разграничение этапов единого процесса формирования и развития нового общественного строя — великий вклад марксизма в историю революционной мысли и революционного дела.

Маркс различал социалистическое общество «в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества»⁶⁷, и коммунистическое общество, которое развивается на своей собственной основе. Следовательно, процесс развития нового общества включает: 1) выход его после долгих родовых мук из чрева капиталистического общества, 2) создание своей собственной основы и 3) дальнейшее развитие уже на этой основе.

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 611.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 48.

69 Там же, стр. 98.

мунизма лежит в основе всей работы Маркса над проблемой будущего общества.

Марксизм доказал, что эксплуатацию человека человеком можно и должно уничтожить. Таково веление истории, важнейшее требование прогресса на современном этапе развития общества. Капитализм неизбежно будет сменен новым общественным строем, дальнейшее развитие которого составит подлинную историю человечества. Социалистическая революция и установление диктатуры пролетариата — такова необходимейшая предпосылка перехода от капитализма к социализму.

Маркс четко указал, в каком направлении пойдет общественное развитие после победы социалистических порядков, как будет осуществляться экономическая зрелость коммунизма. «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!»⁷⁰

Реакционная мысль о сущности нового общественного строя как об узаконенной дележке всего совокупного общественного продукта, полностью проедаемого обществом, была подвергнута Марксом уничтожающей критике. Со всей силой Маркс выступил против требования о «неурезанном доходе труда». Разоблачая ненаучность и утопизм этого положения, он писал, что из совокупного общественного продукта необходимо будет вычесть расходы по возмещению потребленных обществом средств производства. Без этого невозможно само производство. Далее надо будет вычесть ту часть, которая необходима для расширенного производства. Без этого хозяйство и общество не могут развиваться. Придется также вычесть резервный фонд для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий. Вычесть надо будет и издержки управления и другие суммы на общественные нужды. Без всего этого невозможно прогрессивное экономическое развитие нового общества. Только после всех этих вычетов дело дойдет до индивидуального распределения в личное пользование каждого члена общества того совокупного общественного продукта, который останется после всех этих вычетов.

Говоря об удовлетворении личных потребностей, Маркс ука-

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 20.

зал, что доля совокупного общественного дохода, предназначенная для удовлетворения совместных общественных потребностей, будет возрастать, а не уменьшаться. Таким образом, все удержанное с производителя как *частного лица* прямо или косвенно будет возвращаться ему же как *члену общества*. Маркс ясно видел, что по мере продвижения к коммунизму значение общественных фондов и таких учреждений, которыми совместно пользуются все члены общества, будет возрастать.

Таким образом, гениальная мысль Маркса заключается в том, что процесс развития социалистического общества идет по линии совершенствования социальной организации на основе развития производительных сил, возрастающего значения совокупного, коллективного богатства, развития общественной собственности. Это и есть экономическая зрелость коммунизма, которая в конечном счете даст обществу возможность удовлетворить все разумные потребности каждого своего члена.

Маркс в борьбе с «вульгарными социалистами», как он называл эпигонов утопического социализма, подверг критике все эти вредные, антинаучные взгляды. Он отстаивал идею неделимого фонда социалистического общества, показал, что первая фаза — социализм — является периодом накопления совокупного, коллективного богатства общества. «Вульгарные социалисты» сводили всю теорию социализма к распределению, распределение — к дележке, а социальный переворот представляли как распад и дробление народного хозяйства.

В разработке теории социалистического общества Маркс перенес центр тяжести на анализ производства — основы создания и умножения коллективного богатства. Тем самым был нанесен сокрушительный удар по теориям «вульгарного социализма». «Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения»⁷¹, — писал Маркс в «Критике Готской программы». Для того чтобы уничтожить эти вредные взгляды, понадобилась вся гигантская работа Маркса по изучению производства и законов его развития, по анализу общественного труда.

Идея мирового революционного процесса

Величайшая заслуга марксизма-ленинизма в истории социальной мысли состоит в том, что он поставил и решил вопрос о мировом революционном процессе. Поколения передовых мыслителей ставили вопрос о революции применительно к отдельным странам. Правда, многие из них предполагали, что ре-

⁷¹ Там же.

волюция должна перекинуться и на другие народы. Какие основания существовали для такого предположения? В XVIII в. считалось, что революция есть восстановление «естественных прав человека», которые были у него отобраны тиранами. Такую точку зрения защищали и деятели французской революции. Этот ход мыслей привел к формулировке «права на революцию», которое признавали прогрессивные мыслители того времени. Эпоха средневековья признавала в определенных случаях право неповиновения феодалов королю, право церкви освободить народ от клятвы верности королю, который оказался неугоден церкви. XVIII век утверждал право народа на восстание, на революцию, объявил народ сувереном, источником и носителем власти. Революция представлялась прогрессивным и благодетельным актом. Народы должны осознать это и присоединиться к революционной Франции. В этом духе немало страстных речей было произнесено в Конвенте. Но если это и была идея мирового революционного процесса, то лишь в самом зародыше.

Когда возникло представление о социалистической революции, оно первоначально также имело абстрактную и расплывчатую форму. Разрабатывая вопрос о второй революции, которая будет последней и установит революционную диктатуру и социальное равенство, сторонники Гракха Бабёфа также оставляли в тени вопрос о мировом революционном процессе.

Из всех предшественников марксизма несколько дальше продвинулись в разработке идеи мирового революционного процесса русские революционные демократы. Они поставили вопрос о роли и месте России в тех революционных изменениях, которых они ожидали и в Европе. В их сознании существовало как бы два потока революционного движения к идеалам социализма — один западный и другой русский. Однако совершенно очевидно, что Герцен и Чернышевский лишь старались подойти к понятию мирового революционного процесса, но оставались по сути дела у порога этого понятия. Только замечательный призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» возвестил миру о рождении теории мирового революционного процесса, о конце эры замкнутых национальными рамками движений рабочего класса, о начале эры пролетарского интернационализма.

Маркс сформулировал социологический закон о неизбежной гибели всех формаций, предшествующих коммунизму: существующие производственные отношения становятся оковами для развившихся производительных сил. В результате конфликта между производительными силами и системой общественных отношений наступает революционный взрыв. Маркс с исчерпывающей глубиной изучил возникновение капитализма в недрах феодального общества и его последующее развитие. Он указал, что социалистическая революция, которая должна уничто-

жить капиталистический строй, неизбежна. Марксу принадлежит великая заслуга открытия закона, в силу которого классовая борьба пролетариата ведет к социалистической революции, к установлению диктатуры пролетариата, к возникновению переходного периода, затем следует развитие первой и второй фаз нового общества. Коммунизм есть результат всего предшествующего исторического процесса, наиболее совершенная организация общества, и с него начинается подлинная история человечества. Маркс указал действительный путь и направление исторического развития. Это и была целостная теория мирового революционного процесса, вопрос о революции был поставлен в мировом масштабе.

Вместе с тем Маркс ясно видел и указывал опасность для победившей социалистической революции в том, что на огромных пространствах земли в тот период буржуазное общество развивалось еще по восходящей линии. Маркс ставит вопрос об угрозе извне для возникающего социалистического общества и отвечает на этот вопрос соответственно тем историческим условиям, которые существовали в его время. Без ответа на этот вопрос теории мирового революционного процесса не могло быть. В тот период, когда Маркс разрабатывал эту проблему, мир с победой социализма выглядел бы примерно так: с одной стороны, передовые капиталистические страны, в которых примерно одновременно побеждает социалистическая революция, с другой — страны менее развитые, в которых буржуазный строй развивался еще по восходящей линии.

В 1847 г., отвечая в «Принципах коммунизма» на вопрос, может ли социалистическая революция произойти в одной какой-нибудь стране, Энгельс писал: «Нет. Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собой все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что произведено у другого. Затем крупная промышленность так уравняла общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними — главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии». Энгельс добавлял, что революция «окажет также значительное влияние на остальные страны мира и совершенно изменит и чрезвычайно ускорит их прежний ход развития»⁷².

Что касается вопроса о том, как будет развиваться революционный процесс в передовых капиталистических странах, то

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 334.

Маркс и Энгельс в 50-х годах, по-видимому, не сомневались, что этот процесс начнется в Западной Европе и лишь впоследствии охватит и США, где капитализм развивался еще по восходящей линии. В середине XIX в. Маркс и Энгельс так ставили вопрос об отношениях буржуазной Западной Европы к США. Вот строки «Международного обзора»:

«Средоточием мировых сношений в средние века была Италия, в новейшее время Англия, теперь же таким центром становится южная половина североамериканского полуострова. Промышленность и торговля старой Европы должны употребить огромные усилия, если не хотят прийти в такой упадок, в каком находятся промышленность и торговля Италии с XVI столетия, если они не хотят, чтобы Англия и Франция превратились в то, чем являются в настоящее время Венеция, Генуя и Голландия». В «Международном обзоре» говорится, что «Атлантический океан будет низведен до роли внутреннего моря, какую теперь играет Средиземное море»⁷³. На широком историческом фоне делают свои выводы Маркс и Энгельс: Европа может потерять свое значение исконного центра капитализма, этот центр может переместиться в США. Возникающий конфликт между старой буржуазной Европой и более новой буржуазной Америкой — закономерный этап в развитии капитализма, история которого начинается в средневековых городах Италии, затем в богатой Голландии и в Англии, совершившей свою буржуазную революцию, в революционной Франции, сбросившей путы феодализма. Наконец, капитализм забрался в Северную Америку и обеспечил там на первых порах бурный рост производительных сил; влияние феодально-абсолютистских оков было там наименьшим, а цепи, связывавшие с Англией, были быстро порваны. Уже в середине XIX в. для Маркса и Энгельса встал вопрос о возможности в будущем политической и экономической зависимости Европы от Америки.

Маркс и Энгельс делали глубочайшие выводы об исторических судьбах Европы, опираясь на опыт революции 1848 г.: «Единственным условием, при котором европейские цивилизованные страны смогут не впасть в такую же промышленную, торговую и политическую зависимость, в какой в настоящее время находятся Италия, Испания и Португалия, является социальная революция; эта революция, пока еще не поздно, преобразует способ производства и обмена в соответствии с порождаемыми современными производительными силами потребностями самого производства, и сделает, таким образом, возможным создание новых производительных сил, которые обеспечат превосходство европейской промышленности и тем самым уравновесят невыгоды географического положения»⁷⁴.

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 233.

⁷⁴ Там же.

Пока еще не поздно... Час революции сначала пробил в нашей стране, и он пробил тогда, когда вполне реальной была угроза превращения ее в колонию капиталистов США. Революция произошла не в центре Европы, а в ее восточной части. Она породила великие производительные силы, которые не только успешно соревнуются с экономикой «Нового Света», но и превосходят ее по ряду показателей современной техники. Родился социалистический мир, которому отнюдь не страшен американский капитализм. Противоречие между буржуазной Европой и буржуазной Америкой теперь развивается в новых исторических условиях. Вместе со своими заокеанскими соперниками она вступила в период глубокого кризиса, загнивания капитализма. На земле существует Советский Союз, крепнущая мировая система социализма, а колониальная система капитализма гибнет.

Но указанный Марксом путь развития и процветания Европы и сегодня является единственным путем подлинного процветания.

Перемещение ныне центра капиталистического мира в США отнюдь не свидетельствует о его силе. Это один из показателей его ослабления. Западная Европа становится его уязвимым местом. Мировой революционный процесс не может обойти этот старый центр капитализма, ибо есть ведь и другая Европа — та Европа, великими гражданами которой были Маркс и Энгельс, та Европа, которая чтит гений Ленина. Эта Европа живет и борется. В крушении колониальных режимов, в растущей мощи мира социализма она видит не угрозу своему будущему, а зарю своего демократического обновления. В этом направлении и ведут свою огромную работу миллионные партии коммунистов в Италии, во Франции, выступающие за обновление всей общественной жизни.

Для социалистической революции, победившей в странах Западной Европы, опасность, по мысли Маркса, могла возникнуть именно со стороны тех стран, которые отстали в своем развитии от передовых буржуазных государств. Маркс писал: «Что же касается социальной революции, то что она означает, как не борьбу классов? Возможно, что борьба между рабочими и капиталистами будет менее жестокой и менее кровопролитной, и капиталистами будет менее жестокими и менее сеньорами и как-чем в свое время борьба между феодальными сеньорами и капиталистами в Англии и во Франции. Хотелось бы на это надеяться. Но во всяком случае, хотя подобный социальный кризис может усилить энергию западных народов, он вызовет в то же время, как и всякий внутренний конфликт, нападение извне»⁷⁵. Маркс опасался в то время возможности интервенции царской России против революционного движения в Западной Европе:

⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 208.

Россия снова будет играть ту роль, «какую она уже играла во время антикобинской войны и со времени возникновения Священного союза, — роль предназначенного свыше спасителя порядка»⁷⁶.

В 1916 г. Ленин вспоминает это положение Маркса, когда пишет: «Если конкретная ситуация, перед которой стоял Маркс в эпоху преобладающего влияния царизма в международной политике, повторится, например, в такой форме, что несколько народов начнут социалистическую революцию (как в 1848 г. в Европе начали буржуазно-демократическую революцию), а *другие* народы окажутся главными столпами буржуазной реакции, — мы тоже должны быть за революционную войну с ними, за то, чтобы «раздавить» их, за то, чтобы разрушить все их форпосты, какие бы мелконациональные движения здесь ни выдвигались»⁷⁷. Ленин вспоминает при этом, что царизм использовал тогда в антидемократическом направлении некоторые мелконациональные движения.

По мысли Маркса, социальная революция — «внутренний конфликт» в капиталистическом обществе — может вызвать нападение извне. Маркс опирается, формулируя это положение, на большой исторический материал, ставит важный вопрос теории исторического процесса. Угроза нападения извне всегда была реальной в те периоды, когда новый общественный строй только еще становился на ноги в тех или иных странах, а старый еще представлял собой значительную силу на международной арене. Внутренние конфликты переносились на международную арену, там разгоралась борьба за победу нового над старым.

В более общем виде эту мысль Маркс формулирует в письме к Энгельсу 8 октября 1858 г.: «Трудный вопрос заключается для нас в следующем: на континенте революция близка и примет сразу же социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество продлевает еще восходящее движение?»⁷⁸

В 1882 г. Энгельс в письме к Каутскому, как бы отвечая на этот вопрос, подчеркивает, что социалистическая революция в передовых капиталистических странах «даст такую колоссальную силу и такой пример, что полунцивилизованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности»⁷⁹. Однако Энгельс не исключал возможности, что другие страны подымутся против государств, в которых победила социалистическая революция. «Экономический переворот побудит *все* народы *потянуться* к социализму,

но при этом возможны и революции — против социалистического государства — и войны»⁸⁰, — так резюмирует Ленин мысль Энгельса.

Новые данные о развитии революционной борьбы в отставших странах, и особенно в России, изучение работ русских революционеров-демократов убедили Маркса и Энгельса в том, что после победы социалистической революции на Западе для стран отставших возможен некапиталистический путь развития, ибо социальные конфликты, революционные силы созревают и в этих странах. Важно подчеркнуть именно роль изучения Марксом русского революционного процесса для разработки им теории мировой революции. Тем самым был внесен новый вклад в теорию мирового революционного процесса.

Маркс и Энгельс подвергли критике и исправили ошибки русских революционных демократов и дали правильное понимание роли и места русской революции в мировом процессе. В предисловии к русскому переводу «Коммунистического Манифеста» в 1882 г. они писали: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁸¹.

В то время были различные возможности начала революции в России. Еще в 1853 г. Энгельс считал, что «дворянско-буржуазная революция в Петербурге с последующей гражданской войной внутри страны вполне возможна»⁸².

Впоследствии классики марксизма подчеркивали, что процесс развития капитализма в России зашел далеко, что происходит, как писал Энгельс в 1894 г., «во все более ускоряющемся темпе превращение России в капиталистически-промышленную страну, пролетаризация значительной части крестьян и разрушение старой коммунистической общины»⁸³. Это выводило Россию на путь пролетарской революции.

Однако изучение возможностей исторического развития России во второй половине XIX в. позволило Марксу и Энгельсу сделать общий вывод о том, что «после победы пролетариата и перехода средств производства в общее владение у западных европейских народов те страны, которым только что довелось вступить на путь капиталистического производства и в которых уцелели еще родовые порядки или остатки таковых, могут использовать эти остатки общинного владения и соответствующие им народные обычаи как могучее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалисти-

⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 208.

⁷⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 38—39.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 29, стр. 295.

⁷⁹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 50.

⁸⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 51.

⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 446.

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 28, стр. 487.

⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 452.

ческому обществу и избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе». Таким образом, страны, отставшие в своем развитии, вливаются в общий революционный поток и сокращают свой путь к социалистическому обществу. «Но неизбежным условием для этого являются пример и активная поддержка пока еще капиталистического Запада. Только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда остальные страны увидят на этом примере, «как это делается», как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом, — только тогда смогут эти отсталые страны встать на путь такого сокращенного процесса развития. Но зато успех им тогда обеспечен»⁸⁴. По существу здесь четко сформулирована мысль о значении системы социализма, ставшей мировой, для развития добуржуазных стран. Это положение было развито Лениным в новых исторических условиях.

Впоследствии и замечательная мысль Энгельса о силе примера, который показывает, как это «делается», будет развита Лениным уже в новых исторических условиях не только в отношении добуржуазных стран, но и по отношению к буржуазному миру, окружающему страну победившей социалистической революции.

Ленин придавал также большое значение тому, что Маркс и Энгельс обратили внимание на внешнеполитические условия для дальнейшего развития революционного процесса, что они указывали на опасность извне в случае возникновения социалистической революции в Европе. Ленин подчеркивал следующую мысль классиков марксизма: «Энгельс был совершенно прав, когда в своем письме к Каутскому от 12 сентября 1882 года прямо признавал возможность «оборонительных войн» *уже победившего социализма*. Он имел в виду именно оборону победившего пролетариата против буржуазии других стран»⁸⁵. В этом письме Энгельса содержатся следующие строки: «Одно лишь несомненно: *победоносный пролетариат не может никому чуждому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы*. Разумеется, этим не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода...»⁸⁶

В трудах Маркса и Энгельса, таким образом, содержалось указание на возможность такой стадии революционного процесса, когда социалистическая революция, победив в передовых

странах, все же вынуждена будет еще вести борьбу за свое существование, за свое право безоговорочно определять дальнейший ход всемирной истории. На допущение такой возможности Марксом и Энгельсом самое пристальное внимание обратил Ленин, обосновывая новую теорию социалистической революции. В новых исторических условиях, когда капитализм достиг последней стадии своего существования, когда условия для победы рабочего класса существенно изменились, Марксова теория социалистической революции требовала дальнейшего развития.

Эту гигантскую задачу и выполнил Ленин. Он поднял и решил вопросы огромной важности, сделал замечательные по глубине и широте обобщения.

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 445—446.

⁸⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 133.

⁸⁶ Там же, стр. 51.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ОТЖИВШИЕ ИДЕИ ЦЕПЛЯЮТСЯ ЗА ЖИЗНЬ

Ваше пристрастное представление, заставляющее нас превращать свои производственные отношения и отношения собственности из отношений исторических, переходящих в процессе развития производства, в вечные законы природы и разума, нас разделяете со всеми господствовавшими прежде и погибшими классами.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Манифест Коммунистической партии.

Глава первая

БУРЖУАЗНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МЫСЛЬ ПОВОРАЧИВАЕТ ВСПЯТЬ

В первых строках «Манифеста Коммунистической партии» дана характеристика смятения, возникшего с появлением на политической сцене Европы призрака коммунизма. Заговорили о новой силе, которая готовилась занять предназначенное ей историей самостоятельное положение. Всполошились представители феодально-абсолютистской реакции и сторонники буржуазного либерализма — у них появился общий противник. Еще недавно политическая арена, казалось, была занята ими и только ими. В парламентах они завязывали между собой жаркие бои, и представители реакции во Франции торжественно восклицали: «Сыновья крестоносцев, мы не отступим перед сыновьями Вольтера!»¹ Политические качели в Англии возносили попеременно наверх то партию тори, то партию вигов, и в палате общин развешивались, по отзыву королевы, «уточенные прения, столь полезные для всех принцев»². Теперь наступал конец такому строю политической жизни.

Представители разных слоев буржуазии и помещиков уже в начале XIX в. стали понимать, что возникла новая социальная сила. Борьба лионских ткачей во Франции, волны чартистского движения в Англии достаточно ясно говорили об этом. Новую силу одни называли четвертым сословием, другие — пролетари-

¹ А. Трачевский. Новая история, т. II. СПб., 1908, стр. 546.

² Там же, стр. 691.

атом. Возникли предпосылки кардинального изменения в общественной жизни — рабочий класс получал свою политическую организацию и свою идеологию. В каком же положении оказалась буржуазная социальная мысль перед лицом таких исторических изменений?

Теории откровенной реакции

В XIX в., как ядовитый чертополох, выросли теории откровенной реакции, поносившие революцию, науку и свободную мысль, оспаривавшие даже значение научно-технического прогресса. Эти теории нашли свое отражение в схемах реакционной философии истории. Смысл последнего века истории, по мнению философов реакции, состоял, как говорит академик Р. Ю. Виппер, в том, что «спокойную гармонию естественно сложившейся общественной иерархии возмутил и опрокинул беспокойный критический и нивелирующий дух просвещения и революции; из развалин должен подняться новый мир гармонии и порядка». О «гармонии» писал и Фурье, о ней мечтал и Сен-Симон, но духовные вожди реакции вкладывали в это понятие свой смысл. «Охрана порядка» — таков был лозунг и требование реакции. Огромную роль в поддержании порядка должна была сыграть религия. «Это формула и определила надолго исторические представления и толкования, отрезав их от той философии чистого и непрерывного прогресса, которую выставили Лессинг, Гердер и Кондорсе»³.

Реакция, правильно отмечает Виппер, «встретилась прежде всего с идеей прогресса», и именно на эту идею обрушила она свои первые удары, предавая анафеме революционную борьбу, восхваляя религию и церковь, утверждая, что основа общества — «порядок», а поддержание его политическими и идеологическими средствами, расправа со «смутьянами» — важнейшая общественная функция. Существующие отношения господства и владения — это и есть общественный «порядок», а «анархия», т. е. революция, — его главный враг.

Переоценка событий французской революции, извлечение из ее опыта «уроков», усвоение которых предохраняло бы от повторения революционных бурь, — вот основное содержание сочинений теоретиков реакции. Революция подвергалась всечеловеческим поношениям, разработкой азбуки контрреволюции занимались дипломаты, писатели, аббаты.

В истории социальной мысли это была попытка показать вред социальных изменений. Один из теоретиков того времени, де Бональд, утверждал, например, что революция означает «бес-

³ Р. Ю. Виппер. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв., изд. 2. М., 1908, стр. 134.

порядок», когда «естественные функции социального тела нарушаются и прекращаются»⁴. «Совершенное общество» должно иметь монархическое правление, ибо люди не могут повиноваться тем, кто им равен. Такое общество должно противиться всякой эволюции, всяким изменениям, которые могут быть лишь изменениями к худшему⁵. Различные философские, исторические и юридические «аргументы» направлены на то, чтобы поддержать идею «социальной стабильности», неизменности, неподвижности общественного бытия. Всякие новшества даже в области науки и техники приносят больше зла, чем добра. По поводу появления телеграфа де Бональд, например, саркастически замечает: «Сближение людей не является наиболее верным средством для их объединения»⁶, любые модификации установившихся порядков, меняющие их традиционные формы, опасны.

Аббат Баррюель в своей многотомной «Истории якобинства» стремился разоблачить «тройной заговор», который породил революцию во Франции и смятение умов во всей Европе. По его мнению, это был, во-первых, заговор «людей, которые называли себя философами», во-вторых, заговор «софистов против всех царских тронов», в-третьих, заговор против «всякого гражданского общества, так же как против всех видов собственности»⁷. Задача такого рода сочинений состояла в том, чтобы напугать революцией и без того уже напуганного буржуа.

Политическая мудрость тогдашней реакции при этом была несложной. Общественное неравенство — естественное состояние людей; рабы от рождения предназначены быть рабами. Тот же закон царит и в отношениях между народами: есть народы, предназначенные судьбой для колониального рабства. Это, собственно, и есть мировой «порядок», государственная власть должна его поддерживать, энергично действуя против всех и всяческих смутьянов. В той или иной форме подобных воззрений держались плантаторы-рабовладельцы на юге Соединенных Штатов, многие английские лорды, примыкавшие к тори, легитимисты во Франции, российские крепостники и другие реакционеры. Представители реакции, объявившие себя «сыновьями крестоносцев», провозгласили свое «право» вмешательств во внутренние дела других государств для восстановления там с помощью вооруженной интервенции феодально-абсолютистских порядков. Впервые об этом заговорили в период подготовки контрреволюционной военной коалиции 1791 г. против француз-

ской буржуазной революции. Затем это «право» наводит свои «порядки» где только вздумается присвоил себе Священный союз — военно-политическая коалиция феодально-абсолютистских государств начала прошлого века.

В ноябре 1820 г. на конгрессе этого архиреакционного союза в Троппау расправа с другими государствами провозглашена была «законной» в том случае, когда «образ их внутреннего правления будет изменен путем восстания и когда это изменение будет представлять опасность для других членов Союза». Судить же об «опасности» предоставлялось, разумеется, самим законам Священного союза. Вот когда был изобретен жалкий софизм об «опасности». Австрийские солдаты безжалостно топтали тогда города Италии на том основании, что тот или иной город с его вольным духом представлял «опасность» для австрийской монархии. Священный союз возводил практику грубого попрания национального суверенитета в принцип: когда представителям реакции придет в голову объявить об «опасности», которая им якобы угрожает, они употребят «сначала дружественные меры, а затем принудительную силу, поскольку применение таковой будет неизбежным», как было установлено на конгрессе в Троппау.

Такая социальная и политическая философия по существу не содержала ничего нового. Это было повторением старых реакционных взглядов в новых условиях. Это была попытка зачеркнуть многовековое развитие социальной и политической мысли, вернуться к идеям римских рабовладельцев и блаженного Августина, отбросить все сколько-нибудь прогрессивные традиции развития буржуазной социальной мысли в XVIII в.

Возникновение либерализма и связь с ним буржуазной социологии

Буржуазия постепенно освобождалась от обременительного багажа теорий и взглядов на организацию общества, распространенных во второй половине XVIII в. Эту задачу переоценки политического наследия прошлого в соответствии с новыми требованиями взялся выполнить буржуазный либерализм, который стал важнейшим политическим течением и партией буржуазии.

В теориях XVIII в. провозглашался народный суверенитет, причем признавалось право народа на революцию. Так писал, например, один из ведущих политических деятелей Америки периода борьбы за независимость, Томас Джефферсон. Победившей буржуазии подобные идеи были не нужны. Вожди либерализма под флагом борьбы за «права личности» объявили одинаково «незаконной» и якобинскую диктатуру, и безраздельное господство феодально-абсолютистской реакции. Так учил один

⁴ «Les doctrines politiques modernes». New York, 1947, p. 224.

⁵ Там же, стр. 230.

⁶ Там же, стр. 240.

⁷ Abbé Barruel. Mémoires pour servir à l'histoire du Jacobinisme, I partie. Londres, 1798, p. XXII—XXIII.

из основоположников буржуазного либерализма во Франции, Бенжамен Констан.

Говоря о корнях буржуазного либерализма, Энгельс писал: «Все феодальные привилегии, все политические монополии минувших веков должны раствориться в одной великой привилегии и монополии *денег*. Вот почему политическому господству буржуазии свойственно принимать *либеральный облик*»⁸. Долой все привилегии, кроме «естественной» привилегии капитала, провозглашали представители либерализма. Как указывал Энгельс, деньги стали тогда «единственным условием пригодности законодательства для человека». Сословные привилегии необходимо было изгнать из законодательства, которое должно дать полную свободу для власти капитала. Именно в этом направлении подвергся тогда решительному перетолкованию прежний лозунг свободы.

Буржуазия отнюдь не собиралась толковать свободу так, чтобы в обществе возникали и укреплялись демократические организации, подобные якобинскому клубу или организации «равных» во главе с Бабёфом, провозгласившим требование социального равенства в эпоху французской революции. Не из таких ячеек должна состоять политическая организация общества после победы буржуазии. Эта организация должна обеспечивать господство капитала. Поэтому надо было по-своему истолковать прежний лозунг свободы. Теоретики победившего класса заговорили теперь главным образом или даже исключительно о свободе индивидуума.

Но что такое свобода индивидуума в буржуазном обществе? Это юридическое и идеологическое выражение прав собственника, имеющего возможность использовать эти права в зависимости от величины той собственности (капитала), которой он обладает. Уже тогда, в пору зарождения и расцвета буржуазного либерализма, лозунг свободы индивидуума начал противопоставляться требованию полного суверенитета народа. Буржуазия, напуганная французской революцией, изображала суверенитет народа как деспотизм, как насилие над личностью. Суверенитет народа подвергался всяческому нападкам во имя этого призрачного «права личности», которое превращается в пустой звук, если социальная и политическая организация общества основана не на господстве народа, а на владычестве богатства или знатности. Провозглашение призрачного права индивидуума вместо демократических прав народа — такова была одна из важнейших догм буржуазного либерализма.

Серьезные изменения произошли и в отношении буржуазных идеологов к теории прогресса. Достигнув власти, буржуазия к середине XIX в. стала пересматривать свое отношение к теории

безграничного прогресса. Прежде она совершенно не в меру пользовалась теорией прогресса для восхваления своих порядков. Увлечение идеей прогресса длилось, однако, недолго.

«Идеи прогресса и эволюции, — справедливо писал П. Лафарг, — имели чрезвычайный успех в течение первых лет XIX века, когда буржуазия была еще опьянена своей политической победой и поразительным ростом своих экономических богатств. Философы, историки, моралисты, политики, беллетристы и поэты подавали свои писания и речи под соусом прогрессивного развития... Но к середине XIX века им пришлось умерить свой безудержный энтузиазм. Появление пролетариата на политической арене Англии и Франции породило в душе буржуазии беспокойство за вечность ее социального господства — и прогресс потерял в ее глазах свое очарование»⁹. Теория безграничного прогресса сменяется представлениями о безграничном господстве буржуазных порядков, которые-де и обеспечивают прогрессивное развитие человечества.

Таким образом, если помещичья реакция ополчилась против самого понятия социального изменения, возвела в принцип неподвижность общественной жизни, либеральная буржуазия выступала против всяких радикальных изменений общественной жизни, против «потрясения основ». Под этим углом зрения следовало переработать теорию общественного развития, которая должна была прославлять лишь частичные улучшения тех или иных учреждений буржуазного строя.

Важнейшая задача, которую ставил себе буржуазный либерализм, заключалась в том, чтобы сохранить идейное и политическое влияние на трудящихся, и в первую очередь на рабочий класс, привязать его к буржуазной политике. Поэтому исходным пунктом теорий общественного развития буржуазного либерализма и явилось провозглашение солидарности всех элементов общества, а признание возможности улучшений строя, основанного на господстве буржуазии, должно было служить приманкой для трудящихся. Это была теоретическая предпосылка для того, чтобы объявить излишней и даже вредной самостоятельную политическую линию рабочего класса, его борьбу за свои интересы и цели. Обоснованию господства буржуазных отношений служила вся теория общественного развития, выдвигнутая либералами.

В конкретных условиях в зависимости от обострения классовой борьбы в различных странах, где исторические корни либерализма были иными и иной была обстановка, в которой он развивался, либерализм имел свои отличия. Но общие характерные черты буржуазного либерализма как политического и идейного

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 574.

⁹ П. Лафарг. Экономический детерминизм Карла Маркса. М.—Л., 1928, стр. 24.

течения с самого его появления выступают совершенно отчетливо.

К буржуазному либерализму примыкал в тот период и весьма неустойчивый буржуазный радикализм, в большей или меньшей степени отражавший настроения мелкой буржуазии. Прежде буржуазный радикализм, как правило, отличался от либерализма своим антиклерикализмом или даже атеизмом, нападка на церковь, на политику компромисса с помещичьими кругами, выступлениями против продажности и подкуна в верхах общества и государства, против больших «афер», темных махинаций банков, дутых компаний, биржевых спекуляций — словом, против той гирлянды грязных дел, которыми крупный капитал возвестил свою победу. Теперь же в своей позитивной программе радикалы все меньше и меньше отличались от буржуазных либералов, и даже люди, усвоившие какие-то идеи эпигонов утопического социализма и называвшие себя радикал-социалистами, отстаивали в первую очередь мелкую частную собственность и довольно умеренное трудовое законодательство.

Для истории социальной мысли немалое значение имел тот факт, что виднейшие идеологи буржуазии стали на защиту порядков капиталистического общества под знаменем либерализма, критикуя «крайности» открыто реакционных теорий, выступая «во имя» науки и научности. В это время и появился не только самый термин «социология», но и социологические системы Конта и Спенсера. Во-вторых, они попытались создать общественное учение, которое соответствовало бы политическому направлению либерализма. Во-вторых, они учли потребность создать некий синтез наук, общую теорию знания, которую можно было попытаться противопоставить традициям просветителей и материалистов прошлого, выступавших под знаменем науки, а также недавно возникшей материалистической и диалектической теории марксизма, одержавшей свои первые победы. Создатели социологических схем пытались учесть бурный рост естественных наук, ответить на вопрос, какое значение этот рост имеет для социальной мысли, как связаны между собой наука о природе и наука об обществе. Правильный ответ на этот вопрос уже дал диалектический материализм. Но идеологи буржуазии механически переносили для обозначения явлений социальной жизни термины и понятия наук о природе, главным образом биологии, и тем самым считали решенной задачу создания «синтеза всех наук».

Науки об обществе также накопили к этому времени значительный фактический материал. В области истории появились капитальные труды по исследованию античного общества. Предметом научного знания впервые становилась жизнь народов Древнего Востока. Были созданы солидные работы по истории средневековья. Историю французской революции внимательно

изучали многие видные ученые. Огромных успехов добились этнографы и археологи, опубликовав многочисленные материалы о жизни первобытного общества. Органическую связь между всеми достижениями общественных наук вскрыл исторический материализм, марксизм, который дал глубоко научную теорию общества, взаимодействия его различных сторон, проанализировал основу общественного развития.

Для того чтобы освоить весь этот материал с позиций буржуазного мировоззрения, старая философия истории уже не годилась. В ее схемы этот материал не помещался, ее установившиеся категории не соответствовали новым запросам. Буржуазии нужны были наукообразные схемы. Эту роль и стали выполнять «социологические системы», претендовавшие на объяснение многообразия и единства добытого конкретного материала в различных областях изучения жизни общества.

Издавались многочисленные обобщающие сочинения по истории цивилизации, в которых изображалось, как элементы варварства и средневековья постепенно вытеснялись буржуазно-демократическими порядками, «веком науки и разума». Буржуазные порядки объявлялись венцом развития цивилизации, а капиталистический общественный и политический строй — подлинным триумфом цивилизованного человечества.

Наиболее обобщенные труды по теории общественного развития создали с позиций буржуазного либерализма социологи-позитивисты XIX в. Конт и Спенсер.

Социология Конта

Мысль, что политика должна стать такой же положительной наукой, как физика, принадлежала Сен-Симону. У него же встречались попытки провести аналогию между жизнью природы и общества. Все это было лишь предчувствием необходимости создать социальную науку, которая служила бы фундаментом политики. Эти идеи Сен-Симона и использовал Конт. Из-под его пера выходит сначала определение общественной науки как «социальной физики», а затем как «социологии». Последний термин, составленный из корней латинского и греческого языков, сначала был встречен весьма скептически. Но система Конта удовлетворяла потребностям либеральной буржуазии, и, по мере того как распространялись его взгляды, прививался и этот термин.

Конт заимствовал у Сен-Симона и другую мысль. Великий утопист считал, что социальная наука должна иметь в виду будущее общества. Но Конт отрекся от всех социалистических идей Сен-Симона, он предпочитает говорить о будущем человечества, понимая под будущим объединение всех людей в едином обществе под руководством «позитивных философов». Это обще-

ство отнюдь не будет основано на социалистических принципах. Позитивная философия введет твердые нравственные нормы в отношениях между рабочими и предпринимателями, выдвинет представителей промышленников к кормилу общественного корабля, во главе этих представителей будут стоять банкиры на том «философском» основании, что они отпращивают наиболее общие, абстрактные функции. Политической организацией общества будет республика. Все это, по Конту, будет означать полную зрелость человечества и его господство над силами природы. Какой это был шаг назад по сравнению с Сен-Симоном! Но буржуазные почитатели Конта старались представить его систематизатором идей Сен-Симона и пространно говорили о влиянии Конта... на Сен-Симона.

принцип связи движения и равновесия. Грубый идеализм здесь сочетается со столь же грубым механицизмом, законы механики регулируют деятельность духа. Трудно поверить, что все это было написано после «Феноменологии духа» Гегеля.

роста промышленного и научного развития, но в новой формулировке она утратила вместе с неопределенностью ожиданий понятие о бесконечном движении вперед»¹⁰. Эти слова хорошо характеризуют дух позитивизма XIX в.

Система Спенсера и его эволюционизм

Французский писатель Андре Моруа в своем романе из английской жизни начала XIX в. пишет, что Англия, сражавшаяся против просветительной философии, «требовала от своих публичных школ воспитания мудро-лицемерного поколения»¹¹. Мудро-лицемерное поколение воспитывал и позитивизм, он был проникнут этим духом.

Характерно, что Спенсер старался не употреблять самого термина «прогресс». Стремясь дать обобщение известных к тому времени данных о развитии органической и неорганической природы, а также человеческого общества, Спенсер разрабатывает понятие эволюции. Это понятие по его замыслу должно было заменить диалектику как наиболее полное учение о развитии. Спенсер ищет общий тип развития всех явлений, происходящих в живой и мертвой природе, в жизни человечества. Первый признак эволюции как универсального закона состоит в концентрации, которая лежит в основе возникновения Земли и других планет из первоначальной туманности, в основе развития организмов или таких исторических процессов, как образование народов из первоначально разобщенных племен. Другой важнейший признак эволюции — дифференциация, переход от более однородного к менее однородному. Между концентрацией и дифференциацией существует известная гармония. По мнению Спенсера, в обществе, так же как в сфере биологии, происходит рост, который приводит к изменению структуры. К этим тощим законам, с помощью которых Спенсер хотел охарактеризовать развитие, он прибавлял еще ряд других, например закон сохранения силы.

В жизни общества на первых этапах господствует концентрация, индивидуум подчиняется целому. Личность еще не развита, и в силу этого она подчиняется обществу. Затем развивается процесс дифференциации, возникает индивидуализм, отдельные личности идут своим собственным путем. Этим и характеризуется эпоха индустриализма. Предвидится и наступление третьей эпохи — гармонического сочетания эгоизма и альтруизма. Кстати сказать, последний термин ввел в оборот Конт.

¹⁰ Р. Ю. Виппер. *Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв.*, стр. 173.

¹¹ Андре Моруа. *Ариэль. Роман из жизни Шелли и Байрона*. М.—Л, 1925, стр. 8.

Не трудно видеть, что идеи буржуазного индивидуализма, выросшего на почве частнособственнических отношений, лежат в основе социологических воззрений Спенсера. «Социальной единицей», равной биологической клетке, Спенсер объявляет индивидуум, делая исключение только для первобытных времен, где за единицу признается семья или небольшая орда. Вся дальнейшая история общества имеет дело с индивидуумом. Буржуазный индивидуализм и строй частнособственнических отношений Спенсер охраняет от всех покушений, апеллируя к незыблемости социологических законов.

«Считая переход власти в свои руки единственно прогрессивным моментом в истории, — писал Лафарг, — буржуазия действительно убеждена, что было бы возвратом к варварству — «рабству», как говорит Герберт Спенсер, — если бы пролетариат захватил власть в свои руки»¹². Этой мыслью, собственно, и заканчивается теория социальной эволюции Спенсера. Уже во второй половине XIX в. идеологи буржуазии начинают пугать своих читателей и слушателей перспективой деградации общества, если оно перешагнет грань капитализма. После завоевания власти буржуазией вся дальнейшая история должна состоять лишь в «улучшении» капитализма, а отнюдь не в его ликвидации, ибо это означало бы подрыв самих «устоев цивилизации» или даже основ человеческого общежития. К тому времени марксизм и рабочее движение во всем мире уже добились значительных успехов. Страх перед растущей силой и сознательностью рабочего класса диктовал буржуазному либерализму его антинаучные теории.

Спенсер задолго до своих нынешних единомышленников провозгласил коммунизм «не только будущим восстановителем рабства, но и изобретателем и насадителем бюрократии». Спенсер вопил о «чрезмерных издержках», которые потребуются обществу, когда банки, заводы, все средства производства будут национализированы. Он решительно выступал против общественной собственности под флагом «свободы индивидуума».

Таким образом, уже Спенсер поставил предел социальному прогрессу, утверждая, что буржуазные общественные отношения должны быть вечными, иначе за ними последует «притеснение индивидуума» и новое «рабство».

Работа Спенсера «Грядущее рабство» (1884) была внимательно проанализирована Полем Лафаргом, который пришел к выводу, что «Спенсера принимают не за то, что он есть: его ошибочно считают эволюционистом, потому что он имеет обыкновение распределять факты, которыми занимается, по их внешнему виду, никогда не давая себе труда проанализировать

¹² П. Лафарг. *Экономический детерминизм Карла Маркса*, стр. 23.

их внутренние свойства и внешние причины, исследовать взаимодействие между ними и средой»¹³.

Как верно заметил Лафарг, по существу Спенсера нельзя безоговорочно считать эволюционистом не только потому, что он устанавливал предел общественному развитию. В основе всей философии Спенсера лежит агностицизм. Наука, в том числе и социология, по утверждению Спенсера, исследует лишь явления, сущность которых неуловима. Но разве возможна теория эволюции общественных форм, если сущность социальных изменений объявляется непознаваемой?

Спенсер действительно занимается лишь «распределением фактов» по их внешнему виду, не заботясь об исследовании их внутреннего содержания, а следовательно, вне поля изучения остается и их развитие. С позиций агностицизма можно построить лишь формальную теорию эволюции. В теории Спенсера основным «законом» эволюции является переход от однородного к разнородному. В соответствии со своим законом эволюции Спенсер делит общества на простые и сложные: первой, второй, третьей и т. д. степени сложности. Эти степени, по его мнению, составляют процесс дифференциации общественного целого. Следовательно, исходный пункт общественной эволюции, по Спенсеру, — это простые, однородные, недифференцированные первобытные общества. Но ведь это чисто формальный аспект. Нечего и говорить, что сущность исторического процесса с помощью таких «законов» вскрыть нельзя. Возникает естественный вопрос: почему же в первобытных обществах начинается социальная дифференциация? На него Спенсер ответить с позиций своей метафизической философии не может. Он прибегает здесь к «помощи» другого общества, которое поглощает первое, «однородное» и стимулирует процесс дифференциации, вызываемый, таким образом, внешним толчком. Подобное объяснение — показатель слабости всей теории Спенсера.

Немалое место в социологии Спенсера занимает пресловутая механистическая теория равновесия. Она была изложена уже в первом его крупном сочинении, вышедшем в 50-х годах и озаглавленном «Социальная статика». Равновесием и нарушением его определяются отношения между природой и обществом, между социальными группами внутри общества и между различными обществами. Совершенно очевидно, что идея установления и нарушения равновесия не проливает никакого света на качественные социальные изменения и игнорирует их. По сути дела теория равновесия не дает никакого объяснения эволюции, которую Спенсер признает на словах. Почему нарушение и восстановление равновесия содействуют поступательно-

му движению человечества, а не его топтанию на месте — на этот вопрос Спенсер ответить не мог.

Пока не вскрыта природа общественных связей, их сущность, до тех пор нельзя думать ни о какой научной теории социального развития. Для Спенсера общество являлось как бы увеличенным индивидуумом, организмом. Бертран Рассел пишет об этом направлении: «Престиж биологии заставлял людей, мышление которых находилось под влиянием науки, применять биологические, а не механические категории к миру... Понятие организма стали представлять ключом к научному и философскому объяснению законов природы...»¹⁴ Спенсер употребил это понятие и для объяснения законов общественного развития. Он использовал «престиж биологии», но перенесение понятий биологии на общественную жизнь отнюдь не исключало механицизма, а лишь дополняло его. Получалась грубая схема. Представление об обществе как организме, отдельные части которого «дополняют» друг друга, — такова основа органической теории общества Спенсера. Растущая дифференциация различных функций этого организма, его органов — единственное содержание общественной эволюции. Перенесение терминов и понятий из биологии могло придать лишь видимость научности такой теории общества.

Вместе с тем такое перенесение играло и реакционную роль. Спенсер, например, переносил на общественную жизнь понятие естественного отбора, согласно которому выживают лишь сильные, и проповедовал его благотельность для общества. Впоследствии так пазываемый социальный дарвинизм стал одним из реакционнейших, человеконенавистнических течений.

«Реформы» против революции

Буржуазно-либеральные теории, отделившись от «неопределенности ожиданий», от надежд на наступление века разума и счастья, стремились показать, что столбовая дорога прогресса — это постепенное улучшение и изменение все той же буржуазной системы власти и собственности, путь реформ и «улучшений» этой системы. Спенсер мечтал о том счастливым времени, когда в обществе наступит «подвижное равновесие», т. е. воцарится покой при некотором движении, не изменяющем структуры, не нарушающем равновесия. Все это выдавалось за последнее достижение науки, за «позитивную» и прогрессивную теорию, которая устраняет романтические «преувеличения» прежней теории прогресса.

Ленин писал в 1906 г., что такого рода «прогрессисты» стремятся заменить теорию классовой борьбы как единственно

¹⁴ Б. Рассел. История западной философии. М., 1959, стр. 744.

¹³ П. Лафарг. Сочинения, т. II. М.—Л., 1928, стр. 336.

реального двигателя истории буржуазной теорией «солидарного», «общественного» прогресса. Они не признают прогресса в общественной жизни капитализма результатом развития острейших противоречий. Движущей силой прогресса в буржуазном обществе они считают «гармонию» и «солидарность» классов. Это был важнейший догмат позитивизма и всей буржуазно-либеральной теории.

«По учению социализма, т. е. марксизма (о немарксистском социализме нельзя теперь и говорить серьезно), — писал Ленин, — действительным двигателем истории является революционная борьба классов; реформы — побочный результат этой борьбы, побочный потому, что они выражают неудачные попытки ослабить, притупить эту борьбу и т. д. По учению буржуазных философов, двигатель прогресса — солидарность всех элементов общества, сознавших «несовершенство» того или иного учреждения. Первое учение — материалистично, второе — идеалистично. Первое — революционное. Второе — реформистское. Первое обосновывает тактику пролетариата в современных капиталистических странах. Второе — тактику буржуазии»¹⁵.

Идея солидарности особенно характерна была для Конта и его последователей. Зародыши солидарности Конт видел уже в животном царстве и затем изображал эту солидарность важнейшим фактором общественного развития. Согласно точке зрения буржуазного либерализма, пролетариат своей борьбой подрывает «солидарность», вносит в общество лишь «раскол», а классовая борьба не служит делу прогресса. Позитивизм теоретически обосновал этот тезис. Сущность прогресса сводится к попыткам реформировать, «улучшить» те или иные учреждения или стороны капитализма.

«Из второго учения, — продолжает Ленин свой анализ этой буржуазной теории, — вытекает тактика дюжинных буржуазных прогрессистов: поддерживай везде и всегда, «что лучше»; выбирай между реакцией и крайней правой из оппозиционных этой реакции сил. Из первого учения вытекает самостоятельная революционная тактика передового класса. Ни в каком случае не сводим мы своей задачи к поддержке самых распространенных лозунгов реформистской буржуазии. Мы ведем самостоятельную политику, выдвигая лишь лозунги таких реформ, которые безусловно выгодны интересам революционной борьбы, которые безусловно повышают самостоятельность, сознательность и боевую способность пролетариата»¹⁶.

Борьба против буржуазно-либеральных, позитивистских схем прогресса — эволюции, таким образом, была неразрывно связана с классовой борьбой пролетариата, с его превращением в само-

стоятельную силу, руководствующуюся революционной тактикой. Это и давало могучий стимул для дальнейшей разработки марксизма-ленинизма, научной теории общественного развития.

В приведенных строках Ленин дает единственно правильный критерий прогрессивности реформ, постепенных изменений в буржуазном обществе и их необходимости для общественного развития. Они нужны, когда соответствуют реальным перспективам общественного развития, когда постепенные изменения повышают самостоятельность, сознательность и боевую готовность пролетариата. «Только такой тактикой, — пишет Ленин, — мы действительно двинем вперед дело серьезных реформ»¹⁷. «...Тактика реформистов, — подчеркивает он, — хуже всего обеспечивает проведение реформ и их реальность. Тактика революционной классовой борьбы всего лучше обеспечивает и то и другое»¹⁸. Не имея правильной перспективы общественного развития, нельзя оценить и значение реформ, решить вопрос, служат ли они делу общественного прогресса или означают топтание на месте.

Критерием прогрессивности изменений всех сторон общественной жизни, в том числе и частных ее изменений, можно располагать, лишь вскрывая реальные перспективы, тенденции общественного развития. Теория общественного развития должна ставить вопрос о будущем человеческого общества, указывать, как настоящее подготавливает это будущее. Буржуазный либерализм не способен был так подойти к вопросу, поэтому его проповедь общественного прогресса стала апологией топтания на одном месте, а не поступательного движения. Представления буржуазного либерализма о том, что «лучше» или «хуже» для общественного прогресса, не опираются на научный анализ перспектив развития общества. Эти представления либо покоятся на абстрактных рассуждениях об «общественном добре и зле», на «абсолютных социальных идеалах», под которыми подразумеваются устои эксплуататорского общества, превращенные в абсолют, либо проникнуты открытым субъективизмом. По мере того как теория общественного развития все в большей степени становилась теорией борьбы рабочего класса за лучшее будущее, за революционное переустройство основ общественной жизни, буржуазные теоретики все решительнее отказывались от теории прогресса и от самой идеи закономерности в истории общества.

Торжество субъективизма в социологии

Марксистскому пониманию объективных законов поступательного движения общества буржуазные теоретики начали противопоставлять утверждения о том, что прогресс есть поия-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 264.

ние относительное, произвольное и зависит от точки зрения исследователя. В ходе идеологической борьбы буржуазные теоретики развернули знамя субъективного идеализма в социологии.

Уже Конт в последние годы своей деятельности, подчеркивая субъективный характер знания, приходил к выводу, что социологическая система — явление субъективное, а не объективное. Последующие буржуазные теоретики пошли еще дальше. Они начали критиковать даже формальное понятие общественной эволюции, данное Спенсером, выступая против «перенесения» понятия законов и закономерностей из области наук о природе на изучение общественного процесса. Наука об обществе — это наука о духе, твердили они. По этой «теории» выходило, что всякий волен сочинять такие «формулы прогресса», по выражению Н. К. Михайловского, какие ему заблагорассудится, что категория прогресса определяется в зависимости от «социального идеала» мыслителя. А социальный идеал — результат деятельности ума, итог субъективных оценок действительности. Буржуазных теоретиков бесило то, что социальный идеал пролетариата основан на глубоко научном анализе капиталистической действительности, на учете реальных возможностей рабочего класса осуществить революционное изменение этой действительности и построить новый мир, который представляет собой закономерный этап в развитии человечества.

Точку зрения субъективного идеализма на историю в конце XIX и начале XX в. особенно подробно развивали неокантианцы Риккерт, Виндельбанд и другие, утверждая, будто общественная наука есть некая система субъективных оценок тех или иных явлений общественной жизни. Они выступили против применения понятий закона, закономерности к общественной жизни, заявляя, что это неоправданное перенесение понятий, свойственных лишь наукам о природе. При таком взгляде на общественное развитие самый отъявленный реакционер и защитник давно отживших общественных порядков может разыгрывать роль поборника прогресса. Так и поступали апологеты буржуазных порядков. Социал-реформисты, находившиеся под влиянием неокантианских взглядов, потеряв перспективу общественного развития, а следовательно, и научный критерий прогрессивного, также объявляли прогрессом все, что им заблагорассудится, в первую очередь любые буржуазные реформы.

Усилия всех буржуазных теоретиков были сосредоточены на атаках против основы основ научного понимания общественного развития — учения о способе производства, о социально-экономических формациях, об их закономерном развитии. Они хотели уничтожить следующий важный вывод из анализа исторического процесса: все, что активно содействует победе рабочего класса, новой общественно-экономической формации

над старым, отжившим, а в дальнейшем содействует ее укреплению и развитию, — все это прогрессивно.

В ходе идеологической борьбы буржуазные теоретики конца XIX — начала XX в. подвергли позитивистскую теорию критике справа. Воинствующий субъективный идеализм ополчился против признания каких бы то ни было объективно существующих законов развития общества. Атаку начали неокантианцы, их линию продолжали другие представители субъективно-идеалистических течений. На гребне этой волны поднялся немецкий историк и социолог Макс Вебер, который утверждал, что законы общественной жизни, в том числе и экономические законы, — это лишь творения человеческого ума, помогающие понимать действительность. Исторически сменявшиеся социальные структуры общества — это лишь «идеальные типы», созданные умом исследователя для того, чтобы разобратся в историческом процессе.

Вебер, с одной стороны, старался уйти от представления о хаотичности исторического процесса, а с другой — не стать на путь предположения о его объективном, закономерном характере. Исторический процесс состоит из неповторимых единичных событий и явлений, в этом Вебер согласен с другими неокантианцами, в том числе с Риккертом и Виндельбандом. Но сравнительный метод все же предохраняет социологию от полной ликвидации. В неповторяющихся единичных событиях и явлениях исторического процесса можно увидеть некоторые общие черты, можно обобщить кое-что и создать таким путем некоторые идеальные типы. Так Вебер модифицировал неокантианские взгляды на исторический процесс.

Вставал, однако, вопрос: где граница этой обобщающей деятельности ума социолога? Можно ли от обобщений, результатом которых является создание идеальных типов или сменяющихся моделей в историческом процессе, пойти дальше, предположить их последовательность и смену, создать таким образом, хотя бы идеалистическую теорию общественного процесса? Исходя из своих неокантианских позиций, Вебер разрешал себе признавать только одну линию в историческом процессе — рост и развитие абстрагирующей силы человеческого ума. Но и это он делал с характерными оговорками: «освобождение мира от чар и сопутствующая этому рационализация могут быть добром или могут быть злом, такова наша судьба... Для того, кто не может мужественно перенести эту судьбу... двери старых церквей милосердно открыты... если он хочет совершить «жертвоприношение интеллекта»¹⁹. Прогресс научного знания состоит в уничтожении старых, «утешительных» философско-исторических схем. Для того, кто боится расстаться с этими

¹⁹ Max Weber. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, 1951, S. 596.

схемами, остается путь назад — путь принесения в жертву интеллекта.

Вебер выдвинул, таким образом, теорию, согласно которой понимание социальной жизни возможно лишь с помощью конструируемых социологом «идеальных типов». Скажем, существует несколько отдельных, т. е. логически возможных, типов цивилизации, форм государства или экономических отношений. С помощью этих «идеальных типов» только и можно что-либо понять в конкретном материале, изображающем явления социальной жизни. Следует сказать, что некоторые сторонники подобных теорий «идеальных типов», или «образов», доходят ныне до платоновских идей, считая, что действительность есть ответ этих идеальных типов. Другие ограничиваются проповедью кантовского взгляда на понятия, заявляя, что понятия «типа», или «образа», возникают до опыта. Есть и такие социологи, которые считают, что понятия-образы являются все же в какой-то мере обобщением эмпирического материала и помогают этому обобщению. В целом теория Вебера оказалась ценной для буржуазных идеологов. Марксизм, который наступал на буржуазную идеологию под знаменем науки, выдвинул учение о социально-экономических формациях. Буржуазные теоретики, воспользовавшись идеями Вебера, гсворят: у нас есть свое учение о «типах» общества. И вместе с тем теоретики буржуазии спокойны: ведь эти «типы» всего лишь плод ума, они идеальны. Это сбивало и сбивает с толку многих ученых Запада.

Кризис классических позитивистских схем в социологии

К концу XIX в. материал, добытый общественными науками, разросся, обнаружилось вопиющее противоречие между догмами плоского эволюционизма, органической теории общества с одной стороны и этим конкретным материалом — с другой. Историки собрали материал, показывающий, что вся история человечества изобиловала революциями, периодами ожесточенной борьбы нового со старым, крушения отжившего. Историческая действительность начала XX в. подтверждала, что плавное, бесконфликтное развитие общества, предсказанное позитивистами, — иллюзия. Сведение всех явлений общественной жизни к плоским аналогиям с биологическими процессами решительно опровергалось. Вставал вопрос о специфике социальных явлений. Неокантовцы утверждали, что вся эта специфика объясняется господством в общественной жизни духовного начала. Но и в это прокрустово ложе нельзя было уместить данные, добытые к тому времени наукой об обществе, в частности, сведения, накопленные по истории народ-

ного хозяйства. Всем уже было ясно, что старые позитивистские схемы непригодны.

О распаде и глубочайшем кризисе «классических» позитивистских схем возвестил в буржуазной науке наиболее решительно, пожалуй, французский социолог Эмиль Дюркгейм. Он поставил вопрос о том, что такое «социальный факт», социальное явление, и заявил в своей работе «Метод социологии» (1895), что эти даты и явления нельзя свести ни к биологии, ни к психологии. По его мнению, «социальный факт» есть объединение «представлений и действия». Этим был нанесен серьезный удар по схемам Спенсера и Конта. Основная единица социологического исследования не индивидуум, а группа, коллектив. Общественные связи, отношения между людьми, следовательно, должны интересовать социолога в первую очередь. Это было правильное направление атаки. Однако негативное, критическое значение работ Дюркгейма значительно превосходит значение его попыток найти выход из позитивистского тупика.

Одну такую попытку он предпринял в работе «О разделении труда в истории общества» (1893). На разделение труда обращал внимание, как уже говорилось, и Конт под влиянием того круга идей, которые были характерны для Сен-Симона и других утопистов. Дюркгейм видит в разделении труда основу прогрессивного развития общества, объясняя этим эволюцию интеллектуальную, моральную и правовую. Увеличение численности населения требует роста производительности труда, которая достигается все более строгой специализацией в работе, разделением труда, — такова исходная мысль. Дюркгейм стремился, таким образом, перенести внимание социологии на «социальное действие» и на систему общественных отношений. Но он совершенно игнорировал классы и классовую борьбу, а поэтому проблема общественных отношений, в том числе и вопрос о значении разделения труда для их развития, не могла быть разрешена.

Дюркгейм ополчился против пустых абстракций старых позитивистских школ, заявляя, что социальные явления надо рассматривать «как вещи», как вещественно реальные. Но в свя-зани с этим требованием он сводил дело к изучению происхождения и развития отдельных явлений социальной жизни, от-казываясь от общей идеи поступательного хода исторического процесса как от ненужной контовской абстракции. Вместе с тем Дюркгейм высказывался за изучение социологических законов, за строгий детерминизм при анализе социальных явлений, за объяснение этих явлений с помощью анализа общественной жизни, а не биологии или психологии.

Этот метод Дюркгейм пытался применить в своем исследовании «Самоубийство» (1897). Работа эта явилась вызовом тем социологам, которые явления социальной жизни сводили

к биологическим и психологическим факторам. При анализе таких явлений, как самоубийство, это делалось разумеется, особенно легко и часто. Дюркгейм старается доказать, что самоубийство есть «социальный факт», что оно определяется в первую очередь социальными причинами. Он показывает на статистическом материале, что периоды больших политических кризисов и консолидаций общественных сил в эпоху революций, войн отличаются чрезвычайно небольшим числом самоубийств. Отсюда Дюркгейм приходит к выводу, что причины самоубийств надо искать в «неудовлетворительном участии» индивидуума в жизни общества или недостаточной «интеграции» тех коллективов, к которым принадлежит данная личность. Не трудно видеть, что эти выводы направлены против вредных биологических и сугубо психологических теорий, но сами они все же весьма абстрактны.

В своей работе «Элементарные формы религиозной жизни» (1912), написанной главным образом на основе изучения верований австралийских племен, Дюркгейм старался подойти и к вопросу о происхождении религии как явления социального. В этом была его заслуга. Возникновение религиозных верований он связал с появлением в первобытной общине представлений о «священном» и «светском, земном». Здесь он сделал немало ценных наблюдений, но в итоге пришел к неверному и вредному выводу, что религия связывала индивидуум и общество и тем самым играла положительную роль в общественном развитии²⁰. Идеалистическое понимание общественных связей и здесь сковало исследователя.

После работ Дюркгейма, получивших очень широкий отклик, выдавать идеи Конта и Спенсера за бесспорное достижение социальной науки стало еще труднее. Старые позитивистские схемы были обречены на слом. Но конец системам Конта и Спенсера положили силы более могучие, чем их критики из числа буржуазных социологов. Коренное изменение социальной и политической обстановки в мире — вот где следует искать причины гибели старых либерально-позитивистских систем буржуазии.

Один из историков английских политических учений так пишет о начале нынешнего века: «Утреннее солнце 1-го января 1901 г. осветило мир, счастливый и полный надежд... Люди надеялись и предполагали, что новое столетие, принесет большой материальный прогресс, принесет также в большей степени порядок и стабильность, мир и процветание. Оглядываясь назад, легко увидеть, что это оптимистическое состояние едва ли

²⁰ См. об этом Г. П. Францов. У истоков религии и свободомыслия. М.—Л., 1959, стр. 208.

оправдалось»²¹. Былая уверенность в незыблемости капитализма ушла в прошлое.

«Люди периода царствования королевы Виктории были уверены в прогрессе, и в его реальности и благотворности для человечества»²², — пишет в том же тоне американский социолог Элтон Мейо. Речь идет, конечно, о капиталистическом прогрессе, об уверенности в перспективах капитализма. Видный английский историк Арнольд Тойнби размышляет о том же: «Автор оглядывается на 50 лет назад, на тот день 1897 г. в Лондоне, когда вместе с отцом он сидел у окна на Флит-стрит, наблюдая за процессией горных войск, канадцев и австралийцев, прибывших для участия в торжествах по случаю бриллиантового юбилея королевы Виктории»²³. Пышные церемонии красноречиво говорили о политическом и экономическом могуществе британского империализма. Только философ, по мнению Тойнби, мог бы полагать, что «если это рост, то должен быть также и упадок».

Но в конце XIX в. и в первые годы XX в. буржуазные социологи еще мало думали об упадке капитализма. Английские буржуазные публицисты воспевали в конце XIX в. «деловую экспансию», прочили вечное процветание империи. «Властителем дум» в те времена считался Герберт Спенсер, которого претенциозно величали Аристотелем Викторианской Англии. Его эволюционизм и «органическая теория общества» объявлялись венцом социальной мысли.

Спенсер снисходительно похлопывал по плечу науку, рекомендуя ей не заглядывать слишком далеко, оставить вне поля своего зрения мир «непознаваемых сущностей» и поделить свой авторитет с фидеизмом. Он заявлял в своей «Социальной статике», что мир идет к гармонии и равновесию, в том числе к гармонии классов, что все в мире постепенно приспосабливается к существующим условиям, почему и борьба трудящихся прекратится. Спенсер считал наиболее целесообразным для английской буржуазии добиваться такого положения дел, когда «правительство является просто комитетом предпринимателей (committee of management)»²⁴. Последующие десятилетия показали, как подобные оптимистические ожидания пришли в столкновение с жестокой правдой исторической действительности. Спасительная спенсеровская мысль о том, что все в природе и в обществе мало-помалу «приспосабливается», оказалась «в противоречии со всеми фактами, которые мы имеем»²⁵.

²¹ Ch. C. Maxsey. Political Philosophies. New York, 1938, p. 609.

²² E. Mayo. The Social Problems of an Industrial Civilization. Boston, 1945, p. 3.

²³ A. Toynbee. The Present Point in History. — «Foreign Affairs», vol. 26, N 1, October 1947, p. 187.

²⁴ H. Spencer. The Man Versus the State. London, 1884, p. 106.

²⁵ Ch. C. Maxsey. Political Philosophies, p. 562.

заявляет упомянутый ранее английский социолог Мэксон. Сам Спенсер провозглашен теперь своими критиками всего лишь «любителем-ученым и псевдофилософом», жизнь «взорвала спенсеровскую синтетическую теорию и уничтожила его политические постулаты».

Коммунизм — противник огромной идейной, политической и экономической мощи — встал во весь свой рост перед взором буржуазных идеологов.

Глава вторая

ЖИЗНЬ РАЗВИВАЕТСЯ ВОПРОТИВ БУРЖУАЗНЫМ ТЕОРИЯМ

Важнейшие факты новейшей истории человечества оказались непреодолимым рубежом для буржуазной социальной мысли, отправляющейся от догмы вечности капитализма. Огромные силы старого мира не смогли остановить революционное движение рабочего класса. Их политическая, экономическая и идеологическая беспомощность особенно проявилась там, где они, казалось, были наиболее могущественны, где они являлись оплотом европейской и азиатской реакции, — в царской России. В 1902 г. в работе «Что делать?» В. И. Ленин писал: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»¹. Ленин говорил тогда: «Именно теперь русский революционер, руководимый истинно революционной теорией, опираясь на истинно революционный и стихийно пробуждающийся класс, может наконец — наконец! — выпрямиться во весь свой рост и развернуть все свои богатырские силы»². Эти богатырские силы развернулись, и через пятнадцать лет первая Программа нашей партии была выполнена. Ленин потом вспоминал, что большевизм получил «от истории пятнадцатилетний срок на подготовку его, как организованного политического течения, к победе»³. Это был поистине кратчайший исторический срок.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 28.

² Там же, стр. 107.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 76.

Теоретикам и идеологам буржуазии победа революции показалась чудом. Они написали по этому поводу груды книг, и если отбросить всю придуманную ими клевету, всю сознательную фальсификацию, то в одном они совершенно искренни: они не понимают, как произошло это чудо, как случилось, что в поворотный момент истории, когда создались реальные предпосылки для революционного преобразования общества, обнаружилось, что великая революционная сила сформировалась и Ленин мог сказать: «Есть такая партия». Эта партия возглавила широчайшие народные массы и с большим искусством повела их на осуществление величайшего переворота. Идеологи буржуазии не могут понять, что к тому времени, когда съезд партии одобрил нашу вторую Программу, буржуазные и социал-оппортунистические идеи были уже бесповоротно осуждены историей. Они стали олицетворением прошлого, которое еще живет, судорожно цепляется за жизнь, но уже осуждено на гибель. Буржуазные теоретики Запада, рассуждая об Октябрьской революции, просмотрели историю политического, экономического и идейного банкротства буржуазии в России. В этом сказалась классовая скованность буржуазного политического мышления. Субъективно-волюнтаристические концепции, объясняющие все события и повороты мировой истории чьей-то злой волей, как черная повязка, лежат на глазах у буржуазных теоретиков, мешая им видеть очертания объективного исторического процесса.

Идеологи империализма проглядели, во-первых, как именно в России с удивительной остротой обнаружилось, что буржуазия в политическом, экономическом и идейном отношении бессильна справиться с теми противоречиями, которые принесла с собой эпоха империализма и одним из ярчайших выражений которых являлась первая мировая война со всеми ее тягчайшими последствиями для народных масс. Они не видели, во-вторых, что именно в нашей стране капитализм оказался не в состоянии преодолеть отсталость, поднять слаборазвитые районы, вывести всю страну на путь прогресса. Они не смогли понять, в-третьих, какая новая историческая сила родилась в лице ленинской партии, во всей своей деятельности опирающейся на союз рабочего класса с крестьянством, какая социальная энергия заложена в этом союзе и какое значение представляют ленинизм и Коммунистическая партия для пробуждения этой величайшей энергии.

Теоретики буржуазных партий не поняли также, как и почему произошел в нашей стране ускоренный ход революции процесс банкротства социал-оппортунизма. Они просмотрели те крупные повороты классовой борьбы, на которых оппортунизм терял всякое идейное и политическое влияние на массы, например, в тот важнейший момент, когда, по словам Ленина, после

Февральской революции «мы говорили меньшевикам и эсерам: берите всю власть без буржуазии, ибо у вас большинство в Советах...»⁴ Но социал-оппортунисты не желали взять власть именно без буржуазии. Таким образом, приближение социал-оппортунистов к власти разоблечило их классовую сущность в глазах масс в ходе революции еще до октябрьских баррикад. Буржуазные теоретики не сумели увидеть, что благодаря правильной тактике большевиков до и после социалистической революции меньшевизм продолжал распадаться, а оппортунистические вожжи оказались в изоляции, в то время как на сторону большевизма переходили лучшие рабочие, лучшие элементы мелкобуржуазной демократии. Они не заметили, как в огне гражданской войны окончательно сгорели идейные знамена социал-оппортунизма.

Далее, чрезвычайно важно отметить, что социальная мысль буржуазии оказалась не в состоянии понять, что процесс, который в нашей стране всем ходом революции был в сотни раз убыстрен, происходит после Октября, хотя в более медленном темпе, во всем мире. Все более обнаруживается неспособность буржуазии справиться с глубочайшими противоречиями эпохи империализма. Вся ее политика обостряет эти противоречия. Такие чудовищные проявления империализма, как мировая война, отвратительный колониальный разбой, безумное расточительство огромных материальных и людских ресурсов на подготовку войны, нельзя скрыть от глаз трудящихся.

Возникшая перед буржуазной социальной мыслью проблема отношения к идеям коммунизма, затем к коммунистической действительности явилась тем камнем преткновения, который наиболее ярко выявил все ее бессилие.

Камень преткновения буржуазной социальной мысли

Когда великие идеи научного коммунизма впервые появились в мире, возвестив неизбежное наступление нового этапа в развитии человеческого общества, реакционная буржуазия встретила их злобным воем. В первую очередь реакция попыталась убедить те слои общества, которые находились под влиянием буржуазных взглядов, в том, что разрушение капиталистических порядков означает-де крушение человеческой культуры и цивилизации, устоев нравственной и всей экономической, социальной и интеллектуальной жизни общества. Принципиально новый этап в развитии общества рисовался защитниками капитала как катастрофа для всего человечества. Позитивистская социологическая концепция Конта с ее осуждением «критиче-

ских» разрушительных эпох и прославлением эпох «органических», позитивных и созидательных вполне оправдывала такую точку зрения. Буржуазная теория прогресса, которая объявляла капитализм последним, завершающим этапом на пути человечества, давала теоретическую основу для подобных взглядов.

Маркс и Энгельс уже в «Манифесте Коммунистической партии» с огромной силой логики ответили на эти клеветнические обвинения и разоблачили их убожество. Основоположники научного коммунизма показали, что буржуазия без всякого основания выдает порядки капиталистического строя за вечные нормы жизни общества.

Однако еще в течение долгих десятилетий этот миф антикоммунизма продолжал оставаться на вооружении реакции. В период Парижской коммуны, в годы Великой Октябрьской социалистической революции миф о том, что коммунизм якобы разрушает самые основы человеческого общежития, которые-де должны покоиться на частной собственности и власти буржуазии, распространялся с особой настойчивостью всеми органами буржуазной пропаганды. Социал-реформисты на свой лад прикнули к общему хору реакции.

Буржуазия упорно не желала замечать великую созидательную силу социалистической революции, творческую энергию пролетариата, идущего во главе трудящихся масс. Понадобились долгие годы, чтобы идеологи буржуазии задумались над той огромной созидательной силой масс, которую вызвала к жизни социалистическая революция. Нельзя сказать, чтобы теоретики империализма, однако, окончательно бросили тянуть старую песню о «гибели» цивилизации. Она еще и поныне слышна в книгах и статьях некоторых социологов и философов, плетущихся в хвосте за Шпенглером, пророчествовавшим в 20-х годах нашего века о «закате Европы». Но все же теперь голоса таких пророков звучат гораздо глуше. Наиболее голосисто последний раз эту песню завели было гитлеровцы, объявившие себя «защитниками западной цивилизации». Однако им недолго пришлось выступать в этой роли. Пропагандистское «наследие» гитлеровцев, конечно, в той или иной мере используется теоретиками, сражающимися против коммунизма, и по сей день. Но чаще этот старый миф распространяется современной буржуазной пропагандой в несколько иной версии.

Антикоммунистическая мифология

Дело в том, что миф о «разрушении» коммунизмом основ общественной жизни еще в прошлом веке имел и такую версию: общественная собственность якобы противоречит самой природе человека, гасит его инициативу и предприимчивость, частная же собственность соответствует человеческой натуре.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 72.

В конце прошлого века с подобными рассуждениями выступал, как мы уже говорили, вождь буржуазной социологии Герберт Спенсер. По сути дела все теоретические «опровержения» коммунизма в писаниях буржуазных экономистов, философов, социологов, юристов и поныне проникнуты этой жалкой идеей. Иногда она приобретает замаскированный, мистифицированный вид. Например, католический философ Бохенский пишет, что западной культуре со времен Платона присуще представление об «отдельном человеке», которого он противопоставляет таким, по его мнению, «абстрактным» понятиям, как коллектив, человечество и др.⁵ Но представление об «отдельном человеке», противопоставленном коллективу, возникло именно под влиянием веков господства частной собственности. Обрушиваясь на коммунизм, Бохенский, конечно, об этом ничего не говорит. На подобные басни защитников буржуазной собственности обратил внимание Ленин, который не оставил от них камня на камне.

Ленин показал, что социализм не только не гасит соревнования, смелого почина, творческой инициативы, а, напротив, впервые в истории создает возможность проявить все это действительно широко, в массовом масштабе. Жизнь подтвердила правоту ленинской мысли. Но пропагандисты реакции не желают и ныне расставаться со старым мифом, направленным на дискредитацию будущего человеческого общества. Они распространяют его в газетах и журналах, по радио и телевидению, в книгах и брошюрах. Этот миф о соответствии частной собственности природе человека лежит в основе рассуждений о прелестьях «свободного мира», в основе всей саморекламы современного капитализма.

С середины прошлого века реакционная буржуазия не только и не столько надеялась на идеологическую борьбу против коммунизма, сколько полагалась на силу, на полицейские расправы с коммунистами, с партиями рабочего класса. Клеветнические измышления относительно того, что коммунизм будто бы противоречит «природе человека», конечно, помогали полицейским расправам, но они нуждались в более прямой идеологической санкции. Ведь если идеи коммунизма противоречат «природе человека», то почему же они не умирают, а распространяются по белому свету? На первый план еще со времени Парижской коммуны был выдвинут миф об «экспорте» революции. Он находится в полном соответствии с социологическими и философскими концепциями реакции, которые пропизаны идеями, отрицающими закономерность исторического развития, прославляющими субъективизм и волюнтаризм как основу об-

щественного процесса. Революция-де не имеет внутренних причин, не возникает в результате внутреннего развития, это «зло» привнесено извне чужой волей. Произволом объясняют теоретики буржуазии возникновение революций; голый произвол реакции должен, по их мнению, покончить с революционным движением.

Такая версия создавала удобную идеологическую предпосылку для расправы с лучшей частью нации — авангардом рабочего класса. Сторонники идей коммунизма объявлялись агентами какой-то силы, якобы чуждой данному обществу и народу. Когда в мире прозвучал лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», реакционная буржуазия особенно настойчиво стала пропагандировать миф об «экспорте» революции, об изготовлении идей революции и подготовке революционных деятелей в каких-то «международных центрах», которые затем рассылают во все концы земли тайных заговорщиков.

Лживость и идейную нищету мифа об «экспорте» революции разоблачали еще Маркс и Энгельс. В дни Парижской коммуны Маркс писал: «Буржуазный рассудок, пропитанный полицейщиной, разумеется, представляет себе Международное Товарищество Рабочих в виде какого-то тайного заговорщического общества, центральное правление которого время от времени назначает восстания в разных странах». Маркс говорил далее об Интернационале: «Это Товарищество не может быть искоренено, сколько бы крови ни было пролито. Чтобы искоренить его, правительства должны были бы искоренить деспотическое господство капитала над трудом, то есть искоренить основу своего собственного паразитического существования»⁶. Однако реакционная буржуазия считала, что можно силой искоренить идеи о лучшем будущем в сознании масс и предотвратить наступление этого будущего. Миф об «экспорте» революции служил и продолжает служить империалистической реакции для оправдания кровавых расправ, вооруженных интервенций, полицейских преследований.

Империалисты и их теоретики создали новую версию мифа об «экспорте» революции: укрепившись в Советском Союзе, революция затем распространяется по миру либо с помощью тайных агентов Советского государства, либо с помощью его вооруженной силы.

Возникновение народно-демократического строя в ряде стран Европы изображалось как «экспансия» Советского Союза. Тот факт, что советские войска, находившиеся к исходу второй мировой войны в ряде стран Восточной Европы, предотвратили вооруженную интервенцию империалистов против этих стран, толковался идеологами империализма извращенно и лживо. Ни-

⁵ J. M. Bochenski. Der freie Mensch in der Auseinandersetzung zwischen West und Ost.— «Aus Politik und Zeitgeschichte», N 5, Juni 1963, S. 8.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 366.

когда еще лживая и нелепая теория «экспорта» революции не пропагандировалась с таким размахом и с такими затратами, как в те годы. Какие цели преследовало тогда распространение фальшивой версии об «экспорте» революции?

Во-первых, это должно было внушить массам, будто революционные преобразования не есть результат внутреннего развития той или иной страны, будто они незакономерны и незаконны, ибо навязываются чужой вооруженной рукой. Нежелание признать происшедшие после второй мировой войны глубочайшие и закономерные изменения в мире, нежелание признать исторический поворот ряда стран к социализму — характерная черта буржуазного политического мышления.

Во-вторых, таким путем фактически хотели оправдать экспорт контрреволюции, обосновать «право» империалистов на вмешательство в чужие дела, во внутреннюю жизнь других государств. Это «право» реакция присвоила еще в начале XIX в., в период деятельности Священного союза, теперь о нем вновь вспомнили.

В-третьих, лживая версия о природе народно-демократического строя помогала империалистам в организации клеветнической кампании против компартий западных стран, в возрождении старой-престарой басни о «руке Москвы», которая якобы движет всем мировым коммунизмом. Реакция старалась изменить отношение масс к коммунистическим партиям капиталистических стран, подорвать их авторитет. В первые послевоенные годы коммунисты входили в правительства Франции и Италии. Империалистическая реакция приступила тогда к выполнению стратегического плана, согласно которому коммунисты должны быть вытеснены с политической арены, а монополия в политической жизни капиталистических стран должна принадлежать партиям буржуазии. Это была первая после войны крупная атака реакции на прогрессивные силы.

Ей предшествовала неистовая атака перед второй мировой войной, когда империалистическая реакция, растоптав все традиции буржуазного демократизма, пошла на самые зверские формы подавления рабочего движения, введя в действие фашизм, стремясь установить открытую диктатуру самых крайних агрессивных групп монополистического капитала. Соединив власть государства и огромную мощь монополий, правящие круги Германии задумали ликвидировать арену легальной политической борьбы, загнать все демократические силы в подполье и истребить их представителей. Непрерывные полицейские расправы, зверский террор сочетались с самым низким подкупом мелкой буржуазии. Это была попытка монополистического капитала найти новую, наиболее удобную для себя форму политической организации общества. Однако в наше время попытка вытеснить с политической арены рабочий класс

оказалась реакционной утончей и потерпела крах. Далее оказалось, что и среднюю буржуазию невозможно сбросить со счетов по приказу сверху и она требует своего места в сфере политической борьбы, склонна в какой-то мере отстаивать свои интересы, не совпадающие с интересами монополий. Попытки вконец развратить подачками мелкую буржуазию удаются лишь на тот или иной срок, но постоянно строить политику на такой основе нельзя. Таким образом, господство фашизма не могло быть долговечным. Важнейшие черты фашизма — агрессивная внешняя политика, вооруженный грабеж, превращение в колонии ранее независимых стран, курс на мировое господство — не могли не вызвать усиление противоречий и рост серьезного противодействия на мировой арене. Наличие великой социалистической державы явилось главным фактором, который обрек фашизм на полный военный, политический и идейный разгром.

Разгром фашизма — ударной силы монополистического капитала — высвободил огромные демократические силы в странах капитала. Без той или иной опоры на эти силы Англия, Франция и США не могли бы противостоять фашизму Германии и Японии. Но уже в период войны реакционные круги были напуганы ростом демократического движения, усилением левых элементов, и особенно коммунистов, в Сопротивлении. Даже разрешение военно-стратегических задач Англией и США часто подчинялось политическим целям — не дать усилиться демократическим элементам. После войны принимались самые энергичные меры для того, чтобы преградить путь демократическому развитию стран Западной Европы, особенно Италии и Франции. Но реакция оказалась бессильной сделать это в ряде стран Восточной и Центральной Европы, которые пошли по социалистическому пути развития, создали государства народной демократии и отпали от империализма.

Новый этап идеологической борьбы характеризовался тем, что апологетам капитализма стало совершенно невозможно уверять, будто социалистическая революция — «чисто русское явление», что путь Советского Союза не годится для других стран. Жизнь опровергла и фальшивую мысль об «иммунитете» капиталистических стран Запада по отношению к коммунизму. Сложившаяся обстановка все больше увеличивает возможности исторической деятельности рабочего класса капиталистических стран.

Закономерный путь развития, который империалистам удалось преградить на Западе после второй мировой войны, примерно к 1947 г., вовсе не ликвидирован. В уничтожении всевластия монополий заинтересованы все основные силы нации, что создает возможность объединить все демократические движения, выступающие против гнета финансовой олигархии, в

один могучий антимонополистический поток. Рабочий класс, идя во главе этой борьбы, выступает за широкую национализацию на условиях, наиболее выгодных народу, за контроль парламента, профсоюзных и других демократических и представительных органов над национализированными отраслями, над всей экономической деятельностью государства, за проведение радикальных аграрных реформ, за осуществление лозунга «Землю тем, кто ее обрабатывает!» Общедемократическая борьба против монополий — важный этап в прогрессивном развитии общества, ибо она, спланивая трудящихся вокруг рабочего класса, приближает социалистическую революцию.

История не движется по прямой линии, ее путь характеризуется отступлениями и зигзагами, но она всегда находит в конечном итоге столбовую дорогу. Тот путь демократического обновления стран Запада, который открылся после войны, отнюдь не утерян, демократические силы вновь приближаются к нему, обогащенные опытом и значительно созревшие. Общая линия развития несомненна: рабочий класс, борясь за мир, против подготовки войны, за улучшение условий жизни и труда (повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, меры в области социального обеспечения и др.), добивается осуществления своего права участвовать в определении курса политики, выборе форм общественной жизни, в определении перспектив развития общества.

Таким образом, идея социалистической революции, вопрос о ее формах занимают все большее место в сознании миллионов людей, а не уничтожены, как думают идеологи буржуазии. В новых исторических условиях все более выявляется величайшая заслуга Маркса, Энгельса, Ленина, которые подняли эти центральные проблемы общественного развития, дали их научное решение. В каком же положении оказалась буржуазная социальная мысль в этих исторических условиях?

Хроника духовного оскудения антикоммунизма

Вот один из документов времени, отрывок из хроники духовного оскудения антикоммунизма. В редакционной статье, озаглавленной «Идеологии и системы взглядов», солидный буржуазный еженедельник «Times Literary Supplement» 24 августа 1951 г. постарался разобраться в этих проблемах, и вот к чему он пришел, оценивая итоги второй мировой войны:

«Одна из основных идеологий нашего времени — фашизм — была разгромлена. Но главную выгоду из ее крушения извлекла другая идеология, а именно — коммунизм. Таким образом, в настоящее время мир, по всей видимости, разделен между монолитной коммунистической идеологией, способной направ-

лять функции миллионов людей к одной политической цели, и Западом, не имеющим единой идеологии, если подходить к нему с его собственной точки зрения; если же рассматривать идеологию Запада с коммунистической точки зрения, то она может быть охарактеризована как комплекс различных импульсов, направленных к уничтожению коммунизма. Запад становится чем-то аморфным и непоследовательным, он имеет десяток различных верований и в то же время лишен веры в самого себя».

Далее в статье признается, что «половина мира увлечена коммунистической идеологией», и высказывается предположение, что стремление противодействовать росту влияния коммунистической идеологии «будет сопровождаться репрессиями против либерального общественного мнения и попытками напавить все виды мышления по антикоммунистическому руслу... Существует также опасение, что страх перед коммунизмом вызовет возрождение фашистских идей именно в тех странах, где фашизм в прошлом имел наибольший успех».

Журнал в сущности нарисовал перспективу порочного круга: фашизм — разгром фашизма — антикоммунизм — возрождение фашистских тенденций. Статья была напечатана не для того, чтобы констатировать перспективу нового фиаско с возрожденным фашизмом, а для того, чтобы поискать другой путь. Какие же попытки были сделаны, чтобы выбраться из этого порочного круга?

После второй мировой войны формирование мировой социалистической системы, успехи марксистско-ленинской идеологии, достижения Советского Союза стали особенно очевидны. Симпатии к Советскому Союзу за годы его героической борьбы против фашизма в огромной степени выросли у всего населения земли. Коммунисты во главе масс бесстрашно шли на смерть и мучения в борьбе против фашистов-захватчиков. Авторитет коммунизма и коммунистов вырос. Для буржуазной идеологии итоги второй мировой войны оказались плачевными. Фашизм потерпел не только военный, но и идейно-политический разгром; о прямом и открытом возрождении прежней фашистской идеологии не могло быть и речи. Приходилось искать «новую» идеологическую платформу для капиталистического мира в его борьбе с коммунизмом. К выполнению этой задачи буржуазия и приступила, то пронося под полой флаги фашистской реакции, то маскируя свою политику религиозными лозунгами, то вытаскивая из музеев знамена буржуазного либерализма XIX в. Но попытаемся наметить исторические вехи этого пути.

Сразу после войны огромный пропагандистский аппарат и созданный во время войны аппарат «психологической войны» были повернуты против Советского Союза и других стран, отпавших от системы капитализма. Замысел был чрезвычайно прост и циничен: все привычные для масс положения, выдви-

гавшиеся против фашизма, все аргументы, ставшие хорошо известными за время войны, следовало попытаться механически направить против Советского Союза, создав вокруг него плотную завесу лжи и клеветы, убедить людей в том, что общественный строй, развивающийся в Советском Союзе и в других социалистических странах, есть не провозвестник будущего, а лишь повторение прошлого.

Нашлись и «теоретические обоснования» такого маневра, вернее, такой идеологической диверсии. Американский философ Стивенсон, например, заявлял, что, добиваясь «убеждения» масс, следует стремиться, чтобы у «убеждаемых» создалось такое эмоциональное отношение к определенным фактам, какое у них уже сложилось по отношению к другим фактам; тогда одобрение или осуждение, уже достигнутое по отношению к одним явлениям, механически распространится и на другие явления. Метод, описанный Стивенсоном, стал применяться в чрезвычайно широких масштабах. В прессе и радиопередачах постоянно употреблялись в отношении Советского Союза такие определения, как «тоталитаризм», а в отношении капиталистических стран — «свободный мир» и т. д.

Вместе с тем решено было ввести в обиход основное из того, что использовалось фашистской пропагандой в целях травли коммунистов. Из жаргона Геббельса было заимствовано не только понятие «железный занавес», но и целиком миф о «красном империализме», якобы несущем гибель западной цивилизации.

В первую очередь стал широко распространяться миф о «коммунистической военной угрозе». Люди на Западе в ходе войны привыкли уважать Советские Вооруженные Силы, сами западные газеты вынуждены были писать о разгроме нашими войсками военной машины фашистов, без особого труда завоевавших ряд западноевропейских стран. Теперь буржуазная пропаганда принялась твердить, будто эти армии Советского Союза только и ждут приказа, чтобы направиться на Запад.

В связи с этим после образования мировой системы социализма буржуазная пропаганда принялась особенно настойчиво распространять насквозь лживый тезис, будто исторический спор между двумя системами неизбежно должен быть решен войной. Население капиталистических стран день за днем приучалось к мысли о фатальной неизбежности войны и, следовательно, к идее закономерности политики милитаризации, гонки вооружения и подготовки войны против Советского Союза и стран, вступающих на путь социализма. Эта пропагандистская задача требовала немало усилий. Ведь люди, только что закончившие вторую мировую войну, еще находились под влиянием пропаганды, твердившей, что эта война последняя. Усталость людей после войны была значительна.

Чтобы победить такие настроения, стали усиленно распространяться утверждения, будто война и ее корни неистребимы, а семена войны заложены в самой природе человека, в его пагубных страстях, без которых человеческая природа немыслима. Прогресс, утверждалось, коснулся лишь интеллекта, но не той «греховной» стороны человеческой природы, которая не подлежит никакой реформации; поэтому война изменяет лишь свои формы: наука, техника (то, что идет от интеллекта) поставляют новые и новые средства для удовлетворения старых страстей и инстинктов.

На сцену выступили также мальтузианцы, доказывавшие необходимость войны как спасения от перенаселения и биологической порчи населения земли.

Не было недостатка и в других теориях. Английский социолог Герберт Рид выступил со статьей, в которой доказывал, что война всегда оказывала бодрящее, возбуждающее действие на человеческую природу, на духовные силы человека. Мир, заявлял Рид, может породить опасную апатию: он как бы демобилизует человечество, ведет к тому, что люди «размагничиваются». Это было перепевом старых фашистских песен. Но затем следовал такой философский постулат: необходимо и в мирное время иметь некоторые «суррогаты», «заменители» войны. Это уже была попытка теоретически обосновать политику «холодной войны».

Джон Фостер Даллес выступил с книгой, в которой доказывал, что в период второй мировой войны была допущена ошибка, в результате которой «западный мир» раскололся. Нынешняя политика западных держав должна быть направлена на то, чтобы избежать раскола, создать единый блок капиталистических держав против Советского Союза. Американскому дипломату принадлежали известные определения западной политики как «отбрасывание», а затем «сдерживание» коммунизма военной силой. Он пустил в ход и выражение «политики с позиций силы».

Так создавался фон для речей Черчилля, призывавшего к крестовому походу против коммунизма, к созданию военного блока империалистических держав. Был дан сигнал к наступлению на идеологическом фронте с целью создать на Западе перелом в сознании людей, которые устали от войны и страстно стремились к миру.

Пропаганда против коммунизма еще более усилилась, когда началась «маршаллизация» стран Запада и сколачивание Атлантического блока. Буржуазные теоретики стали рьяно доказывать необходимость создания военных, агрессивных союзов капиталистических государств, воспевать «единство западной культуры», возвеличивать «атлантическую общность» и т. д.

Но вскоре выяснилось, что при всей этой воинственной шумихе капитализм не обладает наступательным теоретическим оружием, что его идейное содержание негативно. В журнале «Atlantic» американский литератор Мак-Лиш еще в августе 1949 г. поместил острый памфлет, в котором одним из первых поставил этот вопрос:

«Американская внешняя политика отражала русскую внешнюю политику как в зеркале: что бы ни сделали русские, мы делали противоположное. Американская внутренняя политика проводилась под некоторого рода перевернутым русским вето: не мог быть избран на общественную должность тот, кто сочувственно относился к русским, любое предложение, начиная с плана установления мира и кончая военным бюджетом, могло приобрести силу закона только в том случае, если существовала уверенность, что русским это не понравится. Американские политические разногласия определялись русскими; разногласия между левыми и правыми были не по вопросам, касающимся Америки, а по вопросам касающимся России. Правые отвечали левым их же аргументами, только вывернутыми наизнанку.

Американское просвещение было русским просвещением наоборот: не дать возможности познакомиться с коммунизмом было основной целью образования, признанной политическими деятелями и печатью; от преподавателя в первую очередь требовалось, чтобы он не был коммунистом сам, не встречался бы с лицами, которые могли быть коммунистами, и никогда не читал бы книг, которые познакомили бы его с коммунизмом.

Американская интеллектуальная жизнь вращалась вокруг русской интеллектуальной жизни: писатели перестали писать, а в дорогих отелях собирались многолюдные собрания, чтобы говорить о России целые дни напролет, в результате чего проблемы американской культуры становились отражением проблем русской культуры. Даже религиозная догма была вывернутой наизнанку русской догмой: хороший христианин в США в те годы должен был не любить своих врагов, а ненавидеть коммунистов. После этого ему позволялось молиться за них, если он мог». Смысл памфлета состоит в том, чтобы доказать простую истину: нельзя все мировоззрение строить на отрицании. Статья Мак-Лиша была одним из сигналов тревоги. В течение нескольких лет такие сигналы раздавались один за другим. Они свидетельствовали, что антикоммунизм завел буржуазную социальную мысль в тупик, он означает крайнюю степень ее деградации.

Через десять лет эти вопросы поднимает буржуазный журналист Пьер-Анри Симон в своей статье в газете «Monde» от 10 марта 1960 г.: «Итак, в нашем мире, где сталкиваются две цивилизации либо — волею жестокого случая — для военного

конфликта, либо для длительного мирного соревнования, мне кажется, я слышу, как коммунизм кричит нам: «На моей стороне вес моих бесчисленных человеческих масс, дисциплинированных моим законом и моими надеждами, на моей стороне их воля, освобожденная от бога и направленная к господству на земле, мои волшебные лаборатории, которые заставляют плясать созданные богом небесные светила, сотни моих университетов, миллионы моих студентов, моя спартанская и теоретически подкованная молодежь, которая, презирая вычурность и разложение вашей молодежи, радостно использует все свои силы, чтобы высвободить Прометея и убить клевавшего его орла».

В подобных высказываниях, а их немало, останавливают наше внимание три мысли. Во-первых, признается, органическая связь коммунизма с наукой, его «вера в науку». Эта связь отрицалась еще совсем недавно, когда буржуазные теоретики уверяли, будто наука целиком и полностью стоит, так сказать, на стороне буржуазии. Этот старый миф ныне развеян в прах. Буржуазным теоретикам уже нельзя с прежней бесцеремонностью ссылаться на науку, поле их маневра сузилось. Даже рьяным защитникам буржуазной идеологии приходит в голову, что в значительной мере это поле потеряно, буржуазная мысль оттеснена. Во-вторых, признается, что коммунизм есть «синтез еретических тенденций» в развитии человечества, итог «дерзких проявлений человеческого духа», т. е. законный наследник всех прогрессивных тенденций общественного развития. Это также сужает поле маневра буржуазных теоретиков, от классического духовного наследия им приходится отказываться, что ведет к полнейшему оскудению социальной мысли. В-третьих, подчеркивается активный, действенный характер этого союза науки и коммунизма, направленного на переделку мира, на его изменение.

В начале века буржуазная социальная мысль пришла к выводу, что революционное изменение общества невозможно, и коммунизм был объявлен утопией. После 1917 г. революционное изменение общества было признано «русским отклонением от нормы», досадным «эпизодом» на пути капиталистического развития. Теперь пришла пора считать это изменение действительностью и подводить итоги сражения за умы людей. Эти итоги для буржуазии оказались неутешительными. Косвенно с различными оговорками признается сила коммунистических идей. Признания такого рода время от времени проникают на страницы печати.

Об отсутствии «умения действовать», используя идеи, все чаще говорят в капиталистическом мире его представители. Американский сенатор Томас Додд в большой речи, произнесенной в сенате, предлагает создать специальную академию для подготовки и обучения кадров, которые могли бы вести

идеологическую борьбу против коммунизма. Он ругательно ругает тех, кто только «изучает врага» и ничего не может ему противопоставить, он мечет громы и молнии против того «частичного умственного паралича», который поразил капиталистический мир, он против «любительских, примитивных методов», применяемых в борьбе против коммунизма. Но во всей длинной речи он так и не сказал, чему же надо учить в этой антикоммунистической академии, в чем состоит кредо современного империализма (см. «Vital Speeches», 1 декабря 1960 г.). Додд напирал главным образом на обучение «приемам борьбы», но и тут приходит к такому признанию: «Мы не произвели Ленина свободного мира, который показал бы нам, как развивать наше собственное умение действовать и воспитывать наших собственных лидеров» (там же). Следовательно, признается, что и в области «умения действовать», в подготовке кадров для этого «умения» коммунизм — опасный противник.

Уже из этих высказываний, принадлежащих не цеховым философам, а людям повседневной борьбы против коммунизма, явствует, что капитализм потерял ряд важных идеологических позиций, что он вынужден уступить стратегические рубежи на поле битвы идей.

Итак, жизнь показывает, что современный монополистический капитал не может питать социальную мысль позитивными идеями. Основная его задача охранительная и запретительная. Он внушает своим теоретикам боязнь социальных изменений, коренной переделки общественных отношений. Он требует, чтобы социальная теория маскировала, приукрашивала действительность. Исследования в области общественных наук допускаются только частичные, эмпирические, бескрылые, лишённые глубоких обобщений и смелых выводов. Социальная наука, по мнению представителей монополистического капитала, должна дать идейное оружие для борьбы против коммунизма, т. е. против прогресса, против его могучих сил. Монополии осуществляют опустошительное воздействие на социальную мысль, ведут к ее ликвидации. Ибо социальная мысль, которая не ставит основных вопросов общественного развития, неизбежно мельчает, глохнет. Свести ее к изощренным попыткам защитить гибнущее — это значит привести саму социальную мысль к гибели.

Характерные черты неолиберализма

Сейчас на Западе в поисках «лекарств» против идей коммунизма прославляют неолиберализм, который-де, оттеснив реакцию, став господствующим течением, способен повергнуть коммунизм. Налицо действительно весьма поучительная попытка империализма укрыться под знаменем буржуазного либерализма.

Как мы уже говорили, буржуазная социальная мысль, буржуазная теория общественного развития в XIX в. были тесно связаны с идеологией либерализма. Буржуазный либерализм давал этим теориям направление, наполнял их политическим содержанием, наконец, создавал эти теории с тем, чтобы они обосновывали его политическую линию. Судьбы буржуазного либерализма поэтому чрезвычайно тесно связаны с развитием буржуазной социологии, с теориями общественного прогресса.

В конце прошлого века и в начале нынешнего буржуазный либерализм пережил глубокие изменения. Его прежняя некоторая оппозиция феодально-абсолютистскому консерватизму давно потеряла всякий смысл. Тем самым исчезли относительно прогрессивные черты социальных теорий, связанных с буржуазным либерализмом. Грани между консерватизмом и либерализмом становились все более подвижными. Начались частые кризисы и расколы в либеральных партиях, учащались случаи перебежки их руководителей из лагеря либералов к консерваторам. Конечно, буржуазный либерализм не прекращал своих попыток сохранить влияние на трудящихся, на рабочий класс. Политика грошовых уступок и обмана трудящихся буржуазно-либеральными фразами еще в ходу в различных капиталистических странах. Такая политика время от времени сменяет курс откровенных репрессий и подавления рабочего класса. Однако, по мере того как рабочий класс укрепляет свою собственную политическую организацию, значение либеральных партий падает. В эпоху империализма крупные партии буржуазного либерализма исчезли с политической арены, знамена остались без знаменосцев. Но монополистический капитал не хочет окончательно сдавать в архив политическое оружие буржуазного либерализма. Кое-что из него пытаются взять на вооружение партии монополистического капитала. Пригодились и по-новому истолкованные старые речи буржуазного либерализма о свободе конкуренции и о демократии.

Но глубочайшее внутреннее противоречие скрыто в нынешних попытках возродить буржуазный либерализм. С одной стороны, монополистический капитал стремится обеспечить свое влияние на мелкую и среднюю буржуазию, а с другой стороны, он боится, что эти слои могут объединиться на основе оппозиционных ему течений. Нельзя сказать, чтобы в современном мире не было никакой почвы для возрождения некоторых идей буржуазного либерализма в виде оппозиции царствующим монополиям. Но монополии, опираясь на свою власть внутри буржуазии, деформируют этот процесс, пресекают его, когда он становится для них мало-мальски опасным, стремятся обратить его в конечном счете на поддержку всевластия монополий.

На первый план выдвигается «свобода предприимчивости», инициативы, которую якобы обеспечивает современный капитализм. Шаблонная концепция примерно такова: частная собственность создает «экономическую демократию», усиливает предприимчивость и личную инициативу. Этому соответствует и «политическая демократия». Общественная же собственность и плановое хозяйство якобы душат эту инициативу, ведут к «тоталитаризму», «этатизму» и другим смертным грехам. Допускаются при этом и некоторые критические замечания в адрес современного буржуазного государства о его «вмешательстве» в экономические дела и т. д.

Но вся эта концепция — сознательная демагогия и реакционная утопия. Во-первых, развитие частной инициативы, частной предприимчивости — это не сегодняшний, а позавчерашний день капитализма. Возврата к нему нет. Буржуазные пропагандисты передергивают карты, подменяя в своей пропаганде современность домонополистическим периодом капитализма. Во-вторых, сегодня только социализм создает все условия для непрерывного роста инициативы, творческой самостоятельности всех трудящихся и каждого отдельного человека.

Было время, когда капитализм, пришедший на смену феодализму, в известной мере воспитывал в людях предприимчивость, энергию, смелость почин. В этом лежит разгадка творческой силы таких эпох, как эпоха Возрождения, XVIII в. и отчасти первая половина прошлого века. Но и тогда эта предприимчивость ни в коем случае не охватывала широких слоев народа, не приобретала действительно широкого массового масштаба. На одного «удачника», выбившегося «в люди», получившего возможность эксплуатировать других, приходилось сотни и тысячи «неудачников», влачивших жалкое существование, обреченных работать для обогащения хозяев.

Но о какой «свободе предприимчивости» можно говорить в условиях современного монополистического капитализма? «Конкуренция при таком капитализме, — писал Ленин, — означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина *массы* населения, гигантского большинства его, девяносто девяти сотых трудящихся, означает также замену соревнования финансовым мошенничеством, nepотизмом, прислужничеством на верху социальной лестницы»⁷.

Ныне, в условиях государственно-монополистического капитализма, конкуренция означает подавление кучкой монополий предприимчивости даже средней буржуазии, которую не допускают к пирогу. Монополии крепко зажали мелкую буржуазию в своих клешнях. Что же после этого можно сказать об инициативе и предприимчивости рабочих в рамках капитализма!

Таким образом, рассказы о «свободе предпринимательства» относятся к минувшему веку. Может быть, сторонники «свободы предпринимательства» собрались «отменить» существующее положение и вернуться к прошлому? Но где же сила, которая может повернуть экономику вспять? Из многих тысяч компаний, существующих в США, крупные военные заказы получают только пятьдесят. Американский журнал «United States News and World Report» подчеркивает: «Небольшие компании сегодня стремятся стать «сателлитами» крупных компаний, получающих главные контракты». Но ведь это система вассальной зависимости, а не «свобода предпринимательства». Как же отменить ее без серьезных социальных преобразований? Надо подчеркнуть также, что само по себе «свободное предпринимательство» отнюдь не явилось бы благом для современного общества. Не с феодальными же порядками соперничает сегодня капитализм! Величайшая мощь общественной собственности — вот чем сегодня обеспечивается прогресс человечества.

Борьба против всевластия монополий, конечно, возможна. Единственный путь к этому — усиление влияния рабочего класса, влияния, которое развивается в направлении контроля за общественными делами и овладения властью. Рабочий класс в своей демократической борьбе сплачивает все антимонополистические элементы в единый поток. Что же касается реакционных утопий, проповедующих возврат к прошлому, то они могут служить лишь средством отвлечения от этого антимонополистического потока слоев средней буржуазии и мелкобуржуазных элементов, не продвигая их и на шаг к осуществлению своих интересов.

Новые приемы использования кое-какого наследия буржуазного либерализма в интересах государственно-монополистического капитала легче всего проследить на примере Западной Германии. Там больше, чем где-либо, шумят о рыночном хозяйстве, свободе конкуренции и об ограничении власти монополий. В чем сущность этого «неолиберализма»? Читая речи сторонника неолиберализма канцлера Эрхарда, каждый здравомыслящий человек не может не задать вопрос: где же эта сила, которая способна унять монополии, восстановить «свободное рыночное хозяйство» и обеспечить прочие блага для средней и даже мелкой буржуазии? Эрхард отвечает на этот вопрос прямо: необходимо «сильное государство». «Сильное государство», уверяет он, должно и может заботиться о том, чтобы двигать вперед экономику страны. Но кто же в наше время бурного развития техники, требующей огромных капиталов, может управлять экономикой в капиталистическом мире? Эрхард, конечно, не думает, что это мелкий производитель или даже средняя буржуазия. Он не намеревается опереться и на рабочий класс. В современных капиталистических условиях

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 195.

«сильное государство» — это государство, находящееся в руках монополий. Начав с либеральных фраз, Эрхард кончает по сути дела апологией государственно-монополистического капитала.

Усиление процесса концентрации капитала, нынешний уровень развития техники ведут к тому, что монополии стремятся вмешаться в деятельность всех звеньев государственного аппарата, для того чтобы обеспечить более жесткое регулирование различных сторон общественной жизни, всех аспектов производственного процесса, начиная с научных исследований и кончая системой трудовых отношений. Это приводит к обострению классовой борьбы, пролетариат все более решительно выступает против этого курса монополий, разворачивает стачечную борьбу, добиваясь ограничения всевластия монополий, стремясь усилить свое вмешательство в экономическую и социальную жизнь. Когда такой конфликт между монополиями и трудящимися достигает большой остроты, правительство ФРГ занимает позицию арбитра, предлагая компромисс в целях предотвращения дальнейшего углубления и расширения конфликта. Какой был бы иной выход? Переход к открыто фашистским методам расправы и подавления. Но после уроков гитлеризма не все представители господствующего класса верят в спасительность подобного курса, вызывающего дальнейшее обострение классовой борьбы. На примере ФРГ мы видим, что переход правительства к позиции арбитра происходит в тот момент, когда борьба рабочих особенно усиливается и отказ тех или иных монополий от компромисса чреват серьезными последствиями для всего класса капиталистов. Так было, например, когда поднялись на борьбу металлисты земли Баден-Вюртемберг. Значит ли это, как утверждают сторонники неолиберализма, что государство становится надклассовым арбитром в борьбе между трудом и капиталом? Разумеется, нет. Государство выступает как представитель господствующего класса буржуазии против отдельных «феодалов», за охрану интересов всего капитала.

При оценке неолиберализма нельзя забывать того, что в политической жизни империалистических государств все более реальной становится угроза изоляции верхушки монополистического капитала от всей нации, включая среднюю и мелкую буржуазию. Эту опасность хорошо видят многие представители монополий. И они боятся такой угрозы. Как вырваться из грозящего замкнуться кольца изоляции? В свое время Франклин Рузвельт в США довольно смело пошел на компромиссы со средней и даже мелкой буржуазией. Но эта политика неизбежно повела к тому, что в политической жизни начал усиливаться вес именно тех слоев, которые настроены оппозиционно по отношению к монополиям. Такой эксперимент испугал монополии США. После смерти Рузвельта они резко сменили курс.

Сейчас в США вновь в ходу неолиберальные теории. Многие профессора, имеющие опыт в этом деле, были призваны на посты советников президента. Но более решительный путь Рузвельта, направленный против растущей изоляции монополий, продолжает по-прежнему пугать заправил монополистического капитала. Как показывает трагическое развитие событий в США в конце 1963 г., наиболее реакционные элементы хотят взять реванш.

К тому же следует принять во внимание и такой факт. Норман Казенс в «Sunderday Review» писал о таком, по его словам, «парадоксе», наблюдающемся в США: «Он заключается в том, что некоторые люди, которые громче всех кричат о достоинствах системы свободного предпринимательства, возможно, проявят меньше всего веры в него, когда вопрос об этом будет поставлен серьезно. Они выступают против увеличения полномочий федерального правительства, но забывают, какую большую роль играет правительственное вмешательство, когда дело касается военных проектов»⁸. Отступление от государственно-монополистического капитализма назад, к временам свободной конкуренции, конечно, утопия. Фразеология неолиберализма используется для того, чтобы внушить средней и мелкой буржуазии веру в «творческие силы» капитализма, т. е. в конечном итоге в благодетельность всевластия монополий, которые-де исполнены желания использовать эту власть в интересах «всеобщего процветания». Но когда эти посулы получают весьма слабое подкрепление в делах, они рано или поздно теряют привлекательность в глазах средней и мелкой буржуазии. Реальный путь борьбы против всевластия монополий — это путь сплочения всех демократических сил в единый анимонополистический поток.

Политические концерны и духовное обнищание личности

Возьмем и другую сторону вопроса о судьбе либерализма в наше время. Расцвет либерализма происходил в ту пору, когда существовали и развивались значительные политические партии, сделавшие его своим знаменем. Сейчас на политической арене США монополично господствуют две партии, программы которых почти ничем друг от друга не отличаются. В их тисках зажата политическая жизнь страны, где есть не только крупная, но и средняя, а также мелкая буржуазия, где существует рабочий класс, неоднородный по своему составу, где значительную роль играет фермерство. Все эти классы и социальные группы имеют свои интересы: между тем только два

⁸ См. «За рубежом», № 33, 1963, стр. 7.

монопольных концернов — демократическая и республиканская партии — располагают огромным капиталом, а следовательно, и подавляющей силой. Усилия крупного капитала в Западной Германии, во Франции и в Италии также сводятся к монопольному захвату всей политической арены. Так происходит деформация политической жизни капиталистических стран под влиянием усиливающегося господства монополий, никаких либеральных партий в США не существует.

Два мощных политических концерна, заняв всю сцену политической жизни, фактически заменили политическую борьбу поединками между республиканцами и демократами, различие которых друг от друга трудно уловить. Крупный знаток политической жизни США Клинтон Росситер, пытаясь охарактеризовать ее «особый дух», приходит к выводу, что этот «дух» определяется «отсутствием в нашем поведении как нации и как индивидуумов глубокого доверия к политике как к жизненному пути и способу действовать в общественных делах. Некоторые писатели называют это «апатией», другие — «индифферентизмом»⁹. Таков итог существования «двухпартийной» системы. В результате огромной шумихи, которую поднимают во время президентских выборов, по замечанию французского буржуазного исследователя Лаво, добиваются лишь «слабого перемещения голосов, которое позволяет выиграть сотню президентских мандатов»¹⁰. Росситер констатирует, что американская партия ничего не требует от своего приверженца, кроме голосования. Надо добавить, что партия равным счетом ничего и не дает своему рядовому приверженцу; руководящий деятель рассчитывает на доходные и влиятельные места в случае успеха на выборах, а рядовой человек, отдавая свой голос, мало чего ждет. В этом и заключается корень «апатии».

Как на рынке, который находится под господством могущественных монополий, покупателю предлагается «выбор» продукции одного или другого концерна, а часто только одного, ибо различные марки являются лишь обозначением продукции различных дочерних его компаний, так же в период господства монополистического капитала «организуется» им и политическая жизнь страны. Разве такая организация в какой-либо степени напоминает политические порядки буржуазного либерализма периода домонополистического капитализма? На этот вопрос можно ответить только отрицательно.

В других капиталистических странах развитие монополистического капитала и его политической власти не достигло еще такого уровня, как в США, но стремления монополий аналогичны, тенденции политической организации общества периода им-

периализма те же. В Италии монополистический капитал усиленно стремится сделать партию христианских демократов господствующим концерном в политической жизни. Во Франции проявляется та же тенденция в несколько иных конкретных условиях в связи с установлением персональной власти президента. Если в этих странах указанная тенденция не возобладает, то лишь благодаря силе организованности и сознательности рабочего класса, сплачивающего вокруг себя широкие массы и выступающего против всевластия монополий. Эта обстановка также отнюдь не напоминает политической жизни того времени, когда существовали крупные партии буржуазного либерализма.

Буржуазный либерализм прошлого был в первую очередь политическим течением, имевшим политическую платформу. Сейчас некоторые из буржуазных наблюдателей усматривают немалую опасность в том, что монополии фактически задушили политическую жизнь в США. Тот же Росситер признает, например, что настало время «влиять скромную дозу идеологии» в политическую жизнь США. Нынешняя политическая идеология обеих партий чрезвычайно бедна. «Консерватизм одних, — пишет Росситер, — стал полностью «внутренним», либерализм других — насмешка над идеализмом Джефферсона и Вильсона»¹¹. Тот факт, что под крышей либерализма пытаются объединить Джефферсона, политического деятеля XVIII в., и Вильсона, президента периода первой мировой войны, говорит лишь о том, что понятие либерализма стало сейчас в США крайне расплывчатым, туманным. «Чего мы хотим от обеих, — продолжает Росситер, — так это поменьше групповой дипломатии и побольше идей об американском будущем»¹². «Групповая дипломатия» — это борьба за господство в государственном аппарате тех или иных групп монополистического капитала. Эту задачу выполняют обе американские партии, поскольку их смену у власти можно использовать для усиления влияния на государственный аппарат одной группировки монополистического капитала в ущерб другой. Но Росситера пугает такая политика. Мудрено ли, что у рядового американца возникает недоверие к политической деятельности, «апатия», что он «оставляет политику специалистам», как пишет Лаво. Это недоверие во много раз усиливается благодаря коррупции, системы подкупа, грязным махинациям буржуазных политических деятелей. Нищета политической философии видна и в нынешних попытках фашизировать республиканскую партию. Буржуазии никак не обзавестись «идеями об американском будущем». Росситер нащупал самое слабое место современной буржуазной идеологии.

¹¹ C. Rossiter. *Parties and Politics in America*, p. 175.

¹² Там же.

⁹ C. Rossiter. *Parties and Politics in America*. Ithaca, New York, 1960, p. 25.
¹⁰ G. E. Lavau. *Partis politiques et réalités sociales*. Paris, 1953.

Недаром, обсуждая открывающиеся перед Советским Союзом перспективы, английская консервативная газета «Observer» накануне XXII съезда КПСС 15 декабря 1961 г. писала: «В том, что столь честолюбивая программа может зажечь народное воображение и мобилизовать силу советского общества, нельзя сомневаться. Столь же справедливо и то, что государственные деятели Запада не предлагают своим народам никакой перспективы на будущее, которая могла бы сравниться по своей привлекательности». Для капиталистов особенно страшно, что мы заставляем людей смотреть в будущее, думать о перспективах общественного развития.

В английской буржуазной литературе можно встретить замечание о том, что ныне место прежнего либерализма в Англии занял лейборизм, который развивает либеральные традиции и противостоит консерватизму так же, как некогда виги противостояли тори, а позднее либералы — консерваторам. Либерализм, таким образом, несколько подвинулся влево. Мак-Кензи, написавший большое сочинение о британских политических партиях, цитирует публициста начала нашего века Лоуэлла, говорившего о партиях либералов и консерваторов: «Обе отличаются притворством, с той лишь разницей, что консервативная организация более прозрачна, а для либералов характерно непрозрачное притворство». Мак-Кензи пишет, что сейчас вместо слова «либералы» надо поставить «лейбористы» и наблюдение Лоуэлла сохранит свое значение.

«Соглашение в основном», существующее между консерваторами и правыми лидерами лейборизма, касается устоев буржуазного строя. В известной мере верно, что правые лидеры лейбористов выполняют прежнюю функцию либералов — вести рабочий класс, рабочее движение на поводу у буржуазной политики. Однако современный лейборизм воспекает не старый домонополистический капитализм с его конкуренцией, «свободным рынком» и т. п. Он служит проводником влияния государственно-монополистического капитала и именно поэтому превозносит господство монополий как государства «всеобщего благосостояния», внушает мелкой буржуазии и трудящимся иллюзии о трансформации современного капитализма, якобы потерявшего свою эксплуататорскую сущность.

Ленин еще в 1920 г. писал, что либералы теперь или друзья лидеров лейбористов, «или их новые господа»¹³. Вожди лейбористской, партии все чаще и ярче демонстрировали, что они «предпочитают свою близость капиталистам объединению всех рабочих»¹⁴. Тактика правых лидеров лейборизма вкупе с руководителями консерваторов состояла в том, чтобы оттеснить ле-

вые, революционные элементы рабочего класса, коммунистов с политической арены. Роль обеих партий — находящейся у власти и оппозиционной — сводится к тому, чтобы занять всю арену политической борьбы и, пользуясь огромным материальным преимуществом в избирательных средствах и в средствах пропаганды, не допустить на эту арену другую силу, особенно же партию, которая является авангардом рабочего класса.

Консерваторы всегда стараются использовать горький осадок разочарования, который остается у масс после пребывания у власти лейбористов. Эти последние не в меньшей мере стремятся нажить политический капитал на настроениях недовольства по отношению к консерваторам, бывшим недавно у власти.

Но в конечном итоге такая «двухпартийная» система ведет к некоторому абсентизму, к потере доверия масс к политической деятельности.

В последнее время в связи с общей тенденцией к возрождению либерализма в Англии стараются вернуть на политическую арену либеральную партию. Лейборизм, который имеет усиливающееся левое крыло и кандидатов которого на выборах поддерживает рабочий класс, все же внушает опасения буржуазии. Немалое значение имеет тут и расчет на улавливание «белых воротничков», т. е. тех слоев служащих, технической интеллигенции, которые становятся частью рабочего класса или представляют собой промежуточные слои, сближающиеся с ним. Профсоюзы этих слоев работников обычно отказываются войти на основе коллективного членства в лейбористскую партию, в известной мере еще сторонятся рабочего движения¹⁵. Это значительная сила, влияние на которую буржуазия особенно хочет сохранить.

Вопрос о политической организации буржуазного общества в период общего кризиса империалистической системы стал одним из важных вопросов борьбы за прогрессивное развитие, против сил реакции. Соотношение демократии и социализма изменилось: имеются возможности для развертывания широкой демократической борьбы против монополий, за привлечение на сторону рабочего класса различных антимонаполистических элементов буржуазного общества. Монополиям приходится маневрировать для того, чтобы всеми средствами упрочить свое влияние на среднюю буржуазию и мелкобуржуазные слои. При этом монополии боятся дать какую-либо действительную отдушину для выхода на политическую арену интересов средней и тем более мелкой буржуазии. Они боятся превращения этих элементов в политическую силу, оппозиционную монополистическому капиталу. При таких условиях монополии стараются

¹⁵ См. «Очерки положения рабочего класса в Англии». — «Проблемы мира и социализма», 1963, № 9, стр. 52—54.

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 71.

¹⁴ Там же, стр. 72.

направить в своих интересах настроения этих социальных слов, упорно не давая им самостоятельного политического выхода, превращая либеральные лозунги в пустышки, в простой обман.

Прежний либерализм, отстаивая частную собственность, конкуренцию, свободу предпринимательства, индивидуализм, питал своими соками системы Конта и Спенсера, создавал позитивистские схемы и теории. Нынешний неолиберализм либо бесплодная реакционная утопия о возврате к домонополистической стадии, либо маскировочное средство для защиты государственно-монополистического капитализма. В обоих случаях неолиберализм ведет буржуазную социальную мысль лишь к деградации.

Судьба буржуазно-либеральных лозунгов

Из всех лозунгов современной буржуазии самый лживый — лозунг «свободы личности» некогда прославленный либерализмом. В современном капиталистическом обществе права личности можно отстоять лишь с помощью активных, сильных демократических организаций. Между тем монополистический капитал ведет наступление именно против этих организаций. В американском рабочем движении всякий демократизм изгоняется и заменяется олигархией боссов. Об этом мечтает монополистический капитал и в других странах. Не осталось и следа от культурно-просветительных обществ, клубов трудящихся и мелкой буржуазии, широко распространенных в конце прошлого века. Рядовой человек зажат в клешнях монополистического капитала. Монополии стараются изолировать его, привить ему менщанскую психологию самоудовлетворения, ограничить его узкими рамками убогого мира. У одиночки никакой свободы быть не может, засилье монополий выражается в целой системе насилия именно над личностью человека.

Социолог Дэвид Рисмэн пишет, что в американской школе «воспитатель учит детей, что важен не их труд или их знания», а принадлежность к определенной «группе», возможность добиться «лидерства» и т. д. «В детской школе неважно, играет ли Джонни с грузовиком или с кучей песка, но наибольшее значение имеет то, что он связан с Билем». И Рисмэн делает из этого анализа весьма важный вывод: «...демократия способностей, основанная на способности *делать* что-либо, сохраняется только в спорте, в атлетике»¹⁶. «Демократия способностей» в капиталистическом мире всегда была ограничена рамками частнособственнических отношений, узкими границами конкуренции. В условиях господства монополистического капитала

она исчезает окончательно. Об этом и пишет американский социолог. Он дает убийственную характеристику современного воспитания, его задач и методов в главной стране империализма. Не в этом ли, кстати сказать, лежит разгадка, почему спорт так заполнил сознание людей, особенно молодежи, на Западе? Это отдушина, дающая возможность показать, что ты все-таки что-то можешь и умеешь делать в обществе, где престиж измеряется капиталом, где выход для способностей рядового человека во всех других сферах деятельности закрыт.

Конечно, поскольку остается частная собственность, остается и буржуазный индивидуализм как важнейший устой мировоззрения. Это используют идеологи неолиберализма. Но индивидуализм в условиях господства монополий деформируется, вырождается. «Индивидуум потерял понимание самого себя», — многозначительно заявляет американский социолог Белл. Вся общественная жизнь, все сферы обнаружения способностей человека стали ареной деятельности гигантских сиротов — монополий. Маленький человек раздавлен ими. Он не может понять ни своего места в обществе, где господствуют эти неведомые ему социальные силы, ни своей подлинной роли, социальной ценности. Он переходит от безмерного выпячивания своего Я, солипсизма, аморализма и т. д. к сервиллизму, к ощущению своей приниженности, к мистике, почитанию сверхъестественного.

Крайний индивидуализм ведет к обнищанию личности, к тяжелым психическим вывертам и даже заболеваниям, в основе которых, как признают сами буржуазные социопсихологи, лежит чувство безысходного одиночества. Сознание человека развивается в общении и из общения с людьми. Это азбука всей научной психологии. Обеднение общественных связей человека есть обеднение его сознания. Человек, долго живущий в одиночестве, постепенно теряет дар речи. Ему нечего сказать и некому сказать. Не в этом ли один из корней современного абстрактного искусства и других явлений буржуазной западной культуры, показывающих обеднение творческой личности. Некоторые буржуазные теоретики преподносят «свободу творчества» как свободу от всяких принципов, как беспринципность. Но творчество невозможно без мировоззрения, без устойчивых, направляющих волю принципов. Беспринципность означает его распад, вырождение, превращение в пустой произвол.

Таким образом, господство государственно-монополистического капитала вносит свою поправку в старое мировоззрение буржуазного индивидуализма. Конечно, основа этого индивидуализма — частнособственнические отношения — продолжает существовать. Но о культивировании прежней предприимчивости в личности человека нет больше речи. Идеология паразитизма все более сковывает личность, убивая в ней деятельное, творче-

¹⁶ The Lonely Crowd, chap. II, 1, 2; chap. III. Yale University Press, 1953.

ское начало. Беспредметное творчество — выражение этой одуряющей идеологии.

По мере того как капитализм клонился к своему закату, эти черты паразитизма все более усиливались. Деятельная, творящая, изменяющая мир личность не в чести. В литературе побеждает герой, который не видит окружающего мира, устремив свой взор внутрь самого себя. Смена состояний психики заменяет этому герою деятельность. «Деятельное начало» существует разве лишь в детективной литературе, где острота сюжета состоит в деятельности преступника и сыщика. Не этим ли объясняется успех литературы «приключений» у читателя, которому надоедает литература, в которой ничего не происходит? Засилье абстрактного искусства ведет за собой усиление интереса к фотографии, богато иллюстрированные фотографиями журналы пользуются огромным спросом. Человек должен удовлетворяться суррогатами, если нет действительной пищи.

При нынешнем состоянии экономики и политики в странах империализма не может быть и речи о свободе в области духовной культуры, даже в ее буржуазно-либеральном смысле. Книжный рынок, производство кинофильмов и т. д. захвачены крупными монополиями. Разрушение демократических институтов в политической области сказывается и на культурной жизни. Пресловутый «индивид свободного мира» на самом деле беспомощный и беззащитный одиночка. Ему чрезвычайно трудно проникнуть к читателю, слушателю, ценителю сквозь рыночные отношения, которые контролируются монополиями. Так поддерживается не только уровень цен, но и уровень вкусов читателей, слушателей, зрителей, которых приучают к определенному рациону духовной пищи.

В буржуазной идеологии все меньше старых либеральных идей, в ней все чаще и все с большей полнотой возрождаются старые догмы феодально-абсолютистской реакции. Слова «религия» и «порядок» произносятся на тот же лад, как их произносили представители феодально-абсолютистской реакции. Старые идеи Священного союза, присвоившего себе «право» вмешиваться в дела других государств во имя наведения там порядка, оживают с новой бесцеремонностью. Расистские бредни графа Гобино, писавшего в середине XIX в. о «естественном неравенстве рас», преподносятся как последнее слово политической мудрости и даже науки (так называемый психорасизм).

Следует подчеркнуть, что государственно-монополистический капитал не оставил попыток изменить политическую организацию общества в нужном ему направлении, уходя все дальше от буржуазного либерализма. Он не может и не собирается отказываться от таких попыток. В самом деле, та политическая организация буржуазного общества, которая известна под именем буржуазной демократии, сложилась в домонополистиче-

скую эпоху капитализма. Новый период господства капитала принес изменение политической организации буржуазного общества. Отсюда проистекают планы передать одной облюбованной партии функции прежних буржуазных партий и вытеснить из легальной политической жизни все политические организации рабочего класса. Чем более реальной становится возможность использования рабочим классом демократических институтов, представительных организаций в своих классовых целях, тем более монополистический капитал стремится вывести все рычаги государственной власти из-под давления демократических сил. Использовались с этой целью и клерикальные партии. В Италии на передний план выдвигалась демохристианская партия в расчете на то, что в стране, имеющей большое количество верующих, клерикальная политическая организация, связанная с папством, с Ватиканом, сумеет привлечь огромный аппарат церкви и использовать в политических интересах реакционных кругов религиозные предрассудки масс. Во Франции вскоре после войны выдвигалась с теми же целями католическая партия МРП, в Западной Германии возникла имеющая также клерикальный, католический оттенок партия Аденауэра.

Однако следует сказать, что эта ставка на клерикализацию политической жизни ряда стран Западной Европы провалилась. Слишком большой политической силой стал рабочий класс, чтобы монополистический капитал мог беспрепятственно осуществлять такие попытки. Кроме того, создание массовых клерикальных партий с привлечением в их ряды трудящихся оказалось в наши дни делом небезопасным для монополий. В той или иной мере в этих партиях начали прорываться действительные настроения трудящихся масс, их тяга к единству с политическими организациями рабочего класса, их стремление к миру, их оппозиция внутренней и внешней политике монополий. К настоящему времени среди католиков определились так называемые левые течения, некоторые из них все в большей мере демонстрируют свой антикапитализм, не прочь идти на соглашение с рабочим классом, с коммунистами. С этими течениями оказался вынужденным считаться и папский престол; известен тот поворот, который стал осуществлять в конце жизни папа Иоанн XXIII. Для настроения некоторых католических кругов характерно и своеобразное «хождение в народ» молодых католических священников, которые шли работать на заводы и заражались там антикапиталистическими настроениями. Приходилось слышать из уст некоторых таких католических священников, побывавших рабочими, что им «не по пути с капитализмом», что им надо думать не об улучшении буржуазного строя, а о его ликвидации. Можно считать, что послевоенная попытка выдвинуть на политической арене на первый план клерикализм не удалась, хотя опасность эта не исчезает.

Нельзя забывать и сегодня, что монополистический капитал порождает также идеологию фашизма — идеологию крайнего шовинизма и расизма. Фашизм в Западной Германии, в США начинается с оголтелого антикоммунизма, стремясь изолировать и разгромить партии рабочего класса, а затем покончить и со всеми другими демократическими партиями и организациями, сделать в конечном итоге народ слепым орудием политики капиталистических монополий. На периферии буржуазного мира монополии продолжают насаждать откровенно фашистские режимы. Союзниками империалистических держав выступают фашистские диктатуры Франко в Испании, Салазара в Португалии. В зависимых и полузависимых странах насаждаются террористические режимы военных диктатур, непосредственно подчиненных чужеземному монополистическому капиталу. Так дело обстоит, например, в ряде стран Латинской Америки. Полное бесправие царит в этих странах; полицейский аппарат доведен до гигантских размеров; кровавые расправы, политические убийства, травля прогрессивных людей, провокации и подрывные действия стали там политической системой. Все это чрезвычайно далеко от теории и практики буржуазного либерализма.

Конечно, нельзя считать, что социальная мысль буржуазии совершенно замерла, окостенела. Когда дело идет о разрешении экономических проблем, от которых зависят прибыли монополий, проявляется известная изворотливость и умение пойти на риск. Создание, например, международных союзов монополий позволяет им полнее использовать в своих интересах экономические ресурсы каждой страны, расширяет возможности маневра, сулит компенсацию в одних секторах хозяйства взамен понесенного урона в других. Нельзя недооценивать и разработанные, например, школой «экономического роста» рецепты наиболее эффективных для монополий инвестиций. Однако, разумеется, острейшие противоречия, заложенные в самой капиталистической системе, постоянно обнаруживающиеся узкие места в производстве, диспропорция в развитии отдельных секторов и районов, замедленные темпы развития в целом — все это проблемы, перед которыми бессильна общественная наука капитала. Что же касается социальных проблем, то проекты их решения сводятся к попыткам представить те или иные улучшения в положении отдельных слоев трудящихся как меры, равносильные уничтожению эксплуатации, уверить все население капиталистических стран в том, что вопросы о политической власти и формах собственности потеряли свое прежнее значение. В этом суть рассуждений о трансформации современного капитализма.

Для развития буржуазной социальной мысли подобный постулат означает претензию стать выше того основного вопро-

са — вопроса об исторической судьбе эксплуатации, над разрешением которого билась социальная мысль на протяжении столетий. Одни признавали ее вечность и неизбежность пока существует человеческое общество, другие считали, что эксплуатация должна уйти со сцены, что должно наступить время господства общественной собственности. Нынешняя социальная мысль буржуазии бьется над обоснованием софизма: в современном «западном» обществе нет ни эксплуатации, ни господства общественной собственности.

Можно провести известную аналогию с развитием буржуазной философской мысли, которая ныне будто бы сумела встать выше материализма и идеализма, преодолеть их «крайности». Вместо основного вопроса философии она предложила якобы другие «аспекты», в силу чего вопрос об отношении духа к материи будто бы лишился прежнего значения. И философская и социальная мысль буржуазии бьются требованиями «на проклятые вопросы дать ответы нам прямые». Она объявляет сами эти «проклятые вопросы» несуществующими, превзойденными развитием капиталистического общества. В силу этого наука, в том числе и наука о развитии общества, должна-де заниматься другими «асpekтами», оставляя в стороне кардинальные проблемы мировоззрения, изучать «частные», «конкретные» вопросы, уткнувшись в позитивизм и эмпиризм. Но в наше время и частные проблемы отдельных наук, особенно общественных дисциплин, все теснее смыкаются с общими вопросами мировоззрения. Такова логика общественной жизни и логика развития самого научного знания.

Глава третья

КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗАСТОЯ

«Социология — дочь кризиса, величайшего жизненного кризиса, который когда-либо до сих пор переживал Запад», — писал в 1955 г. о буржуазной социологии один из виднейших ее представителей, недавно умерший западногерманский профессор Альфред Вебер. С этим нельзя не согласиться.

Утрата исторической перспективы

Буржуазная социология — дочь величайшего жизненного кризиса — не может не говорить по крайней мере о некоторых из острейших противоречий современного капитализма. Но истолковывает она их неправильно, ибо она порождение этого кризиса, ибо она боится допустить мысль, что эти противоречия

будут капиталистический способ производства к гибели, к замене его новым, социалистическим общественным строем. Буржуазная социальная мысль потеряла понимание того факта, что настоящее есть ступень в историческом процессе. Без такой оценки настоящего социальная мысль не может развиваться. Теория общественного развития, таким образом, оказывается прорванной в важнейшем ее звене, вся цепь исторического процесса распадается, понятие его закономерных прогрессивных ступеней исчезает. А явления общественной жизни, попавшие в поле зрения исследователя, теряют свою действительную связь с тенденциями развития, приобретают неправильное толкование.

Возьмем, например, некоторые факты социальной жизни современного капиталистического общества, которые указывают на конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Такие факты анализируют некоторые буржуазные социологи, но они не могут вскрыть подлинное значение этих фактов.

Выводы, которые они делают при этом, характерны для их понимания исторического процесса, для новейшей буржуазной философии истории.

Один из основателей современной американской социологии, Огборн, выступил в 1922 г. с теорией, согласно которой в нынешнем, т. е. буржуазном, обществе существует разрыв между научно-техническим развитием и духовным развитием. Эта теория, получившая название теории «культурного отставания», приобрела самое широкое распространение. В ней есть одна сторона, способная привлечь наше внимание: техника современного капитализма, развитие производительных сил обогнали духовную культуру, порожденную этим строем. Мысль Огборна заставила задуматься многих социологов. Конечно, от этого наблюдения можно прийти к обвинениям техники, науки, которые-де совершают «бесчеловечное» дело и силу которых следует умерить. Так делают многие буржуазные социологи, которые ополчаются против прогресса науки и техники, против «машинной цивилизации», находящейся якобы в противоречии с природой человека. Такие ученые попадают в болото реакционных утопий о «дезурбанизации» науки и техники. Другие сосредоточивают свое внимание на «дефектах» интеллектуального и морального развития современного человека и изобретают рецепты для устранения этих дефектов. Сам Огборн пошел примерно этим путем, говоря в духе Спенсера о необходимости «приспособления» человека к его «технической среде».

Однако американский социолог Барнес поставил вопрос иначе: «Широкая пропасть существует между нашей материальной культурой и нашими социальными учреждениями»¹. По его мне-

нию, социальные учреждения капитализма не могут справиться с проблемами, выдвигаемыми современной «индустриальной цивилизацией». Но и Барнес не говорит прямо, что от развития производительных сил отстали социальные отношения капитализма. Эта же половинчатость сквозит в трудах ряда западно-германских социологов, которые пришли к выводу, что «общественная структура» отстает от развития техники. Итак, развитие современного капитализма идет отнюдь не плавно: отстают и духовная жизнь, и социальная структура. Но, нащупав одно из противоречий капиталистического общества, буржуазные теоретики уходят в сторону, боясь сказать правду о капитализме, о его обреченности.

Английский философ Ритчи, говоря о пропасти между техникой и духовной культурой, во всем обвиняет интеллектуальное и моральное развитие человека. Он объявляет представление о завоевании природы «вводящим в заблуждение». «Дикая природа, — утверждает он, — остается незавоеванной, как и всегда. Ареной завоевания является искусственный мир машин, а завоеванным в действительности оказывается человек, который тем или иным путем покорен властью машин»². Ритчи приходит к следующему пессимистическому выводу: «Процесс эволюции человечества означает только то, что люди некогда были небольшой и простой ордой, а теперь стали большой и механизированной ордой»³. Примерно аналогичный взгляд высказывал и Бертран Рассел: природа человека, его пагубные страсти остаются неизменными, а наука и техника поставляют лишь новые средства для удовлетворения этих старых страстей. Благодаря этому создались кричащие диспропорции в ходе развития человечества, но вина за это падает на несовершенную человеческую природу.

Таким образом, и это важно подчеркнуть, по мере того, как все более ясным становится роль капиталистических производственных отношений, тормозящих и уродующих развитие производительных сил, науки и техники, буржуазные теоретики на свой лад вынуждены признать наличие этого острейшего противоречия капитализма. И многие из них отправляются на поиски лекарств, которые могли бы облегчить недуги капитализма, задержать общество на этой стадии.

Такой цели служат, например, некоторые основные идеи современной «индустриальной социологии», отправляющейся именно от постулата Огборна о «культурном отставании». Группа «индустриальных социологов» пришла к выводу, что их главная задача состоит в том, чтобы помочь психике рабочего «приспособиться» к условиям «технической среды». Старая мысль спенсеровской социологии о приспособлении человека к среде

² A. D. Ritchie. *Science and Politics*. London, 1947, p. 22.

³ Там же, стр. 46.

¹ N. E. Barnes. *Soziologie der Geschichte*. Wien — Stuttgart, 1951, S. 169.

ожидала вновь. Были изобретены многочисленные рецепты такого «приспособления». Социологи и психологи отправились на заводы и фабрики, помогая своими советами хозяевам предприятий. Эти социологи заняты решением практических задач организации труда, и некоторые частные их наблюдения представляют известный научный интерес. Но вместе с тем они пропагандируют среди рабочих буржуазную идеологию, идеи примиримости классовых интересов при «правильной постановке дела». Таким образом, выдвинутое Огборном положение, которое могло бы стать для ученого мостом, ведущим его в конечном итоге к правильному пути, оказало на деле противоположное влияние, уводя буржуазных социологов все дальше от научного анализа противоречий современного капитализма. Если, по мнению этих социологов, противоречия не ведут общество вперед, не готовят его нового, качественно отличного этапа, то теория общественного развития теряет всякий научный смысл. В этом суть многолетней научной работы ряда видных социологов Запада.

«Социальное изменение» вместо прогресса

Не случайно, что именно Огборн одним из первых в наши дни ополчился против самого понятия прогресса в истории общества. Он признал это понятие «не научным» и предлагал заменить его понятием «социального изменения», которое должно содействовать изгнанию из общественной науки всяких представлений о последовательных стадиях развития, о поступательном движении общества. Но понятие «социального изменения» не исключает, а предполагает прогрессивное развитие общества. Когда тот же Огборн изучает вопрос о новаторстве как факторе «социальных изменений», то тема эта не может вызвать возражения. Но мы против того, чтобы уничтожить в общественной науке такие понятия, как прогресс и прогрессивные изменения. Без этих понятий научной теории общественного развития не может быть.

Доводы противников теории общественного развития не выдерживают критики. Понятие «социального изменения» отнюдь не освобождает социолога от ответа на вопрос, что именно изменяется и в чем состоит изменение. В самом деле, чтобы познать «социальное изменение», необходимо установить тот факт, что произошло именно изменение данного явления, а, скажем, не исчезновение одного и изучение социологом совершенно другого явления. Следует также решить вопрос, что представляет собой это изменение? Признак ли это роста нового, которому принадлежит будущее, или это модификация старого, которое неизбежно уходит в прошлое. Но это значит, что социологу, как бы он ни прятался, приходится так или иначе решать вопрос о разви-

тии, становлении, тенденциях изменения, его направлении. От этого научное познание никуда уйти не может.

Противники теории прогресса ссылаются именно на науку, на накопление научной данности, которые якобы и заставляют ученого отказаться от понятия прогрессивного развития общества. Согласно такой концепции, бедная фактами общественная наука прошлого века породила упрощенную теорию прямолинейного прогрессивного развития. Современная социальная наука, неизмеримо более богатая содержанием, разбила прежние примитивные теории развития и отбросила их прочь.

Не может быть никакого спора о том, что содержание науки обогатилось. В свое время Спенсер и Конт, оставаясь на позициях агностицизма, без всякого стеснения устанавливали «границы человеческого познания». Наука давно перешла эти границы. Успехи математики, атомной физики, химии, астрономии, биологии сделали беспочвенными всякие рассуждения о «границах», поставленных человеческому знанию агностиками XIX в. Широко раздвинулись границы человеческого познания и в области общественных наук. Открыты новые, неизвестные ранее этапы в развитии общества, а история человечества после Великой Октябрьской социалистической революции вступила в новую эпоху, открыла новые величественные перспективы общественного развития — Советский Союз успешно строит коммунизм.

О каких же данных науки, якобы свидетельствующих против теории развития, может идти речь? Современная наука требует учения о развитии в его наиболее полном и глубоком виде, т. е. материалистической диалектики. Изучение явлений природы и общественной жизни убеждает в правоте диалектического материализма, в полной несостоятельности Конта и Спенсера с их позитивистскими схемами плоского эволюционизма. Развитие науки, обогащение наших знаний об истории природы и общества привели к краху метафизических схем развития как постепенного накопления изменений без всяких скачков и отступлений назад. Признание этого факта ведет к диалектическому материализму, если же пытаться остановиться у порога науки, боясь его переступить, то это значит на деле пойти вспять и попасть в плен к реакционным идеям и взглядам. Такая судьба и ожидала буржуазных теоретиков.

Возникновение нового, как представляется многим буржуазным теоретикам, ломает линию развития, которая понимается ими как прямая, проведенная между двумя точками. Вместо отказа от неверных, ограниченных представлений о развитии, свойственных позитивистам, они предпочитают отбросить само понятие развития в применении к природе и обществу.

«Значительность, которую приобрела проблема происхождения в истории, была связана с духом учения Дарвина о происхождении видов... — пишет видный французский историк фило-

софии Эмиль Брейе. — Исследование протекновения, однако, как кажется, привело историю к совершенно другим результатам, чем те, которых можно было ожидать... Находили различные социальные структуры, которые не были ни следствием предшествующих, ни основой последующих, но которые появлялись со своим собственным духом, своей несводимой индивидуальностью; это не было ни трансформацией, ни превращением одного в другое, это было скорее рождение и разрушение»⁴. Здесь выражена неверная мысль, будто теория развития не признает появления в обществе качественно нового «со своим собственным духом, своей индивидуальностью». Изобразив в таком карикатурном виде теорию развития, Брейе заявляет, будто в истории существуют «социальные структуры», которые «не были ни следствием предшествующих, ни основой последующих». Эта идея стала чрезвычайно популярной у многих буржуазных историков и социологов, а Брейе считает ее появление одним из характернейших признаков той трансформации, которую пережила современная философская мысль. Брейе не одинок, иные считают, что понятие развития вообще перенесено в историю из биологии под влиянием Дарвина. Непонятно, однако, почему они не говорят с тем же правом о влиянии на историков и социологов биологических теорий, отрицавших моменты непрерывности и абсолютизовавших прерывность, отвергающих преемственность во времени и пространстве явлений органического мира. А между тем с этой метафизической концепцией находятся в ближайшем идейном родстве современные «трансформации философской мысли», которые признают, что в истории существуют не связанные друг с другом «социальные структуры». Это верный признак деградации теоретической мысли буржуазии.

В качестве примеров, иллюстрирующих его мысль, Брейе приводит, между прочим, открытие так называемой эгейской культуры на острове Крит (II тысячелетие до н. э.), предшествовавшей культуре классической Греции. В этих утверждениях Брейе стоит разоблачить. Приведенные им примеры на самом деле говорят лишь о том, что новые открытия в области исторической науки не могут быть поняты и объяснены с позиций прежнего плоского эволюционизма. Эти примеры еще раз подтверждают тот факт, что только марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях способно объяснить различные пути становления рабовладельческого общества и его конкретные формы развития.

В самом деле, развитие рабовладельческого общества, которое имеет в виду Брейе, говоря о культуре Крита, оказалось весьма сложным, отнюдь не прямолинейным процессом. Начальные формы рабовладельческого общества являются более при-

митивными, связанными с сохранением земельной общины. Эта форма получила распространение на Древнем Востоке. Такой начальной формой рабовладельческого общества была и цивилизация Крита. Рабство позволило на первых порах добиться значительных успехов в строительном деле, в искусстве, появилась довольно развитая письменность. Затем цивилизация Крита была разрушена варварскими племенами, захватившими остров. Многие западные историки говорят о наступлении периода «греческого средневековья». Но аналогия эта чисто внешняя. История раннего рабовладельческого общества наполнена такими событиями, когда возникавшие островки рабовладельческой цивилизации затем затоплялись потоком варварских нашествий. И уж во всяком случае такой ссылок нельзя опровергнуть теорию прогресса. Возникшее затем античное рабовладельческое общество стало новой, более высокой ступенью в развитии способа производства, основанного на рабском труде. Достаточно вспомнить, что античное общество принесло алфавит, литературные памятники Еврипида и Эсхила, философские труды Аристотеля и Эпикура. Прimitивное рабовладельческое общество Крита было чрезвычайно далеко от таких достижений, хотя изобразительное искусство и некоторые другие стороны рабовладельческой культуры уже достигли там значительного развития. Но такой стадии, на какую поднялось античное общество, рабовладельческие деспотии Древнего Востока не знали. Следовательно, относительное отступление назад было в то же время подготовкой к новому прыжку вперед.

Противники теории прогресса ссылаются и на культуру Мохенджо-Даро (Хараппы) в Древней Индии (III—II тысячелетия до н. э.). Они восхищаются ее строительной техникой и рассуждают об уровне, достигнутом этой культурой. Но культура Мохенджо-Даро тоже была культурой примитивного рабовладельческого общества. Это общество также пало под ударом племен, его завоевавших, что означало некоторое движение вспять, но прогрессивное развитие рабовладения этим отнюдь не было прекращено. Возникла культура Древней Индии, от которой до нас дошли замечательные политические трактаты, произведения философской мысли большой глубины, немеркнущие памятники литературы⁵.

Перерыв постепенности отнюдь не означает отсутствия поступательного движения в истории общества. Наоборот, анализ этих перерывов делает наше понимание диалектики исторического процесса более полным и глубоким. Именно это и не желают понять современные буржуазные теоретики, находящиеся в плену метафизического мышления.

⁵ Мнение советской исторической науки об этих процессах в рабовладельческом обществе см. в I томе «Всемирной истории». М., 1955.

⁴ E. Brehier. Transformation de la philosophie française. Paris, 1950, p. 159.

На деле примеры Брейе опровергают схемы плоской эволюции, концепции прямолинейного развития, по отнюдь не научную теорию прогрессивного развития общества. Наоборот, именно эти примеры чрезвычайно ярко показывают, что прогрессивное развитие совершается и в рамках формации, что формация не есть нечто застывшее.

Рабовладельческие общества, возникавшие в разных исторических условиях и в разное время на Древнем Востоке, в Греции и Риме, были различными. Это были конкретные этапы в развитии рабовладельческой формации, различные по степени развития рабовладельческих отношений, но с общей для них основой — применением рабского труда. Это были разные эпохи в жизни рабовладельческого общества.

Как учил Ленин подходить к понятию исторической эпохи? Во-первых, он говорил о необходимости учитывать, «какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»⁶. В применении к истории древности, которая привлекает внимание буржуазных социологов, это будет, конечно, класс рабовладельцев. Но рабовладельческая знать Крита и рабовладельческая демократия античного общества характерны для разных ступеней зрелости рабовладельческих отношений. Их господство определяет разные исторические эпохи.

Во-вторых, Ленин подчеркивал, что «только знание основных черт данной эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны»⁷. В этой связи Ленин учил отличать основные черты различия разных эпох, а не ограничиваться изучением отдельных эпизодов истории отдельных стран.

Ленин учил анализировать особенно «выдающиеся и бросающиеся в глаза исторические события, как вехи больших исторических движений»⁸. Таким образом, устанавливается научное соотношение понятий «историческое событие» и «историческая эпоха». Такое историческое событие, как падение Крита под натиском варварских племен, следует рассматривать как веху в большом историческом движении. Это событие показывает внутреннюю слабость критского общества, которое не могло противостоять варварским племенам, окружающим очаги рабовладельческой цивилизации.

Примеры Брейе, взятые из древней истории, лишь иллюстрируют правильность марксистско-ленинских методологических

принципов в определении эпохи. Буржуазные теоретики, отвергающие такую важнейшую категорию научной социологии, как понятие формации, не могут разобраться и в вопросе об эпохах, ибо эпохи вне связи с формациями теряют всякий смысл, перестают отмечать качественно отличные ступени больших исторических движений, не могут быть вехами на пути развития формаций. Вне диалектического развития формаций не могут быть поняты ни эпоха, ни исторические события. Единство исторического и логического — таково требование научного анализа явлений общественной жизни в их развитии. Разрыв этого единства губит и социологию, и науку истории. «Рождение и смерть» отдельных событий, эпох, культур и цивилизаций не могут стать предметом научного анализа, если заранее предполагается, что это совершенно изолированные явления, не имеющие связи с предшествующей и последующей историей. Если и расположить такие явления в виде цепи во времени, то и в этом случае научного исследования их еще не получится.

Как анализировал Ленин эпохи в новой истории? Он выделял их как ступени в развитии капиталистической формации. Одна эпоха — с 1789 по 1871 г. — эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. С 1871 г. начинается другая эпоха. «Буржуазия из поднимающегося передового класса стала опускающимся, упадочным, внутренне-мертвым, реакционным. Поднимающимся — в широком историческом масштабе — стал совсем иной класс»⁹. Таким образом, исторические эпохи в основном и главным выражают логику развития формации. Они, разумеется, могут выражать и зигзаги истории, ибо развитие формаций — диалектический, противоречивый процесс, в ходе которого прогрессивные силы иной раз терпят временное поражение. Но и зигзаги не могут быть поняты, если отвлечься от логики исторического развития.

Реакционность рассуждений буржуазных теоретиков становится особенно ясной, когда дело идет об определении современной эпохи крутого перелома в истории человечества. Все теоретики, отдающие дань метафизическому мышлению, не могут ответить на вопрос, что определяет главное содержание современной эпохи, главное направление ее развития. Все они не могут понять возникновение нового, продолжают считать нашу эпоху либо простым «продолжением» предшествующего периода, либо неким изолированным эпизодом в истории человечества. Теоретики, упорно настаивающие на том, что современная эпоха есть эпоха империализма и пролетарских революций, продолжают тем самым считать, что империализм определяет главное содержание нашего времени. Между тем в мире возникла

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 142.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 143.

⁹ Там же, стр. 145—146.

и развивается мировая система социализма. Ее развитие происходит отнюдь не благодаря существованию империализма, она создает свою собственную основу и на ней развивается. При таком положении вещей уже нельзя считать, что буржуазия стоит в центре эпохи, определяет ее главное направление. Классовая борьба пролетариата в условиях, когда на земле еще продолжает безраздельно господствовать частная собственность, имеет свои характерные черты. Она развивается по мере того, как капитализм загнивает все больше, идет все дальше к своей гибели. Классовая борьба есть признак возрастающей мощи, организованности, сознательности пролетариата и всех трудящихся. В период существования мировой системы социализма на классовую борьбу между трудом и капиталом воздействует возрастающая сила и крепость нового общества, развивающегося на земле. Силы трудящихся удваиваются и утраиваются, борьба их против угнетателей приобретает качественное отличие, поскольку рабочий класс и все трудящиеся располагают теперь и государственной формой организации, опирающейся на независимую от капитализма экономику. Это дает в руки трудящихся совершенно новые рычаги воздействия на эксплуататоров, создает перевес сил социализма над силами капитализма. Подлинно научное понимание эпохи не может быть статичным, оно динамично, связано с анализом исторических движений, движущих сил и тенденций общественного развития.

Учение об исторических эпохах Ленин изложил в применении к истории капитализма. Но оно полностью применимо и к предшествующим антагонистическим формациям. Лишь по отношению к первобытнообщинной формации, когда не было еще классов, исторические эпохи определяются непосредственно производством и полностью совпадают со стадиями развития производства, которым соответствует и развитие примитивных общественных отношений. Таковы вкратце выводы марксистской социологии об исторических эпохах как ступенях развития формации. Во всем этом безнадежно запутались буржуазные социологи, ибо исторические эпохи, масштаб и характер исторических событий можно определить только в рамках формаций, только на этой основе можно выявить особенности в развитии отдельных стран и вскрыть смысл отдельных эпизодов их истории. Буржуазные социологи откинули понятие формации, поэтому исторические события и эпохи рассыпались под их руками как игральные карты, выпавшие из колоды. Они их тасуют и мешают по собственному произволу, дают им псевдонаучные названия, рассуждают об их внезапном рождении и неожиданной смерти.

Конечно, такой путь ведет ученого от плоского эволюционизма к отказу от самого понятия развития. Изъяв важнейшие категории исторической науки, обрекая ее на блуждание в хаосе

событий и эпох, буржуазные теоретики делают вывод, будто порочна всякая идея развития. Как говорит французский социолог Дардель в своей работе «История — наука о конкретном», «иллюзии сгорели в огне действительности»¹⁰, подразумевая под «иллюзиями» все социологические теории, которые, хотя и в идеалистической форме, признавали развитие в истории общества, в том числе теории прогресса просветителей XVIII в., философию истории Гегеля и др.

Но в «огне действительности» на самом деле сгорели лишь идеалистические теории, либерально-позитивистские схемы развития, а оружие диалектического материализма в этом очистительном огне еще более закалилось. Буржуазные идеологи с опаской глядят на этот огонь. Им хотелось бы избавиться от него, превратить его пламя, пугающее воображение, в огоньки, вспыхивающие в уютном камине. Однако этого можно добиться лишь в воображении.

Тут-то и начали вкривь и вкось толковать понятие «социальное изменение», лишая его всякого позитивного содержания. Опираясь этим понятием, американский социолог Райт пришел к выводу, что вообще не следует употреблять такие выражения, как «прогрессивное развитие человечества» или «эволюция во всемирной истории», а надо говорить лишь о «длительном изменении». Общественная жизнь изменяется, говорят буржуазные социологи, но в каком направлении происходят эти изменения, сказать нельзя.

С помощью понятия «социальное изменение» единый исторический процесс начал дробиться на отдельные процессы «изменения», а история, таким образом, стала распадаться на самостоятельные цивилизации или общества, не связанные друг с другом генетически, социальная жизнь того или иного периода — рассекается на отдельные сферы, в которых в свою очередь также происходят «социальные изменения», почти не связанные друг с другом. Единственная связь, которая признается во всем этом хаосе процессов, — человеческая психика, психические отношения между людьми, но эта связь ничего не объясняет в объективном процессе. Нет единой всемирной истории, нет закономерных этапов изменения общественного бытия, объективных ступеней его развития, нет понимания ведущих тенденций в различных социальных изменениях на каждой из этих ступеней. Так современная буржуазная философия истории порывает с научным историческим знанием, уничтожая живую связь общественных явлений как в пределах каждой исторической эпохи, так и в последовательной смене эпох. Современная буржуазная социология, всячески откращивающаяся от какой-

¹⁰ E. Dardel. L'Histoire science du concret. Paris, 1946, p. 6.

либо связи с концепциями философии истории, оказывается на самом деле с ними неразрывно связанной.

Главное, что характерно для этой философии истории, — отсутствие понятия конкретных ступеней исторического развития общества и понятия социального целого, объединяющего различные стороны общественной жизни. Позитивисты XIX в. на свой лад считали необходимым подчеркнуть наличие социального целого, объявляя его эволюционирующим «организмом». Буржуазная социология XX в. отбросила это антинаучное представление об обществе-«организме». Но вместе с этим она не только отвергла понятие общественного развития, но и отказалась от понятия социального целого, уйдя еще дальше от научных представлений об обществе.

Буржуазные концепции цивилизации и культуры

Однако, анализируя конкретно-исторический материал, современная буржуазная социология все же не может не оперировать в какой-то мере понятиями социального целого, конкретного единства. Поэтому западные социологи постоянно жонглируют такими терминами, как «цивилизация», «культура» и т. д. Эти понятия в современной буржуазной социологии потеряли всякое конкретное значение, став лишь мелкой разменной монетой. За ними не кроется ничего, кроме весьма туманного представления о некотором единстве различных сторон общественной жизни на том или ином историческом отрезке, в рамках тех или иных этнических границ. Жонглирование этими понятиями показывает лишь, что из исторического процесса все же нельзя изъять чередование различных «культур», «цивилизаций» или «обществ». От огромного материала, накопленного исторической наукой, никуда не уйти. Но если закрыть глаза на важнейшую сферу деятельности человека — на производство, если из исторической науки изъять такое кардинальное понятие, как способ производства, игнорировать количественный и качественный рост производительной силы человеческого труда, изменение общественных отношений, то исторический процесс действительно станет хаотическим чередованием «цивилизаций», «культур» или «обществ».

Но как же определить эти чередующиеся отрезки, периоды, качественно отличающиеся друг от друга, что же такое «цивилизация» и «культура»? Культура есть совокупность достижений общества в его материальном и духовном развитии. Понятие цивилизации обычно относят главным образом к достижениям общества в сфере политического и правового развития. Нынешние буржуазные социологи то употребляют эти понятия как равнозначные, то противопоставляют их, вкладывая в поня-

тие «культуры» духовное содержание, а понятие «цивилизации» связывая с материальным развитием. Как бы то ни было, совершенно очевидно, что ни понятие «культуры», ни понятие «цивилизации» не могут быть научно состоятельными, если они не основаны на изучении конкретных социально-экономических формаций. Мы уже приводили, характеризуя позицию Брейе, примеры употребления понятия «культуры» по отношению к обществам Крита и Мохенджо-Даро. В этом смысле понятия «культуры» и «цивилизации» совпадают с конкретными ступенями, эпохами в развитии рабовладельческой формации; но вне этого развития они теряют смысл, превращаются в пустые идеалистические абстракции, в лучшем случае не продвигающие познание исторического процесса ни на шаг вперед, а в худшем — толкающие науку вспять.

Видный американский философ и социолог Нортроп, чувствуя, что без понятия социального целого нельзя обойтись, конструирует своеобразное понятие «культурно-политического единства». Это «единство», по его мнению, создается идеями, понятиями, представлениями. В основе культуры лежит некий комплекс «основных понятий и положений, принятых народом для того, чтобы организовать данные его опыта и упорядочить его отношения к природе и другому народу»¹¹. По мнению Нортропа, «понятия и положения», таким образом, определяют отношение того или иного народа к природе и к другим народам. Производство, труд людей, покоряющих природу, исчезли из поля зрения ученого, отсутствуют и социальные отношения, возникающие в процессе производства, остаются лишь одни идеи.

При этом идеи толкуются субъективно-идеалистически: они «организуют опыт». Следовательно, снимается вопрос о том, правильно или неправильно отражают идеи объективную реальность и в зависимости от этого способны или не способны они играть прогрессивную роль в истории общества, направлять деятельность людей по верному или ложному пути. Не мудрено, что Нортроп в конечном счете сводит идеи, «организующие опыт», к религиозным представлениям или к идеалистическим философским течениям, которые и «определяют» то или иное «культурно-политическое единство».

Культура Англии, по Нортропу, определяется главным образом «британско-протестантскими эмпирическими философскими традициями». Конечно, своеобразный английский протестантизм — характерное явление религиозной жизни Англии, а эмпиризм свойствен английской философии, но почему эти два выхваченных из общей связи явления духовной жизни Англии

¹¹ F. S. Northrop. The Taming of the Nations. A Study of the Cultural Bases of International Policy. New York, 1954, p. 5.

должны определять все «культурно-политическое единство»? Нортроп сам, по-видимому, чувствует несостоятельность подобных «определений» и добавляет еще некоторые столь же произвольно выхваченные черты общественной жизни Англии, именуя их «основными элементами» культуры: классическое образование, английские законы, королевскую семью. Получается совершенный сумбур «признаков», в котором исчезла всякая логика. При всем идеалистическом произволе Гегелю удавалось в его «Философии истории» угадывать за движением идей движение материального мира. Современный идеализм, отказавшись от идеи развития, обрекает исследователя на полный субъективизм и крайний произвол в подходе к явлениям общественной жизни.

Пользуясь таким же субъективистским методом, О. Шпенглер в 20-х годах нашего века конструировал, например, такие культуры в истории человечества, как «христианско-семитическо-неоплатоническо-церковную». Это, разумеется, пустое и нелепое нагромождение слов. Здесь не соблюдено элементарное требование формальной логики, идеалистическое течение эпохи эллинизма: неоплатонизм соседствует с этническими признаками, ко всему добавлена еще и религиозная организация — церковь. Но Шпенглер по крайней мере не претендовал на научность подобных определений, поскольку он стремился запечатлеть «культурный дух», или «душу культуры», оперируя поэтому нарочито туманными, мистическими понятиями. Он признавался, что действует в противовес науке. А Нортроп претендует на «научность» своих определений отдельных культур.

Некоторые буржуазные социологи, близкие к семантической философии, идут еще дальше и считают культуру совокупностью неких условных «символов», которые принимаются всеми, для кого эта культура характерна. Культура представляется чем-то вроде правил игры в покер. Все принимающие эти правила объединены общей культурой. Конечно, сторонники подобных теорий не могут сказать, как и почему люди «условились» соблюдать именно такие, а не иные правила «жизненной игры».

И в этом случае дело не идет дальше определения «духа времени» на основании совершенно произвольно отобранных признаков. Так, голландский социолог Ландхер в своей книге, посвященной анализу взаимоотношения «сознания и общества», рисует такую картину смены культур на Западе: «аскетический период» (400—1500 гг.); «новая эра, начальный гедонистический период» (1500—1850 гг.); «гедонистический период», который характеризует «индивидуалистический капитализм»; «поздний гедонистический период», отличающийся «серьезными классовыми конфликтами» (1914—1939 гг.); «неостойчивый период», для которого характерны «поиски нового равновесия» (с 1939 г.

и поныне)¹². Итак, эпохи в истории западноевропейской культуры характеризуются сменой аскетизма, гедонизма и стоицизма. Попытка втиснуть в такую схему все культурное развитие вплоть до экономических учений, стремление подчинить произвольно намеченной смене «ведущих идей» даже развитие классовой борьбы, конечно, не могли привести автора к успеху. Совершенно очевидно, что при таком подходе нельзя решить ни одной проблемы истории культуры.

Надуманые социологические схемы приходят в противоречие с огромным материалом, накопленным наукой об обществе. Невиданное многообразие культур представляется ныне взору ученого. Открываются новые культуры прошлого, обнаруживаются доколе неизвестные культурные взаимодействия. Тур Хейердал, проплыв на своем плоту через океан, а затем совершив экспедицию на остров Пасхи, добыл интересные материалы о древней культуре, связанной, по-видимому, с Америкой. Глубже и отчетливее становится наше знание культуры майя в Америке. Появились новые данные о средневековой и древней культуре народов Африки. Замечательные памятники искусства каменного века найдены в Сахаре. За последние 30—40 лет наши сведения об истории мировой культуры значительно расширились, возникли новые проблемы, требующие решения, поставлены большие вопросы об исторических связях и взаимодействиях народов. Но субъективно-идеалистический метод исключает возможность решить все эти проблемы.

Еще более величественную картину представляет процесс развития культуры в настоящем. Возводится грандиозное здание социалистической культуры. Идет процесс создания и развития национальных культур народов, сбросивших иго колониализма. Глубочайший кризис буржуазной культуры не вызывает сомнения даже у многих апологетов капитализма. Ученый должен ответить на вопрос, какие тенденции существуют в культурном развитии современного человечества, но, скованный догмами идеализма, он не может сказать ничего убедительного. И в самом деле, что можно сказать о культуре, если игнорировать ее земные корни, ее социальную природу, если закрыть глаза на сложный и противоречивый процесс культурного развития человечества, детерминированный общественным бытием? Кроме отдельных наблюдений, пожалуй, ничего.

Проникнуто идеализмом, а потому совершенно ненаучно и понятие «цивилизация», которым охотно оперирует современная буржуазная социология. В этом случае обычно берутся те или иные конкретно-исторические государственные образования, например Египет или Греция для древнего мира, Западная Рим-

¹² B. Landheer. Pause for Transition. An Analysis of the Relation of Man Mind and Society. The Hague, 1957, p. 59.

ская империя или Византия для эпохи средневековья и т. д. Социально-экономической природой государственных образований, именуемых цивилизацией, буржуазные социологи пренебрегают. Для характеристики этих «цивилизаций» берутся произвольно комбинируемые черты политической и идеологической надстройки. Возникновение того или иного государства объявляется началом «цивилизации», конец этого государства считается «смертью цивилизации». В этом случае провести границу между понятиями «культура» и «цивилизация» совершенно невозможно. Западногерманский «Словарь социологии» термины цивилизации и культуры не разграничивает¹³.

Наряду с этим встречается и более широкое употребление этого понятия: говорят о «западной цивилизации», подразумевая средневековую и капиталистическую Европу, а иногда и античность. Очень часто это понятие противопоставляется «восточной цивилизации». Содержание этих понятий обычно чрезвычайно смутно, и каждый философ-идеалист волен вкладывать в него любое понравившееся ему содержание. Этим противопоставлением колонизаторы стремятся принизить народы Востока. Ныне ту же антинаучную терминологию применяют и другие теоретики, которые противопоставляют «культуру Востока» и «культуру Запада», подменяя классовую точку зрения буржуазным национализмом.

Либерально настроенные теоретики под понятием «западной цивилизации» разумеют европейские буржуазно-демократические, политические и культурные традиции, главным образом XVIII и XIX вв. Недавно в науку попробовали ввести и термин «атлантическая цивилизация» на том же основании, что Америка населялась европейцами и их культура впоследствии была тесно связана в экономическом, политическом и идейном отношениях с Европой. Конечно, такие связи существовали, но введение подобного термина показывает стремление обособить эти связи и найти в истории «корни» нынешнего Атлантического военно-политического блока и организации НАТО.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что буржуазные социологи, отказавшись от изучения материальной основы общественной жизни, совершенно произвольно конструируют понятия «цивилизации» и «культуры». Причем часто политический расчет становится единственной основой для подобных конструкций, для придумывания пустейших абстракций, лишенных всякой научной ценности.

Произвольность манипуляций с терминами «цивилизация» и «культура» в современной буржуазной социологии чувствует, по-видимому, группа западногерманских буржуазных социологов, признанным вождем которой в течение долгих лет был

Альфред Вебер (1868—1958). Эта группа потратила немало усилий для того, чтобы «навести порядок» в области изучения культуры и цивилизации современной буржуазной социологией. В результате многочисленных «поправок» и «разъяснений» создавалась довольно запутанная социологическая система, согласно которой отдельные цивилизации укладываются в «общий поток», а внутри каждой цивилизации выделяется некий каркас, поддерживающий все многообразие явлений общественной жизни. Сторонники такой системы намекают на то, что они знакомы с марксизмом, но не согласны с его положением об определяющем влиянии общественного бытия на общественное сознание. Замечав кое-что из марксизма, они перевернули все вверх ногами в угоду своим идеалистическим концепциям.

Последователи Вебера видят в каждой цивилизации три «слоя» явлений, или комбинацию трех «общественных процессов». Первый процесс — технико-цивилизаторский, включающий производство; второй — социальный, создающий определенную социальную структуру общества; третий — культурное движение. Нетрудно обнаружить здесь некоторые идеи марксизма, «исправленные» с помощью буржуазной социологии. Однако в результате такого «исправления» смысл марксистской теории совершенно извращен. Марксизм дает научное понятие способа производства как конкретного единства производительных сил и производственных отношений на определенном этапе их развития, научное понятие политической и идеологической надстройки, порожденной данным способом производства. От всего этого постарались «отделаться» западногерманские буржуазные социологи школы Вебера, примыкающие к социал-демократам. Выделенные ими три «сферы» развиваются каждая сама по себе, они влияют друг на друга, определяют друг друга, «совпадают» в своем развитии или «не совпадают», но единой основы в общественном бытии они не имеют. Идеализм спасен, но мысль социолога снова попадает в тупик, все больше удаляясь от научного понимания исторического процесса.

Во-первых, исчезает научный критерий для выделения определенных ступеней исторического процесса. Социологи этой школы рисуют такую картину всемирно-исторического процесса: египетско-вавилонская цивилизация — «первая ступень»; персидско-иудейская и античная цивилизации — «вторая ступень»; византийско-славянско-восточная, исламская и западная цивилизации составляют «третью ступень»; на горизонте вырисовывается и «четвертая ступень», носящая какие-то заимствованные из Апокалипсиса устрашающие черты. Подобные схемы, разумеется, пусты по содержанию и произвольны по способу конструирования. Позволительно спросить, где, например, находится «первая ступень»? Представляет ли собой Египет после персидского завоевания уже новую, «персидско-иудейскую»

¹³ «Wörterbuch der Soziologie». Stuttgart, 1955, S. 637.

ступень или это еще «египетско-вавилонская» ступень? Почему вообще «персидско-иудейская» цивилизация стала отдельной, самостоятельной ступенью, хотя каждый историк, знакомый с культурой древнего мира, знает, как тесно переплетена иудейская культура с Египтом и Вавилоном, как трудно культуру Древней Персии понять без изучения культуры Вавилона и Ассирии. Где водораздел, который отделяет эти культуры? На этот вопрос ответить невозможно. Конкретная история никак не укладывается в эту надуманную схему. Обосновать подобное деление, опираясь на исторические факты, совершенно невозможно. Далее, что такое западная «третья ступень»? Это время Карла Великого, Филиппа II Испанского, а также период Парижской Коммуны? Но ведь такая периодизация способна прельстить лишь человека, который ничего не желает знать о конкретных фактах всемирной истории. Произвол остается произволом, какими бы научными терминами его ни маскировали.

Во-вторых, почему развиваются цивилизации, где побудительный мотив, стимул к их развитию? Почему первая ступень сменяется второй, а та в свою очередь — третьей? Три «сферы», существующие в каждой цивилизации, ничего не объясняют. Поскольку отвергнуто противоречивое единство производительных сил и производственных отношений, социологу ничего другого не остается, как апеллировать к «божьей воле», к «коллективной воле», заменять идеалистической пустышкой действительную общественную жизнь.

Итак, «поправки» западногерманских социологов не способны сколько-нибудь улучшить порочную идеалистическую методологию, извращающую исторический процесс. Все это «замечатели», которые лишь еще рельефнее подчеркивают отсутствие действительной духовной пищи на капиталистическом Западе. Пользуясь этой методологией, можно произвольно рассекал исторический процесс на отдельные цивилизации, конструировать «ступень персидско-иудейской» цивилизации или другие подобные искусственные этапы истории общества, «не замечая» при этом, что Древний Египет, Вавилон, Персия и ряд других государств относятся к рабовладельческой формации со всеми присущими ей закономерностями и особенностями.

Несмотря на все попытки расщепить исторический процесс на отдельные последовательные ступени, намеченные по произвольному признаку, история продолжает оставаться хаотическим нагромождением цивилизаций, ибо закономерности в чередовании этих ступеней нет. И всякая попытка выйти из порочного круга с помощью современной идеалистической методологии обречена на провал. В этом отношении интересным примером может служить написанный незадолго до войны труд английского историка и социолога Стэнли Кэссона «Прогресс и катастрофа». Кэссон рассматривает отдельные периоды

всемирной истории, судьбы народов и государств, отнюдь не стремясь вскрыть закономерность исторического процесса. Для него каждое общество лишь определенный тип цивилизации, своеобразный путь, которым шел данный народ. Всемирная история, по его собственным словам, лишь «лаборатория экспериментальных цивилизаций»¹⁴.

Древняя культура Египта была своеобразным экспериментом, в котором главную роль играла аристократия. Культура и цивилизация хеттов в Малой Азии представляли другой эксперимент; ее строители пренебрегали морем, перенесли все свое внимание на сушу, поэтому их цивилизация и погибла от нашествия морских народов. Цивилизация Древнего Крита, наоборот, являлась приморской, но время для такого эксперимента еще не наступило, и это государство не могло устоять против нашествия врагов; оно слишком мало заботилось о своей обороне. Так рассуждает Кэссон, для которого всемирная история нечто вроде выставки различных образцов. Автор признает некоторую обусловленность перечисляемых «экспериментов» географической средой, однако от этого его взгляды, разумеется, не становятся научной теорией общественного развития. Суть этих взглядов резюмировал видный английский историк профессор Гуч. Он писал: «Каждая цивилизация имеет свой собственный опыт и является субъектом процесса роста и падения. Здесь... налицо серия попыток различного значения и успешности. Если прошлое является нашим путеводителем, то мы ни на что больше не можем надеяться, кроме как на продолжение... экспериментов»¹⁵.

Всемирная история, таким образом, превращается в беспорядочное нагромождение разнообразных, в конечном итоге безуспешных, экспериментов. Это ли не философия истории людей, не видящих пути в будущее и потерявших ариаднину нить, позволяющую разобраться в прошлом. Теория «экспериментов», однако, не получила признания, ибо она совершенно игнорировала вопрос об известной повторяемости явлений общественной жизни, не видела внутренней логики даже в отдельном «эксперименте», отмечая лишь его ошибки и конечный провал. С такой теорией нельзя было выступать против марксизма-ленинизма, открывшего глубочайшие законы гибели древнего мира, феодализма и предстоящей смерти капитализма.

Второе рождение «теории круговорота»

Нельзя ли было, однако, найти такую теорию, которая кое-что говорила бы о гибели «общества» от внутренних причин под ударами острейшей социальной борьбы и вместе с тем что-

¹⁴ S. Casson. Progress and Catastrophe. London, 1937, p. 114.

¹⁵ G. P. Gooch. Some Conceptions of History. — «The Sociological Review», vol. XXXI, N 3, July 1939, p. 244.

бы она не приводила к выводу о неизбежной замене капитализма социализмом? Такая теория была найдена. Выражая все то же стремление создать философию истории без будущего, представить исторический процесс в виде рождения и гибели отдельных «обществ» или «цивилизаций», появилась возрожденная «теория циклов», или вечного круговорота. Развитие есть, но оно идет по кругу, существует лишь в его пределах. Общество развивается циклически, оно проходит определенные ступени, но, достигнув кульминационного пункта, возвращается к исходному положению. По утверждению многих историков и социологов, уже в древнем мире были пройдены эпохи феодализма и капитализма, а после падения Римской империи в средние века общество не вступило в какую-то новую фазу, а лишь вновь начало тот же самый путь. Так утверждал один из сторонников «теории циклов», видный немецкий историк Эдуард Мейер.

Многие современные буржуазные историки, не излагая этой концепции в целом, все же отправляются от нее в своих сочинениях, пропагандируя «теорию круговорота» по частям, приучая к ней читателя, интересующегося вопросами всемирной истории.

На этой позиции стоит, например, современный французский историк Ж. Пирэнн. В своей «Всемирной истории» он выдвигает положение о том, что в Древнем Египте примерно в третьем тысячелетии до нашей эры уже существовали и «древняя аристократия», и «новая буржуазия». Поверхностные аналогии, не проникающие в сущность явлений, а порой и прямые натяжки — таков метод подобного рода сравнений различных исторических эпох. Эта теория широко использует сравнительный метод для того, чтобы объявить развитие в общественной жизни простым повторением пройденного. При помощи подобного рода теорий буржуазные идеологи хотели бы убедить читателя в том, что человечество на всем протяжении всемирной истории не выходит за пределы феодализма и капитализма. Это «вечные категории» общественного развития: отвергнув капитализм, общество может лишь опуститься до уровня варварства, которое есть в свою очередь начало феодализма.

В более законченном виде циклическая теория изложена в трудах английского профессора А. Тойнби¹⁶, главным из которых является десяти томное «Исследование истории» (1934—1955).

Тойнби отправляется от мысли, что каждой цивилизации свойственны «рост и упадок». Он стремится дать схему процесса роста, сменяющегося упадком, типичную модель, которая

подходит для всех обществ. Марксизм-ленинизм показал, что основа общественного развития — производительные силы и производственные отношения в их единстве. Когда растущие производительные силы приходят в непримиримое противоречие со старыми общественными отношениями, наступает социальная революция, рождается новая формация, возникает новый, более высокий уровень общественного развития. Тойнби хотел бы найти «заменитель» научной, диалектической концепции общественного развития. И он нашел этот «заменитель» в теории развития по кругу. Согласно ей общество проходит в каждом цикле две главнейшие ступени. На первой ступени оно состоит из следующих трех частей: «творческого меньшинства», «нетворческой массы» и «окружающих примитивных обществ». По мнению Тойнби, секрет успеха того или иного общества заключается в том, чтобы растущая и развивающаяся цивилизация добилась совершенно идиллических отношений между этими тремя ее составными частями — отношений, исключающих классовую борьбу трудящихся и борьбу угнетенных народов. В идеальном случае «творческое меньшинство» работает «на благо народа» и не ссорится с «нетворческой массой». Столь же идиллическими являются и отношения с окружающими «варварскими» племенами, ибо цивилизации на этом этапе «излучают свет в первобытный мир, подобно звездам в темную безлунную ночь».

Кризис в развитии цивилизации, говорит Тойнби, связан с изменением этих идеальных взаимоотношений. Во-первых, со сцены исчезает «творческое меньшинство», сменяющееся «господствующим меньшинством», которое проводит политику насилия по отношению к массам народа. В среде «нетворческой массы» происходит раскол, приводящий к образованию «внутреннего пролетариата». Во-вторых, в силу изменившейся политики «господствующего меньшинства» по отношению к окружающим нецивилизованным народам эти последние становятся «внешним пролетариатом». В результате завоеваний этот «внешний пролетариат» часто переходит и во «внутренний пролетариат». Начинается пагубный «раскол социального целого», за которым следуют его упадок и гибель.

Схема этого цикла, изображенная Тойнби, передает некоторые внешние черты крушения античного общества. Есть намерки и на нынешний уровень развития капитализма. Но действительное содержание исторического процесса выхолащено, социально-экономическая основа развития общества полностью игнорируется. Метафизическая теория развития предстает во всей своей наготе. Исходное положение — покой, гармония; борьба противоположностей есть нечто злобное, она не ведет общество по пути прогресса, а лишь толкает его к гибели. «Раскол социального целого» — вот чего надо бояться современным политикам капиталистического мира.

¹⁶ Подробно о концепции А. Тойнби см. Э. А. Араб-Оглай. Концепция исторического круговорота. — «Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии». М., 1960, стр. 153—197.

Современный капиталистический строй представляет собой, по теории Тойнби, вторую ступень в историческом цикле. Тойнби признает, таким образом, что в капиталистическом обществе осуществляется господство меньшинства над большинством. Но его теория отнюдь не имеет в виду коренного экономического, социального и политического переустройства буржуазного общества. Он считает капитализм естественным и всякое покушение на него со стороны пролетариата рассматривает как угрозу цивилизации.

¹⁷ «Time», vol. 49, N 11, March 17, 1947, p. 29.

воевала сторонников. О намерениях автора говорят с поклоном, но теорию его применяют мало.

один: за нынешней «цивилизацией» последует снова «варварство».

Схемы Тойнби-Райта грешат совершенно истеричным упрощением исторического процесса. Забвение диалектики жестоко мстит буржуазным теоретикам. Проблема повторяемости становится для них неразрешимой. При этом сторонников циклической теории отнюдь не спасают ссылки на то, что в истории нет прямолинейного пути, что старые схемы прямолинейного развития опровергнуты фактами.

Марксисты хорошо знают, что в истории нет прямых путей, что ход истории извилист и противоречив. «История,— как указывает Ленин,— идет зигзагами и круглыми путями»¹⁸. Но из этого отнюдь не следует вывод об отсутствии исторического прогресса.

Конечно, в истории существовали различные цивилизации, различные общества, происходили определенные процессы, но каждый такой процесс создавал некоторые материальные и социальные предпосылки для возникновения другого, без чего тот был бы невозможен. Разорвать историю на клочки, разбить исторический процесс на отдельные, ничем не связанные друг с другом циклы—это значит подорвать возможность научного познания в области истории.

Никаких обособленных циклов в истории не было. Антагонистические общественно-экономические формации под действием неумолимых законов развития в результате острого противоречия между производительными силами и производственными отношениями клонились к упадку и разрушались. Последующая формация была уже более высокой ступенью, чем предыдущая. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями, присущий антагонистическому обществу, вырастал уже на новой основе. На каждой ступени своего развития общество не начинает все сначала, производительные силы предыдущей формации не исчезают, культурные достижения также не проходят бесследно.

Конкретными выражениями развития антагонистических формаций являлись определенные исторические эпохи, периоды расцвета одних государств, на смену которым приходили другие.

Без анализа закономерностей, присущих данной формации, нельзя понять и конкретную историю этих государств и стран. Только полный невежда может считать при нынешнем уровне наших знаний, что, скажем, общество Крита погибло бесследно, ничего не дав последующей античной Греции. Зарождавшаяся рабовладельческая деспотия типа древневосточных через определенный промежуток времени уступила свое место рабства-

дельческой демократии. Это был огромный прогресс в развитии человеческого общества. Отступления назад не отменяют поступательного хода истории, ее этапов.

Однако некоторые буржуазные социологи прямо заявляют, что главная опасность теорий общественного развития заключается в том, что они основаны на «признании неизбежных последовательных стадий развития». Вот эта идея последовательности стадий развития меньше всего нравится буржуазным теоретикам, ибо она в конечном итоге приводит к выводу, что капиталистическое общество лишь одна из стадий общественного процесса, которая заменяется высшей стадией, новой формой общества—коммунизмом.

В чем же привлекательность для буржуазных идеологов «теории циклов»? Отвечая на этот вопрос, нельзя не вспомнить проническое стихотворение 1905 г., которое А. М. Горький приводит в романе «Жизнь Клима Самгина»:

Но полезно, на их взгляд,
Чтоб народ пошел назад...

Народы должны двигаться назад, а не вперед—таков смысл «теории круговорота». Вот почему предпринимаются настойчивые попытки возродить эту теорию.

Субъективистскому произволу во всех этих попытках нет границ, неизменна лишь общая порочная основа. Английский реакционный писатель Хаксли, проповедуя круговорот в истории общества, составил, например, такую схему: «Периоды классицизма сменяются периодами романтизма, периоды святости—периодами неверия, периоды пацифизма и интернационализма—периодами национализма и милитаризма»¹⁹. Такая, с позволения сказать, «теория» может служить лишь для обоснования «неизбежности» победы клерикализма, подготовки новой войны, для оправдания деятельности реакционеров и милитаристов, поскольку, по Хаксли, человечество обречено вечно переходить от «эпох пацифизма» к «эпохам милитаризма», от «периодов неверия» к «периодам святости».

«Теорию круговорота» в истории общества на свой лад проповедуют также неомальтузианцы. Так, американский мальтузианец Пендел в вышедшей в 1951 г. книге «Безудержный рост населения» доказывает, что подъем и упадок цивилизации определяются генетическим «качеством» членов общества, которых он разделяет на две категории: «разрешители проблем» и «обуза общества». Это еще более упрощенные категории, чем «творческое меньшинство» и «нетворческая масса» Тойнби. Согласно теории Пендела, на разных стадиях развития каждой

¹⁹ «Approaches to World Peace». Fourth Symposium. New York and London, 1944, p. 476.

¹⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 82.

цивилизации руководящую роль играют «разрешители проблем»; массы же людей, относящихся к категории «обуза общества», «устраняются» в силу таких «естественных» процессов, как голод, высокая детская смертность и т. д. Чем больше бьют эти бичи человечества по трудовому люду, тем лучше, поучает Пендел.

Опасность для общества, стадия его «кризиса», по мнению Пендела, начинается с того момента, когда условия жизни улучшаются, смертность среди тех, кто отнесен к категории «обуза общества», сокращается и их удельный вес в обществе возрастает. Вследствие этого резко ухудшается «генетическое качество» общества (или, как пишет один из проповедников этой теории, американский евгеник Кук, происходит «генетическая эрозия»), цивилизация начинает клониться к упадку и в конце концов гибнет. С восстановлением действия законов «естественного отбора», с резким ухудшением условий жизни и обострением «борьбы за существование» общество избавляется от «обузы» и в его развитии наступает новый цикл. Здесь теория циклов уснащена биологическими терминами и приближена к концепции «социальных дарвинистов», которые издавна представляли идеологическое оружие самым реакционным и агрессивным кругам империалистов.

Сторонники «теории круговорота» открыли дорогу для различных спекуляций. Они «объяснили» повторяемость в истории как простой возврат вспять и вызвали к жизни различные суррогаты теории развития, основанные на восхвалении попятного движения. Если сторонники «теории круговорота» пугают движением общества вспять, уговаривают не трогать нынешнего капитализма, чтобы не погрузиться вновь в сумерки средневековья, то другие буржуазные теоретики, видя кризис капиталистической системы, ищут выход как раз в возврате к пройденным ступеням общественного развития, проповедуют движение вспять как благо.

Например, Вильгельм Рёпке, пользующийся большой популярностью в Западной Германии и написавший книгу «Кризис нашего времени», считает, что все беды начались с французской революции 1789 г. и, собственно говоря, уже от этой даты истории следовало бы повернуть назад. Рёпке противопоставляет французской революции XVIII в. и революционной Франции английскую революцию и англосаксонские страны, которые де возникли из демократии и либерализма «более раннего и более органического»²⁰. Спасительный для общества выход он видит в отказе от «тлетворного духа» французской революции, в возврате к любезному его сердцу «более раннему и более органическому» образу жизни и мыслей. Он пропове-

дует вздорную и реакционную утопию «депролетаризации» промышленности путем превращения пролетария в мелкого буржуа. Это, разумеется, реакционная утопия, но она показывает, какие представления об историческом процессе существуют у современных буржуазных теоретиков. Кое-что из писаний Рёпке взяли на вооружение западногерманские сторонники «неолиберализма», которые заявляют, что они владеют волшебным средством вернуть капитализм к его домонополистической стадии.

Но особенно большое значение для империалистической демагогии имеют широко распространяемые реакционно-утопические писания католиков. Французский католический социолог Бардэ в книге «Завтра 2000-й год!»²¹ призывает вернуться к феодальным порядкам, к изобретенной им «полифонической организации», под которой подразумеваются феодально-теократическое общество и государство. «Единственная среда, где человек может избежать поглощения машинами, вновь обрести ритм космоса и бога, — это деревня»; «ремесленная структура является наиболее освободительной» — такого рода доводами обосновывает католический теоретик необходимость возрождения феодальных порядков, ликвидацию современной промышленности и больших городов (а вместе с ними и пролетариата). Призывая возвратиться к средневековью как «золотому веку», он проповедует клерикализацию общественной жизни, обосновывает тем самым насаждение фашистских или полуфашистских порядков в буржуазных странах.

При всем различии приведенных взглядов буржуазных теоретиков на общественное развитие, при всех их вариациях общим остается отказ от идеи прогрессивного развития. Одни отказываются от нее, прославляя теорию круговорота. Другие уверяют, будто исторический процесс может идти вспять. Третьи (а таких среди буржуазных социологов большинство) предпочитают придерживаться типично неопозитивистского понятия «социального изменения», отказываясь определить, в каком направлении оно протекает. Но все это отказ от самого понятия поступательного движения общества. Причина, вызвавшая к жизни все эти теории, одна. Исчезновение веры в прогресс в жизни все эти теории, одна. Исчезновение веры в прогресс в современном западном мире связано с утратой веры в будущее капиталистической системы. В сборнике «Современная социальная наука» Л. Бернард в своей статье справедливо отмечает, что в противоположность философии XVIII в. социальная мысль XX в. (имеется в виду, конечно, лишь буржуазная социальная мысль) основывается на убеждении, что «эволюция не необходима и не неизбежно прогрессивна» и что «прогресс сам по себе не является внутренне присущим есте-

²⁰ W. Röpke. La crise de notre temps. Neuchatel, 1945, p. 62.

²¹ G. Bardet. Demain, c'est l'an 2000! Paris, 1952.

ственным законом»²². То обстоятельство, что в XX в. проблема прогресса стала вообще исчезать из трудов социологов, Бернард объясняет следующим образом: «Несколько факторов способствовали упадку интереса к этому вопросу или по крайней мере отказу от попытки рассмотреть его научно. Многие социологи считают, что нам недостает метода для того, чтобы измерить прогресс и отличить прогресс от регресса. Другие думают, что прогресс целиком соотносителен с целями, которые мы выдвигаем, но считают, что установление абсолютных целей невозможно. Иные напуганы трудностями этой проблемы и предпочитают работать над различными сторонами социальных изменений, по крайней мере до тех пор, пока невозможно установить определенную социальную перспективу. Даже сам термин «прогресс» неприемлем для тех, кто верит, что наука должна ограничиться описанием и избежать суждения о ценностях». К тому же «социологи глубоко обескуражены современными социальными фактами и полагают, что общество находится на пути к общему упадку. Поэтому они вообще избегают обсуждения вопроса о прогрессе»²³.

Но какими же «социальными фактами» обескуражены буржуазные социологи? И какое общество клонится к упадку? Разве не ясно, что освобождение масс от эксплуатации, ликвидация частной собственности на средства производства и установление общественной собственности, избавление человечества от кровавых захватнических войн, уничтожение морали корысти и наживы — все это ведет человека вперед? Это ли не «социальная перспектива»? Но именно об этом и не хотят говорить буржуазные теоретики.

Вот почему в изданном в 1955 г. в Западной Германии «Словаре социологии» слово «прогресс» отсутствует. Исчезло оно и из Британской Энциклопедии. В современном буржуазном мировоззрении не находится места для этого понятия.

Но если ученый потерял компас, указывающий направление исторического процесса, значит он заблудится в лабиринте исторических фактов и в лучшем случае может лишь регистрировать единичное, случайное. Собственно, к этому и толкает историка современная буржуазная социология и философия истории.

Проповедь случайности вместо исследования объективной закономерности

Отрицание необходимых связей между общественными явлениями, отрицание объективной логики истории, единства исторического процесса — такова уже порядком затасканная пре-

мудрость буржуазной социологии. И все же многие историки следуют этим идеям.

Историк Фишер заявляет, что в истории нет никакой закономерности, а есть лишь следование во времени одних событий за другими, подобно тому «как волна следует за волной»²⁴. Поэтому, заключает Фишер, дело историка — «распознавать в развитии человеческих судеб игру случайного и непредвиденного».

Это положение несостоятельно не только теоретически. В наше время оно и политически вредно. Теория случайностей, якобы господствующих в истории, является логической предпосылкой волюнтаризма, который в политике не желает считаться ни с какими закономерностями. В поступательном движении человечества, в победе социализма, в успехах национально-освободительного движения идеологи империализма видят «досадную случайность», которую следует «исправить». Общественные деятели, доказывая, что история есть нагромождение случайного, по сути дела оправдывают любую политику произвола. Теоретические корни всех рассуждений о «сдерживании» и «отбрасывании» коммунизма надо искать именно здесь. Теоретические корни утверждения, будто силой можно «обуздать» или даже повернуть исторический процесс в нужном направлении, лежат именно в этих философских концепциях. Так философия истории тесно переплетается с политической философией современного империализма.

Конечно, марксизм не отрицает того, что случайности имеют место как в природе, так и в общественной жизни, что они могут иногда оказывать значительное влияние на ход событий. Но не случайности определяют ход истории. Прятаться за них — значит искать «убежища для невежества», как говорил Спиноза. Признание роли случайностей в развитии природы и общества не противоречит тому положению, что и природа, и общественная жизнь развиваются закономерно. Познание этих закономерностей и есть дело науки. Теория общественного развития, изображающая исторический процесс как хаос случайностей, ведет к отказу от научного понимания социальных явлений. Никакие математические методы, никакая теория вероятностей и закон больших чисел не спасут социальную мысль от полной деградации, если отвергнуть представления о закономерности общественного развития.

Некоторые социологи на Западе начинают это понимать, сознают, в какой тупик зашла буржуазная теория общественного развития. В этом отношении представляет интерес опубликованная в 1958 г. книга буржуазного социолога Бэйли, посвященная критическому рассмотрению европейской и американ-

²² «Contemporary Social Science», ed. by Ph. L. Harriman. J. S. Roucek, G. B. de Huszar, vol. I, Harrisburg, 1953, p. 182—183.

²³ «Contemporary Social Science», vol. I, p. 184—185.

²⁴ H. Fisher. A History of Europe, vol. I. London, 1935, p. VII.

ской социологии XX в. Бэйли не согласен с концепциями, отрицающими исторический прогресс, и призывает спасти социологию «от разрушающих атак» циклизма и иррационализма²⁵.

Бэйли отмечает, что, в то время как эпоха возникновения социологии — это эпоха оптимизма, нынешняя социология пронизана пессимизмом. В начале XX в. настроение разочарования было распространено главным образом в европейских кругах, «однако сейчас слышны более чем громовые раскаты разочарования и из Соединенных Штатов»²⁶. Социологические теории не только отражают пессимистические настроения в обществе, но и в свою очередь содействуют их распространению. Бэйли решительно выступает против подобной роли социологии.

Он справедливо отмечает, что идея прогресса и вера в прогресс в XVIII в. диктовались убежденностью во всемогуществе человеческого разума и в рациональности поведения человека.

Современная социология отказывается именно от этих представлений. В многочисленных социологических «теориях масс», «теориях толпы» деятельность людей рассматривается как нечто иррациональное. Неверие в прогресс, пророчества о гибели цивилизации, представление о человеке как существе иррациональном, которым движут мифы, слепая вера, иллюзии — все это и приводит современную социологию к безысходному пессимизму.

Здесь автор, на наш взгляд, правильно указывает еще на один источник вдохновения заядлых противников теории прогресса. Действительно, в наше время не может быть теории прогресса, отрицающей величие социальной энергии масс, которые творят историю. Буржуазная общественная теория всегда игнорировала массы трудящихся во всех своих концепциях. Ныне это недоверие и прямое презрение к массам достигло своего апогея. Немало помогли этому различные философские и психологические течения иррационализма. Некоторые социопсихологи, широко используя фрейдизм, дошли до самых извращенных представлений о роли подсознательного, инстинктов и т. д. в деятельности масс. Глубочайшее неверие в народные массы, в возможность их исторического творчества, страх перед ними — вот один из корней отрицания прогресса общества современными теоретиками буржуазии.

Социологи, пессимистически смотрящие на перспективы развития человечества, по мнению автора, не желают понять и

значение социологии в деле преобразования общества. Добавим от себя, что эти социологи настолько ослеплены своими теориями, что даже не видят действительности. Практика Советского Союза, других социалистических стран показывает, что подлинная наука об общественном развитии — марксизм-ленинизм — стала огромной силой в преобразовании общества.

Программа КПСС, перспективные планы и вся деятельность партии по управлению народным хозяйством, по его развитию, по переделке общественных отношений и самого человека — триумф науки об обществе. Французская газета «Combat», весьма далекая от коммунизма, писала в августе 1962 г., что «Россия всегда со времен революции не скрывала своего намерения использовать науку для полного изменения мира» и что ныне «наука в СССР стала настоящим прожектором, освещающим движение советского строя»²⁷.

Что же касается западной социологии, то Бэйли считает, что она должна стать истинным знанием, должна исходить из рационального понимания человека и его деятельности. Необходимо, по его мнению, найти синтез прежних теорий XVIII в. и нынешних учений: «Этот новый синтез включил бы (но с видоизменениями и ограничениями) убежденность философов XVIII в. в том, что истина, доступная рационально мыслящим существам, воплощается в социальном прогрессе»²⁸. Хорошее пожелание. К этому надо, однако, прибавить, что главную тенденцию социального прогресса ныне выражает научный коммунизм. В наши дни идея социального прогресса, теория научного коммунизма и теория общественного развития неразрывно слиты.

Многие буржуазные теоретики сейчас сознают, что их упорные попытки отрицать само понятие прогресса в наш век победы величайших прогрессивных тенденций в жизни общества могут в конечном итоге изолировать их от читателя и слушателя. В этих условиях все больше буржуазных идеологов ломают себе голову, решая вопрос, как «обезвредить» теорию прогресса, как от полнейшего отрицания перейти к такому «признанию» прогресса, которое выхолостило бы всю сущность из этого понятия.

До возникновения марксизма теория прогресса не имела научного обоснования, философская буржуазная мысль блуждала от утверждения о том, что прогресс есть развитие разума и просвещения, до утверждения, что прогресс есть некая формальная эволюция, ведущая к дифференциации отдельных форм социального организма.

²⁵ R. B. Bailey. Sociology Faces Pessimism. A Study of European Sociological Thought. The Hague, 1958, p. 166.

²⁶ Там же, стр. 34.

²⁷ См. «За рубежом», 1962, № 33, стр. 11.

²⁸ R. B. Bailey. Sociology Faces Pessimism, p. 167.

Теория «экономического роста» — суррогат научной теории прогресса

Марксистская теория прогресса сейчас широко распространена, и отделаться от нее с помощью «теорий циклов» и т. п. становится все труднее. Особенно беспокоит буржуазных теоретиков научное, экономическое обоснование марксистской теории прогресса. Поэтому современная буржуазная политическая экономия создала свою собственную теорию прогресса в виде пресловутой «теории роста», но и она проглядела основу прогрессивного развития общества. Буржуазные теоретики заявляют, что прогресс человечества сводится к «экономическому росту», росту богатства, но не дают ответа на вопрос, как и почему этот рост происходит. Они критикуют марксизм, выступают против марксистской теории прогрессивного развития общества, но даже и словом не упоминают важнейшего ленинского положения о росте производительности труда. Буржуазные теоретики, как всегда, не желают видеть непосредственного производителя, трудящегося человека. Их «теория роста» жонглирует различными терминами: «инвестиции», «сбережения» и т. д., но они не пытаются заглянуть в глубь процесса производства. Получается, что сам капитал достигает этого «роста» без участия трудящихся. Следовательно, и за прогресс человечество должно благодарить капитал, от которого исходят все благодеяния. Один из самых известных представителей этой теории, американский профессор Ростоу, склонен говорить о чем угодно: о ньютоновской механике, о создании национальных государств и т. д. — как о факторах, помогающих «росту», но он маловато говорит о такой категории, как производительность труда, умалчивает о различных формах эксплуатации трудящихся, обеспечивающих рост экономики в классово антагонистических формациях, не анализирует способов, которыми достигается в этих формациях рост материальных ресурсов. Короче говоря, сторонники этой теории хотели бы скрыть тот факт, что экономический рост на протяжении веков создавался эксплуатацией человека человеком, что ныне наступил такой поворотный момент, когда для роста материальных благ не только не нужны формы эксплуатации, но они тормозят, стесняют общественное развитие и поэтому должны быть уничтожены. В этом состоит суть современной теории прогресса.

Сторонники «теории роста» заявляют, неважно-де, в чьих руках накапливаются эти ресурсы, кому они принадлежат — обществу или его «столпам», все равно «страна в целом» богатеет. Такова теория Ростоу. Но накопление богатства в руках монополий и растущее общественное богатство — разное дело. Первое служит препятствием на пути прогресса современного общества, второе открывает дорогу безграничного процветания.

Что значит богатство империалистических стран? Ростоу говорит, что это повышение уровня массового потребления. Но в капиталистическом мире люди испытывают недостаток в материальных благах, а империализм расточает их на подготовку войн. Сельскохозяйственное производство искусственно ограничивается, хотя в мире миллионы голодающих. Значительная часть производственных мощностей остается незагруженной, в то время как за воротами предприятий миллионы безработных. В век невиданных успехов науки и техники, колоссального развития производительных сил сотни миллионов людей живут на нашей планете в страшной нищете. Буржуазные экономисты оперируют «средними цифрами» для доказательства наступления эры «массового потребления». Согласно их расчетам, когда два человека сели за обеденный стол и один удовлетворился жалким супом, а другой съел два бифштекса, «в среднем» получается, что каждый съел по одному куску мяса. Но дело в том, что людей не устраивают «средние цифры», за которыми прячется неравенство, они добиваются равенства, такого общественного строя, при котором «средняя цифра» не лжет, а выражает социальную справедливость.

Ростоу считает, что все социальные антагонизмы находятся «там», за рамками капиталистического мира, в районах, где еще не наступила эра «массового потребления». Но отделить богатый капиталистический «город», центры капиталистической цивилизации от ее периферии, от гигантской нищеты и полунущей «деревни» абсолютно невозможно. Это можно сделать лишь на бумаге в тиши профессорского кабинета, но не в жизни, не в действительности.

До тех пор пока ученый представляет себе буржуазное общество как «совокупность индивидуумов», как арену действия «гармонических сил», которые имеют возможность парализовать проявление «разрушительных сил», пока он не желает признавать существование классов, закрывает глаза на эксплуатацию, до тех пор он ни на шаг не сможет приблизиться к научной теории общественного развития. Указанное представление присуще политическому мышлению буржуазии и является идейным субстратом современных течений социологии на Западе. Старый позитивизм стремился вместо философии истории создать буржуазную социологию путем перенесения некоторых понятий и приемов из области естествознания. Но извращенное в угоду политическим расчетам представление об обществе с самого начала погубило эту науку. Нынешние попытки вылезти из трясины позитивизма с помощью различных теорий, признающих значение «экономического фактора», толкующих об «экономическом росте» как «законе» общественного развития, также обречены на провал, ибо они не порывают с антинаучными представлениями об обществе.

Позитивисты XIX в. представляли себе общество как единый организм. Но уже в конце XIX в. буржуазная социология отказалась от этого представления. Вместо него была выдвинута мысль, которая сводилась примерно к следующему: «Общество не есть нечто простое, а, наоборот, нечто весьма сложное. Конт же всегда требовал, чтобы общество рассматривалось в его целом, чтобы в нем, как при изучении отдельных организмов, переходили от целого к частям, а не наоборот, чтобы вообще части не изучались изолированно»²⁹.

Позитивистское представление об «обществе в целом» было насквозь метафизичным, абстрактным, идеалистичным. Стараясь освободиться от этой абстракции, призывая изучать «реальные вещи», Дюркгейм наносил удары по старым схемам. Но сильнее всего по этому «целому» ударила сама жизнь. Спенсеровско-контское понимание общества как гармоничного целого было разбито жизнью: капиталистический мир, вступивший в эпоху империализма, был потрясен острейшими социальными противоречиями. Однако при этом нельзя забывать, что Конт и Спенсер все же старались на свой лад дать ответ на вопрос, что такое социальное целое.

Теперь Росту делает попытку вернуться к понятию общества как социального целого. Он даже дает свою классификацию общества, в которой он, например, начальную ступень, охватывающую первобытнообщинный строй, всю древнюю историю, всю эпоху феодализма и часть периода капитализма, характеризует как «традиционные общества». Из этого примера видно, что Росту возвращается к абстрактным, метафизическим представлениям об обществе. Он согласен признать экономическую основу общества, но не способен увидеть сущность и значение его социальной структуры. Общество у Росту «растет» и богатеет, но он не знает, что такое общество. Это понятие по-прежнему покрыто туманом.

В самом деле, о каком обществе может идти речь, если из поля зрения обществоведа исчезли производственные отношения и классы? Основа исторического процесса исчезает, а сам процесс превращается в нагромождение различных, произвольно сконструированных «типов» обществ.

Буржуазная социология бессильна решить проблему общественных связей

Видный американский социолог Талькот Парсонс дает примерно такую картину развития общества с древнейших времен. Вначале существует родовой строй, родовые группы. Затем в

силу таинственного процесса дифференциации появляется «элита», аристократия, совмещающая политические и религиозные функции, возникает бюрократия, военная и светская, и т. д.³⁰ В этом описании есть все вплоть до «религиозной автономии», в нем нет «только» происхождения классов, великого раскола общества на угнетателей и угнетенных. Но, «забыв» процесс классовобразования, социолог может описывать все, что ему вздумается, решать сотни самых глубокомысленных вопросов, возникших в результате произвольного обращения с историческим материалом, но он не только не приблизится к уразумению сущности общественного развития, а, наоборот, будет удаляться от этого все дальше, все больше мистифицируя действительный исторический процесс.

Основу всех многообразных общественных связей, по выражению Ленина, составляют «отношения между людьми по участию их в общественном труде»³¹. Без этих связей нет никакого общества, степень развития общественного труда и характер связей людей в процессе труда определяют ступени истории общества. Без анализа этих связей не может быть научной социологии. Социальная мысль, которая теряет из виду основу основ общественных отношений, неизбежно попадает в тупик.

Такова характерная черта истории буржуазной социальной мысли. Оставив старые позитивистские теории XIX в., современная буржуазная социология столкнулась с неразрешимым для нее вопросом. Общество не есть огромный организм, эволюционирующий по законам, близким к органическим, но тогда что же такое общество?

Многие буржуазные социологи пошли по иному пути, чем Росту. Современный французский социолог Бутуль считает, например, что об обществе в целом нельзя говорить, ибо данное понятие «крайне неопределенно». Если и поныне иногда говорят об «обществе», то имеют в виду, собственно, лишь человечество. Так понимал общество и Конт³². Иные современные социологи пошли еще дальше: из поля зрения исчезает и понятие «человечества», остаются лишь отдельные индивидуумы, все остальное объявляется абстракцией.

Американский социолог Эрнест Берджес разделяет всех современных социологов на те же две школы, на которые распались в средние века схоласты, — на реалистов и номиналистов. Реалистами он называет тех социологов, которые признают «реальность существования общества»³³. Однако «реальность»

³⁰ *Theories of Society*. «Foundations of modern sociological Theory», vol. I. ed. Free Press, 1961, p. 241.

³¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 45.

³² G. Bouthoul. *Traité de Sociologie*, 2 ed. Paris, 1949, p. 184.

³³ E. W. Burgess. *Research Methods in Sociology*. «Twentieth Century Sociology», ed. by G. Gurvitch and W. Moore. New York, 1945.

²⁹ П. Барт. *Философия истории как социология*. СПб., 1902, стр. 61.

общества изображается ими главным образом в виде управляющих общественными отношениями «коллективных представлений», «коллективного сознания», «коллективной психики» и т. д. Общество рассматривается ими как некое «психическое целое». Иначе говоря, современные «реалисты» заменили «мировой дух» старой идеалистической философии более «современным» понятием — «коллективный дух». Но при этом они ликвидировали и прежний рационализм. «Коллективная психология» — это область иррационального, подсознательного; разум человека играет в общественной жизни весьма малую роль. Действительные общественные связи, объединяющие людей в общество, остаются нескрытыми, они мистифицируются.

В этом отношении современные «реалисты» мало чем отличаются от современных «номиналистов», которые не признают общества как «объекта изучения» и заявляют, что реально существуют лишь «отдельные индивидуумы», взятые вне общества, вне общественных отношений.

Подобным образом классифицируют современные буржуазные теории общества и многие другие социологи, которые различают среди этих теорий «социальный реализм», признающий существование общества, «не сводимого ни к какой комбинации индивидуумов», и «социальный атомизм», утверждающий, что «индивидуум является единственно объективной, эмпирически засвидетельствованной единицей»³⁴. Суть первого из этих течений заключается в идеалистическом отрыве понятия общества от действительных людей и действительных общественных отношений; другое же пытается подменить общественного человека идеалистической абстракцией «человека вообще».

Известный буржуазный философ и социолог Карл Поппер, выступающий в защиту социального атомизма, считает, что «общество», «социальная группа», «общественные институты» — всего лишь абстрактные понятия³⁵. В действительности, заявляет он, существуют лишь конкретные человеческие индивидуумы. Они различными путями взаимодействуют друг с другом и с окружающей средой. Даже такие понятия, как «война», «армия», для Поппера пустые абстракции³⁶.

Такой нигилистический буржуазный индивидуализм, вне всякого сомнения, означает ликвидацию социологии как науки. Большинство современных буржуазных социологов не идут, однако, по столь радикальному пути «самоуничтожения». Многие из них понимают, что взять за основу исследования «голого человека на голой земле» — значит ликвидировать само

понятие «социального», прекратить всякое изучение общественных явлений, возникающих из взаимодействия людей и существующих на основе этого взаимодействия. Но и признание взаимодействия людей еще не делает социологию наукой. В общественной жизни существует бесчисленное множество таких взаимодействий, и жизнь будет представляться хаотичной, если не вскрыть реальной основы всех взаимодействий и связей людей. Буржуазные социологи подчеркивают лишь роль психики в этих связях, но хаос различных взаимодействий остается. Талькот Парсонс говорит об огромном значении существования в обществе «основных культурных традиций». Они «передаются от поколения к поколению путем обучения, а не благодаря биологической наследственности». Эти традиции придают обществу стабильность и протяженность во времени, создают «стабильную систему взаимодействия». Но что такое «культурные традиции», на чем они основываются, чем объясняются их собственная стабильность, их рост и изменения? Взаимодействием людей, а оно в свою очередь объясняется «культурными традициями». Таков порочный круг идеализма.

Большинство буржуазных социологов критикуют позитивистов XIX в. за теорию «однолинейного» общественного процесса. Много и подробно рассуждают при этом о «многолинейности», но социальные отношения они изображают как великое множество отдельных психических связей людей, а социальное целое рассматривают как конгломерат различных мелких социальных групп и сложение мельчайших психических явлений. Все попытки систематизировать психические связи терпят провал, так как, вращаясь в кругу только психических явлений, исследователь может классифицировать их лишь по какому-то формальному признаку.

Буржуазная социология бьется в тисках неразрешимого для идеализма противоречия между общим, особым и единичным. Одни исследователи создают пустые абстракции, игнорируя особенное и единичное в общественной жизни. Другие искусственно изолируют единичное и особенное, не видя в явлениях общих черт, закономерностей, присущих общественному развитию. Наиболее радикальные сторонники такой точки зрения соглашаются признавать существование только индивидуумов. Гораздо большая часть социологов идет по пути метафизического отрыва особенного от общего, конструируя различные «отдельные общества», «конкретные социальные группы» и т. д.

Все это неизбежный результат отказа от конкретного понятия общества, неприятия учения об общественно-экономических формациях. Буржуазные социологи создают произвольные схемы по каким-либо выхваченным признакам человеческого общества. Их «новые» построения отличаются старой абстрактностью и надуманностью.

³⁴ F. Znaniecki. *Social Organization and Institutions*. «Twentieth Century Sociology», New York, 1945, p. 178.

³⁵ K. Popper. *The Poverty of Historicism*. Boston, 1957, p. 135.

³⁶ «The Philosophical Review», vol. LXVIII, N 1, January 1958, p. 98.

В конце XIX в. немецкий социолог Ф. Теннис предложил различать два вида социальных связей: «общность» (Gemeinschaft), основанную на «органических», биологического порядка связях, и «общество» (Gesellschaft), базирующееся на «искусственно созданных» связях. Такого рода классификация социальных связей непригодна, ибо в человеческом обществе нет никаких биологических связей, которые не были бы одновременно социальными. Человеческое общество сложилось тогда, когда отношения родства стали социальными отношениями. Этот процесс вскрыл Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». «Искусственные связи», о которых говорит Теннис, — это на самом деле связи людей в общественном труде, производстве. По степени развития этих связей и общественного труда, производства различаются ступени, которые проходило общество на протяжении истории.

Буржуазная социологическая мысль попыталась подойти к определению общества, общественных связей и с несколько иных позиций. Американский социолог Макайвер в 20-х годах предложил классифицировать социальные связи, а следовательно, и различные общества по целям или интересам людей. Его попытка выглядела бы иначе, если бы он признал при этом наличие классовых интересов. Но он пошел по линии формальной классификации, не стремясь вскрыть реальную сущность описываемых явлений. Он выделил экономические интересы, научные и образовательные, а также интересы власти и престижа, интересы рода, семьи и т. д. Нечто подобное пропагандировали и другие социологи. Конечно, такие интересы существуют в человеческом общежитии. Но если признать их основой общества, то встает вопрос: что же определяет единство общества как социального целого? Оно представляется в виде конгломерата различных «связей», сосуществующих во времени и пространстве. Не мудрено, что некоторые теоретики начинают утверждать, будто единственная «реальность» — это личность, а общество — абстракция.

Американские социологи, шедшие за Лестером Уордом, придерживались психологических принципов классификации общественных отношений и обществ, отбросив экономические интересы. Например, Гиддингс утверждал, что общество не организм, а организация, которая лишь отчасти на ранних этапах развития (семейные группы, племена) есть как бы продолжение природы. Затем психический, волевой элемент начинает превалировать в жизни общества, «социальный выбор», т. е. сознательное решение, становится важнейшим законом социальной жизни. В конце концов американский социолог приходит к выводу, что «социальное решение» подчиняется идеалам и, таким образом, порочный круг идеализма оказывается замкнутым.

Но по существу, конечно, нет никаких обществ, основанных

на инстинктах. Это можно допустить, лишь игнорируя то, что в действительности отделяет человеческое общество от животного стада, т. е. труд. Нет и обществ, которые бы создавались из разума и размышлений, — так думали только сторонники теории «общественного договора». Мысли Гиддингса на свой лад развивал Эдвард Росс, который «открыл» среди социальных групп «случайные» (например, толпа), «естественные» (семья), а также основанные на «психологическом сходстве». Но как возникает это «сходство»? Создано оно богом или является результатом общественной жизни? И разве психологическое сходство должно отсутствовать в семье или в «случайных группах»?

Единственное, что с определенностью можно заключить из всех подобных классификаций, — это полное забвение буржуазными социологами того несомненного факта, что основу всех общественных связей людей составляют их отношения в процессе труда, в производстве. Не могла бы существовать человеческая семья, не могли бы возникнуть идеи престижа и власти, если бы не было этой основы общества. Даже такие «общества», как общество любителей игры в гольф или общество знатоков абстрактной живописи, не могли бы существовать, если бы «кто-то» не поставлял их сочленам средства для пропитания. Попытки заменить основные социальные связи второстепенными, третьестепенными и десятистепенными или придумать какие-то искусственные связи взамен действительных обрекают ученых на блуждание в потемках.

Отправная точка социологического исследования «социальная группа» — также понятие, лишенное научной определенности, поскольку не вскрыта основа всех общественных связей людей. Общество — некий конгломерат таких социальных групп; нагромождение их — «социальная структура» общества. «Группы» создаются «социальными процессами», сводящимися в конечном итоге к «психологическим импульсам». Такое «объяснение» на самом деле ничего не объясняет, ибо весь вопрос в том, чтобы определить точно, какие социальные процессы создают группы, откуда берутся «импульсы», объединяющие людей в эти группы. По мнению одних, в основе социального процесса лежит «социальный инстинкт»; другие заменяют понятие «инстинкт» более новыми: «могущественные рефлексy», «мотивы» и «побуждения». Особенно много пишут современные буржуазные социологи о проблеме мотивации поступков людей, но, игнорируя вопрос о социальной структуре общества, классах и классовой борьбе, классовых интересах и объективных требованиях общественного развития, они остаются в сфере весьма тощих психологических абстракций. Дальше общих рассуждений о «природе человека» и его психике буржуазные социологи не идут, ибо в «тайны» общественного бытия они предпочитают не заглядывать. Не видя реальной основы социальных связей,

не видя основных социальных групп — классов, из которых состоит классовое общество, буржуазные социологи утратили всякое реальное представление об обществе.

Американские социологи готовы изучать любые «группы» людей, сочинять «социологию завсегдатаев клубов» или заняться исследованием «группы университетских профессоров». С этой целью разрабатываются все новые схемы классификации «групп». Ирл Юбэнк изобрел, например, группы, «основанные на сходстве» (куда входят профессора колледжей, ветераны войны и т. д.), группы, «основанные на близости» (церковные конгрегации), а также «на взаимодействии» (семья, клуб).

Некоторые из современных буржуазных социологов склонны делить «группы» на первичные, вторичные и на ассоциации. Одни принимают во внимание территорию, другие кладут в основу разбивки общества на «группы» количественный признак, третьи выделяют как важную характерную черту этих «групп» длительность отношений между членами «группы», почти во всех классификациях говорится о психической общности членов отдельных «групп» и т. д. и т. п. Никто, разумеется, не кладет в основу изучения социальных «групп» место людей в процессе производства, их отношение к средствам производства.

Ясно, что эти произвольно сколоченные «группы» должны по замыслу их изобретателей жить в мире друг с другом, объединяясь во все большие «группы» или «ассоциации групп». Конечно, между отдельными группами могут спорадически возникать конфликты опять же психологического характера, но их можно и необходимо ликвидировать. Для американского профессора Джиттлера общество — это простой конгломерат «групп», вступающих между собой в различные виды «взаимодействия». Признавая одним из видов такого взаимодействия конфликт, он особое внимание обращает на «взаимобратимость» различных видов «взаимодействия» и, в частности, отмечает легкость перехода от конфликта к сотрудничеству во взаимоотношениях, скажем, между такими «группами», как «группа» предпринимателей и «группа» рабочих — членов профсоюза.

Все эти «классификации» повергли буржуазную социологию в состояние полнейшего хаоса, сделали ее ареной самых произвольных операций отдельных социологов. Эти «классификации» не выдерживают критики уже с точки зрения формально-логической, ибо не соблюдается четкое «основание деления». Формальная логика предупреждает, что нельзя делить человечество, скажем, на блондинов, брюнетов, толстых и худощавых, ибо «основание деления» в этом случае будет нарушено, одни и те же люди попадут сразу в несколько групп и строгого разделения не получится. Данный порок заметили и некоторые буржуазные социологи, заявлявшие, что все подобные груп-

пы — результат пустой абстракции, поскольку одни и те же люди являются составной частью разных групп. Но в таком случае, утверждают нынешние «номиналисты», следует подчеркнуть еще раз, что «социальная группа» есть нечто производное, а единственной реальностью является индивидуум. Понятие общества окончательно исчезает.

Конечно, в капиталистическом обществе существуют различные социальные связи, имеется множество социальных групп. Эти связи и группы, разумеется, можно и должно изучать, в том числе и с точки зрения социальной психологии, но их нельзя научно проанализировать, если игнорировать классовое деление общества, если брать их вне классовых противоречий. Только правильно понимая основы социальной структуры общества, можно выяснить производные и дополнительные социальные связи и отношения людей, специфику отдельных слоев и групп данного общества. В самом деле, что мы можем сообщить о «группе преподавателей колледжей», если не знаем современной классовой структуры США, положения интеллигенции в буржуазном обществе, форм классовой борьбы, в том числе и идеологической? Ровным счетом ничего, кроме поверхностных наблюдений, не вскрывающих социальной сущности и противоречий, присущих этой группе. Классификации по «группам», предлагаемые буржуазными социологами, лишь красноречиво показывают, что, не вскрыв основы общественных связей — производственных отношений, нельзя понять, что такое общество, какова его структура.

Совершенно очевидно, что нет и не может быть научного понимания общества, если игнорировать такие категории общественной науки, как производительные силы, производственные отношения, способ производства. Именно марксистско-ленинское рассмотрение общества ликвидирует абстрактность и схематизм в общественной науке, позволяет изучать общество конкретно-исторически, как существующее в виде различных социально-экономических формаций. Но как раз против такого изучения и ополчаются буржуазные социологи.

«Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии», — писал Ленин. Он пояснял далее, в чем состоит этот научный метод, который отвергает взгляд на общество как на «нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов»³⁷. Нельзя точнее определить главный порок современной буржуазной социологии. Произвольных комбинаций отдельных общественных элементов нет в историческом процессе, несостоятельны они и в научном социологи-

³⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 165.

ческом исследовании. Между тем современные буржуазные социологи оперируют именно методом искусственного отделения одних элементов общественной жизни от других, умалчивания об основных, определяющих социальных отношениях и подчеркивания второстепенных и третьестепенных явлений. Буржуазных теоретиков несколько не спасают различные концепции «коллективной психологии» и изучение психологии коллективов.

Основной грех всех современных буржуазных исследований социальной психологии состоит, во-первых, в идеалистическом отрыве психологии от действительности, в идеалистическом взгляде, согласно которому психика способна творить общественные отношения. Во-вторых, социальные психологи чрезвычайно переоценивают значение и роль иррациональных моментов в сознании масс. Эта тенденция находится в неразрывной связи с политическим мышлением буржуазии, которая всегда старалась показать свое пренебрежение к народным массам, к их сознательной исторической деятельности. Эта тенденция усугубляется также в результате засилья иррационализма в современной буржуазной идеологии. Изучение психических связей людей без анализа материальной основы этих связей даже в трудах наиболее добросовестных исследователей, которые меньше грешат этими пороками буржуазного психологизма, дает очень мало. С другой стороны, это открывает широкий простор для самых невероятных спекуляций. Приведем один пример. Контрасты и конфликты, подавления и возмущения, говорят современные буржуазные социологи, одинаково существуют как в жизни индивидуума, так и в жизни общества. Такова методика конструирования многих концепций современной «коллективной психологии». Известный американский социолог Страус-Хюпе, исходя из этой методики, следующим образом формулирует кредо многих современных буржуазных политиков: «Территориальные, экономические и даже идеологические вопросы, которые до этого (т. е. до «переворота» в науке, совершенного «социопсихологами». — Г. Ф.) рассматривались государственными деятелями и историками как причины конфликтов, теперь рассматриваются как проявление невроза, неспособности приспособиться к среде... В этом смысле подобные вопросы (территориальные, экономические и т. д. — Г. Ф.) сами по себе вообще не существуют»³⁸. Как поясняет далее Страус-Хюпе, все эти дотоле неразрешимые для буржуазных идеологов и политиков вопросы удалось легко «устранить» с помощью очень простого приема — «смелого прыжка от психологии индивида к психологии группы и даже... государства»³⁹.

³⁸ R. Strausz-Hupe. The Zone of Indifference. New York, 1952, p. 137.

³⁹ Там же, стр. 38.

Однако никакого «прыжка» тут не произошло. Это простое перенесение явлений психики индивидуума на все общество. Проповедовать подобные «теории» — значит возвращаться к донаучной стадии развития мировоззрения, к антропоморфизму. Идеализм в современных «психологических теориях» выступает еще более открыто, чем в «органических теориях» XIX в. У сторонников позитивизма в наше время он лишь слегка прикрыт психологической терминологией.

Анализируя итоги развития буржуазной социологии в XIX в., Ленин писал, что буржуазные теории представляют собой бесплодные, априорные рассуждения о том, что такое общество; вместо изучения и объяснения общественных явлений они только подсовывают под понятие общества буржуазные идеи⁴⁰. Так обстоит дело и с новомодными конструкциями «коллективной психики». «Подсовывание» под понятие общества априорных и бесплодных идей, самых пустых абстракций свойственно буржуазным социологам и сегодня.

В свое время Грамши отмечал, что без исторического материализма из социологии можно создать лишь «эмпирическую компиляцию практических наблюдений»⁴¹. Правильность этого заключения подтверждается увлечением современных западных ученых «эмпирической социологией». Но когда некоторые из них хотят подняться от компиляции эмпирических наблюдений в узкой сфере до теоретических выводов, их ждет провал. Грамши прав, когда он говорит, что «методом социальной математики и классификации по внешним признакам» можно создать лишь «абстрактную социологию»⁴². В этом и заключается своеобразный парадокс: объявляя себя эмпириками и сторонниками совершенно конкретных исследований, многие буржуазные социологи на деле создают пустейшие абстракции.

Взять хотя бы такое широко распространенное в нынешней социологии понятие, как «социальный престиж». Положение человека внутри группы определяется его «престижем», твердят многие социологи. Но это глубокомысленное изречение на самом деле пустая тавтология: положение определяется престижем, а престиж — положением. Из этого порочного круга нельзя выйти, если игнорировать классовую структуру общества и реальные формы классовой борьбы. Что такое престиж революционера, вождя рабочего класса, и престиж капиталиста? Это диаметрально противоположные явления. Как можно рассуждать о «социальном престиже» и затушевывать тот факт, что престиж капиталиста не существует без денег, без капитала? На многих примерах можно убедиться, что теоретические понятия современной буржуазной социологии лишены конкретности, они абстракт-

⁴⁰ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 142.

⁴¹ A. Gramsci. Oeuvres choisies. Paris, 1959, p. 131.

⁴² Там же, стр. 133.

тны, расплывчаты, хотя многие оперирующие этими понятиями называют себя эмпириками, рьяными поклонниками фактов.

Они даже расценивают этот поворот к эмпирическим обобщениям как важнейшую ступень в развитии социологии. Например, в специальном номере американского журнала «Социология и социальное исследование», посвященном важнейшим изменениям в социологии за последние 40 лет, американский социолог Тэйлор пишет: «По моему мнению, два великих шага вперед имели место в социологии за последние 40 лет — тот факт, что социальная теория стала менее философской и исторической..., а также то, что эмпирические исследования стали доминирующими»⁴³.

Современные позитивисты провозгласили, что превращению социологии в науку мешают философские и исторические концепции, которые якобы диктуют ученому предвзятые взгляды и сводят его работу к подыскиванию примеров, иллюстрирующих постулаты той или иной философской теории. Однако общественная наука не может существовать без философской теории. Вопрос состоит лишь в том, какая философская теория положена в основу: материалистическая теория, которая проверена фактами, жизнью, или идеалистическое учение, толкающее исследователя на ложный путь. Так же обстоит дело и с историческим подходом к явлениям общественной жизни.

Представители современной буржуазной социологии с гордостью заявляют, что они заняты конкретным исследованием нынешнего дня. Но что можно понять в сегодняшнем дне, утратив нить исторического развития? Ровным счетом ничего. О движении корабля мало что можно сказать, если нет возможности определить его местонахождение. Ленин подчеркивал как главный недостаток рассуждений буржуазных социологов «отсутствие исторической точки зрения и конкретности»⁴⁴. Историзм в рассмотрении явлений общественной жизни без анализа конкретных фактов сводится лишь к повторению общих положений, научный же анализ конкретных фактов невозможен без исторического подхода. Современные буржуазные социологи говорят, что они против «социальной статики», что они сторонники изучения «социальной динамики» и всякой мобильности. Сторонники буржуазных социологических школ заявляют, что они эмпирическим методом изучают «социальные изменения» в современном капиталистическом обществе, но ничего не желают знать о превращении доминирующего капитализма в империализм и об изменениях в самом империализме. Буржуазные социологи утверждают также, что они эмпирически изучают социальные слои современного общества на Западе, анализируют

социальные группы; но при этом они совершенно игнорируют основу социальной структуры общества, деление его на классы, закрывают глаза на классовую борьбу.

Нагромождение абстрактных терминов отнюдь не проясняет сущности общественных отношений, не вскрывает их основу. Все в них становится эфемерным, всякий материальный субстрат исчезает. Социолог может заниматься самыми сложными дефинициями, конструировать множество абстрактных, лишенных конкретного содержания понятий, не продвигая общественной науки ни на шаг вперед, обрекая ее на бесплодную умственную эквилибристику, лишь затемняющую социальную действительность с ее борьбой классов, сложными изменениями в соотношении классовых сил и судьбами человека в этой борьбе.

Утеря буржуазными социологами нити исторического развития проявляется, в частности, в том, что, по определению американского ученого Барнеса, исчезла как научная дисциплина так называемая историческая социология: «Она мертва, и все тенденции говорят против перспектив ее возрождения»⁴⁵. Социологи потеряли всякую связь с историей. Так называемые эмпирические, или конкретные, исследования вытеснили историзм из социологии, а без него не может быть глубоких конкретных исследований.

Претензия современных буржуазных социологов на то, что они будто бы освободились от влияния философских систем и изучают факты, одни только факты, смехотворна. Ее несостоятельность ясна, если взять главное направление современной буржуазной социологии — социопсихологическое.

Позитивистские социологи бихевиористского толка, например, подвергают количественному анализу исследуемые материалы. Используя при анализе поведения людей методику, построенную на применении статистики, они объявляют, что занимаются «точным» анализом социальных отношений. Но последние отнюдь не сводятся к психическим отношениям. Сознание лишь верно или неверно отражает эти отношения. Социологи этого направления, как видим, исходят из идеалистических теорий, хотя и откешиваются от философии вообще и от идеализма в частности. Применяемый ими метод никак не может дать точного анализа социальных отношений. Понять отражение, не изучая отражаемого, нельзя. Даже в изучении психической сферы эти социологи весьма далеки от точного анализа.

В сборнике «Состояние социальных наук», изданном в Чикаго в 1956 г., говорится: «Направление исследований было перенесено из области исторических, теоретических и философских интересов в область технического исследования специально раз-

⁴³ «Sociology and Social Research», vol. 40, N 6, Los Angeles, 1956, p. 412.
⁴⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 349.

⁴⁵ «Contemporary Sociology», ed. by J. S. Roucek. London, 1959, p. 266.

граниченных объектов, подчиненных детальному количественному контролю»⁴⁶. Конечно, исследования специально разграниченных объектов, подчиненных количественному контролю, могут и должны вестись. Но вопрос состоит именно в том, как социологи «специально разграничивают объекты» своего исследования, царит ли здесь произвол, субъективный метод или в основе лежит изучение объективных закономерностей общественного развития.

Между тем современные позитивисты часто используют математический метод для подмены анализа причинно-следственной связи описанием произвольно устанавливаемых связей между различными общественными явлениями. Разумеется, функциональные связи можно и должно устанавливать, но при этом нельзя игнорировать действительную основу этих зависимостей, фундаментальные закономерности развития общества. «Функциональное отношение как противоположное причинному отношению между переменными, — заявляет американский социолог Б. Хелперн, — например отношение между экономическим и религиозным факторами, может быть построено в любом направлении»⁴⁷. Таким образом, все равно, экономика ли определяет религию или наоборот. К таким выводам ведет предвзятая идеалистическая методология.

О степени «научности» исследований с применением математических методов в современной буржуазной социологии можно судить также по некоторым примерам, взятым из коллективного труда ряда известных американских социологов «Математическое мышление в социальных науках»⁴⁸. Среди проблем, рассматриваемых в сборнике, особое внимание уделяется математическим моделям, которые должны «описывать» те или иные социальные явления. В статьях Рашевского и Коулмэна разбирается так называемая модель распределения богатства. Посмотрим, с каких исходных позиций подходят ученые к конструированию моделей. Общество рассматривается ими как конгломерат взаимодействующих людей, каждый из которых имеет две характеристики — «способности» и «богатство». Разве это выделение двух характеристик — «способности» и «богатство» — не говорит уже о предвзятой точке зрения авторов? В этом отборе характеристик уже заложена мысль, что богатство создается способностями человека. И действительно, второй постулат гласит, что распределение богатства между двумя индивидуумами определяется разностью характеристик их способностей: обладающий большими способностями увеличивает свое богатство,

и наоборот. Исходя из такого рода постулатов, Коулмэн приходит к следующему весьма любопытному выводу: «Согласно модели, распределение богатства будет... сильно склоняться к индивидуумам с высокими способностями»⁴⁹. Итак, вывод ясен: богатство всегда в руках «индивидуумов с высокими способностями». Власть Рокфеллеров опирается ныне на «математические» подсчеты американских социологов. Богатство «склоняется к индивидуумам с высокими способностями», а буржуазные социологи «склоняются» к обслуживанию интересов этих «индивидуумов». А почему не подсчитали господ профессора, сколько способностей в массе трудящихся задушил капитализм, изуродовал или даже превратил в дурные наклонности? Если говорить о соотношении «богатства» и «способностей» в буржуазном обществе, то именно этот вопрос следовало выяснить.

Марксисты, разумеется, не отрицают необходимости применения математики, статистики к исследованию общественной жизни. Но оно должно исключать всякий произвол и быть объективным. Только в этом случае оно может способствовать открытию тех или иных общественных закономерностей. Однако у современных сторонников квантитативных методов в социологии математические формулы применяются по всем правилам субъективной социологии. Материал, обрабатываемый с помощью математических методов, получают очень часто в результате явно субъективистского подхода.

Сама постановка вопросов тем или иным социологом, направление его интересов и исследования предполагают определенные взгляды на явления общественной жизни, определенную теорию общественных явлений. Все дело в том, насколько правильно такая теория позволяет выделить некоторые процессы в общественной жизни, чтобы задавать вопросы для исследования именно этих процессов. Нужно представлять себе структуру общества в целом, чтобы иметь возможность выяснить, как вплетается в нее совокупность людей, выбранных для опроса. Буржуазные социологи применяют могучий аппарат современной математики к материалу случайному или произвольно подобранному. Они исследуют одинаковым образом и спрос на определенный сорт мыла, и желание (или нежелание) солдат носить во время отпуска военную форму, и влияние религиозности на интерес к классической музыке. Но результаты, полученные при анализе малых групп людей, часто искусственно выбранных, или при анализе второстепенных социальных явлений, обобщаются и разрастаются до суждений общетеоретического характера. На деле же исследование второстепенных социальных явлений непонятно без изучения основных, определяющих социальных отношений.

⁴⁶ «The State of the Social Sciences», Chicago, 1956, p. 4.
⁴⁷ «The American Journal of Sociology», LXIII, N 1, July, 1957, p. 5.
⁴⁸ «Mathematical Thinking in the Social Sciences», ed. by Paul F. Lazarsfeld. Glencoe, 1954.

⁴⁹ Там же, стр. 146.

Марксизм-ленинизм придает огромное значение исследованию конкретных явлений, фактов текущей общественной жизни. Однако он подчеркивает, что факты надо брать в исторически-конкретной обстановке, в их связи и перспективе, вскрывая тенденцию развития. Только тогда получается глубокий, научный анализ. Ленин, касаясь вопроса о группе европейских государств, которые характеризуются однородным этническим составом, в своей работе «Статистика и социология» писал: «Перед нами — тип того «национального государства», о котором так часто говорят, забывая в большинстве случаев исторически-условный и преходящий характер этого типа в общем капиталистическом развитии человечества»⁵⁰. Статистика, демография подтверждают непреложные факты об однородном национальном составе ряда буржуазных европейских государств, но правильно проанализировать эти цифровые данные нельзя, если отвлечься от процессов общего развития капитализма, не видеть места таких фактов в общем ходе развития.

Замечательным образцом конкретности социологического исследования являются все работы Ленина, посвященные вопросам общественного развития. В своем гениальном труде «Развитие капитализма в России» Ленин делает выводы о тенденциях общественного процесса, изучая конкретный материал, подвергая анализу статистические данные. Анализируя конкретный материал и выступая, например, против распространенного в земской статистике метода группировки крестьянских хозяйств по наделу, он пишет: «Пользуясь группировкой по наделу, мы складываем вместе бедняка, который сдает землю, и богача, который арендует или покупает землю; — бедняка, который забрасывает землю, и богача, который «собирает» землю; — бедняка, который ведет самое плохое хозяйство с ничтожным количеством скота, и богача, который имеет много скота, удобряет землю, вводит улучшения и пр. и пр. Мы складываем, другими словами, сельского пролетария с представителями сельской буржуазии. Получаемые от такого сложения «средние» *затушевывают разложение* и являются потому чисто фиктивными»⁵¹. Марксисты широко применяют в экономической науке метод группировки, но их анализ конкретных данных тем и ценен для практической деятельности, что вскрывает перспективу общественного развития, его тенденции.

Социологическое использование количественных показателей, статистических данных не может игнорировать качественные различия. Ленин, анализируя в цитируемой работе социальные группы крестьянства, указывает, что «мелкий сельский буржуа (и в России, как и в других капиталистических стра-

нах) соединяется рядом переходных ступеней с парцелльным «крестьянском» и с сельским пролетарием, наделенным кусочком земли. Это обстоятельство является одною из причин живучести тех теорий, которые не различают в «крестьянстве» сельской буржуазии и сельского пролетариата»⁵². Именно методом формальных сопоставлений, методом, оставляющим вне поля зрения качественные различия, тенденции и перспективы общественного развития, оперируют многие современные буржуазные социологи, совершенно искусственно составляя некий «единый средний класс», включающий в себя определенные слои и буржуазии, и пролетариата. Но у современных любителей составлять «единый средний класс» нет даже такой «точки опоры», которая имела у народников.

Научный анализ конкретных данных доведен Лениным до чрезвычайной точности и тщательности, до ювелирной тонкости. Стоит напомнить, как Ленин анализирует изменяющуюся роль семейного труда кустарей, какой огромной силой отличается его социологический анализ различных групп наемных рабочих в России конца прошлого века. Ленин вскрывает перспективы развития рабочего класса в стране, что дает возможность правильной ориентировки для партии, для ее борьбы. Какой бы ни взять конкретный факт или процесс общественной науки капиталистического общества, разобранный Лениным, всякий раз мы увидим, что он выступает против анализа изолированных фактов, за изучение перспектив и тенденций в развитии общества.

Этим путем изучал Ленин и конкретные явления жизни нового общества, Советской страны.

Возьмем относящуюся к послеоктябрьскому периоду замечательную работу Ленина «Великий почин», основанную на анализе конкретных фактов действительности. В этой работе Ленин с удивительной глубиной формулирует социологический закон, гласящий, что в конечном счете коренное преимущество нового общественного строя раскрывается в том, что его социальная организация, его новые формы организации труда позволяют добиться нового подъема производительности труда. Ленин дает глубокую и точную характеристику крепостнической и капиталистической организации труда. К этим блестящим обобщениям, посвященным важнейшей проблеме исторического материализма, Ленин идет от анализа явлений, тенденций и перспектив развития нового общества. «Великий почин» содержит анализ совершенно конкретных фактов советской действительности. Ленин тщательно анализирует сообщения печати с 17 мая по 8 июня 1919 г. о коммунистических субботниках. Этому посвящены первые страницы «Великого почи-

⁵⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 354.

⁵¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 94.

⁵² Там же, стр. 308.

на». «Я привел с наибольшей подробностью и полнотой сведения о коммунистических субботниках. — пишет он, — ибо здесь, несомненно, мы наблюдаем одну из важнейших сторон коммунистического строительства, на которую наша печать обращает недостаточно внимания и которую мы все недостаточно еще оценили»⁵³.

Ленин анализирует приведенные им материалы в свете задач перехода от капитализма к социализму, развивая учение о диктатуре пролетариата, давая свое широко известное определение классов, указывая особенности социального и экономического развития России и ставя многие другие важнейшие вопросы, относящиеся к этой теме. Так анализирует Ленин конкретные факты, определяет их историческое значение, оценивая их в связи как с предшествующим развитием общества, так и с перспективами его развития. Ленин показывает, что это не изолированные, отдельные факты, а конкретное проявление важнейших общественных закономерностей. Краткий вывод, сделанный Лениным, гласит: «Коммунистические субботники» именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни»⁵⁴. И сегодня, строя коммунистическое общество в нашей стране, партия руководствуется этими гениальными ленинскими мыслями.

Факты социальной жизни нашей страны в 1919 г., которые поверхностному буржуазному «наблюдателю» могли показаться маловажными, если их брать изолированно, вне связи с историческим процессом, с развитием общества, на самом деле, как показывает Ленин, имеют громадное значение. Ленин пишет, что «первый коммунистический субботник, устроенный 10 мая 1919 года железнодорожными рабочими Московско-Казанской железной дороги в Москве, имеет большее историческое значение, чем любая победа Гинденбурга или Фоша и англичан в империалистской войне 1914—1918 годов»⁵⁵. Вместе с тем Ленин подчеркивает, что дело здесь в научном определении, анализе сущности этого явления: «Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками. Неизбежно, что некоторые из них погибнут. Нельзя ручаться, что именно «коммунистические субботники» сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь

отберет самые жизнеспособные»⁵⁶. В этом ленинском завете содержится важнейшее указание для общественной науки, которая должна вскрывать тенденции развития, выявлять его перспективы. Труды Ленина служат каждому стороннику научного метода в социологии непревзойденным образцом того, как вести глубокое исследование конкретных социальных явлений. Дело не меняется от применения к социологическим исследованиям новейших математических методов. Следует добиваться, чтобы эти исследования освещали путь человечеству, идущему вперед.

Исторический материализм показывает, как в общественной науке должно достигаться понимание единства общего, особенного и единичного. Нельзя изучать общие закономерности социального развития, не изучая их конкретного проявления, не умея правильно анализировать особенности исторического процесса и даже единичные факты. Противопоставление теории и конкретного исследования при изучении общественных явлений реакционно.

Глубочайший анализ явлений общественной жизни, в том числе и всех конкретных особенностей политических и экономических событий, позволил партии, руководимой Лениным, повести массы трудящихся на штурм капитализма. Все этапы строительства нового общества являются одновременно важнейшими этапами разработки марксистско-ленинской теории, вехами в изучении закономерностей становления и развития социалистического строя. В Программе КПСС и других партийных документах подвергнуты анализу важнейшие процессы современной общественной жизни. На основе глубокого социологического анализа выдвинуты исключительной практической и теоретической важности положения о строительстве коммунистического общества в нашей стране. Научное исследование экономики и социальных явлений нашей жизни лежит в основе разработки грандиозных планов. Органическая связь с жизнью, с практикой народных масс — характерная черта марксистско-ленинской теории, деятельности ленинской партии, показывающая ее величайшую силу. Эта сила и определяет развитие современной социальной мысли, устраняющей все отжившие, реакционные взгляды и неуклонно идущей вперед.

⁵⁶ Там же, стр. 20.

⁵³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 12—13.

⁵⁴ Там же, стр. 18.

⁵⁵ Там же.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ЛЕНИНСКАЯ МЫСЛЬ УКАЗЫВАЕТ ДОРОГУ ПРОГРЕССА

Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами.

В. И. Ленин

Характерная черта духовного развития современного человечества состоит в том, что люди в различных краях земли все яснее понимают, что Советский Союз решает огромные задачи производства, использования сил природы, развития общественных отношений, воспитания человека. Чем яснее понимают массы эти задачи, тем яснее для них перспективы исторического развития, их собственной деятельности и борьбы за будущее. И если говорить об идеологической борьбе современности, то надо отметить, что наши недруги всех мастей стараются в первую очередь как-нибудь принизить историческое значение труда советского человека, решающего величественные задачи. Буржуазные теоретики, а за ними и всякого рода ревизионисты, отступники от марксизма-ленинизма, мелкобуржуазные идеологи, смотрящие на мир только со своего порога, только через свое оконце, — все они хотели бы скрыть от человечества, что час решения великих задач пробил. Сколько денег и сил тратится на то, чтобы скрыть от трудового люда за рубежом правду об успешном решении этих задач миллионами советских людей! В этом суть современного антикоммунизма, направленного против людей, борющихся за коммунизм. Буржуазные теоретики хотели бы скрыть тот факт, что вся история общественной мысли есть история мучительных поисков, тяжелых ошибок и блужданий, пока человечество выдвинуло эти задачи, а затем подошло к их решению.

Еще на заре новой истории, когда общество сбрасывало оковы крепостничества, перед ним стали возникать сложные вопросы, которые тогда никто еще не мог решить. В ответах слышалось лишь смутное предчувствие тех огромных возможностей человека, которым суждено было проявиться лишь столетия спустя.

В ходе многовековой борьбы с природой еще на закате средневековья встал вопрос о возможностях изменять свойства вещества, придавать ему новые, нужные свойства. Люди знали великую силу огня, им было знакомо литье, они догадывались о качественных изменениях, возникающих при смешении различных веществ. У печей, около реторт проводили дни и ночи алхимики в надежде искусственным путем получить золото. Они рассчитывали на чудо: до науки с ее законами им было далеко. Им казалось, что надо найти чудесный «философский камень». Тогда можно будет делать золото. Золото... В то время все на него покупалось, все продавалось. голый чистоган начал свое победное и страшное шествие. Алчность тлела и разгоралась в душах людей, как угли в печах алхимиков.

Но один смелый ум — английский гуманист Томас Мор, написавший в XVI веке рассказ о далеком счастливом острове, на котором нет частной собственности, нет нищеты и угнетения. — утверждал со злой иронией, что там люди из золота делают... ночные горшки. Появилась мысль, что может существовать мир, в котором нет власти денег. Возникла идея об освобождении общества от уродливой частнособственнической корысти. Однако мечта о коренном изменении общественного строя была тогда столь же смутной, как и надежда изменить свойства вещества.

В то время родилась и другая смелая мечта — о возможности изменения качеств самого человека. Ее наиболее ярко выразил чешский просветитель XVI—XVII вв. Ян Амос Коменский. Он думал о возможности «всеобщего исправления» людей, чтобы в них «не осталось и следа испорченности». Это тоже была лишь смутная догадка о будущем. Впоследствии буржуазные мыслители, обсуждая этот вопрос, попали в порочный круг: чтобы изменить человека, рассуждали они, надо изменить условия, его «среду», а чтобы изменить среду, надо изменить человека.

Новая история ведет свой рассказ о том, как человечество отказалось от поисков «философского камня» алхимиков, как оно создало науку о природе, а затем подлинную науку о развитии общества, о человеке как социальном существе. Три мечты слились тогда воедино: переделка природы в интересах человека, переделка общественного строя также в интересах трудящегося человека, переделка самого человека, освобождение его от всех моральных и психических увечий, нанесенных эксплуататорским строем. Была выработана философия, которая

объединила эти три задачи, обосновала теоретически их постановку, показала практический путь их решения. Марксизм доказал, что человек не сможет стать подлинным хозяином сил природы, пока он будет скован цепями наемного рабства, пока не создаст на земле строй, для которого эксплуатация будет такой же дикостью, какой стало людоедство для народов, перешагнувших порог цивилизации. Тогда и сам человек изменится. Тогда начнется новая эра в истории общества, в истории науки и техники, в развитии человека. Так была создана научная теория прогресса, охватывающая экономический, социальный, политический, интеллектуальный и моральный прогресс общества.

Какой путь ведет человечество к решению задач, поставленных всей его историей? И на этот вопрос рабочий класс, трудящиеся узнали ответ.

В. И. Ленин охарактеризовал этот ответ всего в нескольких строках: «Об уничтожении «сразу» всей и всякой эксплуатации давно уже, много веков, даже много тысячелетий мечтает человечество. Но эти мечтания оставались мечтаниями до тех пор, пока миллионы эксплуатируемых не стали объединяться во всем мире для выдержанной, стойкой, всесторонней борьбы за изменение капиталистического общества в направлении собственного развития этого общества. Социалистические мечтания превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда научный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса. Вне классовой борьбы социализм есть пустая фраза или наивное мечтание»¹.

Итак, с возникновением марксизма социализм стал наукой, ибо связал преобразовательные стремления с борьбой рабочего класса за изменение капиталистического общества в направлении собственного развития этого общества. Марксизм показал, что решение вопросов прогрессивного развития общества неизбежно предполагает решение проблемы соотношения экономики и политики, т. е. требует четкого определения поведения и действия масс, которые должны преобразовать мир.

В самом деле, основой социалистической революции является конфликт между производительными силами и сковывающими их развитие буржуазными производственными отношениями. Без революционного действия масс этот конфликт не может разрешиться, старые производственные отношения не могут быть устранены. Для коренной перестройки общества необходимо, чтобы рабочий класс овладел политической властью, в корне изменил политическую организацию общества, которая служит власти капитала. Следовательно, для того, чтобы отчет-

ливо видеть дорогу прогресса и уверенно идти по ней, необходим был точнейший анализ не только развития конфликта между производительными силами и производственными отношениями в новых исторических условиях, но и всей сферы политики, включая расстановку социальных, классовых сил на каждом этапе общественного развития. Требовалось решить вопросы о характере соотношения революции и войны, вопрос о том, когда социалистическая революция неизбежно принимает форму вооруженного восстания и когда возможны ее относительно мирные формы. Все подобные вопросы стали вопросами прогрессивного развития человечества, и на них дал ответ ленинизм.

К социалистической революции в ходе глубоких политических конфликтов приближаются страны и народы, у которых капитализм достиг высокой стадии развития, это показали Маркс и Энгельс. Каков же путь прогресса для тех народов, которые еще в той или иной степени, но все же опутаны ржавыми цепями феодализма и стальными цепями капитализма?

Решение этого вопроса касается судеб большинства человечества. И на этот вопрос дал ответ ленинизм. Ответить на этот вопрос стало возможным на основе изучения исторического опыта страны, в которой имелся высокоразвитый, сознательный и организованный рабочий класс, способный вести трудящихся на социалистическую революцию, а вместе с тем в целом в этой стране существовали многочисленные феодальные пути, индустриальные центры были островами в безбрежном море мелких и мельчайших крестьянских хозяйств. Такой страной была Россия, в ней действовали Ленин, партия большевиков. Исторический опыт именно этой страны помог решить в основном важнейшие вопросы прогрессивного развития всего человечества, передовых стран капитализма с их развитым рабочим классом и крестьянских стран, оттесненных с пути прогресса, отставших в технико-экономическом отношении. Теория прогресса, теория исторического процесса и теория мирового революционного процесса сливались воедино.

Важнейшим вопросом этой единой теории, охватывающей все стороны развития человеческого общества, становился вопрос о ходе и этапах мирового революционного процесса, вовлекающего все население земли. Мелкобуржуазным революционерам мировой революционный процесс представлялся как ряд разновременных актов отдельных вооруженных восстаний. Маркс и Энгельс показали антинаучность подобных представлений. Они считали, что революция должна победить в нескольких передовых капиталистических странах. Это была постановка вопроса, обоснованная для эпохи домонополистического капитализма. С наступлением периода империализма, огромным усилением неравномерности в развитии капитализма

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 45.

появилась реальная возможность победы социалистической революции первоначально в одной стране и исчезла возможность ее победы одновременно во всех передовых капиталистических странах. Вместе с тем появилась и новая расстановка сил, борющихся за социализм. Рабочий класс легче добивается победы в такой стране, у буржуазии которой меньше возможностей подкупать верхушку своих рабочих. Такой страной была Россия в первых десятилетиях XX века. Эту историческую возможность вскрыл и максимально использовал Ленин, большевики, показав путь прогресса всему человечеству.

Не менее важным вопросом прогресса стал вопрос о том, как идти человечеству вперед, после того как один из отрядов мирового рабочего класса прорвал цепь империализма. На этот вопрос ленинизм должен был дать ответ в ходе исторического развития. Неоспоримый вывод заключался в том, что судьбы человечества, мирового революционного процесса неразрывно связаны с судьбой, развитием, укреплением системы общественной собственности, возникшей на земле. Каков этот путь превращения социализма в мировую систему, что означает для человечества и для дела прогресса это превращение, каково дальнейшее направление развития мировой социалистической системы и в чем состоит ее влияние на мировой революционный процесс? Без решения этого круга вопросов невозможна современная теория прогресса, освещающая путь человечества вперед. Сторонники буржуазных и мелкобуржуазных взглядов всячески принижают значение мировой системы социализма для всего исторического процесса в целом. Практика показала, что мировая система социализма, включающая страны высокого индустриального развития, способна оказывать решающее влияние на весь ход мировых событий. Кое-кто хотел бы уничтожить и перспективы развития системы социализма. Ссылаясь на то, что сейчас невозможен совершенно одновременный переход всех стран ко второй фазе нового общества, к коммунизму, они предлагают задержать такой переход и в тех странах, в которых он созрел. Они противопоставляют движение вширь движению вперед, не понимая, что прогресс сегодня предполагает оба направления, и если социализм не будет идти вперед, то и его движение вширь неизбежно затормозится. Такова одна из важных формул современного прогресса.

Движение к коммунизму есть разрешение важнейших, узловых вопросов прогресса. Это, во-первых, вопросы использования могущественных сил природы на благо всему обществу и каждому его члену, вопросы, говоря другими словами, создания материально-технической базы коммунизма. Так разрешается важнейшая проблема экономического прогресса, а вместе с тем устанавливается направление научно-технической революции, которую переживает современное человечество. Это, во-

вторых, вопросы развития коммунистических общественных отношений, ликвидация различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом в обществе, в котором нет классов. Вместе с тем пролагается путь к коммунистическому общественному самоуправлению, которое заменяет государственную власть. Таким образом, решается проблема социального и политического прогресса. Это, в-третьих, вопросы воспитания нового человека, т. е. коренные вопросы интеллектуального и морального прогресса. Строительство коммунизма — важнейший этап в прогрессивном развитии общества, а вместе с тем это достройка научной теории прогресса. Без этого сегодня человечество не может идти вперед, ибо время стихийных блужданий уходит в прошлое, наступило время высоко-сознательной исторической деятельности народных масс, во главе которых идет рабочий класс.

Коротко охарактеризовать некоторые из этих вопросов, поставленных и решенных современной социальной мыслью, — задача последующих глав.

Глава первая

СОЦИАЛЬНАЯ МЫСЛЬ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРАКТИКА

Для того чтобы воплотилась в жизнь величайшая по своему значению для человечества историческая тенденция развития, чтобы усиливались активные действия рабочего класса и всех трудящихся масс, чтобы развернулась их выдержанная, стойкая, всесторонняя борьба за изменение капиталистического общества в направлении собственного развития этого общества, необходимы были напряженные идеологические битвы за освобождение рабочего движения от влияния буржуазной идеологии, привычных шаблонов буржуазного мышления. Согласно буржуазным воззрениям, признание объективного хода общественного развития неизменно сопряжено с принижением значения сознательной деятельности людей. В этом был важнейший порок буржуазного механистического, метафизического материализма, как отметил Маркс в своих тезисах о Фейербахе. С другой стороны, признание роли сознательной, творческой деятельности людей в историческом процессе сопряжено было у буржуазных идеологов с отрицанием объективных закономерностей, с волюнтаризмом и различными формами субъективизма.

Оба эти шаблона были особенно вредны, когда в своем развитии общество подходило к кануну социалистической револю-

ции, когда пробуждалась гигантская социальная энергия трудящихся масс для разрушения старого и созидания нового строя на земле. Пробуждение, организация и направление этой великой энергии масс стали важнейшими вопросами социальной мысли. Преодоление шаблонов буржуазного мышления, идейного влияния буржуазии на рабочий класс было одной из насущных задач, решения которой требовало историческое революционное действие масс.

Теория борьбы,
а не преклонение перед стихийностью

Между тем относительно мирный для рабочего движения промежуток времени после восстания парижского пролетариата в 1871 г. и до начала революции в России в 1905 г., до первой мировой войны и революции 1917 г. был отмечен усилением буржуазного влияния на рабочий класс в передовых капиталистических странах. Это проявлялось в нарастании опасности оппортунизма, который, прикрываясь марксистскими фразами, под флагом марксизма старался протащить идею «врастания капиталистического свинства» в социализм, как говорил Энгельс.

Немецкий буржуазный профессор Вернер Зомбарт так характеризовал положение социальной мысли и социального движения после смерти Ф. Энгельса, к началу XX в.: «Социальное движение, — и этот момент мне кажется самым важным и значительным во всем перевороте, — стало прежде всего, употребляя и на этот раз для краткости общеизвестное выражение, эволюционистическим: революционизм, нераздельно господствовавший до тех пор, т. е. мысль, будто можно делать революцию, был в принципе оставлен, изжит. Теперь, когда была познана зависимость социального движения от экономического развития и, следовательно, экономическая обусловленность и всякой революции, массами должно было, правда, овладеть чувство уверенности в том, что «эмансипация» их должна наступить «с естественной необходимостью», но зато, с другой стороны, были подавлены все стремления посредством восстаний и уличной борьбы добиться освобождения»¹.

По мысли Зомбарта, революционность осталась только на долю анархистов, «путчистов», мировоззрение которых неразрывно связано с идеализмом. На самом деле в условиях господства оппортунизма анархисты, левые фразеры пытались присвоить себе монополию на революционную деятельность, выдать авантюризм и волюнтаризм за революционность. Но

¹ Вернер Зомбарт. Фридрих Энгельс. Из истории развития социализма. Пг., 1918, стр. 37.

Зомбарт, верный своей буржуазной концепции, заявляет, будто прежние революционные тенденции изживаются в социальном движении, так же как они якобы «изжиты» в социальной мысли, в «теоретическом понимании социальных процессов». Уже в мировоззрении Маркса и Энгельса элементы революционные, уверяет Зомбарт, сохранялись лишь пережиточно, как остатки революционных бурь середины века. С немецким буржуазным профессором, увы, согласны были и многие теоретики II Интернационала.

Зомбарт считал, что «марксизм» (на самом деле оппортунизм), отказавшись от идеализма и революционности, введя «экономическое понимание истории», собственно, выполнил свою миссию в истории социальной мысли и социального движения. «Содержание идей марксизма, по-видимому, истощено для дальнейшего развития, — писал Зомбарт. — Требуются новые люди со свежими идеями. Есть ли они?» В частности, Зомбарт подчеркивает, говоря о необходимости «новых идей» в марксизме: «У порога крестьянства ему придется решать свою будущую судьбу. Если решение и не так просто, как это вообразают некоторые профессора-аграрии: промышленность социалистична, сельское хозяйство индивидуалистично (в Италии, Венгрии и еще кое-где мы находим очень сильное коллективистическое аграрное движение), то все же кажется, что старая марксистская мудрость сильно нуждается в новых идеях, чтобы и старое не потеряло своего значения»². Зомбарт по-своему прав, ибо оппортунизм, действительно, выполнил свою «миссию», его отличие от буржуазных теорий становилось все меньше и меньше. Среди многих других проблем, недоступных для оппортунистов, Зомбарт правильно нащупал крестьянский вопрос, который имел огромное значение для ряда стран Европы, не говоря уже о колониях. В общем буржуазный теоретик довольно ясно чувствовал слабость своего ближайшего союзника — социал-оппортунизма.

Важной задачей в идейной жизни человечества стала борьба за то, чтобы лишить всякого кредита это оппортунистическое течение социальной мысли, показать, что оно в корне противоречит марксизму, его действительной революционной сущности, что оппортунизм означает полнейшую деградацию самой социальной мысли. Для этого нужны были новые люди, могущие решительно порвать с центризмом, с примиренчеством к оппортунизму, которым отличались деятели II Интернационала. Нужны были новые люди, которые могли бы охарактеризовать новую историческую обстановку, указать возможности, которые эта обстановка таит в себе для деятельности рабочего, всех трудящихся масс.

² Там же, стр. 46.

В своей статье 1899 г. «Наша программа» Ленин подчеркивал историческую необходимость творческого развития марксизма: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»³. Но именно ревизионизм, оппортунизм был преградой на пути творческого развития марксистской мысли. Ревизионизм звал не вперед, а назад. «Назад, к Канту!» — провозглашали, например, ревизионисты, стремясь в развитии социальной мысли вернуться вспять, воскресить те или иные доктрины, ставшие уже давно пройденным этапом.

Социальная мысль, которая порывала с революционным социальным действием, теряла всякую возможность для своего развития. Только указывая путь действия масс, только обобщая полученный исторический опыт борьбы рабочего класса, могла развиваться социальная мысль. Другого пути вперед у нее не было. Все остальные пути вели вспять, к возрождению несколько измененных и подновленных старых, уже исчерпавших себя теорий общественного процесса.

Социальная мысль до возникновения марксизма развивалась на скудной почве, ее соки не были богаты, общественные условия были еще не развиты, а реальная сила, способная в корне преобразовать общество, отсутствовала. Почва для развития социальной мысли изменилась, когда общественные условия развились настолько, что на исторической арене появился рабочий класс, который повел упорную борьбу за свое освобождение и за освобождение всего человечества от эксплуатации, от последней возможной в истории общества формы угнетения — от буржуазного способа производства. Укрепление связи социальной мысли с революционной борьбой рабочего класса означало расширение возможностей развития и самой социальной мысли. Возможно было и движение вспять к различным формам мелкобуржуазного социализма, поскольку в капиталистическом обществе оставалась мелкая буржуазия, оставались крестьянские массы, а значительные слои рабочего класса были заражены мелкобуржуазными настроениями. Но в этом случае социальная мысль перестала бы выражать прогрессивные тенденции развития общества. Развитие социальной мысли по такому руслу не содействовало бы отрыву мелкобуржуазных слоев от влияния могущественного капитала, а вело бы к укреплению его воздействия на эти слои. Отрыв социальной мысли от задач революционной борьбы рабочего класса

неизбежно мог означать только усиление реакционного влияния буржуазной идеологии, распространение догматов социальной философии буржуазии, тупик для развития самой социальной мысли, ее неминуемую деградацию. Для рабочего класса тупик социальной мысли означал бы тяжелейшие испытания, длительные блуждания, утерю правильной ориентации в борьбе. Вот почему В. И. Ленин выступил так энергично против всяких попыток, как он писал в 1899 г., «вести рабочее дело, не стремясь слить его с социализмом, не стремясь превратить рабочее дело в передовое и насущное дело всего человечества»⁴. Превращение рабочего дела в передовое и насущное дело всего человечества, слияние рабочего дела с социализмом — вот что гарантировало развитие социальной мысли и социального движения.

Чем большее значение приобретала деятельность масс, их высокая сознательность и организованность, тем большую опасность для рабочего движения представлял «хвостизм». В истории социал-демократического движения в России, как указывал Ленин, эта опасность проявилась уже в начале века, в 1901—1902 гг. «Хвостизм» выступал тогда под знаменем «экономизма» с отрицанием значения политической борьбы. «Экономисты», а впоследствии сменившие их на политической арене меньшевики и ликвидаторы приходили к теории стихийности, отделялись ссылками на объективную закономерность исторического процесса и замалчивали, что деятельность народных масс есть важнейший фактор процесса общественного развития. Так «хвостизм» неизбежно становился ревизионизмом, «пересмотром» важнейших положений марксизма.

При этом ревизионисты спекулировали на том, что революционные бури 1848 г. отошли, что наступили новые исторические условия, что, следовательно, марксизм должен быть дополнен новыми положениями, соответствующими новым временам. Эти ссылки ревизионистов на изменение исторической обстановки показывали, что ревизионизм можно разбить лишь с позиций творческого марксизма, дав глубокий научный анализ новых явлений, возникших в жизни общества, указав, какое значение эти явления имеют для деятельности масс, для их борьбы против эксплуататорского строя, для перспектив общественного развития от капитализма к социализму.

Что же касается самих ревизионистов, то Ленин писал о них: «И мы спрашиваем теперь: что же внесли нового в эту теорию те громогласные «обновители» ее, которые подняли в наше время такой шум, группируясь около немецкого социалиста Бернштейна? *Ровно ничего*: они не подвинули ни на шаг

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 184.

⁴ Там же, стр. 272.

вперед той науки, которую завещали нам развивать Маркс и Энгельс; они не научили пролетариат никаким новым приемам борьбы; они только нитились назад, перенимая обрывки отсталых теорий и проповедуя пролетариату не теорию борьбы, а теорию уступчивости — уступчивости по отношению к злейшим врагам пролетариата, к правительствам и буржуазным партиям, которые не устают изыскивать новые средства для травли социалистов»⁵.

Ленин прекрасно показывает в этих словах, что значит действительно развивать марксистскую теорию. Это значит, в первую очередь, развивать *теорию борьбы*, учить пролетариат новым *приемам борьбы*, вытекающим из новой обстановки. Иначе и не может развиваться марксистская теория, являющаяся руководством к действию. Ревизионисты учили свертыванию борьбы, вели дело к ликвидации революционной исторической деятельности масс. Чтобы социальная мысль развивалась, нужна была беспощадная война буржуазному объективизму, реакционному и антинаучному представлению, согласно которому сами объективные законы социального развития путем постепенных изменений, реформ, без активной революционной деятельности рабочего класса будто бы приведут общество к социализму. Торжество такого тезиса, повторяем, означало бы движение социальной мысли вспять.

К тому времени марксистские положения, вскрывающие закономерности исторического развития, распространялись все шире и среди буржуазной интеллигенции. Появилось, по замечательному выражению Ленина, «отражение марксизма в буржуазной литературе». Это было в значительной мере новое явление по сравнению с периодом жизни и деятельности Маркса и Энгельса. «Легальные марксисты» не прочь были заимствовать некоторые положения общественной теории Маркса, но наотрез отказывались признавать социалистическую революцию и диктатуру пролетариата. Борьба Ленина против «легального марксизма» имела огромное принципиальное международное значение. Отражения марксизма в буржуазной литературе имелись (и поныне имеются) в западных капиталистических странах. Ленин научил отличать эти «отражения» от действительного марксизма, показал всю опасность выхолащивания из научной теории Маркса ее революционного содержания. Назначение таких теорий, заимствующих кое-что из марксизма, состояло в том, чтобы парализовать волю трудящихся масс к борьбе. К буржуазным теоретикам такого толка тесно примыкают и различные виды оппортунизма. Его представители также усвоили некоторые положения марксизма, но не желали признать закономерной и необходимой революционную

деятельность масс. Иные грешили при этом «экономическим материализмом», ссылались на самодвижение производительных сил и сбрасывали со счетов в анализе исторического процесса рабочий класс, массы трудящихся, их активную революционную борьбу. Это было возвращением от Маркса к традициям механистического материализма.

Предшествующая история социальной мысли показала, что попытки приложения механистического материализма к анализу явлений общественной жизни не дают глубокого объяснения этих явлений, не вскрывают самодвижения социального целого и в конечном счете приводят к капитуляции перед идеализмом. Так было и с оппортунистами, придерживавшимися метафизических взглядов, стоявших на позициях механицизма, «экономического понимания истории». Они широко распахивали двери идеализму в объяснении исторических явлений.

Они утверждали, будто Маркс и Энгельс не создали философии, их политическое учение якобы можно соединить с любой модной буржуазной философской системой. Оппортунисты, сползавшие к идеализму, отказывались от элементарного положения материализма, гласившего, что для изменения человека нужно изменить условия, в которых он живет. Отказ от признания значения революционной деятельности масс тянул их назад. Они приходили к мысли, что достаточно перестроить сознание людей. В первую очередь надо изменить мораль людей, утверждали сторонники этического социализма. Что же касается идеалов социализма, то они недостижимы, это лишь маниящие идеальные цели, которые никогда не могут реализоваться, добавляли оппортунисты, зараженные неокантианством.

Буржуазные теоретики — проповедники идеализма — учли сложившуюся благоприятную обстановку для усиления пропаганды идеализма, который не встречал на своем пути достаточно сильных и непримиримых противников. Оживление идеалистических течений в среде интеллигенции, стремление заразить этими течениями и массы трудящихся были чрезвычайно заметны не только на Западе, но и в России. Повсюду большое внимание уделялось идеалистическому истолкованию явлений общественной жизни. Возникший в 90-х годах журнал «Северный вестник», посвященный пропаганде идеализма и мистики, проповедовал, например, такую идею: «Мы думаем, что механизм человеческой жизни заводится изнутри, из человеческого духа. А действовать внешними законодательными мерами — это значит только переводить стрелку отставших часов пальцем»⁶.

⁵ «Русская литература XX века (1890—1910)», под ред. проф. С. А. Венгерова, т. I. М., изд-во «Мир», стр. 246.

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 183.

Вопрос, однако, стоял не о том, чтобы с помощью реформ передвинуть пальцем стрелку отстающих часов. И не о том, чтобы начать «самоусовершенствование» всех и каждого винтика этого механизма. В повестке дня стоял вопрос о замене негодного механизма новым, о коренном преобразовании социальной жизни. Борьба за материализм против идеализма, за диалектику против метафизики и механицизма вступила в новую фазу, эта борьба неразрывно связана с научным коммунизмом, его творческим развитием, его победами в теории и на практике.

Пролетарская революционность против мелкобуржуазного революционаризма

Борьбы за диалектику и материализм, за их творческое развитие требовала и та битва, которую вел Ленин против левацких течений, объявивших, будто именно они и представляют собой революционное крыло рабочего движения, революционное русло социальной мысли. Ленин назвал эти течения «вульгарным революционаризмом» и показал внутреннее родство мелкобуржуазного реформизма и мелкобуржуазного революционаризма, которые выступают в рабочем движении наиболее отчетливо в переломные моменты истории. «Каждый своеобразный поворот истории, — писал В. И. Ленин, — вызывает некоторые изменения в форме мелкобуржуазных шатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата.

Мелкобуржуазный реформизм, т. е. прикрытое добренькими демократическими и «социал»-демократическими фразами и бессильными пожеланиями лакейство перед буржуазией, и мелкобуржуазный революционаризм, грозный, надутый, чванный на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле — таковы два «потока» этих шатаний. Они неизбежны, пока не устранены самые глубокие корни капитализма»⁷.

Анализируя гносеологические корни «вульгарного революционаризма», Ленин показал, что методологической основой этого течения социальной мысли является субъективный идеализм. Он подчеркивал, что для буржуазной идеологии эпохи империализма особенно характерен поворот к субъективному идеализму. Перед философией во весь свой рост встала задача дать научное понимание активной роли человеческого сознания и практической сознательной деятельности людей на основе объективных законов природы и общества. В пестром хороводе вокруг этих вопросов закружились различные школы и

школки буржуазной философии, особенно субъективно-идеалистического толка. В ходе ломки старых метафизических представлений они кричали о войне против догматов, а на деле старались лишить научное знание всех объективных ориентиров, восхваляли бездорожье, благословляли произвол буржуазной мысли, лишенной возможности донестись до истины. В искусстве и литературе под покровом все той же борьбы против окаменевших догматов все громче стала звучать проповедь полной безыдейщины, бессмыслицы как апофеоза «свободы творчества». Это были продукты распада, которые выделял загнивающий общественный строй. Перед лицом новых достижений науки, обороняясь от ее наступления по всему фронту, реакция прикрывалась щитом субъективного идеализма, объявляя открытые наукой объективные закономерности субъективными представлениями ученых.

Империализм — последняя стадия развития капитализма — отличается обострением его глубочайших противоречий, вызреванием социалистической революции, судорожными попытками реакции затормозить революционный процесс. Такой попыткой являлось и возрождение субъективно-идеалистических взглядов в философии и науке. К тому времени огромные производительные силы, разбуженные капитализмом, стимулировали развитие технической и естественнонаучной мысли. Более совершенная техника, в частности, означала новые требования к исследованию и новое вооружение исследователя, новые возможности эксперимента. Развитие естествознания, особенно физики, подошло к такому рубежу, когда подверглись ломке старые, механистические представления, уже не отвечавшие новым, полученным наукой данным. Эта ломка свидетельствовала о безграничных возможностях человеческого разума в познании объективной реальности. Реакция же заявляла, что это лишь доказательство возможности человеческого разума создавать, творить «картину мира», не достигая, однако, объективной истины.

Буржуазная проповедь субъективного идеализма, подкрепленная фальшивыми ссылками на достижения науки, не могла не влиять на неустойчивые мелкобуржуазные элементы, влившиеся в рабочее движение и склонные к «вульгарному революционаризму». Они считали, что если приходит пора действовать, то, следовательно, все дело зависит от субъективного фактора. Они не хотели говорить об объективных закономерностях, считая, что все дело зависит от представлений людей, т. е. отрицали эти закономерности. Возрождение субъективного идеализма в естественнонаучных теориях давало «вульгарному революционаризму» некую тень методологического обоснования. Бакунин и бакунисты не могли найти иного теоретического «обоснования», кроме неогегельянства; здесь же

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 101.

появлялось «научнообразное» оправдание. Теоретики, подпавшие под влияние буржуазных субъективно-идеалистических взглядов, не прочь были в политике занять «крайне левые» позиции, например требуя отзыва рабочих депутатов из Государственной думы, выступая против использования парламентских форм борьбы.

Ленин дал исчерпывающую критику стремлений возродить субъективный идеализм. Он разоблачил реакционную политическую сущность этого течения и вскрыл гносеологические корни современного субъективного идеализма, дал глубочайший анализ развития естественнонаучной мысли, философских проблем естествознания, особенно физики.

На протяжении всей своей жизни Ленин вел борьбу против всех и всяческих проявлений субъективизма в развитии социальной мысли, против любых ее отклонений в сторону субъективного идеализма. Эту борьбу он начал с критики субъективной социологии и народнического социализма.

В основе социологии «друзей народа» (Н. К. Михайловский и др.) лежало субъективно-идеалистическое мировоззрение, непризнание решающей роли экономических отношений в общественной жизни. Никто больше и громче представителей этого течения не говорил по всякому поводу о народе и никто вместе с тем не принижал так значение народных масс в истории, как сторонники субъективной социологии, выдвигая на первый план отдельные личности, «героев», противостоящих безликой толпе.

Эпигоны народнического социализма были носителями идей мелкобуржуазной революционности, противопоставляемой пролетарской революционности. Они отрывали крестьян от рабочих, крестьянское движение от рабочего движения, видели в крестьянском движении непосредственно социалистическое движение, рассматривали крестьянскую общину как наиболее подходящую ячейку социалистического общества.

Не понимая, что капитализм, который стал фактом российской действительности, является закономерной ступенью эволюции классового общества, они отрицали великое открытие Маркса — всемирно-историческое значение пролетарской классовой борьбы.

Эпигоны народнического социализма в России — социалисты-революционеры придерживались по вопросам социализма точки зрения, по выражению Ленина, детски наивного анархизма.

Ленин, большевики вели упорную борьбу против всех попыток вернуться к мелкобуржуазным теориям социальной мысли, которые принижают роль народных масс в историческом процессе, либо превознося до небес героев, либо восхваляя слепую стихийность, выступая против организованности и сознательности.

Борьба за высокую организованность и сознательность масс есть борьба за пролетарское руководство трудящимися, в первую очередь крестьянством, за идейное и политическое влияние партии рабочего класса на эти массы, против мелкобуржуазного социализма.

Борьба Ленина, большевистской партии против форм мелкобуржуазного социализма имеет и огромное международное значение. «За границей еще слишком недостаточно знают, — писал Ленин в 1920 г., — что большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против *мелкобуржуазной революционности*, которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует, которая отступает в чем бы то ни было существенном от условий и потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы»⁸. Ленин так объяснял в 1905 г. живучесть этой мелкобуржуазной революционности в нашей стране: «Отсталость России естественно объясняет большую прочность в нашей стране различных отсталых учений социализма. Вся история русской революционной мысли за последнюю четверть века есть история борьбы марксизма с мелкобуржуазным народническим социализмом»⁹. Особенно живучими оказывались формы мелкобуржуазного, «народнического социализма», поскольку оставалось крестьянское хозяйство, отсталые социально-экономические отношения.

Еще на II съезде РСДРП Ленин призвал партию добиваться, чтобы пролетариат стал вождем крестьянства в приближающейся революции. Ленин говорил тогда, что социал-демократия выступила на борьбу за крестьянские интересы и крестьянская масса привыкнет смотреть на социал-демократию как на защитницу ее интересов.

Борьба против мелкобуржуазного, «народнического социализма» отнюдь не была кратковременным эпизодом. Большевики повели величайшую историческую борьбу за завоевание трудящегося крестьянства, за союз рабочего класса с крестьянством, за правильное руководство той революционной энергией, которая веками накапливалась в крестьянстве. Без этой борьбы невозможно было создать тот революционный поток, который может смести сначала царизм, а затем после перегруппировки сил ликвидировать и власть капиталистов.

В. И. Ленин с неослабной силой в течение всей своей жизни продолжал борьбу против всяких проявлений субъективизма, субъективного идеализма и волюнтаризма в рабочем движении, против маскировки этих вреднейших течений под марксизм, против всех попыток затащить революционное движение к пропасти авантюризма и неизбежного поражения.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 14.

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 40.

На разных этапах революционного процесса ленинская партия вела беспощадную борьбу с «отзовистами», «левыми» коммунистами, троцкистами и другими любителями ультралевой фразы, разоблачая капитулянтскую сущность их взглядов.

Большое значение имеет борьба В. И. Ленина, партии против троцкизма, который всегда прикрывал свое капитулянтство левой и сверхлевой фразой. Троцкисты вели дело к ликвидации строительства нового общества, противопоставляя строительство социализма в СССР и интересы мировой революции. Троцкисты отрицали возможность построения социализма в одной стране, требовали экспортировать революцию, стимулировать мировой революционный процесс военным путем. Толкая под руку трудящихся нашей страны, троцкисты твердили: «Подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы». Мешая строительству социализма, они, точь-в-точь как последующие левые оппортунисты, заявляли, что внимание к вопросам хозяйственного строительства ведет будто бы к «сужению поля зрения, ослаблению революционного чутья». «Широкий» же революционный кругозор троцкистов сводился к непрерывной болтовне о мировой революции, к отказу от экономического, а следовательно, и политического укрепления социализма, к капитуляции перед империализмом. Разоблачая троцкистских капитулянтов, В. И. Ленин подчеркивал значение нашего хозяйственного строительства для развития мирового революционного процесса, укрепления экономического могущества Советской страны, связывая с этим реальные перспективы освободительного движения.

В. И. Ленин боролся с мелкобуржуазным левачеством не только внутри нашей партии, но и в мировом коммунистическом движении. Он разоблачал, например, такие проявления левачества в компартиях зарубежных стран, как отрицание парламентских форм борьбы, недооценка деятельности коммунистов в профсоюзах, пренебрежение борьбой за реформы, абсолютизация вооруженных форм классовой борьбы и т. д. Называя эти рецидивы левизны «детской болезнью», В. И. Ленин учил коммунистов видеть опасность такой болезни и своевременно излечивать ее, чтобы не скатиться к пустому фразерству и сектантству, к отрыву от масс, от подлинно революционного дела.

«Для настоящего революционера, — писал Владимир Ильич, — самой большой опасностью, — может быть, даже единственной опасностью, — является преувеличение революционности, забвения граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым

хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому. Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае, — но погибнут наверняка в том случае, — если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному»¹⁰.

В. И. Ленин раскрыл мелкобуржуазную природу левого оппортунизма, показав, что социальные корни левачества ведут к «взбесившемуся» от ужасов капитализма мелкому буржуа, мелкому хозяйчику, революционность которого неустойчива и поверхностна, которому не хватает пролетарской выдержки, организованности, дисциплины, стойкости. «Революционная фраза, — писал В. И. Ленин, — чаще всего бывает болезнью революционных партий при таких обстоятельствах, когда эти партии прямо или косвенно осуществляют связь, соединение, сплетение пролетарских и мелкобуржуазных элементов и когда ход революционных событий показывает крупные и быстрые изломы»¹¹.

Созданная В. И. Лениным Коммунистическая партия, все мировое коммунистическое движение выросли и закалились в непримиримой борьбе на два фронта: как против правого оппортунизма, ревизионизма, ликвидаторства, так и против левого оппортунизма, догматизма, сектантства. Не ломая этих преград на своем пути, социальная мысль не могла развиваться. Правый и левый оппортунизм вели в тупик и социальную мысль, и революционное дело.

Ныне задача соединения революционных сил в единый поток стоит не только в масштабе отдельных стран, но и во всемирно-историческом масштабе, поскольку широко развернулось национально-освободительное движение, крестьянское в своей основе. Сочетание этого движения с борьбой, которую ведет мировая система социализма — детище и высшее достижение всемирного рабочего класса, сочетание этого движения с борьбой труда против капитала, развертывающейся в капиталистических странах, — залог успехов мирового революционного процесса в целом.

В настоящее время, когда в мировой революционный процесс вливаются все новые отряды, в том числе в аграрных странах, опасность возрождения тех или иных идей мелкобуржуазной

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 223.

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 343.

революционности, противопоставляемой пролетарской революционности, научному коммунизму, становится вполне реальной. С помощью такого противопоставления империалистическая буржуазия хотела бы воздействовать в своих интересах на национально-освободительное движение, отделив его от борьбы международного рабочего класса, мировой системы социализма за построение нового общества.

Распространение подобных теорий вполне возможно, когда имеются предпосылки для усиления влияния мелкобуржуазных слоев. Ленин подчеркивал, что «отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового мировоззрения или отдельные лозунги, требования, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного мировоззрения вообще...»¹².

Ленин показал путь борьбы рабочего класса, идущего во главе всех трудящихся, обосновал значение для победы в этой борьбе крепкой политической организации рабочего класса, массовой партии пролетариата. Марксистско-ленинская партия, вооруженная научной революционной теорией, ведущая за собой рабочий класс, сплачивающая вокруг него крестьянство и все другие слои трудящихся, является важнейшим фактором исторического процесса в канун социалистической революции и в эпоху перехода от капитализма к социализму, когда приходит конец стихийным движениям трудящихся, когда во много крат возрастает значение их организованности и сознательности. Только так может быть пробуждена величайшая социальная энергия масс — творцов истории.

Разоблачение методологических основ лево- и правооппортунистических течений Лениным имеет для социальной мысли огромное значение, не преходящее до тех пор, пока существуют капиталисты и мелкобуржуазные слои. Такого успеха Ленин мог добиться, разрабатывая творчески вопросы материалистической диалектики, анализируя диалектику человеческого познания и диалектику природы и общества.

Путь развития социальной мысли в новую эпоху

Марксу и Энгельсу для того, чтобы двинуть вперед развитие социальной мысли, обеспечить ее коренной поворот, необходимо было сосредоточить внимание на материализме и диалектике, создать материалистическое учение о развитии общества, а для этого досконально изучить важнейшую сферу деятельности человека — производство.

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 65.

Для развития социальной мысли в новую эпоху — в канун социалистической революции Ленину также необходимо было сосредоточить свое внимание на всех трех составных частях марксистского учения — философии, политической экономии, научном коммунизме.

В самом капитализме развивались новые явления, говорившие об усилении и углублении общественного характера производства при наличии частного характера присвоения. Буржуазные теоретики заговорили о преодолении «теневых сторон индустриализма», о наступлении «эпохи организованного капитализма», о разрешении социальных проблем, об отмирании классовой борьбы и т. д. На самом деле это были признаки умирания капитализма, наступления кануна социалистической революции. Конечно, прогрессивное человечество, рабочий класс, трудящиеся были вооружены для того, чтобы найти объяснение и понимание наступившей эпохи, путей исторического развития и революционной деятельности угнетенных классов. Таким оружием было учение Маркса и Энгельса. Но необходимо было в связи с задачами эпохи далее творчески развивать марксизм, в том числе и его политическую экономии. Эту историческую задачу и выполнил Ленин, ставший в истории социальной мысли в один ряд с Марксом и Энгельсом.

Ленин продолжил работу основоположников марксизма по исследованию развития капитализма, показав необходимость борьбы рабочего класса за изменение капиталистического общества в направлении собственного развития этого общества. Путем анализа новой стадии развития капитализма — империализма Ленин показал, что наступил час решительных революционных действий, приблизился час решительных революционных действий рабочего класса, идущего во главе трудящихся масс. Это революционное действие основывается на объективных законах исторического процесса, идет в направлении собственного развития капитализма.

Характеризуя империализм, Ленин писал: «Получается гигантский прогресс обобществления производства. В частности обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований»¹³. Новая стадия капитализма значительно отличается от предыдущих этапов его развития: «Это уже совсем не то, что старая свободная конкуренция раздробленных и не знающих ничего друг о друге хозяев, производящих для сбыта на неизвестном рынке. Концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) в данной стране и даже, как увидим, в ряде стран, во всем мире. Такой учет не

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 320.

только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами»¹⁴.

Слияние банковского капитала с промышленным, образование финансового капитала, содействует процессу обобществления производства, развитию экономических связей между отдельными предприятиями и отраслями производства. Это замечали и некоторые буржуазные экономисты. Ленин цитирует на последней странице своего труда «Империализм, как высшая стадия капитализма» следующие слова поклонника немецкого империализма Шульце-Геверница: «...Если продумать до конца развитие тех тенденций, которые мы видели, то получается: денежный капитал нации объединен в банках; банки связаны между собой в картель; капитал нации, ищущий помещения, отлился в форму ценных бумаг. Тогда осуществляются гениальные слова Сен-Симона: „Теперьшняя анархия в производстве, которая соответствует тому факту, что экономические отношения разворачиваются без единообразного регулирования, должна уступить место организации производства. Направлять производство будут не изолированные предприниматели, независимые друг от друга, не знающие экономических потребностей людей; это дело будет находиться в руках известного социального учреждения. Центральный комитет управления, имеющий возможность обозреть широкую область социальной экономики с более высокой точки зрения, будет регулировать ее так, как это полезно для всего общества и передавать средства производства в подходящие для этого руки, а в особенности будет заботиться о постоянной гармонии между производством и потреблением. Есть учреждения, которые включили известную организацию хозяйственного труда в круг своих задач: банки“»¹⁵. Ленин по поводу этого обращения буржуазного экономиста к идеям Сен-Симона замечает: «Нечего сказать: хорошее «опровержение» Маркса, делающее шаг назад от точного научного анализа Маркса к догадке — хотя и гениальной, но все же только догадке, Сен-Симона»¹⁶.

Шульце-Геверниц, обращаясь к этой мысли Сен-Симона, стремился обезвредить ее примерно так же, как сделал это О. Конт, который «на основе» сен-симонистской идеи провозгласил в своем «будущем обществе» просто-напросто... господство банкиров. Научный анализ развития капитализма, данный Марксом, конечно, не позволял таких манипуляций, которые возможны были с догадками. Марксистский анализ капиталистического производства содержал революционные выводы. Ленин довел до конца этот анализ, изучив последнюю стадию развития капиталистического общества.

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 320.

¹⁵ Там же, стр. 426.

¹⁶ Там же.

«Производство становится общественным, но присвоение остается частным, — писал Ленин. — Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее»¹⁷. От этого ленинского вывода отправляется мировое коммунистическое движение, поднимая антимонополистическую борьбу, сплачивая в единый поток большинство населения капиталистических стран, разрабатывая важнейшие проблемы современности.

Ленин показал, что буржуазия теряет свое место в процессе общественного развития, растет ее паразитизм, для развития производства она уже больше не нужна, более того, ее существование вредно для прогресса общества.

Среди теоретиков II Интернационала были люди, не замечавшие изменений капитализма, проглядевшие концентрацию капитала, продолжавшие твердить, будто капитализм нисколько не изменился с 60-х годов прошлого века. Находились и такие теоретики, которые утверждали, будто наступил совершенно новый этап в истории буржуазного общества, будто капитализм изменил свою природу и стал «организованным», «почти социализмом». Гигантскую задачу выполнил В. И. Ленин, проложив путь социальной мысли, показав историческое место империализма как последней стадии капитализма — кануна социалистической революции. Труды Ленина дали возможность рабочим партиям правильно ориентироваться в сложившейся исторической обстановке, понять, что социалистическая революция назрела.

Необходимо было, далее, проанализировать изменения, которые произошли не только в экономике, но и в надстройке капиталистического общества. В оценке политической надстройки периода империализма среди социал-демократов в ходу были вредные теории, согласно которым буржуазное государство в XX в. будто бы дает возможность произвести коренные социальные преобразования, и на этом основании следует предать забвению лозунг диктатуры пролетариата. С другой стороны, возрождались и анархические тенденции в оценке государства; эти теоретики признавали, что буржуазную государственную машину социалистическая революция должна сломать, но они «забывали» сказать, что надо создать новое государство, диктатуру пролетариата. Ленин проанализировал политическую надстройку империализма, указал на возрастающую опасность господства милитаризма, наступления на демократические права трудящихся, усиления реакции по всем линиям. Он восстановил

¹⁷ Там же, стр. 321.

учение Маркса о государстве и развил его дальше, глубоко обосновал необходимость диктатуры пролетариата для коренных социальных преобразований общества, для прогресса человечества.

В других областях надстройки, в идеологии периода империализма, также произошли значительные изменения, которые иные социалистические теоретики склонны были признать даже прогрессивными, якобы содействующими развитию социальной мысли. Некоторые теоретики с порога отвергали новые течения буржуазной общественной мысли, не стремясь разобраться, какими объективными причинами порождены эти явления. Ленин показал глубокую реакционность идеалистических взглядов, распространенных в период империализма, обнажил непосредственную связь этих взглядов с фидензмом, мистикой, религией. Вместе с тем Ленин указал в объективном процессе развития современной науки трудности, о которые споткнулись многие буржуазные ученые, попавшие под власть идеалистических воззрений и скатившиеся затем в болото поповщины, где их удерживает классовый интерес буржуазии.

Ленин выдвинул положение, согласно которому только диалектический материализм, марксистское мировоззрение, дает возможность для успешного выхода из кризиса и дальнейшего развития современной науки. Гений Ленина обогатил марксистскую философию, развил дальше материалистическую диалектику в эпоху, когда эта «алгебра революции» всего нужнее была трудовому человечеству.

Ленин заложил, таким образом, прочные научные основы для стратегии и тактики партии рабочего класса в новых условиях, определил основные направления экономической, политической и идеологической борьбы рабочего класса.

Величие Ленина состоит в том, что он и его единомышленники в рядах рабочего движения правильно поняли необходимость создания марксистской партии, которая способна была бы вести пролетариат и всех трудящихся на штурм капитализма, ибо пробил час социалистической революции, уничтожения строя эксплуатации. Учение о партии явилось важным достижением социальной мысли, теории общественного развития, обосновывающей революционное действие масс. В переломный исторический момент особое значение приобрели сознательность, воля и организованность рабочего класса, всех масс, роль которых сильно возрастала в историческом процессе. Создание партии нового типа отвечало объективному требованию истории.

Выработка организационных принципов большевизма, разработка идей партийного строительства явились дальнейшим развитием революционной теории и созданием важнейшей предпосылки для ее наиболее эффективного применения на практике. Важнейшим принципом деятельности партии с самого ее

возникновения явился принцип единства воспитательной и организаторской работы, соединение высокой идейности и максимальной деловитости, исключаящей замену революционного дела фразерством. Идеологическая работа партии вскрывает те реальные возможности для исторической деятельности масс, которые необходимо с максимальной эффективностью использовать в интересах революционного дела. Организаторская работа партии направлена на то, чтобы эти возможности превратить в действительность. Нет другого пути к осуществлению задач, поставленных историей перед рабочим классом, если не организовать его авангард, не сплотить его передовые силы, ведущие работу в гуще масс, т. е. если не создать партию нового типа — марксистско-ленинскую партию рабочего класса.

Научный ответ на вопрос о формировании авангарда пролетариата, его партии, способной организовать весь класс и повести за ним остальные слои трудящихся, явился решением важнейшей проблемы прогрессивного развития общества нашей эпохи, его коренного переустройства. Задача, которую провозгласил марксизм, — соединение социализма с рабочим движением — нашла свое решение в создании партии нового типа, которая, обобщая опыт борьбы масс, становится теоретическим, революционным штабом, развивающим и обогащающим революционную теорию. Вместе с тем партия нового типа является наиболее эффективной организационной формой для пробуждения инициативы масс, для овладения ими опытом передовиков, для накопления, распространения и умножения силы примера в революционной борьбе трудящихся и в строительстве ими нового общества. Эту идею обосновали и осуществили Ленин и ленинцы. Отныне разрешение важнейших проблем общественной жизни, развитие социальной мысли неразрывно связаны с теоретической и практической деятельностью марксистско-ленинской партии.

Глава вторая

КАК РОЖДАЮТСЯ РЕВОЛЮЦИИ

Блестящий анализ Лениным значения сознательной деятельности народных масс и объективных условий можно проследить на примере решения важнейшего вопроса — о рождении революции. Глубочайшие причины революций Маркс и Энгельс вскрыли, указав на конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Но как рождается революция в буре политических событий, как возникает революционный порыв масс, какие условия его порождают, какие явления поли-

тической жизни ведут к революции, когда уже назрел конфликт между производительными силами и производственными отношениями? На эти вопросы предстояло ответить, исследуя новые, изменившиеся условия. Оппортунисты твердили, что революции нельзя делать, они делаются сами собой. Волонтаристы считали, что революцию делают воля и решимость. Как стоит вопрос на самом деле?

С 90-х годов прошлого века Россия быстро приближалась к буржуазно-демократической революции, которая развивалась в новых исторических условиях и имела свои характерные черты: «Объективно, движение масс ломало царизм и расчищало дорогу для демократии, поэтому сознательные рабочие руководили им»¹.

В 1902 г. Ленин писал: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»².

Так ставил вопрос Ленин о причинах перемещения центра мирового революционного движения в Россию. Он ставил этот вопрос на основе научной теории общественного развития. Дело, следовательно, в том, что в ходе исторического процесса русский пролетариат должен был решать наиболее революционную задачу и благодаря этому выдвигался в первую колонну мировой революционной армии.

Огромную силу своего ума сосредоточил Ленин на том, чтобы, говоря его словами, «представить себе социальную революцию как живое явление». Ленин ополчился со всей страстностью на доктринеров. «Кто ждет «чистой» социальной революции, — писал Ленин, — тот *никогда* ее не дожидается»³. Ленин высмеивает это доктринерское представление о социалистической революции: «Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом другое и скажет: «мы за империализм» и это будет социальная революция!»⁴.

Политический кругозор человечества значительно расширился в результате того, что Ленин, изучив новые характерные особенности демократических движений и особенности буржуазно-демократических революций в эпоху империализма, гегемонию в них пролетариата, сформулировал положения о возможности новой политической организации общества, когда осу-

ществляется революционная диктатура рабочего класса и крестьянства, о путях перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Учение о революционной ситуации

Важнейшее звено разработанной Лениным теории социалистической революции — это учение о революционной ситуации. Маркс не раз в своих работах анализировал процесс созревания революционного кризиса. Так, он подробно выясняет, чем и как был вызван «взрыв всеобщего недовольства» во Франции в 1848 г., какие факторы тогда ускоряли «взрыв революции»⁵. Ленин продолжил эту работу в условиях, когда в двери стучалась социалистическая революция, когда капитализм вступил в стадию империализма. Ленин перевел на язык политики положение об острейшем конфликте между производительными силами и производственными отношениями, о созревшем конфликте между ними. Ленин показал, какие ситуации в области политики выражают этот конфликт, какие политические силы приходят в движение при возникновении конфликта, как создается политический кризис, из которого далее развивается революция. Ленин уделил огромное внимание анализу сознания и настроений масс, сдвигов в области идеологии и социальной психологии в ходе назревания глубокого политического кризиса. Великий революционер оценил глубокие причины и возможные ближайшие поводы для создания революционной ситуации.

К анализу вопроса о революционной ситуации Ленин приступает накануне революции 1905 г. 4 января 1905 г. (н. ст.) была напечатана его статья «Самодержавие и пролетариат», в которой говорится, что рабочий класс должен «встряхнуть и сплотить вокруг себя как можно более широкие слои эксплуатируемых народных масс, собрать все свои силы и поднять восстание в момент наибольшего правительственного отчаяния, в момент наибольшего народного возбуждения»⁶. Уже здесь Ленин подчеркивает такие важные условия восстания, как «момент наибольшего правительственного отчаяния» и «наибольшего народного возбуждения». В период революционного подъема, в 1913 г., Ленин вновь возвращается к анализу этого вопроса и формулирует важнейшее положение о нарастании революционного кризиса: «Одно угнетение, как бы велико оно ни было, не всегда создает революционное положение страны. Большей частью для революции недостаточно того, чтобы *низы не хотели*

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 54.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 28.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 54.

⁴ Там же.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 12.

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 134.

жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы *верхи не могли* хозяйничать и управлять, как прежде»⁷. Именно тогда зреет политический кризис общенационального масштаба. «Политический кризис общенационального масштаба в России налицо и притом это — кризис такой, который касается именно *основ* государственного устройства, а вовсе не каких-либо частных его, касается *фундамента* здания, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа»⁸. Политический кризис такой глубины исключает возможность «реформаторского выхода из положения». Тогда исторический процесс идет к революционному взрыву. Огромное методологическое значение имеет замечание Ленина о том, что кризис должен задеть основы государственного устройства, что глубина кризиса должна исключать возможность справиться с ним путем реформы. Такой кризис затрагивает всю политическую жизнь общества, охватывает всю его политическую организацию, он ведет к большим потрясениям.

Анализируя рост стачечного движения в России за год после ленинских событий и указывая, что ни в одной другой стране мира не наблюдалось такого количества участников политических стачек, Ленин подчеркивает, что в этом проявляются *особые условия* современной России в смысле наличия революционного положения, нарастания непосредственно революционного кризиса. Когда в Европе приблизится аналогичный момент нарастания революции (там это будет социалистическая революция, а не буржуазно-демократическая, как у нас), тогда пролетариат наиболее капиталистических стран развернет еще несравненно большую энергию революционных стачек, демонстраций и вооруженной борьбы с защитниками наемного рабства»⁹. Таким образом, нарастание революционного кризиса должно предшествовать и социалистической революции, и буржуазно-демократической революции. В обоих случаях революционному взрыву должен предшествовать политический кризис, затрагивающий основы государственного устройства, неразрешимый с помощью политических полумер.

Через два года Ленин даст развернутое определение революционной ситуации, которое полностью относится к социалистической революции. Он вернется вместе с тем к вопросу о роли борьбы за демократические требования для подготовки социалистической революции в развитых капиталистических странах.

В 1915 г. Ленин пишет: «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуа-

ции, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главных признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению»¹⁰.

Верхи не могут сохранить в неизменном виде свое господство, не могут управлять по-старому, когда конфликт между производительными силами и производственными отношениями достиг большой остроты. Тогда возникают острые кризисы, затрагивающие политику господствующих классов. Они в свою очередь создают «трещины», в которые устремляются недовольство и возмущение угнетенных классов. Недовольство низов прорывается всякий раз, когда усиливается гнет, но сами по себе недовольство и возмущение обычно еще не создают революционной ситуации. Только вовлечение в кризис и господствующих и угнетенных классов говорит о глубоком политическом кризисе, с которым обычный политический аппарат господствующих классов не в силах сладить.

Вместе с тем Ленин указывает, что «не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризиса, не «упадет», если его не «уронят»¹¹. Таким образом, революционная ситуация создается объективным ходом общественного развития, без такой ситуации невозможна революция, но для того, чтобы родилась революция, необходима способность революционного класса к сильным революционным действиям, могущим сломить или надломить правительство. Все это и свидетельствует о зрелости того нового, которое способно уничтожить старое, отжившее в общественной жизни.

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 218.

¹¹ Там же, стр. 219.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 300.

⁸ Там же, стр. 300—301.

⁹ Там же, стр. 299.

В цитируемой работе «Крах II Интернационала» Ленин спрашивает, не наступила ли революционная ситуация в начале мировой войны, и отвечает на этот вопрос утвердительно. Ленин приводит при этом следующую важную черту политического кризиса: «Все правительства живут на вулкане, все апеллируют *сами* к самодеятельности и героизму масс»¹². Эта апелляция к самодеятельности масс, пробуждение их инициативы — важная черта созревания революционной ситуации. Вместе с тем Ленин и в этот период, в годы войны, не связывает возникновения революционной ситуации исключительно с войной. Среди различных видов политических кризисов он указывает дело Дрейфуса 1894 г., когда Франция разделилась на реакционный и прогрессивный лагеря. Другой пример, приводимый Лениным, — инцидент, происшедший в 1913 г. в Эльзасе, когда издевательства прусского офицера над эльзасцем вызвало острое возмущение французского населения против гнета прусской военщины.

Обобщая эти факты, Ленин пишет: «Социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, но и из-за любого политического кризиса вроде дела Дрейфуса или кабернского инцидента, или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенной нации и т. п.»¹³ Тактика партии рабочего класса состоит в том, чтобы, не удовлетворяясь парламентскими выступлениями, втягивать массы в активные действия, расширять борьбу из-за всякого коренного демократического требования, доводить ее до прямого натиска пролетариата на буржуазию.

Именно разработка вопроса о глубоком политическом кризисе приводит Ленина еще до Октябрьской революции к важному выводу о разворачивании социалистической революции в Европе: «Социалистическая революция в Европе *не может быть* ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия *не возможна массовая борьба*, не возможна *никакая* революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но *объективно* они будут нападать на *капитал*, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разногласной, пестрой и внешнераздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причи-

нам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков»¹⁴. Такова картина революции как живого явления, а не доктринерская схема. «Ибо думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так значит *отречься от социальной революции*»¹⁵.

Без глубокого политического кризиса, затрагивающего основы государственного устройства и исключающего выход с помощью частичных реформ, не может начаться революция. Этот кризис вовлекает в активную революционную деятельность не только пролетариат, но и полупролетарские слои, часть мелкой буржуазии, маленькие нации. Революционные взрывы направлены в тех или иных случаях и против помещичьего, церковного, национального, монархического гнета. В революционный кризис вовлекаются различные слои населения, они вступают на путь борьбы по разным причинам, привносят в революцию свои предрассудки и реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но объективно они ведут наступление против капитала. Задача авангарда революции, передового пролетариата, — объединить все эти слои и направить их в революционное русло, ведущее к завоеванию власти рабочим классом, к ниспровержению буржуазии и победе социализма.

Эта картина разворачивания социалистической революции углубляет характеристику политических кризисов, которые чреваты революцией. Прежний свой анализ глубоких политических кризисов Ленин дополняет здесь указанием, какие социальные слои и как (по каким ближайшим причинам) вступают в этот политический кризис. Он указывает, что объективной истиной различных побудительных причин разногласной массовой борьбы является в конечном счете «нападение на капитал» и рабочий класс выражает эту объективную истину. Руководство рабочего класса помогает массам очиститься в горниле революции от «мелкобуржуазных шлаков».

Основной закон революции

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Ленин, подытоживая свои прежние исследования, формулирует основной закон революции. «Основной закон рево-

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 219.

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 255.

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 54—55.

¹⁵ Там же, стр. 54.

люции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса»¹⁶. Это и есть политическое выражение остроты назревшего конфликта между производительными силами и производственными отношениями, острое проявление в сфере политики того факта, что производственные отношения стали оковами общественного развития и что они не могут удовлетворить его требований.

Общий социологический закон о конфликте между производительными силами и производственными отношениями должен быть конкретизирован законом о созревании общенационального кризиса в данной стране. Кризис должен проявляться с особой остротой в политике, в расстановке классовых сил. Ленин отмечает необходимость того, чтобы «правлящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы» и «обессиливает правительство». С другой стороны, огромное значение, как подчеркивает Ленин, имеет субъективный фактор, высокая сознательность и организованность масс.

Ленин, характеризуя империализм, подчеркивал при этом, что «монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов»¹⁷.

Следовательно, именно в период империализма особенно возможны политические кризисы, вызываемые различными трениями, господство монополий неизбежно ведет к таким конфликтам, которые задевают и мелкую буржуазию, и некоторые слои средней буржуазии. Борьба между монополиями также потрясает политическую структуру капиталистического общества. Монополии попирают старую буржуазную демократию, противопоставляют себя всему остальному населению капиталистических стран. В этом источник неустойчивости в политической сфере капиталистических государств периода империализма.

Именно острейшие противоречия империализма выливаются в форму глубочайших политических кризисов, которые могут стать общенациональными, борьба за коренные демократические требования в этих условиях может перерасти в натиск трудящихся во главе с рабочим классом на буржуазию. Монополии стоят за реакцию, они антидемократичны по своей природе, глубоко враждебны борьбе всех слоев трудящихся за демократические требования.

Вдумываясь в ленинское учение о революционной ситуации, нельзя не видеть, как возникновение такой ситуации связано с ослаблением капитализма. Чем крепче капитализм стоит на земле, тем глубже должен быть политический кризис, способный потрясти его до основания, хотя и в этот период Ленин считал возможным возникновение общенационального кризиса в результате дела Дрейфуса или притеснения французов в Эльзасе. Ныне же, когда существует мировая система социализма, когда капитализм ослаблен, политический кризис может потрясти до основания здание буржуазного господства в той или иной стране при попытке установить фашистскую власть, в результате проведения безумной политики реакции и агрессии и т. д.

При оценке современного политического положения в капиталистическом мире возникает вопрос, отождествлял ли Ленин, разрабатывая учение о революционной ситуации, революцию с вооруженным восстанием? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Еще в 1899 г. Ленин поставил вопрос о мирном и вооруженном пути взятия власти рабочим классом: «Рабочий класс предпочел бы, конечно, *мирно* взять в свои руки власть (мы уже сказали раньше, что этот захват власти может быть произведен только организованным рабочим классом, прошедшим школу классовой борьбы), но *отказываться* от революционного захвата власти было бы со стороны пролетариата, и с теоретической и с практической-политической точки зрения, *безрассудством* и означало бы лишь позорную уступку пред буржуазией и всеми имущими классами. Очень вероятно — даже наиболее вероятно — что буржуазия не сделает мирной уступки пролетариату, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насилием. Тогда рабочему классу не останется другого пути для осуществления своей цели, кроме революции. Вот почему программа «рабочего социализма» и говорит вообще о завоевании политической власти, *не определяя* способа этого завоевания, ибо выбор этого способа зависит от будущего, которое с точностью мы определить не можем»¹⁸.

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 69—70.

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 386.

¹⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 264.

В этих словах изложена точка зрения Ленина на мирный и вооруженный способы завоевания власти рабочим классом. Согласно этой точке зрения, которой Ленин оставался верен всю свою жизнь, завоевание власти мирным или вооруженным путем может осуществить только организованный рабочий класс, прошедший школу классово-борьбы. Во-вторых, вооруженный способ завоевания власти необходим в том случае, когда буржуазия для защиты своих привилегий в решительный момент прибегает к насилию. Что же касается пролетариата, то он предпочел бы мирный путь завоевания власти. В-третьих, выбор способа завоевания власти зависит от конкретной исторической обстановки, заранее отречься от вооруженного пути — безрассудство и позорная уступка капиталистам.

Историческая обстановка последующих десятилетий представляла чрезвычайно мало возможностей для использования рабочим классом мирного способа завоевания власти. Буржуазия была еще очень сильна, для защиты своих привилегий она всегда была готова прибегнуть к оружию, к насилию. Однако в те моменты, когда предоставлялась возможность использовать мирный способ, Ленин отмечал этот момент. Обратимся к истории написания Лениным статьи «О компромиссах» в сентябре 1917 г. Говоря о возможности вернуться к донюльскому требованию передачи власти Советам, Ленин писал: «Теперь, и только теперь, может быть *всего в течение нескольких дней* или на одну — две недели, такое правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно. Оно могло бы обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение *вперед* всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма»¹⁹. Эту возможность «мирного развития революции» Ленин называет «*крайне редкой* в истории и *крайне ценной*»²⁰. В послесловии к этой статье, написанном через два дня, Ленин уже подчеркивал: «Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, *тоже* прошли»²¹. И эта мелькнувшая возможность мирного развития революции не ускользает от внимания Ленина, который намечает в связи с этим изменение тактики партии рабочего класса. Исходя из того что в тех исторических условиях всякая возможность мирного развития революции была крайне редкой, Ленин тем более ценил такую возможность, изучал ее пристально и глубоко.

Как представлял себе Ленин эту мирную возможность в 1917 г.? Он писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолют-

но доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной. Ибо против такого союза, против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов никакая буржуазией начатая гражданская война немыслима, этакая «война» не дошла бы даже ни до одного сражения...»²² Следовательно, главное для мирного развития революционного процесса — единство всех демократических элементов, от коммунистов до мелкой буржуазии, изоляция капитала. Ленин подчеркивает далее, что такое правительство дало бы народу *мир*, а крестьянству *землю* и в этом случае «мирное развитие революции при переходе всей власти к Советам *возможно и вероятно*»²³.

Что касается Советов, то они представляли бы собой своеобразный парламент, в котором имелись бы эсеры, меньшевики и большевики. В Советах развертывалась дальнейшая борьба за власть между партиями, за переход к социалистическим преобразованиям. Ленин пишет: «Внутри Советов борьба партий за власть может идти мирно, при полном демократизме Советов...»²⁴ Под полной демократией Советов Ленин разумеет отказ от всякого «обкрадывания» демократических принципов». «В демократической республике, — добавляет Ленин, — такие мелкие кражи осуждены на исчезновение». Если в Советах борьба за власть между партиями должна была идти мирным путем, то совершенно очевидно, что Ленин представлял такие Советы, состоящие из эсеров, меньшевиков и коммунистов, как своеобразные парламенты. Органами диктатуры пролетариата они еще не являлись, они могли быть лишь органами диктатуры рабочего класса и крестьянства. По своей форме, как арена борьбы за власть между партиями, они представляли бы собой своеобразный парламент.

Что же касается буржуазии, то в условиях революции в нашей стране она, как известно, впоследствии была лишена избирательных прав. «Но было бы ошибкой, — писал тогда Ленин, — заранее ручаться, что грядущие пролетарские революции в Европе непременно дадут, все или большинство, ограничение избирательного права для буржуазии»²⁵. Если же остаются избирательные права буржуазии, то, следовательно, имеются и избирательные органы, в которые она избирает. Над этим замечанием Ленина следовало бы задуматься всем тем,

²² Там же, стр. 222.

²³ Там же, стр. 223.

²⁴ Там же.

²⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 266.

¹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 134—135.

²⁰ Там же, стр. 135.

²¹ Там же, стр. 138—139.

кто без устали кричит, будто Ленин отрицал мирный путь развития революции.

Разумеется, историческая обстановка не давала Ленину широких возможностей для разработки этой проблемы мирного способа завоевания власти рабочим классом. Еще в 1899 г. Ленин считал это делом будущего. И через четверть века это будущее еще не наступило. Но когда оно пришло, мировое коммунистическое движение, КПСС, разрабатывая вопрос о мирном пути завоевания власти рабочим классом, исходили из гениальных ленинских указаний, которые освещали путь к этому будущему.

Новые возможности, которые создаются для мирного завоевания власти рабочим классом, связаны, во-первых, с ослаблением капитализма после возникновения и укрепления мировой системы социализма. Уменьшаются возможности капиталистов столь широко, как раньше, прибегать к насилию, отстаивая свои привилегии. Во-вторых, новые условия связаны с успехами рабочего класса в странах капитала, со сплочением вокруг рабочего класса всех демократических сил. Коммунистические партии в буржуазных странах борются за создание единого фронта, за отрыв мелкобуржуазных слоев от буржуазии, за усиление антимонаполистического потока. Они широко используют и парламентские формы борьбы там, где это сулит успех делу мира и социализма. Это и есть путь, указанный Лениным. Различным крикунам, фальсификаторам марксизма и прямым «антикоммунистам», которые утверждают, будто Ленин был против мирного способа завоевания власти рабочим классом, следует посоветовать читать бессмертные строки Ленина, умевшего, отпавляясь даже от ограниченного по тем или иным причинам исторического опыта, делать глубочайшие теоретические выводы.

Нет никакого сомнения в том, что замечательные тезисы Ленина о революционной ситуации непосредственно связаны с его учением о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране. Следует отметить, что Ленин одновременно работает и над проблемой революционной ситуации, и над проблемой возможности победы социалистической революции сначала в нескольких или в одной стране. Революционная ситуация, общенациональный кризис, конечно, не могут возникнуть сразу, одновременно во всех капиталистических странах. Такое совпадение, если оно и оказалось бы возможным, говорило бы скорее о случайности. Возводить же в историческую закономерность подобные совпадения нельзя. Такова логическая связь между этими двумя проблемами.

В январе 1918 г. В. И. Ленин писал: «Великие основоположники социализма Маркс и Энгельс, наблюдая в течение ряда десятилетий развитие рабочего движения и рост мировой

социалистической революции, видели ясно, что переход от капитализма к социализму потребует долгих мук родов, долгого периода диктатуры пролетариата, ломки всего старого, беспощадного уничтожения всех форм капитализма, сотрудничества рабочих всех стран, которые должны слить все свои усилия, чтобы обеспечить победу до конца. И они говорили, что в конце XIX века будет так, что «француз начнет, а немец доделает», — француз начнет потому, что в течение десятилетий революции он выработал в себе тот беззаветный почин в революционном действии, который сделал из него авангард социалистической революции»²⁶. Ленин показывает далее, что в начале XX в. положение изменилось: «Мы видим теперь иное сочетание сил международного социализма. Мы говорим, что легче начинается движение в тех странах, которые не принадлежат к числу эксплуатирующих стран, имеющих возможность легче грабить и могущих подкупить верхушки своих рабочих»²⁷. Ленин продолжал и в дальнейшем отстаивать эту точку зрения, борясь против абсолютизации экономической отсталости и превращения ее в необходимое условие созревания социалистической революции. Он последовательно проводил мысль о том, что начать революцию легче в тех странах, которые не эксплуатируют других стран, буржуазия которых не имеет широких возможностей подкупать «свой» рабочий класс.

Известно, что это ленинское положение было извращено Бухариным, который заявлял в своей «Экономике переходного периода», будто крушение капитализма начинается со стран наиболее слабых в технико-экономическом отношении. Ленин, критикуя это утверждение, писал: «Неверно: с *средне-слабых*». Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло»²⁸. Бухарин утверждал, что революция начинается с низших систем мирового хозяйства, а созревание революции обратно пропорционально зрелости капиталистических отношений той или иной стране. В. И. Ленин критикует и это положение, замечая: «Рискованно: надо бы сказать «не с высших» — и «не прямо пропорциональна»²⁹. Ленин, таким образом, отвергал метафизическое утверждение, будто революция может начаться только там, где наиболее высок уровень развития капиталистических отношений. Но он был в одинаковой мере против столь же метафизического утверждения, будто социалистическая революция должна начаться с наиболее слабых стран. Он подчеркивал трудности начала революции в странах, где

²⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 278.

²⁷ Там же, стр. 279.

²⁸ Ленинский сборник XI. М.—Л., 1931, стр. 397.

²⁹ Там же, стр. 398.

империалисты имеют возможность подкупа верхушки рабочего класса.

Неравномерность развития отдельных стран приводит отнюдь не к одновременному созреванию политических кризисов, а к разной силе и глубине их в разное время и в разных странах. Именно из этого исходил Ленин, формулируя теорию возможности победы социалистической революции в одной или немногих странах и невозможности этой победы во всех странах. Империализм в целом является кануном социалистической революции. Нельзя считать, что есть капиталистические страны, к которым этот закон не относится. Ленинская теория победы социалистической революции первоначально в одной, отдельно взятой, стране отнюдь не означает, что другие страны застрахованы от социалистической революции, не подвержены ей. Тогда выходит, что не империализм в целом, а только слабые его звенья пришли к кануну социалистической революции. И сегодня еще есть люди, которые, толкуя о «слабом звене», совершенно игнорируют ленинское учение о революционной ситуации. По их мнению, если найдено «слабое звено», то тем самым обнаружена некая перманентная революционная ситуация в определенной географической зоне. Исходя из такого понимания зон постоянных революционных ситуаций, разумеется, нечего и ставить вопрос о возникновении революционной ситуации. Тут всегда дело только за решимостью, за волей. Страны «слабого звена» фатально и постоянно предназначены к социалистической революции. Это, разумеется, неверно. Наоборот, из ленинского учения об империализме вытекает с логической необходимостью и его теория социалистической революции. В силу неравномерности развития капитализма вызревание *всех* необходимых условий для социалистической революции идет неравномерно, революционные ситуации создаются отнюдь не автоматически во всех звеньях империализма, не всегда имеются и все условия для эффективного использования рабочим классом открывающихся возможностей для действия (наличие революционной марксистской партии).

Обращает на себя внимание тот факт, что свою гениальную формулировку основного закона революции Ленин дал в работе, направленной против детской болезни «левизны» в коммунизме. Люди, страдающие этой болезнью, ничего не хотели знать о революционной ситуации, о вызревании необходимых условий для революции в той или иной стране. Ленин, предупреждая их против авантюризма, «путчизма», против волюнтаристской слепоты, учил их основному закону революции.

Ленинский основной закон революции бьет всех оппортунистов, в том числе и правых, которые сбрасывали со счетов революционную деятельность масс, забывали, что значение объективных условий измеряется тем, какой простор, какие воз-

можности они дают для революционной деятельности масс. Ленинская формулировка основного закона революции — образец применения материалистической диалектики при изучении явлений общественного развития. Вскрытие этого закона показывает методологические основы разработки Лениным стратегии и тактики коммунистического движения.

Вместе с тем это одно из замечательных решений Лениным той общей проблемы, которой он пристально занимался всю свою жизнь и которую он сам называл проблемой соотношения политики и экономики. Крупнейшие вопросы общественного развития Ленин решал, всегда имея в виду связь между экономикой и политикой, ибо политика имеет непосредственное отношение к миллионным народным массам, к вовлечению их в активную историческую деятельность.

Совершенно очевидно, таким образом, что ленинский анализ формирования революционной ситуации логически неразрывно связан с его учением о возможности победы социалистической революции первоначально в одной стране.

Общенациональный кризис не может разразиться сразу во всех капиталистических странах, революционная ситуация не может созреть одновременно во всем буржуазном мире. Этот вывод теоретически глубоко обоснован, ибо Ленин доказал, что для эпохи империализма характерно крайне неравномерное развитие капиталистических стран, в результате чего возможна победа социализма первоначально в одной или нескольких странах. Гений Ленина этим самым обогатил научную теорию общественного развития, дал огромной силы стимул для социальной мысли и революционного действия.

В сентябре 1916 г. В. И. Ленин писал: «Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»³⁰. Еще ранее, в августе 1915 г., В. И. Ленин так сформулировал эту мысль: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»³¹. Таково было изложенное в чеканных словах важнейшее положение ленинской теории социалистической революции.

³⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 133.

³¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 354.

Время революционных преобразований

Согласно этой теории, ход общественного развития должен привести к тому, что в одной или нескольких странах возникнут острейшие кризисы, в результате которых победит социалистическая революция. Весь остальной мир в течение некоторого времени останется буржуазным или добуржуазным. Начнется, таким образом, новая, важная полоса всемирной истории, когда мир расколется на две системы. Это будет полоса одновременного существования на земле социалистических и буржуазных, а также добуржуазных стран. Это будет период расширения и углубления мирового революционного процесса. В этот период в буржуазных странах кризисные явления будут углубляться и обостряться, закономерный процесс обострения противоречий между трудом и капиталом вступит в новую фазу, усилится борьба за коренное революционное преобразование общества на социалистических началах, ибо рабочий класс, трудящиеся увидят, «как это делается».

Что касается добуржуазных стран, то с наступлением империализма появился такой важный фактор революционного процесса, как антиимпериалистическая, национально-освободительная борьба народов. В 1913 г. Ленин писал: «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию».

Рабочие передовых стран мира с интересом и воодушевлением следят за этим могучим ростом мирового освободительного движения во всех частях света и во всех формах. Буржуазия Европы, испуганная силой рабочего движения, бросилась в объятия реакции, военщины, поповщины и мракобесия. Но на смену этой, заживо гниющей буржуазии идет пролетариат европейских стран и молодая, полная веры в свои силы и доверия к массам демократия азиатских стран.

Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся в начале XX века новую полосу всемирной истории³². Это был гениальный анализ изменений в мировом революционном процессе, происшедших со времени Маркса.

Но вместе с тем Ленин решительно выступает против всякого противопоставления Европы колониям, как делали это, например, польские социал-демократы. «Удар одинаковой силы, нанесенный власти английской империалистической буржуазии восстанием в Ирландии, имеет во сто раз большее политическое значение, чем в Азии или в Африке», — пишет

Ленин. Во всех этих выступлениях в колониях видно их значение как сил, «помогающих выступлению на сцену *настоящей* силы против империализма, именно: социалистического пролетариата»³³.

Основная мысль Ленина выражена им в сентябре 1916 г.: «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»³⁴. Можно считать, что Ленин, во-первых, установил, что социалистическая революция занимает целую эпоху, это отнюдь не какой-то одновременный, чуть ли не мгновенный акт истории. Во-вторых, Ленин разработал понятие единого мирового революционного процесса, который включает борьбу рабочего класса против буржуазии, а также целый ряд демократических и революционных движений, в том числе национально-освободительную борьбу против **колониализма**.

Ленин указал, что «империализм не останавливает развития капитализма и роста демократических тенденций в массе населения, а *обостряет* антагонизм между этими демократическими стремлениями и антидемократической тенденцией трестов»³⁵. Развивая эту мысль, Ленин подчеркивает, что «империализм стремится заменить демократию вообще олигархией»³⁶. В этих словах указана важная черта осуществляемой монополиями деформации политической организации капиталистического общества. Говоря о деятельности монополий, Ленин напоминает, что «для устранения конкурента тресты не ограничиваются экономическими средствами, а постоянно прибегают к политическим и даже уголовным»³⁷. Эти строки, написанные в 1916 г. о монополиях США, звучат с особой силой сейчас, почти 50 лет спустя. Монополии деформировали политическую жизнь империалистических стран, повсюду проводя антидемократическую тенденцию, вступив в антагонизм с демократическими тенденциями масс. Из этого ленинского анализа исходит мировое коммунистическое движение, ставя задачу сплотить в единый антимонаполистический поток значительные слои населения капиталистических стран.

Пристальное внимание Ленина привлекает вопрос о судьбе буржуазно-демократических движений в период господства империализма, и в особенности о сущности буржуазно-демократических революций в этот период. На примере революции 1905 г.

³² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 55—56.

³⁴ Там же, стр. 112.

³⁵ Там же, стр. 102.

³⁶ Там же, стр. 95.

³⁷ Там же, стр. 94.

в России Ленин, как известно, разработал теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Две «школы» социальной мысли противостояли ленинизму в решении этой проблемы. Обе они предавали забвению диалектику и материализм.

Метафизическое мышление правых лидеров II Интернационала не могло вскрыть реальную связь, объединяющую буржуазно-демократическую и социалистическую революции в период империализма. Для них эти явления единого исторического процесса числились по разным «ведомствам», относились к разным эпохам, дальше констатации отличий они не шли. Роль рабочего класса в буржуазно-демократических революциях XX в. должна быть, по их мнению, примерно та же, что и в XVIII и XIX вв. Если перевести на язык политики эту социальную метафизику, получилось бы, что рабочий класс обязан плестись в хвосте у либеральной буржуазии. Ни о каком перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую при подобном толковании не могло быть и речи.

В противоположность метафизикам, последовательно проводя принципы материалистической диалектики, идею развития революционного процесса, Ленин подчеркивал, что «от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути»³⁸.

С другой стороны, «мелкобуржуазный революционаризм» не видел отличий между буржуазно-демократической революцией и революцией социалистической. «Основная ошибка Троцкого, — писал Ленин, — игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической»³⁹. Таким образом, революционный процесс искажался, его звенья исчезали, развитие революции по существу в таких теориях отсутствовало.

Лозунг Троцкого «без царя, а правительство рабочее» игнорировал крестьянство, полностью извращал вопрос о реальной возможности перерастания революции буржуазно-демократической в социалистическую. Конечно, с помощью левацких лозунгов нельзя изменить ход исторического процесса. На деле такие лозунги ведут к поражению революционного класса как расплате за авантюризм, они остаются лишь прикрытием действительного положения дел, весьма далекого по своей сущности от этих лозунгов. Рабочий класс не мог в 1905 г. сразу

установить свою диктатуру, следовательно, лозунг Троцкого в действительности мог стать лишь прикрытием для деятельности мелкобуржуазных и буржуазных сил.

Все оппортунисты отрицали значение союза рабочего класса с крестьянством, союза, который порождает огромную социальную энергию, способную изменять мир. Ленин, партия большевиков разработали три лозунга по крестьянскому вопросу, которые выражают ступени революционного процесса, переход от демократических задач к социалистическим и дальнейшее разрешение последних. Вдумываясь в значение разработки Лениным вопроса о роли демократических движений в период империализма, нельзя не видеть в этом огромное достижение социальной мысли.

И в наше время марксизму-ленинизму приходится вести борьбу против мелкобуржуазных взглядов на революционный процесс. Каковы же характерные черты этих разгромленных марксизмом мелкобуржуазных теорий?

Во-первых, все они подчеркивали лишь *политическую сторону* революции, толковали ее по преимуществу как политический переворот. Это и понятно, ибо мелкобуржуазные теоретики мыслили категориями буржуазно-демократической революции, которая ограничивается изменением политической надстройки и поэтому характеризуется, как указывал Ленин, главным образом разрушительной стороной. Недооценка созидательного начала в социалистической революции, ее главного отличия от буржуазных революций является характерной чертой всех попыток возродить мелкобуржуазные взгляды на социалистическую революцию.

Во-вторых, всячески затушевывалась роль рабочего класса в революции. Мелкобуржуазные революционеры предпочитали говорить о народе, как о триедином классе, русские народники при этом подчеркивали роль крестьянства, утверждали, что революция должна начаться с деревни и лишь потом она может захватить город. У левых сторонников русского народнического социализма это отрицание роли пролетариата сопровождалось ссылками на то, что весь западноевропейский рабочий класс утерял свою революционность, «омещанился», здесь сказывались отголоски националистических, славянофильских идей о «гнилом Западе».

В-третьих, революция изображалась лишь как акт воли, пробуждение же воли народа объяснялось идеалистически — наличием у него определенных идеалов, а также верой в свое право. Все последующие попытки возродить мелкобуржуазные концепции революции характеризуются волюнтаризмом, призывами к «подталкиванию» революций извне.

В-четвертых, мелкобуржуазным теориям революции было чуждо представление о закономерном развитии революции как

³⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 222.

³⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 381.

процесса. Для них характерно стремление перепрыгнуть через необходимые ступени, а всякое представление о ступенчатости исторического развития мелкобуржуазные теоретики изображают как трусость или попытку затормозить революцию. В соответствии с этой концепцией Бакунин всячески нападал на Маркса и марксистов за то, что они считали развитие бюргерства, капитализма в Германии прогрессивным явлением, подготавливавшим революцию.

Мелкобуржуазные революционеры часто возрождали представление утопического коммунизма, согласно которым вслед за социалистической революцией должен последовать полный коммунизм. Игнорирование социализма как особой, важнейшей фазы развития нового общества характерно для многих мелкобуржуазных теоретиков.

В-пятых, представления мелкобуржуазных теоретиков о революции как о *мировом процессе* отличаются крайней сбивчивостью. Национальная ограниченность — характерная черта этих представлений, хотя многие мелкобуржуазные революционеры, в том числе Бакунин, очень громко кричали о своем интернационализме. Для Бакунина и некоторых других мелкобуржуазных революционеров характерно деление мирового революционного процесса по национальному или расовому признаку. Он критиковал Маркса и марксистов с таких позиций: «Как всепоглощающие пангерманисты, они должны отвергать крестьянскую революцию уже по тому одному, что эта революция специально славянская»⁴⁰.

В-шестых, Маркс подчеркивал, что для Бакунина главное — «нивелировка», например, всей Европы до уровня полунизшего уличного торговца. «Он хочет, чтобы европейская социальная революция, основывающаяся на экономическом базисе капиталистического производства, произошла на уровне русских или славянских земледельческих и пастушеских народов и чтобы она не переступала этого уровня...»⁴¹ Таким образом, мировой революционный процесс должен быть нивелирующим по своему основному назначению, причем нивелировка идет по низшему уровню народов, участвующих в этом процессе.

В наше время нивелировка на низшем уровне невозможна хотя бы потому, что мировой капитализм тогда голыми руками разрушил бы очаги нового общественного строя. Успехи нашего экономического развития, укрепления нашей оборонной мощи, развития тяжелой индустрии — это выигрыш мирового революционного процесса, проигрыш империализма. Кто не понимает этой простой истины, тот отошел от самых основных положений марксистской теории общественного развития.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 609.

⁴¹ Там же, стр. 615.

Таким образом, еще во времена Маркса был поставлен вопрос о двух элементах мирового революционного процесса и об основном отряде революционного движения — о странах, где имеется соответствующий уровень развития производительных сил, а следовательно, рабочий класс, и о странах, где в силу неразвитости производительных сил население, крестьянское по преимуществу, доведено до крайней нужды и возмущения. Русские революционные народники, указав значение этого второго потока мировой революции, однако, не могли вскрыть действительную связь между двумя потоками единого мирового революционного процесса. Марксизм доказал, что основа социалистической революции — определенный уровень развития производительных сил, на этой капиталистической базе разворачивается революция, вовлекая в свой поток и другие страны. Энгельс при этом подчеркивал, что при наличии в индустриально развитых странах диктатуры пролетариата возможен переход к социализму и стран, население которых по преимуществу крестьянское. Эту проблему впоследствии разработал Ленин.

Указывая, что положение изменилось со времени Маркса, что в мире сложилось иное сочетание сил международного социализма, Ленин писал, что «легче начинается движение в тех странах, которые не принадлежат к числу эксплуатируемых стран, имеющих возможность легче грабить и могущих подкупить верхушки своих рабочих»⁴². Но Ленин не считал, что борьба рабочего класса отходит на второй план и что социалистическая революция должна быть отождествлена с национально-освободительным движением.

Всякому трезво мыслящему человеку ясно, что национально-освободительная революция находится сейчас на разных этапах в различных странах, она достигла новой стадии на Кубе, она подошла к важному рубежу в ОАР и Алжире, а в ряде стран она находится на начальных ступенях развития, когда на первом плане стоит борьба за буржуазно-демократические преобразования.

Правильное понимание современного революционного процесса опирается на учение Ленина о сочетании демократических и социалистических задач пролетариата. Ленин создал учение о буржуазно-демократической революции в условиях империализма, о гегемонии пролетариата в этой революции, о демократической диктатуре рабочего класса и крестьянства, развил далее идеи Маркса о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Великое значение имеет глубоко и тщательно разработанное Лениным учение о развите союза рабочего класса с крестьянством, придающего огромную силу социалистической революции и последующему

⁴² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 279.

строительству нового общества. Ленин разработал национально-колониальную проблему в новых условиях, указал пути развития национально-освободительного движения, крестьянского по преимуществу, в тесной связи с пролетарским движением в развитых капиталистических странах. Тактика и стратегия мирового коммунистического движения и ныне определяется учением Ленина о мировом революционном процессе, которое марксистско-ленинские партии развивают и обогащают новым опытом борьбы, направляя все развитие современной социальной мысли по правильному пути в решении важнейшего вопроса общественного развития.

Глава третья

ВАЖНЫЙ ВОПРОС ПЕРЕХОДА ОТ ОДНОЙ ФОРМАЦИИ К ДРУГОЙ

Как представлял себе Ленин основные черты мирового революционного процесса после упрочения социализма первоначально в одной стране?

Замечательная мысль Ленина о перспективе развития мирового революционного процесса содержится в «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам» (1920 г.). Ленин выделяет значение того периода, когда все злободневнее становится «задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)»¹. С этим превращением Ленин связывает и нарастающую злободневность борьбы против проявлений мелкобуржуазного национализма, который в этих условиях становится особенно опасным, ибо процесс превращения диктатуры пролетариата в интернациональную диктатуру не может осуществиться без борьбы против националистической ограниченности, которая тормозит этот процесс.

Ленин, таким образом, совершенно четко наметил два этапа в развитии мирового революционного процесса после победы социалистической революции первоначально в одной стране и указал качественные отличия этих этапов, отметил те изменения, которые наступают в мировой обстановке.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 165.

Два этапа в развитии новой общественной формации

Первый этап — существование социалистического государства во враждебном капиталистическом окружении. На этом этапе социалистическое государство не может определять мировую политику. Главная задача этапа — строительство социалистического общества в одной стране при поддержке революционных сил за рубежом, в первую очередь рабочего класса капиталистических стран. В этот период необходимо всеми средствами внешней политики продлить передышку, а всеми средствами внутренней политики укрепить и развить социалистический строй, провести индустриализацию страны, создать могучую общенародную собственность — социалистическую промышленность, добиться победы социалистической собственности в деревне на основе коллективизации, осуществить культурную революцию.

После Великой Октябрьской социалистической революции создалась некоторая возможность для того, чтобы революция победила в нескольких странах Восточной и Центральной Европы и, таким образом, создалась бы мировая система социализма. Но капитализм был еще очень силен, Советская страна была еще слаба, зрелых коммунистических партий, могущих руководить победоносной социалистической революцией, нигде, кроме нашей страны, не было. Советская республика в Венгрии, революция в Германии были империалистической реакцией подавлены.

Понадобился значительный период для того, чтобы совершился переход от первого этапа мирового революционного процесса — победы социализма в одной стране — к созданию мировой социалистической системы. За этот период силы социализма значительно окрепли, а коммунистические партии в капиталистических странах стали важнейшим фактором политической жизни.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции новое развитие получило национально-освободительное движение в колониях и зависимых странах. Исторический опыт национального и социального освобождения народов Советского Союза придал идейную и политическую силу национально-освободительному движению, в ряде стран Востока начали создаваться марксистско-ленинские группы и партии.

На втором этапе коренным образом меняется характер влияния социализма на мировой исторический процесс. Социализм, ставший мировой системой, оказывает решающее влияние на весь мировой процесс, определяет его.

Буржуазные, а также мелкобуржуазные концепции современного исторического процесса игнорируют эти его характер-

ные особенности. В наше время борьба между буржуазными и мелкобуржуазными концепциями, с одной стороны, и марксистско-ленинской теорией исторического процесса — с другой, достигла большой остроты. В порядок дня встал вопрос об определении характера современной эпохи, выделении ее качественного своеобразия. Для буржуазных теоретиков наша эпоха есть «трансформация капитализма». Мелкобуржуазные теоретики, усвоившие марксистскую терминологию, твердят, будто в наше время империализм определяет мировое развитие.

Наша партия, ее ленинский Центральный Комитет показали всю вредность буржуазных и мелкобуржуазных концепций современной эпохи. По сути дела те и другие исходят из того, что капитализм продолжает определять ход исторического процесса. Теоретики, придерживающиеся подобных взглядов, не желают видеть, что социализм превращается в решающую силу всемирной истории, что он способен оказать и начинает оказывать решающее влияние на мировое развитие. Для теоретиков-метафизиков есть лишь два этапа всемирной истории: буржуазное господство, капитализм и полное торжество на всей земле социалистических общественных отношений. Диалектика смены капитализма социализмом им недоступна.

Между тем смена формаций во всемирной истории, в мировом масштабе никогда не происходила как мгновенный акт. Не по волшебному мановению судьбы отжившие свой век формации уступали место новому общественному строю. Борьба за новый способ производства шла в первую очередь в отдельных странах, но она неизбежно переносилась и на мировую арену. Так было в тот период, когда рабовладельческое общество возникло в виде отдельных очагов, а весь остальной населенный мир продолжал находиться еще на первой ступени исторического развития. Так было, когда рушились рабовладельческие империи и на их развалинах пробивались ростки феодализма. Борьба между наступающим капитализмом и уходящим феодальным строем в течение длительного периода происходила в отдельных странах и на международной арене.

В самом деле, если взглянуть на раннее средневековье, то можно увидеть в нем период, когда феодальный способ производства еще не победил окончательно, когда рабовладение еще не ушло с исторической арены и, следовательно, феодализм решающего влияния на ход истории не имел. Чтобы проявились преимущества феодального строя и завершился процесс его формирования, понадобились века. Значительный период был наполнен «бесполезными воспоминаниями и тщетной борьбой» (Энгельс) гибнущего рабовладельческого мира. Рождение феодального способа производства затянулось в Европе примерно на 400 лет. Прошли столетия, пока возникло феодальное поместье со всеми его плюсами и минусами. Энгельс подчеркива-

ет, что «общественные классы IX века сформировались не в обстановке разложения гибнущей цивилизации, а при родовых муках новой цивилизации»².

Это указание Энгельса имеет большое методологическое значение. Конечно, в период гибели старой цивилизации возникали ростки нового способа производства. Но определяло ход истории пока еще старое общество с его закономерностями. Должен пройти значительный период времени, пока определяющими весь исторический процесс стали закономерности сформировавшегося нового общественного строя.

Этого долго не могли понять теоретики буржуазии, в частности один из родоначальников буржуазной исторической науки — Гиббон, человек XVIII в., для которого феодализм — «время средневекового мрака и неурядицы»³. Гиббону казалось, что весь этот период есть эпоха разрушения и гибели старого, он вообще не видел возникновения нового общества. Но уже Гизо, один из буржуазных историков эпохи Реставрации, внес необходимый корректив в эту концепцию, сосредоточив внимание на рождении нового. В предисловии к изданию 1828 г. труда Гиббона он пишет, что гибель Римской империи показывает «ветхость древнего мира, зрелище его разрушающегося величия и его нравственной испорченности; юность нового мира, зрелище его первых успехов и нового направления, данного умам и характерам...»⁴. Гизо вспоминает при этом знаменитую большую смысловую стихотворную строку французского поэта Корнеля: «Великая судьба начинается, великая судьба кончается».

Буржуазная историческая наука, таким образом, лишь постепенно приходила к мысли, что возникновение и развитие нового, феодального способа производства было длительным процессом, наполненным борьбой старого и нового на мировой арене. Первая буржуазная философская концепция возникновения средневековья видела лишь период гибели, разложения старого мира. Конечно, и сегодня, изучая изолированно историю «отдельных обществ», как этого требует современная буржуазная социология, теряя мировой масштаб, чрезвычайно трудно разобратись в вопросе становления феодализма, который требует анализа именно взаимодействия различных по своему строю обществ на мировой арене, борьбы старого и нового не только внутри отдельно взятого общества, но и на международной арене, т. е. анализа процесса мирового развития. С позиций буржуазной социологии невозможно ответить и на вопрос, когда определяющими для всего исторического процесса становятся

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 154.

³ Эд. Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи, ч. I. М., 1883, стр. XXXIX.

⁴ Там же, стр. VI.

не закономерности гибнущей цивилизации, а закономерности развивающегося нового общества, когда, говоря словами Корнелия, «новая судьба» начинает распоряжаться миром.

Длительность процесса перехода от античного мира к средневековью все же породила в буржуазной исторической науке немало терминов и понятий, содержание которых должно выявить отличие одного этапа от последующего. Так появилось понятие «раннее средневековье», которое введено было в науку именно для того, чтобы отделить начальный этап, когда борьба нового со старым еще не привела к расцвету нового, когда на исторический процесс еще продолжает в значительной степени воздействовать старый, разлагающийся общественный строй. Например, так называемая романизация остготского общества, происходившая в тот период, сводилась к объединению остготской аристократии с римскими рабовладельцами. Завоевание лангобардами Италии нанесло более сокрушительный удар по господству рабовладельческих отношений, по крупному землевладению, существовавшему на основе рабовладельческих отношений. По известному замечанию Энгельса, «между римским коломом и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин»⁵. Сельские общины, которые повсеместно возникли на землях Европы, рост имущественного неравенства, классовая дифференциация, развитие форм зависимости были важными моментами возникающего феодализма. Но чтобы развились все эти процессы и явления, требовались столетия.

Буржуазная историография XIX в. с позиций плоского эволюционизма не могла проанализировать этот процесс. Фюстель де Куланж усматривал простую преемственность между институтами Римской империи и варварских королевств. Эта теория в трансформированном виде развивалась затем известным австрийским историком Допшем, который стремился «очистить» древнегерманские племена от всех следов варварства и примитивности, всячески сблизить общественный строй Римской империи и варварских племен. Таким путем плоский эволюционизм пытался стереть качественные грани между рабовладельческим строем и феодализмом, снять вопрос о переходе от старой формации к новой. Другая школа буржуазных историков, подчеркивая свое «понимание» прерыва постепенности в историческом развитии, сводила все дело к насилию, завоеванию и изображала германские племена как некоего мессию, принесшего Европе феодализм. Все это плоды ложных концепций социальной мысли.

Камнем преткновения для буржуазной социальной мысли была проблема таких периодов в истории, когда возникающие закономерности нового общественного строя еще не определяли

хода исторического процесса и когда, наоборот, закономерно-сти уходящего общества еще продолжали сохранять свое значение. Конечно, и для начального периода не следует считать, что уходящий строй полностью сохранял свое прежнее господствующее положение. Это положение было уже утрачено им. Но пробивающее себе путь новое еще не имело в историческом процессе подавляющей экономической, политической и идейной силы.

Конечно, судьба нового с самого начала воздействует на характер и направление исторического процесса, но это новое долго еще не имеет решающего влияния на все события.

Для мирового процесса далекой древности характерно было то, что рабовладельческие государства возникали как своеобразные острова среди моря варварских племен, которое в известной степени являлось питательной средой для рабовладельческих государств. Эти племена становились резервуаром рабочей силы. В эпоху раннего средневековья соотношение сил на мировой арене изменилось. Теперь уже сами рабовладельческие империи, клонившиеся к упадку, становились жертвами набегов и завоеваний со стороны варварских племен. Впрочем, таким набегам эти империи подвергались и в эпоху расцвета рабовладения. Но тогда рабовладельческий способ производства в данном обществе, несмотря на пережитое потрясение, продолжал развиваться, ибо еще не сложились условия для перехода к феодализму. Историки древнего мира говорят о «процессах феодализации» в Египте, завоеванном ливийскими племенами, или в Вавилоне в период его завоевания касситами. Но даже буржуазные историки не рискуют говорить о развитии и завершении этих процессов в древнем мире.

В эпоху же раннего средневековья положение было иным. У рабовладельческих империй уже не было достаточно сил, чтобы вооруженной рукой покорять племена, захватывать рабов, развивая рабовладельческие отношения. Войны Юстиниана против готских варварских королевств, его «прагматическая санкция» хорошо это показали. Да и по самой своей социально-экономической природе рабовладельческая империя не была по-прежнему заинтересована в непрерывном притоке все новых масс рабов. Византия переходила к колонату, в ней развивались процессы феодализации. Войны, захваты перестали, таким образом, служить развитию рабовладельческого строя, они уже служили развивающемуся феодализму. Значит ли, что на этом основании можно абсолютизировать роль войны, вооруженных столкновений хотя бы для этой эпохи истории человечества? Не порывая с марксизмом-ленинизмом, с исторической правдой, разумеется, нельзя.

Эти острые конфликты в сфере политики, в соотношении сил на мировой арене отражали процессы, которые происходили в

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 154.

первую очередь в экономике. В этой решающей области человеческой деятельности старое уже ослабело, но и новое еще не набрало сил, не достигло своего расцвета, не могло еще добиться своей полной победы.

Феодализм вместо рабского труда использовал труд непосредственного производителя, обладающего средствами производства, ведущего свое хозяйство. В этом и была конечная причина победы феодализма. При рабовладельческом строе приток рабов зависел от захватнических войн, от грабительских набегов. Если же развивалось долговое рабство, то оно как ржавчина разъедало все общество и вело его к гибели. Феодализм изменил эти общественные отношения, вывел общество из тупика. Это несомненно, но человечество встало на такой путь отнюдь не сразу.

Маркс отмечал, что «крепостное право раннего средневековья» заключало в себе «еще много черт древнего рабства...»⁶. Но открывалась дорога к новым формам более производительного труда. Устанавливалась, говоря словами Маркса, та «несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»⁷. Таковы рамки возможной динамики, тенденция в развитии феодального способа производства.

Но пока исчезнут черты древнего рабства, пока произойдет развитие общины (марки), пока разовьется процесс закрепощения, пройдут долгие столетия. Как указывал Ленин, «...наделенный землей крестьянин должен быть лично зависим от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе как *под принуждением*. Система хозяйства порождает здесь «внеэкономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и т. д.»⁸. В период феодализма средством эксплуатации является прикрепление работника к земле. Этот процесс для своего развития требовал значительного времени, создания ряда необходимых условий, которые не возникают мгновенно. А до тех пор не может идти речь о господстве феодализма, о решительном перевесе его сил над старым строем.

Период, необходимый для вызревания феодализма, для создания перевеса его сил в экономической и политической областях, отнюдь не чисто «европейское», «западное» явление.

Для периода перехода к феодализму в Индии также характерны были гибель крупной рабовладельческой державы, выступление на историческую арену различных племен, которые достигли уже стадии разложения первобытнообщинных поряд-

ков и, объединяясь в военные союзы, вторгались в древние рабовладельческие государства, создавали феодальные княжества. Как бы своеобразно ни развивались здесь эти процессы, общая закономерность ясна. Глубокий кризис, который охватил рабовладельческий строй, был предвестником рождения нового, но понадобился значительный период борьбы старого и нового, вызревания и развития нового, пока оно стало оказывать решающее влияние на направление исторического процесса, а затем превратилось в господствующий общественный строй и окончательно определило направление исторического процесса.

Развитие феодальных отношений в Китае, глубокие социальные потрясения, падение великой державы Хань — все эти процессы также занимают весьма значительный период. Самый факт наличия споров среди историков о времени перехода Китая к феодализму весьма показателен. В начальный период развития феодальных отношений трудно отыскать определенный рубеж, который резко отделяет старое от нового. Бесспорным остается более поздний рубеж — послеханьский период, который всеми считается временем господства феодального способа производства. Как складывались взаимоотношения между пришедшим в движение миром племен и древним обществом, какое влияние эти взаимоотношения оказывали на процесс развития феодального строя, — это особый вопрос. Для нашей цели важно подчеркнуть, что и здесь на сцену выступили племена, которые ранее находились в тени доистории, что начальный период феодализма в Китае включает взаимодействие и борьбу древних очагов цивилизации с варварскими племенами и лишь последующий период приносит господство нового общественного строя.

При переходе от одной формации к другой неизбежно и очень остро вставал вопрос об изменении государственной власти. Переход к рабовладельческому способу производства, разумеется, не мог бы осуществиться, если бы не появился аппарат насилия — государство, находящееся в руках рабовладельцев. Различные стороны политической организации общества от рабовладельческой деспотии Древнего Востока до античной демократии соответствовали этапам развития рабовладельческих отношений. Республиканские формы правления развивались в обществе, которое уже целиком поконилось на рабстве; там же, где еще значительную роль играла сельская община, там существовала более грубая и примитивная форма политической организации общества — рабовладельческая деспотия. Античную демократию сменили рабовладельческие империи, выражавшие и закреплявшие дальнейшее развитие рабовладения.

При переходе к феодализму создание новой политической организации общества также играло большую роль. Старые

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 339.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 353.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 72.

рабовладельческие империи подлежали уничтожению. Ни в Риме, ни в Византии они не могли стать политической формой феодального общества. По мере все большей феодализации старые империи терпели крах. Создание новой государственной власти эксплуататорских классов заняло значительный период от варварских королевств (V—VI вв.) до государства Каролингов (VII в.), что соответствовало периоду развития феодальной собственности. Таким образом, политическая организация общества, выступавшая на мировой арене в интересах создавшего ее социального и экономического строя, сама развивалась, крепла или слабела в зависимости от судьбы этого строя.

Эпоха перехода от феодализма к капитализму, глубоко изученная Марксом, Энгельсом и Лениным, показывает нам, что определенное, довольно длительное время на мировой арене также встречались новый и старый строй общественной жизни. По мысли Ленина, феодализм характеризуется наличием хозяйств, отдельных поместий, общин, крестьянских семей, которые ««довлели сами себе»... и никакая сила не могла их вырвать из векового застоя»⁹. Феодальные порядки «увечивают технический застой и кабалу производителя»¹⁰.

За всей сложностью и пестротой политических событий эпохи перехода от феодализма к капитализму только марксизм-ленинизм указывал основную линию исторического развития и его этапы. Что касается анализа буржуазной наукой процесса перехода от феодализма к капитализму, то тут было нагромождено наибольшее количество ложных теорий, суть которых заключалась в стремлении сгладить качественное отличие капитализма от феодализма, сняв, таким образом, вопрос о скачке в области социально-экономических отношений. Особенно старалась достичь успеха в этом направлении школа Допша. Используя некоторые новые данные научного исследования и весьма старые метафизические и идеалистические представления о сущности исторического процесса, эта школа стремилась показать, что капитализм существовал в Западной Европе еще во времена Каролингов в форме «вотчинного капитализма». Ничто не ново под луной, и, таким образом, капитализм в соответствии с этим изречением «открывают» уже в VIII—IX вв. На самом деле капитализм появляется гораздо позже, хотя и тогда он еще не имел возможности определять ход мирового развития.

Дальнейшая история показывает, как и когда капитализм начинает оказывать решающее влияние на весь ход мировых событий, как он становится хозяином на земле. Основа этого процесса — развитие капиталистического способа производства.

Капиталистическому способу производства, как известно, потребовался сравнительно длительный период, чтобы победить уходящий с исторической сцены феодализм. «Хотя первые зачатки капиталистического производства, — писал Маркс, — sporadически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию»¹¹. Но и XVI век только начальный этап развития капиталистического способа производства. В Европе тогда установились феодально-абсолютистские порядки, которые на первых порах давали известные возможности для развития капиталистического способа производства, но затем для упрочения и господства его потребовалось уничтожение этих порядков. Упорная борьба против феодально-абсолютистских сил наполняет следующий этап развития капитализма.

Борьба за победу капитализма велась и в отдельных странах, и на мировой арене. Французская буржуазная революция не могла быть явлением изолированным, она зародилась и развивалась в определенной международной обстановке. Тот факт, что революция во Франции победила феодализм, дал ей возможность выступить и против враждебных сил, которые угрожали ей на европейской арене. Борьба против феодально-абсолютистских сил как в отдельных странах, так и на мировой арене продолжалась и в XIX в., пока окончательно не упрочилась власть буржуазии, не завершилась ее победа и не наступил период ее господства в мировом масштабе. Таким образом, мировое развитие — основной угол зрения, позволяющий понять процесс смены феодализма капитализмом.

Политическая борьба, которая наполняет этот период, играла огромную роль. В первую очередь это была борьба за государственную власть, которую буржуазия стремилась вырвать у помещиков. Не в силах сделать это без помощи народа, она стремилась достичь власти на плечах крестьянства и плебейских элементов города. Поскольку капитализм зарождается в недрах феодального строя, преобразование политической надстройки является на определенном этапе важным требованием, без которого невозможно дальнейшее развитие нового строя. Удары по феодализму в Европе следуют один за другим: Реформация и крестьянская война в Германии, революция в Нидерландах, английская революция и, наконец, буржуазная революция во Франции. Это характерные этапы процесса мирового развития, в ходе которого возникают конфликты между буржуазией и помещиками, а также их компромиссы перед лицом растущей активности трудящихся масс, революционный размах которых пугает эксплуататоров.

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 208.

¹⁰ Там же, стр. 209.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 728.

Какова же основная историческая линия развития капитализма, какие ступени прошла его история? В истории капитализма Ленин различает следующие основные эпохи: «Первая эпоха, с великой французской революции до франко-прусской войны, есть эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений. Вторая эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу. Это — эпоха подготовки и медленного собирания сил новым классом, современной демократией. Третья эпоха, только начинающаяся, ставит буржуазию в такое «положение», в каком были феодалы в течение первой эпохи. Это — эпоха империализма и империалистских, а также вытекающих из империализма, потрясений»¹². Характеризуя третью эпоху, Ленин далее пишет: «На место борьбы подымающегося вверх национально-освобождающегося капитала против феодализма стала борьба реакционнейшего, отжившего и пережившего себя, финансового капитала, идущего вниз, к упадку, — против новых сил»¹³.

Основным объективным содержанием исторических явлений в течение первого, а частично и второго периода, по мнению Ленина, были «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества. «Главным классом, который... один только мог выступать с подавляющей силой против феодально-абсолютистских учреждений, была буржуазия». Это и определило характер эпохи. Ленин подчеркивает: «Ни о каком, действительно самостоятельном и соответствующем эпохе перерастании и упадка буржуазии, действии современной демократии в целом ряде передовых стран не могло быть тогда и речи»¹⁴.

Таким образом, на заре капиталистической эры в XVI—XVIII вв. новый способ производства не только не добился господствующего положения, но и не оказывал решающего влияния на ход мировых событий. В следующую эпоху, наступившую после французской революции 1789 г., капитализм пришел к победе. Но и в этот период продолжалась напряженная борьба за быструю ломку и уничтожение феодально-абсолютистских порядков, за развитие, по выражению Ленина, национально-освобождающегося капитала в мировом, а вернее, в общеевропейском масштабе. В эту эпоху, как указывал Ленин, «главной пружиной было движение буржуазии против феодально-абсо-

лютистских сил»¹⁵. Эти феодально-абсолютистские силы сковывали возможности капиталистического способа производства, стесняли его развитие. Борьба шла и внутри отдельных стран, и на мировой арене, где продолжали еще действовать коалиции, военно-политические союзы феодально-абсолютистских сил.

Без анализа экономической основы великих перемен в жизни народов, разумеется, невозможно разобраться и в политических и идеологических битвах, которые выражают наступление этих перемен, показывают всю напряженность борьбы между старым и новым внутри отдельных стран и на мировой арене, т. е. отражают развитие мирового процесса и становятся его проявлением.

Эта проблема стала камнем преткновения для буржуазной социальной мысли. Вопрос об отношении экономики, политики и идеологии в период перехода от феодализма к капитализму оказался для нее неразрешенным. Следуя порочной идеалистической методологии, буржуазные теоретики подчеркивали главным образом значение идеологических конфликтов, войн и вооруженных столкновений. Причины последних объяснялись при этом идеологическими конфликтами. Этапы исторического процесса исчезали, его экономическая основа оставалась в тени и лишь идеалистически истолкованные факты вооруженной борьбы были на виду.

Хотя капитализм вызревал в недрах феодализма, ему все же понадобилось значительное время для того, чтобы одержать победу над старым строем, развив все свои преимущества и реализовав их в области мировой политики. Причем на мировой арене борьба за победу капитализма есть в то же время борьба за первенство наиболее сильных хищников. В XVI в. наиболее сильными и богатыми странами были Испания, Португалия и Нидерланды, а в XVII в. в борьбу за мировое первенство вступают Франция и Англия. После буржуазной революции перевес в этой борьбе переходит на сторону Англии. Так дело обстояло в начальный период развития капитализма, когда в мире господствовали еще феодально-абсолютистские порядки. Однако борьба против феодально-абсолютистских порядков также часто носила характер военных конфликтов. На все эти факты обычно и указывают буржуазные теоретики, не стремясь проникнуть в их суть. Они исходят также из того, что хотя при капитализме мирные отношения между народами значительно расширились и углубились по сравнению с периодами рабства и крепостничества, но борьба капиталистических хищников постоянно вызывала захватнические войны и война продолжала оставаться постоянным орудием политики, средством закабаления других народов, захвата их достояния, превращения их в колониальных рабов.

¹⁵ Там же, стр. 140.

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 143.

¹³ Там же, стр. 145.

¹⁴ Там же, стр. 144.

Переход от одной формации к другой и идеологическая борьба

Если говорить об идеологической борьбе на мировой арене, то в период возникновения феодализма она происходила главным образом в религиозной форме; распространение христианства явилось отсветом гибели рабовладельческого мира и нарождающегося феодализма. Процесс заключался в освоении новым обществом религиозного наследия ушедшего с исторической арены рабовладельческого строя, в изменении христианства, в его приспособлении к новым условиям социальной и политической жизни. На Востоке идеологией становящегося феодального общества стал ислам. Изменения в религиозной идеологии характеризовали становление феодализма в Индии и Китае. В это время и политическая теория включалась в церковные концепции.

Бои в области религиозной идеологии особенно обострились в «начале капиталистической эры», когда буржуазные разновидности христианства выступали против его феодальной формы. В сфере политической идеологии борьба шла против феодально-абсолютистских учений с их игнорированием прав национального государства, его суверенитета. Капитализм поднял знамя национального суверенитета, и передовые мыслители Америки громко заявляли, например, о праве народа на революцию. Феодально-абсолютистская реакция с тупым упорством отстаивала свое призрачное «право» на вмешательство во внутренние дела других государств во имя наведения повсюду «порядка». Так на мировой арене появились идеи легитимизма и развернулась борьба против них.

Но важнейшей сферой борьбы стало поле сражения, на котором научное знание доказывало свое неотъемлемое право возглавить прогрессивное развитие человечества, и философский материализм стал знаменем передовых сил общества. Борьба охватила все области духовной жизни, с упорством велась она и в сфере искусства, литературы. Эта борьба имела, конечно, огромное значение для процесса исторического развития. Но буржуазные социологи, начиная с Макса Вебера, стараются поставить весь процесс с ног на голову, доказывая, что даже экономика определялась идейной борьбой и развитие капитализма шло под воздействием религиозной идеологии.

Это, разумеется, идеалистическое извращение исторического процесса. И всякое превращение в абсолютизм идеологической или политической борьбы есть отход от марксизма-ленинизма. Научная теория общественного развития на самом деле утверждает, что формирование идеологии, соответствующей новому способу производства, играло значительную роль в завоевании и упрочении его победы. Несомненно, что феодализм в Европе,

разработав идеологию католицизма, обрел в нем сильное духовное оружие своего господства, высшую санкцию феодального строя. Христианизация древней Руси также означала разрыв с родо-племенным бытом и способствовала переходу к феодализму. В ожесточенной борьбе против остатков родо-племенного быта и религиозных культов, тесно с ним связанных, возник ислам, который санкционировал побеждающие феодальные порядки и становление эксплуататорского государства у арабов. Возникновение и распространение таких буржуазных форм христианства, как кальвинизм, способствовали укреплению и развитию буржуазных порядков, победе норм, выраставших на почве буржуазного общества.

Что же касается обращения передовых слоев буржуазии к науке, их приверженности к философскому материализму, созданию новых политических учений, то, разумеется, все это играло огромную роль в борьбе против феодально-абсолютистской реакции.

Идеологическая борьба шла в тот период рука об руку с политической борьбой, и последняя не могла развиваться успешно без соответствующего идеологического обоснования. Однако и политическая и идеологическая борьба того периода есть выражение этапов формирования нового способа производства.

В наши дни идеологическая борьба идет за подлинное, бескомпромиссное научное мировоззрение, за победу идеологии труда над идеологией паразитизма. Она играет огромную роль в процессе превращения мировой системы социализма в решающую силу исторического развития. Основа основ борьбы между капитализмом и социализмом состоит ныне в укреплении могущества социализма, в разрешении им великих исторических задач нового строя.

За последние годы некоторые западные теоретики переносят внимание на идеологический конфликт между социализмом и капитализмом и в этом ищут оправдания современного милитаризма. При этом они акцентируют убежденность коммунистов в том, что в силу прогрессивного развития общества коммунизм неизбежно победит в мировом масштабе. Именно это обстоятельство, по мнению буржуазных теоретиков, создает остроту современного идеологического конфликта и якобы ведет к «холодной» и даже к «горячей» войне. Этот тезис широко используется буржуазной пропагандой для борьбы против коммунистов и, надо сказать, проникает в сознание некоторых кругов западной интеллигенции.

Новый маневр буржуазных идеологов состоит в том, что они стараются сосредоточить внимание своих слушателей и читателей на идеологических разногласиях противоположных систем, а затем делают вывод, будто при наличии подобных разногласий совершенно невозможно мирное сосуществование двух

систем. Таким путем стараются «доказать», что если у двух систем разная идеология, то нет якобы никакой основы для мирного сосуществования и, наоборот, есть веские причины для военного конфликта.

Некоторые буржуазные идеологи не оставляют своих попыток внушить народам мысль, будто спор между капитализмом и социализмом нельзя решить мирными средствами. Они заявляют, что мирные отношения между капиталистическими и социалистическими государствами могут установиться лишь в том случае, если спор между ними вообще прекратится, если не будет идеологической борьбы.

Появилось уже немало «дешевых разносчиков» подобных идей. Например, право-лейбористский деятель Кристофер Мэйхью выпустил в Англии специальную брошюру на эту тему, озаглавив ее «Сосуществование плюс... позитивный подход к проблемам всеобщего мира». К установившейся концепции мирного сосуществования Мэйхью хотел бы «добавить», по его выражению, «идеологическое сосуществование, прекращение устаревшей, ожесточенной пропагандистской битвы между так называемым капитализмом и так называемым коммунизмом». Мэйхью предпочитает не называть вещи своими именами. Ему очень не хочется капитализм называть капитализмом, признавать эксплуатацию в «свободном мире». Ему не хочется и коммунизм называть коммунизмом, признавать, что этот строй уничтожает эксплуатацию. Поэтому он пишет «так называемый капитализм» и «так называемый коммунизм». Вместо того чтобы серьезно выяснить, в чем состоит противоположность двух систем и обязателен ли в силу этой противоположности военный конфликт между ними, многие буржуазные теоретики скользят по поверхности.

Для всей буржуазной пропаганды в последнее время стало модным ставить знак равенства между «холодной войной» и идеологическим конфликтом, известным умонастроением людей. Отсюда и рецепт для прекращения «холодной войны»: надо уничтожить идеологическую борьбу, унифицировать взгляды людей, тогда, мол, прекратится и подготовка войны.

Не трудно заметить, что здесь перемешаны правильные положения с заведомо ложными. Кто будет спорить, что «холодная война» есть подготовка войны? Кто станет возражать против того, что «холодная война» связана с умонастроениями людей, с милитаристской пропагандой, которую ведут многие империалистические государственные деятели, целые партии и организации. Все это верно. Но рассматривать «холодную войну» как род идеологической борьбы, ставить знак равенства между этими явлениями, а тем более выдвигать требование о прекращении идейной борьбы в качестве условия ослабления международной напряженности — дело теоретически несостоятельное и полити-

чески вредное. Положить конец «холодной войне» — реальная задача; она по плечу народам мира и отвечает их жизненным интересам. Что же касается идейной борьбы, то она представляет собой одну из форм классовой борьбы, и пока существуют антагонистические классы с противоположными идеологиями, мировоззрениями, между ними ведется и будет вестись идеологическая борьба; она есть фактор общественного развития.

«В современном мире, — подчеркивается в Программе КПСС, — идет ожесточенная борьба двух идеологий — коммунистической и буржуазной. Эта борьба — отражение в духовной жизни человечества исторического процесса перехода от капитализма к социализму»¹⁶.

Взгляд, согласно которому войны порождаются идеологическими конфликтами, насквозь идеалистичен, ибо в основу общественного бытия его сторонники в конечном счете кладут идеи, умонастроения. Но ведь в традициях идеализма воспитываются поколения людей на Западе. Со школьной скамьи им прививают идеалистические воззрения на общество и его историю. В средней школе подростка учат, что крестовые походы были порождены главным образом религиозными побуждениями. Одна из первых страниц современной исторической науки начинается с разоблачения этого вымысла: большим достижением научного мировоззрения было установление реальных, земных причин крестовых походов. Грабительские походы европейских феодалов, двинувшихся на завоевание сказочно богатых стран Востока, лишь прикрывались религиозной формой, лозунгами «освобождения гроба крестоподобия от неверных». Историческая наука в лице своих лучших представителей обнажила весьма земную сущность этих военно-колониционных экспедиций, которые привели к тому, что крестоносцы в 1204 г. с чудовищным цинизмом разграбили «христианнейшую» Византию. Кроме людей, ослепленных буржуазным невежеством, никто не может ссылаться на крестовые походы для «доказательства» тезиса, согласно которому идеи вызывают войны.

Столь же неправильны и ссылки на религиозные войны XVI в. Речь идет по сути дела о гражданских войнах во Франции, выражавших кризис абсолютизма. Тот факт, что тогда возникли две мощные партии — гугенотская и католическая — под религиозными флагами, отнюдь не опровергает истины, что эти партии преследовали политические интересы. Была политическим актом и Варфоломеевская ночь (1572 г.). Религиозная форма подчеркивала неразвитость политической идеологии борющихся социальных слоев в силу имевшихся тогда исторических условий. Религиозная идеология доводила до крайности фанатизм и изуверские методы борьбы. Но считать, что религиозные идеи вызвали

¹⁶ «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1962, стр. 357.

гражданские войны,— это значит возвращать историческую науку вспять, к ее младенческой стадии.

Этот вопрос, действительно, был запутан буржуазной общественной мыслью, но историческая наука все же нашла путь к его решению. Буржуазные просветители-антиклерикалы, стоя на позициях идеализма в изучении общества, утверждали, что религиозный фанатизм доводит людей до кровопролитных войн. А реакционеры и клерикалы твердили, что забвение «истинной веры», отпадение от нее людей, заблудившихся в «лжеучениях», предопределило кровавую развязку религиозных распрей. На самом деле земные интересы вели людей к военным конфликтам, а религия представляла лишь удобную форму для этих кровавых конфликтов.

Историческая наука пробилась сквозь туман предубеждений к подлинным земным истокам тех конфликтов XVI в., которые развивались под религиозным флагом, но были выражением противоположных интересов феодальной аристократии и нарождающейся буржуазии. Однако буржуазная школьная премудрость бережно сохраняла идеалистическое истолкование исторического процесса. Университетская наука возносила такое толкование истории до уровня философских обобщений об идеях, вызывающих войны. Пропагандисты, популяризаторы, журналисты разносили дальше все ту же стряпню. Пропаганда ложных взглядов на причины, вызывающие войны, находит на Западе почву, удобренную идеализмом. Идеализм и здесь несет свою политическую службу.

Не мудрено, что в буржуазных странах даже среди людей, активно борющихся за мир, можно слышать ссылки на крестовые походы или на религиозные войны как на доказательство того, что идеологические конфликты способны вызывать войну. Такие взгляды распространены среди буржуазных пацифистов. О действительных, земных корнях этих военных столкновений буржуазные пацифисты, конечно, не говорят. Проанализировать земные корни противоположности между коммунизмом и капитализмом они не могут.

В эпоху империализма появление на мировой арене новой силы действительно вело к кровавым столкновениям. Но возникновение мировой системы социализма отнюдь не ведет к войнам, ибо у социализма нет никаких причин вооруженной рукой что-либо захватывать у капитализма. Экономическое и социальное развитие социалистического общества не приводит к созданию таких гордиевых узлов в отношениях с капитализмом, которые следовало бы обязательно рубить мечом. Растущий и крепнущий социализм предлагает капитализму мирное соревнование именно в сфере экономики. Что же касается буржуазных теоретиков, то они либо далеки от этой идеи, либо враждебны ей.

Но таковы лишь теоретические предпосылки возникновения и распространения концепции, согласно которой идеологическая битва между коммунизмом и капитализмом должна вести к войне. Реальные же причины появления ее на свет иные. Их надо искать в той политической позиции, которую занимают господствующие классы современного буржуазного общества по вопросу о мирном соревновании с социалистической системой.

Известно, что правящие круги империалистических держав боятся мирного соревнования с социализмом в области производства. При всем бахвальстве некоторых буржуазных теоретиков насчет «недостижимости» для Советского Союза уровня производства США тревожные голоса экономистов и политических деятелей доносятся из-за океана все чаще. Сейчас становится все более очевидным, что некоторые теоретики и пропагандисты империализма боятся за исход не только экономического соревнования, но и современной идейной борьбы. Конечно, на страницах западных журналов постоянно можно встретить весьма неумеренные самовосхваления буржуазной идеологии. Но за этим подчас видна худо скрытая тревога. Сколько раз идеалы коммунизма объявлялись «несуществующими» или «не заслуживающими внимания»! Сколько раз поднимался крик о «кризисе коммунизма»! Великая сила коммунистических идей от этого, разумеется, не оскудела, они одерживают все новые победы, ибо правильно выражают могущественные тенденции исторического развития.

Сторонники империализма продолжают тревожить вопрос о том, что может капитализм противопоставить коммунизму в разгорающейся битве за умы и сердца людей. Пропагандистская шумиха об «идеалах свободного мира» только разоблачает идейную нищету империализма. Все больше обнаруживается, что эти идеи взяты напрокат, что они принадлежат домонополистической стадии капитализма. Идеиные доспехи конца XVIII — начала XIX в., добытые из музеев, обветшали. Новых идеалов не существует. Все это лишь показатели того, что частная собственность исчерпала себя в общественном развитии. Невизбежно усиливается тяга к идеям научного коммунизма, которые указывают человечеству путь установления и господства общественной собственности, ясную цель освободительной борьбы, отражают коренные интересы и чаяния всех трудящихся, вселяют в них исторический оптимизм, веру в свои силы и огромные возможности.

В этих условиях кое-кому на Западе и приходит в голову вместо позитивного участия в борьбе идей начать пропагандистский поход против... идеологической борьбы, за ее прекращение. Но если присмотреться внимательнее, за требованием отказа от «идеологической борьбы вообще» скрывается попытка добиться лишь умаления идеологического влияния коммунизма. Сказать

им нечего, а говорить надо. Так нельзя ли криками о прекращении идейной борьбы заглушить голоса тех, кто громко и отчетливо говорит о великом будущем человечества и о жизни, достойной человека.

Выставляя как условие прочного мира «идеологическое разоружение», сторонники этой концепции тем самым, во-первых, стремятся не объединить, а раздробить силы, выступающие за мир, а во-вторых, уводят из-под огня тех, кто готовит войну, прикрываясь любыми предлогами, в том числе и идеологическими разногласиями.

Жизнь уже посмеялась над некоторыми наиболее реакционными представителями католицизма, ратовавшими за «идеологическое разоружение». Так, один из руководителей французской католической церкви, Герри, в своей книге «Церковь и сообщество народов» проводил следующую мысль: чтобы восстановить «мост между двумя блоками», понадобился бы общий принцип — позитивный идеал человеческой и моральной цивилизации. Известно, что коммунисты отнюдь не считают идеалом капиталистическую цивилизацию и решительно критикуют буржуазную мораль. Следовательно, рассуждал католический писатель, безнадежно строить мосты между двумя системами¹⁷. Однако автор допустил здесь грубую подтасовку. У коммунистов с католиками различные представления о настоящем и будущем человеческой цивилизации. Но почему коммунисты не могут быть согласны с трудящимися-католиками в одном весьма позитивном вопросе: надо беречь мир, как зеницу ока; нельзя допустить, чтобы агрессоры развязали войну; человечество может и должно жить в мире, без войн. Честных людей всей земли, следовательно, объединяет идея сохранения и упрочения мира, особенно близка она, конечно, трудящимся. Это поняли такие деятели католической церкви, как папа Иоанн XXIII, выступавший за мир и мирное сосуществование.

Такой же конфуз постиг некоторых католических деятелей Западной Германии из партии Аденауэра, которые с немалым усердием распространяли утверждения о том, что «сосуществование невозможно», так как нет общепризнанных норм, «которые рассматривались бы всеми как нравственно обязывающие и поэтому нерушимые»¹⁸. Но оказывается, ничто не мешает верующим католикам услышать призыв коммунистов: мир должен быть нерушим, отношения между народами должны строиться на основе простых норм нравственности и справедливости, как об этом говорится в Программе КПСС. Коммунисты ведут непримиримую идеологическую борьбу против сторонников войны, против идеологии ненависти и вражды между народами.

Рассуждения буржуазных теоретиков о том, что идеологическая борьба составляет содержание «холодной войны» и что эта борьба должна перерасти в кровавую войну, глубоко порочны. «Холодная война» не просто идеологическая борьба, идеологический конфликт. Это идеологическая подготовка войны. Острота и глубина идеологической борьбы отнюдь не означают, что эта борьба должна стать идеологической подготовкой войны. Идеологическая борьба становится подготовкой войны, когда в этой борьбе заложена идея недостаточности идеологических средств, неверие в их эффективность для достижения успеха; тогда обосновывается неизбежность военного конфликта, тогда проповедуется лозунг «пушки вместо идей».

Приведенные положения говорят о том, что выявление характерных черт нового этапа всемирной истории, наступившего после возникновения и укрепления мировой системы социализма, обогащает в целом наше понимание исторического процесса, смены общественно-экономических формаций. Вывод о том, что новый строй первоначально не имеет решающего влияния на ход всемирной истории и лишь впоследствии приобретает возможность оказать такое влияние, глубоко научно обоснован.

Огромным достижением творческого марксизма является определение нашей эпохи как эпохи перехода от капитализма к социализму, когда социализм превращается в решающий фактор мирового развития. Без этого определения мировое коммунистическое движение не смогло бы правильно ориентироваться в современной исторической обстановке, разрабатывать правильную политическую линию, основанную на принципах ленинизма. Именно Ленину принадлежит мысль о превращении диктатуры пролетариата в интернациональную, способную оказывать решающее влияние на мировой процесс. Ленин указывал, что это превращение связано с наличием диктатуры пролетариата в ряде передовых стран.

Ленин подчеркивал, что диктатура пролетариата для того, чтобы иметь возможность оказывать решающее влияние на мировую политику, должна победить по крайней мере в нескольких передовых странах. Почему Ленин говорил именно о передовых странах? По мысли Ленина, социалистический строй, победивший в нескольких слабых странах, не смог бы оказать такого влияния, ибо социалистические страны, не обладающие достаточной экономической мощью, не смогли бы полностью освободиться от влияния капитализма. В процессе превращения диктатуры пролетариата в интернациональную силу дело, следовательно, не только в простом увеличении количества стран, совершивших социалистическую революцию. Ленин подчеркивает и качественную сторону: необходимо, чтобы эти страны были передовыми, тогда они могут оказывать решающее влияние на всю мировую политику.

¹⁷ См. «Cahiers du communisme» N 11, 1959.

¹⁸ «Dokumente» N 4, 1959, S. 277; «Der Krieg als sittliches Problem».

Социализм победил первоначально в Советском Союзе, который отставал в технико-экономическом отношении от передовых капиталистических стран. Чтобы социализм превратился в решающую силу, он должен не только шагнуть за пределы одной страны, но вступившие на социалистический путь страны должны стать *передовыми* в технико-экономическом отношении. Эту задачу выполнили наша партия, советский народ, создав могучую социалистическую державу. В нашей стране диктатура пролетариата развилась в общенародное государство, в котором рабочий класс играет руководящую роль.

Превращение социализма в решающую силу мировой истории коренным образом отличается от победы феодализма или капитализма, эксплуататорских формаций над своими предшественниками. Социализм реализует свое преимущество не в завоеваниях, он не нуждается в захватнических войнах. Наоборот, борьба идет за то, чтобы помешать капитализму перевести спор на язык пушек и бомб. Свое решающее влияние на ход мировой истории социализм начинает с того, что отстывает мир, парализует произвол и насилие империалистов на мировой арене. Успехи социализма в этом направлении ярко показывают процесс превращения его в решающую силу.

Глава четвертая

РЕВОЛЮЦИЯ, ВОЙНА И МИР

Буржуазные фальсификаторы марксизма хотели бы приписать коммунистам мысль о войне как методе распространения социалистической революции во всем мире. По их мнению, марксизм учит, что без войны нет и революции. «Критики» коммунизма выдают при этом собственные вымыслы за теорию коммунизма, а затем успешно сражаются с этими вымыслами. Г-н Честер Боулс, например, придумал такую «коммунистическую концепцию», которую он затем и критикует с большим азартом. Мысли Маркса, по его мнению, сводятся к следующему: «Конкуренция между капиталистическими странами — главным образом из-за рынков и колоний — неизбежно приведет к серии империалистических войн и в конечном итоге к гибели капитализма». Итак, гибель капитализма — результат войн. Ничего подобного нет у Маркса. Боулс, по-видимому, вычитал это в каком-то популярном пособии по антикоммунизму. Но он продолжает «развивать» эту концепцию: «Не будь первой мировой войны, вполне вероятно, что не было бы и русской революции». Как кажется Боулсу, Ленин разделял его убеждения: «Он понимал, что подобные же

силы произведут подобные перевороты не только в одной России, но и в других странах, которые опустошила война». Вот почему коммунисты делали и делают свою ставку на войну. Таков вывод. Но он полностью противоречит всей социологической концепции марксизма-ленинизма. Не так понимают коммунисты движущие силы истории, не так представляют они себе причины смены одной формации другой.

Вот еще вариант той же буржуазной версии мирового революционного процесса, только вместо слова «война» в нем фигурирует термин «экспансия». Суть, однако, та же. Американский дипломатический чиновник в прошлом, а ныне преподаватель Гарвардского университета Роберт Боун пишет: «С советской точки зрения «сосуществование» — это признание и «мирное» принятие некоммунистическими народами постоянной экспансии коммунизма как неизбежной фазы исторического развития»¹. Но это утверждение ложно. В основе его все та же идея механического распространения коммунизма из какого-то центра. В самом деле, что такое «постоянная экспансия коммунизма»? Это не что иное, как буржуазное толкование мирового революционного процесса. Однако основа возникновения и развития нового общественного строя — живое творчество масс, и оно может проявиться только там, где имеются для этого необходимые объективные и субъективные условия.

Коммунистам не нужен экспорт революции, ибо революции возникают там, где для них созрели внутренние условия. Об этом говорит все учение Ленина о революции.

Действительная постановка Лениным вопроса о революции и войне

Как же в действительности Ленин ставил вопрос о революции и войне? Вот что говорил Ленин о первой мировой войне, о ее влиянии на строительство нового общества в нашей стране:

«Уже за много лет до войны социалисты всех стран указывали и торжественно заявляли на своих конгрессах, что война между передовыми странами будет не только величайшим преступлением, что эта война из-за дележа колоний, из-за дележа добычи капиталистов будет не только полным разрывом с приобретениями новейшей цивилизации и культуры, что она может повести, — и что она неминуемо поведет, — к подрыву самих условий существования человеческого общества. Потому что первый раз в истории самые могучие завоевания техники применяются в таком масштабе, так разрушительно и с такой энергией к массовому истреблению миллионов человеческих

¹ «The Department of State Bulletin». February 15, 1960, p. 234.

жизней. При таком обращении всех производительных средств на служение делу войны мы видим, что исполняется самое горькое предсказание и что одичание, голод и полный упадок всяких производительных сил охватывают все большее и большее количество стран»².

Итак, Ленин считал, что уже первая мировая война может повести к подрыву самих условий существования человеческого общества. Можно ли считать на этом основании, будто мировая война — благоприятное условие для создания нового, неизмеримо более прогрессивного общества на земле? Разумеется, нет. Методологически чрезвычайно важен ход мысли Ленина, приводящий его к такому выводу. Ленин подчеркивает, что в период первой мировой войны *впервые в истории* самые могучие завоевания техники применяются в *таком масштабе, так разрушительно и с такой энергией в военных целях*. Опасность такой войны *для самих условий существования человеческого общества* проистекает из обращения *всех производительных средств на дело разрушения*. Как итог возможны *одичание, голод и полный упадок всяких производительных сил*. Нельзя не видеть, что именно из этих указаний Ленина исходили XX съезд КПСС, мировое коммунистическое движение в оценке угрозы новой мировой войны.

Ленин страстно восставал против буржуазной лжи, империалистической пропаганды, которая приукрашивала войну.

Он писал: «Пока продолжается военный гнет, пока сохраняется еще война, пока она связана еще, с одной стороны, с надеждами на победу и на возможность выйти из этого кризиса путем победы одной из империалистических групп, а с другой стороны, определяется бешенством военной цензуры и опьянением всего народа военным угаром, только это и скрывает от массы населения большинства стран, в какую пропасть они вваливаются, в какую пропасть они наполовину свалились»³. Из этого анализа Ленин делал свой стратегический вывод о выходе из войны, о необходимости вырваться из нее силой революционного народа.

Если Ленин так оценивал «могучие завоевания техники» в период первой мировой войны, что же следует сказать о новой термоядерной техникеготавливаемой империалистами третьей мировой войны? Только то, что говорят КПСС и другие братские марксистско-ленинские партии. Могучие завоевания техники увеличились в сотни раз, соответственно возросла и угроза подрыва самих условий существования человеческого общества. Одичание, голод и полный упадок производительных сил будут безусловным результатом войны. Если уже в первую

мировую войну Ленин считал, что народные массы наполовину свалились в пропасть, то глубину пропасти, в которую свалилось бы трудящееся человечество в результате термоядерной войны, сейчас даже трудно представить. Причем это падение будет происходить чрезвычайно быстро, и организовать массы для борьбы за выход из войны после ее начала, с тем чтобы предупредить ее последствия, будет очень трудно. Такова, и только такова, точка зрения ленинизма.

Теперь коснемся вопроса о том, что же дала России первая мировая война, каков в этом отношении опыт революции в России, о котором говорил Ленин? Конечно, первая мировая война убила крах капитализма в России, вызвав глубочайший политический, общенациональный кризис. Вот как оценивал Ленин в этом отношении роль войны, ссылаясь при этом на Энгельса:

«Мне вспоминается поэтому, как прав был один из великих основателей научного социализма, Энгельс, когда в 1887 году, за 30 лет до русской революции, писал, что европейская война приведет не только к тому, что короны, как он выразился, дюжинами полетят с голов коронованных особ и некому будет поднимать эти короны, но что эта война поведет за собой неслыханное озверение, одичание и отсталость всей Европы, а вместе с тем война повлечет за собой либо господство рабочего класса, либо создание условий, делающих это господство необходимым. Основатель марксизма выражался на этот раз с удвоенной осторожностью, ибо он ясно видел, что если история пойдет таким путем, то это приведет к краху капитализма, к расширению социализма, то более мучительного, более тяжелого перехода, более острой нужды и более крутого кризиса, подрывающего все производительные силы, нельзя будет себе и представить»⁴.

Итак, первая мировая война привела к краху капитализма в нашей стране, к глубокому общенациональному кризису. Но поставить на этом точку — значит извратить мысль Ленина. Ленин подчеркивал, что и тогда, в 1914—1918 гг., более мучительного, более тяжелого перехода к социализму нельзя было себе представить. Каким же был бы переход к социализму, который наступил бы после третьей мировой войны, в результате применения еще более могучих достижений техники — термоядерного оружия?

О первой мировой войне, разрушительные последствия которой были в сотни и сотни раз меньшими, чем возможные последствия третьей мировой войны, Ленин писал: «...Нам приходится переживать особенно тяжело, особенно остро для нас мучения голода, который обрушивается на нас все тяжелее и тя-

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 396.

³ Там же, стр. 397—398.

⁴ Там же, стр. 396—397.

желее»⁵, или: «...мы должны твердо усвоить себе, что эти бедствия являются прежде всего и больше всего наследством этой проклятой империалистической бойни, которая во всех странах привела к неслыханным бедствиям, и где эти бедствия только временно скрываются еще от масс и от осведомления громадного большинства народов»⁶.

С чего же пришлось нам начать строительство нового общества? «Перед нами, — говорил Ленин, — сейчас стоит самая элементарная задача всего человеческого общежития — победить голод, уменьшить, по крайней мере, немедленно непосредственный мучительный голод, которым охвачены обе столицы и десятки уездов в земледельческой России»⁷. Мы начали, следовательно, с решения элементарнейшей задачи человеческого общежития. Так выглядит в действительности оценка Лениным влияния первой мировой войны на строительство нового общества в нашей стране.

Важнейший завет Ленина — подходить исторически, «с точки зрения диалектического материализма Маркса» к вопросу о войнах⁸. Борясь против правых и «левых» оппортунистов, Ленин подчеркивал, что исторические условия изменяются, что вопрос о войнах можно решать, только если учитывать историческую обстановку. Свои статьи, полные гнева, бичующего сарказма, Ленин направляет против русских меньшевиков, немецких оппортунистов, которые, рассуждая о войнах, не желали учитывать наступление нового исторического периода. Говоря о таких рассуждениях оппортунистов относительно первой мировой войны, Ленин пишет: «Софизм этих рассуждений состоит в том, что совершают подмен, ставя прежнюю, давно минувшую, историческую эпоху на место настоящей»⁹. Именно этого и нельзя делать, ставя и решая вопрос о войне в новых условиях.

Оппортунисты не видели, подчеркивал Ленин, что в прошлом «не было *ни* современного империализма, *ни* созревших объективных условий социализма, *ни* массовых социалистических партий во *всех* воюющих странах...»¹⁰. Вот факторы, на которые в первую очередь указывает Ленин, изучая отличие исторической обстановки первой мировой войны от предшествующего периода. Таким образом, говоря о войнах, надо исходить из анализа того исторического этапа, на котором находится общество. При этом следует учитывать развитие производительных сил, техники, в том числе и возможность применения ее к истреблению людей.

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 397.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 399.

⁸ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 311.

⁹ Там же, стр. 184.

¹⁰ Там же, стр. 321.

Большинство ученых, исследовавших экономику и политику последней стадии капитализма, видел причину империалистических войн в том, что империалисты безраздельно господствуют в мире, который они уже поделили между собой, и ведут теперь борьбу за его передел. В этом заключается экономическая основа войн при империализме. Мы неминуемо скатились бы на позиции самого плоского идеализма, если бы стали усматривать источник войн во вкусах, настроениях и психологии империалистов. Таков важнейший вывод из ленинского анализа войн при империализме.

Ленин писал о первой мировой войне: «Объективные условия социализма вполне созрели, и теперешняя война есть война капиталистов за привилегии и монополии, которые бы могли отсрочить крах капитализма»¹¹. Таким образом, империалисты с помощью войн хотели бы отсрочить крах капитализма, затормозить исторический процесс, неизбежно ведущий к смене капитализма новым, социалистическим общественным строем. Ленин учил рабочий класс, как бороться с этой стратегией империалистов.

Как Ленин ставил вопрос о мире, о борьбе за прочный мир в эпоху империализма, до победы социалистической революции в нашей стране?

Борясь против обмана народа пацифистскими фразами, Ленин указал человечеству верную дорогу к миру. Он учил рабочий класс, «что те блага, коих они ждут от мира, невозможны без ряда революций»¹². Он выступал против иллюзий, «будто теперешние правительства, теперешние командующие классы *способны*, без «обучения» (или, вернее, устранения) их рядом революций, на мир, сколько-нибудь удовлетворяющий демократию и рабочий класс»¹³.

Почему Ленин писал о ряде революций, которые только и могут коренным образом изменить мировую обстановку, создать условия для того, чтобы появились те блага мира, коих ждут массы? Страна, в которой победит социалистическая революция, несомненно, может подвергнуться интервенции со стороны капиталистических государств. На эту интервенцию народ, взявший в свои руки судьбу родины, ответит справедливой, оборонительной войной. Ленин писал, что «победивший в одной стране социализм отнюдь не исключает разом вообще все войны»¹⁴. Это дело будущего, результат ряда революций. Таковы некоторые важнейшие положения Ленина о войнах в период империализма.

Теоретики, враждебные марксизму, хотели бы скрыть тот факт, что Коммунистическая партия Советского Союза исходит

¹¹ Там же, стр. 282.

¹² Там же, стр. 304.

¹³ Там же, стр. 303.

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 133.

именно из этих положений Ленина. Ныне произошел ряд революций, устранивших капитализм на огромных просторах земного шара. Происходит и своеобразное «обучение» империалистов, оставшихся у власти на другой части земли. Даже самым твердолобым представителям империализма уроки, преподанные Советским Союзом, должны подсказать, что безвозвратно минуло время, когда международные отношения были ареной произвола империалистов, агрессоров, захватчиков. Могучая мировая система социализма, как и предвидел Ленин, способна оказывать решающее влияние на мировую политику, и она борется за это влияние в пользу мира на земле.

Ленинские идеи борьбы за мир

Следует особенно подчеркнуть, что Ленин лишил всякого кредита теорию распространения революции путем завоеваний.

Пролетариат, взявший власть в свои руки, конечно, должен быть готов к охране своих завоеваний вооруженной рукой от интервенции со стороны реакционных международных сил. Этому учил Ленин. Революционные войны, указывал он, «возможны для охраны завоеваний побеждающего в борьбе с буржуазией пролетариата»¹⁵.

Отвечая на вопрос, что сделала бы партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, Ленин писал: «...Мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов»¹⁶. На угрозу военного подавления революции рабочий класс, взявший власть, отвечает революционной войной, поднимая на эту войну колонии, зависимые страны и пролетариат Европы. В сентябре 1917 г. В. И. Ленин подчеркивает, что «нельзя вызвать героизма в массах, не разрывая с империализмом, не предлагая всем народам демократический мир, не превращая войны таким путем из захватной, грабительской, преступной в справедливую, оборонительную, революционную»¹⁷. Пролетарское государство может вести только войну оборонительную, справедливую, революционную.

В 1918 г. Ленин, возвращаясь к своим высказываниям 1915 г. о революционных войнах и разоблачая «левых» коммунистов, которые искажали эти высказывания, подчеркивал: «Говорят, что мы прямо «обещали» в ряде партийных заявлений революционную войну, и что заключение сепаратного мира будет изменой нашему слову.

Это неверно. Мы говорили о необходимости «подготовлять и вести» революционную войну для социалистического правитель-

ства в эпоху империализма; мы говорили это, чтобы бороться с абстрактным пацифизмом, с теорией полного отрицания «защиты отечества» в эпоху империализма, наконец, с чисто шкурными инстинктами части солдат, но мы не брали на себя обязательства начинать революционной войны без учета того, насколько возможно вести ее в тот или иной момент»¹⁸. Следовательно, когда Ленин говорил о революционной войне, то речь шла о защите социалистического отечества, которое обрели трудящиеся, взяв власть в свои руки.

Смысл ленинских заявлений 1915—1916 гг. о революционных войнах пролетариата заключается в следующем. Ленин не строил иллюзий относительно того, как капиталистический мир встретит победившую социалистическую революцию. По мысли Ленина, войну может развязать именно капиталистический мир, ибо империализм склонен «управлять» историей при помощи пулеметов.

Социализм, победивший в одной или нескольких странах, будет еще слаб; империализм, для которого особенно характерна политика самого безудержного милитаризма, может попытаться расправиться с социализмом вооруженной рукой. Развивая свою мысль, Ленин пишет: «Было бы просто глупо отрицать «защиту отечества» *со стороны* угнетенных народов в их войне *против* империалистских великих держав или со стороны победившего пролетариата в *его* войне *против* какого-нибудь Галифе буржуазного государства»¹⁹. Ведь всегда может найтись какой-нибудь Галифе в одной или нескольких буржуазных странах, испытывающий искушение попытаться вооруженным путем навязать свое господство, раздавить победивший социализм. На эти попытки трудящиеся отвечают революционной войной. Таково ленинское понимание революционной войны, к которой должен готовиться рабочий класс и все трудящиеся страны, сбросившей иго капитализма.

Ленин придавал огромное значение именно тому историческому факту, что Советская власть приходит под лозунгом мира. В статье «Удержат ли большевики государственную власть?» он писал: «А вопрос о мире, этот кардинальный вопрос всей современной жизни... Пролетариат выступает здесь поистине как представитель *всей* нации, всего живого и честного *во всех* классах, гигантского большинства мелкой буржуазии, ибо только пролетариат, достигши власти, *сразу* предложит справедливый мир *всем* воюющим народам, только пролетариат пойдет на действительно *революционные* меры (опубликование тайных договоров и т. п.), чтобы достигнуть как можно скорее, как можно более справедливого мира»²⁰. Об этом говорит Ленин и несколько

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 166.

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 50.

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 197.

¹⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 247—248.

¹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 134.

²⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 300.

¹¹ Г. П. Францов

ко ранее: «И никакая сила не свергнет правительство мира, правительства честного, искреннего, справедливого мира, после всех ужасов более чем трехлетней бойни народов»²¹. Лозунг мира Ленин считал наряду с лозунгами по аграрному вопросу важнейшим лозунгом большевиков, поднимавшим массы на социалистическую революцию.

Ленин и партия никогда не стояли на той точке зрения, что коммунизм нуждается в войнах, что победу коммунизма должна принести военная катастрофа, а коммунисты должны поэтому организовывать различные военные конфликты, войны. Таковую мысль, чуждую коммунизму, усвоили лишь отступники от его принципов, в частности Бухарин. Критикуя «левых» крикунов, Ленин в 1918 г. спрашивал их: «Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде «узаконения» империализма?»²² И Ленин отвечал: «Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»²³. Только сторонники «левой» фразы могли придумать, что политика мира, проводимая социалистическим государством по отношению к капиталистическим странам, может означать «узаконение» империализма, что мир якобы вреден для развития мирового революционного процесса. «Левые» коммунисты первые вступили на неверный путь, утверждая, будто мир равнозначен «примирению» с капиталистами, а борьба против капитализма есть война и вооруженное восстание. Они тем самым грубо извращали понимание мирового революционного процесса, его движущей силы. Влияние Октябрьской революции на мировой революционный процесс огромно. Но это влияние ни в коем случае нельзя превращать в «подталкивание» революции в других странах вооруженной рукой социалистического государства.

В 1918 г. Ленин, критикуя вредные идеи левых коммунистов, спрашивал: «Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции запрещают какой бы то ни было мир с империалистами?»²⁴ Со всей категоричностью Ленин писал тогда, отвечая всем путаникам: «Социалистическая республика среди империалистских держав не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луну»²⁵.

²¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 227.

²² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 403.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 402.

²⁵ Там же.

Социализм и капитализм существуют на одной планете, и их сосуществование — историческая неизбежность.

Но как известно, империализм не откликнулся на призыв к мирному сосуществованию и добрососедским отношениям, он надеялся «выправить» ход истории голыми силами и вернуть ее в прежнюю, дооктябрьскую колею.

В тяжелые годы гражданской войны, когда советский народ вел упорные бои против белогвардейцев и иностранных захватчиков, отстаивая жизнь и независимость первого в мире социалистического государства, Ленин говорил, что мы ведем войну за мир и война эта дает великолепные результаты.

На VII съезде партии в 1918 г. Ленин, говоря, что «мы находимся сейчас только на первой переходной ступени от капитализма к социализму у нас, в России», так продолжал эту мысль: «История нам не дала той мирной обстановки, которая теоретически на известное время мыслилась и которая для нас желательна, которая позволила бы быстро перейти эти переходные ступени. Мы сразу видим, как гражданская война многое затруднила в России и как эта гражданская война сплетается с целым рядом войн. Марксисты никогда не забывали, что насилие неизбежно будет спутником краха капитализма во всем его масштабе и рождения социалистического общества. И это насилие будет всемирно-историческим периодом, целой эрой самых разнообразных войн — войн империалистских, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других, войн национальных, освобождения национальностей, раздавленных империалистами, различными комбинациями империалистских держав, входящих неминуемо в те или иные союзы в эпоху громадных государственно-капиталистических и военных трестов и синдикатов. Эта эпоха — эпоха гигантских крахов, массовых военных насильственных решений, кризисов — она началась, мы ее ясно видим, — это только начало»²⁶.

История показала, что Ленин был прав в этой оценке начавшегося тогда периода. Но считал ли он, что этот период самых разнообразных войн никогда не сменится периодом мирных условий, желательным для социалистического строительства? Несомненно, не считал. Считал ли Ленин желательным для социализма войны и военные конфликты? Нет, не считал.

С позиций борьбы за мир оценивал Ленин достижения советской внешней политики в период гражданской войны, он подчеркивал огромное значение привлечения на сторону мира общественного мнения в странах капитализма. Благодаря правильной внешней политике Советского государства ряд буржуазных стран заняли позиции нейтралитета, в капиталистических государствах произошли серьезные сдвиги в сознании рабочих и кре-

²⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 47—48.

стьян, а затем и в сознании мелкобуржуазных кругов, которые начали выступать против вмешательства в дела Страны Советов.

Ленин подчеркивал величайшую силу советской внешней политики, заключающуюся в единстве теории и практики. Практика была основана на гранитном фундаменте научной теории, на анализе сущности и форм развития общества в период перехода от капитализма к социализму.

Автор гениального труда «Империализм, как высшая стадия капитализма» не рассматривал империалистический лагерь как некий монолит, в котором якобы нет трещин. Еще в 1918 г. в своем «Докладе о внешней политике» Ленин формулирует мысль о двух тенденциях в мировой политике империализма. Отмечая, что в капиталистическом мире господствуют противоречия, конфликты, борьба, бешеная схватка, переходящая в войну между империалистическими державами, Ленин указывает: «Благодаря этим противоречиям вышло так, что общий, лежащий в основе экономического капиталистического союза, союз империалистов всех стран, союз, естественный и неизбежный для защиты капитала, не знающего отечества и доказавшего многими крупнейшими, величайшими эпизодами в мировой истории, что выше интересов отечества, народа и чего угодно капитал ставит охрану своего союза капиталистов всех стран против трудящихся, — этот союз не является движущей силой политики»²⁷. Ленин предупреждает, что этот союз, однако, остается основной тенденцией империализма. Но вместе с тем проявляется и другая тенденция — разделение империалистов на враждебные группы и коалиции. Это затрудняет и делает почти невозможным союз крупнейших империалистических держав против Советской республики, завоевавшей за полгода своего существования горячие симпатии и безраздельное сочувствие всех сознательных рабочих всех стран. Общий вывод гласит, что в мировой политике «существуют две тенденции: одна, делающая неизбежным союз всех империалистов, другая — противопоставляющая одних империалистов другим — две тенденции, из которых ни одна прочной под собой основы не имеет»²⁸. Одна из этих тенденций может возобладать, но это не значит, что другая исчезает. Борьба обеих тенденций наполняет международные отношения. В связи с этим открывается и возможность нейтрализации ряда стран, которые не могут и не хотят следовать за империалистическими державами в их политике войны.

Активная внешняя политика, направленная на сохранение и упрочение мира, имеет реальную основу в развитии международных отношений, в укреплении самого социалистического

строения и в сочувствии огромного большинства населения земли этой политике.

Но в период гражданской войны вопрос решался боем, вооруженной борьбой. Советская республика должна была отстаивать свое существование. Либо та, либо другая сторона должна была победить. В этих условиях, указывал Ленин, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами, вставшими на путь войны, был неизбежен. Вместе с тем Ленин уже в период ожесточенных боев против денкинищины, в 1919 г., думал о возможности «привлечения к России технической помощи более передовых в этом отношении стран, в течение того периода, когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства»²⁹. Сквозь бури гражданской войны Ленин ясно видел очертания этого исторического периода, который должен наступить.

Ленинское учение о мирном сосуществовании — замечательный пример творческого марксизма. Ленин развивал это учение исходя из практики революционной борьбы, строительства нового общества. Жизнь выдвигала все новые вопросы, и Ленин давал на них глубокие, теоретически обоснованные ответы, базирующиеся на незыблемых принципах марксизма. Ленинские идеи позволили партии, государству уверенно двигаться вперед, преодолевать внешнеполитические трудности, ясно видеть основные тенденции в развитии мировой политики. Центральный Комитет КПСС и сегодня идет именно этим ленинским путем творческого развития марксизма, по-марксистски отвечая на вопросы, которые ставит жизнь.

Подводя итоги победоносному окончанию гражданской войны, Ленин говорил: «...мы отвоевали себе условия, при которых можем существовать рядом с капиталистическими державами, вынужденными теперь вступить в торговые отношения с нами»³⁰. Период мирного сосуществования — это не бесплатный дар исторической судьбы, но результат активной, самоотверженной деятельности людей — строителей социалистического общества, Коммунистической партии, Советского государства и миллионов масс трудящихся за рубежом. Еще в ноябре 1917 г. Ленин предупреждал: «Кто думал, что мира достигнуть легко, что стоит только лишь занкнуться о мире, и буржуазия поднесет его нам на тарелочке, тот совсем наивный человек»³¹. Надо было добиться, чтобы наступил мирный период. После того как была отбита прямая вооруженная атака капитализма, Владимир Ильич подчеркивал, что теперь «мы имеем не только передышку, — мы имеем новую полосу, когда наше основное международное

²⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 328—329.

²⁸ Там же, стр. 332.

²⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 197.

³⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 22.

³¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 116.

существование в сети капиталистических государств отвоено»³².

Основной принцип советской внешней политики, направленной на мирное сосуществование, Ленин сформулировал тогда в составленном им проекте резолюции, принятой VIII Всероссийской конференцией партии и VII съездом Советов: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство, чтобы наладить производство, транспорт и общественное управление на почве советского строя, чему до сих пор мешало вмешательство Антанты и голодная блокада»³³. Партийная конференция и съезд Советов поручили Советскому правительству «систематически продолжать эту мирную политику».

Однако Ленин призывал помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам.

Хозяева капиталистического мира склонны были рассматривать новый период лишь как временную передышку, а не как историческую полосу. Они продолжали открыто об этом заявлять, этому соответствовали и все их дела, хотя дорога к мирному сосуществованию на земле двух различных социальных систем была открыта.

Еще при жизни Ленина правители капиталистического мира вынуждены были пойти на переговоры с Советским государством. В 1922 г. в Генуе собралась международная конференция, на которой за одним столом с представителями капиталистических государств Западной Европы заняла свое место советская делегация. При открытии этой конференции советская делегация заявила: «Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления»³⁴. Мы знаем, что вся подготовка к Генуэзскому совещанию шла под непосредственным руководством Ленина.

Вопрос о возможности мирного сосуществования в плане политическом и военном, а также в плане экономическом был поставлен историей. В 1921 г. Ленин широко освещает и анализирует этот вопрос: «Но мыслима ли, однако, такая вещь вообще, чтобы социалистическая республика существовала в капитали-

стическом окружении? Это казалось немыслимым ни в политическом, ни в военном отношении. Что это возможно в политическом и военном отношении, это доказано, это уже факт. А в торговом отношении? А в отношении экономического оборота?»³⁵ Положительно отвечая на этот вопрос, Владимир Ильич дает чрезвычайно важное указание: «Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»³⁶. Трудно переоценить методологическое значение этой мысли Ленина.

Для мелкобуржуазного революционера, когда он рассуждает о мировом революционном процессе и пытается оценить силу противника, крайне характерна либо совершенная недооценка воли и желаний капиталистических классов, либо столь же грубая их переоценка. В обоих случаях налицо игнорирование объективных закономерностей общественного развития, неумение учесть в этой связи реальную силу субъективного фактора воли и желаний империалистов. Мелкобуржуазный революционер вечно колеблется в оценке мирового революционного процесса, то склоняясь к пассивности, к признанию его автоматизма, стихийности вне зависимости от субъективного фактора, то становясь на позиции волюнтаризма. Так он оценивает и революционные силы, и их противников.

Ленин же учит отличать желания, волю и решения враждебных классов и правительств от объективного хода истории. Дело заключается в том, что отношения враждебных классов и правительств к социалистическому государству не могут определяться только волей и стремлениями. Есть закономерности всемирной истории, проистекающие из того факта, что на земле существуют две антагонистические системы.

Ленин подчеркивал, что политика мирного сосуществования основывается не на субъективных желаниях, а на объективных тенденциях, которые с помощью активной деятельности людей, с помощью правильной внешней политики социалистического государства могут одолеть противоборствующие силы.

Такая политика, направленная на сохранение и упрочение мира, не может противоречить интересам какого-либо народа на земном шаре. Наоборот, она соответствует коренным интересам всех народов, всех трудящихся масс, которые отвергают политику агрессии, войны. Как говорил Ленин, «...нашу мирную политику одобряет громаднейшее большинство населения земли»³⁷.

³² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 22.

³³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 366.

³⁴ «История дипломатии», т. III. М.—Л., 1945, стр. 170.

³⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 301.

³⁶ Там же, стр. 304—305.

³⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 177.

Миролюбивая внешняя политика — орудие завоевания на сторону коммунизма огромного большинства населения земли. Она прокладывает идеям коммунизма дорогу в сознании масс, без чего не может успешно развиваться мировой революционный процесс.

Эта политика не только не создает конфликтов, но направлена на уничтожение самой почвы для возникновения конфликтов между народами. Эту мысль Ленин подробно развил в 1922 г.: «Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»³⁸. Нет никакого сомнения в том, что империализм старается усилить это недоверие, довести его до высшей точки — до военного конфликта. Этой политике противостоит социалистическая внешняя политика. В мировой политике создается новое положение: социалистическое государство борется за устранение взаимного недоверия между народами, которое возвращает капитализм, борется за устранение почвы для конфликтов между народами и тем самым прокладывает дорогу к успешному развитию того, что есть ценного в современной цивилизации. Такова одна из важных сторон социалистической внешней политики.

Политика мира, которая ранее была лишь требованием рабочего класса, трудящихся, стала государственным курсом великой социалистической державы, использующей все возможности внешней политики, а стремления к миру многомиллионных масс трудового люда во всех странах получили реальную поддержку на мировой арене. В этом заключается поворот в истории борьбы за мир, наступивший после Октябрьской революции.

На другой день после социалистической революции, 8 ноября 1917 г., с трибуны II Всероссийского съезда Советов Ленин обосновал внешнюю политику Советского государства. Заканчивая свое первое внешнеполитическое выступление от имени молодого Советского государства, посвященное важнейшему вопросу мировой политики — вопросу о войне и мире, он говорил: «Везде правительства и народы расходятся между собой, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира. Мы, конечно, будем всемерно отстаивать всю нашу программу мира без аннексий и контрибуций. Мы не будем отступать от нее, но мы должны вышибить из рук наших врагов воз-

можность сказать, что их условия другие, и поэтому нечего вступать с нами в переговоры. Нет, мы должны лишить их этого вынудившего положения и не ставить наших условий ультимативно»³⁹.

В этих словах великий стратег революции сформулировал важнейший принцип революционной внешней политики Советского государства. Отвоевывать массы у империалистов, привлекать их на свою сторону — одна из важнейших задач внешней политики Советского государства в понимании Ленина. Не давать противнику никакой возможности использовать нашу политику для того, чтобы обманывать массы и вести их на поводу у буржуазии.

Нельзя не вспомнить, что к началу 50-х годов империалистам с помощью своей лживой пропаганды удалось убедить значительные массы населения капиталистических стран, будто им «нечего вступать с нами в переговоры», что это якобы бесполезно и безрезультатно, ибо колеса истории неотвратимо катятся по колею войны. Коммунистическая партия, Советское правительство разбили эту лживую версию империалистов, привлекая на сторону социализма широкие слои населения буржуазных стран. Начиная с подписания Австрийского договора (1955 г.), с установлением и развитием нормальных добрососедских отношений с рядом капиталистических стран, в том числе и США, шаг за шагом, включая Московский договор о запрещении испытания ядерного оружия в трех сферах — в воздухе, воде и космосе (1963 г.), достигался этот поворот в общественном мнении широких кругов населения капиталистических стран, разрушалась та стена лжи и клеветы, которую империалисты воздвигали на границах социалистического мира. Трудно переоценить значение этого поворота в сознании масс капиталистических стран. Многолетние усилия буржуазной пропаганды парализуются, и у империалистов нет уже того вынудившего положения, которое они старались искусственно себе создать в конце 40-х и начале 50-х годов в борьбе против идей коммунизма, обвиняя Советский Союз в агрессивности и нежелании поддерживать добрососедские, мирные отношения.

Различные путаники и оппозиционеры не раз выступали с заявлением о том, что революционность советской внешней политики должна состоять в ультимативности, в постоянной неуступчивости и крикливом фразерстве. Отвечая этим левым крикунам, Ленин в заключительном слове на II съезде Советов вновь подчеркивал: «Мы не смеем, не должны давать возможность правительствам спрятаться за нашу неуступчивость и скрыть от народов, за что их посылают на бойню. Это капля, но мы не смеем, мы не должны отказываться от этой капли, ко-

³⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 240.

³⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 16—17.

торая долбит камень буржуазного захвата. Ультимативность облегчит нашим противникам их положение. Мы же все условия покажем народу. Мы все правительства поставим перед нашими условиями, и пусть они дадут ответ своим народам»⁴⁰.

Ныне капли, которые долбят камень буржуазного захвата, слились в могучий поток внешней политики Советского государства, основанной на ленинских принципах. Уметь разработать и проводить в жизнь такую реальную внешнеполитическую программу, которая бы отвечала интересам народов, сплачивала и объединяла демократические силы, затрудняла маневры реакционных империалистических кругов, вынуждала их держать ответ перед своими народами, — вот смысл этих ленинских указаний. Последовательно проводить в международных делах такую программу — это и значит помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира, облегчить возможность демократическим силам оказывать свое влияние на решение важнейших международных проблем.

Сейчас нет такого вопроса мировой политики, который не становился бы предметом пристального внимания общественно-го мнения. Даже империалистические политики вынуждены с горечью признавать, что время тайной дипломатии прошло. Различные махинации империалистических правительств встречают противодействие внешней политики Советского Союза и других социалистических стран. По всем коренным вопросам мировой политики неизменно обозначаются две линии; общественное мнение поэтому должно взвешивать, оценивать взгляды социалистических стран, сопоставлять их с линией империалистов. Ленинский план — поставить все правительства перед нашими предложениями, нашими проектами решений международных вопросов — выполняется последовательно и дает обильные плоды. С этой целью Советское правительство широко использует и трибуну ООН.

Ленин начал борьбу против тайной дипломатии, считая необходимым помочь народам вмешаться в решение коренных вопросов мировой политики. Вместе с тем Ленин в той же речи на II съезде Советов указал генеральную линию советской дипломатии: «Есть еще один пункт, на который вам, товарищи, надо обратить пристальное внимание. Тайные договоры должны быть опубликованы. Должны быть отменены пункты об аннексиях и контрибуциях. Есть разные пункты, товарищи, — ведь грабительские правительства не только соглашались о грабежах, но среди таких соглашений они помещали и экономические соглашения и разные другие пункты о добрососедских отношениях»⁴¹. И, заканчивая эту мысль, он подчеркивал: «Мы отвергаем все

пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радужно примем, мы их не можем отвергать»⁴². Советская внешняя политика провела новый водораздел в международных отношениях, она отвергла все соглашения о грабежах и насилии, она ведет упорную борьбу против таких соглашений, противопоставляя им соглашения добрососедские и экономические. В этом проявляется подлинная революция в международных отношениях.

Эти положения Ленина касаются основ внешней политики Советского государства, и сказать, что ныне они устарели, — значит считать, что устарел ленинизм, что прав был не Ленин, а его противники, выступавшие тогда с громкими «левыми» фразами. Примерно через год после этой речи Ленина появились на свет божий «левые коммунисты», уверявшие, будто Советское государство должно с помощью революционных войн подталкивать мировую революцию и в этом-де состоит назначение советской внешней политики. С аналогичными призывами выступили и троцкисты. Все это были теории, извращенно толковавшие вопрос о влиянии советской внешней политики на развитие мирового революционного процесса. Эти теории по существу были перепевами буржуазной пропаганды и рассуждений правых лидеров социал-демократии, которые вскоре после Октября стали утверждать, будто существует вопиющее противоречие между государственными интересами Советской страны и интересами мировой революции.

По буржуазным представлениям велик престиж того государства, которое может грозить войной. На чем зиждется дипломатия ультиматумов и угроз? Политика подготовки войны, создания острых международных конфликтов, когда можно применить вооруженную силу или пустить в ход угрозу применения этой силы для достижения корыстных целей, — вот в чем состоит «нормальная» внешняя политика империалистической буржуазии.

С появлением советского социалистического государства было подорвано буржуазное понимание силы государства, его внешнеполитического престижа, были подвергнуты уничтожающей критике основы буржуазной политики «с позиции силы». Этой политике империализма были противопоставлены принципы внешней политики социалистического государства.

Современная социальная мысль и проблема войны

Ленин категорически отверг предложение следовать прото-ренными путями буржуазной дипломатии, которая опирается на грубую силу и привыкла говорить языком ультиматума и дик-

⁴⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 20.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

тата. Ленин показал, что имеются два понимания силы государства и его политики — буржуазное и социалистическое. Он вскрыл всю фальшь буржуазных представлений о политической силе государства и выяснил, в чем заключается действительная мощь государства. «Сила, по буржуазному представлению, это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинаясь указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»⁴³.

Буржуазия привыкла смотреть на мировую политику как на поле приложения силы государства. В истории буржуазных учений XIX—XX вв. о принципах мировой политики можно наметить два основных этапа.

Первый — период домонополистического развития капитализма, характеризующийся почти безраздельным господством теории, которая получила название «равновесие сил». Согласно этой теории, весь мировой порядок держится на равновесии сил главным образом великих держав. Всякое нарушение этого равновесия, перевес, создавшийся в пользу той или иной державы, чреват тяжелыми последствиями. Мировая политика, дипломатия должны всеми средствами, имеющимися в их распоряжении, предотвращать нарушение равновесия. Война является также одним из средств восстановления равновесия. Эта теория именовалась теорией «концерта европейских держав», поскольку центром всей мировой политики была Европа. Теория «равновесия сил» на международной арене была тесно связана с позитивистскими социологическими учениями начала и середины XIX в. Мы уже упоминали, какое большое место в социологии Спенсера отводится теории «равновесия». Она применяется Спенсером и к отношениям между обществами, к международным отношениям. Переход от политики милитаризма к политике «мирного индустриализма», по мнению Спенсера, связан с установлением равновесия между нациями и расами⁴⁴. Эпоха империализма показала, насколько неверна и надуманна была эта позитивистская схема. «Индустриализм» отнюдь не привел к ликвидации милитаризма, а, наоборот, довел его до предела.

Обострившаяся в период империализма неравномерность развития капиталистических стран подорвала престиж этой теории. Неравномерность развития капиталистических стран в эпоху империализма, обостренная борьба хищников на мировой арене

не породили новый этап в развитии буржуазных учений о принципах мировой политики. Выражением этого этапа является концепция силы, или, другими словами говоря, произвол в международных отношениях. Одной из первых по времени разновидностей теорий «с позиции силы» была «геополитика», которая, используя некоторые воззрения географического детерминизма, изображала политическую карту мира как совокупность «силовых центров» и «силовых линий», т. е. направленной экспансии, исходящей из этих «центров». Была сострепана также теория, согласно которой порядок в мире может существовать лишь в том случае, если одна держава имеет абсолютный перевес в силе. Тогда все остальные государства волей-неволей должны считаться с этим абсолютным превосходством. Под этим углом зрения была пересмотрена история международных отношений XIX в., утверждалось, что после наполеоновских войн мир в Европе держался на абсолютном превосходстве Англии, когда же Германия подорвала это превосходство, все неудержимо покатило к хаосу первой мировой войны. Эта теория явилась перелицовкой старой теории эпохи Римской империи, когда существовало выражение «рах гомана» («римский мир») и утверждалось, что только римские легионы могут навести повсюду порядок, вооруженной рукой подавив всех непокорных. Не трудно видеть, что эта теория явилась идеологическим выражением империалистической политики завоевания мирового господства. В той или иной форме она была распространена во всех странах, буржуазия которых претендовала на мировое господство; в Англии, в гитлеровской Германии, а затем в США нашлось немало идеологов, восхвалявших эту теорию. Среди американских теоретиков и политиков, например, укоренилось убеждение, будто международная политика, как и всякая политика, есть борьба за силу. Каковы бы ни были конечные цели международной политики, непосредственная цель ее, однако, сила. Исторические истоки такой теории ясны.

Возникновение и упрочение на земле мировой системы социализма нанесли сокрушительный удар по всем империалистическим теориям мирового господства. Однако сторонники разбоя и кулачного права в мировой политике отнюдь не собирались сдаваться. Они, наоборот, заявили, что теория политики «с позиции силы» как нельзя более удобна для империалистов в их борьбе против Советского Союза и всей мировой системы социализма. Об этом, собственно, и твердил Даллес. Миф о «коммунистической угрозе» помогал политикам «с позиции силы».

Всякие обманщики из числа служащих, которых щедро оплачивает финансовый капитал США, в течение десятилетий заявляли, будто империализм — хранитель традиций буржуазной демократии. Под этим фальшивым лозунгом велась подготовка войны против СССР и других стран социализма. изобре-

⁴³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 21.
⁴⁴ N. Becker and H. E. Barnes. Social Thought. Washington, 1952, p. 688.

ли для этого даже лживый термин «свободный мир». Собирались по-пиратски проскользнуть под чужим флагом: мы-де ревнители буржуазно-демократических свобод. Пытались прикрыться чужими идеями, при случае поминали подвернувшееся на язык имя кого-либо из американских идеологов XVIII в. Это была попытка подделать метрики современных идеологов империализма, дабы выдать их за сыновей передовых политических деятелей прошлого. Это — обманный маневр, попытка привлечь на свою сторону круги средней и мелкой буржуазии, известные слои рабочего класса, находящиеся под буржуазным политическим и идейным влиянием. Но купить «приличную» родословную для реакционных идей невозможно. Идей имеют свою родословную, которую подделать нельзя. Чтобы ее изменить, надо сжечь библиотеки и уничтожить память народов, посадить под замок всех людей, говорящих правду.

Идеологи поднимавшейся буржуазии провозглашали идеи, прямо противоположные тем, которые отстаивают ныне империалисты. В XVIII в. было провозглашено право народа на революцию. Об этом открыто писали вожди американской революции. Они защищали это право. Они протестовали против всяких попыток феодально-абсолютистской реакции душить революционное движение в других странах. Джефферсон, один из виднейших деятелей освободительного движения в Северной Америке, президент США в 1801—1809 гг., писал, что, когда люди страдают от абсолютного деспотизма, «их право, их долг свергнуть такое правительство и обеспечить новые гарантии для их будущей безопасности». Кому не ясно, что режим Батисты на Кубе был отвратительнейшим образцом «абсолютного деспотизма» новой марки. Кому не ясно, что революционный народ Кубы, следовательно, имеет право создать прочные гарантии своей безопасности. Передовые политические деятели XVIII в. признавали неотъемлемым правом народа «установить новое правление, положив в основу его такие принципы и организовав его власть в такой форме, какая представится им наиболее подходящей для того, чтобы обеспечить свою безопасность и счастье»⁴⁵. Так писал Джефферсон. Здесь подчеркнут принцип суверенитета народа и всячески выделена мысль о праве каждого народа устраивать свои дела по-своему, добиваться счастья и безопасности. Причем особенно подчеркивается именно безопасность, ибо не может быть суверенитета народа, если он бессилен отстоять свою безопасность. Не может быть и счастья, если нет безопасности. В те далекие времена идеологи буржуазии руководствовались логикой, а не софизмами. Нынешние представители империалистической реакции, прикрываясь со-

физмами, хотели бы уничтожить логику, отобрать у революционного народа Кубы право на обеспечение своей безопасности от проносов агрессоров. Расчет простой: тогда и суверенитет кубинского народа станет призрачным. Все большему числу людей на земле становится ясно, что идеи о суверенитете народа, родившиеся в период буржуазных революций, последовательно отстаивают и развивают передовые силы современного человечества. Эти идеи — основа международного правопорядка.

Магнаты финансового капитала ныне и в международных конфликтах занимают место прежних феодально-абсолютистских сил, с которыми когда-то боролась буржуазия, старавшаяся завладеть государственной властью. Процесс этот сегодня развивается все дальше и глубже. Задача прогрессивных сил в их политической и идеологической борьбе заключается в том, чтобы раскрыть этот процесс, показать массам, как мутный поток реакции унес магнатов финансового капитала к позициям, которые занимали наиболее оголтелые представители феодальной, абсолютистской реакции. Как рассуждали на конгрессе Священного союза в Троппау? Там чтити лишь «закон» кулачной расправы — единственный «закон», который признавался в международных отношениях феодалами. Главари реакции хотели установить «неизбежность» применения принудительных сил. Ничего нового «бешеные» и иные реакционеры в США с тех пор не придумали. Они просто переняли политические взгляды феодально-абсолютистских режимов, режимов, против которых столь красноречиво выступал Джефферсон. Сохранился характерный рассказ о том, как Николай I, узнав о февральских событиях 1848 г. во Франции, обратился к своим гвардейским офицерам со словами: «На коней, господа! Во Франции — республика!» Но коням Николая I не удалось затоптать развивавшееся демократическое движение во Франции; уже тогда феодально-абсолютистское «право» уходило в прошлое.

Возрождать реакционные идеи давно минувших времен в современной обстановке — опасное безумие. Попытка возродить сегодня доктрины Священного союза о «праве» на вмешательство в дела революционных народов грозит мировым конфликтом, который поведет к применению самого смертоносного оружия. У главарей феодально-абсолютистской реакции в прошлом веке не было опасности вызвать мировую войну. Это важное отличие дней нынешних от прошлого. Кроме того, передовые общественные силы в прошлом не были объединены и консолидированы на мировой арене, попытки расправиться со вспыхивавшим то там, то тут революционным движением могли удаваться реакции, грубое нарушение суверенных прав народов могло сходиться ей с рук.

Теперь времена не те. Как ни любы империалистической реакции старые лозунги расправы с суверенитетом других наро-

⁴⁵ Jefferson. The Life and Selected Writings. The Modern Library. New York, 1944, p. 22.

дов, пришла пора забыть о них. Попытки действовать на мировой арене в духе этих разбойничьих лозунгов неизбежно приводят в действие могучие мировые силы, провоцируют мировой конфликт, пробуждают мировое общественное мнение.

Кстати сказать, даже в те времена, когда в Европе господствовал Священный союз, государственные мужи Англии все же побоялись открыто присоединиться к тезисам, выдвинутым в Троппау. Английский министр иностранных дел осторожно заявлял тогда примерно так: «...нельзя допустить, чтобы Священный союз а priori принял на себя обязательство поддерживать во всех возможных случаях и во всех странах именно данные политические теории против других теорий»⁴⁶. Это были слабые оговорки, но все же в них слышалась известная боязнь общественного мнения.

Далеким предшественникам нынешних буржуазных министров считали себя вынужденными боязливо озираться на тогдашнее общественное мнение. А сегодня общественное мнение — это миллионы организованных рабочих в странах капитала, это интеллигенция в тех же странах, многие представители которой прислушиваются к голосу разума, это мелкобуржуазные слои, которые понимают, что им несет война, это многомиллионные массы народов, сбросивших господство империалистов-колонизаторов, это государства могучей мировой системы социализма, умеющие сказать свое веское слово о международных делах.

В наше время осуждены на провал всякие попытки вернуть международные порядки, которые в свое время установили феодально-абсолютистские государства. Но провал таких попыток не автоматический процесс, совершающийся без участия народов, их воли, сознательности и решимости действовать.

Раздувая международные конфликты, феодально-абсолютистская реакция в свое время так и не добилась победы. В конечном итоге эти конфликты лишь потрясли, разрушали феодализм и абсолютизм старой крепостнической Европы. Современная империалистическая реакция, провоцируя международные конфликты, не может добиться большего.

Ныне наступило время, когда бывший президент США Кеннеди оказался вынужденным заявить, что силы империализма и силы мировой социалистической системы примерно равны. Хотя тесно связанные с военными заказами монополии и милитаристские круги продолжают твердить о необходимости усилить гонку вооружений, но проведение политики «с позиции силы» в мировых делах, дипломатический курс, соответствующий

этой политике, наталкиваются на препятствия, значение которых непрерывно возрастает.

Конечно, державы, стоящие во главе капиталистической системы, и сейчас всячески стараются сорвать мирное развитие социалистических стран, не будучи уверены в благоприятном для капитализма исходе соревнования. Политика есть концентрированное выражение экономики, учит марксизм-ленинизм. И во внешней политике империализма проявляется в концентрированном виде стихийность и хищнический, паразитический характер его экономики. Природа империализма такова, что она толкает его к агрессии, захватам, войнам.

Однако военные теоретики еще в прошлом веке установили, что для успеха войны решающее значение имеет соответствие ее политических целей и военных средств, которые имеются для достижения этих целей. Эту мысль развивал немецкий военный теоретик Клаузевиц. Империалисты ставят захватнические, агрессивные цели, самые «бешеные» из них не отказались от мысли уничтожить социализм вооруженной силой. Современный уровень развития науки, техники, производительных сил позволил создать чрезвычайно мощное истребительное оружие. Но использование его в агрессивных политических целях империализма таит в себе противоречие. Империалисты сейчас не являются монопольными владельцами ядерного оружия. Советский Союз в военно-техническом отношении не только не уступает, но и превосходит их. Таким образом, применение истребительного оружия не сулит империалистической буржуазии достижения этих политических целей, а, наоборот, представляет угрозу для самого существования капиталистического строя.

Эта мысль все чаще приходит на ум буржуазным теоретикам. Ее высказал в беседе с советскими журналистами видный английский философ-идеалист Бертран Рассел. Ту же мысль на свой лад излагает американский профессор Ростоу. В книге «Стадии экономического роста» он приводит рассказ о зловещем племени, обитавшем на юге Америки. В течение одного времени оно страдало от засухи. Горячие молитвы долгого времени не помогали. И наконец полили дожди. Сначала все возносились о дожде. И наконец полили дожди. Сначала все были рады и совершали благодарственные богослужения. Но дожди не прекращались и окончательно погубили урожай. Тогда люди обратились к богу с такими словами: «Господи, мы страдали от засухи и молились, просили дождя. Но то, что ты дал нам, — это просто нелепо».

Ростоу вспоминает, как радовались правящие круги США, получив ядерное оружие: ведь по своей разрушительной силе оно превосходит все существовавшее ранее. Но «сломана монополия» на это оружие; теперь впору воскликнуть, что «существующая военная ситуация действительно просто нелепа». Так пишет Ростоу.

⁴⁶ А. Дебидур. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814—1878). т. I. М., 1947, стр. 176.

Однако дело не только в «военной ситуации». Вопрос следует поставить шире: наступает глубочайший кризис милитаризма как исторического явления, порожденного капитализмом и доведенного до крайнего развития в период империализма.

Энгельс в 1878 г. писал в «Анти-Дюринге», что «в состязании между броней и пушкой линейный корабль доводит до той грани изошренного совершенства, где он становится в той же мере недоступным по цене, как и непригодным для войны». В таком развитии военной техники Энгельс видел «законы диалектического движения, согласно которым милитаризм... гибнет от последствий своего собственного развития»⁴⁷.

Этот момент наступает. Орудия разрушения достигли такой степени «изошренного совершенства», когда они становятся негодными для агрессивных, захватнических целей. Возможный риск делает саму войну с ее захватническими политическими целями безрассудной авантюрой для империализма. Недаром Ростоу пишет о возможности «прямого ответа, который уничтожит и того, кто применил оружие, и всех нас».

Гибель милитаризма, однако, не мгновенный и не автоматический акт. Это сравнительно длительный процесс. Он сопровождается судорожными попытками империалистов спасти милитаризм от уничтожения, любыми средствами удержать оружие в арсенале мировой политики. В то же время ширится борьба за уничтожение милитаризма.

Выражением того противоречия, в которое впал империализм с его агрессивной политикой, и является так называемая холодная война. Выходом был бы отказ западных политиков от производства и применения оружия, которое уже не может служить средством для выполнения завоевательных целей. Многие из них это уже признают. Но империалисты не идут по этому пути, они не отказываются от своих агрессивных планов и вместе с тем побаиваются их осуществлять. Они боятся мощи Советского Союза, социалистических стран, они боятся также народных масс в своих странах, грозной силы мирового общественного мнения, которое выступает против чудовищной истребительной войны.

Империалисты не отказываются от политики милитаризма, которая приносит огромные барыши монополиям, связанным с изготовлением оружия. Именно военные заказы являются чрезвычайно удобной формой дальнейшего сосредоточения гигантской власти в руках крупнейших монополий, которые выступают главными подрядчиками, «организующими» выполнение правительственных заказов. Государственно-монополистический капитал занимает наиболее прочные позиции именно в военном

бизнесе, и это оказывает большое влияние на всю политику империалистических держав.

Политика «холодной войны» недаром получила название «балансирования на грани войны». Даллес изображал ее как верх государственной мудрости буржуазии. На самом же деле она является лишь выражением того тупика, в который зашел империализм. Агрессивные элементы империализма ищут выход на путях развязывания «горячей войны». Наиболее трезвые из государственных деятелей империалистического лагеря уже понимают безнадежность и безрассудность такого курса. Однако эти круги не обладают подавляющим перевесом сил над реакционными и агрессивными элементами, тесно связанными с военным бизнесом.

Выход из этого тупика в первую очередь состоит в усилении воздействия народных масс на политику правящих кругов капиталистических стран. Когда давление масс возрастает, правящие круги вынуждены с этим считаться и более миролюбивые тенденции одерживают верх. В современную эпоху войны стали средством искусственно сохранить капитализм. Борьба за мир превратилась в средство ослабления капитализма.

Еще в годы первой мировой войны рабочий класс ряда стран начал понимать, что капитализм с помощью войн, вооруженной рукой старается искусственно сохранить строй наемного рабства. Развернулась борьба за революционный выход из войны, все человечество потрясла Великая Октябрьская социалистическая революция. Затем минуло два с половиной десятилетия, и трудовой люд многих стран вновь убедился в правоте ленинских слов на страшном примере второй мировой войны. Ряд народов после войны сбросили со своих плеч господство империалистов. Ныне треть человечества перешла к социализму, стала хозяйном своей судьбы.

Перед социальной мыслью встал огромной важности вопрос: треть человечества подчинила себе законы общественного развития, ликвидировала слепые силы капитализма, сделала гигантские успехи, покоряя силы природы, создавая изумительную технику, а империалисты, как и встарь, все еще могут по своему произволу гнать народы на бойню. Следовательно, кровавая стихия войны должна бушевать на земном шаре по-прежнему? Таким образом, встал вопрос о возможности дальнейшего ограничения действия капиталистической системы в сфере мировой политики, ибо капитализм уже не является на международной арене единственным и полновластным хозяином.

На этот важнейший вопрос ответил XX съезд КПСС, выдвинувший положение о том, что в наше время нет фатальной неизбежности войны, что возможности предотвращения войн возросли. Превращение социализма в мировую систему, рост могущества Советского Союза, всех стран социализма, рост созна-

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 178.

тельности и организованности всех сил, выступающих за мир в капиталистических странах, появление «зон мира», рост национально-освободительного движения — все это коренным образом изменило мировую обстановку. Об этом наша партия заявила с трибуны своего XX съезда. Эти идеи были положены также в основу выводов XXI съезда КПСС о том, что еще до полной победы социализма на земле, при сохранении капитализма в части мира, возникает реальная возможность исключить мировую войну из жизни общества.

Положение о том, что в наше время можно не допустить войну, можно сохранить мир, было принято на Совещаниях братских партий в Москве в 1957 и в 1960 гг.

Принятая XXII съездом партии Программа КПСС содержит развернутое положение о возможности в наше время предотвратить мировую войну. Программа исходит из того, что в новую историческую эпоху народные массы все активнее вмешиваются в решение международных вопросов, берут в свои руки решение вопросов о войне и мире. «Объединенными усилиями могучего социалистического лагеря, миролюбивых несоциалистических государств, международного рабочего класса и всех сил, отстаивающих дело мира, можно предотвратить мировую войну. Возрастающий перевес сил социализма над силами империализма, сил мира над силами войны ведет к тому, что еще до полной победы социализма на земле, при сохранении капитализма в части мира, возникнет реальная возможность исключить мировую войну из жизни общества»⁴⁸.

На пути осуществления агрессивных замыслов империализма стоит уже не одна социалистическая страна, находящаяся в капиталистическом окружении, а мировая система социализма. Вырос и окреп могучий Советский Союз с его огромным экономическим и военным потенциалом. Нет у империализма прежнего тыла в виде колониальной системы. Первая половина XX в. принесла крушение колониализма в Азии, во второй половине века колониальная система рушится в Африке, значительные успехи одержало освободительное движение и в Латинской Америке, по социалистическому пути идет Куба. Внутри капиталистических стран растет организованность и сознательность рабочего класса, который может объединить вокруг себя значительные миролюбивые силы. На международной арене увеличивается число государств, выступающих за мир.

Оценивая первые ростки движения за коммунистический труд, Ленин писал, что коммунистический субботник 10 мая 1919 г. в Москве имеет большее историческое значение, чем любая победа в империалистической войне 1914—1918 годов генералов Антанты или Германии, ибо каждый такой субботник

⁴⁸ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 363.

«есть одна из ячеек нового, социалистического, общества, несущего всем народам земли избавление от ига капитала и от войн»⁴⁹. Ныне ячейки нового общества трудно сосчитать. Могучие силы пробудила история для избавления всех народов земли от ига капитала и войн.

Борьба за мир наносит удары по наиболее агрессивным кругам монополистического капитала, чья политика подготовки войны всегда была связана с самой оголтелой внутренней реакцией в капиталистических странах, с насаждением фашистских режимов, особенно на периферии капиталистического мира.

Первая мировая война началась с того, что реакция попыталась задуть все левые политические организации рабочего класса. Были сосланы в Сибирь большевики — депутаты Государственной думы, связаны по рукам и ногам Либкнехт и его товарищи. Нашей партией, возглавляемой Лениным, понадобилось несколько лет для того, чтобы восстановить свои организации и повести массы на революцию. Вторая мировая война началась с беспримерного разгула фашизма в Германии, Италии, Японии. Сейчас политика подготовки и развертывания войны неразрывно соединена с наглыми попытками установить открытую диктатуру наиболее агрессивных и реакционных элементов империалистов, с попытками загнать в подполье коммунистов, разгромить политическую организацию пролетариата, сузить все те возможности политической борьбы, которые были завоеваны пролетариатом в тяжелых боях против капитала. Эта политика связана с вмешательством во внутренние дела стран, сбросивших иностранное иго, с вооруженной интервенцией и экспортом контрреволюции, с попытками изменить политическую организацию общества в этих странах.

Политика подготовки войны дает империалистам широкие возможности прибегать к насилию, опираясь на вооруженную силу, создает удобный предлог для ликвидации остатков буржуазной демократии, для максимального сужения поля действия демократических сил.

Преградить дорогу политике подготовки войны — значит создать большие возможности для деятельности прогрессивных сил в капиталистическом обществе. Осуществление принципа урегулирования спорных вопросов путем переговоров служит этой цели. Так вскрывается подлинная сущность различных предложений для создания империалистами напряженности в международных отношениях и разжигания военных конфликтов. Широкие круги во всем мире видят, как падают неодолимые, по утверждению империалистов, преграды, которые стоят на пути к мирному сосуществованию государств с различным общественным строем. Так создается идейная и политическая изоля-

⁴⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 19.

ция наиболее реакционных кругов монополистического капитала, цепляющихся за политику агрессии.

Правильной мирной политикой мы отвоевываем у империалистов массы населения их стран. По своим коренным интересам рабочий класс, трудящиеся выступают против разжигания военных конфликтов, мелкая и средняя буржуазия ничего не может получить от политики подготовки и проведения военных авантур. Важнейший пункт, в котором сейчас наиболее возможен и вероятен разрыв основной массы населения капиталистических стран с политикой монополий, — это вопрос о сохранении мира. В этом вопросе интересы агрессивных монополий и большинства населения капиталистических стран могут прийти и приходят в самое резкое противоречие.

В современных условиях, таким образом, борьба за мир таит в себе огромные реальные возможности изолировать наиболее агрессивные элементы монополистического капитала не только внутри капиталистических стран, но и на мировой арене. Эта идея сплочения всех демократических элементов вокруг рабочего класса на антиимпериалистическую борьбу ярко выражена в документах мирового коммунистического движения 1957 и 1960 гг. В полном соответствии с этими документами Программа КПСС так формулирует важную черту современной борьбы между трудом и капиталом: «Основной удар рабочий класс направляет против капиталистических монополий. В ликвидации всевластия монополий кровно заинтересованы все основные слои нации. Это позволяет соединить все демократические движения, выступающие против гнета финансовой олигархии, в один могучий **антимонполистический поток**»⁵⁰.

В современной борьбе между трудом и капиталом внешняя политика, вопросы войны и мира являются важным участком. Задача заключается в том, чтобы с помощью политики мира содействовать отрыву значительных слоев населения капиталистических стран от агрессивной политики монополий, помогать сплочению демократических сил в единый могучий **антимонполистический поток**.

Милитаризм — средство подавления революционного процесса империалистической реакцией. Милитаризм, особенно такая его форма, сложившаяся после второй мировой войны, как оккупация или полуоккупация стран, являющихся слабыми звеньями империалистической цепи, тормозит развитие освободительного движения в этих звеньях. Именно оккупация англо-американскими войсками ряда европейских стран после второй мировой войны затормозила и значительно усложнила демократическое развитие Западной Европы. Вспомним, что в первые послевоенные годы во Франции и Италии коммунисты вхо-

дили в правительство. Опираясь на англо-американские войска, а затем проведя «маршаллизацию» стран Западной Европы, империалистическая реакция затормозила закономерный процесс демократизации европейской общественной и политической жизни, процесс серьезных социальных и экономических преобразований.

Сейчас задача, поставленная историей, заключается в том, чтобы вновь поднимающаяся волна широкого демократического движения положила конец милитаризму, принудила бы империалистов к разоружению. Сегодня это один из ключевых вопросов мирового освободительного движения. Милитаризм — это реакция по всей линии в капиталистических странах, это введение «чрезвычайных законов», попытка вытеснить прогрессивные силы с легальной политической арены, загнать коммунистов в подполье. Это непрерывные попытки осуществить интервенцию против освободившихся стран. При современной «кнопочной войне» милитаристам легче пустить в ход оружие истребления трудящихся, чем в период массовых армий, до которых всегда доходило слово правды, идеи революционной борьбы. Разоружение неизбежно связано с победой прогрессивных сил над реакцией, с демократическим обновлением капиталистических стран, с победами национально-освободительного движения. Широкий и могучий **антимонполистический поток** имеет реальную возможность этого добиться.

Огромное историческое значение борьбы за влияние на средние слои показали уроки битв против фашизма. Тогда, как известно, в ряде стран верхушке монополистического капитала с помощью демагогии удалось опутать эти слои и временно оторвать их от рабочего класса. Уже в те годы мировому коммунистическому движению стала очевидна важность для развития революционного процесса четких лозунгов, ясной программы борьбы рабочего класса за резервы, за средние слои. Тогда стало до боли ясно, что не только правый оппортунизм, но и левое сектантство таит смертельную угрозу для рабочего движения. Борьба против милитаризма и агрессии, за мир и мирное сосуществование — важная составная часть всей революционной программы рабочего класса на современном этапе. Эта борьба содействует изоляции наиболее агрессивных кругов монополистического капитала как внутри нации, так и на международной арене. Это важный фактор мирового освободительного процесса.

Внешняя политика социалистических государств, особенно в период, когда социализм стал мировой системой, может способствовать предотвращению нападения извне в момент социального кризиса в той или иной стране.

В наше время вопрос о создании благоприятных условий для развития мирового освободительного процесса есть прежде

⁵⁰ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 347.

всего вопрос о предотвращении экспорта контрреволюции, о борьбе против империалистической интервенции, о поддержке народов, борющихся за свое социальное и национальное освобождение, за право самим решать свою историческую судьбу. Этим и определяется важнейшее направление советской внешней политики.

История советской внешней политики за последнее время есть история борьбы против присвоенного империалистами права нападения на народы, борющиеся за свою свободу. Достаточно вспомнить такие этапы этой борьбы, как Суэцкий кризис, когда империалисты надеялись задушить независимость Египта. Позже со стороны империалистов появилась угроза независимости Сирии. В октябре 1962 г. возник конфликт в районе Карибского моря, когда опасность империалистической интервенции нависла над свободной Кубой. В мирном исходе всех этих событий огромную роль сыграла советская внешняя политика, которая помогла сорвать планы агрессоров и таким образом содействовала развитию освободительного процесса. Рассматривая эти этапы борьбы Советского Союза против империалистической интервенции, нельзя не видеть, что по мере возрастания мощи Советского Союза, всех сил социализма и мира агрессивным империалистическим кругам все труднее вмешиваться во внутренние дела народов, дабы подавить революционное движение.

Наше время является переломным в истории мировой политики. Именно в это время нанесен наиболее сильный удар по интервенционистской политике империализма. В течение долгого периода империалисты США, руководствуясь планами Даллеса, еще считали совершенно непререкаемым свое «право» на вооруженное вторжение в чужую страну. Ныне влияние мировой общественности и возможный военно-политический риск растут. Сила внешнеполитического воздействия Советского Союза, всей мировой системы социализма, поддерживаемой прогрессивными, демократическими элементами во всех концах земли, неизмеримо возросла. Это и свидетельствует о начале подлинного перелома в развитии мировой политики.

Конечно, империалисты и сейчас еще для подавления прогрессивных сил продолжают вмешиваться во внутренние дела ряда стран. Их вмешательство в дела этих стран началось давно, и сейчас оно является остатком предыдущего периода в развитии мировой политики. Борьба идет, следовательно, за то, чтобы пресечь империалистическое вмешательство во внутренние дела других стран, не допустить его. Внешняя политика Советского Союза преследует именно такую цель.

В применении к внешней политике вопрос сейчас стоит так: могут ли социалистические государства препятствовать иностранному вооруженному вмешательству во внутренние дела

стран, где социальные конфликты достигли большого обострения? История поставила вопрос именно так. В условиях крайней милитаризации империалисты, разумеется, обладают сейчас превосходящей вооруженной мощью по сравнению с отдельными странами, ведущими национально-освободительную борьбу. Они могут добиться значительного перевеса сил в отдельных районах, в отдельных локальных войнах. Поэтому они постоянно стараются создать предлоги для своего вооруженного вмешательства в целях подавления национально-освободительной борьбы. Задача уберечь победившую революцию от вооруженной интервенции извне — чрезвычайно важная задача. Нельзя не видеть, что колонизаторы стремятся превратить разногласия между племенами, партиями, организациями, существующие в некоторых освободившихся от их ига странах, в гражданскую войну, а затем использовать своих наемников для того, чтобы вооруженной рукой положить конец успешно начавшемуся процессу освобождения.

Собственно, такая тактика применялась империалистами и после Октябрьской социалистической революции в нашей стране. Без явной и открытой поддержки мирового капитала свергнутые эксплуататорские классы в нашей стране не смогли бы развернуть длительную и изнурительную гражданскую войну. В сентябре 1917 г. Ленин писал о развитии нашей революции: «Мирное развитие какой бы то ни было революции вообще вещь чрезвычайно редкая и трудная, ибо революция есть наибольшее обострение самых острых классовых противоречий, но в крестьянской стране, когда союз пролетариата и крестьянства *может* дать измученным несправедливейшей и преступнейшей войной массам *мир*, а крестьянству всю *землю*, — в такой стране, в такой исключительный исторический момент мирное развитие революции при переходе всей власти к Советам *возможно и вероятно*»⁵¹. Известно, что после Октябрьской революции началось триумфальное шествие Советской власти по всей стране. Именно союз свергнутых эксплуататорских классов с международной буржуазией, их надежды на помощь извне разожгли гражданскую войну.

Если говорить о процессе становления строя народной демократии в Восточной и Центральной Европе, то их величайшее преимущество состояло в том, что они были спасены от иностранной интервенции и гражданской войны, они имели возможность укрепить молодой народно-демократический строй.

Непрерывно развивающийся мировой освободительный процесс поставил сегодня в порядок дня борьбу за полную политическую и экономическую независимость стран, освободивших-

⁵¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 222—223.

ся от колониального гнета. Анализируя национально-освободительное движение и его перспективы, Ленин писал в августе 1920 г., что «Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁵². Он подчеркивал при этом: «Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей»⁵³.

Когда диктатура пролетариата становится интернациональной, влияние рабочего класса на освободительное движение в крестьянских странах усиливается. С помощью интернациональной диктатуры пролетариата крестьянские страны также могут пойти по социалистическому пути развития. Дело не только в идейном влиянии интернациональной диктатуры рабочего класса, хотя это влияние ныне стало важным фактором революционного процесса. Дело заключается в материальных возможностях и предпосылках развития крестьянских стран по социалистическому пути. Внешняя политика Советского государства направлена на то, чтобы помочь этим странам встать на путь самостоятельного, независимого развития. Этот путь ведет к усилению рабочего класса и его влияния, к упрочению позиций всех демократических сил, неизбежно приближает народ к решению вопроса о переходе к социалистическому развитию.

Внешняя политика Советского Союза и в области международных экономических связей направлена на укрепление народнохозяйственной базы государственного суверенитета слаборазвитых стран и их политической независимости. Советские долгосрочные кредиты на хозяйственное строительство слаборазвитых в экономическом отношении стран «составили примерно 3 млрд. новых валютных рублей; с помощью СССР намечено построить 480 предприятий, дорог, ирригационных сооружений и других объектов в хозяйственно отсталых странах»⁵⁴. Социализм не может и не должен в этой важной сфере мировой политики уклоняться от соревнования с капитализмом. Он может и должен выиграть это соревнование в интересах развития мирового революционного процесса.

⁵² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 246.

⁵³ Там же.

⁵⁴ «Мирное сосуществование — ленинский курс внешней политики Советского Союза». М., 1962, стр. 193.

Для коммунистов нет никакой необходимости проповедовать войну как фактор прогресса. Социальный идеал может побуждать к тому, чтобы навязать его вооруженной рукой, только в том случае, если этот идеал не опирается на научную теорию прогресса, если он находится в противоречии с закономерным ходом исторического процесса. Тогда волюнтаризм становится основой политики, авантюризм заменяет уверенность в закономерном ходе исторического процесса, а идеологическая борьба становится явлением, лишь сопутствующим вмешательству «с позиции силы» в ход истории.

Наш идеал включает идею мира и дружбы народов. Мы не считаем, что борьба идей должна стать вооруженной борьбой между народами. Мирное сосуществование, разумеется, включает борьбу идей. Но это отнюдь не значит, что борьба идей несет в себе семена войны. Наше научное представление о прогрессе необходимо включает уверенность в том, что победа нового строя общественной жизни в конечном итоге решается в важнейшей сфере деятельности человека — в производительном труде, а не на полях кровавых сражений. Полное освобождение человека от всех видов угнетения, развитие всех его способностей в творческом, производительном труде — в этом состоит важная черта нашего социального идеала — коммунистического общества.

Зачем было бы строить, творить, если заранее известно, что все плоды твоего труда будут уничтожены смерчем войны? Эта мысль овладевает умами всех честных людей, которые приглядываются к нашей жизни, к нашему строительству. В результате современной термоядерной войны производительные силы, и в том числе главная производительная сила — трудящиеся, неслышанно пострадают и оставшаяся часть человечества будет испытывать огромные мучения, возводя новый общественный строй на развалинах, уцелевших после военной катастрофы. Основа же возникновения и развития социалистического строя — созидание, развитие производительных сил общества. Разрушительная война только затруднила бы этот процесс, а не облегчила его.

Мы боремся и будем бороться за осуществление нашего социального идеала. Но для этого нам нужен мир, а не война. Мы отбрасываем утверждение, что прогресс осуществляется с помощью войн; наоборот, в наше время с помощью войн, вооруженного вмешательства хотят задержать прогресс. Конечно, остановить прогресс невозможно. Но история показывает, что с помощью военных конфликтов можно умножить, так сказать, издержки прогресса. Мы же стоим за то, чтобы облегчить человечеству продвижение по пути прогресса. Научная теория про-

гресса в наше время включает требование мира, требование политической и идеологической борьбы, а не борьбы с помощью атомных бомб, наносящих огромный урон народным массам — подлинным творцам истории.

Одним из узловых вопросов, вокруг которых идет борьба между идеологией коммунизма и буржуазной идеологией, является ныне вопрос о мире. Буржуазные взгляды на явления общественной жизни приводят к признанию войны как неизбежного зла либо даже как благодетельной силы в отношениях между народами. Только марксизм-ленинизм дает правильную установку в вопросе о войнах и учит трудящихся последовательно вести борьбу за уничтожение причин, порождающих войны. Уничтожение эксплуататорского строя на земле будет означать полную ликвидацию этих причин. Уничтожение этого строя на значительных пространствах земли, возникновение и развитие мировой системы социализма ведут к тому, что уже сегодня создаются объективные предпосылки для успешной борьбы народных масс против войны, против реализации империалистических планов агрессии. Мировая система социализма борется против подготовки новой войны, используя с этой целью свои огромные экономические ресурсы, свои политические возможности на мировой арене, могучую силу идеологии коммунизма.

Скоро исполнится сто лет, с тех пор как Маркс сформулировал принципы, за которые должен бороться рабочий класс в области внешней политики. Эти принципы сегодня отстаивают трудящиеся, политической организацией которых являются марксистско-ленинские партии, их проводят в жизнь социалистические государства. Эти принципы находят сочувствие всех честных людей в любом уголке земного шара и благодаря этому стали могучим материальным фактором.

В «Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих» (1864 г.) Маркс указал на обязанность рабочего класса «самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении; в случае же невозможности предотвратить эту деятельность — объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами». Маркс заключал эту мысль следующими словами: «Борьба за такую иностранную политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса»⁵⁵.

Таким образом, при основании рабочего Интернационала на его знамени рукой Маркса было начертано, что борьба за простые законы нравственности и справедливости в области международных отношений — долг рабочего класса. Ныне это стало программным требованием ленинской партии. В Программе КПСС, принятой XXII съездом партии, говорится: «Простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами»⁵⁶.

Сейчас Советский Союз, социалистическая система располагают достаточными возможностями для того, чтобы успешно добиваться осуществления этих принципов. В этом историческое значение внешней политики, которую проводит Советский Союз. Империалистическим государствам в своих отношениях с социалистическими странами и странами, освободившимися от колониального гнета, придется придерживаться тех простых законов нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица. Этими народами будут обязаны не доброй воле империалистов, а упорной борьбе Советской державы, мировой социалистической системы, играющей все большую роль в мировых делах, активной борьбе за мир рабочего класса и всех трудящихся капиталистических стран, развитию национально-освободительного движения.

Теория мирного сосуществования не имеет ничего общего с пресловутой метафизической концепцией равновесия сил, исходящей из понятия покоя как определяющего момента. Эта концепция отрицает примат движения, развития. Мирное сосуществование, разумеется, не может быть формулой общественного застоя. Это формула бурного движения общества вперед, формула, выражающая прогрессивное развитие человечества в нашу эпоху.

Метафизическая, механистическая концепция равновесия в корне противоречит принципам мирного сосуществования еще и потому, что она сводит все взаимоотношения двух систем к понятию внешнего столкновения подобно удару двух шаров. Эта концепция ведет к представлению о фатальной неизбежности войны. Именно поэтому западногерманский философ-идеалист Ясперс заявляет, что «сосуществование возможно лишь как строгая изоляция двух систем, всякое же взаимодействие их равнозначно кровавым войнам»⁵⁷.

⁵⁶ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 410.

⁵⁷ Karl Jaspers. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. München, 1958.

Нарушение равновесия и его восстановление как схема соотношения двух мировых систем способно привести к вредным политическим выводам, оправдать гонку вооружений, а следовательно, подготовку войны. На самом же деле речь идет о процессе борьбы и соревнования двух систем, о победе социализма в этом соревновании.

Исходя из понятия покоя как определяющего момента, некоторые буржуазные философы и социологи хотели бы доказать, что полное прекращение всякой борьбы между системами — это и есть мирное сосуществование. Другими словами, они проповедуют превращение двух противоположных систем в две однотипные системы; тогда, рассуждают они, и борьбы не будет. По сути дела именно эту мысль развивает Раймон Арон, написавший книжку, которая вышла в 1959 г. под заглавием «Индустриальное общество и война». Одним из важнейших условий установления мира на земле Арон считает прекращение антагонизма между двумя господствующими идеологиями, признание родства, которое будто бы связывает различные социальные системы.

Чтобы выдвинуть такой тезис, Арону пришлось изобрести понятие «промышленная цивилизация», которое включает и капитализм, и социализм, смазывая их коренные отличия. Коммунисты поддерживают-де «войну принципов» и тем самым разрушают единство «промышленной цивилизации». Поскольку же прекращения этой «войны принципов» добиться нельзя, то сейчас наступило время не мирного сосуществования, а «непрекращающегося конфликта и ограниченных войн»; мир установить еще невозможно, но и стремление отказаться от войн значительно, поэтому вероятны «периферийные конфликты», не доходящие, однако, до смертельной схватки.

Такая «теория» может быть квалифицирована как идеологическое оправдание всяческих препятствий на пути к установлению прочного мира, как теоретическое «обоснование» империалистической политики, направленной на то, чтобы возводить различные преграды на пути дальнейшей разрядки международной напряженности.

Буржуазные идеологи хотели бы, чтобы теория мирного сосуществования двух систем означала созерцательную пассивность социалистических сил, своеобразную теорию и практику квиетизма и фатализма. Именно этого требует от нас католический теоретик Веттер, слышущий на Западе «знатоком советской идеологии». Он задает своим читателям такой вопрос: вытекает ли политика мирного сосуществования из учения марксизма-ленинизма? И не моргнув глазом отвечает: нет⁵⁸.

Рассуждение Веттера примерно таково: идея мирного сосуществования предполагает, что коммунисты в Советском Союзе будут спокойно ждать, пока капиталистическая система развалится. Но это-де противоречит самому духу ленинизма, ибо Ленин, пишет Веттер, «считал, что историческая необходимость не исключает сознательного революционного вмешательства». Вернее было бы сказать, что сейчас историческая необходимость предполагает сознательное революционное действие масс. Но нам для победы идей коммунизма не нужно военное вмешательство. Веттер приходит к таким выводам: либо коммунисты СССР верны марксизму-ленинизму, но тогда они против идеи мирного сосуществования; либо они за мирное сосуществование, но тогда они отказались от марксизма-ленинизма. Густав Веттер в своем понимании марксизма-ленинизма единодушен с другими буржуазными теоретиками. Но он напрасно беспокоится: мы верны марксизму-ленинизму, и именно потому мы за политику мирного сосуществования. Мы не отождествляем революционную деятельность масс с войной.

Период мирного сосуществования — это период все более активной борьбы масс за мир, возрастания роли народных масс в решении вопросов войны и мира, следовательно, их все более активного вмешательства в решение важнейших вопросов политики, объединения все более широких слоев трудящихся вокруг рабочего класса и его марксистско-ленинских партий. Такая оценка одной из сторон современной общественной жизни и такое решение вековых вопросов исторического процесса — вопросов войны и мира — большое достижение социальной мысли.

Глава пятая

ВЕЛИКАЯ СИЛА ПРИМЕРА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВОГО ОБЩЕСТВА

Буржуазные и мелкобуржуазные теоретики твердо запомнили, что становление новой классово антагонистической формации всегда сопровождалось войнами, экспансией, захватом чужих земель. Но социализм на мировой арене ведет другую политику. Этого и не могут взять в толк буржуазные политики, враждебные марксизму-ленинизму.

Основная мысль Ленина о роли насилия, о значении военной силы для победы социализма выражена в следующих кратких и точных словах: «Насилие имеет свою силу по отношению к тем, кто хочет восстановить свою власть. Но этим и

⁵⁸ См. *Gustaw A. Wetter. The Soviet Concept of Coexistence. «Soviet Survey», October — December, 1959, p. 19—34.*

исчерпывается значение насилия, а дальше уже имеет силу влияние и пример»¹.

Две важнейшие задачи революции выделяет Ленин: отстоять вооруженной рукой власть трудящихся и показать пример строительства нового общества. В хозяйственных делах вскрывается коренное преимущество социалистического строя, и именно это в конечном счете обеспечивает победу нового общества над старым. Торжество коммунизма во всемирном масштабе является исторически неизбежным итогом мирового развития. В хозяйственных успехах социализма находит свое выражение историческая закономерность, в этих успехах находят свое выражение социальная структура нового общества, ее преимущества, развитие и сила политической организации социалистического общества, государства и партии, которая строит свою политику на научной основе и во всем опирается на массы. В хозяйственных успехах выражается также рост культуры, развитие науки и техники, морально-политический и культурный уровень трудящихся. Именно обо всем этом говорил Ленин, указывая, что главная задача нового общества — создание высокой производительности труда.

Мысли Ленина о значении созидательных успехов нового общества сформулированы с исчерпывающей ясностью: «Чтобы победить капитализм вообще, надо, во-первых, победить эксплуататоров и отстоять власть эксплуатируемых — задача свержения эксплуататоров революционными силами; во-вторых, задача созидательная — построить новые экономические отношения, показать пример того, как это делается. Эти две стороны задачи осуществления социалистического переворота связаны неразрывно и отличают нашу революцию от всех предыдущих, в которых довольно было стороны разрушительной». «Здесь, — указывает Ленин, — в высшей степени важная задача всего социалистического переворота, взятого с международной точки зрения, с точки зрения победы над капитализмом вообще»². Хотя эти созидательные задачи разрешаются первоначально лишь в одной стране, они имеют огромное международное значение. Ленин оценивает их с точки зрения «победы над капитализмом вообще».

В приведенных строках Ленин подчеркивает, что указанные черты отличают нашу революцию от всех предыдущих, в которых доминировала разрушительная сторона. Для буржуазно-демократических революций характерна была именно сторона разрушительная, ибо их задача состояла лишь в разрушении надстройки, которая мешала развитию производительных сил буржуазного общества. Вызревание новых буржуазных отно-

шений происходило в недрах феодального строя. Буржуазная революция призвана уничтожить все, что мешает уже сложившемуся новому строю. Некоторый созидательный элемент такой революции, как правило, ограничивается лишь сферой политической организации общества. Буржуазные и мелкобуржуазные теории революции всегда ограничивались лишь ее политической стороной.

Иное дело социалистическая революция, в которой доминируют созидательные задачи. Она создает новый экономический и общественный строй, ранее на земле не существовавший. Всякому непредубежденному читателю ясно, насколько далека от ленинизма концепция буржуазных теоретиков, совершенно не понимающих, что долг коммунистов социалистических стран — строить новое общество, «показать пример того, как это делается». Эти теоретики не хотят видеть воздействия нашего примера на народы освобождающихся стран. Они не желают понять, что мировой революционный процесс уже не может теперь развиваться вне зависимости от того, показывают ли ежедневно коммунисты социалистических стран пример строительства нового общества или нет.

Пример строительства нового общества играет большую роль для мобилизации субъективного фактора, для направления по правильному руслу энергии масс в странах, идущих к революции. Вот почему Ленин говорил, что «социализм имеет силу примера», «надо показать практически, на примере, значение коммунизма»³.

В современных условиях стихийность революционного движения уходит в историю. Чем яснее осознают массы ближайшие и конечные цели своей борьбы, тем эффективнее они могут действовать на исторической арене. Великая Октябрьская социалистическая революция показала пример свержения власти эксплуататоров. В этом состоит ее величайшее влияние на сознание масс, на их волю к борьбе, на субъективный фактор мирового революционного процесса. Но ставить на этом точку — значит умалять ее значение. Для мобилизации субъективного фактора огромное значение имеет показ, во имя чего совершилась революция, что она дала и дает трудящемуся человеку, каковы реальные успехи и плоды строительства нового общества. Именно эту важнейшую мысль неустанно подчеркивает и развивает КПСС. Сегодня без этого не может быть борьбы за мобилизацию сознательности масс, их революционной энергии. Тот, кто не понимает всей глубины ленинской мысли о силе воздействия примера, тот не понимает важнейших сторон развития современного революционного процесса. Он забывает, что мировая революция сегодня — это не стихийный

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 75.

² Там же, стр. 27—28.

³ Там же, т. 42, стр. 75.

¹² Г. П. Францов

взрыв, подобный крестьянской войне XVI в. Исходить из таких представлений значит на деле всячески тормозить мировой революционный процесс.

Воспитательная сила примера в строительстве нового общества

Ленин дал блестящий социологический анализ воспитательной роли примера в строительстве нового общества. Он начинает этот анализ с истории социалистической мысли, с разбора взглядов утопического социализма: «При капиталистическом обществе были неоднократно примеры устройства трудовых коммун со стороны людей, которые надеялись мирно и безболезненно убедить человечество в преимуществе социализма и обеспечить его введение. Со стороны революционных марксистов такая точка зрения и такие приемы деятельности вызывают вполне законные насмешки, потому что в обстановке капиталистического рабства достигнуть каких-нибудь коренных изменений путем изолированных примеров было бы, действительно, совершенно пустым мечтанием, на практике приводившим либо к безжизненным предприятиям, либо к превращению этих предприятий в союзы мелких капиталистиков.

Эта привычка относиться с насмешкой и с пренебрежением к значению примера в массовом народном хозяйстве сказывается иногда и теперь у людей, которые не продумали коренного изменения, наступившего со времени завоевания политической власти пролетариатом»⁴.

Роберт Оуэн, сен-симонисты, сторонники Шарля Фурье хотели в рамках капиталистического строя, внутри буржуазных стран создать ячейки нового общества, его образцы, которые воздействовали бы силой примера на весь окружающий мир. Это был утопизм. Марксизм решительно боролся против таких взглядов. Произошли коренные изменения, и Ленин призывает вновь продумать вопрос о силе воздействия примера. Еще Энгельс писал, что для создания нового общества на земле важно показать, «как это делается».

Исходя из новых общественных условий, Ленин подчеркивает гигантское значение примера в организации производства на социалистических началах внутри страны. Он указывает, что задача состоит в том, чтобы опыт лучшей организации стал достоянием масс и, таким образом, помогал поднять хозяйство в масштабах всей страны.

Так вскрывается важная закономерность внутреннего развития советского общества, важная сторона механизма прогрессивного развития социалистического строя.

Весной 1918 г. — это была первая весна Советской страны — Ленин продиктовал ряд своих соображений о характерных чертах нового строя и ближайших задачах: «Сила примера, которая не могла проявить себя в обществе капиталистическом, получит громадное значение в обществе, отменившем частную собственность на земли и на фабрики, — не только потому, что здесь будут, может быть, следовать хорошему примеру, но и потому, что лучший пример организации производства будет сопровождаться неизбежным облегчением труда и увеличением суммы потребления для тех, кто эту лучшую организацию провел»⁵. За стенами Кремля лежала Москва, еще не сбросившая своего прежнего облика, за ее окрестностями тянулись поля, на которых еще зачастую пахали сохой, к земле прижались деревни, в которых кое-где еще мерцала лучина. Но Ленин смотрел вперед, он знал, что разбужена чудесная социальная энергия и для ее наиболее эффективного развития нужна сила примера. Пример творчески осваивается новыми и новыми строителями, в ходе этого освоения рождаются новые примеры, социальная энергия масс двигает гигантскими шагами.

В нашем обществе, как учил Ленин, «сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое действие»⁶. Массовое действие силы примера — важнейшая пружина того механизма, который двигает советское общество к коммунизму. Партия — авангард советского народа, она подает пример всей массе советских людей в различных областях их деятельности. Сейчас распространение не только самых передовых взглядов на жизнь, но и самого передового опыта в труде, в производстве является главным стержнем всей работы партии. Отдельные начинания советских тружеников благодаря работе партии становятся массовыми, рождают новые начинания, которые в свою очередь становятся массовыми и в ходе их освоения порождают новые творческие попытки, ведут к дальнейшему обогащению процесса труда, производства, всей общественной жизни. Таково колесо прогресса, которое увлекает советское общество все дальше по пути к коммунизму. Процесс творческого освоения передового опыта всей массой народа не мог бы развиваться без огромной организаторской и воспитательной работы партии.

Следует глубоко вдуматься в основной тезис замечательной работы Ленина «Великий почин». В нем вскрыт важный механизм прогресса социалистического общества. В социалистическом обществе пример является именно *почином*, началом массового движения. С примером, или почином, тесно связано по-

⁵ Там же, стр. 150.

⁶ Там же, стр. 191.

явление и освоение, развитие нового в социальной жизни. Новое в деятельности людей — это и есть пример выявления и освоения новых возможностей общественного развития. Пример, почин, показывает, что в обществе назрели новые объективные возможности. Реализация новых возможностей все большим числом членов общества ведет к новой качественной ступени развития. Развитие общества в той или иной сфере достигло такой ступени, что дело теперь за тем, чтобы прогрессивные тенденции усилились, широко распространились и взяли верх. В период развернутого строительства коммунизма, когда растет инициатива и самостоятельность масс, сила примера становится важнейшим фактором общественной жизни.

Еще старые социологи домарксовской поры отмечали, что если бы индивидуум был предоставлен только самому себе, то его развитие мало чем отличалось бы от животного. Общественное влияние на личность часто проявляется в виде примера, который учит, как следует действовать, как вести себя в тех или иных жизненных условиях. Накопление в сознании индивидуума различных влияний, направленных в одну и ту же сторону, становится общественным воздействием. Это влияние в социалистическом обществе не подавляет личность, а в конечном счете только содействует выявлению ее способностей и возможностей. Сила воздействия коллектива приводит человека к усвоению таких правил, которые становятся обычными и привычными. Конкретные примеры дают возможность индивидууму усвоить, что «так не делают», «так не поступают», причем от правильной организации жизни коллектива зависит, чтобы пример наиболее честных, высоконравственных и идейных людей доминировал, пользовался бы наибольшим престижем. В жизненный опыт человека входят и те примеры, которые он усвоил и которые оказали на него глубокое влияние. Сознание своей индивидуальности совершенно невозможно без влияния коллектива, без соприкосновения и тесного взаимодействия с другими индивидуальностями.

Совсем не следует думать, что сила примера предполагает лишь простое подражание. Это грубейшая ошибка, которую постоянно допускают буржуазные социологи со времен реакционного теоретика XIX в. Г. Тарда. На самом деле сила примера пробуждает внутренние психические возможности индивидуума, усвоенный пример может быть превзойден или может породить такие действия, которые переносят этот пример в иную область. Это составит начало новой цепи, явится новым примером, подлежащим в свою очередь освоению. Так благодаря ценному примеру в движение вовлекаются все новые массы людей, оно растет вширь и одновременно обогащается по своему содержанию. Вот почему пример становится почином. Получают широкое распространение новые навыки и методы

труда, становятся достоянием масс образцы освоения и эффективного использования передовой техники. Новаторство и рационализаторство является выражением этой силы примера. Пример передовиков исключает возможность механического его повторения, он показывает необходимость учиться, постоянно приобретать знания для того, чтобы трудовой процесс развивался. Пример передовиков показывает путь, которым следует идти, он сокращает этот путь, но отнюдь не уничтожает его.

Сила примера значительна не только для организации труда, для развития его методов, для подъема технического и культурного уровня трудящихся, но и для формирования характера, психического склада людей. В воспитании эмоций, чувств, умения привести в действие поставленной цели сила примера имеет огромное значение. Для социалистического общества важно не только развитие разума человека, но и правильное развитие его чувств. И здесь без воспитательной силы примера также нельзя обойтись.

Влияние примера на мировой исторический процесс

Так обстоит дело, коротко говоря, с вопросом о силе примера как факторе внутреннего развития советского общества. С другой стороны, Ленин подчеркивал значение нашего примера социалистического строительства и в международном масштабе. Он часто говорил одновременно об этих двух аспектах — о внутриполитическом и внешнеполитическом значении примера успешного хозяйственного строительства: «Мы должны, доказавши, что революционной организацией мы в состоянии дать отпор насилью по отношению к эксплуатируемым, то же самое доказать в другой области, создавши такой пример, который бы не убеждал словами, а показывал на деле всей громадной массе крестьян и мелкобуржуазным элементам, и остальным странам, что коммунистический строй, уклад, может быть создан пролетариатом, победившим в войне. Эта задача имеет всемирное значение. Для того, чтобы нам одержать вторую половину победы в международном смысле, нужно разрешить вторую половину задачи — в деле хозяйственного строительства»⁷. Итак, Ленин вновь четко ставит вопрос о двух сторонах развития нового общества: отпор насилью эксплуататоров и создание примера строительства. Вторая половина победы в международном масштабе — это успехи нашего хозяйственного строительства, воздействие нашего примера на трудящихся

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 29.

всех стран. Вот в чем состоит важнейшая идея Ленина. Некоторые же нынешние извратители ленинских взглядов приписывают Ленину взгляды Бухарина и других «левых» коммунистов о «подталкивании» мировой революции.

Ленин вновь и вновь возвращается к традициям социалистической мысли, связывая с ее историей свой вывод о том, что социалистический строй должен быть силой, способной показать пример.

«Вместо методов революционного свержения эксплуататоров и отпора насильникам мы должны применить методы организаторства, строительства, мы должны проявить себя, отстоять себя перед всем миром не только, как сила, способная сопротивляться военному удушению, а как сила, способная показать пример. Всегда, во всех сочинениях крупнейших социалистических писателей, можно было найти указание на эти две стороны задачи социалистической революции, которые, как две стороны задачи, относятся и к внешнему миру, к тем государствам, которые остались в руках капиталистов, так и к пролетарским массам своей собственной страны»⁸.

Сила КПСС состоит в том, что она успешно решала обе задачи, указанные Лениным. И по мере успехов нового общественного строя, его укрепления, его развития вторая задача становилась главной. Такова логика развития нового строя. В мае 1921 г., когда на поверхность выплыли троцкистские взгляды, полностью отрицавшие значение и саму возможность хозяйственного строительства в нашей стране, Ленин формулирует следующее важное положение как итог пройденного пути и достигнутых успехов.

«Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто. Замолчать, скрыть капиталисты ничего не могут, они больше всего ловят поэтому наши хозяйственные ошибки и нашу слабость. На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно»⁹.

История уже показала и покажет не раз, что на самом деле означает во всемирном масштабе пример строительства нового общества в такой стране, как Советский Союз. Наша страна в экономическом, географическом, этнографическом отношении — это целый мир. И наш опыт, наш пример поэтому многогранен.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 28.

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 341.

Это, во-первых, пример преобразования на социалистических началах крупной капиталистической промышленности. Такие районы страны, как угольно-металлургический Юг, как высокоразвитый в индустриальном отношении Центр (Петербург, Москва) и некоторые другие, по своей экономике и социальной структуре мало чем отличались от соответствующих районов капиталистической Западной Европы. Наш рабочий класс уже к 1917 г. показал образцы сознательности и организованности. Социалистические преобразования существовавшей в России развитой промышленности служат и будут служить примером для индустриально развитых стран капиталистического мира.

Во-вторых, советский народ показал путь переделки аграрных районов, опутанных сетями полуфеодальной зависимости и обреченных капитализмом на отсталость. Пример СССР показал, как индустриализировать такие районы и вывести их на путь прогрессивного социалистического развития. Впервые в истории было показано величайшее созидательное значение союза рабочего класса и крестьянства, роль этого союза в прогрессивном развитии современного общества.

В-третьих, Советский Союз указал путь, как в районах, страдавших от колониальной зависимости, создать и воспитать рабочий класс, поднять социалистическую культуру, развить технику. Ныне это процветающие районы Средней Азии. Такой опыт представляет огромную ценность для большинства населения земли. Пример СССР показал, кроме того, как вывести на путь прогресса народы, которые капитализм держал в условиях каменного века. Это — народы Дальнего Севера, среди которых сегодня есть писатели, чьи книги переведены на многие европейские языки. А ведь таких народов за пределами социалистического мира осталось на земле еще немало.

Словом, почти все разнообразие современного мира в той или иной мере отразилось в нашей стране, огромные исторические задачи пришлось решить партии, созданной Лениным, всегда непоколебимо верной его учению. Вот почему опыт КПСС имеет такое огромное международное значение для всей нашей эпохи.

В Программе КПСС говорится: «В результате самоотверженного труда советского народа, теоретической и практической деятельности Коммунистической партии Советского Союза **человечество получило реально существующее социалистическое общество и проверенную на опыте науку о построении социализма. Столбовая дорога к социализму проложена**¹⁰. Эта дорога проложена для народов, живущих в различных условиях. Наш пример относится и к высокоразвитым индустриаль-

¹⁰ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 332.

ным государствам, и к аграрным странам, и к районам, где еще недавно господствовал или продолжает господствовать колониализм. В этом состоит величайшая всемирно-историческая ценность примера Советского Союза. За ним пошли, творчески осваивая его опыт, такие страны, как высокоразвитая Чехословакия, как аграрные страны Восточной Европы и Азии. К его опыту тянутся ныне народы Африки и Латинской Америки. В далекой Гане газета «Ивнинг ньюс» так пишет, раздумывая над нашим опытом: «В настоящее время перед революционерами встает вопрос о том, можно ли братья за построение социализма в разоренной, доведенной до нищеты стране? Или встать в позу простаков и обратиться за помощью к мировому капитализму, положив под сукно идеи социализма до более подходящих дней?» Это, действительно, большой и важный вопрос современного общественного развития. КПСС дала на него ответ. Ныне опыт СССР творчески приумножен мировой системой социализма. Это уже опыт многих стран, многих народов земли, всей мировой системы социализма.

Сегодня на бескрайних просторах Советской страны идет строительство коммунизма — второй фазы нового общества. Главная задача — создание материально-технической базы коммунизма, и успехи в этой области оказывают огромное воздействие на весь мировой революционный процесс во всех его звеньях. Ныне на это поприще, говоря словами Ленина, борьба перенесена во всемирном масштабе.

Некоторые теоретики думают, что переход СССР к строительству коммунизма есть некий «субъективный», «дополнительный» момент в современном общественном развитии. Они не понимают, что это *необходимый этап всего мирового революционного процесса*. Развитие экономической, социальной и политической мощи первой страны победившего социализма влияет на судьбы мирового освободительного процесса. Невидеть взаимодействия всех звеньев этого процесса, игнорировать значение прогрессивного развития социалистического общества — это значит исказить весь мировой революционный процесс.

Для стран социализма пример строительства коммунизма показывает перспективу дальнейшего развития по социалистическому пути. Вспомним, что Ленин учил, начиная социалистические преобразования, видеть перспективу развития общества к коммунизму. В период завершения строительства социализма это ленинское методологическое указание приобретает еще большее значение. Ныне перспективы строительства коммунизма воплощаются в жизнь, становятся исторической реальностью. Создаются объективные предпосылки для дальнейшей консолидации социалистических стран. Растущие экономичес-

кие ресурсы страны, строящей коммунизм, служат этому делу. Наши успехи укрепляют мировую систему социализма, поднимают еще выше ее престиж, усиливают ее роль в мировом развитии.

Создание и совершенствование международного социалистического разделения труда — это одна из важнейших исторических задач нашего времени. Капитализм окончательно победил феодализм, создав свою международную систему разделения труда. И сегодня еще в борьбе против социализма капитализм старается извлечь максимальную выгоду из своей системы международного разделения труда, создавая блоки, союзы монополий вроде «Общего рынка». Но его система, покоящаяся на господстве одних и подчинении других, осуждена историей. Страны социализма должны показать и показывают воочию коренное преимущество народившейся социалистической системы международного разделения труда.

Мировой социализм имеет своего противника в лице мирового капитализма, который маневрирует в международном масштабе, старается изловчиться, чтобы затормозить свою гибель. Международное социалистическое разделение труда стимулирует развитие производительных сил социализма, убыстряет победу социализма в экономическом соревновании с капитализмом. Видеть в нынешних союзах монополистического капитала вроде «Общего рынка» только их политическую, преимущественно военную, сторону, забыть об экономической и социальной стороне (маневрирование ресурсами для того, чтобы бороться с силами социализма и внутри капиталистических стран, и на мировой арене) — это значит забыть азбуку марксизма, азбуку материализма, а следовательно, разоружиться идеологически, политически и экономически перед лицом капитализма. Проповедовать в современных условиях мысль о том, что страны социализма могут развивать свою экономику в одиночку, вразброд, игнорируя требования международного социалистического разделения труда, — это значит предать забвению основы учения марксизма-ленинизма об общественно-экономических формациях, об их смене и победе в борьбе со старым.

Строительство в нашей стране общества всемирного богатства оказывает влияние не только на страны социалистической системы, но и на все страны капиталистического мира — и на «богатые», и на «бедные». Исчезает последняя возможность утверждать, будто богатство — это привилегия развитых капиталистических стран. Значение этого крутого поворота во всемирной истории трудно переоценить. В течение долгого времени высокоразвитые капиталистические страны кичились своим богатством. Буржуазные пропагандисты, обращаясь к слаборазвитым в техническом отношении странам, твердили: ка-

питалистический путь — путь создания богатства. Обращаясь к трудящимся развитых капиталистических стран, они заявляли: если вы хотите удержаться на уровне богатства, не впасть в нищету, держитесь за капитализм. Теперь капиталисты теряют свою «монополию на богатство». На земле создается богатство, которое по своим размерам превзойдет то, что имеют богатейшие капиталистические страны, и это богатство находится в руках всего народа. В нашем обществе нет места никакому паразитизму, никакому стремлению жить за чужой счет. Огромно влияние этого на умы народных масс, которые делают историю.

Велико это влияние на борьбу рабочего класса в капиталистических странах. Только люди, которые смотрят на социальные процессы, закрыв один глаз, могут не видеть этого влияния. Пролетариат не вырвал бы и третьей части уступок у капиталистов, уступок, которые расширяют дальнейшие возможности борьбы рабочего класса, если бы на свете не было социалистического общества, Советского Союза. Но дело не только в этих уступках, вырванных рабочим классом у капитализма. По мере успехов коммунистического строительства в СССР массы все более ясно будут видеть, что им на деле предоставляет коммунизм, они смогут выбирать, изучать и делать свои выводы о дальнейшей судьбе капитализма.

Главное, чем воздействует пример строящегося коммунизма на рабочий класс, на другие слои трудящихся, — это революционное преобразование самого процесса труда. Даже сравнительно высокая заработная плата не в силах скрыть то, что рабочий на капиталистическом предприятии не удовлетворен своей работой, которая стала монотонной и изнуряющей, лишённой творческого начала, инициативы и самостоятельности. Стараясь найти рецепт, помогающий бороться с этим злом, большинство западных социологов стараются свалить ответственность на технику и науку, это они-де своим развитием обрекли трудящегося человека на столь тяжелую участь. Это-де неизбежные издержки прогресса. Социализм наносит сокрушительный удар по этой буржуазной догме. Страшное духовное опустошение важнейшей сферы деятельности человека — производительного труда — таково самое тяжелое преступление капитализма.

Американский еженедельник «Nation», отличающийся либеральным оттенком, опубликовал в августе 1957 г. большую статью, автор которой проработал ряд лет на заводах. «Миф о счастливом рабочем» — называется эта статья. В ней говорится, что жизнь «заставляет человека ненавидеть работу, которая бездушна, бесконечна, однообразна до одурения, потогонная, грязная, шумная, выматывающая силы, неопределенная по своей перспективе и без всяких надежд на продвижение.

Простая истина заключается в том, что заводская работа унижительна. Она унижительна для любого человека, который мечтает совершить что-то достойное в своей жизни; нам пора осознать это.

Люди, с которыми я работал на конвейере в прошлом году, почти все без исключения чувствовали себя подобно животным в ловушке. В зависимости от своего возраста и личных обстоятельств они либо примерялись со своей судьбой, либо злились на самих себя за то, чем они занимаются, либо отчаянно искали другую работу, которая бы давала такую же плату, но вносила бы какое-нибудь разнообразие и перспективу на улучшение. У них вызывало отвращение то обстоятельство, что ими поучали грубые надсмотрщики (которые сами достойны больше сострадания, чем ненависти), им претило то, что они работали подобно ослам в шорах, претило быть зависимыми от чудовищной производственно-торговой машины, без которой они не могут получить средства существования, они измучились от работы там, где не было места для краткого отдыха хотя бы на 20 минут». «Отношение рабочего к своей работе, — заключает автор, — обычно складывается из ненависти, стыда и унижения».

Коммунизм наполняет труд огромным творческим содержанием, делает его величайшей моральной и интеллектуальной ценностью, придает большой идейный смысл всей трудовой деятельности человека. Труд становится моральной ценностью, ибо отношение человека к труду на общее благо — важнейший критерий зрелости морального сознания советских людей. Труд приобретает интеллектуальную ценность, ибо он во все большей степени требует приложения ума и знаний. Труд приносит большое нравственное удовлетворение человеку, ибо он отчетливо знает, с какими огромными общественными задачами связана его повседневная деятельность, на каком бы поприще он ни работал. На любом участке строительства коммунизма труд окружен высоким уважением всего общества и каждого его члена. Это величайший переворот в многовековой истории труда. Освободительное значение для всего человечества тех процессов, которые происходят в нашей стране в период развернутого строительства коммунизма, нельзя скрыть никакими ухищрениями, никакими фальсификациями ленинизма. Только люди, враждебные марксизму-ленинизму, могут отрицать это значение. Марксизм-ленинизм — единственная научная теория, которая всесторонне изучила труд и его роль в истории человеческого общества. Она указала путь, который ведет человечество к освобождению труда от оков эксплуатации. Идеей освобождения общественного труда, развития его огромной творческой, созидательной силы проникнуто все мировоззрение научного коммунизма. Устранение с пути человеческого труда всех препятствий, нагроможденных эксплуататорским строем, создание

наиболее совершенной формы организации общественного труда, а следовательно, создание совершенной социальной структуры общества — вот один из основных принципов научного коммунизма.

Капитализм направил производительный труд человека, вооруженный современной наукой, в значительной степени во вред человеку. Это величайшее преступление. Огромные материальные и трудовые ресурсы тратятся на подготовку человека к истребительной войне, на изготовление орудий массового уничтожения. Коммунизм предлагает миру полное и всеобщее разоружение. Только люди, предавшие полному забвению конечные цели борьбы коммунистов, провозгласившие в наше время лозунг Бернштейна «движение все, а цель ничто», могут не замечать революционизирующего влияния этого предложения. Величайшие достижения науки и техники, оснащающие производительный труд, коммунизм обращает на пользу человеку, во имя человека. В этом состоит величайшее историческое значение нашего примера.

Поколение буржуазных революционеров выходило на арену борьбы с мыслью, которая была прекрасно сформулирована в первых строках «Общественного договора» Жан-Жака Руссо: «Человек рожден быть свободным, а повсюду он в цепях». Эти слова знали наизусть деятели французской революции 1789 г., которые клялись уничтожить эту историческую несправедливость. По истечении примерно двух веков господства капитализма французский экономист Ф. Перру подводит такой неутешительный итог: «Две трети людей страдают от голода или плохого питания... Те же люди несут на себе проклятие болезней невежества и нищеты». Так живет значительная часть человечества в эпоху, когда ресурсы современной техники и науки дают ему возможность достичь действительного изобилия.

И современная социальная мысль дает прямой ответ на вопрос: какими же цепями скованы люди, почему они не могут использовать имеющиеся возможности экономического и технического развития? Все люди доброй воли и честной мысли не могут не задумываться сегодня над этим вопросом, не могут не искать на него ответ. Все чаще этот вопрос задают себе естествоиспытатели и представители технической мысли на Западе. Ибо от решения этого вопроса зависят перспективы развития естествознания, техники, поставленных на службу будущему человечества. Научный коммунизм доказал, что прежняя экономическая, социальная и политическая организация общества изжила себя, она стала оковами для прогрессивного развития человечества. Есть ли у людей труда возможность создать другую форму общественной организации, которая была бы наиболее совершенной? Пример СССР дает утвердительный

ответ на этот вопрос, поставленный перед человечеством историческим развитием.

Коммунистические партии, как указывается в Программе КПСС, «доказали жизнеспособность марксизма-ленинизма, свою способность не только пропагандировать, но и осуществлять на практике великие идеалы научного коммунизма»¹¹. Следовательно, и пропаганда идей коммунизма приобретает ныне новый характер, она неразрывно связана с делом коммунистического строительства в нашей стране и в других странах мировой системы социализма, становится пропагандой фактами, примером. Высшая форма политической организации рабочего класса, идущего во главе всех трудящихся, — это партия коммунистов, которая в СССР силой примера пробудила величайшую социальную энергию масс, совершающих подлинные чудеса героизма мысли и дела, стала партией всего народа после полной и окончательной победы социализма.

Попытки очернить опыт Советского Союза, ослабить силу его исторического примера — главное содержание современного антикоммунизма. Поэтому уже сравнительно давно пропагандисты антикоммунизма стараются подкрасить социализм под капитализм, разыскать в социалистическом обществе классовые антагонизмы и т. д. Мысль о том, что социализм порождает новые буржуазные элементы, выдвинули еще правые лидеры социал-демократии в своей борьбе против коммунистов. С тех пор эта выдумка пошла в ход. Буржуазные теоретики стали именовать социализм «государственным капитализмом». Эту выдумку подхватил осужденный Союзом коммунистов Югославии ренегат Милован Джилас. Эта теория была изобретена для борьбы против социализма и служит ей.

Но социализм тем и отличается от переходного периода, что он уже не может рождать и не рождает капитализма, ибо для этого уничтожена почва — мелкое товарное хозяйство, уничтожена частная собственность на средства производства, безраздельно господствует общественная собственность. Несомненно, у нас есть еще лодыри, туеядцы, хулиганы, люди, отравленные буржуазным сознанием, но считать их классом или определенным социальным слоем — это значит предполагать, что существование классов зависит от сознания людей.

Все подобные рассуждения об остатках при социализме эксплуататорских классов, которые готовят реставрацию капитализма, все домыслы о появлении новых «буржуазных элементов», которые-де порождает социалистический строй, не имеют под собой никаких оснований. Такая теория не выражает никаких социальных процессов, происходящих в нашем обществе, наоборот, она им противоречит.

¹¹ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 350.

Борьба против фальсификации фактов, достижений в строительстве коммунистического общества играет сейчас большую роль, ибо сила примера приобрела ныне огромное значение. Борьбу, начатую с возникновением большевизма и принесшую нам великие победы, борьбу против вульгарного понимания социализма и опошления его великих идей в новых исторических условиях наша партия ведет на международной арене в интересах развития мирового революционного процесса, в интересах победы коммунизма. Мы ведем эту борьбу не только словом, но, что особенно важно, делом, примером строительства коммунизма. Можно поэтому сказать, что сейчас весь советский народ, каждый советский человек своим повседневным трудом участвует в великой идеологической битве современности за коммунизм.

Даже некоторые представители пресловутого антикоммунизма не могут не говорить довольно откровенно о силе воздействия нашего примера. Один из них, Алек Ноув, в разделе книги, имеющем подзаголовок «Сила примера», пишет: «В некоторых кругах существует тенденция рассматривать угрозу со стороны Советского Союза и его союзников в основном в связи с какими-либо конкретными действиями — военными демонстрациями, «экономическим проникновением» и т. д. Но большая часть наших трудностей порождена психологическим воздействием советских достижений на общественное мнение...»¹². Объективные условия в современном мире созрели для того, чтобы пример строительства коммунизма давал плодотворные результаты.

В этой связи автор обращает внимание на мысль американского экономиста Саймона Кузнеца, который так рисует обстановку, необходимую сегодня для технического прогресса: «Наиболее серьезным препятствием для быстрого распространения промышленной системы является преграда, возникающая на пути многих нововведений: это приводит к резко обозначенному разрыву с установившимися порядками общественной и экономической жизни; это разрушает установившиеся интересы; это требует переоценки системы общественных представлений и культурных ценностей, совершенно отличных от тех, которые достались многим странам в наследство от их долгого исторического прошлого. Короче, это сплошная революция в полном смысле слова». Следовательно, историческая обстановка в наше время, даже по мнению буржуазного теоретика, требует «сплошной революции» для воплощения в жизнь возможностей технического прогресса. Буржуазное общество не в силах справиться с этой революцией, которая не-

отвратимо наступает. Социалистическое общество, ставя на службу общественному развитию все самые важные достижения науки и техники, показывает пример, как следует в максимальной степени использовать научно-техническую революцию в интересах общего блага. Кому же и осуществлять эту научно-техническую революцию, если не коммунистам, с кого же брать пример, если не с коммунистов. В этом состоит исторический долг системы социализма.

«Именно в этой связи, — продолжает Алек Ноув, — и должны рассматриваться политический призыв и сила примера России. Вот почему в слаборазвитых странах проявляется тенденция рассматривать предложения, выдержанные в духе постепенных реформ или выдвигаемые с консервативных позиций, как не дающие никакого решения их проблем»¹³.

Другими словами, технический прогресс и особенно задача приобщения к нему народов развивающихся стран требуют сегодня революционных методов, революционного мышления, решительной борьбы со всяческим консерватизмом. Такого веления времени, таковы назревшие потребности общества, и от них никуда не уйти. Но как же можно в таком случае не видеть опыта системы социализма, Советского Союза в деле широкого применения новейшей техники? Это значило бы не видеть соревнования с капитализмом, не видеть, что внедрение в народное хозяйство Советской страны самых передовых методов, самой передовой техники, важнейших достижений науки — это и есть строительство материально-технической базы коммунизма.

Только капиталу, заявляли в течение долгого времени буржуазные социологи, принадлежит «риск новаторства», только он наделен «духом предпринимательства». В действительности же именно в нашем обществе труд во все большей степени включает в себя рационализаторскую, творческую мысль организатора и работника, направленную на совершенствование процесса производства и его организации. Этот дух инициативы, творчества, рационализации и новаторства охватывает все советское общество, становится одним из важнейших факторов, обеспечивающих быстрое и непрерывное развитие производства. Это показатель наступления для нашего общества эпохи, когда, по словам Маркса, «развитие общественного индивидуума — вот что выступает в качестве основного устоя производства и богатства»¹⁴. Это и есть период развернутого строительства коммунизма, самый решительный момент соревнования между социализмом и капитализмом.

¹³ Ibidem.

¹⁴ «Большевик», 1939, № 11—12, стр. 62.

¹² A. Nove. Communist Economic Strategy: Soviet Growth and Capabilities. USA, National Planning Association, 1959, p. 51.

Алек Ноув довольно правдоподобно рисует ход мыслей деятелей национально-освободительного движения в странах Азии и Африки: «Россия... была одной из стран, подобных нашим, и стала великой индустриальной державой... Все это не обязательно делает реформаторов слаборазвитых стран коммунистами,— добавляет он,— но это непременно приводит их к решению изменить старые устои, к желанию прислушаться к экстремистам... Опыт западных держав представляется попросту неподходящим в условиях слаборазвитых стран»¹⁵. О чем говорит этот вывод? Во-первых, он указывает, что объективная обстановка, ход исторического развития повышают в общественном мнении роль левых, прогрессивных элементов, опирающихся на наш опыт. Во-вторых, дело идет к тому, что «опыт западных держав» все более признается «неподходящим», так как он не выводит развивающиеся страны на дорогу социального прогресса. Такова тенденция современного исторического процесса.

Наиболее дальновидные западные обозреватели не могут не видеть, что вместе с советскими инженерами и машинами, с которыми знакомятся в странах Азии и Африки, идет и советский опыт переустройства социальной и экономической жизни. Американский журнал «Business Week» (April 18, 1959), оценивая значение строительства Советским Союзом завода в Бхилаи (Индия), указывает, например, что это было «подлинное советское достижение на поприще экономического соревнования, и подчеркивает, что это соревнование шло не только в плане техническом, но и «в гуманном смысле». Журнал пишет, что деятельность советских специалистов, их образ жизни, их отношения со своими индийскими коллегами — все это «произвело глубокое впечатление на индийских металлургов и даже на некоторых лиц из индийских правительственных и деловых кругов, которые, безусловно, были настроены против коммунизма».

«Business Week» — журнал, чрезвычайно далекий от вопросов философии и социологии, подходит, однако, вплотную, сам того не замечая, к узловому вопросу современной борьбы двух идеологий. Сила нашего хозяйственного примера неразрывно связана с социалистическими общественными отношениями, с социалистической идеологией, с нашими моральными ценностями и идеями. Экономическое соревнование неизбежно предполагает политическую и идеологическую борьбу. Классовым чутьем это чувствует буржуазный журнал.

В течение последних 50—60 лет социальная мысль стран Востока мучительно искала ответ на вопрос: как выбраться из

страшного, засасывающего болота беспросветной нищеты и нужды? Апологеты капитализма твердили, что путь для этого один — это путь буржуазного развития, его неизбежно надо пройти, других путей история не знает. Некоторые представители буржуазной интеллигенции в странах Азии в ответ на это говорили: а может быть, наша нищета лучше и благородней, чем этот мир господства голого чистогана? И кое-кто даже воспевал отсталость, «священную нищету» и «благородную бедность». Это была своеобразная дорога социальной мысли — дорога, которая никуда не ведет. Ныне социальная мысль в странах Востока выходит с этих одиноких тропинок на столбовую дорогу, приближается к научному коммунизму, и, как бы ни старались представители современного мелкобуржуазного социализма вернуть ее вспять, к идеям «священной бедности», назад дороги уже нет. История движется в другом направлении.

Сколько бы ни твердили народным массам стран Востока различные «советчики» справа и «слева», будто советский опыт строительства социализма и коммунизма не подходит для этих стран, правду жизни не заглушить. Когда советские люди, жители страны, со всех сторон окруженной сильнейшими противниками, стиснув зубы, преодолевали огромные трудности, камень за камнем возводили фундамент социализма, некоторые западные теоретики злорадствовали по поводу трудностей нашего роста, пугали отсталые слои трудящихся этими трудностями. Сколько на эту тему было произнесено речей, исписано бумаги! Но что сказать теперь, когда в кратчайшие исторические сроки советские люди коренным образом изменили лицо своей страны, условия собственного бытия. Сейчас за один день в Советском Союзе производится столько продукции машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, сколько дореволюционная Россия производила за год. За последние пять лет в Москве построено больше жилья, чем насчитывал весь жилищный фонд дореволюционной Москвы. Четыре пятых всего нашего населения до революции было неграмотным, а сейчас 40% рабочих и 23% крестьян имеют среднее и высшее образование. Советский Союз готовит в 3 раза больше инженеров, чем США. Эти факты оказывают революционизирующее влияние, они являются материальными аргументами в пользу идей коммунизма.

В прошлом отсталые восточные окраины царской России превратились в передовые социалистические индустриально-колхозные республики. После Октябрьской революции выпуск продукции крупной промышленности в Казахстане и республиках Средней Азии возрос в 60 с лишним раз. Казахстан в наше время производит промышленной продукции на душу населения такое же количество, как Италия, а электроэнергии — столько же, сколько Япония, и больше, чем Италия. В Узбе-

¹⁵ A. Nove. Communist Economic Strategy: Soviet Growth and Capabilities, p. 51—52.

кистане на каждые 10 тыс. населения людей с высшим образованием приходится в 2 раза больше, чем во Франции, в 7 раз больше, чем в Турции, и в 28 раз больше, чем в Иране.

Как учил Ленин, важным условием для того, чтобы поднять огромную отсталую деревню, которая и поныне окружает капиталистические «очаги цивилизации», является крупная промышленность. «Если говорить о цветущей крупной промышленности, способной сразу всеми потребными продуктами удовлетворить крестьянство, то это условие налицо; если взять вопрос в мировом масштабе, такая цветущая крупная промышленность, которая может снабдить мир всеми продуктами, имеется на земле, но только ее не умеют пускать в ход иначе, как для того, чтобы строить пушки, делать снаряды и прочие орудия, с таким большим успехом примененные в 1914—1918 годах. Тогда промышленность работала на войну и снабдила она человечество своими продуктами так полно, что оказалось не меньше 10 миллионов человек убитыми и не меньше 20 миллионов искалеченными»¹⁶. Человечество создало другую промышленную силу — социалистическую, которая непрерывно возрастает. Невизбежно наступит то время, когда эта цветущая крупная промышленность будет в состоянии снабдить крестьянские страны всем необходимым для того, чтобы они уверенно двигались по социалистическому пути. Вместе с тем растущая мощь системы социализма все больше мешает империалистам использовать промышленность в военных целях. Социалистический мир теснит капитализм к разоружению, требует, чтобы свои ресурсы он обратил на дело индустриализации слаборазвитых районов земли. Таковы исторические перспективы, которые открывает дальнейшее укрепление хозяйственной мощи социалистических стран.

Важно, однако, чтобы поток промышленной продукции, направленный в развивающиеся страны, привел там в действие такой механизм, который эффективно толкал бы эти страны по пути прогресса. Раздробленное, нищее крестьянское хозяйство не сможет эффективно использовать этот поток. Нужна иная социальная организация. И в этом отношении у человечества есть уже немалый исторический опыт. Огромное значение в этой связи имеет пример нашего решения аграрной проблемы, одной из важнейших проблем общественного развития. «Коллективизация сельского хозяйства в СССР часто рассматривается азиатскими деятелями как образец, отвечающий их нуждам, — пишет Ноув, весьма озабоченный возрастающим значением нашего примера в этой области. — В их собственных странах развитие сельского хозяйства обычно сдерживается социальными, юридическими и техническими препятствиями,

которые нужно срочно устранить; в советском же коллективном земледелии часто усматривается прогрессивная форма сельской кооперации. Необходимость коренных преобразований в сельском хозяйстве слаборазвитых стран является настоящей, и одна лишь негативная критика советского опыта, вероятно, не даст результатов, если при этом не защищать какой-то альтернативный путь, более подходящий для удовлетворения специфических нужд сельского хозяйства в этих районах. Немногие, очень немногие западные эксперты поступают именно так»¹⁷. Но дело заключается в том, что история не знает никаких других путей, кроме капиталистического и социалистического. Нет другого выхода из аграрной нищеты, кроме пути кооперирования сельского хозяйства.

Путь индустриализации и коллективизации, создания цветущей социалистической экономики есть путь социального, культурного и экономического подъема тех наций, которые находились в кабале. Раскрепощение наций — это создание экономической основы для их свободного развития. Хозяйственные успехи оказывают огромное влияние на умы людей, ибо они говорят о разрешении национального вопроса, сближении наций, создании между ними отношений искренней и глубокой дружбы на почве общего дела, глубоких взаимных интересов. Мимо этого процесса нельзя пройти, нельзя не видеть расцвета культур национальностей, которые до революции не знали грамоты, а сегодня музыкальная Москва, застав дыхание, слушает Вторую симфонию композитора Эшпая, построенную на мелодиях народности мари.

Если задать вопрос, какое зерно нашего опыта строительства коммунизма является наиболее ценным для всех стран, то следует вспомнить прекрасную мысль Руссо, приводившуюся в начале книги. «Чем лучше государство организовано, — писал он, — тем более в сознании граждан общественные дела преобладают над частными. Частных дел остается меньше, потому что из суммы общего блага предоставляется более значительная часть для благосостояния каждого индивидуума и ему меньше надо предаваться частным заботам». Повысить «сумму общего блага», из которого мог бы черпать каждый индивидуум, освободить его от тягостных «частных забот» — вот исторический путь, по которому мы идем. И нет никакого сомнения в том, что такой опыт имеет огромную ценность для каждого трудящегося человека и для всего человечества.

Общественная гарантия индивидуального бытия — такая задача совершенно неосуществима в условиях капитализма по отношению к трудящимся, сколько бы при этом идеологи бур-

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 306—307.

¹⁷ A. Novic. Communist Economic Strategy: Soviet Growth and Capabilities, p. 52.

жуазии ни хвастались индивидуализмом. По многим важнейшим показателям Советская страна уже давно добила неоспоримых преимуществ для трудящегося человека по сравнению с самыми развитыми капиталистическими государствами. Для советских людей стало обычным явлением бесплатное образование, бесплатная медицинская помощь, отсутствие безработицы. «Теперь, — отмечается в Программе КПСС, — имеются все возможности для быстрого подъема благосостояния всего населения: рабочих, крестьян, интеллигенции. КПСС ставит задачу всемирно-исторического значения — обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма»¹⁸. Программа КПСС содержит совершенно четкие указания, как этого добиться. Таким образом, идея «общего блага» не может не быть привлекательной для трудящихся капиталистических стран, в том числе и самых «богатых» из них. Ибо необеспеченность индивидуальной судьбы трудящегося в обществе, в котором господствуют слепые силы капитала, осознается народными массами капиталистических стран ежедневно. Погоня за деньгами, стремление трудящихся накопить «малую толлику» — это лишь выражение необеспеченности индивидуального бытия. «Концепция успеха, понимаемого как приобретение денег, которое рассматривается в качестве цели, заложена в американской культуре»¹⁹, — пишет крупнейший американский социолог Р. Мертон. По этому устою буржуазной культуры и цивилизации наносится удар огромной силы. В конце концов трудящиеся за рубежом поймут: создается другое богатство, которое по своим фактическим размерам превзойдет богатство развитых капиталистических стран и которое означает изобилие материальных и духовных благ для каждого, для всех.

Современный капиталистический мир состоит, однако, не только из таких богатых империалистических держав, как США или, скажем, Англия, но и из стран, которые не смогли добраться до самой высокой ступеньки капиталистического развития. Трудящимся этих стран давно твердят, что надо попытаться взобраться на ту же ступеньку, что и США, что это единственный путь к преуспеянию и счастью, что других путей якобы нет. Во имя этого их толкают порой на колониальные войны, урезают их демократические права, прельщают так называемой твердой властью, которая, мол, забрав все в один кулак, выведет страну на путь капиталистического процветания.

Перед глазами трудящихся этих стран теперь все в большей мере открывается другой путь — путь к социализму, коммуниз-

му, когда ключом забыют могучие, неиссякаемые источники общественного богатства, народного благосостояния, путь к установлению международного братства свободных от угнетения народов. И этот путь вполне реален. В этом также сказывается революционизирующее влияние наших хозяйственных успехов в строительстве коммунизма. Наш опыт много говорит людям за рубежом, ибо мировая капиталистическая система, как подчеркивается в Программе КПСС, в целом созрела для замены капитализма высшим, коммунистическим строем.

В течение долгих десятилетий различные идеологи и политики на Западе извращенно изображали путь, по которому, преодолевая все препятствия, шла наша страна, строящая социализм в сложнейших условиях враждебного капиталистического окружения, в условиях войны и разорения. Но теперь все видят, что исторические условия изменились. Беспрецедентные трудности и огромные лишения позади. Семена, посеянные в чрезвычайно трудных условиях, дают все более обильные плоды. Даже для еще далеких от социалистической сознательности масс социализм становится все более притягательным. Недалеко то время, когда путь к социализму станет столбовой дорогой общественного развития всех стран.

Даже буржуазные теоретики, которые больше всего пекутся о том, чтобы в историческом соревновании между коммунизмом и социализмом спасти «идею капитализма», не могут не задумываться над нашим примером и опытом. Один из них, Раймонд Миллер, лектор Высшей школы администрации бизнеса при Гарвардском университете, приходит к такому выводу: «Именно коммунизм одерживает верх». «Во многих вновь развивающихся странах Африки, Азии и Южной Америки на капитализм смотрят почти с презрением». Миллеру нельзя отказать в наблюдательности, когда он так формулирует свою мысль о причинах успеха коммунизма: «Слово «мы» стало лейтмотивом успеха коммунистического мира». Он обращает внимание на наш коллективизм, на нашу систему общественной собственности.

Речь Миллера напечатана в распространенном американском издании, которое имеет весьма характерный подзаголовок: «Лучшие мысли лучших умов относительно текущих национальных вопросов». Ход рассуждения Миллера, по-видимому, представляет интерес для читателей данной книги. Вот что он пишет: «Вся идея капитализма теряет смысл, когда мы настолько сильно заняты попытками делать деньги и обеспечивать экономическую безопасность, что мы ни о чем другом не можем думать...»²⁰ Но ведь такова природа капитализма, и

¹⁸ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 388.

¹⁹ Robert K. Merton. Social Theory and Social Structure. The Free Press, Glencoe, Illinois, 1957, p. 136.

²⁰ Raymond W. Miller. Communism — Capitalism — Cooperation. — «Vital Speeches of the Day», October 15, 1961, p. 22.

рассуждения Миллера лишь своеобразное подтверждение этого факта. В наших хозяйственных успехах ярко проявляется величайшее значение общенародных интересов, порожденных общественной собственностью. Сила этого понятия «мы» состоит в том, что оно рождается в производстве, в труде, что отношения людей в производстве не разъединяют, а объединяют весь народ. И влияние наших хозяйственных успехов есть вместе с тем влияние коллективного труда.

Если вдуматься в приведенные ранее высказывания Ленина о значении нашего примера успешного строительства нового общества, то станет ясно, что прогрессивное развитие современного человечества в значительной степени зависит от силы и глубины влияния и освоения этого примера миллиардами массами населения земли. В этом заключается важнейшая сторона современного исторического процесса.

В сознании современного человека неизгладимо запечатлелись две объективно существующие линии мирового развития: путь социализма и путь капитализма. Это накладывает отпечаток на всю идеологическую борьбу. События общественной жизни ныне воспринимаются именно под этим углом зрения, приобретая политическое значение.

Ленин учил видеть огромное политическое значение каждого пуда хлеба, каждого пуда угля в условиях борьбы между только что народившимся новым общественным строем и силами старого, отжившего, реакционного строя. Ныне нет и не может быть «чисто экономических» или «чисто технических» успехов страны социализма: все эти успехи входят в баланс соревнования между коммунизмом и капитализмом, все они имеют политическое значение, укрепляя престиж идей коммунизма и увеличивая роль содружества социалистических государств на мировой арене, поднимая еще выше авторитет марксистско-ленинских партий.

Пока существуют на земле две противоположные соревнующиеся между собой общественные системы, люди будут сравнивать, сопоставлять их пути. А сопоставление фактов приводит к обобщениям, к выводам, к постановке вопроса о судьбах и перспективах развития обеих систем. Это неизбежный процесс развития социальной мысли современности. Мы ведем идеологическую борьбу, стремимся к тому, чтобы люди делали правильные выводы из фактов окружающей жизни, чтобы пелена предрассудков не застилала им глаза, чтобы их умственный взор становился все зорче и острее, мог смело заглядывать в будущее. Буржуазная же пропаганда старается завуалировать очертания действительности, дать не правильное истолкование фактам или исказить их, чтобы сохранить и даже усилить влияние старых порочных воззрений, чтобы увести людей от правильного понимания явлений и процес-

сов общественной жизни. Идеология коммунизма распространяется по всему свету, завоевывая все новых приверженцев, потому что за идеями коммунизма стоят славные дела советского народа, других стран социализма, а за этими делами стоят великие идеи марксизма-ленинизма.

Человечество находится сейчас на великом историческом перевале от веков господства частной собственности, частнособственнических представлений о «моем», которое превышает всего, к безраздельному господству общественной собственности, к идеям коллективизма, общего блага и общего счастья. В нашей стране общественная собственность приобретает все более совершенные формы, Советский Союз идет к коммунизму. В целом в мировой системе социализма общественная собственность утвердилась и продолжает развиваться. История поставила вопрос о путях перехода к общественной собственности и для всех других народов и стран. В этих условиях возрастающее экономическое, политическое и идейное воздействие успехов в развитии общественной собственности является важнейшей чертой мирового исторического процесса. Таков неизбежный вывод современной социальной мысли.

Глава шестая

НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ПРОГРЕССА

Исходное положение современной социальной мысли состоит в том, что степень развития общественного труда и уровень развития науки в наш век дают реальную возможность создать изобилие материальных и духовных благ для всех людей на земле. «Прогресс науки и техники в условиях социалистической системы хозяйства позволяет наиболее эффективно использовать богатства и силы природы в интересах народа, открывать новые виды энергии и создавать новые материалы, разрабатывать методы воздействия на климатические условия, овладевать космическим пространством. Применение науки становится решающим фактором могучего роста производительных сил общества», — говорится в Программе КПСС¹.

Развитие идей естествознания никогда так близко не соприкасалось с развитием социальной мысли, как сегодня, когда вопрос о реализации, о применении для блага человека огромных достижений науки о природе неизменно наталкивается

¹ «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1962, стр. 415.

на вопрос о необходимых для этого социальных условиях, о капитализме, который тормозит или уродует применение таких достижений. Буржуазные естествоиспытатели, размышляющие над использованием в жизни человека достижений науки, на каждом шагу натываются на препятствия, чинимые капиталистической системой. С другой стороны, мысль о перспективах общественного развития не может теперь не учитывать уровень развития науки и техники, использования ядерной энергии, телемеханики, автоматизации, кибернетики. Это одна из характерных особенностей развития социальной мысли в наше время. Пристальное внимание к вопросам развития наук о природе и применения их достижений к жизни людей объясняется не только открывшимися огромными возможностями науки о природе в атомный век, но и тем, что это век проявления великой социальной энергии народных масс, неоспоримо свидетельствующий о том, что капитализм превратился в тормоз развития человеческого общества, в преграду на пути прогресса. На земле теперь существует новая социальная организация общества, которая обеспечивает решение величественной задачи прогрессивного развития человечества. Борьба между силами социализма и силами капитализма направляет социальную мысль.

Дорога прогресса всего человечества

Если окинуть взглядом путь, пройденный человечеством, то будет совершенно очевидно, что нашей эпохе предстоит практически разрешить задачи, которые достались ей в наследство от минувших веков и тысячелетий, разрубить гордые узлы, завязанные эксплуататорским строем. В этом глубокий философский смысл Программы КПСС.

Крайняя неравномерность развития отдельных районов земного шара характерна для эпохи капитализма. Небольшое число империалистических держав накопило огромные богатства, в то время как в Азии, Африке, Латинской Америке народы живут в ужасающей нищете. Книга и карандаш там недоступны тысячам и миллионам людей так же, как и здоровая пища, необходимая для организма.

Эксплуататорское общество веками строилось по принципу величайшей несправедливости: эксплуататоры овладевали путями прогресса и старались оттолкнуть с них огромные массы обездоленных. Когда зажглись первые очаги рабовладельческой цивилизации с ее развитой письменностью, искусством, культурой, весь остальной мир был погружен в сумерки варварства и полуварварства. Рабовладельческая цивилизация «просвещала» варваров огнем и мечом. Набеги на селения окружающих племен имели своей целью захват рабов и продук-

тов чужого труда. На периферии рабовладельческого мира возникали новые государства, основанные на рабстве, но огромное большинство населения земли так и не вышло к тому времени из стадии донатории. Что касается масс, обращенных в рабство, то их положение было еще хуже, еще тяжелее. Они были лишь пьедесталом истории и культуры рабовладельческого общества, говоря словами Маркса.

Когда возник феодализм, рамки всемирной истории значительно расширились, но все же за пределами феодального мира в Европе и Азии еще не ушли в прошлое племенные строй и варварство. Что же касается масс крепостного крестьянства внутри феодального общества, то их экономическое, социальное, политическое и культурное развитие было всячески затруднено помещичьим гнетом.

Капитализм еще больше расширил рамки всемирной истории, но он сковал цепями колониализма большинство человечества, оттолкнул с дороги прогресса целые страны, народы, материки. Огромная нищая деревня, в которой кое-где люди живут еще в шалашах, окружает развитые городские цивилизации капиталистического мира. Внутри капиталистических стран империалистическая буржуазия постоянно старалась отстранить огромные массы трудящихся от всех видов духовной деятельности, протягивая им вместо идейной пищи злую отраву.

Подлинный прогресс всего человечества начался в нашу эпоху, когда народы социалистических стран взяли свою судьбу в свои руки, когда народы стран, находившихся в колониальной кабале, вырывают свою независимость у ослабевшего капитализма, когда рабочий класс, идя во главе всех трудящихся, становится решающей силой общественной жизни и в капиталистических государствах. История действительно становится всемирной, ибо к активной исторической деятельности пробуждены огромные народные массы.

Прогресс — это в конечном счете деятельность народных масс, использующих открывающиеся реальные исторические возможности, преодолевающих на своем пути препятствия и трудности. Прогресс всегда связан с первооткрывателями новых путей, с их почином, с их творческой инициативой. Без деятельности масс превращение открывающихся возможностей в действительность неосуществимо. Теория прогресса, если коротко определить ее смысл, означает уверенность человечества в своем будущем. Эта уверенность велика, если она опирается на понимание законов развития общества, на осознание людьми своих сил и тех возможностей, которые таятся в исторической действительности. Значение теории прогресса тем и измеряется, насколько верно она выявляет исторические возможности людей, указывает реальный путь их деятельности.

Огромное значение для всего современного мирового процесса имеют марксистско-ленинские партии, которые выражают стремление трудящихся масс к прогрессу и руководят их борьбой за прогресс. Прогресс и его потребности нельзя представлять себе как нечто самостоятельное, независимое от исторической деятельности масс. ««История», — писал Маркс, — не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»². Чем яснее огромные массы людей видят реальные цели своей деятельности, пути к их достижению, чем лучше люди организованы для борьбы за эти цели, тем быстрее и глубже осуществляется прогрессивное развитие всех сторон общества. В Программе КПСС говорится, что наша партия «зорко всматривается в грядущее, раскрывает перед народом научно обоснованные пути движения вперед, пробуждает в массах гигантскую энергию, ведет их на решение грандиозных задач»³. Без марксистско-ленинских партий невозможен был бы прогресс всего человечества, они порождены могучими силами этого прогресса и представляют собой их орудие, их концентрированное выражение.

Прогресс всего человечества означает необходимость ликвидировать ту пропасть, которая была вырыта за тысячелетия между трудом умственным как привилегией немногих и трудом физическим, превратившимся в тяжкое бремя большинства. В эксплуататорском обществе благами прогресса в полной мере пользуется лишь привилегированное меньшинство. Современная техника — химизация, механизация, автоматика, телемеханика, кибернетика — дает средства для ликвидации этой социальной несправедливости. Но эти средства могут быть использованы полностью только при соответствующей организации общества — при коммунизме. Таким образом, величайшая социальная несправедливость в истории культуры может и должна быть уничтожена. Это реальная задача современного прогрессивного развития общества.

Развитие производительных сил дает возможность ликвидировать и другую унаследованную от веков прошлого противоположность — между городом и деревней. Но эта возможность превратится в действительность лишь с развитием общественной собственности. Должна быть изменена социальная организация общества, свойственная капитализму, а коммунистические начала должны победить в производстве и других сферах социальной жизни. На этот вопрос, поставленный вековым развитием человечества, также отвечает Программа КПСС.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 102.

³ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 423.

Огромное значение для понимания перспектив современного общественного развития и для формирования убеждений, свойственных коммунистическому мировоззрению, имеет выдвинутое марксизмом-ленинизмом и развитое в Программе КПСС положение, которое показывает, что все эксплуататорские формы организации общества исчерпали себя, что в наши дни только социалистическая организация общества есть столбовая дорога прогресса. Зазывали капитализма по старинке расхваливают дорогу капиталистического прогресса. Они обращаются со своими лицемерными речами к народам стран, освободившихся от ига колониализма. Но путь капиталистического развития — это путь народных страданий, путь кризисов в развитии экономики. Капиталистическое развитие еще более разорит крестьянство, которое в этих странах и сейчас несет непосильные тяготы. Рабочим это развитие принесет изнурительный труд ради обогащения кучки капиталистов, а уделом многих станет пополнение армии безработных. Мелкая буржуазия будет раздавлена в конкурентной борьбе растущим крупным капиталом. Блага культуры и образования останутся недоступными для масс. Интеллигенция окажется вынужденной торговать своими талантами. Вот путь капиталистического прогресса.

В свое время Ленин подчеркивал как гигантский шаг вперед в развитии теории то, что Маркс «дал *научный* анализ *одного* общества и *одного* прогресса — капиталистического»⁴. Капитализм тогда был столбовой дорогой общественного развития. Но теперь проложена новая дорога. Она обозначена на карте не пунктиром, как проектируемая трасса, — эта дорога уже построена. Об этом пути исчерпывающе ясно говорит Программа КПСС.

Сейчас марксизм, обобщив огромный опыт строительства нового общества, дает анализ социалистического общества и социалистического прогресса, показывает, что капиталистический путь развития потерял свое прежнее значение. Это означает серьезный поворот в развитии социальной мысли. «Экономический рост» сегодня, если употреблять этот термин буржуазных экономистов, неотделим от «социального роста», он состоит в том, чтобы поднять все народы, все этнические и социальные слои населения к высотам изобилия, культуры и цивилизации. Капитализм доказал, что он это сделать не может. Социализм уже на примере советских республик Средней Азии доказал, что ему это по силам. Вот в чем заключается современная «формула прогресса».

Различные признаки говорят о наступлении этого поворота. Кто в наше время не знает или отрицает преимущества плано-

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 143.

вого хозяйства? Эта идея, можно смело сказать, уже проложила дорогу к сознанию масс. В странах со слаборазвитой экономикой идея плановой организации хозяйства сейчас приветствует огромное большинство населения. Не все еще понимают, что плановая организация хозяйства возможна лишь на основе общественной собственности на средства производства, что это результат коренного социального преобразования общества. Буржуазные пропагандисты особенно стараются запутать этот вопрос и сбить с толку людей. Но великие результаты социалистической системы хозяйствования уже оценены, идея планирования встречает одобрение почти повсеместно. За эту идею уже сейчас высказываются огромные массы людей. Важнейший поворот в сознании масс уже совершается. Массы хотят сознательно руководить экономическим и социальным развитием, уничтожив стихию капиталистического хозяйства. Жизнь подскажет им и второй шаг огромной важности — осознание необходимости перехода к общественной собственности. Эта идея входит в сознание масс. В этом направлении идет мировое развитие.

По трудовой дороге поднимается человечество из беспроектной нищеты и невежества к культуре и цивилизации. Величайшая социальная несправедливость была неизменным спутником прогресса. На протяжении веков люди рождались и умирали с мыслью: человечество слишком бедно для того, чтобы все были сыты, богатство — удел лишь немногих счастливых, нужда написана на роду у большинства населения земли. Из поколения в поколение передавались слова библейской сказки о том, что человек получил труд как проклятие, как тяжкое наказание за грех. Чтобы отражение величественных дворцов дождей падало в водную гладь венецианских каналов, чтобы стрелы собора Парижской богородицы вздымались к небу, огромные массы людей должны жить в нищете, влача непосильное бремя труда. Это была тяжелая цена цивилизации. Циники называли это мудростью истории, романтики — великой трагедией человечества. Но те и другие считали, что изменить ничего нельзя, ибо иначе умолкнут поэты и композиторы, заглухнет научная мысль и зодчему нечего будет строить, человечество вернется вспять, к отупляющей бедности первобытных времен, сковывающей творческие силы человека. Пусть так! — восклицали мечтатели-бунтари в конце XVIII и начале XIX в. Да здравствует священная бедность, пусть она как очистительный поток смоет заразу стяжательства, разврат корыстного сластолюбия! Тогда человечество будет обновлено. Одни предлагали во имя прогресса навеки пожертвовать социальной справедливостью, другие — вернуться вспять, дабы восторжествовала социальная справедливость. Это был порочный круг.

Маркс, Энгельс, Ленин нашли выход из этого круга, создав теорию научного коммунизма, указав человечеству реальную возможность осуществить вековую мечту о социальной справедливости именно на пути прогресса, а не в стороне от него. Великая ломка укоренившихся представлений началась на земле, когда эта мечта стала воплощаться в жизнь. Зашатался мир привычных представлений о прогрессе, когда разразилась очистительная гроза Октябрьской революции, когда рабочие и трудовое крестьянство без хозяев и хозяйчиков стали переделывать лицо своей огромной страны. Мир задумался тогда над величайшей истиной: первая заповедь современного прогресса — уничтожение эксплуатации человека человеком. Об этой истине говорили еще социалисты-утописты. Марксизм показал, что в этом заключается непреложный закон общественного развития.

Октябрьская революция превратила его в историческую действительность.

Когда партия, советский народ выполнили первую Программу партии и стали выполнять вторую, до многих начала доходить правда о величайшей силе раскованного человеческого труда. В умах и сердцах людей отдавались мерные шаги прогресса, для которого нет нужды в биче надсмотрщика — рабовладельца, помещика, капиталиста.

С тех пор судьба прогресса неразрывно связана с практическим опытом революционного преобразования общественного строя. Переход нашей страны от первой ко второй фазе в строительстве нового общества — важный этап в прогрессивном развитии всего человечества. Ибо вступление нашего общества в коммунизм означает новый этап в развитии производительной силы труда, показывает огромные возможности нового строя, провозгласившего, что владыкой мира станет труд, и окончательно оставляющего позади себя тот мир, в котором господствует капитал.

Пока мы строили социализм, шаг за шагом разворачивали невиданные производительные силы освобожденного труда, но еще не вырвались окончательно из цепких лап бедности, на которую обрекало нашу страну господство помещиков и капиталистов, за рубежом, в буржуазном мире, все еще продолжали калечить сознание людей лживыми теориями капиталистического прогресса. «Конечно, общественный труд может в пустынях среди бурьяна поднимать корпуса заводов, в диких степях создавать тучные нивы», — говорили теоретики буржуазии. А капиталистический прогресс ведет, по их словам, к тому, что общество в конце концов так разжиреет, что там почти все станут собственниками, хозяйчиками с солидным брюшом. Но в странах Азии, Африки и Латинской Америки в это же время люди умирали от голода сотнями тысяч, и в самих

США влачили полуголодное существование десятки тысяч безработных и обитателей трущоб.

И вот бьет час нового поворота в умах людей, ослепленных сказками о капитализме, создающем на земле богатство и изобилие. Понятие общественного богатства, изобилия, создаваемого всеми и для всех, входит в сознание людей в различных странах. Маркс предвидел время, когда «...все источники общественного богатства польются полным потоком...». И оно наступает. Тот факт, что человечество подошло к такому рубежу мировой истории, когда источники *общественного* богатства могут уже литься полным потоком, в корне изменяет все мировое развитие, создает новую международную обстановку, рождает новые могучие силы прогресса, свидетельствует об ослаблении сил реакции и застоя, производит революцию в сознании людей.

Чтобы оценить этот поворот, наступающий в сознании людей, следует вспомнить, что понятие богатства испокон веков было связано с понятием частного владения, с понятием личной удачи одного, лишь оттеняющей горькую судьбу многих неудачников. Так было с самого появления представления о богатстве в условиях разложения первобытнообщинного строя. Выделение богатой верхушки общества было окружено религиозной дымкой. «Богач» и «удачливый» сливались в одно понятие, а в слове «удача», казалось, скрыто благоволение сверхъестественных сил, «божественное избранничество».

Так повелось затем считать, что богатство-удача есть удел немногих, бедность есть судьба массы людей, все богатыми быть не могут. Это был важнейший принцип идеологии классового общества. Пришедший на историческую арену капитализм создал культ удачливого одиночки, добывающегося богатства. Выбиться в люди, оттирая от счастья других, стало девизом, который считался подходящим для каждого обездоленного человека и даже для целых народов. Это была своеобразная формула прогресса, которую хорошо выразил Герман — герой «Пиковой дамы»: «Ловите миг удачи, пусть неудачник плачет, судьбу свою кляня». Этой формулой хотели отравить сознание целых народов, в том числе и трудящихся так называемых богатых наций. Для этого понятие человеческого счастья разменивали на самую мелкую монету, принизили его до уровня мещанской ограниченности, «малого счастья» пообедавшего человека, до микроскопического «богатства» в несколько скопленных долларов. Чем обильнее будет стол капиталиста, тем больше будет перепадать с него и трудящимся — такова политическая мудрость, лежащая в основе всех теорий «народного» капитализма. Другое правило гласит: надейся, и у тебя есть шанс стать богачом, сесть за роскошный стол. Вся буржуазная пропаганда США долгое время расхваливает эту

«житейскую мудрость», на разные лады преподносит эту «теорию шанса». Один современный американский писатель, говоря о лейтмотиве буржуазной пропаганды, рассуждает так: зачем рабочему США приобретать мир, как учат его Маркс и Энгельс, если у него есть хоть один шанс стать хозяином бензозаправочной колонки. Утлое счастье! Удача тут копеечная, и в один миг может отобрать ее слепая судьба, господствующая в буржуазном обществе, стихийные и безжалостные силы капитализма. Буржуазные идеологи клянутся тем, что капитализм создал стимулы к труду, развязав частнособственнические инстинкты. Обращаясь к тем слоям трудящихся, у которых слабо развито классовое самосознание, буржуазные пропагандисты говорят об отдельном человеке, о его личном благополучии и утверждают, будто современный капитализм в наибольшей степени способен удовлетворить интересы индивидуума. Именно в эту плоскость они стремятся перенести идейную борьбу. Особенно усердствуют в этом направлении различные поставщики ядовитой стряпни антикоммунизма.

Но сегодня коммунизм принимает бой и на этом поле, ведет наступление во имя человека против буржуазного индивидуализма, являющегося идейным отсветом мира, в котором господствует частная собственность.

В современной борьбе между социализмом и капитализмом все больше проявляется могущество общественной собственности и новых отношений между людьми, развивающихся на ее основе, ведущих к расцвету личности человека. Идеализм и метафизика играют свою вредную роль, пытаются затушевать материальную основу общественных отношений. Это характерная черта всех буржуазных и мелкобуржуазных теорий, тянущих социальную мысль назад от ее ленинского пути.

Глубокое изучение общественных связей между людьми, выделение в многообразии этих связей главнейших, ведущих — великая заслуга марксизма-ленинизма, подлинной науки об обществе. Спасая буржуазный индивидуализм, теоретически подкрепляя его устои, буржуазные социологи, написавшие горы книг, никогда не желали выделить основу основ взаимоотношений людей в обществе. Они указывали то на семейные отношения, то на отношения по профессии, то на национальные связи или на общие склонности людей, которые их объединяют (например, в области искусства, спорта), и на многие другие вторичные связи между членами общества. Главное, что хотели бы затушевать буржуазные теоретики, — это важнейшая истина: производство — основа общественной жизни, производственные отношения — основа всех общественных связей людей и развития самого человека.

Основу всех многообразных общественных связей составляют, по выражению Ленина, отношения между людьми по уча-

стию их в общественном труде. Без прочных связей людей в процессе труда нет никакого общества; степень развития труда и характер этих связей определяют ступени истории общества.

«Каковы бы ни были общественные формы производства, — писал Маркс, — рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отделения друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя»⁵. Почему же каждая новая эпоха является прогрессивной по отношению к предшествующей? Потому что в конечном итоге она является и эпохой количественного и качественного роста производительности созидательного труда человека. Изменяющиеся с ее возникновением социальные отношения являются условием этого роста. Политическая организация общества, выражающая и закрепляющая эти отношения, также в конечном счете оказывает влияние на процесс развития производительной силы труда. Культура общества является показателем достигнутого количественного и качественного уровня материальных и духовных благ общества благодаря росту производительности труда.

Рост производительности труда — основа общественного прогресса

Марксизм различает основные экономические эпохи в истории общества по средствам труда. Это исходный пункт научного анализа общества. «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, — подчеркивал Маркс, — а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»⁶. Но средства труда как мерило развития человеческой рабочей силы и общественных отношений тем и важны, что они определяют эффективность, результативность, производительность труда. Понятие способа производства неотделимо от понятия производительности труда, которая характерна именно для данного способа производства. Ни один способ производства не исчезал с арены всемирной истории, не исчерпав своих возможностей для роста производительности труда. Каждая новая общественно-экономическая формация несла повышение производительности труда; для этого нужна была новая его организация, новые социальные отношения, соответствовав-

шие новым, возросшим производительным силам. Преимущество нового общественного строя раскрывается в том, что новая социальная организация, опирающаяся на достигнутый уровень развития производительных сил, позволяет добиться роста производительности труда, следовательно, количественного и качественного увеличения материальных благ, а на их основе и благ духовных.

Пока данная форма производственных отношений, отношений собственности соответствует определенной ступени производства, а следовательно, и общественной производительной силе труда, общество развивается, оно идет вперед. Когда производственные отношения не соответствуют возросшим производительным силам общества, его технике и рабочей силе, тогда они стесняют развитие общественной производительной силы труда, становятся ее оковами. Способ соединения средств производства с рабочей силой, создавая основу для развития производительной силы труда, ставит в антагонистических формах и определенные границы этому развитию.

Марксизм показал, что тайна крушения рабовладельческого мира и победы феодализма, над которой ломали голову поколения буржуазных мыслителей, заключается в конечном счете в том, что труд средневекового крепостного и ремесленника более производителен, чем труд раба.

Раб не имел никаких стимулов для того, чтобы развивать свою производительную силу. Поэтому рабский труд в конце концов завел общество в тупик; широко распространилась идеология презрения к труду. Дальнейший рост производства заключался лишь в захвате все новых масс рабов. Не было перспектив для технического прогресса. Когда греческие ученые впервые открыли значение силы пара, ее употребили для открывания дверей в храмах, чтобы поражать воображение людей.

Частичное улучшение положения непосредственного производителя по сравнению с положением раба, некоторая инициатива, заинтересованность в труде у крепостного, который должен был производить нечто сверх продукта, нужного ему для удовлетворения необходимых потребностей его самого и его семьи, создали новую производительность труда и означали победу феодализма над рабовладельческим строем. Новый рост производительности труда принес капитализм.

В труде «Развитие капитализма в России» Ленин прекрасно показал, как наличие докапиталистических форм эксплуатации, характерных для феодально-абсолютистских порядков и в России, и на Западе, тормозит прогрессивное развитие производительности труда. Ленин пишет, что «отработки необходимо предполагают самую низкую производительность труда; поэтому для увеличения дохода нет возможности увеличить ко-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 43—44.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 191.

личество прибавочного продукта, для этого остается только одно средство: применение всяческих кабальных форм найма»⁷. При чисто капиталистическом хозяйстве, как говорит Ленин, «...повышение производительности труда становится не только возможным, но и необходимым, как единственное средство повысить доход и удержаться при ожесточенной конкуренции»⁸.

Наступает, однако, такой период в развитии капитализма, когда частный характер присвоения перестает в необходимой мере стимулировать повышение производительности труда. Наоборот, только освобождение труда от всякой эксплуатации несет невиданное возрастание производительности труда. Об этом говорит Программа КПСС. Ныне прогресс полностью связан с судьбой общественной собственности, с теми возможностями, которые она создает для роста производительности труда. Формы эксплуатации были ступенями в развитии производительности труда, но ныне требуется расковать труд от всякой эксплуатации для того, чтобы в полной мере проявилась его творческая сила.

До возникновения социалистического общества в истории не было примера, чтобы производительный труд был делом добровольно объединенных, сознательно использующих передовую технику рабочих. Изменение и совершенствование навыков труда, которое прежде в основном было стихийным, становится в нашем обществе процессом, вызывающим огромную творческую инициативу трудящихся, их новаторское дерзание, научно-технический эксперимент. С другой стороны, и наука, переставшая быть средством эксплуатации, сливается с трудящимися, с их инициативой и новаторством. В этом одна из причин бурного роста производительных сил нового общества.

Развитие общественного труда всегда было связано с изменением средств производства и рабочей силы, оно предполагало наличие определенных навыков труда и их совершенствование.

Эпоха первобытнообщинного строя чрезвычайно наглядно показывает, как с изменением орудий труда развивались трудовые навыки и постепенно росла производительность труда. Шлифованный каменный топор был результатом длительного развития общественной производительной силы труда, его появление определяет и новый прогрессивный этап в этом развитии. Постоянное совершенствование навыков труда ведет к изменениям, иной раз даже малозаметным, средств производства. В этом проявляется рост общественной производительной силы труда. Стремление изменить, улучшить средства произ-

водства проявляется в процессе труда с самого момента его возникновения.

На всем протяжении истории человечества вплоть до появления социалистического общества этот важнейший процесс был в основном стихийным. Сознательными были главным образом изобретения, научные открытия в области техники, которые определялись потребностями развивающегося производства, исходили из уровня развития труда, а затем оказывали стимулирующее влияние на производство. Форма эксплуатации определяла и свои границы совершенствованию трудовых навыков, росту техники, применению науки к производству. Эксплуататорское общество никогда не давало простора широкой инициативе непосредственного производителя, а силу науки подчиняло корыстным целям.

В условиях социалистического общества возрастание производительности труда означает в первую очередь повышение роли каждого работника в процессе материального производства. Это соответствует принципу «трудиться по способностям», требованию общества к каждому его члену вкладывать все свои способности в труд на общее благо, совершенствовать эти способности по мере развития общественного труда.

Возрастает роль каждого труженика в общественной жизни. Люди, добившиеся большой производительности труда, представляют огромную ценность для всего общества, они окружены почетом. Труженик, добившийся высокой производительности труда, становится общественным деятелем, к слову которого прислушивается вся страна.

Работник социалистического общества заинтересован в результатах своего труда — на этом основан принцип материальной заинтересованности, важный принцип развития социалистического общества по пути к коммунизму. Однако удовлетворение материальной заинтересованности каждого зависит не только от его собственного труда, но и от труда других людей, его товарищей по производственному коллективу, а также тех, которые дают ему сырье для производства, поставляют орудия труда, снабжают продуктами для удовлетворения его различных потребностей. Каждый работник, следовательно, заинтересован в результатах труда других работников социалистического общества. Это — важная основа всех общественных связей.

В нашем обществе вместе с личным интересом, личной материальной заинтересованностью каждого работника в результатах производства существуют общие интересы данного трудового коллектива, а также общенародные интересы, охватывающие все общественное производство и определяющие требования общества к деятельности отдельных отраслей и предприятий. Эти общенародные интересы приобретают форму

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 209.

⁸ Там же.

государственных интересов. Наше общенародное государство выражает и отстаивает стремления всего общества, всех его членов, заинтересованных в развитии производства. В руках государства имеются экономические и политические рычаги воздействия и контроля, при помощи которых оно следит за тем, чтобы общенародные интересы правильно учитывались в работе каждого предприятия, каждой отрасли и в целом всего производства.

Но выявление общенародных интересов, забота об их постоянном учете, контроль за их правильным удовлетворением не являются только делом государства и его органов. Существо наших общественных отношений таково, что эти интересы во все большей степени учитываются всеми членами общества, становятся основой их практической деятельности, основой всех общественных связей.

Социалистический общественный строй дает полную возможность добиться сочетания личной материальной заинтересованности, интересов данного производственного коллектива и общенародных, государственных интересов. Но такое сочетание не может быть достигнуто само собой, стихийно, помимо активной деятельности людей. Знание законов и требований общественного развития помогает советским людям решать эти задачи, которые ставит жизнь.

Программа партии дала ответ на вопрос, что такое социальный и экономический прогресс в наш век. Его основной принцип состоит в том, что созданная человечеством могучая техника, высвобождающая величайшие силы производительности труда, при соответствующей этим силам социальной организации может создать общество изобилия материальных и духовных благ для всех. Для дальнейшего индустриального развития ныне совершенно необходима самая высокая ступень рациональной организации общественного труда.

Прогресс организации общественного труда

Общая основа обеих фаз единой коммунистической формации состоит именно в том, что «пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма»⁹. Таково важнейшее положение, выдвинутое Лениным.

Деятельность социалистического государства, сосредоточивающего в своих руках управление народным хозяйством, выражает эту высокую степень организации общественного труда. С того времени, как общество разделилось на классы, произ-

водственные отношения неизбежно порождают политическую надстройку, которая играет свою роль в охране и развитии социального строя. Великий переворот, производимый социалистической революцией, состоит, между прочим, в том, что коренным образом изменяется роль политической надстройки в организации общественного труда. В первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» Ленин писал: «Задача управления государством, которая выдвинулась теперь на первый план перед Советской властью, представляет еще ту особенность, что речь идет теперь — и, пожалуй, впервые в новейшей истории цивилизованных народов — о таком управлении, когда преимущественное значение приобретает не политика, а экономика. Обычно со словом «управление» связывают именно и прежде всего деятельность преимущественно, или даже чисто, политическую. Между тем самые основы, сали даже сущность Советской власти, как и самая сущность перехода от капиталистического общества к социалистическому, состоит в том, что политические задачи занимают подчиненное место по отношению к задачам экономическим»¹⁰. Приближение политической организации общества к разрешению в первую очередь экономических задач, т. е. задач развития важнейшей сферы деятельности человека — производства, — это и есть характерная черта развития социалистического общества.

В этом проявляется глубокое отличие линии марксистов-ленинцев от мелкобуржуазных революционеров. Ленин писал: «Мелкобуржуазному революционеру свойственно не замечать, что для социализма недостаточно добывания, ломки и пр., — этого достаточно для мелкого собственника, взбесившегося против крупного, — но пролетарский революционер никогда не впал бы в такую ошибку»¹¹. Мелкобуржуазный революционер меньше всего думает о созидании, о производстве, о хозяйственном строительстве. Последовательный пролетарский революционер, конечно, не может относиться с барским высокомерием к хозяйственной деятельности нового общества, к развитию созидательной силы человеческого труда. Всякие попытки третировать заботу о росте производительности труда как некий «экономизм» есть возрождение мелкобуржуазных теорий общественного развития, отход от принципиальных положений марксистско-ленинского учения.

Именно путь решения этой коренной задачи — повышение производительности труда — указывает Ленин, говоря о строительстве нового общества. По этому ленинскому пути шел советский народ, строя социализм, выполняя один за другим пятилетние планы развития народного хозяйства. Наш народ и

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 130.

¹¹ Там же, стр. 294.

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 13.

сегодня идет по этому пути, строя коммунизм. В этом состоит великое историческое значение ленинской формулы «коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Эта формула Ленина прежде всего предполагает высокую степень организации общественного труда, которую способно создать советское общество. Она предполагает также высокое техническое оснащение труда, а следовательно, его высокую производительность. Она несомненно означает и крутой подъем культурно-технического уровня масс трудящихся. Развитие крупной индустрии — важнейшая политическая задача общества, создающего новый строй, необходимая основа для роста производительности труда. Выработывая линию партии, Ленин соединял высшие достижения науки о развитии общества с выводами передовой технической мысли и естествознания, направляя в это русло революционную, созидательную энергию масс.

Единство общественных и естественных наук в период строительства коммунизма проявляется, во-первых, в общности их растущего социального значения, определяющегося насущными требованиями развития общества; во-вторых, в растущем взаимодействии естественных и общественных наук на основе их общей социальной роли; в-третьих, в идентичности методологической, философской концепции, лежащей в их основе. Научный коммунизм объединяет данные науки о природе и науки об обществе, ибо он показывает пути создания нового общества и учит применять эти данные, руководствуясь девизом: все для человека, все во имя человека.

В области сельского хозяйства наша страна вплотную подошла к тому, чтобы, как указывается в Программе КПСС, зависимость его от природных стихий значительно уменьшилась, а затем свелась к минимуму. Разрешить эту задачу огромного исторического значения, если иметь в виду многовековую историю земледелия, может только социалистическая организация сельского хозяйства.

Важнейшие социальные изменения в этой области были связаны с изживанием таких черт, как «труд враздробь, недоверие к общественному хозяйству, старые привычки мелкого хозяина...»¹²

В аграрной стране, какой была Россия в то время, сложнейшим вопросом являлся вопрос о ликвидации «труда враздробь», о переводе на социалистические рельсы мелкого крестьянского хозяйства, которое ежечасно рождает капитализм. Этой проблеме организации социалистического хозяйства Ленин уделял огромное внимание. Он разработал стройную теорию коопе-

рирования крестьянских хозяйств, создания крупной общественной собственности в деревне, оснащенной передовой техникой. Чтобы выполнить этот план, в первую очередь надо было поднять и развить социалистическую индустрию. На этой основе возможны огромные успехи кооперированного крестьянского хозяйства, социалистическое развитие деревни, решение вековой проблемы, несравнимой по своей трудности со всеми другими проблемами строительства нового общества. Ленин подчеркивал при этом значение материальных стимулов к производительному труду у крестьянина, одергивая «левых» коммунистов, которые ратовали за немедленный и повсеместный переход к коммунам. Ленин подчеркивал, что построить новое общество можно «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...»¹³

Ленин указывал и еще на одно важное условие развития социалистического общества. «...Условием экономического подъема, — писал он, — является и повышение дисциплины трудящихся, уменья работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации». Ленин, партия коммунистов повели решительную борьбу за победу «пролетарской сознательной дисциплинированности над стихийной мелкобуржуазной анархией...»¹⁴

Подчеркивая значение введения всенародного учета и контроля для развития социалистических отношений, Ленин указывал, что это есть борьба «за разрыв с проклятым прошлым, приучившим смотреть на добычу хлеба и одежды, как на «частное» дело, на куплю-продажу, как на сделку, которая «только меня касается», — эта борьба и есть величайшая, имеющая всемирно-историческое значение, борьба социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности»¹⁵. Перестройка сознания трудящихся должна начинаться с их отношения к труду, к производству, к добыче хлеба и одежды. Люди приучаются смотреть на производство — на важнейшую сферу их деятельности — как на общественное дело, в котором сочетаются личная материальная заинтересованность, интересы данного трудового коллектива и интересы всего общества, общенародные, общегосударственные интересы, без удовлетворения которых невозможно и удовлетворение личного интереса трудящихся. Капитализм приучал смотреть на это как на частное дело, которое касается того или иного индивидуума, зарабатывающего себе на хлеб и одежду. Это и есть апология

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 34.

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 151.

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 188, 189.

¹⁵ Там же, стр. 184—185.

буржуазно-анархической стихийности и буржуазного индивидуализма.

В основе анархо-синдикалистских представлений лежат буржуазные идеи. «Нам теперь особенно наглядно видно, — писал Ленин, — до какой степени правильно марксистское положение, что анархизм и анархо-синдикализм суть *буржуазные* течения, в каком непримиримом противоречии стоят они к социализму, к пролетарской диктатуре, к коммунизму»¹⁶. Попытки отодвинуть на задний план вопрос о добыче хлеба и одежды, сделать его каким-то второстепенным вопросом научного коммунизма — рецидивы буржуазных взглядов на производство и труд. Хотя сторонники таких взглядов иной раз щеголяли звонкими фразами о мировой революции, как это делали троцкисты, мелкобуржуазная сущность подобных взглядов неизменна. Все это, разумеется, чуждо мировоззрению труда, сознанию рабочего человека.

В противоположность мелкобуржуазным фразерам Ленин учил бороться за научную организацию производственного процесса, за то, чтобы применять «ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д.»¹⁷. Развитие социалистического общества тесно связано с его борьбой за организованность, слаженность во всей работе, в первую очередь в производстве, за организацию всего общественного труда на строго научных началах, за создание эффективной системы контроля с широким участием самих масс трудящихся.

Во многих своих работах Ленин предостерегал против идеалистических волюнтаристских попыток перепрыгнуть к коммунизму, учил камень за камень строить новое общество, возводя его материальную основу. «От капитализма человечество может перейти непосредственно только к социализму, т. е. общему владению средствами производства и распределению продуктов по мере работы каждого»¹⁸. Еще в своем труде «Государство и революция» Ленин подчеркивал, что новое общество «*вынуждено* сначала уничтожить *только* ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами». Общество еще «*не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)»¹⁹. Поэтому «остается еще необходимость в государстве, которое

бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта»²⁰. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм, писал Ленин. Но политическая организация общества после социалистической революции изменяется, в результате победы социалистических отношений изменяется самый характер государства. «*Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката»»²¹. Развитие этого «синдиката» и превращение его во всенародное государство — необходимый исторический процесс.

Говоря о переходе от первой ко второй фазе нового общества, к полному коммунизму, Ленин подчеркивал основу общественного развития — рост производительной силы высокоорганизованного и высокосоциального человеческого труда. Ленин не терпел никаких уступок идеализму, столь свойственных мелкобуржуазным течениям, которые с помощью реформ в области сознания человека надеялись построить новое общество.

Замалчивать эти ленинские указания означало бы по сути дела ревизовать ленинизм в важнейших вопросах теории общественного развития, теории социалистического строительства.

Таким образом, магистральная линия социального прогресса человечества состоит в наше время в уничтожении всех видов эксплуатации, а затем в дальнейшем совершенствовании социальной организации общества. Соответственно и основное направление прогрессивного развития политической организации современного общества состоит в уничтожении диктатуры буржуазии и в установлении диктатуры пролетариата, которая затем по мере развития нового общества превращается в общенародное государство. Всемерное развитие общественного самоуправления — таков путь в будущее.

Главное направление развития свободного общества

На базе общественной собственности развивается личность каждого отдельного человека. Личность человека свободна в нашем обществе потому, что у нас некого подавлять, некого лишать свободы, кроме преступников, которые теряют ее на определенный, установленный судом срок. Следовательно, общественные отношения являются главным условием свободы личности. Было время, когда мы вынуждены были подавлять остатки эксплуататорских классов, лишать их свободы выражать свою волю, ибо эта воля была направлена на свержение

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 184.

¹⁷ Там же, стр. 189—190.

¹⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 179.

¹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 93.

²⁰ Там же, стр. 95.

²¹ Там же, стр. 101.

социалистического строя. Теперь в нашей стране нет никаких остатков эксплуататорских классов. У нас развивается общенародное государство. Общенародное государство по своей природе, по функциям, по формам деятельности таково, что после победы коммунизма при определенных условиях оно будет заменено коммунистическим общественным самоуправлением, которое будет основано на убеждении, а не на принуждении.

Общенародное государство выражает социалистические общественные отношения в их движении, оно всем предоставляет одинаковые права и возможности для своего развития. У нас нет никаких привилегированных социальных групп. Наше государство обеспечивает совершенно свободное национальное развитие всех народностей Советской страны. Государственная система, состоящая из союзных и автономных республик, автономных национальных областей и национальных районов, обеспечивает всем народам — большим и малым — возможность развития своего родного языка, своей национальной культуры, лучших ее традиций. Все это проявления свободы личности, осуществленные на основе правильного понимания общественной природы человека, его связей с обществом. **«Всестороннее развертывание и совершенствование социалистической демократии, — говорится в Программе КПСС, — активное участие всех граждан в управлении государством, в руководстве хозяйственным и культурным строительством, улучшение работы государственного аппарата и усиление народного контроля над его деятельностью — таково главное направление развития социалистической государственности в период строительства коммунизма»**²².

Теоретики, которые враждебны марксизму-ленинизму, не понимают развития общественных отношений и политической организации социалистического общества, не видят, какое влияние это направление развития оказывает на все стороны общественной жизни, и в том числе как сказывается это в основной сфере деятельности человека — в производстве.

Общественные отношения, построенные на началах советской демократии, коллективизма, товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, становятся огромной силой в развитии производства, в совершенствовании труда. Коллективы постоянно выявляют и используют резервы производства, становятся застрельщиками всего нового и прогрессивного, добиваются самых низких затрат на рубль товарной продукции, самой малой трудоемкости изделий и наивысшей производительности труда.

На ряде предприятий новые отношения между людьми проявляются в том, что весь коллектив несет ответственность за каждого, а каждый отвечает за коллектив в целом. Во многих

бригадах различных предприятий коллектив сам решает, принять или не принять в свою среду вновь пришедшего на предприятие работника, и он же решает вопросы увольнения. Но разумеется, не только этими крайними точками — приемом и увольнением — ограничивается взаимодействие коллектива и отдельного работника. И чем больше таких точек взаимодействия, чем больше взаимоотношения в коллективе строятся на основе товарищества, доверия, тем сильнее коллектив и каждый его член.

Один из первых вопросов, которые решала наша партия сразу же после Октября, развивая новые общественные связи между людьми, был вопрос, «как нам организовать соревнования», т. е. как пробудить и направить творческую энергию масс трудящихся. Ныне этот вопрос, поставленный Лениным, обсуждают и решают миллионы трудящихся как свое кровное дело. И это показатель развития наших общественных отношений.

В человеческом обществе, разумеется, не может быть абсолютной независимости личности от общества, ибо общественные связи остаются, пока существует общество, а абсолютная независимость может быть только воображаемой. На деле разговоры о такой «свободе» прикрывают обычно антисоциальные, антиобщественные поступки, направленные во вред другим людям. Буржуазные сказки об «абсолютной свободе индивидуума» — пустые и вредные сказки. Не может существовать человеческое общество, которое не знает никакой грани между дозволенным и недозволенным действиями своих сочленов. Такая свобода означала бы ликвидацию всякой общественной жизни, всякого общежития, самого общества.

На заре истории мы видим, говоря словами русского социолога XIX в. Максима Ковалевского, появление «того принципа, что все содействующее материальному или нравственному преуспеянию группы считается добром, чем-то желательным, согласным с обычаем, должным. Наоборот, все, что по той или иной причине наносит вред интересам группы, ее безопасности, ее материальному преуспеянию, ее чести, считается дурным, позорным и по природе нетерпимым». Эти представления в первобытном обществе не отличаются четкостью, они окутаны пеленой фантастики, страдают крайней ограниченностью. Ковалевский отмечает, например, такой закон первобытной общины: «Что позволено по отношению к чужеродцам, то нетерпимо по отношению к сородичам»²³. Впоследствии новые нормы дозволенного и недозволенного продиктовало человеку рабовладельческое общество: тогда то, что дозволено рабовладельцу, было запрещено рабу. В феодальном обществе оковы крепостничества, иерархия различных сил сковывали трудящихся.

²² «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 396.

²³ М. М. Ковалевский. Обособление дозволенных и недозволенных действий. — «Новые идеи в социологии», сб. № 4, СПб., 1914, стр. 90.

XVIII век выступил с требованиями формальных демократических прав. Это было, по выражению одного из русских революционных мыслителей, неосуществимое требование для каждого «права» есть на золотой тарелке. Дальнейшее развитие демократических идей в ходе социальной борьбы принесло требование реальной, материальной гарантии осуществления демократических прав народа. Без этого все права и свободы — пустой звук. XX век провозгласил, что предоставление таких гарантий народным массам невозможно без уничтожения власти и всякого влияния капитала в обществе. При столкновении формального права и реальной, материальной силы капитала победа всегда на его стороне. Уничтожение власти денег — вот первейшая гарантия свободы народа.

Когда Ленин, большевики выступили на арену политической борьбы, они поставили вопрос о свободе на почву реальности, изгнали лживые и туманные рассуждения буржуазных идеологов о «свободе вообще». Они поставили вопрос так: свобода для кого, свобода от чего. Коммунисты выдвинули требование освобождения от эксплуатации, требование свободы для трудящихся. Сегодня мы можем сказать: у нас существует свобода для всех. У нас нет никаких ограничений по полу, по национальным или религиозным признакам. Все граждане пользуются одинаковыми правами в нашей свободной стране. Если поставить вопрос: свобода от чего существует в нашей стране? Ответ будет ясен: это свобода от эксплуатации, подлинная свобода от всех видов гнета, а следовательно, освобождение человеческой мысли и дела от всех вековых оков, созданных экономическим, политическим и духовным господством эксплуататоров.

Подлинная свобода для человека — это возможность развернуть все свои способности, раскрыть их в своей деятельности, неустанно их развивать. Об этой свободе как о высшем благе, как о самой большой ценности человеческой жизни мечтали передовые люди на протяжении веков. Ныне существует общество, которое требует от всех трудиться по способностям. Это закон нашей жизни и ее моральная норма. Главный вывод из этого закона заключается в том, что с развитием наших общественных отношений обогащается личность человека. Таков важнейший вывод современной теории общественного прогресса.

Прогрессивные цели современного общества состоят в том, чтобы расковать богатейшие творческие возможности человека. Для этого необходимо уничтожить эксплуатацию и угнетение. Далее, необходимо трудом миллионов добиться, чтобы общественное богатство достигло такого уровня, когда могут быть удовлетворены все потребности человека. Необходимо также, чтобы в ходе строительства нового общества вырос и развил

все свои способности сам человек. Задача современного общества — создать максимально благоприятные условия для выявления творческих возможностей каждого человека, а следовательно, и всей массы народа. Творчество масс — это важнейшая черта современной эпохи перехода от капитализма к коммунизму. Это и убыстряет прогрессивное развитие общества.

Путь интеллектуального и морального прогресса

В свое время буржуазия шла к власти под знаменем прогресса разума, науки и знания. Но буржуазные общественные отношения создавали пропасть между народом и наукой. Две величайшие силы прогресса остались разобщенными. Объединение этих сил должно начаться в самом процессе труда. Прогрессивное развитие современного общества требует, чтобы могучие силы — наука и народ — были объединены, слились воедино. Это может сделать только новое общество. И это знамение нового общества, что в Программе КПСС указаны основные линии развития важнейших отраслей естественной и общественной науки.

Капитализм отнял у труда его духовное содержание, превратил трудящегося в придаток машины. Так было в век паровой машины, так дело обстоит и в век автоматизации и телемеханики. Коммунизм возвращает труду его духовное содержание и во много крат обогащает его. Общественные отношения требуют от каждого трудящегося знаний, образования, а от науки — тесной связи с жизнью, удовлетворения запросов общественного развития. В этом и состоит основная линия интеллектуального прогресса современного общества. И мы уже сегодня оставили в этой области капиталистический мир далеко позади. Капиталистический мир с завистью смотрит на подвиги коммунистов-космонавтов и на систему нашего образования, подготовившую таких людей, на нашу науку, создающую средства для свершения таких замечательных подвигов.

Тысячелетиями мыслители ломали голову над вопросами морального совершенствования человека. И вся вековая мудрость моралистов не могла ни в коей мере обеспечить моральный прогресс человечества. Капитализм тянул людей в трясины корысти и зависти, зверского эгоизма, терпимости ко всяческой социальной несправедливости.

Мыслители прошлого, рассуждая об интеллектуальном и моральном прогрессе человечества, создали немало различных теорий совершенствования личности, развития всех ее духовных потенций, но все эти учения проповедовали моральное и интеллектуальное совершенствование отдельного человека. Это был порочный путь. Моралисты — апологеты буржуазного инди-

видуализма, рассуждая об изъятиях и грехах «человеческой природы», умалчивали о том, что именно капиталистическое рабство уродует моральное сознание человека. Проповедь морального самоусовершенствования отдельного человека имела глубоко реакционный характер, с ее помощью буржуазия стремилась отвлечь трудящиеся массы от борьбы за светлое будущее всего человечества. Передовые мыслители XVIII в. заметили связь между моральным прогрессом и развитием образования, науки, культуры. Но они свели вопрос о моральном сознании к просвещению. Связь между развитием интеллекта и морального сознания, несомненно, существует. Но само по себе приобретение знаний еще не означает развития морального сознания.

На самом деле капитализм превратил трудящегося человека в простой придаток машины, превратил знание в орудие корысти, изуродовал моральное сознание людей, своим знаменем давно уже сделал антиинтеллектуализм и аморализм.

Домарксовский социализм также не мог указать действительный путь морального и интеллектуального прогресса человечества. Утопический социализм считал, что новый человек появится в особых ретортах или теплицах, в тех ячейках нового общества, которые возникнут в недрах старого. Это был метафизический, идеалистический, далекий от истины взгляд.

Только марксизм, решая вопрос на основе материалистической диалектики, показал путь переделки сознания человека в ходе борьбы за победу нового общественного строя. Уже Маркс и Энгельс указывали, что сознание человека, которому придется строить новое общество, будет вначале отягощено остатками старого мировоззрения и потребует коренная переделка духовного облика людей. По этому важнейшему вопросу марксизм дал качественно новый ответ, решительно порывая со старыми утопическими взглядами. «Тем и отличается марксизм, — писал Ленин, — от старого утопического социализма, что последний хотел строить новое общество не из тех массовых представителей человеческого материала, которые создаются кровавым, грязным, грабительским, лавочническим капитализмом, а из разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей. Эта смешная мысль теперь всем смешна и всеми оставлена, но не все хотят или умеют продумать обратное учение марксизма, продумать, как это можно (и должно) строить коммунизм из массового человеческого материала, испорченного веками и тысячелетиями рабства, крепостничества, капитализма, мелкого раздробленного хозяйничанья, войной всех против всех из-за местечка на рынке, из-за более высокой цены за продукт или за труд»²⁴.

Марксизм решительно опроверг идеализм и метафизику утопического социализма, ответил на вопрос о том, как строить новое общество из массового человеческого материала, а не из особо добродетельных искусственно созданных людей, как вести человека на дорогу безграничного интеллектуального и морального прогресса. Этот ответ был дан с позиций диалектического и исторического материализма, установившего значение общественной практики для развития познания и сознания человека.

Впоследствии различного рода оппортунисты, ревизионисты, меньшевики, отказываясь от революционного марксизма, и в том числе от положения о переделке сознания масс в ходе революционной борьбы, утверждали, будто социалистическая революция в России невозможна на том основании, что в целом общеобразовательный, культурный уровень народных масс страны ниже, чем в капиталистических государствах Западной Европы. Это было повторение на новый лад старых, метафизических взглядов. Ленин с позиций революционного марксизма, опровергая этот фальшивый, оппортунистический тезис, говорил: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»²⁵. Вместе с тем Ленин отмечал трудности разрешения этой задачи. Он говорил, что «из всех социалистов, которые об этом писали, не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники, — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма»²⁶. Такая перестройка всей суммы знаний, культуры и техники, превращение всего этого запаса в орудие социализма являются важнейшей задачей социалистического общества, создающего свою собственную основу для дальнейшего развития.

Коммунистическая партия Советского Союза разработала в числе основных проблем научного коммунизма и проблему интеллектуального и морального прогресса человечества. Пар-

²⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 381.

²⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 382.

тия вела и ведет перевоспитание масс в ходе строительства нового общества. «Отвергая классовую мораль эксплуататоров, коммунисты противопоставляют извращенным эгоистическим взглядам и нравам старого мира коммунистическую мораль — самую справедливую и благородную мораль, выражающую интересы и идеалы всего трудящегося человечества»²⁷. Указание путей для создания нового духовного облика человека неразрывно связано с научной теорией общественного развития.

Воспитание и образование советского человека неотделимы от деятельности, от трудового процесса, ибо марксизм отрицает возможность формирования мировоззрения и психического склада нового человека в каких-то ретортах или теплицах. Правильные навыки и представления у человека могут сформироваться лишь в труде, на основе общественной деятельности.

Современный процесс производства социалистического общества требует больших научных знаний от каждого его члена. Причем трудовой процесс, с одной стороны, требует, чтобы эти знания складывались в систему, а с другой стороны, труд помогает объединять их в систему, служит стержнем для знаний, скрепляет их с делом. Приобретение научных знаний в связи с трудовым процессом содействует не только повышению технической квалификации, но и формированию научного мировоззрения человека социалистического общества. Если образование поставлено правильно, то у человека воспитывается умение доискиваться сути вещей, явлений, отделять главное от второстепенного, случайного, умение вскрывать причины явлений, умение отчетливо видеть физические, химические, механические законы в разнообразных явлениях и применять их на деле, действовать сообразно познанным законам. Такое образование создает прочную основу для научного мировоззрения. Конечно, формирование научного мировоззрения — это не стихийный процесс, оно требует большой воспитательной работы, задача которой состоит в том, чтобы человек активно относился к получаемым знаниям, старался их осмыслить, а не просто накапливал их в своей голове. Надо также, чтобы человек не выхватывал из системы знаний только то, что нужно ему сейчас, не считал бы, что до остального ему и дела нет. Такой взгляд — пережиток буржуазного отношения к знанию. Буржуазия всегда считала, что знания хороши лишь постольку, поскольку они могут содействовать наживе. Буржуазия всегда боялась, чтобы знания, приобретенные ее слугами — рабочими, не объединились в их сознании в стройное и цельное мировоззрение. Дворянское отношение к знанию как к забаве и уродливо-корыстное, буржуазное отношение нам одинаково чужды. Это важный рубеж в развитии

социальной мысли, который был взят только с возникновением и развитием марксизма, научного коммунизма. Трудящиеся — хозяева новой жизни — стремятся к тому, чтобы полученные знания объединялись в систему, и, главное, при решении практических вопросов учатся мыслить и рассуждать научно и принципиально.

Кроме того, научные знания в период бурного технического прогресса должны все время расти и пополняться. Те знания в области науки и техники, которые считались удовлетворительными для рабочего или инженера 10 лет назад, сейчас уже явно недостаточны. То же следует сказать и в отношении общественных наук. Жизнь требует от каждого члена общества все более глубокого понимания линии партии, насущных задач общественного развития, основательных экономических знаний. Это не механический процесс простого накопления знаний, а процесс развития мировоззрения человека в тесной связи с расширением и углублением жизненного и трудового опыта каждого труженика.

Сочетание знаний с трудом приводит не только к тому, что эти знания, подтверждаемые практикой, становятся более отчетливыми, менее отвлеченными, но и сами они обогащаются, углубляются. Это приводит не только к отдельным рационализаторским предложениям, но и к постановке и решению больших производственных задач целыми коллективами.

Уже выбор задачи, взятие обязательства бригадой или отдельным рабочим требуют не только технического кругозора, но и знаний в области экономики, организации производства, умения увидеть неиспользованные резервы для достижения важнейшей задачи предприятия, неразрывно связанной с общими государственными задачами данной отрасли промышленности и всем государственным планом в целом.

Знание в нашем обществе предполагает выработку в массах правильных представлений о силах природы, представлений, исключающих всякую веру в сверхъестественное и непознаваемое. Знание предполагает также правильное, глубокое понимание массами роли социальных сил, понимание, которому одинаково чуждо суеверное, рабское преклонение перед этими силами или их игнорирование за счет различных субъективных идеалистических вывертов и иллюзий. Коммунистическое воспитание предполагает и правильное понимание роли человека, его сил и возможностей, понимание, исключающее дух сервиллизма, приниженности, забитости или дух разнузданного, раздутго индивидуализма. Эти правильные представления становятся основой всей деятельности, всего поведения человека. Представления, связанные в систему взглядов и активно влияющие на деятельность человека, становятся убеждениями, они содержат в себе побуждение к правильным действиям. Убеждения зака-

²⁷ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 410.

ляют и характер человека, формируют весь его психический облик.

Изучение законов природы, естественных наук в нашем обществе неизбежно происходит в тесной связи с изучением тех социальных сил, оружием которых является наука, в тесной связи с изучением экономической и социальной жизни общества, тех задач, которые решает наш народ в области производства, экономики, используя данные науки. Другими словами говоря, наука об обществе, теория общественного развития, — важная теоретическая основа формирования всех убеждений человека. Когда человеку становятся ясны великие идеалы коммунизма, конечные и непосредственные цели его повседневной трудовой деятельности, тогда высокая коммунистическая сознательность пробуждает творческую инициативу и активность советского человека в труде, коллективный рационализаторский опыт, новаторское дерзание. Все это коренным образом меняет духовный облик человека.

С каждым новым этапом строительства нового общества возрастают, изменяются эталоны проверки политической зрелости, коммунистической сознательности в различных сферах деятельности советского человека. На этом процессе может быть наиболее ярко видно, как социалистическое общество ликвидирует созданный веками господства эксплуататоров разрыв между «высокими» помыслами и «низкими», повседневными делами. Этот разрыв всегда служил оправданию буржуазного двуличия и лицемерия, фразерства, противоречия между словом и делом.

Новые эталоны требуют более глубокого политического образования, понимания экономических процессов, происходящих в советском обществе, более глубоких и разносторонних знаний. Нужно не только желание, стремление принести своим трудом пользу общему благу, но нужно во все возрастающей степени умение приносить эту пользу. Причем это умение предполагает и выдержку, достаточную стойкость характера, психологию, которая исключает внезапные переходы от порыва к унынию или бездеятельности. Мы говорим, что методы штурмовщины давно изжили себя. Это не значит, конечно, что исключается порыв, энтузиазм, революционная романтика в деятельности советских людей. Наоборот, советские люди показывают в период развернутого строительства коммунизма прекрасные образцы трудового героизма, подвигов во славу нашей Родины.

Но дело заключается в том, что в современных условиях и подвиг требует не одной решимости, а умения и значительных знаний. Дела наших космонавтов — наиболее яркое подтверждение этого изменения характера подвига в обществе, строящем коммунизм. Именно поэтому подъем целины стал школой политического и культурного воспитания миллионов советских людей.

Воспитание в труде на общее благо предполагает выработку уважения к общественному богатству, понимания, что удовлетворение материальных потребностей и высокое моральное удовлетворение человек получает, умножая это богатство, а не расточая его. Воспитание нового отношения к труду — необходимое условие перехода к высшей фазе, для которой будет характерен «труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма»²⁸. Не только труд станет привычкой, но, указывал Ленин, также и *«необходимость»* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*. Развивая эту мысль, Ленин указывал на два тесно связанных между собой условия для перехода к коммунизму, он отмечал, что коммунизм «предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного»²⁹. Следовательно, развитие социалистического общества в направлении к коммунизму предполагает развитие производительности труда и коренные изменения в области сознания трудящихся.

В этой связи Ленин подчеркивал значение инициативности, которая разворачивается в «народных низах» как условие роста производительной силы труда. Огромная творческая инициатива масс пробуждена советским строем, возрастание этой инициативности — закон развития социалистического общества.

Дело в том, что в нашем социалистическом обществе труд раскрывает все стороны личности человека, многообразные его способности. В труде развивается ум человека, его сметливость, умение быстро соображать, схватить и понять главное, умение следить и за так называемыми мелочами. Требование социалистического общества трудиться по способностям предполагает, во-первых, необходимость развивать эти способности в процессе труда во имя общего блага, ибо способности, если их не развивать, глоснут. Во-вторых, это предполагает и требование уметь применять свои способности в труде, требование учиться вкладывать эти способности в трудовой процесс. Речь идет, следовательно, о формировании человека, без принуждения отдающего свои способности обществу, развивающего и проявляющего в полной мере свои способности в труде на общее благо.

В наше время высокая моральная оценка обществом труда человека, а также высокая научная и техническая оснащенность труда, успехи механизации и автоматизации создают такое по-

²⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 315.

²⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 102, 97.

ложение, когда исчезает различие между более «высокими» и «низкими», по старым взглядам, видами трудовой деятельности. Это очень важная и характерная черта развития коммунистического труда и морального сознания общества в период развернутого строительства коммунизма. В этих условиях отношение к любому виду работы измеряется тем, насколько честно, умело и беззаветно человек своим трудом служит обществу, насколько он вкладывает в дело свои способности, отдается ему душой.

В течение долгого времени в истории марксистской мысли высказывалось предположение, что коммунистический труд будет означать ликвидацию профессий и профессионализации, установление универсализации труда. Сейчас можно сказать с известной определенностью, что в период развернутого строительства коммунистического общества каждая профессия, в том числе новые и остающиеся еще необходимыми старые, наполняется большим содержанием, требует широкого кругозора, больших и разнообразных знаний. У нас есть сейчас и пастухи с законченным средним образованием, продолжающие учиться и становящиеся серьезными специалистами в области животноводства.

Наполнение труда большим духовным содержанием, превращение его в общественную деятельность, устранение наиболее тяжелых работ из трудового процесса за счет механизации и автоматизации все больше ведет к тому, что в коммунистическом труде стираются существенные различия между умственным и физическим трудом, между трудом в деревне и в городе. Коммунистический труд постепенно как бы расплавляет в своем горниле эти существенные различия. Физический труд все больше и больше требует умственной деятельности, серьезной подготовки, знаний и, как уже говорилось, широкого политического кругозора. Обучение работников умственного труда все больше требует знания и опыта в области физического труда. Сейчас уже не может быть хорошего ученого-агронома, который не изучил на практике опыт передовых совхозов, колхозов, сам не поработал на отдельных участках их фронта работы.

Показателем возросших требований общества к индивидууму, требований, которые ведут к развитию и обогащению личности, является тот факт, что люди, участвующие в движении за коммунистический труд во всех его многообразных формах, берут на себя обязательства учиться работать и жить по-коммунистически, шаг за шагом выполнять эти обязательства. По существу эта формула охватывает все основные сферы деятельности личности, ее мировоззрение, психологию, характер человека. Эта формула требует, чтобы в основу всей деятельности трудящихся были положены принципы коммунизма.

Такая формула вместе с тем является конкретизацией в новых условиях выдвинутого революционным марксизмом поло-

жения о том, что новый человек формируется в борьбе и труде по строительству нового общества. Важнейший принцип коммунистического воспитания человека изложен в Программе КПСС: «В поведении каждого человека, в деятельности каждого коллектива и каждой организации коммунистические идеи должны органически сочетаться с коммунистическими делами».

В осуществлении требования работать по-коммунистически наш народ прошел путь от первых проявлений коммунистического отношения к труду в виде субботников до больших коллективов, которые в своей повседневной работе осуществляют принцип коммунистического отношения к труду. Этот огромный путь, пройденный нами, характеризуется тем, что идея труда на общее благо все более проникает в сознание масс и становится главенствующей идеей.

Что же касается требования учиться, повышать свой образовательный уровень, то вначале по отношению ко всей массе трудящихся оно означало лишь требование общей и политической грамотности. Это требование выражало также историческую необходимость создать свою интеллигенцию плоть от плоти и кровь от крови рабочего класса и крестьянства. Ныне требование учиться, обращенное именно ко всей массе трудящихся, ко всему народу, есть требование высокой культуры, больших знаний, общих и специальных, глубокой политической образованности буквально всех членов общества. Осуществление этого требования — важное звено процесса ликвидации существенных различий между умственным и физическим трудом.

Требование жить по-коммунистически ныне означает завершение переделки психологии, характера и всего быта людей, окончательное утверждение во всем поведении человека принципов коммунизма, нового мировоззрения, нового отношения между людьми во всех сферах их жизни.

Сфера так называемой частной жизни в условиях строя, основанного на господстве частной собственности, считается самой широкой сферой. Частным делом признаются порядки, установленные капиталистом на своем предприятии, частное дело — отношение к жене, детям, к товарищам по работе и т. д. При перестройке общественных отношений на социалистических началах, конечно, подверглась изменению и так называемая сфера частной жизни. Уничтожение господства корысти в сфере общественных отношений между людьми оказало влияние и на такие сугубо личные отношения, как дружба, любовь и т. д. Однако, разумеется, внедрение новых принципов в эти отношения между людьми неизбежно происходило медленнее, чем в сфере политики или в производстве. Дальнейшее развитие социалистических производственных отношений, включающих дружбу и взаимную помощь, все больше требует изменения всех навыков и привычек поведения человека в его отношении к дру-

гим людям. Даже такие, казалось бы, сугубо личные качества, как нетерпеливость, отсутствие выдержки у того или иного члена коллектива, могут стать и становятся тормозом в развитии деятельности всего производственного коллектива. Если в сфере так называемых личных отношений у человека проявляются те или иные черты старого мировоззрения, например себялюбие, индивидуализм, то такие черты характера и мировоззрения неизбежно проявятся в той или иной форме и степени также в его общественной деятельности. Требования переделки и мировоззрения и характера личности углубляются по мере развития социалистического общества.

В период развернутого строительства коммунизма сфера общественной жизни все больше и больше вовлекает всю личность человека, становится ареной проявления всех его многогранных способностей и свойств. Все более расширяется и растет творческая инициатива масс, их самостоятельность охватывает все стороны общественной жизни, повышается значение производственных коллективов, общественных организаций.

Это не значит, что сфера личной жизни обедняется. Наоборот, личная жизнь человека обогащается. Бурное кипение общественной жизни очищает и личную жизнь человека. При этом никакой пропасти между общественной и личной жизнью человека в социалистическом обществе не существует. Для буржуазного общества характерно такое представление: человек отбыл свою службу, кончил работу и, облачась в домашнюю одежду, может снять с себя свое общественное лицо. Он вступает в сферу «частной жизни», до которой обществу нет никакого дела. В нашем обществе человек сохраняет свое лицо члена коммунистического общества во всех сферах своей жизни, во всех жизненных ситуациях.

Для человека коммунистического общества и общественное дело воспринимается как его личное дело, непосредственно его касающееся. С другой стороны, и личная жизнь каждого человека — это различные проявления общественных отношений, основанных на дружбе и товариществе, поскольку и в личной жизни человек неизбежно вступает в различные отношения с другими членами общества.

Принцип частнособственнического мировоззрения «моя хата с краю, я ничего не знаю» вытесняется из сознания масс широким и глубоким интересом к общественным делам и чувством общественного долга. Чувство общественного долга не замыкается лишь производством, оно простирается на различные сферы многообразной жизни человека. Конечно, не всегда и не у всех людей понимание общественного долга уже охватывает все стороны жизни, не все в своем поведении руководствуются исключительно нормами коммунистических отношений между людьми. Один хорошо работает на производстве, но в быту, в

семье еще в той или иной мере находится под бременем старых норм морали и поведения. Другой не изжил в себе индивидуализма и поэтому моральные стимулы к труду подменяет честолюбием, любовью к славе и почестям. Третий накопил некоторые научные знания, но не довел процесса познания до выводов в отношении своего мировоззрения, которое у него не сформировалось, и рядом с элементами науки в нем уживаются и некоторые старые предрассудки. Таким образом, усвоение массами основ нового мировоззрения и норм морали, поведения нельзя себе представлять как процесс, с механической точностью, абсолютной равномерностью охватывающий в одинаковой степени полностью все сознание каждого отдельного человека.

В очерке писателя Пасенюка («Огонек» № 26, 1961 г.) человек, зараженный мещанством, обывательщиной, рассуждает так: «...я хоть человек беспартийный, но сознание у меня высокое, ну, нравственность, скажем... И все же я допускаю, что даже при моих убеждениях можно иметь вполне простительные человеческие слабости, некие моральные изъяны. Главное — быть прямым в основных идеологических и моральных вопросах. Я допускаю в человеке, подобном мне, отклонения от абсолюта». Самое плохое в этой «философии» то, что грани, отделяющие «основное» от «второстепенного», весьма подвижны и для много человека «основное» может превратиться лишь в общие фразы, декларации, заверения, а «второстепенное» может при этом захватывать почти все поведение человека. Конечно, людей, которые совершенно сознательно проповедуют подобную «философию», у нас немного. Но имеется значительное количество людей, у которых существуют противоречия между их привычками, привычками, оставшимися от старого, и их мировоззрением, основа которого уже изменилась, но переделка его еще не завершена.

Изъяны в психологии людей, остатки навыков и привычек, в течение столетий культивировавшихся эксплуататорским обществом, в котором господствовали социальные отношения, уродавшие личность, становятся сейчас серьезной помехой в воспитании нового человека. Изменения в идеологии должны быть неразрывно связаны с изменениями и в психологии масс. Изъяны в психологии людей — тормоз для коммунистического воспитания, почва для возрождения тех или иных предрассудков, неправильных представлений, чуждых идей.

Высокая сознательность, проникая во все сферы духовной жизни человека, во все его практические дела, неизбежно перестраивает и психологию людей. Такая переделка психики и характера человека имеет огромное значение в коммунистическом воспитании. Нельзя, чтобы человек рассуждал по общим вопросам более или менее правильно, но в своем психическом облике

сохранял в той или иной мере черты мещанина, обывателя. Ленин подчеркивал, например, значение борьбы против таких явлений в психическом складе людей, в их поведении, как «рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию»³⁰.

Бесхарактерность — такая черта психического облика, которая даже способного человека может превратить в малоценного члена общества. То же можно сказать и о невыдержанности характера, когда поведение человека отличается постоянными переходами от увлечения к унынию. Индивидуализм, обособленность, нелюдимость — все это яркие показатели недостаточного усвоения мировоззрения коллективизма и выработки соответствующих норм поведения. Все эти черты — наследие веков, уродовавших психический строй человека. Буржуазные психологи возводят различные черты психики к извечным свойствам абстрактной природы человека. Это, разумеется, неверно. Всегда, конечно, будут существовать люди более и менее общительные, более и менее возбудимые и т. д. Но речь идет не об этом. Индивидуализм — это черты психики и характера, воспитанные веками господства уродливого мира частнособственнических отношений.

Идейно-воспитательная работа, следовательно, требует такого повышения коммунистической сознательности, которое оказало бы решающее влияние на весь психический облик человека, на все его поведение. Правильно поставленная идейно-воспитательная работа имеет своим результатом не только рост положительных знаний, в том числе и политических знаний в массах народа, но и оказывает огромное влияние на строй психики человека, на его привычки и характер. В воспитательной работе советское общество, ленинская партия опираются на положительный опыт большого числа трудящихся, которые уже достигли огромных успехов на пути к овладению цельным коммунистическим мировоззрением. В нашем обществе большую роль играет воспитание людей на положительных примерах тысяч и тысяч тружеников, которые проявляют образцы высокой коммунистической сознательности и замечательные психические качества, получившие название «советский характер».

К характеру человека имеют прямое отношение чувства, эмоции, умение владеть ими. Без чувств, без эмоций не может быть настоящего, цельного человека, его служения великому делу, его горения во имя высоких идеалов. Ленин говорил: «Без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины»³¹. Надо только, чтобы эмоции человека, его чувства имели верное направление и находили

правильный выход, чтобы они не затмевали разум, чтобы они помогали, а не мешали человеку находить истину, идти вперед, не сбивали бы его с пути. Без воспитания цельного коммунистического мировоззрения, морального сознания не может быть и воспитания чувств, эмоций, как и различных сторон характера: воли, настойчивости, стремления преодолевать трудности.

Обществу, разумеется, безразлично то или иное проявление человеком его чувств. Уродливыми становятся эти проявления, когда человек разрядку охватившей его радости или грусти ищет в вине. Иной раз пьянством человек пытается заполнить почему-либо образовавшееся в период досуга «пустое» время, вызывающее томительное чувство именно своей пустотой. Воспитательная работа помогает человеку ясно увидеть другой путь для выражения охватившего его чувства радости или грусти, чувства неудовлетворенности или усталости.

Но правильное внешнее проявление чувств и эмоций человека предполагает известное воспитание чувств, эмоций, оказывающих влияние на все поведение человека. Воспитание и самовоспитание достигают того, что эти чувства уже не толкают человека на грубость по отношению к окружающим, пьянство, буйство и т. д. Большое значение в правильном воспитании эмоций, чувств и их внешнего проявления имеет, конечно, пример.

Сейчас у нас уже много людей, которые в момент большой радости или грусти обращаются к музыке с ее большой душевной глубиной или театру, перечитывают стихи любимых поэтов, ища в них выражение своих настроений. Выработка правильных реакций, в том числе и реакции эмоциональной, на те или иные жизненные ситуации — большая задача воспитания и самовоспитания.

Особенно большое значение здесь имеет художественная литература, которая содержит глубокое, правдивое описание многих жизненных ситуаций и отрицательного и положительного поведения человека в сложных житейских положениях. В наших условиях возрастает значение художественной литературы для преобразования психологии, характера, для воспитания чувств и поведения человека в различных жизненных положениях — она до известной степени коллективный жизненный опыт человечества. В ней сила примера выражена в образной форме, воздействующей и на чувства, и на ум человека.

К отрицательным чертам психологии и характера человека относятся такие черты, отмеченные Лениным, как «разгильдяйство, небрежность, неряшливость, неаккуратность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией, работу — разговорами, склонность за все на свете браться и ничего не доводить до конца»³². Все эти вредные черты психики, харак-

³⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 27.
³¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 112.

³² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 201.

тера, привычки и навыки — наследие веков существования эксплуататорского общества. Века отделения труда умственного от физического объясняют создавшийся разрыв между понятиями «подумать», «сказать» и «сделать», когда главным считалось подумать или сказать, а дело представлялось чем-то второстепенным или прикладным. Отсюда идет указанная Лениным склонность заменять дело декларациями, словами. Каждое из этих отрицательных качеств может стать весьма опасным для общества, для коллектива. Человек, отягощенный такими отрицательными качествами, может серьезно подвести коллектив, даже и не обладая злой волей или чуждыми буржуазными взглядами.

Ленин указывал верный и прямой путь ликвидации этих отрицательных черт характера, психики в условиях советской действительности. Он подчеркивал необходимость «провести *практический контроль* за тем, чтобы слово превращалось в дело»³³. Слово не должно расходиться с делом — это и есть одна из замечательных черт характера, психического склада человека коммунистического общества. Для этого нужен контроль, который может и должен осуществлять и сам индивидуум, и коллектив.

В наших условиях чрезвычайно возрастает воспитательная роль коллектива в формировании мировоззрения, психологии и поведения человека. Чем больше коллектив держит в поле своего внимания материальные и духовные запросы каждого своего члена, тем в большей степени вырабатывается дух коллективизма, тем меньше почвы для того, чтобы у кого-либо в коллективе появилась и проявилась психология одиночки. Деятельность сотен тысяч передовиков повышает моральную силу коллектива. Создаются чрезвычайно благоприятные условия для воздействия морально сильного и сплоченного коллектива на отдельных менее стойких своих сочленов.

Если на предприятии заботятся об удовлетворении духовных запросов человека (организация библиотек, посещение театров и т. д.), если создаются необходимые условия для продолжения образования, то значительная часть духовных запросов каждого члена такого предприятия удовлетворяется коллективом, человек духовно живет в коллективе и с коллективом. Известны многочисленные хорошие примеры такой заботы коллектива об удовлетворении духовных нужд своих членов.

Если человек может рассчитывать на помощь коллектива и в том случае, когда он попал в беду, переживает личные неурядицы, то и в этом случае мировоззрение коллективизма одерживает победу, а для настроений одиночества, для мироощущения одиночки исчезает всякая почва.

Если же в результате плохой постановки воспитательной работы влияние коллектива на личность человека уменьшается, то этим самым создается почва для рецидивов мироощущения и психологии одиночки. Следует помнить, что врожденных идей нет, нет и врожденных идей коллективизма. Возрождение же психологии одиночки, который не чувствует своей живительной связи с коллективом, может привести к непомерному выпячиванию своего *Я* в противовес коллективу, обществу. Отсюда прямая дорога к забвению своего долга перед обществом, к анархическому индивидуализму, девиз которого «лишь бы мне было хорошо, а до остального мне дела нет». Это дорога к антиобщественным поступкам, к поведению отщепенца.

Человек, оторванный от коллектива, не чувствует той великой силы, которую представляет собой коллектив, общество. В настроениях одиночки могут появиться нотки уныния, поиски иллюзорного выхода из одиночества, вымышленного утешения. Одни ищут это утешение в вине, другие — в одуряющем действии молитв, песнопений и проповедей о какой-то сверхъестественной силе.

Иными словами, слабость воспитательного воздействия коллектива на личность создает благоприятную почву для оживления различных пережитков капитализма в сознании отдельных людей. Ведь в нашей стране нет социальных слоев, которые были бы в своей массе заражены пережитками капитализма. Носители этих пережитков — отдельные люди, принадлежащие к разным слоям; есть такие люди и среди рабочих, и среди интеллигенции, и среди колхозного крестьянства. Почва для возврата пережитков капитализма всегда создается в результате слабой постановки воспитательной работы на отдельных предприятиях, в отдельных коллективах. Устранение недостатков воспитательной работы в каждом коллективе, в отношении каждого человека, дифференцированный подход к каждой группе людей — вот что обеспечивает нам полную ликвидацию всех пережитков капитализма в сознании людей.

Душой каждого коллектива, его направляющей и руководящей силой является партийная организация. В период развернутого строительства коммунизма возрастает роль всех общественных организаций, всех коллективов трудящихся. И в первую очередь возрастает роль партийных организаций, которые объединяют деятельность всех коллективов, мобилизуют, направляют и организуют великую энергию масс. Там, где партийная организация свято выполняет указания ленинского Центрального Комитета нашей партии по воспитательной работе, там успехи в этой работе поистине огромны.

Партия разработала в теории и на практике сложную проблему развития личности человека. Положения о подъеме культурного уровня человека социалистического общества, о форми-

³³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 202.

ровании его цельного мировоззрения, не допускающего, чтобы слово расходилось с делом, о формировании его высокотребовательного морального сознания, его психологии последовательного коллективиста и гуманиста превращены в стройное учение.

Партия определяет взаимодействие отдельных сторон культуры в воспитании нового человека. Она обращается со своим словом к писателям, подчеркивая воспитательное значение литературы. В этой области также сказывается могучая сила общности, которая высоко поднимает все передовое, всех, кто сам смело идет вперед и помогает идти вперед другим. Сила общественного влияния проявляется и в достижениях науки, стимулируя разработку ее коренных проблем, делая развитие знания общегосударственным и общенародным делом. Забота о развитии духовных потенций человека выражается в целой системе государственных мероприятий, партийных решений, она стала неотъемлемой стороной всей нашей общественной жизни.

В нашу эпоху эксплуататоры делают ставку на живучесть старых представлений, идей и предрассудков, создававшихся веками господства частной собственности. Пелена этих предрассудков может застилать глаза, мешать правильно видеть очертания действительности, а следовательно, сковывать волю людей и их революционную деятельность. Против этих расчетов ленинизм направляет всю силу своего политического и идейного оружия. Яркий свет научного коммунизма с огромной силой врезается во мглу буржуазных и мелкобуржуазных предрассудков на всем земном шаре; он вызывает глубокие изменения в сознании трудящихся, пробуждая повсюду социальную мысль, указывая ей верный путь, вооружает массы пониманием назревших исторических задач нашей эпохи.

Реальная судьба общественной собственности там, где она победила, примеры, свидетельствующие о характере развивающихся на ее основе отношений между людьми, — мощный фактор идейного воспитания всего человечества.

В советском обществе создается материально-техническая база коммунизма. Эта основа будущего общества закладывается трудом миллионов людей, которые разрешают важнейшую историческую задачу, указанную Лениным, задачу создать производительность труда, недостижимую для капитализма. Только теоретики, ограниченные рамками буржуазного мировоззрения, могут считать, что это чисто экономическая задача. Они, конечно, не видят, что коммунизм противопоставляет буржуазной идеологии паразитизма идеологию труда и эта идеология побеждает.

По всему свету разнеслись идеи Программы КПСС, слово ленинской партии о прогрессе, о строительстве будущего. К этому слову прислушиваются все: и друзья, и враги. Величие коммунистической идеологии становится все более зримым. Было

время, когда Ленин в «Что делать?», говоря о борьбе между социалистической и буржуазной идеологией, подчеркивал, что «буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает неизмеримо большими средствами распространения»³⁴.

Ныне для буржуазной идеологии, как и для породившего ее строя, наступила пора старческого маразма и одряхления, хотя в руках буржуазии еще имеются мощные технические средства для ее распространения. «Буржуазные учения и школы не выдержали исторической проверки. Они не смогли и не могут дать научного ответа на вопросы, выдвигаемые жизнью. Буржуазия уже не в состоянии выдвинуть идеи, которые могли бы увлечь за собою народные массы»³⁵, — говорится в Программе нашей партии. Что же касается социалистической идеологии, то она уже победила на огромных пространствах земли, ее влияние на человечество огромно и она разработана всесторонне. Она побеждает потому, что выражает жизненные интересы рабочего класса, огромного большинства человечества, стремящегося к миру, свободе и прогрессу.

Успех революционного дела зависит сегодня от отчетливого понимания рабочим классом и всеми трудящимися задач, которые выдвигает историческая действительность, от учета и максимального использования возможностей, которые она открывает для деятельности масс, от знания путей, которые ведут к решению этих задач, и от правильной организации масс на их решение. Мировое коммунистическое движение указывает эти пути — мирные и немирные — для победы дела коммунизма. Коммунистические партии сплачивают массы под знаменем борьбы. Что же касается нашей страны, строящей коммунизм, то Программа партии дает массам ясную историческую перспективу их деятельности, партия организует и воспитывает массы для этой исторической деятельности во имя построения самого совершенного общества на земле. Принципы научного коммунизма впервые в истории становятся достоянием всего народа, каждого члена общества. В этом залог наших успехов и дальнейшего развития научного коммунизма.

Сейчас, когда массы творят историю, утверждают принципы научного коммунизма в своих повседневных делах, участвуют своей борьбой и трудом в развитии коммунистической социальной мысли, теория непосредственно сливается с величественной исторической деятельностью трудящихся, она неразрывна с делом народа, строящего новое общество. В этом величайшая сила современного прогресса и современной социальной мысли.

³⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 41.

³⁵ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 357.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Оценка международного значения Великой Октябрьской социалистической революции — один из тех вопросов, который встал буквально на следующий день после вооруженного восстания в ноябре 1917 г. и который по сей день является предметом острой политической и идейной борьбы во всем мире. Великий водораздел в истории человечества стал водоразделом и в политическом мышлении, в идеологии, в мировоззрении поколений людей, в политике партий и классов.

Различные представители реакционных взглядов утверждают, будто полувековое мировое развитие оставило далеко позади уроки и опыт Октябрьской революции, возникшей в специфических условиях начала века, в отсталой стране, какой была царская Россия. Иная злоба дня волнует ныне умы, иные вопросы стоят в повестке дня, и якобы уже нельзя воскресить жизненное значение десяти дней, потрясших мир, которые ушли в историю и память о которых тускнеет.

Те, кто стоит на позициях марксизма-ленинизма, наоборот, глубоко убеждены, что Октябрьская революция — ключ ко всему последующему мировому развитию и без понимания международного значения ее невозможно правильно понять ни одно явление современности, волнующее нынешний мир. По мере отдаления от нас событий 1917 г. мировое значение Октябрьской революции все более расширяется и углубляется, ибо мы свои выводы можем делать уже на материале целой исторической эпохи.

«Великая Октябрьская социалистическая революция имеет огромное международное значение. Она ускорила ход исторических событий в мире. Идея марксизма-ленинизма, идея Октября распространились по всей земле, они подняли народы на борьбу против угнетателей, за свою свободу и независимость. Завоевания Октябрьской революции явились могучей базой революционных преобразований во всех частях света», — говорится в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Бесчисленные нити неразрывно связывают Октябрьскую революцию с современностью. И хотя давно смолкли выстрелы на площади у Зимнего дворца, вокруг баррикад ноябрьских дней и ночей 1917 г. кипит ожесточенная и напряженная политическая и идеологическая битва. Силы старого мира атакуют сегодня красногвардейцев, солдат, матросов, рабочих — великую армию победоносной революции — с фронта, с флангов и с тыла, стремясь на бумаге одержать ту победу, в которой на деле им отказала история.

«Исторический опыт Октябрьской социалистической революции, мирового революционного движения неопровержимо свидетельствует, что осуществление коренных интересов трудящихся, всесторонний социальный прогресс возможны только на путях к социализму, что рабочий класс, выступающий в союзе с самыми широкими народными массами, является главной движущей силой современной истории, что единственно научной, подлинно революционной идеологией международного рабочего класса, мирового социализма является марксизм-ленинизм, что социализм несет социальное и национальное освобождение, равноправие и возрождение всем угнетенным нациям и народам». (Из постановления ЦК КПСС от 4 января 1967 г. «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции»).

ОКТЯБРЬ ОТКРЫВАЕТ ЭПОХУ

Россия к 1917 г. в экономическом и социальном отношении являла собой сложную и противоречивую картину. Конечно, перед первой мировой войной Россия производила промышленной продукции меньше, чем США, в 14,5 раза. Но в ней существовали районы, высокоразвитые в промышленном отношении. Металлургия Юга, машиностроение Петербурга, Московский промышленный район, включая Иваново, — все это были очаги бурно растущей капиталистической индустрии. В период с 1908 по 1913 г. отрасли, производящие средства производства, увеличили свою продукцию на 85 процентов. Это были весьма быстрые темпы роста. Но они были совершенно недостаточны, чтобы коренным образом изменить все хозяйство России. И все же, хотя индустриально развитые очаги являлись редкими оазисами на огромных пространствах аграрной страны, Россия в 1913 г. по

машиностроению занимала четвертое место в мире и шла впереди Франции, а по добыче нефти была на втором месте после США. В целом Россию можно считать страной со средним уровнем развития капитализма. Критикуя теорию Бухарина, согласно которой крушение капитализма начинается со стран, наиболее слабых в технико-экономическом отношении, Ленин писал: «Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло»¹.

К 1917 г. рабочий класс крупной промышленности, железнодорожного и водного транспорта составлял более 4 миллионов человек. Доля пролетариата в общей массе населения России не превышала 10 процентов (без членов семей). Однако В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что «сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше», чем его доля «в общей сумме населения», потому что пролетариат экономически господствует над центром и первым всей хозяйственной системы капитализма»². Российский пролетариат и в этом отношении не уступал пролетариату передовых капиталистических стран, экономически господствуя над центром хозяйственной жизни, поскольку, несмотря на огромную территорию России, крупная промышленность и транспорт были сосредоточены в немногих ее районах.

Рабочий класс России накануне революции обладал крепким, чисто пролетарским ядром. По данным 1908 г., 53,3 процента металлистов Петербурга имело рабочий стаж свыше пяти лет. Считается, что в целом по стране не менее 40 процентов всех рабочих были уже потомственными кадровыми пролетариями, связи с сельским хозяйством сохранялись лишь у некоторых слоев, но уже у металлистов, например, их почти не было. Благодаря концентрации рабочих на крупных предприятиях и в многочисленных промышленных центрах их организованность и сплоченность достигали высокого уровня. В коллективах тон задавали передовые, сознательные рабочие. Еще в 1899 г. Ленин отмечал, что «среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на оупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию»»³. К 1917 г. эти процессы широко развились и достигли значительной глубины.

В целом по стране ведущую роль играли рабочие крупных промышленных центров. Питерский пролетариат, составляющий

10—11 процентов всех фабрично-заводских рабочих страны, дал в 1917 г. 54 процента всех участников стачек и забастовок. В чрезвычайно трудных условиях войны, невероятного полицейского террора в конце 1916 г. большевистская организация Петрограда насчитывала примерно 2 тысячи членов. «Для России и для всего Интернационала это — поистине образец социал-демократической работы во время реакционной войны, при самых трудных условиях», — писал В. И. Ленин о работе петроградских большевиков⁴.

В других промышленных центрах роль большевиков также была велика. Оценивая результаты выборов в Государственную думу, число рабочих групп, делавших взносы в фонд большевистской печати, тиражи большевистских газет, можно сделать вывод, что за партией большевиков шло $\frac{4}{5}$ сознательных пролетариев России. Война и террор, разумеется, крайне затруднили работу партии, но после Февральской революции большевики, опираясь на активную поддержку огромной массы сознательных рабочих, быстро восстановили и развили свою деятельность. Достаточно сказать, что к Апрельской партийной конференции в стране уже издавалось 27 большевистских газет. В годы Октябрьской революции и последующий период рабочий класс России, партия большевиков сумели выдвинуть тысячи и тысячи рабочих, ставших замечательными политическими деятелями, организаторами и руководителями Советской власти в губерниях, уездах, городах, полководцев, прекрасных организаторов социалистического производства, подлинных вожаков масс.

Благодаря рабочему классу, его авангарду — партии большевиков стала возможной и победоносной, говоря словами Ленина, «имеющая всемирно-историческое значение, борьба социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности»⁵. Союз рабочего класса с крестьянством пробудил ту величайшую социальную энергию масс, которая проявила свою чудесную силу и в разрушении старого, буржуазно-помещичьего строя, и в строительстве новой жизни.

Рабочему классу, идущему во главе всех трудящихся, пришлось столкнуться с врагом достаточно сильным. В первые полтора десятилетия XX в. в России шел процесс создания капиталистических монополий, охватывавших важнейшие отрасли народного хозяйства (в черной металлургии Юга — «Продамета», в цветной металлургии — синдикаты медепркатных заводов и общество «Медь», в нефтяной промышленности — картель «Нобель-Мазут» и др.). Окрепшие банки вели политику подчинения себе целых отраслей промышленности. Промышленная группа

¹ Ленинский сборник XI, стр. 397.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 23.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 269.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 48.

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 185.

Русско-Азиатского банка, например, состояла из восьми акционерных компаний, включавших крупнейшие металлообрабатывающие предприятия. Крепкими были связи русского капитала с иностранным, около 45 процентов акционерного капитала десяти ведущих банков страны принадлежало иностранному денежному мешку. Союз помещиков с империалистической буржуазией порождал специфические формы государственно-монополистического капитализма, особенно накануне войны, в тесной связи с ростом военных заказов. Следовательно, борьба рабочего класса шла с империализмом, с империалистической буржуазией.

Но процесс выделения верхушки монополистической буржуазии, финансовой олигархии наиболее интенсивно шел в тяжелой промышленности, связанной с петербургскими банками, много слабее — в легкой промышленности, что же касается значительной части России к востоку от Волги и далее в Сибирь, там встречалось доставшееся в наследство от дедовских времен преобладание купцов-«толстосумов». Трудная борьба рабочего класса шла и против этих «рассредоточенных» отрядов капитала, а затем развернулась борьба и против самого многочисленного отряда эксплуататоров, против деревенской буржуазии — кулачества.

Совершенно очевидно, что наступившее в результате победоносной революции социалистическое преобразование промышленного ядра страны, ее наиболее развитых индустриальных очагов имело огромное международное, всемирно-историческое значение. Как русские рабочие поступили с такими гигантами, как, скажем, Путиловский завод в Петрограде, как наладили они работу текстильных фабрик Иванова, который издавна называли «русский Манчестер», — все это были вопросы социалистического преобразования крупной развитой капиталистической собственности. Такой опыт имеет значение для развитых в промышленном отношении районов мира, и путь от рабочего контроля к национализации, а затем к созданию социалистических форм управления промышленностью занимает и поныне огромное место в мировой сокровищнице опыта социалистических преобразований.

Опираясь на это индустриальное ядро, советский народ осуществил индустриализацию всей страны. В 1965 г. промышленное производство СССР достигло уже 65 процентов производства США. Продукция всех отраслей материального производства СССР, т. е. общественный продукт, составила в 1965 г. 62 процента уровня США. Если в 1917 г. Россия производила менее 3 процентов, то в 1965 г. на долю СССР приходилось уже почти $\frac{1}{5}$ мирового промышленного производства. Продукция машиностроения и металлообработки в целом возросла в

1965 г. по сравнению с 1913 г. в 478 раз, а продукция химической промышленности — в 261 раз.

Но за промышленным ядром в царской России простирались бескрайние поля помещичьего землевладения, кулацких хозяйств и море крестьянской нищеты. Развитие капитализма в сельском хозяйстве шло медленно, широко практиковались такие формы эксплуатации крестьянства, как испольщина — обработка земли за долю урожая, отработки за арендованную землю, за кабальные проценты, ссуды хлебом или деньгами и т. д. Без ликвидации помещичьего землевладения нельзя было ликвидировать нищету крестьянства. Капитализм оказался неспособным это сделать. Буржуазно-помещичья верхушка не шла на радикальную аграрную реформу. Только социалистическая революция могла коренным образом изменить положение огромной массы населения.

Процесс перестройки крестьянского хозяйства на социалистических началах — одна из труднейших задач, которую должна была решить и решала Октябрьская социалистическая революция, возбуждая интерес во всех аграрных странах империалистического мира.

Этот интерес был тем более сильным, что значительные аграрные районы царской России, главным образом в Средней Азии, находились на полукOLONIALном или колониальном положении, были лишены необходимых для прогресса индустриальных и культурных очагов. Народы стран, закабаленных империалистами-колонизаторами, не могли не обращать свои взоры к стране победившего пролетариата, пристально изучая, как разрешила она национально-колониальный вопрос, как пробудила она народы Средней Азии к великому историческому творчеству, как создавала она в национальных районах кадры местного рабочего класса и интеллигенции, как изменила лицо крестьянства, как поднимала она народ к высотам индустриального и культурного развития. Приведем один лишь пример. В 1965 г. в Узбекистане было произведено свыше 11,5 млрд. квт-ч электроэнергии. Это почти в 6 раз больше, чем до революции производила вся царская Россия. В Казахстане в 1913 г. было выработано всего лишь 1,3 млн. квт-ч электроэнергии, а в 1965 г. — свыше 19 млрд. квт-ч, а за электрическим светом идет свет культуры. Этот опыт Октябрьской революции не мог не иметь исторического значения для всех обездоленных империализмом народов.

На социальной карте царской России были и другие своеобразные районы. На северных окраинах страны Октябрьская революция застала народности, у которых еще в ходу были лук и стрелы, живы были многочисленные отголоски каменного века, родового строя. Октябрьская революция повела народы Севера к социализму. Разве мог этот удивительный пример об-

щественного развития остаться без внимания, когда на территории Африки, кое-где в Латинской Америке и Азии живут и страдают народности, обреченные капитализмом на такую же страшную отсталость. Буржуазные теоретики глубокомысленно твердили, будто мышление периода родового строя можно изменить лишь за долгие столетия и нельзя в век машин перескочить из эпохи камня. История растоптала эти расистские и полурасистские бредни реакционных психосоциологов. И этот драгоценный опыт Октябрьской революции имел всемирно-историческое значение.

Да, царская Россия была отсталой страной. Отсталой потому, что капитализм оказался бессильным вывести всю страну, все ее районы, все ее народы на путь прогресса. Царскую Россию нельзя было сравнивать с такими высокоразвитыми в технико-экономическом отношении капиталистическими странами, как Англия, Франция, Германия, США. Но царская Россия в уменьшенном виде представляла собой весь тогдашний империалистический мир с его редкими очагами буржуазной цивилизации — капиталистическими городами и огромной отсталой деревней, которая включала и колониальные районы, и даже племена, оттесненные с дороги прогресса и оставленные на уровне родового строя. Таков был империалистический мир, если взять его без прикрас, если не фланировать в пределах Елисейских полей в Париже или Бродвея в Нью-Йорке, а окинуть взглядом страны Восточной Европы, Латинской Америки, Азии, племена и народности Африки. Такой была, повторяем, в уменьшенном виде царская Россия, занимавшая шестую часть мировой суши и вместившая на этом пространстве многое из того, что было характерно для экономической и социальной структуры всего тогдашнего империалистического мира. Могла ли социалистическая революция в такой стране быть лишь «ограниченным», «местным» явлением и не задеть важнейших, узловых вопросов мирового развития, не иметь всемирно-исторического значения? Ответ на этот вопрос ясен для всех желающих видеть историческую правду.

Друзья и враги, люди колеблющиеся, не нашедшие выхода из своих сомнений, затаив дыхание следили за каждой строкой той главы мирового развития, которая началась 7 ноября у гранитных берегов Невы. Социализм должен был решить те вопросы, перед которыми показал свое бессилие капитализм, и не только в одной стране, в России, но в целом, во всем тогдашнем мире.

Среди многих таких вопросов был один, который привлекал особое внимание честно мыслящих представителей интеллигенции. Это был, несомненно, важный аспект коренного социалистического преобразования общества, которое начала великая революция. Россия была отсталой страной с огромным процен-

том неграмотных, но имена ее мастеров культуры давно уже имели мировую славу. Произведения Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Горького волновали умы людей, говорящих на всех языках земли. Профессор Иван Павлов еще в 1904 г. получил Нобелевскую премию и мировое признание, а Периодическая система Менделеева была известна на Западе всем со школьной скамьи. Вставал вопрос, сможет ли социалистическая революция поднять народные массы до высот культуры, достигнутых этими корифеями, или, как твердили люди, не верившие в творческую силу народа, революция «срежет» уходящие в небо вершины культуры и «принизит» ее до понимания неграмотного или полуграмотного человека. Ведь так предлагала решить вопрос о культуре и большая совесть Толстого, в отчаянии проповедовавшего «прощение». Сегодня, когда мир уже хорошо знает, что, скажем, один из замечательных исполнителей шекспировского Отелло — узбекский артист А. Хидояттов, что один из удивительно тонких прозаиков Советской земли — чукча Рытхеу, представитель народа, шагнувшего в социализм от лука и стрел, что почитателей Бальзака или Диккенса можно встретить в колхозах Смоленщины, все видят, какую титаническую работу совершила Великая Октябрьская социалистическая революция в развитии культуры. В СССР сейчас живет и трудится четвертая часть всех научных сил, существующих на земном шаре. В 1965 г. выпуск инженеров в Советском Союзе составил 170 тыс. человек, а в США — 42 тысячи, т. е. в 4 раза меньше. Студентов в Советском Союзе примерно тоже в 4 раза больше, чем в таких европейских странах, как Англия, Франция, Италия и Западная Германия, вместе взятых. Нет в мире такой страны, где общее количество врачей и их число на 10 тыс. населения хотя бы приближалось к советской норме. Вспомним, что читатель массовых библиотек располагает сейчас книжным фондом свыше миллиарда экземпляров, а накануне революции этот фонд составлял всего 127 тыс. книг и журналов. За показателями нынешней культуры советского народа стоит великая культурная революция, озаренная именем Ленина. В конце прошлого века, когда Ленин начинал свою революционную деятельность, среди населения в возрасте от 9 до 49 лет было 74% неграмотных, а среди женщин — даже 86%. А сейчас больше половины работающих имеет высшее и среднее образование. И в 1965/66 учебном году различными видами обучения — в общеобразовательных школах всех видов, в училищах и школах профессионально-технического обучения, в средних специальных и высших учебных заведениях, на курсах по овладению новыми профессиями и т. д. — было охвачено 71,7 млн. человек.

Это означает, что в Советском Союзе учится каждый третий (без детей дошкольного возраста) человек.

Это, разумеется, мировой опыт, принадлежащий человечеству. И недаром Ромена Роллана, Анатоля Франса, Бернарда Шоу и многих других представителей западной культуры захватил пафос созидания нового общества и, как сказал итальянский коммунист Антонио Грамши, они предпочли грубые камни нового мира лебединым песням строя, осужденного историей на умирание.

Октябрьская революция предстала перед историей как сложный социальный процесс, общее направление и различные стороны которого кровно затрагивают различные районы мира. Октябрьская революция поставила и решила важнейшие вопросы мирового развития, и поэтому классы и партии, огромные массы людей во всем мире не могли быть безразличными к этим решениям.

Октябрьская революция была образцом проведения победоносного вооруженного восстания, происходившего под непосредственным руководством Ленина, партии большевиков. Точный выбор момента восстания, его тщательная подготовка, политическая, организационная, идеологическая, гибкое руководство всеми силами в ходе восстания, максимальная координация действий восставших, выбор и осуществление направления главного удара, сосредоточение необходимых сил на линии, обеспечивающей победу, постоянная связь с массами и опора на массы, умение исключить, однако, стихийность и неуправляемость процесса — все эти и многие другие черты вооруженного восстания составляют сокровищницу опыта, которым располагает отныне мировое революционное движение. Особое значение, как показал и последующий исторический опыт, имеет создание вооруженных отрядов рабочих, умение определить их задачи, роль, место в момент революционного кризиса. Вместе с тем огромную роль играет работа в армии, все ее формы и методы, ибо от поведения армии в кульминационный момент многое зависит. Октябрьская революция показала также тот путь, когда вооруженное восстание перерастает в гражданскую войну, когда революция должна быстро сформировать свою армию, которая способна отстоять ее завоевания.

Октябрьское вооруженное восстание впитало в себя опыт вооруженной борьбы 1848 г. в Европе, Парижской коммуны, русских революций 1905 г. и февраля 1917 г. Ленин внимательно изучал этот опыт, вскрывая все достижения и ошибки, изучал те теоретические положения, которые выдвинули Маркс и Энгельс по поводу вооруженного восстания, обогащал новым опытом эти положения и творчески их развивал. Таким образом, Октябрьское вооруженное восстание есть не только результат организаторской деятельности партии, но и огромной теоретической работы, обобщающей весь предшествующий опыт, применяющей его в новых условиях.

Еще в 1905 г. Ленин писал, что рабочий класс должен «встряхнуть и сплотить вокруг себя как можно более широкие слои эксплуатируемых народных масс, собрать все свои силы и поднять восстание в момент наибольшего правительственного отчаяния, в момент наибольшего народного возбуждения»⁶.

Именно это положение марксизма-ленинизма было осуществлено на деле в ноябре 1917 г., было проверено революционным опытом партии и масс, стало бесспорным выводом, который затем творчески обогащался и развивался мировым коммунистическим движением.

Вместе с тем опыт Октябрьской революции показывает, как Ленин, партия большевиков высоко ценили редкие в тех исторических условиях возможности мирного развития революции без применения форм вооруженной борьбы. В сентябре 1917 г., говоря о передаче власти Советам, Ленин писал: «Теперь, и только теперь, может быть *всего в течение нескольких дней* или на одну — две недели, такое правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно. Оно могло бы обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение *вперед* всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма»⁷.

Эту возможность «мирного развития революции» Ленин называет «крайне редкой в истории и *крайне ценной...*»⁸ В послесловии к этой статье, написанном через два дня, Ленин констатирует: «Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, *тоже* прошли»⁹.

Как представлял себе Ленин реализацию возможности мирного развития революции примерно за два месяца до вооруженного восстания? Он подробно и четко изложил свои взгляды, подчеркивая при этом тот важный урок, который дает развитие революционного процесса в России: «...союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной. Ибо против такого союза, против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов никакая буржуазией начата гражданская война немыслима, такая «война» не дошла бы даже ни до одного сражения...»¹⁰

Ленин подчеркивал далее, что такое правительство дало бы народу мир, а крестьянству землю и, следовательно, «мирное развитие революции при переходе всей власти к Советам *возможно и вероятно*»¹¹.

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 134.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 134—135.

⁸ Там же, стр. 135.

⁹ Там же, стр. 138—139.

¹⁰ Там же, стр. 222.

¹¹ Там же, стр. 223.

В Советах, указывал Ленин, развертывалась бы дальнейшая борьба за власть между партиями, со стороны большевиков это была бы последовательная борьба за переход к социалистическим преобразованиям. Причем Ленин отмечал: «Внутри Советов борьба партий за власть может идти мирно, при полном демократизме Советов...»¹²

Таким образом, непеременимым условием мирного развития революции является единство всех демократических элементов, в данном случае союз большевиков с эсерами и меньшевиками, немедленный переход всей власти к Советам — такой союз исключает возможность гражданской войны. Если буржуазия, теряя разум, и поднимет гражданскую войну, то такая «война» не дойдет ни до одной битвы. Проходить мимо этого абсолютно доказанного урока революции нельзя. Воспользоваться таким уроком там, где историческая обстановка дает возможность, — это значит правильно понимать мировое значение Октябрьской революции.

Говоря другими словами, мирный путь развития революции вполне возможен, если огромное большинство народа сплочено вокруг рабочего класса, если буржуазия изолирована и вынуждена подчиняться воле трудящихся, которая находит свое проявление в государственной власти. Как на форму этой власти в период Октябрьской революции Ленин указывал на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, где представлены были большевики, эсеры и меньшевики. Такие органы стали бы ареной борьбы между партиями, они представляли бы собой, следовательно, своеобразный парламент, но именно своеобразный не только потому, что в нем полностью господствовали бы демократические партии — коммунисты и социал-демократы или эсеры, но и потому, что он наделен был бы властью, не был бы пустой говорильней, оставившей свободу действий в стране реакционному государственному аппарату. В этом суть вывода Ленина. Коммунистические и рабочие партии, опираясь на опыт Октябрьской революции и последующего мирового развития, творчески разрабатывают этот вопрос в новых исторических условиях.

Изучая опыт Октябрьской революции, Ленин не раз указывал и на другие варианты решения вопросов, не получившие тогда развития в силу исторических условий. Так, Ленин писал, например: «...было бы ошибкой заранее ручаться, что грядущие пролетарские революции в Европе непременно дадут все или большинство, ограничение избирательного права для буржуазии»¹³. Вопрос этот был поставлен Октябрьской революцией и решен ею. Но возможно и иное решение вопроса при

более мирном ходе революции. Возьмем другой пример, с которым также писал Ленин: «...Маркс был глубочайше прав, когда учил рабочих важности сохранить организацию крупнейшего производства именно в интересах облегчения перехода к социализму и полной допустимости мысли о том, чтобы *хорошо заплатить капиталистам*, выкупить их, ежели (в виде исключения: Англия была тогда исключением) обстоятельства сложатся так, что заставят капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условиях выкупа»¹⁴.

Следовательно, возможен и такой путь осуществления социалистической революции. Октябрьская революция показала, при каких условиях этот путь бывает закрыт и вместе с тем какие условия классовой борьбы открывают мирный путь.

Еще в 1899 г. Ленин сформулировал следующее программное положение марксизма-ленинизма: «Рабочий класс предпочел бы, конечно, *мирно* взять в свои руки власть (мы уже сказали раньше, что этот захват власти может быть произведен только организованным рабочим классом, прошедшим школу классовой борьбы), но *отказываться* от революционного захвата власти было бы со стороны пролетариата, и с теоретической и с практической-политической точки зрения, *безрассудством* и означало бы лишь позорную уступку перед буржуазией и всемирными классами. Очень вероятно — даже наиболее вероятно, — что буржуазия не сделает мирной уступки пролетариату, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насилием. Тогда рабочему классу не останется другого пути для осуществления своей цели, кроме революции. Вот почему программа «рабочего социализма» и говорит вообще о завоевании политической власти, *не определяя* способа этого завоевания, ибо выбор этого способа зависит от будущего, которое с точностью мы определить не можем»¹⁵.

Этой точке зрения Ленин оставался верен всю свою жизнь, эта точка зрения была принята партией большевиков, которая ею руководствовалась при проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Закрыть для буржуазии путь насилия тогда не удалось из-за той позиции, которую заняли партии меньшевиков и эсеров, убежденные, что время социализма еще не пришло, а «большевистский эксперимент», как они говорили, крайне быстро закончится провалом. Они предпочли тактику соглашения с буржуазией против социалистической революции. Этот урок Октября был повторен не раз в революционной борьбе рабочего класса последующих лет. Он и сейчас в центре внимания коммунистических партий буржуазных стран, кото-

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 215.

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 264.

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 223.

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 266.

рые борются за единство рабочего класса, за освобождение мелкобуржуазных слоев от влияния монополий, за создание единого антимонополистического потока во главе с рабочим классом.

На основе опыта Октябрьской революции и предшествующих революционных движений Ленин сформулировал положение, имеющее мировое значение; он назвал этот вывод основным законом революции: «...для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда *«низы» не хотят старого* и когда *«верхи» не могут по-старому*, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса»¹⁶. Это и есть острое политическое выражение конфликта между производительными силами и производственными отношениями, которые не дают простора для развития общественной жизни, сковывают ее. Глубочайшие противоречия, присущие империализму, выливаются в форму сильнейших политических кризисов, охватывающих те или иные страны.

Октябрьская революция произошла в условиях политического кризиса, вызванного первой империалистической войной. Ленин указывал важную общую черту этого кризиса: «Все правительства живут на вулкане, все апеллируют *сами к самостоятельности* и героизму масс»¹⁷. Ленин подчеркивал значение активности масс, «в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими *«верхами»*, к самостоятельному историческому выступлению»¹⁸.

Конечно, такую роль войны играют при условии существования массовых армий. Отсюда давняя мечта империалистов избежать, насколько это возможно, вооружения народных масс, добиться этого с помощью применения в военном деле самых могучих достижений техники. Эта мечта особенно стала распространенной среди империалистов после первой мировой войны, после Октябрьской революции.

Итак, первая мировая война вызвала глубокий политический кризис, она подорвала господство капиталистов и помещиков в России, она содействовала революции. Капиталисты и помещики, развязавшие войну, сгорели в ее пламени. Ленин вспоминал мысль Энгельса о том, что европейская война «поведет за собой неслыханное озверение, одичание и отсталость

всей Европы, а вместе с тем война повлечет за собой либо господство рабочего класса, либо создание условий, делающих это господство необходимым». Но вместе с тем Ленин подчеркивал, что «если история пойдет таким путем, то это приведет к краху капитализма, к расширению социализма, то более мучительного, более тяжелого перехода, более острой нужды и более крутого кризиса, подрывающего все производительные силы, нельзя будет себе и представить»¹⁹. История в 1917 г. пошла этим тяжелым путем. Опыт Октябрьской революции учит тому, чтобы по возможности искать менее мучительный переход к социализму, избежать острой нужды масс, подрыва всех производительных сил. В результате такого подрыва выполнение главной задачи социалистической революции — строительства нового общества крайне затрудняется. С чего пришлось начать Советской России? «Перед нами, — говорил Ленин, — сейчас стоит самая элементарная задача всего человеческого общества — победить голод...»²⁰

Уже после Октябрьской революции, когда подходила к концу первая мировая война, Ленин, характеризуя ее особенно, писал, что в «первый раз в истории самые могучие завоевания техники применяются в таком масштабе, так разрушительно и с такой энергией к массовому истреблению миллионов человеческих жизней»²¹. Таково основное свойство мировых войн в истории общества. Причем главным образом война с безжалостной силой бьет по трудящимся, истребляя миллионы людей. Страшная разрушительная сила мировых войн возрастает, ибо используются для этого самые могучие завоевания техники.

Каково влияние таких войн на развитие общества? Отвечая на этот вопрос, Ленин говорил о социалистической традиции отношения к войне: «Уже за много лет до войны социалисты всех стран указывали и торжественно заявляли на своих конгрессах, что война между передовыми странами будет не только величайшим преступлением, что эта война из-за дележа колоний, из-за дележа добычи капиталистов будет не только полным разрывом с приобретениями новейшей цивилизации и культуры, что она может повести, — и что она неминуемо поведет, — к подрыву самих условий существования человеческого общества»²².

Конечно, опыт Октябрьской революции показывает, что если история все же поворачивает на этот мучительный путь, то трудящиеся поднимаются против строя, который порождает войны. «Если же империалистические безумцы развяжут вой-

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 69—70.

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 219.

¹⁸ Там же, стр. 218.

¹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 397.

²⁰ Там же, стр. 399.

²¹ Там же, стр. 396.

²² Там же.

ну, народы сметут и похоронят капитализм», — говорится в Заявлении совещания 1960 г. представителей коммунистических и рабочих партий. Но народам придется начинать новую жизнь с разрешения элементарных задач человеческого общежития, борьбы с голодом, нищетой, тягчайшими болезнями. Вот почему коммунисты борются за то, чтобы история не свернула на этот мучительнейший путь для человечества — путь мировой войны. Когда польский журналист Майкосен в связи с имевшими хождение взглядами о том, что война «ускорит» революцию, обратился к В. И. Ленину с вопросом, хочет ли он военного конфликта в Европе, Ленин ответил: «Нет, я не хочу его... Я делаю все и буду делать до конца, что будет в моих силах, чтобы препятствовать мобилизации и войне. Я не хочу, чтобы миллионы пролетариев должны были истреблять друг друга, расплачиваясь за безумие капитализма. В отношении этого не может быть недопонимания. Объективно предвидеть войну, стремиться в случае развязывания этого бедствия использовать его как можно лучше — это одно. Хотеть войны и работать для нее — это нечто совершенно иное»²³.

Нечего и говорить, что, анализируя опыт Октябрьской революции и предшествующей истории, Ленин никогда не отождествлял революционную ситуацию с войной. И в годы войны Ленин писал: «Социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, но и из-за любого политического кризиса вроде дела Дрейфуса или цабернского инцидента, или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенной нации и т. п.»²⁴. Империализм чреват политическими кризисами, особое значение в этих условиях приобретает субъективный фактор — готовность рабочего класса и его партии к самостоятельной исторической деятельности, возможность сплотить вокруг рабочего класса все демократические силы, все слои трудящихся.

Октябрьская революция доказала марксистско-ленинское положение, гласящее, что руководящей силой социалистической революции является организованный, прошедший школу классовый рабочий класс. Его политическая организация — марксистско-ленинская партия. Форма его руководства обществом после победы — диктатура пролетариата. Почему это условие является исторически необходимым?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, укажем на некоторые важные черты социалистической революции, установленные марксизмом-ленинизмом и подтвержденные великим соци-

альным переворотом в России. «Социалистическая революция в Европе, — писал Ленин, — не может быть ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия не возможна массовая борьба, не возможна никакая революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но объективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разногласной, пестрой и внешне нераздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме неоспроверженную буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков»²⁵.

Социалистическая революция — организованный процесс, хотя некоторые слои населения и участвуют в нем стихийно. Но стихийно прочной победы над властью эксплуататоров добиться нельзя, как нельзя стихийно строить и новое общество. Необходима руководящая роль рабочего класса в революции, который сознательно выражает объективную истину всего процесса, антикапиталистическую направленность усилий других слоев трудящихся, в том числе и зараженных предрассудками и даже реакционными фантазиями и иллюзиями.

Но для того чтобы рабочий класс мог выполнить эту роль в революции, он сам должен быть организован. Такой организацией является политическая партия пролетариата, координирующая усилия всех его отрядов, обобщающая революционный опыт и распространяющая его, стимулирующая инициативу масс и направляющая ее к разрешению важнейшей реальной задачи, которая назрела. Такая партия должна быть вооружена марксистско-ленинской теорией, ибо без научного анализа социального процесса не только нельзя сознательно участвовать в политической жизни, но и тем более руководить массами, выделять ближайшие задачи и видеть их связь с конечными целями борьбы. Тот, кто видит только ближайшие задачи или только конечные цели, неизбежно дезориентирован в действительном многообразном потоке жизни. «Ум, честь и совесть нашей эпохи» — так назвал партию коммунистов Ленин. Таковой и должна быть партия, руководящая социалистической революцией. Этому учит опыт Октября.

Сказанное отнюдь не означает, что опыт Октябрьской социалистической революции исключает многопартийность. В нояб-

²³ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966, стр. 439.

²⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 255.

²⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 54—55.

ставных частей. Если буржуазная историография и ставит вопрос о влиянии Октябрьской революции на освободительное движение, то, подчиняясь своим идеалистическим, волюнтаристским концепциям, она сводит все дело к некоей «злой воле», к «экспорту революции», к злой деятельности «руки Москвы». На самом деле такие великие исторические события, как Октябрьская революция, имеют мировое значение в первую очередь потому, что они собирают как в фокусе самые передовые тенденции эпохи, проявляют их с наибольшей остротой и четкостью, демонстрируют наиболее ярко крутые исторические повороты, являются началом этих поворотов во всемирном масштабе.

Таким образом, влияние Великой Октябрьской социалистической революции — важная сторона исторического процесса, ее воздействие на развитие освободительного движения объективно обосновано, ибо события в России показали правильность марксистско-ленинского положения о том, что в целом общество созрело для социалистической революции. Сознательное воздействие трудящихся на исторические условия в значительной мере зависит в последующий период от того, насколько правильно и глубоко ими усвоен опыт первой победоносной пролетарской революции.

Ленин в развитии революционного процесса огромное значение придавал силе примера. Он писал, в частности: «Мы должны, доказавши, что революционной организацией мы в состоянии дать отпор насилию по отношению к эксплуатируемым, то же самое доказать в другой области, создавши такой пример, который бы не убеждал словами, а показывал на деле всей громадной массе крестьян и мелкобуржуазным элементам, и остальным странам, что коммунистический строй, уклад, может быть создан пролетариатом, победившим в войне. Эта задача имеет всемирное значение»³⁰. Пример создания новой социальной, политической и экономической организации, которая способна дать отпор насилию со стороны эксплуататоров и породить новый уклад общественной жизни, — этот пример может быть освоен только творчески, ибо абсолютно идентичных конкретных условий в истории не бывает. Отсюда ясно, что в обществе, которое имеет намерение использовать опыт Октябрьской революции, в первую очередь должны быть силы, способные творчески усвоить и применить его. История учит, что эти силы — марксистско-ленинские партии. Таким образом, влияние Октябрьской революции на мировой процесс нельзя сводить к однократному механическому воздействию подобно взрыву, который воздушной волной производит изменения в окружающей обстановке. Воздействие ее есть в первую очередь творческое освоение ее опыта, претворяемого в действия масс, а также

проявление в новых условиях тех или иных закономерностей революционного процесса, которые продемонстрировала Октябрьская революция.

Есть некоторые теоретики, которые уверяют, будто Октябрьская революция дала одну «модель» революции, последующие революции изготовили другие «модели» и т. д. Такое моделирование освободительного процесса не является научным. Каждая революция есть проявление некоторых общих закономерностей и некоторых особенных, ей присущих черт. Именно эти общие закономерности в их конкретном проявлении стремится вскрыть марксистско-ленинская теория. И так как социалистическая революция не есть стихийный, бессознательный процесс, то знание этих закономерностей облегчает действия масс, делает их более эффективными.

Для того чтобы дать полный ответ на вопрос о международном значении Великой Октябрьской революции, оперируя полновесным опытом мирового развития, нужен гигантский труд, вековым опытом мирового развития, нужен поколения ученых. Ведь который подытожил бы достижения поколения ученых. Ленин горько идет о важнейшем периоде всемирной истории. Ленин говорил: «Об уничтожении «сразу» всей и всякой эксплуатации давно уже, много веков, даже много тысячелетий мечтает человечество. Но эти мечтания оставались мечтаниями до тех пор, пока миллионы эксплуатируемых не стали объединяться во всем мире для выдержанной, стойкой, всесторонней борьбы за изменение капиталистического общества в направлении собственного развития этого общества. Социалистические мечтания превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда научный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса. Вне классовой борьбы социализм есть пустая фраза или наивное мечтание»³¹.

В. И. Ленин признавал «не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение Октябрьской революции»³². Свою работу 1920 г. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин открыл главой, имеющей следующее название: «В каком смысле можно говорить о международном значении русской революции?» В этой главе он писал о международном значении нашей революции в более узком и в более широком смысле слова. В широком смысле он понимал это так: «...не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение в смысле воздействия ее на все страны»³³. В более узком смысле, говорил Ленин, «...понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения

³⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 29.

³¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 45.

³² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 3.

³³ Там же.

в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции»³⁴. «Опыт доказал, — повторял Ленин, — что в некоторых весьма существенных вопросах пролетарской революции *всем* странам неизбежно предстоит проделать то, что проделала Россия»³⁵.

Если говорить в широком смысле о международном значении ноябрьских событий 1917 г. в России, то они ознаменовали революционный подъем во всем мире и пробудили огромную социальную энергию масс. Влияние первой пролетарской революции проявилось в характере, остроте и глубине развивающихся конфликтов, в новых политических очертаниях классовой борьбы.

Буржуазный мир был потрясен, когда вслед за Россией стали возникать Советы рабочих и солдатских депутатов в Германии — крупнейшей по тому времени стране капитала. Возникновение такой новой политической организации рабочего класса и других слоев трудящихся в этой стране было новым грозным предзнаменованием для мировой буржуазии.

Между тем газета «Форвертс» — орган германских социал-демократов — постоянно предостерегала массы от пагубности подражания «русскому примеру», все силы социал-демократических теоретиков во главе с Каутским были мобилизованы для того, чтобы порочить большевизм, предрекая ему неизбежное и близкое поражение. Однако лозунги Великой Октябрьской революции все же проникали в сознание масс, совершали революционизирующие действия в умах. 3 ноября 1918 г. началось восстание матросов в Киле, через несколько дней революция захватила Гамбург, Бремен, Любек, затем Лейпциг. Штутгарт, Мюнхен, 9 ноября волны ее затопили улицы Берлина. Но творчески освоить и развить в новых условиях опыт Октября оказалось невозможным.

На исход высоко поднимающейся революционной борьбы самое отрицательное влияние оказал тот факт, что в Германии чрезвычайно слабой была марксистско-ленинская партия. Спартаковцы — революционная группа, возглавляемая К. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, — были еще малочисленны, их связь с массами была явно недостаточна. В декабре 1918 г. спартаковская группа оформилась в коммунистическую партию, но и тогда, например, в ее берлинской организации состояло всего три сотни человек. В сознании масс еще не произошло полного разрыва с идеологией социал-демократизма, массы еще шли за правыми социал-демократами и центристами, которые распространяли иллюзии реформизма, парламентаризма, а уча-

стие социал-демократов в правительстве буржуазного государства выдавали за победу «социалистической революции». Буржуазно-демократические иллюзии задушили ее.

По оценке историков, это было самое большое после Крестьянской войны XVI в. массовое революционное движение в Германии. И однако, это движение оказалось в состоянии лишь свергнуть монархию, осуществить буржуазно-демократическую революцию, не доведенную все же до конца. У пробудившегося рабочего класса Германии не хватило организованной силы, чтобы успешно пройти трудный путь от «февраля к октябрю». «Хотя в результате захвата местными Советами власти старый государственный аппарат был временно парализован, однако он не был разбит, — писал тов. В. Пик, президент Германской Демократической Республики. — В то время как немецкие империалисты дрожали за судьбу своих заводов, банков и магазинов. Советы рабочих и солдатских депутатов медлили с захватом всей полноты власти в свои руки»³⁶. Социал-демократам удалось направить революцию по другому руслу. Возникает, однако, вопрос: что же создание Советов рабочих и солдатских депутатов, проявление революционного творчества масс было лишь эпизодом в истории Германии? Нет. Октябрьская революция в России открыла новую историческую эпоху, революция 1918 г. в Германии была началом процесса, а не концом.

Понадобились годы тяжелых испытаний и поражений, героическая антифашистская борьба, разгром гитлеровской государственной и военной машины, объединение передовых демократических сил, возглавляемых авангардом рабочего класса — коммунистической партией, и тогда объективная тенденция общественного развития, проявившаяся уже в 1918 г., восторжествовала: на территории Германии возникло первое в ее истории государство рабочих и крестьян — Германская Демократическая Республика.

Новая эпоха сказалась и в пробуждении революционной активности рабочего класса в Австро-Венгерской империи. И в Австро-Венгрии стали возникать Советы, и она стала ареной мощных политических атак рабочего класса. В начале февраля 1918 г. забастовали рабочие арсенала Катарро, затем вспыхнуло восстание в военном флоте, с февраля выступления следовали одно за другим. В конце октября рабочие и солдаты демонстрировали в Вене, срывали императорские гербы, снимали погоны с офицеров. Габсбургская монархия пала. Но Советы — органы революции — возглавили социал-демократы. Они пугали массы «опасностью» углубления революции, призывали к умеренности. В правительство австрийской буржуазной рес-

³⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 3.

³⁵ Там же, стр. 13.

³⁶ «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. I. М., 1958, стр. 267.

публики вошли социал-демократы, в том числе и лейб-теоретик австромарксизма Отто Бауэр. Эти теоретики постоянно говорили о «социализации» промышленности, понимая под этим смешанное управление предприятиями со стороны капиталистов, «потребителей» и представителей государства. Основы буржуазного строя оказались нетронутыми, социал-демократическое правительство лишь «украшало» фасад. Прошло почти два десятилетия, пока в 1936 г. Отто Бауэр признался, что социал-демократическое правительство, появлявшееся у власти во многих странах, «могло добиваться некоторых уступок у капиталистов... но оно ни в одной стране не могло посягнуть на сами капиталистические отношения собственности, на самую основу капиталистического способа производства. Там, где буржуазия видит угрозу капиталистическим отношениям собственности, там она отказывается от демократии и ищет спасения в фашистской диктатуре!»³⁷ Отто Бауэр признал тогда, что путь к демократии, свободной от господства капитала, «лежит через диктатуру пролетариата, то есть через власть пролетариата, которая, какие бы формы она ни принимала, должна быть достаточно прочной и сильной для того, чтобы осуществить преобразование капиталистического общественного строя в строй социалистический»³⁸.

Секретарь ЦК Австрийской коммунистической партии тов. Фюрнберг по поводу таких признаний говорит: «Если бы реформисты и ревизионисты признали это в первый период австрийской революции, вместо того, чтобы бороться против этого, то рабочий класс и народ Австрии могли бы избежать нужды и тяжелых страданий»³⁹. Тогда могучая историческая тенденция общественного развития, воплощенная Октябрьской революцией, победила бы и в Германии и в Австрии. Увы, многие лидеры социал-демократии и по сей день далеки от признания этой истины. После Октябрьской революции борьба между социал-реформизмом и научным коммунизмом обострилась, и никогда еще социал-реформистские пути так не сковывали бурного социального прогресса, как в годы после победы социалистической революции в России.

Идеи Октябрьской революции, ее призывы широко распространялись среди трудящихся Чехии, Словакии, Венгрии и других народов, включенных в Австро-Венгерскую империю. Здесь на первый план выдвинулись задачи создания национальных государств на территории «лоскутной», как тогда говорили, Австро-Венгерской монархии. Октябрьская социалистическая

революция, ниспровергая власть буржуазии и помещиков на территории России, разрешала задачу создания национальной государственности угнетенных царизмом народов. Иначе развивались события в Австро-Венгрии, ибо такой могучей силы не было у рабочего класса, боровшегося на территории этой монархии. Социал-реформисты ряда стран утверждали, что социальные требования трудящихся сами собой неизбежно будут удовлетворены, как только образуется новое независимое государство.

У коммунистов еще не было достаточного опыта и сил для того, чтобы, опираясь на уроки Октября, противопоставить социал-реформистской «программе» свою линию национального и социального освобождения.

Конечно, в политической жизни молодой Чехословакии Советы рабочих депутатов, особенно в г. Кладно, играли заметную роль в 1919 г., наглядно демонстрируя пробудившуюся мощь рабочего класса на всей территории бывшей Австро-Венгерской империи. Однако взять в свои руки судьбу возникших государств рабочий класс еще не смог. Коммунистические партии еще только возникали, марксистско-ленинский авангард пролетариата находился в стадии формирования. И все же начало тому процессу, который впоследствии привел рабочий класс Чехословакии к власти, было положено.

Летом 1920 г. революционное движение в Чехословакии, развернувшееся под влиянием Октябрьской революции, достигло широкого размаха. У власти тогда находилось правительство социал-демократа Тусара. Буржуазия добилась замены этого правительства так называемым правительством чиновников, которое должно было осуществить важные меры по подавлению рабочего движения. Такой маневр удался, чехословацкая буржуазия на долгие годы удержалась в седле. Но повторение этого маневра через 28 лет, в февральские дни 1948 г., уже не могло удасться. «Наши противники, — подчеркивал тов. Готвальд, — не хотели верить, когда мы им все время говорили, что 1948 год — это не 1920 год, что КПЧ — не старая довоенная социал-демократическая партия...»⁴⁰ Рабочий класс с тех пор прошел большой путь и накопил немалый опыт политической борьбы для того, чтобы победить.

Дальше других в 1919 г. продвинулись венгерские рабочие. 21 марта 1919 г. будапештский Совет рабочих депутатов провозгласил Венгрию Советской Республикой. Венгерская буржуазия не смогла своевременно помешать осуществлению этого революционного акта. В своем письме венгерским рабочим Ленин подчеркнул своеобразный характер пролетарской революции в Венгрии, где имели место «добровольная отставка буржуазного

³⁷ «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. 2. М., 1958, стр. 28.

³⁸ Там же, стр. 29.

³⁹ Там же, стр. 28.

⁴⁰ Клемент Готвальд. Избранные произведения, т. 2. М., 1957, стр. 250.

правительства, моментальное восстановление единства рабочего класса, единства социализма на коммунистической программе»⁴¹. Однако правые социал-демократы и центристы сохраняли сильные позиции в партийном аппарате, в правительственных органах, в руководстве профсоюзов. Это дало отрицательные результаты в суровой обстановке иностранной интервенции и оострения классовой борьбы.

Настроения мировой буржуазии после провозглашения Венгерской Советской Республики выразил представитель президента США в Европе полковник Хауз, который записал в своем дневнике: «...22 марта... Большевизм повсюду завоевывает новые позиции... Мы сидим на пороховом погребке...»⁴². И полковник Хауз не был далек от истины, характеризуя международную обстановку через полтора года после Октября.

16 апреля началась открытая интервенция империалистов Антанты против Венгерской Советской Республики. Рабочие Венгрии ответили созданием Красной армии, которая в труднейших условиях повела бои против интервентов. Летом представители Англии, Франции, Италии и США, собравшиеся на Парижской мирной конференции, потребовали прекращения наступления венгерской Красной армии и отвода ее за демаркационную линию. В случае невыполнения этого условия Антанта грозила посылкой новых войск, усилением интервенции. Реформистам удалось на I съезде Советов Венгерской республики 19 июля 1919 г. проташить принятие этого ультиматума без каких-либо гарантий. Революция отступила, а контрреволюция начала свое наступление против власти трудящихся. Реакция пустила в ход измену, вооруженные мятежи, заговоры. Молодой пролетарской власти был допущен ряд ошибок. Подрывная деятельность реакции против устоев пролетарской власти в конце концов расчистила путь для установления террористической военной диктатуры в стране. Но 133 дня существования Советской республики в Венгрии были событием огромной исторической важности, они свидетельствовали о многом. «Венгерская Советская Республика доказала, что завоевание власти и установление диктатуры пролетариата является не просто «русской спецификой», а всеобщим требованием ликвидации капитализма и утверждения социалистического строя»⁴³, — гласят тезисы ЦК Венгерской социалистической рабочей партии к сорокалетию со дня основания Коммунистической партии Венгрии.

Для истории самой Венгрии эти 133 дня значили коренной перелом. Тов. Янош Кадар пишет: «Венгерская контрреволюция в 1919 г. с помощью империалистической интервенции утопила

в крови Советскую республику. Однако пролетарская диктатура наложила свой отпечаток на классовые бои контрреволюционного периода между двумя мировыми войнами; над всеми действиями эксплуататорских классов тяготел страх перед новой пролетарской революцией, а революционное рабочее движение черпало уверенность и силы из примера Советской республики»⁴⁴.

Венгрия показала наиболее высокий уровень политической борьбы рабочего класса за пределами Советской России. Но и в Болгарии подъем революционного движения рабочего класса и других слоев трудящихся значительно изменил политическую жизнь страны. Главным проводником идей Великой Октябрьской революции были болгарские «тесные» социалисты, которые на своем съезде в 1919 г. основали Болгарскую коммунистическую партию. Политика реакционной буржуазии определялась ее страхом перед Октябрьской революцией.

В августе 1919 г. впервые после войны состоялись выборы в Народное собрание Болгарии; коммунисты получили тогда 120 тысяч голосов и 47 депутатских мандатов, а крестьянская партия Земледельческий союз — 198 тысяч голосов и 85 мандатов, все буржуазные партии, вместе взятые, собрали лишь около 1/3 голосов. Это были внушительные предпосылки решающей победы, но еще не сама победа, демократические силы не были объединены, враги использовали их разобщенность. Реакции удалось на долгие годы оборвать поступательный процесс освободительного движения. В 1923 г. зверскими репрессиями было спровоцировано сентябрьское восстание, разрозненные отряды трудящихся были разбиты. Буржуазно-помещичьи круги создали систему террора, демагогии и всяческого подавления масс, получившую название фашизма. Но это было лишь временное торжество реакции. Примерно через два — два с половиной десятилетия от фашистской диктатуры на болгарской земле не осталось и следа, возникла народная Болгария.

Социалистическая революция в России нашла мощный отклик и в Югославии. Молодая буржуазия, дорвавшаяся до власти, стремилась к безудержному обогащению, прибегая к самой жестокой эксплуатации рабочих. Тяжелое положение народных масс усугублялось страшным обнищанием страны, вызванным войной. Все это явилось благоприятной почвой для расширения революционного движения. В 1919 — 1920 гг. была создана Коммунистическая партия Югославии (одна из крупнейших в Европе), которая имела в конституционном парламенте 58 депутатов. «Страх перед растущим рабочим движением, — писал тов. Йосип Броз Тито, — особенно перед авангардом рабочего класса — Коммунистической партией Югославии, — заставил буржуазию

⁴¹ Я. Кадар. Из опыта классовой борьбы в Венгрии. — «Проблемы мира и социализма», 1959, № 2, стр. 12.

⁴² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 385.

⁴³ «Всемирная история», т. VIII. М., 1961, стр. 164.

⁴⁴ Там же, стр. 170.

во главе с монархией принять самые решительные меры»⁴⁵. В 1921 г. коммунистическая партия была запрещена, ее депутатские мандаты аннулированы и борьба рабочего класса против эксплуататоров была поставлена вне закона. Казалось, что с революционным движением покончено, что 1919 год лишь случайный эпизод. На самом деле сравнительно недолгим историческим эпизодом было господство буржуазии, гибель буржуазно-помещичьего строя в Югославии была отсрочена, но не отменена. Об этом свидетельствует последующая история страны.

Итак, Октябрьская революция с самого начала предстала как явление, имеющее мировое значение. Она не замкнулась в одной стране. Имелись предпосылки для того, чтобы после Октябрьской революции несколько стран вступило на социалистический путь развития. Этих предпосылок, однако, оказалось тогда недостаточно, чтобы революция восторжествовала и подавила противоположные, реакционные тенденции. Коммунисты боролись за то, чтобы социализм уже тогда вышел за пределы одной страны и стал мировой системой. Но, за исключением партии Ленина, нигде еще не было столь опытной, сильной коммунистической партии, которая могла бы повести за собой рабочий класс и другие слои трудящихся на штурм капитализма. В ряде стран сильны были реформистские социал-демократические иллюзии, это ослабляло сознательность, волю, организационную силу масс, мешало добиться победы. Буржуазия и ее подголоски кричали, что «советский эксперимент» обречен на провал и недолго ждать его конца. Этим она дезориентировала массы трудящихся. По сравнению с силами мирового империализма силы социализма были тогда слабее. Советская Россия в борьбе с врагами еще только накапливала и наращивала свои потенциалы. Мировая реакция могла сравнительно легко двинуть отряды интервенции, вооруженной до зубов, против революции, которая еще только вооружалась. Нужно было значительное ослабление империализма и рост мощи социализма, чтобы возможность создания мировой социалистической системы была превращена в историческую реальность.

Империалистической буржуазии в союзе с помещиками не удалось остановить закономерный процесс общественного развития, уничтожить объективную историческую тенденцию. И вот уже более 20 лет существуют социалистическая Чехословакия, социалистическая Болгария, социалистическая Польша, социалистическая Венгрия, социалистическая Румыния, социалистическая Югославия и социалистическая Албания. Революционные события 1918 — 1920 гг. казались реакционным силам этих стран лишь ошибкой, случайным зигзагом на историческом пути.

Кто же оказался прав? Над кем посмеялась история? Зигзагом был период временной победы реакции. Дело, начатое Октябрьской революцией, оказалось неодолимым.

Вместе с тем неправильно было бы ограничивать влияние Октябрьской революции лишь теми странами, которые впоследствии создали мировую систему социализма. Оно проявилось именно в мировом масштабе, сказалось буквально во всех странах. Возьмем Финляндию. Там под непосредственным влиянием Октябрьской революции прокатилась мощная волна стачек. В январе 1918 г. вспыхнуло вооруженное столкновение пролетариата с буржуазией, началась революция. Она победила в южной части страны, где установилась власть рабочего класса, просуществовавшая три месяца. Революционное правительство опубликовало «Проект конституции Финляндии», который, как отмечает тов. Вилле Песси, «был в условиях того времени очень демократическим и во многих чертах соответствовал утвердившемуся в странах народной демократии в начальный период государственному строю и его классовому содержанию»⁴⁶. Этот факт имеет большое историческое значение. Он показывает, как в огне классовых боев творчество масс рождало новые формы революционной власти — Советы и элементы народно-демократической власти.

Однако революционные бои в Финляндии окончились поражением рабочего класса, зародыши народно-демократической власти тогда не развились. Финская буржуазия смогла опереться на вооруженную помощь германского милитаризма. С другой стороны, как указывает тов. Вилле Песси, социал-демократическая партия, руководившая движением, «не сумела подняться на гребень волны классовой борьбы ни в период ноябрьской всеобщей забастовки, ни в огненные дни гражданской войны 1918 г. У нее и одновременно у рабочего класса в целом отсутствовали необходимая уверенность в победе и искусство ее достижения, отсутствовало глубокое знание марксистско-ленинской теории, которое помогло партии большевиков добиться победы Октябрьской социалистической революции»⁴⁷.

Если проследить за опытом создания народно-демократической власти на протяжении ряда лет, то окажется, что идеи, изложенные в «Проекте конституции Финляндии», в 30-х годах пыталась претворить в жизнь революционная Испания, а в 40-х годах они получили развитие и завершение в странах народной демократии. В истории революционного движения есть свой «закон сохранения энергии»: идеи, отвечающие назревшим потребностям общественного развития, не гибнут, они жи-

⁴⁵ «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. I, стр. 566.

⁴⁶ «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. 2, стр. 487.

⁴⁷ Там же, стр. 487—488.

вуют, пробиваясь вновь и вновь, а затем побеждают. В разных условиях по-разному проявилось возросшее значение классовых битв пролетариата, повсеместно они вели к политическим и социальным изменениям в буржуазном обществе.

Все это показывало многообразие форм и широту революционного процесса, пробужденного Октябрьской социалистической революцией и охватившего весь мир. Вот некоторые примеры. В 1914 г. профсоюзы Бельгии не насчитывали и 200 тысяч членов, а в 1920 г. в них состояло 614 тысяч человек. «Это, — пишет тов. Э. Бюрнелль, — дает ясное представление об изменениях, происшедших в сознании рабочего класса, и о его готовности к активной борьбе. В результате этого рабочему классу удалось вырвать у буржуазии всеобщее избирательное право, на что она в течение 40 лет упорно не соглашалась, несмотря на многочисленные кровавые битвы, добиться закона о 8-часовом рабочем дне, а также отмены исключительных законов, ущемлявших свободу организации и деятельности рабочего класса»⁴⁸.

Один из видных деятелей международного коммунистического движения и Французской коммунистической партии — тов. Морис Торез — так характеризовал воздействие Октябрьской революции на рабочий класс Франции: «Я страстно искал возможности узнать, что там произошло, я пожирал газеты, журналы, брошюры и, увы, никогда не находил того, что желал, ибо правительство, буржуазия, газеты из всех сил вели борьбу при помощи клеветы и лжи против режима, который родился. Однако эти кампании лжи и клеветы не производили ощутимого воздействия на рабочих. Они смутно чувствовали, в том числе и наименее сознательные среди них, что то, что построено в России, — это их республика, что дело, за которое прекрасно сражаются и умирают русские коммунисты, — это их дело, дело рабочих всех стран». Такая сначала смутная уверенность переходила затем в глубокую сознательную веру, и влияние Октябрьской революции все углублялось и ширилось, принимая различные формы.

В конце 1920 г. во Франции возникла коммунистическая партия. Буржуазные политические течения и реформизм встретились с организованным противником — революционной, марксистско-ленинской партией, силы и влияние которой в массах росли и множились. История Франции значительно изменилась.

На высоком гребне революционного движения рабочего класса возникла и Итальянская коммунистическая партия. Весь 1920 год был заполнен в Италии выступлениями рабочих и крестьян. Рабочие захватывали фабрики и заводы, создавали фабрично-заводские комитеты, формировались отряды красной

гвардии. Крестьяне в ряде районов захватывали землю. Еще в начале 1919 г. Ленин говорил: «...итальянские массы за нас, итальянские массы поняли, что такое русские «советисты»...»⁴⁹ Дело шло к борьбе трудящихся за государственную власть. Однако массы еще находились под влиянием социалистической партии, многие лидеры которой твердили, что «русский опыт» к Италии неприменим, интервенция и блокада все равно задушат революцию в Италии. Но напряженная борьба выковала авангард рабочего класса, партию коммунистов во главе с А. Грамши и П. Тольятти, которые еще в 1919 г. в Турине создали социалистическую группу, выпускавшую газету «Ордине Нуово» (Новый порядок). В 1921 г. в Италии возникла коммунистическая партия. Для последующего ее развития и укрепления огромное значение имело формирование руководящей группы партии в 1923 — 1924 гг. Тов. Тольятти писал об этом: «Коммунистической партии не удалось бы обрести то лицо, ту силу и тот авторитет, которыми она сейчас обладает, или ей удалось бы сделать это с гораздо большими трудностями и идя по гораздо более извилистому пути, если бы начиная с 1924 года во главе ее не стояла группа коммунистов, сделавшая, по сравнению с предыдущим руководством, действительно качественный прогресс как в способности понимать объективную национальную и международную обстановку, так и в умении приводить в соответствие с ней не только пропаганду и агитацию, но и политическую деятельность»⁵⁰.

Эта группа окончательно завоевала большинство партии лишь в 1926 г., когда фашизм уже четвертый год подавлял демократическую Италию. А до возрождения Италии, до бурного движения Сопротивления во главе с коммунистами оставалось еще свыше десятка лет. Пока реакция торжествовала. «Все, что было в стране независимого, свободного, честного, чистого, втапывалось в грязь, заливалось потоками крови, — говорит тов. Тольятти. — И в довершение всех этих бедствий и этого позора, в увенчание всей этой цепи преступлений и насилия страна выдана на произвол хамского чужеземного, германского господства, третирующего Италию как раба, как вассала!»⁵¹ Муссолини и его приспешникам казалось, что деятельность А. Грамши или П. Тольятти в годы после Октябрьской революции ничего не значит в новейшей истории Италии. Временным оказалось господство итальянского фашизма, страшное и кровавое. И на примере этой страны империалистическая реакция смогла убедиться, что пробудились великие демократические силы во главе с рабочим классом и его авангардом — коммуниста-

⁴⁸ «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. 2, стр. 71.

⁴⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 518.

⁵⁰ Пальмиро Тольятти. Избранные статьи и речи, т. 1. М., 1965, стр. 7.

⁵¹ Там же, стр. 215.

ми, что борьбу этих сил нельзя ликвидировать, невозможно свести на нет. Эта борьба и сегодня определяет в основном и главном историю Италии.

Во всех капиталистических странах заметно было полевание рабочих масс, изменение в характере их борьбы и требований под влиянием Октябрьской революции. Это стало важной чертой общественной жизни послевоенного периода. Наблюдатели тех лет отмечали, что социальный энтузиазм начинает наполнять души рабочих и создает новые формы их борьбы.

Ветеран английского рабочего движения тов. У. Галлахер вспоминал: «Какой революционный подъем охватил Клайд, когда мы узнали, что впервые в истории человечества рабочий класс при поддержке солдат и крестьян взял власть в свои руки! Невозможно выразить словами энтузиазм, который овладел рабочими Глазго и всего района Клайда при вести о Великой Октябрьской революции»⁵². В Клайде действовал рабочий комитет, который в дни забастовок каждую неделю созывал собрание уполномоченных рабочих (шопстюардов) для обсуждения положения и планов дальнейшей деятельности. Влияние этого комитета на политическую и социальную жизнь района Клайда было огромно, правительство не раз должно было отступать или вызывать войска, в том числе и танки, для «наведения порядка». Газеты капиталистов даже писали, что «в Глазго вспыхнула революция».

Почему же, спрашивает тов. Галлахер, при наличии такого стремления к революционной борьбе и боевой готовности рабочих мы не добились решающих успехов? Он отвечает на этот вопрос так: «Мы не понимали необходимости существования политической партии с ясной марксистской программой, партии, способной возглавить классовые бои». «Наш комитет состоял из довольно разнородных элементов, и мы не делали попыток выработать ясный, марксистский план действий»⁵³. При всем том руководителям движения казалось, что они в совершенстве постигли «механизм революционной борьбы». На самом деле совершенно неясны были ответы на такие кардинальные для развитых капиталистических стран вопросы, как сочетание мирных и немирных форм борьбы, использование парламентских форм, отношение к лейбористскому движению, работа в профсоюзах и т. д.

Огромный размах в Англии получило движение «Руки прочь от Советской России!» В стране было создано несколько сот комитетов — «советов действия» этого массового движения. Тов. Гарри Поллит вспоминал: «...мы заклеили улицы вокруг

Ост-Индских доков и в прилегающих районах английской столицы листовками «Руки прочь от России!»⁵⁴. Листовки были совсем маленькие. Но в день, когда лондонские докеры отказались грузить на «Джолли Джордж» боеприпасы для отправки в Польшу, где их должны были использовать против России, буквы на этих листовках стали такими большими, что слова прочли во всем мире». Ленин, анализируя деятельность «Комитета действия», подчеркивал, что этот комитет помимо парламента ставит правительству ультиматум от имени рабочих. «Вся английская буржуазная пресса писала, что «Комитет действия» — это есть Советы. И она была права. Это не называлось Советами, но по существу это то же самое»⁵⁵. Однако эти зародыши нового в английском рабочем движении не смогли тогда развиться, расширить и углубить свое влияние на политическую жизнь страны. Разрозненные коммунистические группы не могли придать сознательность и направленность этому движению. Они возникли уже в 1918 — 1919 гг., но объединение их заняло сравнительно большое время, учредительный съезд их состоялся 31 июля — 1 августа 1920 г., Компартия Англии продолжала борьбу за правильную стратегию и тактику партии продолжалась еще более длительный период, и многие страницы работы Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» посвящены этой борьбе.

Но как бы то ни было, Октябрьская революция, подъем рабочего движения отныне на долгие годы определили важные черты политической жизни английского общества. «Идея полного преобразования общества, которая прежде была достоянием лишь немногочисленных социалистических групп, теперь начала овладевать сознанием более широких слоев рабочего движения»⁵⁶. Тактика английской буржуазии в значительной мере диктовалась отныне ее борьбой против реальной или мнимой «угрозы социализма» в Англии, тактика правых лидеров лейборизма — стремлением найти какие-то новейшие формы «буржуазного социализма», т. е. замены социализма, к которому идет общественное развитие.

Эта черта характерна и для общественной жизни США в послеоктябрьский период. Империалисты США всю свою политическую строят на боязни «призрака коммунизма». Коммунистическая партия США, возникшая в сентябре 1919 г., сразу же после своего появления вынуждена была работать в нелегальных или полунелегальных условиях. Но именно она предлагает всегда демократические пути решения назревших в американ-

⁵⁴ Там же, стр. 112.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 327.

⁵⁶ «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. 2, стр. 117.

⁵² «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. 2, стр. 100.

⁵³ Там же, стр. 105, 99.

ском обществе вопросов. Это не может не оказывать своего влияния на настроения прогрессивных слоев общества и не повергать в трепет буржуазию, не вызывать ее постоянного антикоммунистического неистовства. Буржуазия боится, чтобы сильнейшее негритянское движение не прониклось «идеями коммунизма», чтобы демократические антивоенные выступления не повернулись против власти монополий и т. п.

Как же было не страшиться Октябрьской революции, которая доказывала на деле, что она может и умеет разрубить старые и новые гордые узлы социальной жизни человечества! Ведь самая передовая страна капитализма все еще сохраняла уродливые и грубые цепи, оставшиеся от времен невольничьих кораблей, от самых первых шагов капитализма, от кровавого периода первоначального накопления. И здесь было что доламывать из позорных остатков прошлого и вместе с тем разрушать новые тугие узлы острейших противоречий, завязанные периодом империализма. Об этом говорили конфликты между трудом и капиталом в Чикаго, Питсбурге или Детройте.

Яркое, хотя и своеобразное, свидетельство влияния идей Октябрьской революции на общественную жизнь капиталистической Америки принадлежит американскому публицисту Мак Лишу, весьма далекому от коммунизма и социализма. «Американская внешняя политика, — писал в своем памфлете Мак Лиш, — отражала русскую внешнюю политику как в зеркале: что бы ни сделали русские, мы делали противоположное. Американская внутренняя политика проводилась под некоторого рода перевернутым русским вето: не мог быть избран на общественную должность тот, кто сочувственно относился к русским, любое предложение, начиная с плана установления мира и кончая военным бюджетом, могло приобрести силу закона только в том случае, если существовала уверенность, что русским это не понравится... Американское просвещение было русским просвещением наоборот: не дать возможности познакомиться с коммунизмом было основной целью образования, признанной политическими деятелями и печатью; от преподавателя в первую очередь требовалось, чтобы он не был коммунистом сам, не встречался бы с лицами, которые могли быть коммунистами, и никогда не читал бы книг, которые познакомили бы его с коммунизмом»⁵⁷. В этом сатирическом описании много верного, в нем показано, как в главной стране капиталистического мира страх перед коммунизмом сковал разум буржуазии, как он диктует ей основную политическую линию.

«Призрак коммунизма» не только вставал из-за океана с бескрайних просторов советской земли, не только появлялся на

улицах городов Западной Европы, помнившей баррикады 1848 г. и дни Парижской коммуны, он шествовал по колониальным и зависимым странам, угрожая там господству империалистов, его появление было уже очевидным на Латиноамериканском континенте.

Тов. Арисменди, говоря о влиянии Октябрьской революции на крестьянство Латинской Америки, упоминает в первую очередь «борца за аграрную революцию в Мексике Эмилиано Сапата, услышавшего в далеком гуле Октября родной ему лозунг «Земля — крестьянам...»»⁵⁸. Так было не только в Мексике, во всей Латинской Америке; молодой пролетариат, подвергавшийся бесчеловечной эксплуатации, и многомиллионные массы обездоленных, лишенных права на человеческую жизнь крестьян слышали в гуле Октября родные и близкие лозунги. Все отчетливее проступали очертания латиноамериканской революции.

В день первой годовщины Октябрьской революции в Аргентине состоялась демонстрация в поддержку Советской России. В конце 1918 г. аргентинские рабочие уже читали на родном языке первую Конституцию РСФСР и ряд работ Ленина. В январе 1918 г. левые социалисты создали Интернационально-социалистическую партию, окончательное оформление коммунистической партии произошло в декабре 1920 г. Под влиянием растущего рабочего движения даже буржуазные радикалы заговорили о национализации мясохладобойной и нефтяной промышленности, находившейся в руках английских и американских капиталистов. «На основе опыта Октября, — пишет тов. Р. Гиольди — видный деятель Коммунистической партии Аргентины, — впервые стало возможным выяснить также вопросы, связанные с социально-экономической структурой Аргентины, с характером и задачами буржуазно-демократической, аграрной и антиимпериалистической революции в нашей стране. Октябрьская революция показала, какие движущие силы нужны для революции, она указала на значение союза рабочих крестьян и роль гегемонии пролетариата в блоке антиимпериалистических и антиолигархических сил»⁵⁹.

Все говорило об обострении социальных конфликтов и о том, что семена Октябрьской революции повсюду падают на подготовленную почву. Для того чтобы эти семена взошли и дали обильные плоды, однако, нужны были многие условия, и в первую очередь была необходима марксистско-ленинская партия — новая политическая организация рабочего класса. Необходимо было также творческое освоение опыта Октябрьской революции, авангарду рабочего класса требовалось овладение основами

⁵⁷ «Atlantic», August, 1949.

⁵⁸ «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. 2, стр. 445.

⁵⁹ Там же, стр. 61.

марксизма-ленинизма. Этого еще не было. Но первые ростки нового начали пробиваться и на латиноамериканской почве. В марте 1922 г. образовалась Бразильская коммунистическая партия. В том же году возникла Компартия Чили на основе социалистической рабочей партии, занимавшей левые позиции. Гораздо раньше, в сентябре 1919 г., в Мехико собрался съезд представителей марксистских кружков, коммунистических и левых социалистических групп, образовавших Мексиканскую коммунистическую партию. 1919 год был годом социальных потрясений и в Перу, на улицах столицы в дни майских демонстраций и столкновений звучали взволнованные речи о силе коммунистов России, которые сумели повести трудящихся на завоевание государственной власти.

В 20-х годах марксистские, коммунистические группы возникают и на Кубе, которой впоследствии будет принадлежать ведущая роль в революционном процессе Латинской Америки. И разве не волнует нас такой факт, что в день похорон Ленина муниципалитет города Регла расположенного против кубинской столицы, по ту сторону Гаванской бухты, установил день траура и предложил почтить память «великого гражданина мира». Это один из красноречивых показателей роста живейших симпатий народных масс Латинской Америки к идеям социализма, к идеям Великой Октябрьской революции.

Революция в России показала лживость анархистских программ и лозунгов, положила начало постепенному спаду в Латинской Америке анархистского влияния. Но предстояли еще длительные годы борьбы не только с анархистскими традициями, но и с усилившимся в ряде стран Латинской Америки социалреформизмом. Латиноамериканская революция под лозунгом социального и национального освобождения только еще начинала свой трудный путь.

Октябрьская революция оказала могучее влияние на революционное движение народов колониальных и зависимых стран именно потому, что она разбила оковы национального угнетения, показала путь одновременного национального и социального освобождения. Впервые в истории с такой широтой был поставлен в теории и на практике вопрос о реальной возможности одновременного социального и национального освобождения народов, в том числе еще не достигших в своем развитии капиталистической стадии.

В 1920 г. на II конгрессе Коминтерна Ленин говорил: «...можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них си-

стематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей»⁶⁰. Накануне революции, в 1916 г., Ленин писал об отношении европейского социализма к национально-освободительному движению Азии: «Мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться, мы считаем своим долгом и своим интересом сделать это, ибо иначе социализм в Европе будет *непрочен*. Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам «бескорыстную культурную помощь», по прекрасному выражению польских социал-демократов, т. е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии к социализму»⁶¹. Теперь, после победы Октябрьской революции, это теоретическое положение Ленина стало программным практическим требованием коммунистической партии и Советской власти. И на территории бывшей Российской империи это положение было блестяще подтверждено революционным делом. До осуществления его в мировом масштабе было еще далеко, но новые идеи и стремления проникали в сознание трудящихся Востока. В колонизальных и зависимых странах стали возникать коммунистические группы, а затем начали формироваться и коммунистические партии.

Под влиянием Октябрьской революции и при непосредственной помощи рабочего класса Советской России раньше всего пробудилась Монголия. В 1919 г. в Монголии образовались первые революционные кружки во главе с Сухэ-Батором и Чойбалсаном. В 1920 г. сформировалась единая революционная организация, которая впоследствии приняла название Монгольской народной партии. В стране ширилось партизанское движение против иноземных захватчиков и местных угнетателей. В 1921 г. состоялся I съезд Монгольской народной партии, который как программное требование выдвинул очищение страны от иностранных захватчиков, взятие власти народом, уничтожение всякого гнета. Было сформировано народное правительство, установились прочные дружественные связи народной Монголии с Советской Россией.

В 1921 г. был заключен первый договор между народной Монголией и Советской Россией. Советская власть оказывала Монголии разностороннюю братскую помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

«Монгольская народная революция 1921 г., — писал тов. Цеденбал, — привела не к замене господства одной эксплуататор-

⁶³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 245—246.
⁶⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 120.

⁶¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 120.

ской группы господством другой эксплуататорской группы, а к установлению революционно-демократической власти трудового народа. Независимо от своих буржуазно-демократических задач она должна была стать и действительно стала составной частью пролетарской революции с перспективой перерастания в революцию социалистическую»⁶². Монголия начала успешное развитие по некапиталистическому пути к социализму. Ее народная революция стала предвестником многих последующих революций в колониальных и зависимых странах.

Пробуждение народов Азии, о котором Ленин говорил еще до Октябрьской революции, после нее стало превращаться в нарастающий освободительный процесс, который охватил многие страны. От имени великого китайского народа выдающийся революционер-демократ Сунь Ят-сен горячо приветствовал Октябрьскую революцию, отмечая, что она «не только свергла русский империализм, но и нанесла сокрушительный удар по мировому империализму», «в результате чего в лице русской революции родилась новая великая надежда для человечества всего мира»⁶³. Эти слова ярко характеризуют настроения передовых людей Китая.

О подъеме национально-освободительной борьбы в Китае свидетельствует широкое демократическое движение, получившее название «движение 4 мая» 1919 г. В нем участвовали рабочий класс, национальная буржуазия, мелкая городская буржуазия, интеллигенция. Идеи и политическое воздействие Октябрьской революции на развитие этого движения несомненно. Впервые в Китае на арену политической борьбы выступил пролетариат. Участились забастовки политического и экономического характера. Начали возникать первые марксистские кружки, главным образом из представителей интеллигенции. В июле 1921 г. состоялся съезд представителей революционных кружков разных городов Китая, который оформил создание Коммунистической партии. По определению китайских историков, в этих важных событиях сказалось «концентрированное влияние Октябрьской революции на китайскую революцию»⁶⁴.

В Корее начало 1919 г. также принесло усиление революционной борьбы против японских захватчиков, которые угнетали страну, писал В. И. Ленин, «с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских»⁶⁵. Тов. Ким Ир Сен так оценивает влияние Октябрьской революции на Корею: «Октябрьская революция вдохнови-

ла корейский народ, боровшийся против невыносимого национального гнета и эксплуатации, подняла его на всенародное антияпонское восстание 1 марта 1919 года. Первомартовское восстание завершает период буржуазного национального движения и знаменует собой начало нового этапа национально-освободительной борьбы корейского народа под знаменем марксизма-ленинизма с рабочим классом в авангарде»⁶⁶. В Корее начали организовываться марксистские кружки, которые создали основу для возникшей в 1925 г. Коммунистической партии Кореи.

Послевоенное развитие другой великой страны Азии — Индии — характеризуется быстрым ростом рабочего и крестьянского движения. В 1919 — 1922 гг. по стране прокатились мощные волны стачек, выступлений трудящихся. В апреле 1919 г. в г. Амритсаре английские колонизаторы организовали расстрел участников митинга. Это было началом открытой войны английских колонизаторов против индийского народа, ответ оружием на усиление его освободительных стремлений. Но антиимпериалистическое движение в Индии продолжало неудержимо нарастать. До этого времени, как говорил Неру, «читателю англо-индийских и индийских газет трудно было себе представить, что в Индии существуют огромные массы крестьянства и миллионы рабочих и что они что-то значат»⁶⁷.

Теперь уже сбрасывать со счетов рабочий класс и многомиллионное крестьянство Индии никто не мог. Другое дело, что путь трудящихся Индии к активной, сознательной борьбе был еще длителен и сложен. Но уже в 1920 г. возникли в Индии первые коммунистические группы.

Победа Октябрьской революции отозвалась не только в Индии, но и в Индонезии могучим подъемом национально-освободительного движения против голландских колонизаторов. Среди демократических организаций настойчиво стали раздаваться призывы в первую очередь бороться с «преступным капитализмом». Произошло размежевание социал-демократических организаций, и их левое крыло в 1920 г. приняло наименование коммунистической партии, которая впоследствии стала играть значительную роль в рабочем движении, все более развивая революционную пропаганду.

Восстания против империализма вспыхнули и на Арабском Востоке. В марте 1919 г. разразилось восстание в Египте. Его связь с Октябрьской революцией сказалась уже в том, что египетские крестьяне, создавая свои органы власти в деревне, называли их русским словом «совет». В ту пору это слово, став-

⁶² «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. I, стр. 393.

⁶³ Там же, стр. 340.

⁶⁴ «Всемирная история», т. VIII, стр. 422.

⁶⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 61.

⁶⁶ «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. I, стр. 354.

⁶⁷ Джавахарлал Неру. Автобиография. М., 1955, стр. 60.

шее интернациональным термином, уже достигло берегов Нила. В провинциальных центрах создавались национальные комитеты. Рабочие и крестьяне впервые начали играть большую роль в политической жизни страны, хотя руководство освободительным движением находилось в руках буржуазии. Английский империализм в ту пору был еще силен, он зверски расправился с восставшими, которые были плохо организованы и не могли противостоять империалистам. Час освобождения Египта тогда еще не пробил.

К началу сентября 1920 г. пламя восстания бушевало в Ираке. Но и здесь сказалось отсутствие крепкого единого руководства восстанием, слабая связь между различными областями. Кое-где колонизаторы использовали в своих корыстных целях племенную рознь. Английские империалисты и здесь подавили восстание. Но уже 1919 — 1920 годы показали, какие силы национально-освободительного движения зреют на Арабском Востоке. Наступит время, и эти силы станут решающим фактором общественного развития в Передней Азии.

Октябрьская революция оказала свое воздействие на развитие национально-освободительной борьбы в Турции, Афганистане, Иране и в ряде других стран. Ибо Октябрьская революция, осуществляя грандиозные социалистические преобразования, вместе с тем решала великой важности задачу спасения России от превращения в колонию иностранных империалистов. Весть об этой задаче, вставшей в порядок дня, о ее смелом и бескомпромиссном решении в России не могла не проникать в сознание всех тех, кто считал политическую независимость родной страны своим первейшим долгом. У Страны Советов установились хорошие отношения с кемалистской Турцией, с Афганистаном. И хотя гигантская социальная программа Октябрьской революции доносилась лишь в отрывках, в урезанном виде до стран, где еще не было революционного авангарда, способного слышать огненные призывы Октября и претворять их в дело, успешное решение задачи антиимпериалистической борьбы против чужеземных захватчиков вдохновляло многих деятелей движения национально-освободительного. Кое-где империалисты-колонизаторы не замедлили объявить их большевиками. Тов. П. Кейнеман — генеральный секретарь Коммунистической партии Цейлона — вспоминает, как один из видных деятелей цейлонского национально-освободительного движения тогда ответил на эти обвинения: «Что ж, значит, мы будем в хорошей компании»⁶⁸.

Всем революционным процессам, протекавшим в первые годы после Октябрьской революции, предстояло большое будущее. Это было начало великого пути. Они не были случайными

⁶⁸ «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. 2, стр. 565.

откликами на такое событие, как Октябрьская революция, они свидетельствовали о том, что Великая социалистическая революция открывала новую эпоху, в которой людям предстоит жить и бороться.

«Октябрьская революция стала колыбелью современного мирового коммунистического движения, превратившегося в наши дни во влиятельнейшую политическую силу в борьбе за революционное преобразование мира на социалистических началах».

(Из постановления ЦК КПСС от 4 января 1967 г. «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции»).

НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ И ИДЕИ ОКТЯБРЯ

В ноябре 1957 г. собравшиеся в Москве представители коммунистических и рабочих партий приняли декларацию, в которой так определили значение Октябрьской социалистической революции в жизни человечества и историческую суть эпохи: «Основным содержанием нашей эпохи является переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией в России»¹. Страну Советов уже не окружали плотным кольцом враждебные кордоны. Самолеты и поезда соединяли ее столицу со столицами многих социалистических стран, и слова Декларации разносили по всему свету государственные радиостанции и печать партий, стоящих у власти. Социалистическая система стала мировой, социализм — новый общественный, экономический и государственный строй — вышел далеко за пределы одной страны.

Совещание имело возможность определить главные закономерности социалистической революции, проявляющиеся при наличии большого разнообразия исторически сложившихся национальных особенностей и традиций. Накопился уже значительный опыт социалистических революций, происшедших в различных странах, в центре Европы и в Азии, в странах индустриально развитых и в аграрных.

Каковы же эти главные закономерности, которые Совещание коммунистических и рабочих партий единодушно определило, анализируя опыт Октябрьской социалистической революции в России и последующих социалистических революций в ряде других стран? «Таковыми общими закономерностями, — говорится в декларации, — являются: руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса, ядром которого является марксистско-ленинская партия, в проведении пролетарской революции

¹ «Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года». М., 1959, стр. 5.

в той или иной форме и установлении диктатуры пролетариата в той или иной форме; союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся; ликвидация капиталистической собственности и установление общественной собственности на основные средства производства; постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства; планомерное развитие народного хозяйства, направленное на построение социализма и коммунизма, на повышение жизненного уровня трудящихся; осуществление социалистической революции в области идеологии и культуры и создание многочисленной интеллигенции, преданной рабочему классу, трудовому народу, делу социализма; ликвидация национального гнета и установление равноправия и братской дружбы между народами; защита завоеваний социализма от покушений внешних и внутренних врагов; солидарность рабочего класса данной страны с рабочим классом других стран — пролетарский интернационализм»².

Не трудно видеть, что в этих словах выражено международное, всемирно-историческое значение Октябрьской социалистической революции. Это был триумф ее принципов и идей, международное признание немеркнувшего значения ее сущности. Вместе с тем исторический опыт ряда народов показал, что появились новые формы пролетарской революции, новые формы диктатуры пролетариата, социалистической государственности, рождаемой этой революцией.

Во-первых, в ряде стран оказался возможным мирный путь перехода власти к рабочему классу без вооруженной борьбы. Эта форма пролетарской революции не получила развития в ходе Октябрьской революции в силу многих исторических условий, хотя такая возможность наметилась уже в то время и о ней писал Ленин.

Во-вторых, в ряде стран, вступивших на путь социализма, существует многопартийность при руководящей роли марксистско-ленинских партий. Эта форма также не получила развития в ходе Октябрьской социалистической революции, хотя реальная возможность ее имела, и только переход социалистических партий на сторону буржуазии сорвал эту возможность.

В-третьих, в других социалистических странах не получила развития советская форма государственной власти пролетариата, были использованы иные формы, связанные с созданием народного фронта или национального фронта, сыгравшего большую роль в политической организации нового общества накануне социалистической революции и при проведении ее. Были использованы также традиционные формы общенационального представительства, парламентские учреждения, в которых ра-

бочий класс завоевал прочные позиции, осуществляя свой союз с другими слоями трудящихся.

В ряде стран народная демократия в отличие от советской власти не сразу стала выполнять функции диктатуры пролетариата, это была власть, направленная против фашизма и его приспешников. По своей классовой сущности она представляла собой революционно-демократическую диктатуру рабочего класса и крестьянства, создать которую стремились трудящиеся России во главе с рабочим классом и партией большевиков в ходе революции 1905 г. и Февральской революции 1917 г. В странах народной демократии в 40-х годах такая возможность реализовалась в той или иной форме соответственно изменившимся историческим условиям. Лишь затем в ходе классовой борьбы, по мере перехода к социалистическим преобразованиям, как показывает опыт стран народной демократии, эта новая форма народной власти начинает выполнять функции диктатуры пролетариата при построении нового общества.

Как возникли эти особенности, в каких исторических условиях они сложились? Ответ на этот вопрос покажет, как в наше время демократическое и революционное движение в своем развитии рождает социалистическую революцию, ведет к социалистическим преобразованиям общества. Те процессы, которые произошли в странах народной демократии, само их рождение, конечно, подготавливалось историей каждой страны, но вместе с тем и всем мировым развитием. Образование стран народной демократии не было ни «локальным зигзагом» истории, ни случайностью, как думают иные буржуазные теоретики. Это было проявлением важнейших черт эпохи, открытой Октябрьской революцией, выражением исторических тенденций.

Какие же черты мирового развития следует в первую очередь вспомнить, чтобы понять характер революций после второй мировой войны? Как известно, от демократического и революционного движения в течение первых полутора десятков лет после Октябрьской революции империалистическая реакция пыталась загородиться фашизмом, террористической диктатурой самых реакционных, шовинистических и агрессивных элементов монополистического капитала. Апологеты фашизма кричали, что найдено наконец радикальное «противоядие» от революционного и демократического движения, влияние Октябрьской социалистической революции ликвидировано. Буржуазно-демократические порядки были безжалостно сметены в Италии, а затем в Германии. Страшный фашистский террор сотрясал организм этих государств.

Но на самом деле процессы, пробужденные Октябрьской революцией, продолжали развиваться, проявляясь то тут, то там. Рабочий класс и его марксистско-ленинские партии собирали демократические силы для отпора реакции. Изменение полити-

² «Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года», стр. 13.

ческой обстановки находило свое выражение в идеологическом и организационном укреплении коммунистических партий, в деятельности Коминтерна, особенно в решениях его VII конгресса, теоретически и практически обосновавшего необходимость создания народного фронта, широких союзов рабочего класса и его авангарда — коммунистических партий с другими демократическими силами, которым предстояло слиться в могучий антиимпериалистический поток.

Рабочий класс Франции, возглавив все демократические силы страны, преградил дорогу фашизму. В октябре 1934 г. тов. М. Торез, призывая создать единый Народный фронт, говорил: «Неверно, что существует лишь выбор между так называемой политической «национального союза» и советской властью. Можно проводить политику в интересах народа, которая способна реабилитировать демократию путем ее преобразования»³. На том этапе развития демократического и революционного движения вопрос не стоял о создании диктатуры пролетариата и коренных социалистических преобразованиях буржуазных стран. На повестку дня жизнь поставила вопрос о защите демократических прав, завоеванных трудящимися в долгой и тяжелой борьбе. Речь шла также о таком преобразовании демократии, чтобы в результате она имела возможность, опираясь на широкие общественные силы, справиться с атаками реакции и открыть для страны дорогу социального и политического прогресса.

На своей национальной конференции коммунисты Франции выдвинули лозунг: «Через единство действий мы победим фашизм!» В июле 1934 г. было подписано соглашение о единстве действий между социалистической и коммунистической партиями. Угроза фашизма наконец побудила социалистов содействовать созданию единого фронта коммунистов и социалистов. Вспомним, какое большое значение придавал Ленин в сентябре 1917 г. формированию такой политической силы для развития революционного процесса в России⁴. Объединившись сам, рабочий класс стал оказывать мощное воздействие на средние слои и привлекать их к антифашистскому союзу. Фашизм прорвался к власти во Франции лишь впоследствии, он побеждал вместе с танками гитлеровских оккупантов, но в ответ началось движение Сопротивления захватчикам, во главе этого движения снова шел рабочий класс и его коммунистическая партия. Создалась могучая сила для успешной борьбы с фашизмом.

Формирование народного фронта происходило тогда не только во Франции. В 1936 г. после февральских выборов в кортесы,

давших победу демократическим силам, путь для формирования правительства Народного фронта открылся в Испании. Создалась возможность эффективного использования конституционных институтов для образования правительства, опирающегося на коалицию демократических и прогрессивных сил. Но фашисты подняли мятеж против законного правительства. В Испании началась тяжелая гражданская война. Она шла на протяжении 1936 — 1939 гг. и явилась высшей точкой демократического и революционного движения 30-х годов.

В суровой обстановке войны, претерпев изменения, государственная власть в Испании приблизилась к форме народной демократии нового типа.

События в Испании показали, как необходимо для победы сил прогресса непоколебимое единство демократических сил, руководимых рабочим классом, какое значение имеет правильная линия марксистско-ленинской партии, направленная на создание этого единства. Гражданская война в Испании показала также великую силу интернациональной солидарности: в Испании сражались борцы интернациональных бригад из 54 стран.

Борьба с фашизмом становилась международным делом. Революционеры многих стран учились создавать силы сопротивления фашизму, организовывать народную армию и партизанскую войну.

В исторических условиях 30-х годов вновь оживал опыт Октябрьской революции, в боях создававшей свои вооруженные силы, и интернациональные бригады под Мадридом воскрешали в памяти интернациональные отряды, сражавшиеся на фронтах гражданской войны в Советской России.

Вместе с тем события в Испании показали, как важна международная обстановка для победы демократических и революционных сил. Эта обстановка складывалась тогда не в их пользу.

При попустительстве других империалистических держав началась вооруженная интервенция германского и итальянского фашизма в Испании. Республика в Испании была задушена вооруженными силами интервентов и испанской контрреволюции.

Но, как говорил тов. Тольятти в 1945 г., «на этом поле боя мы узнали, кто наш друг и кто враг, познали опасность и исполнили долг всех истинных демократов; на этом поле боя реально возник антифашистский фронт, это поле боя было настоящей школой войны, через которую прошли многие народы, социальные классы, партии, дальновидные государственные дея-

³ «Международная встреча, посвященная 30-летию VII Конгресса Коминтерна. Прага, 21—23 октября 1965 г.», Прага, 1966, стр. 79.

⁴ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 222.

тели...»⁶ Стало ясно, что, не сломив фашизма, нельзя продвигаться по пути социального прогресса. Фашизм грозил народам социальным и национальным закабалением. Он выходил на международную арену, агрессия, оккупация были его оружием. Создавалась уверенность, что война против фашизма соберет под свои знамена значительные демократические силы, что народный фронт даст свои плоды.

Стало ясно, что основная сила, которая противостоит фашистским государствам на мировой арене, — Советский Союз. Октябрьская революция продолжала свой путь в нашей стране, выдвигая и решая важные задачи строительства нового общества, созидания могучей социалистической державы, способной все сильнее воздействовать на международную обстановку в интересах мира, демократии и социализма.

В годы второй мировой войны во многих странах Европы развернулось демократическое движение против фашистских захватчиков. Рабочий класс, его партии стали руководящей силой антифашистской борьбы в пределах стран, захваченных врагом. Участие Советского Союза в этой войне придало широкий и глубокий демократический характер антифашистскому движению. Во всем мире люди хорошо знали, что Советская Армия ведет беспримерную героическую битву с фашистскими полчищами за свободу и независимость всех народов земли.

Если задать вопрос, какая из идей эпохи, открытой Октябрьской революцией, оказала наибольшее влияние в период второй мировой войны на борющееся и страдающее население земли, то, пожалуй, это была идея единства, тесной связи национально-го и социального освобождения. По-разному проявлялась эта идея в Китае и в оккупированной гитлеровцами Франции, на востоке Европы, задавленной сапогом гитлеровской тирании, и в Азии, борющейся против японских фашистских захватчиков. Но во многих странах движение сопротивления иноземным работодателям неизбежно было связано с борьбой против тех реакционных буржуазных и помещичьих элементов своих стран, которые прислуживали фашизму, способствовали установлению его власти. Будущая победа, как представлялось народным массам, должна произвести такое демократическое обновление стран, которое исключало бы всякую возможность повторения прошлого. У всех народов было глубокое стремление так изменить общественную жизнь, чтобы фашизм не мог воскреснуть, не мог ни в одной стране приобрести себе влиятельных сторонников и пособников. С теми или иными изменениями в зависимости от конкретной обстановки историческая тенденция демократического и социального обновления отчетливо проступала

в Италии, во Франции, во многих странах Восточной и Центральной Европы.

После окончания войны широкое демократическое движение, в котором активнейшую роль играли коммунистические партии, повсеместно привело к изменениям в политической жизни стран. При этом значительно повысилась роль рабочего класса. Достаточно напомнить, что в Италии и Франции буржуазия вынуждена была согласиться на участие коммунистов в правительстве. Идеи демократического и социального обновления поддерживались широкими массами, и на открытое, прямое выступление против этого веяния буржуазия еще не отваживалась.

Вот как характеризовал положение, сложившееся тогда в Италии, тов. П. Тольятти: «Италия — одна из тех стран, где в ходе второй мировой войны народная невооруженная и вооруженная борьба против фашизма и против иностранных захватчиков получила самый широкий размах в организованных формах и на основе широкого единства демократических сил. Коммунисты были не только вдохновителями, но и организаторами и руководителями этой борьбы, и это явилось основной причиной, позволившей нам завоевать решающее влияние в рабочем классе и среди преобладающей части народа. Сразу по окончании войны в Италии создалась такая обстановка, в которой мы могли бы сравнительно легко завоевать власть и вступить на путь строительства социалистического общества. Преобладающее большинство народа могло бы пойти за нами. Но страна была оккупирована американскими и английскими войсками и поэтому вступить на этот путь было невозможно, ибо восстание против англо-американских сил было бы не только политической нелепостью, но, несомненно, потерпело бы поражение. Буржуазия оправилась, капитализм вновь стал руководящей экономической и политической силой, американский империализм выступал все более открыто в поддержку реакции, чтобы превратить Италию в свою военную и политическую базу»⁷. Исторический опыт Италии показывает, во-первых, какого высокого уровня достигло демократическое и революционное движение, какого удельного веса в нем добились рабочий класс, коммунисты, а во-вторых, каким реакционным фактором стала оккупация европейских стран англо-американскими войсками, вооруженная сила которых была использована как серьезное препятствие на открывшемся пути социального и политического развития стран Западной Европы.

Новая историческая тенденция отчетливо выступала и в общественном развитии послевоенной Франции. В 1945 г. тов. М. Торез писал: «Разве не является основной чертой нашей

⁶ «Проблемы мира и социализма», 1966, № 9, стр. 88.

⁷ Пальмиро Тольятти. Избранные статьи и речи, т. II, М., 1965, стр. 101.

эпохи то, что народные массы осознали свое место, свою роль в жизни нации. В то время как «избранные» терпели банкротство и совершали предательство, в народе родились те новые силы, которые так мужественно боролись за освобождение страны»⁸.

Требование демократического обновления, выдвинутое коммунистами, основывалось именно на том, что народные массы осознали свою огромную роль в определении судеб страны. Они требовали, чтобы политическая организация общества отразила эту их роль и место. Резкое возрастание роли народных масс в историческом процессе, повышение их сознательной деятельности и есть одна из зримых черт той эпохи, которую открыла Октябрьская революция. Но исторические тенденции побеждают отнюдь не автоматически. Их победа — результат борьбы. В руках реакционной буржуазии были значительные средства и возможности, которые она направила против этой тенденции.

В докладе на XI съезде Французской компартии тов. М. Торез говорил: «Настало время, когда для спасения Франции и Республики необходимо осуществить широкое объединение всех рабочих и демократических сил. Настало время положить конец сползанию вправо. Настало время возобновить движение влево, движение к прогрессу. Настало время создать правительство, отвечающее воле народа, правительство, которое будет действовать в интересах народа и пользоваться его горячей поддержкой»⁹. Французские коммунисты подчеркивали, что важнейшее условие для достижения этой цели — единство рядов рабочего класса и широкий демократический фронт.

Однако западноевропейская буржуазия отнюдь не желала такого исхода войны. Она стремилась подправить историю, вновь оттеснить демократические силы с политической арены. Империалистическая буржуазия проводила маневр за маневром, с тем чтобы укрепить свои позиции, расколоть ряды рабочего класса, разобщить трудящихся. Немалое место в развернутой политической кампании, которую вела буржуазия, заняло запугивание «агрессивностью Советского Союза». В антисоветской, антикоммунистической пропаганде и политике большую роль, к сожалению, сыграли и партии социал-реформистов. Реакция всячески стремилась убедить массы в том, что послевоенное национальное возрождение якобы не должно совершаться социальным и демократическим обновлением, требование его связывалось с «происками Москвы».

Для того чтобы увернуться от удара, который их подстерегал, ибо историческая тенденция проявлялась все четче, империалисты Западной Европы призвали себе на помощь моно-

полии США, их военную и экономическую силу, признав даже на первых порах вассальную зависимость от заокеанских капиталистов. Срочно начали осуществлять «план Маршалла», затем сколачивать Атлантический пакт. В новых, коренным образом изменившихся условиях выявились с удивительной ясностью тенденции, на возникновение которых указывал еще Маркс в середине прошлого века. Он писал тогда: «Средоточием мировых сношений в средние века была Италия, в новейшее время Англия, теперь же таким центром становится южная половина североамериканского полуострова. Промышленность и торговля старой Европы должны употребить огромные усилия, если не хотят прийти в такой же упадок, в каком находятся промышленность и торговля Италии с XVI столетия, если они не превратятся в то, чем являлись в настоящее время Венеция, Генуя и Голландия». Маркс предвидел возможность того, что «Атлантический океан будет низведен до роли внутреннего моря, какую теперь играет Средиземное море». Другими словами говоря, Маркс видел реальную перспективу перемещения центра капиталистической зависимости в США, наступления политической и экономической изоляции буржуазной Европы. Наиболее радикальным выходом для Европы, если бы она хотела избежать такой исторической участи, Маркс считал социальную революцию, которая «преобразует способ производства и обмена в соответствии с потребностями современного производства...»¹⁰. Империалистическая буржуазия Западной Европы, делая все возможное, чтобы отодвинуть демократическое и социальное обновление европейских стран, предпочла вассалитет по отношению к монополиям США. Такова была историческая дилемма. Капиталисты думали и о таком военном пакте, который позволял бы вмешиваться с помощью вооруженной силы, главным образом США, во внутренние дела европейских стран для противодействия демократическому и революционному движению. Эта идея носилась тогда в воздухе, ею бредили многие политики и теоретики империализма, для обозначения революционного и демократического движения они придумали цинично-бессмысленный термин «внутренняя агрессия». Такая реакционная идея нашла свое четкое выражение в Атлантическом пакте.

Однако в Центральной и Восточной Европе реакции не удалось преградить дорогу национальному послевоенному возрождению, основанному на демократическом и социальном обновлении всей общественной жизни. Именно там в итоге были преобразованы производственные отношения на социалистической основе. В 1917 г. на этот путь встала Россия, которой

⁸ Морис Торез. Избранные произведения, т. 2. М., 1959, стр. 60.

⁹ Там же, стр. 119.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 233.

грозила кабала иностранного капитала, усиление многовековой отсталости, если бы Октябрьская революция не победила. Теперь на тот же путь вступили народы Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии. От интервенции англо-американского капитала, от его агрессии эти страны надежным щитом прикрывала Советская Армия. Именно в этом заключалась ее роль после освобождения от фашистского ига стран Центральной и Восточной Европы.

Демократические силы, выросшие и окрепшие за годы мужественного сопротивления фашизму, под руководством коммунистов смело вступили в бой против внутренней реакции и одолели ее. Вот как ковалась цепь событий в Чехословакии. Здесь реакция намеревалась осуществить маневр, который ей удался во Франции и в Италии. Характеризуя происки реакции в Чехословакии, тов. Клемент Готвальд говорил: «...господа, мы знаем, что у вас на уме. Мы знаем, что вам хотелось бы вернуться к 1919 — 1920 годам, вывести коммунистов из правительства, совершить нечто подобное тому, что удалось недавно сделать во Франции и Италии»¹¹. Этот план был сорван рабочим классом, возглавляемым коммунистической партией.

В мае 1945 г. в Чехословакии, освобожденной Советской Армией, произошла национально-демократическая революция. Антифашистская борьба народных масс в годы второй мировой войны завершилась пражским вооруженным восстанием 5—9 мая 1945 г. Новыми органами государственной власти, проводниками принципа народоправства, демократического обновления страны стали национальные комитеты. «Мы лишили власти, — говорил впоследствии тов. Готвальд, — во-первых, немецких оккупантов, а во-вторых, самую продажную, предавательскую и опозорившую себя часть чешской и словацкой буржуазии. Вместе с тем мы, однако, еще оставили буржуазии часть ее материальной базы и сохранили за ней также и политические права»¹².

Престиж буржуазии был подорван изменами, которые она совершила перед войной, в период Мюнхена, и во время войны. После выборов в Учредительное национальное собрание, которое принесли коммунистам 114 мандатов из 300, буржуазию охватил страх перед возрастанием политической роли рабочего класса и коммунистической партии. Ряд политических деятелей, которые в 1945 г. шли вместе с народом, повернули против него, заботясь о спасении устоев буржуазного общества. Представители буржуазных партий, участвовавших в правительстве, стали срывать выполнение правительственной программы, тормозить разработку важных законов, препятствовать созданию

новой конституции страны. В феврале 1948 г. они принялись искать повод для того, чтобы вызвать глубокий правительственный кризис. Целью реакции было свержение существующего правительства, создание антидемократическим, антиконституционным путем «правительства чиновников», с тем чтобы незаметно вырвать власть из рук народа. Одновременно готовился и вооруженный путч.

Однако все эти попытки кончились провалом, и развитие Чехословакии пошло по социалистическому пути. Каким образом это осуществилось? Правительство, возглавляемое К. Готвальдом, имело в парламенте большинство, даже если бы с коммунистами пошло лишь левое крыло социал-демократов. Но и другие представители социал-демократов не поддержали готовящийся контрреволюционный переворот; среди депутатов других трех партий, входивших в правительство, также существовали оппозиционные настроения по отношению к маневрам их реакционного руководства. В февральские дни коммунисты широко использовали парламентские, конституционные формы борьбы. Реакция была вынуждена искать пути в обход конституции или даже вопреки ее основным положениям. Впоследствии многие наблюдатели, в их числе лейбористский депутат Плэттс-Миллс, заявляли, что «новое правительство в Чехословакии образовано строго конституционным путем»¹³.

Вместе с тем в февральские дни были широко развернуты и внепарламентские формы борьбы рабочего класса. Как говорили реакционеры, борьба захватила «улицу». По всей стране создавались комитеты действия, объединявшие подлинно демократические силы страны. Комитеты действия парализовали возможное влияние реакционных элементов государственного аппарата. Многочисленные митинги трудящихся выносили свои решения, осуждавшие контрреволюцию. Свое слово сказали профессиональные союзы, съезд заводских советов и другие организации трудящихся, принявшие активное участие в развернувшейся политической борьбе. Разразилась мощная всеобщая забастовка протеста. Английские газеты писали тогда о «коммунистическом смерче», который пронесся над Чехословакией. Таким образом, на борьбу были подняты широкие народные массы. Была проведена такая важная мера, как вооружение рабочих. Отряды рабочей милиции были созданы на 40—50 наиболее крупных предприятиях Праги и насчитывали в своих рядах около 15 тыс. человек. Оружие прислали рабочие Брно, вооруженные рабочие патрули появились на улицах столицы, возможность реакционного вооруженного путча была предотвращена. Все дороги для реакции были преграждены, все они были

¹¹ Клемент Готвальд. Избранные произведения, т. II. М., 1957, стр. 240.

¹² Там же, стр. 238.

¹³ Индржих Веселый. Хроника февральских дней 1948 года в Чехословакии. М., 1960, стр. 210.

заняты рабочим классом, идущим во главе других слоев трудящихся.

В февральские дни 1948 г. чехословацкий рабочий класс и его партия показали полную готовность ко всем формам борьбы против реакции и умение применять эти формы в зависимости от конкретных политических условий, складывающихся в стране.

По сути дела в февральские дни 1948 г. решался важнейший вопрос послевоенного развития страны. Реакционные элементы предлагали вернуться от завоеваний майских дней 1945 г. к 1920 г. Реакция стремилась к укреплению и расширению политических и экономических позиций капитала. Используя те звенья государственного аппарата, которые были в ее руках, буржуазия пыталась свернуть на путь денационализации промышленности. Коммунисты продолжали идти вперед. Куда вел этот путь? Тов. Готвальд говорил: «Наша стратегия — и это касалось не только февральских дней, но и предшествовавшего периода, — заключалась в следующем: прежде всего, не допустить дальнейшего саботажа; апеллировать к народу; выдвинуть новые требования в области национализации — требования, которые затронули бы самые корни могущества реакционеров»¹⁴.

Так были намечены две линии социального развития страны, и вторая линия победила. В феврале 1948 г. рабочий класс, руководимый Чехословацкой коммунистической партией, в острой борьбе разгромил контрреволюционное выступление буржуазии. Февральской победой над объединенной реакцией было окончательно решено, что Чехословацкая республика последовательно пойдет по пути строительства социализма, опираясь на крепкую и нерушимую дружбу с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества.

Итак, буря Октябрьской социалистической революции ворвалась на улицы и площади древней Праги, ее язык звучал в парламенте и на митингах, ее ритм слышался в поступи вооруженных отрядов рабочих. Это не было повторением Октября. В истории вообще есть повторяемость, но нет повторений. Творческое освоение и преломление принципов и идей Великой Октябрьской революции — вот путь современной истории. Это был закономерный этап общественного развития Чехословакии, подготовленный предшествующей историей, выковавшей кадры пролетариев, создавшей сильную коммунистическую партию. Рабочий класс завоевал себе прочные ключевые позиции в политической организации общества и затем перешел от демократического к социалистическому этапу революции. Народно-демократическая власть, которая была на первом этапе револю-

ционно-демократической диктатурой народа, стала на втором этапе формой диктатуры пролетариата. В центре Европы возникло социалистическое государство.

Не везде революционный процесс прошел в своем развитии отчетливо эти две фазы — демократическую и социалистическую, хотя во всех случаях социалистическая революция являлась завершением демократического и революционного движения, направленного против фашизма и его социально-политической опоры в стране. И освобождение восточноевропейских стран от нацистской оккупации не было чисто военным процессом, определявшимся ходом сражений на различных фронтах, он сочетался с революционной и демократической борьбой масс. Разгром фашистского военного блока привел к изменению в соотношении социальных и политических сил, серьезно подорвал буржуазное господство на всем европейском континенте, а в некоторых странах, где буржуазия наиболее тесно связала себя с фашизмом, поставил ее на край гибели.

Примерно так развивались события в Болгарии. 9 сентября 1944 г. в стране вспыхнуло восстание против монархо-фашистской диктатуры. В результате восстания буржуазия была отстранена от государственной власти, руководство государственной и общественной жизнью перешло в руки Отечественного фронта, основной руководящей силой которого является рабочий класс, выступающий в союзе с крестьянством и другими слоями трудящихся. Еще летом 1942 г. Отечественный фронт опубликовал свою программу и призвал все антифашистские, демократические силы к свержению правительства.

В Болгарии положение сложилось так, что крупнокапиталистические элементы, финансовые воротилы и различные спекулянты были тесно связаны с двором, с его профашистской ориентацией. Сокрушительный удар по фашизму, широкое развёртывание антифашистской и антиимпериалистической борьбы изменили соотношение социальных сил, устранили господствующие капиталистические элементы от государственной власти.

Были реорганизованы государственный аппарат и армия, проведена национализация промышленности и банковского дела. В сельском хозяйстве стали организовываться кооперативы типа товариществ по совместной обработке земли. Осуществлены были первые шаги в создании планового хозяйства, и в начале 1947 г. был разработан двухлетний народнохозяйственный план.

Большую роль в политической жизни сразу же после 9 сентября 1944 г. сыграли комитеты Отечественного фронта — опора народной власти на местах, органы общественной инициативы и контроля, координации усилий трудящихся, направленных на осуществление всех конкретных требований программы социально-демократического преобразования страны. Вместе с тем в политической организации общества большую роль играл пар-

¹⁴ Клемент Готвальд. Избранные произведения, т. II, стр. 247.

ламент и выборы в него, на которых в 1945 г. 88% избирателей голосовали за Отечественный фронт. В декабре 1945 г. тов. Г. Димитров, говоря, что коммунисты рассчитывают «на плодотворную, полезную для народа работу нынешнего подлинно Народного собрания», вместе с тем предупреждал: «...мы не должны ни недооценивать, ни преувеличивать своей работы в парламенте, надо всегда помнить, что корни силы народа — вне парламента»¹⁶. Коммунисты сочетали парламентскую и внепарламентскую деятельность, нанося силам контрреволюции удар за ударом. Следует добавить, что и в Болгарии обращение контрреволюционных элементов за вооруженной помощью к англо-американскому империализму было исключено благодаря Советской Армии.

Иностранные наблюдатели постоянно задавали вопрос, почему в Болгарии коренной поворот в социальной и политической жизни был осуществлен в столь короткий срок. Что же касается болгарских трудящихся, то они, как говорил тов. Г. Димитров, оглядывая пройденный путь, задавали себе совсем другой вопрос: «Как могло случиться, что в стране, в которой существовала сильная Коммунистическая партия, в которой у власти находилось правительство Земледельческого союза во главе с крупным народным вождем Александром Стамболийским, правительство, пользовавшееся большим влиянием в среде крестьян, тогда как буржуазные партии были уже опозорены в результате двух национальных катастроф, как могло случиться, чтобы в такой стране восторжествовала фашистская диктатура, чтобы к власти вернулись те самые силы, возглавляемые кобуржской династией, которые уже однажды втянули Болгарию в лагерь германского империализма, и чтобы они получили возможность вновь подготовить вовлечение Болгарии в тот же самый лагерь?»¹⁷

На этот вопрос был один ответ, который дали коммунисты: в Болгарии не был осуществлен боевой союз рабочего класса с крестьянством и демократические силы не были объединены в антифашистский фронт, враги использовали разобщенность народных сил и навязали стране свою диктатуру. Эта историческая ошибка была решительно исправлена в ходе второй мировой войны. Болгарская коммунистическая партия направила все свои силы на создание прочного союза рабочего класса с крестьянством. Крестьяне поняли весь вред иллюзий о возможности существования самостоятельной крестьянской власти без пролетариата. Интеллигенция в свою очередь убедилась, что без рабочего класса, без его союза с крестьянством национальное возрождение невозможно.

¹⁶ *Георгий Димитров. Избранные произведения*, т. II. М., 1957, стр. 111.

¹⁷ Там же, стр. 458.

Это были уроки Октябрьской революции и вместе с тем итоги общественного развития Болгарии, событий, происшедших в первые годы после Октябрьской революции, а также после сентябрьского восстания 1923 г., это был опыт борьбы против фашистско-монархической диктатуры в предвоенный период и в ходе войны. Народную Болгарию с Октябрьской революцией соединяет непрерывная цепь событий, побед и поражений, из которых массы извлекали уроки, необходимые для конечного торжества социалистической революции.

Особенностью развития революционного процесса в Югославии является то, что движение Сопротивления гитлеровским оккупантам, партизанская борьба уже в 1941 г. приняли масштабы и характер народного восстания. Тов. Броз Тито писал: «В огне освободительной войны, когда в Югославии на одной стороне оказались коммунистическая партия во главе рабочего класса и всех прогрессивных сил, ненавидевших фашизм и мрачное прошлое, а на другой — оккупанты и местные квислинги, которые предательски оказывали помощь оккупантам в борьбе против освободительного движения в этой неравной и тяжелой борьбе, мы, вдохновленные учением Маркса, Энгельса и Ленина, а также опытом Великой Октябрьской революции, начали создавать основы для нового общественного устройства в Югославии»¹⁸.

В день нападения гитлеровской Германии на Советский Союз Политбюро ЦК Коммунистической партии Югославии выступило с призывом: «Драгоценная кровь героического советского народа проливается не только ради обороны страны социализма, но и ради окончательного социального и национального освобождения всего трудового человечества»¹⁹. В это время подготовка к восстанию в Югославииходила к концу. 4 июля ЦК КПЮ принял важное решение о развертывании вооруженной борьбы против оккупантов. Началось формирование отрядов, способных вести эту борьбу. Подпольные группы действовали во всех центрах страны, усиливая мощь партизанских подразделений, вступавших в бой. В развернувшейся борьбе достигалось сотрудничество и боевое братство всех национальностей, населявших страну. Руководящая роль принадлежала рабочему классу и его партии коммунистов. Была создана единая организация восстания — Народно-освободительный фронт, объединивший все демократические силы народа.

В ходе восстания на руинах старой власти под руководством партии создавались новые органы демократического управле-

¹⁸ «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. I. М., 1958, стр. 567.

¹⁹ «Югославия вчера и сегодня. 1945—1965». М., 1965, стр. 23.

ния — народно-освободительные комитеты, которые избирались населением. Они смело начали ломку старых буржуазных законов, передали беднякам покинутые земли, принадлежавшие крупным помещикам и церкви. Складывалась система новой народной власти — районные, окружные, областные народно-освободительные комитеты, вече отдельных национальных территорий и высший законодательный орган — Антифашистское вече народного освобождения Югославии, избиравшее свой исполнительный орган — Национальный комитет.

Реакционные элементы в стране и в эмиграции, напуганные размахом демократического движения в Югославии, шли на сотрудничество с оккупантами, противодействовали национально-освободительной борьбе, воевали с собственным народом. Реакция располагала своими вооруженными силами — отрядами четников в Сербии, уставами в Хорватии и «белой гвардии» в Словакии. В силу этого народно-освободительная борьба принимала характер гражданской войны.

Когда в результате совместных усилий Советской Армии и Народно-освободительной армии Югославии страна вышла из войны, она имела готовый механизм народной власти, располагавшей уже значительным опытом решения социальных и политических задач. Осуществление постановлений от 21 ноября 1944 г. и 9 июля 1945 г. о переходе в государственную собственность вражеского имущества означало, что к концу 1945 г. примерно 82 процента промышленных предприятий, подавляющее число банков и крупных торговых предприятий было национализировано. Созданный в результате конфискации земельный фонд был распределен так: 51 процент — безземельным и малоземельным крестьянам, 49 процентов — государственным сельскохозяйственным имениям и крестьянским производственным кооперативам. Так строилась государственная организация на новых общественных отношениях. «Для нашего рабочего класса и для всех народов Югославии, — пишет тов. Тито, — освободительная борьба в нашей стране явилась вместе с тем и победоносной революцией, которая, ликвидировав старый, капиталистический строй, разрешила национальный вопрос на федеративных основах и заложила фундамент для послевоенного социалистического строительства»²⁰.

Какими бы путями, определяемыми конкретной исторической обстановкой, сложившимся соотношением классовых сил, ни шел революционный процесс, образ Великой Октябрьской социалистической революции стоял перед глазами борцов. Во-первых, потому, что объективно при всех отличиях в странах народной демократии происходил процесс перерастания демократической революции в социалистическую революцию, которая в главном

определяется теми же основными закономерностями, проходит отдельные существенные фазы, встречается с ситуациями, создававшимися и в ходе Октябрьской социалистической революции. Во-вторых, потому, что Октябрьская социалистическая революция представляет собой великую сокровищницу революционного опыта, из которой революционеры не могут не черпать знание социальных процессов и законов.

Виднейший польский писатель Стефан Жеромский в одном из своих романов бросил дореволюционному польскому обществу такой упрек: «Есть ли у вас мужество Ленина, чтобы приступить к неизвестному делу, разрушить старое и начать новое?»²¹

И в истории польского народа нашлись люди, преданные рабочему классу, научному социализму, у которых было мужество для того, чтобы приступить к неизвестному делу, разрушить старое и начать новое, камень за камнем строить социалистическую Польшу.

Характеризуя новейшую историю Польши, Ю. Циранкевич пишет: «Влияние Октябрьской революции на судьбу Польши — непосредственного соседа СССР — было велико. В двух исторически переломных моментах это влияние было решающим.

В 1918 году Польша обрела независимость главным образом благодаря русской революции, свержению царизма и русской буржуазии, а также связанному с русской революцией свержению монархии Гогенцоллернов и Габсбургов.

Дальнейший ход событий не был благоприятным для трудящихся масс Польши; совместными усилиями буржуазии и соглашателей из социалистических партий зародыши революционной власти в Польше были ликвидированы, страной продолжали править имущие классы»²². После образования Польской республики надежды, которые народные массы связывали с независимостью страны, не осуществились. Помещики сохранили и землю и власть. Буржуазия призвала иностранный капитал, который стал господствовать в народном хозяйстве страны. Бешеный антисоветский курс вел Польшу прямой дорогой к катастрофе, которая обрекла народ на величайшие страдания.

«В 1944 году Советский Союз и его армия, — продолжает тов. Циранкевич, — вторично сыграли решающую роль в освобождении польского народа от гитлеровской оккупации»²³.

После разгрома гитлеровской Германии перед Польшей встала задача национального возрождения на демократической основе, создания социальных и политических условий, которые воспрепятствовали бы в будущем повторению тяжелых уроков

²¹ «День добрый, Польша!». М., 1964, стр. 206.

²² «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. 1, стр. 422.

²³ Там же.

прошлого и которые обеспечили бы широкий путь прогресса для народа.

Вот некоторые вехи из летописи строительства новой Польши, показывающие решение этой грандиозной задачи. Революционная, борющаяся, непокоренная Польша встретила 1944 г. тем, что в новогоднюю ночь состоялось заседание подпольной Крайовой Рады Народовой. Был принят декрет о создании Армии Людовой — вооруженных сил новой Польши, встающей из пепла и руин. В марте корпус польских вооруженных сил в СССР был преобразован в 1-ю Польскую армию, и она в июле того же года вместе с частями Советской Армии вступила на польскую землю.

На освобожденной территории был создан Польский комитет национального освобождения — первое рабоче-крестьянское правительство. Когда был освобожден г. Люблин, он стал временной столицей возрождающегося Польского государства. Польский комитет национального освобождения в июле 1944 г. принял манифест, явившийся программой борьбы за освобождение страны, за ее восстановление и демократическое переустройство. В сентябре был издан исторический декрет об аграрной реформе, которая ликвидировала остатки феодализма в Польше. Сельскохозяйственные рабочие и крестьяне получили 6 миллионов гектаров земель.

Польские коммунисты — авангард рабочего класса, настоячивые борцы за союз рабочего класса с крестьянством — последовательно привлекали на сторону социализма средние городские слои населения, широкие народные массы.

Борьба за массовую социальную основу новой народной Польши явилась для Польской объединенной рабочей партии важным историческим экзаменом, подтверждающим правильность марксистско-ленинской концепции завоевания масс в классовой борьбе. Опираясь на прочный союз с СССР, со всеми социалистическими странами, Польская объединенная рабочая партия осуществляла программу строительства новой Польши, выдвинутую Польской рабочей партией еще в годы гитлеровской оккупации страны.

Было немало теоретиков и политиков, утверждавших, будто борьба за независимость страны исключает классовую борьбу или во всяком случае притупляет ее. Эта буржуазная теория была опровергнута жизнью. Независимая Польша рождалась в условиях острой политической борьбы: рабочий класс в союзе с другими демократическими силами удалил с исторического пути те эксплуататорские классы, которые для сохранения своего господства обращались к помощи иностранного капитала, предавали национальные интересы.

В конце 1945 г. собрался съезд Польской рабочей партии, который наметил задачи партии и народной власти в области

экономики, политики, социального и культурного строительства. В начале января 1946 г. были национализированы крупные и средние предприятия промышленности, транспорт, связь и банки. Борьба за новую Польшу продолжалась, от общедемократических реформ переходили к решению задач социалистической революции.

Была осуществлена программа глубоких преобразований, отвечающих интересам и стремлениям польского трудового народа. Созданная в Польше в результате освобождения от гитлеровского рабства народная власть под руководством рабочего класса вместе с остальными демократическими группировками передала крестьянам помещичьи земли, провела национализацию промышленности, создала плановую социалистическую экономику.

Польская рабочая партия претворяла в жизнь основные закономерности перехода к социализму, учитывая объективные требования конкретного развития Польши. Она всемерно опиралась на опыт Великой Октябрьской социалистической революции. В то же время в образе действий Польской рабочей партии были и особенности, обусловленные конкретными условиями и традициями Польши, более благоприятным соотношением социально-классовых сил, что давало возможность довольно широко применять демократические методы в борьбе за построение социализма. В таких условиях были разгромлены силы реакции, значительно возросло доверие масс к Польской рабочей партии, крепла народная Польша.

Таким образом, опыт Октябрьской революции творчески осваивался в новых исторических условиях, когда изменение в соотношении сил на мировой арене и внутри страны не давало возможности эксплуататорским классам сколько-нибудь широко применять насилие, чтобы вернуть себе власть. Диктатура пролетариата, функции которой выполняла народно-демократическая власть, когда Польша перешла к решению задач социалистической революции, получила возможность широко пользоваться методами убеждения, реже прибегать к принуждению.

Великая сила разрушения старого и созидания нового, проявленная впервые в истории Октябрьской революцией, вела по новому пути и восточную часть Германии, где демократические силы приступили к задаче национального возрождения, к созданию демократической государственности, преобразованию социальной и политической организации общества, восстановлению, а затем и изменению его экономической основы.

Уже вскоре после капитуляции гитлеровской Германии была разрешена деятельность всех демократических партий и массовых организаций, были освобождены те силы народа, которые могли показать массам, обьятым страхом и разочарованием, путь окончательного разгрома черных сил реакции и войны, путь демократического обновления страны, пережившей национальную катастрофу.

Программа антифашистских демократических сил Германии была изложена в опубликованном 11 июня 1945 г. воззвании коммунистической партии. «В этом воззвании нашел свое отражение не только накапливавшийся десятилетиями опыт немецкого рабочего движения, но был также учтен и творчески применен в условиях Германии опыт международного рабочего движения и в особенности опыт Октябрьской революции в России»²⁶, — подчеркивал В. Пик. В апреле 1946 г. на марксистско-ленинской основе произошло объединение КПП и СДПП в Социалистическую единую партию Германии, наконец был преодолен раскол немецкого рабочего класса и создана могучая сила для всей последующей антифашистской борьбы. Зачатки боевого содружества коммунистов, социал-демократов и других антифашистов крепили в подпольных организациях Сопротивления в Германии, в лагерях и тюрьмах, в тяжелых страданиях и в мужественной борьбе. Ныне это единство становилось решающей силой.

Иначе сложилось положение на западе Германии, где осуществлялось влияние американских и английских оккупационных властей, где верх взял курс на обособление этой части страны, на сохранение и восстановление власти монополий, на закрепление и углубление раскола рабочего класса. Снова зазвучали голоса, предупреждающие об «опасности» и «пагубности» для Германии «советского опыта», о возможности провести демократизацию без серьезных социальных преобразований, объявленных «ненужными крайностями», о необходимости во всем следовать «образцу западных демократий США и Англии». Правые лидеры социал-демократов отказались от линии народного фронта, которую они под впечатлением фашистского террора приняли в 1935 — 1936 гг., поставив свои подписи под единым программным документом вместе с руководителями КПП. Но история доказала, что демократическое обновление несовместимо с восстановлением власти монополий — основы реакции и милитаризма, а именно по этому пути пошла западная часть Германии.

В последующие годы на востоке Германии в условиях жестокой классовой борьбы, но без гражданской войны были созданы под руководством СЕПП основы антифашистской государственной власти. Коммунисты не призывали народные массы к непосредственному переходу к диктатуре пролетариата и социалистическому строительству. Лишь в процессе антиимпериалистических, демократических преобразований можно было

создать предпосылки, необходимые для перехода общества к социалистической революции. В этой большой работе коммунисты руководствовались идеями и принципами Великой Октябрьской социалистической революции, которая со всей глубиной поставила вопрос о необходимости подготовки таких позиций пролетариата, которые затем позволяли бы ему повести непосредственную и успешную борьбу за власть, за социалистические преобразования. Были образованы демократические органы самоуправления, осуществлена земельная реформа, проведена экспроприация собственности нацистских и военных преступников в промышленности, произошли демократические преобразования в юстиции и народном образовании, рабочим было предоставлено право участвовать в решении производственных вопросов предприятий. Так были созданы, указывает тов. Вальтер Ульбрихт, «предварительные условия для перехода к социалистическому переустройству»²⁷.

Глубокие сдвиги произошли в политической жизни страны. «В ходе совместных усилий по созданию и укреплению антифашистско-демократического строя на востоке Германии некогда буржуазные партии, с которыми рабочие партии заключили в 1945 г. союз, изменили свой характер, — говорил тов. Франц Далем на международной встрече, посвященной 30-летию VII конгресса Коминтерна. — Эти партии одобрили путь перехода от антифашистско-демократического переворота к социалистической революции и ныне активно участвуют в развернутом строительстве социализма»²⁸. С новой силой сказалось в истории Германии влияние идей Октября на революционную деятельность рабочего класса, но условия для реализации этих идей были совершенно иными. Вспоминая 1918 г., Отто Гротеволь писал: «Была революционная ситуация, но не было ясной перспективы. У немецкого рабочего класса отсутствовала программа спасения нации, программа, которая гарантировала бы всему народу мир, крестьянам — землю, рабочим — хлеб и средним слоям — уверенность в завтрашнем дне. Внутренне разобщенный, без революционного руководства, немецкий рабочий класс оказался не в состоянии воспользоваться весьма благоприятной исторической возможностью»²⁹. Теперь все необходимые условия были налицо, и благоприятная историческая возможность была использована рабочим классом, было создано первое в истории немецкого народа социалистическое государство — Германская Демократическая Республика.

²⁷ Там же, стр. 293.

²⁸ «Международная встреча, посвященная 30-летию VII Конгресса Коминтерна. Прага, 21—23 октября 1965 г.», стр. 182.

²⁹ «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. I, стр. 283.

²⁶ «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. I, стр. 275.

В послевоенный период бурно развивались революционные события в Венгрии. Рабочий класс получил возможность строить новую Венгрию, используя свой прежний опыт, а также опыт Октябрьской революции. Однако социалистические преобразования не могли быть осуществлены сразу же после освобождения страны. «В истории Венгрии, — пишет тов. Янош Кадар, — особенно резко выступают две противоположные традиции: революционная и контрреволюционная. Венгрия была первой после России страной, где победила диктатура пролетариата; но здесь же была установлена первая и самая длительная по времени фашистская диктатура, одержавшая победу в результате контрреволюции с помощью иностранного вмешательства»³⁰. Рабочий класс должен был укрепить позиции в общественной жизни страны, усилить свое влияние на другие слои населения.

Новое венгерское государство возникло в ноябре — декабре 1944 г. на освобожденной территории страны, когда упорные бои против фашизма еще продолжались во всех остальных ее районах. По инициативе коммунистов создавались новые органы местной власти — национальные комитеты; опираясь на них, в г. Дебрецене было создано временное Национальное собрание, на котором было сформировано первое народное правительство.

Так началась демократическая революция, происходившая под руководством рабочего класса. Программу последовательного национального возрождения на демократической основе разработала коммунистическая партия. Коммунисты видели необходимость аграрной революции, предлагая раздел земли в интересах батраков и неимущего крестьянства, выдвинули требование передать банки и крупные капиталистические предприятия под контроль демократического государства.

Важным фактором обновленной политической жизни страны стало сотрудничество коммунистической партии с социал-демократической партией. Это сотрудничество было подтверждено соглашением 10 октября 1944 г. и развивалось в связи с созданием Фронта национальной независимости. В апреле 1945 г. в открытом письме обеих партий подчеркивалось, что их единство «необходимо на долгие годы, на весь период строительства»³¹. Именно в этом единстве — путь национального демократического возрождения. В ходе классовой борьбы, развернувшейся в стране по важнейшим социальным вопросам, значительная часть членов социал-демократической партии, несмотря на противодействие ее правого крыла, отходила от реформистской идеологии, сближалась с идеями марксизма-ленинизма. В партии мелких сельских хозяев также укреплялось демократическое крыло,

противостоящее реакционному крылу, тесно связанному с контрреволюционной буржуазией.

Плану национального демократического возрождения страны реакционная буржуазия противопоставила план «переливания крови», заимствованной у могучих империалистических держав, для оживления разрушенного организма народного хозяйства Венгрии. Речь шла по существу о программе экспансии американского и английского капитала. Но народные массы отказались в поддержке этой программы.

На выборах в Государственное собрание в августе 1947 г. партии демократической национальной коалиции получили более 60% голосов избирателей. В ноябре того же года произошла национализация банков, а в марте 1948 г. в собственность государства перешли все предприятия, насчитывающие 100 и более рабочих и служащих. Экономическая власть буржуазии была ликвидирована. Иностранная империалистическая буржуазия не решилась на интервенцию против Венгерской республики, как 30 лет назад. Советский Союз — могучая социалистическая держава, победно закончившая тяжелейшую войну, — стоял на защите священного права венгерского народа самому решать свою судьбу. Планы контрреволюции разжечь гражданскую войну также разбились о союз демократических сил Венгрии. «Перерастание демократической революции в социалистическую, — пишет тов. Немеш, — произошло без вооруженного восстания — с использованием парламентных форм правления, в обстановке сплочения подавляющего большинства народа вокруг рабочего класса»³². Социалистический путь для Венгрии был открыт.

Социалистические преобразования общества как итог развития демократического движения, возглавлявшегося рабочим классом, его коммунистической партией, явились закономерным этапом и на историческом пути послевоенной Румынии.

Вкратце процесс демократического и социального обновления, как его анализирует тов. Н. Чаушеску, выглядит так.

Когда день за днем усиливалось сопротивление народных масс захватнической политике гитлеровской Германии, когда Советская Армия наносила сокрушительные удары по военной машине фашистской империи, когда углублялся кризис фашистской диктатуры, Коммунистическая партия Румынии вместе с другими демократическими силами еще шире развернула борьбу за свержение правительства Антонеску. В апреле 1944 г. Румынская коммунистическая партия и социал-демократическая партия пришли к соглашению о создании Единого рабочего фронта. В июне РКП, социал-демократическая партия, национал-царанистская партия и национал-либеральная партия созда-

³⁰ Я. Кадар. Из опыта классовой борьбы в Венгрии. — «Проблемы мира и социализма», 1959, № 2, стр. 12.

³¹ «Венгрия, 1945—1961», стр. 23.

³² Там же, стр. 39.

ли Национально-демократический блок. Свержение фашистской диктатуры, установление демократического строя и присоединение Румынии к антигитлеровской коалиции — эти требования входили в программу созданного блока. 23 августа в результате большой подготовительной работы под руководством коммунистов группа военных арестовала правительство Антонеску. Было создано новое правительство, в которое вошли представители партий Национально-демократического блока. В ночь с 23 на 24 августа армия и патриотические отряды начали разоружение немецких воинских частей, оккупировавших Румынию. В ходе тяжелых боев была освобождена столица и большая часть страны. Румыния повернула свое оружие против гитлеровской Германии. Свершился переворот, положивший начало народной, антиимпериалистической революции в Румынии.

Антифашистская национально-освободительная борьба, руководимая коммунистами, переросла в движение масс за завершение буржуазно-демократической революции. Были осуществлены важные мероприятия по демократизации общественной жизни: изгнаны реакционные элементы из государственного аппарата, на заводах и фабриках установлен рабочий контроль, начата экспроприация помещиков и раздел их земель между крестьянами. Позиции рабочего класса крепли, его влияние в политической жизни страны возрастало, упрочился союз рабочего класса с крестьянством, развивалось единство демократических и прогрессивных сил общества. В этих условиях провозглашение Румынии народной республикой, свержение монархии знаменовали установление народно-демократической власти в стране и переход к этапу социалистической революции. Большое значение имело происшедшее в этот период объединение Румынской коммунистической партии с социал-демократической партией.

Развитие румынского общества вновь красноречиво показало, что в наше время идти вперед в политическом, социальном и экономическом развитии общества, в демократическом обновлении страны, в упрочении национальной независимости — значит идти к социализму. Такова логика истории, и, как ни старались эксплуататорские классы сопротивляться этому закономерному процессу, он прокладывал себе дорогу, сокрушая все препятствия.

«Первым актом, — говорит тов. Н. Чаушеску, — сыгравшим решающую роль в развертывании социалистической революции, явился переход 11 июня 1948 г. основных средств производства в промышленности в руки народа; национализация открыла новый этап в истории производственных отношений в нашей стране, привела к ликвидации крупной промышленной и финансовой буржуазии, к созданию мощного государственного социалисти-

ческого сектора в народном хозяйстве, позволила перейти к планоному ведению народного хозяйства»³³.

Партия приступила также к решению аграрного вопроса. Кооперирование сельского хозяйства произвело глубокую революцию в жизни крестьянства. Политика привлечения на путь социализма всех слоев крестьянства дала благотворные результаты в социальном и экономическом развитии Румынии. Дело национального и социального освобождения торжествовало, огромная энергия трудящихся масс, руководимых коммунистической партией, была пробуждена и направлена на создание нового строя, на социалистическое преобразование общества.

Могучая волна революции прошла от центра европейского континента, от индустриально развитой Чехословакии, по аграрным странам с недостаточным индустриальным развитием, достигая до горных долин Албании. Тем самым вновь было доказано, что социалистическая революция есть явление мировое, процесс, не замыкающийся рамками государственных, национальных или экономико-географических границ.

Новая Албания также родилась в антифашистской, антиимпериалистической битве народов. Помещичье-буржуазная верхушка албанского общества тесно связала себя с чужеземными захватчиками, при низком уровне развития буржуазных отношений в стране она не могла существовать без иностранного капитала. 80 процентов населения страны составляло крестьянство, рабочий класс был немногочислен. Повстанческая борьба, направленная против итальянских оккупантов, была одновременно обращена и против местных эксплуататоров. Граница между двумя лагерями в стране была проведена не только исходя из национального признака, но и по классовому, социальному различиям, существовавшим внутри общества. На одной стороне были повстанческие отряды, молодая коммунистическая партия, созданная в ноябре 1941 г., а на другой — итальянские оккупанты и связанная с ними буржуазно-помещичья верхушка общества. Национальное освобождение непосредственно предполагало, таким образом, и социальное освобождение. Уже в 1942 г. был создан Национально-освободительный совет, в 1944 г. в Пермети собрался антифашистский национально-освободительный конгресс, на котором был создан Национально-освободительный всеалбанский антифашистский комитет, вскоре преобразованный в демократическое правительство Албании.

В 1945 г. были национализированы все крупные промышленные предприятия, находящиеся в руках иностранных капиталистов, а в 1946 г. эта мера была распространена и на собственность местных капиталистов. В 1945 — 1946 гг. в стране прои-

³³ «Информационный бюллетень Центрального Комитета Румынской Коммунистической партии», № 3. Бухарест, 1966, стр. 65.

зошла также аграрная революция, земля была отобрана у помещиков, торговцев, у всех, кто не занимался лично ее обработкой. После этих реформ эксплуататорские элементы лишились своей экономической и политической власти в стране. В январе 1946 г. Албания была провозглашена народной республикой.

Все революции в государствах Восточной и Центральной Европы, несмотря на их особенности в каждой стране, говорят о наличии общих закономерностей. В первую очередь все они подтвердили основной закон революции, сформулированный Лениным. Революция наступает, когда низы общества не хотят старого, а верхи не могут жить и управлять по-старому. Народные массы везде в условиях фашистского гнета, прямой оккупации или полуоккупации иностранными захватчиками, в условиях, когда отвратительная сущность эксплуататорского общества предстала перед ними во всей его отталкивающей наготе, осознали невозможность жить «по-старому» и поднялись на освободительную борьбу.

Верхушка общества, буржуазия уже не могла управлять фашистскими методами, хотя в ряде стран она тесно связала свою судьбу с фашизмом. Государственная военная машина фашистских захватчиков была разбита. Буржуазия, правда, пыталась внушить массам мысль, что необходимо вернуться к методам управления дофашистского периода. Однако методы управления «по-старому» были скомпрометированы, буржуазно-демократические порядки не стали преградой на пути фашизма, не было гарантии и на будущее. Престиж буржуазии как силы, «управляющей» обществом, был крайне подорван.

Так разразился в ряде стран общенациональный кризис. Кризис этот затронул и эксплуататоров и эксплуатируемых. Политическими лозунгами, которые породил кризис, были лозунги национального возрождения и демократического обновления, исключающего возврат к старому.

В дальнейшем своем развитии все революции показали, что демократическое движение в наше время неизбежно приходит к требованиям социалистического переустройства жизни, ибо социализм венчает демократическое развитие общества, устраняет с пути этого развития последние буржуазные препоны и рогатки, привилегии имущих, опирающиеся на экономическое господство. Таким образом, политический общенациональный кризис, породивший революционное демократическое движение, обнажает фундамент общества, вторгается в сферу социальных и экономических отношений.

Революции показали, что в наше время национальное освобождение тесно связано с социальным освобождением. Решение задачи национального освобождения приводит в движение народные массы, которые, возмужав в борьбе, требуют себе неуре-

занного права решать судьбу родины. Иными словами говоря, в ходе национально-освободительной борьбы происходит изменение в соотношении социальных сил данного общества. С размахом и глубиной этой борьбы растет удельный вес, неизбежно повышается роль трудящихся масс в политической жизни страны. Наконец, наступает такой момент, когда при определенных условиях трудящиеся массы занимают господствующее положение во всей общественной жизни.

Революции показали также, что в развивающемся демократическом и революционном движении решающую роль играет рабочий класс, его организованность в сильную политическую марксистско-ленинскую партию, его способность сплотить и вести за собой крестьянство и другие слои трудящихся. В силу этого при создании новой государственной власти в результате победы демократического движения рабочий класс занимает руководящие позиции. Происходит закономерное изменение государственной власти, она становится диктатурой рабочего класса и крестьянства, решающей главные формы служат разкратические задачи. Новые государства всеми сторонами общественной жизни, а затем используются для социалистического переустройства общества, т. е. выполняют функции диктатуры пролетариата. При этом насилие, осуществляемое государственной властью, обусловлено попытками эксплуататоров насилем же вернуть себе власть.

Все революции вновь подтвердили мысль Ленина, который в 1918 г. писал: «Конечно, есть люди, которые думают, что революция может родиться в чужой стране по заказу, по соглашению. Эти люди либо безумцы, либо провокаторы. Мы пережили за последние 12 лет две революции. Мы знаем, что их нельзя сделать ни по заказу, ни по соглашению, что они вырастают тогда, когда десятки миллионов людей приходят к выводу, что жить так дальше нельзя»³⁴. Десятки миллионов людей пришли к выводу, что жить так дальше нельзя. Это и была величайшей важности предпосылка социалистических революций в странах Центральной и Восточной Европы. Эту предпосылку заменить ничем нельзя.

Что было необходимо для победы социалистической революции? Отвечая на этот вопрос применительно к Октябрьской революции, Ленин писал: «В Октябре насилие, свержение буржуазии Советской властью, удаление старого правительства, революционное насилие дало блестящий успех.

Почему? Потому, что массы были организованы в Советах, во-первых, и потому, во-вторых, что неприятель — буржуазия — был подкопан, подорван, размыт длинным политическим перно-

³⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 457.

дом с февраля по октябрь, точно кусок льда весенней водой, и уже внутренне был совершенно обессилён»³⁵. Идет ли социалистическая революция мирным или вооруженным путем, указанные Лениным условия ее победы совершенно необходимы. Социалистические революции в странах Центральной и Восточной Европы блестяще это подтвердили.

Общий враг — фашизм, скажем, к 1944 г. был уже обессилён в огромной степени славными победами Советской Армии, которая внесла свой бесценный вклад в освобождение многих стран. Движение Сопротивления било по фашизму и его местным прислужникам. Демократические силы, руководимые рабочим классом, его партией, создавали новые формы политической организации масс, выполнившие в ходе подготовки и проведения революции ту историческую роль, которую в России 1917 г. выполняли Советы.

Большое значение для торжества революции имел тот факт, что Советская Армия прикрыла своей мощью возникающие демократические государства от всех охотников расправиться с революционным процессом и национально-освободительным движением с помощью вооруженной интервенции. Наконец, Советский Союз оказал разностороннюю поддержку государствам народной демократии в строительстве новой жизни. В историю страдающего, борющегося и побеждающего человечества эти факты записаны золотыми буквами, и их никому не удастся вычеркнуть. Но «объяснять» возникновение, развитие и победу социалистических революций ссылками на Советскую Армию — это значит, как говорил Ленин, быть безумцем или провокатором. Такое «объяснение», встречающееся у буржуазных теоретиков и политиков, есть предел падения буржуазной политической мысли.

Итак, в результате революций изменилось лицо Европы. На ее карте отныне обозначен ряд социалистических государств, капитализм отодвинут еще дальше на запад, а социализм занял новое прочное место на этой карте.

Но не только в Европе произошли коренные социальные и политические изменения, подтверждающие, что Октябрьская революция имеет мировое значение, что она открыла новую историческую эпоху перехода от капитализма к социализму, что этот переход совершается. Коренные изменения произошли и в Азии, чей лик буржуазным теоретикам начала века казался неизменным, скованным наследием тысячелетий. На деле процесс изменений подготовлялся и там. Уже в 1913 г. Ленин указывал на новые характерные черты всемирной истории: «Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся в начале XX века новую поло-

³⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 43.

су всемирной истории»³⁶. Борьба пролетариата за власть увенчалась победой в России, а затем и в ряде других стран Европы. Пробуждение Азии вылилось в мощные потоки демократических и революционных движений. Эти процессы неразрывно связаны друг с другом, без победы Октябрьской революции и ряда других социалистических революций невозможен был бы и такой подъем революционной волны на Востоке.

Одним из проявлений развития мирового освободительного движения явился революционный процесс в Китае. В 1949 г. китайская революция победила. История китайской революции представляет собой непрерывный процесс, начавшийся вскоре после Октябрьской революции и продолжавшийся свыше 30 лет. Этому процессу свойственно известное своеобразие в целом и на отдельных его этапах.

Октябрьская революция оказала большое влияние на развитие национально-освободительной борьбы в Китае. В длительном революционном процессе, на разных его этапах своеобразно преломлялся опыт Октябрьской революции. Особое значение, конечно, имел опыт КПСС в создании вооруженных сил, партизанских отрядов и армейских частей, в ведении гражданской войны. Одна из важнейших идей Октябрьской революции, несомненно, стала ведущей идеей китайской революции и, овладев массами, превратилась в материальную силу. Это была идея неразрывной связи национального и социального освобождения, мысль, что полная независимость от колонизаторов-империалистов возможна лишь на основе глубоких преобразований всей структуры, всей жизни общества.

На завершающем этапе гражданской войны на протяжении трех с половиной лет с июля 1946 г. Народно-освободительная армия, руководимая Коммунистической партией Китая, разбила вооруженные силы гоминдановцев и освободила всю материковую часть страны.

1 октября 1949 г. на площади Тяньаньмынь в Пекине было торжественно провозглашено образование Китайской Народной Республики. Настало время выходить на путь социалистических преобразований. В стране с абсолютным преобладанием крестьянского населения, с крайне слабым развитием экономики следовать по этому пути, разумеется, дело трудное. И здесь впоследствии были допущены тяжелые ошибки из-за игнорирования важнейших принципов марксизма-ленинизма.

Народный Китай вошел в содружество социалистических государств. В государственных и партийных документах подчеркивалось огромное значение сплоченности мировой системы социализма, всего международного коммунистического движения, дружбы со страной Октябрьской революции — Советским Сою-

³⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 146.

зом. Еще в 1957 г. на сессии Всекитайского собрания народных представителей эта идея была выражена в таких словах: «...Союз с СССР или выступление против него — вот грань между революцией и контрреволюцией»³⁷. Прошло немного времени, и именно эту грань преступила группа Мао, порвавшая с марксизмом-ленинизмом, ставшая на позиции национализма и шовинизма, обрекая китайскую революцию на тяжчайшие испытания.

В ряды стран народной демократии вступил и Вьетнам, демократическое движение в там привело к глубоким социальным преобразованиям. Огонь этого движения разгорелся давно. В январе 1930 г. возникла Коммунистическая партия Индокитая, а в сентябре того же года она руководила крестьянским движением в провинции Нге-Ан. Но революция была подавлена французскими колонизаторами, которые бомбардировали с самолетов освобожденные деревни, сравнивали их с землей. Однако огонь революции не погас, он вспыхнул ярким пламенем в августе 1945 г. Тов. Хо Ши Мин так оценивает значение этой революции: «Победа Августовской революции во Вьетнаме вновь подтвердила правильность марксистско-ленинской теории по национально-колониальному вопросу, правильность пути, начертанного Октябрьской социалистической революцией 1917 года. Она подтвердила, что национальная революция, чтобы одержать победу, должна: опираться на широкий национальный фронт против империализма; разрешить крестьянский вопрос; иметь народную армию; пользоваться братской помощью народов и пролетариата других стран; осуществляться под руководством партии рабочего класса»³⁸.

Народному Вьетнаму пришлось выдержать ожесточенные атаки империалистов. В течение почти десяти лет он вел тяжелую и героическую войну против французских колонизаторов. Широкий патриотический фронт, который сложился вокруг Партии трудящихся Вьетнама — наследницы революционного опыта и героических традиций Коммунистической партии Индокитая, помог завоевать победу над силами французского и международного империализма. Независимость, единство и национальная целостность Вьетнама получили официальное международное признание в Женевских соглашениях 1954 г. Эти соглашения, однако, были цинично растоптаны империалистами США, начавшими грубую вооруженную интервенцию и оккупировавшими южную часть Вьетнама. Борьбу против американских захватчиков героический Вьетнам ведет и по сей день.

³⁷ «В интернациональной сплоченности — сила коммунистов», «Правда», 1 июля 1966.

³⁸ «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. 1, стр. 247.

Освобождение Советской Армией Кореи от тяжелого гнета японских колонизаторов открыло перед страной широкую дорогу национальной независимости и демократического развития. Рабочий класс, объединивший вокруг себя все слои трудящихся, руководимый Трудовой партией Кореи, организовал народную власть, пробудившую огромные созидательные силы. В Северной Корее были осуществлены широкие демократические реформы, уничтожены колониальные, полуфеодалные порядки и заложены основы для перехода к социалистическим преобразованиям общества.

Иначе сложились условия в Южной Корее, оккупированной американскими войсками, которые, опираясь на помещиков и компрадорскую буржуазию, стремились использовать эту часть страны как базу для наступления на Корейскую Народно-Демократическую Республику. Американский империализм и лисы-мановская реакционная клика навязали народной Корее трехлетнюю войну. Но империалисты потерпели поражение. «Корейская война показала, — подчеркивал тов. Ким Ир Сен, — что нет такой силы, которая смогла бы покорить народ, взявший власть в свои руки и опирающийся на поддержку мощного социалистического лагеря, народ, вставший на защиту своей свободы и независимости, руководимый марксистско-ленинской партией»³⁹.

Корейская война и ряд других событий послевоенного периода показали, что единство и сплоченность мировой социалистической системы, рост ее экономической и политической мощи ведут к превращению ее в силу, способную определять мировую политику в интересах дела мира, демократии и социализма.

Уже война Советского Союза против фашизма, победа страны социализма в этой войне были предвестниками наступления нового этапа в развитии международного революционного процесса и изменения соотношения реакционных и прогрессивных сил в мировом развитии. Историческую необходимость такого изменения предвидел Ленин. Еще в 1920 г. Ленин выделял значение того периода, когда все злободневнее становится «задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)»⁴⁰.

В течение долгого периода страна победоносной социалистической революции оказывала огромное воздействие на все мировое развитие. Об этом свидетельствует советская внешняя поли-

³⁹ «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. 1, стр. 356.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 165.

тика, развивавшая идеи ленинского Декрета о мире, принятого на второй день Октябрьской революции, помощь моральная и политическая со стороны советского общества и правительства делу правому и прогрессивному. Но понадобился еще значительный путь, чтобы социализм стал превращаться в фактор, определяющий всемирную политику.

Ленин указывал, что решающее влияние на всю мировую политику может оказывать диктатура пролетариата по крайней мере нескольких стран, причем эти страны должны быть передовыми. Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ предприняли величайшие усилия для того, чтобы сделать страну победившего социализма передовой страной, создать и развивать могучую индустрию, добиться крутого подъема сельского хозяйства, построенного на социалистических началах, осуществить культурную революцию. Без этого капиталисты, несомненно, расправились бы со Страной Советов и очаг нового строя на земле потух. Такая победа сил реакции откинула бы трудящееся человечество далеко назад. Превращение СССР в передовую державу во многом изменило ход исторического процесса. Борьба Советского Союза против фашистской реакции показала, каким важным фактором прогресса всего мирового развития стала Страна Советов.

После Октябрьской социалистической революции в народных массах распространилась и укрепилась идея, что трудящиеся могут жить и работать без капиталистов. После успехов наших пятилетних планов стала побеждать мысль о том, что трудящиеся без капиталистов могут совершить великий подвиг — вытащить страну из болота отсталости, вывести ее на широкую дорогу прогрессивного индустриального развития. Великая Отечественная война заставила задуматься трудящихся об огромных материальных и моральных возможностях народа, ликвидировавшего эксплуатацию человека человеком, об активном воздействии социализма на историю человечества, на победу сил прогресса над реакцией во всем мире. Таким образом, величие Октябрьской революции предстало в новом свете и с новой силой. Но социалистическая страна, находящаяся во враждебном капиталистическом окружении, определять всемирную политику еще не могла. Материальные ресурсы, находящиеся в руках капитала, в том числе ресурсы его колоний, были еще очень велики, перевес в развитии техники был на его стороне. Капитал привык решать вопросы мировой политики с помощью грубой силы, и эта сила пока еще принадлежала в значительной мере ему. Его политика «с позиции силы» могла еще приносить успех.

Перелом наступил с того времени, когда рабочий класс, идущий во главе трудящихся масс, взял в свои руки власть и изменил исторические судьбы ряда стран Восточной и Центральной Европы. Такой поворот подготовила Октябрьская социали-

стическая революция, он был произведен теми силами, которые она разбудила и которые творчески освоили ее опыт.

Развитие общества по пути к социализму — процесс сложный и длительный. Когда рушились рабовладельческие империи и на их развалинах пробивались ростки феодализма, значительный период, по выражению Энгельса, был заполнен «бесполезными воспоминаниями и тщетной борьбой» гибнущего рабовладельческого строя. Феодализм отнюдь не сразу стал решающим фактором развития человеческого общества. Так же обстояло дело и с возникающим капитализмом. Хотя первые зачатки капиталистического производства, как указывал Маркс, периодически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее понадобился век, пока капитализм превратился в решающий фактор жизни человечества. Переход от капитализма к социализму совершается иначе, гораздо быстрее, но этот переход происходит не по мановению волшебного жезла. Он зависит в значительной мере сейчас от темпов и глубины развития системы общественной собственности в тех районах, где она победила на земле, от того, насколько показала молодая система свою способность решать все важнейшие узловые вопросы человеческого общежития, неразрешимые для капитализма.

«Октябрьская революция открыла пути решения коренных проблем, выдвинутых всем ходом предшествующего развития всемирной истории: о будущем общества, о характере социального прогресса, о войне и мире, о судьбах мировой цивилизации. Победа Октября подтвердила ленинскую теорию социалистической революции».

(Из постановления ЦК КПСС от 4 января 1967 г. «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции».)

ОКТАБРЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Социалистические страны в Центральной и Восточной Европе уже отпраздновали двадцатилетие со дня начала их революций. Приближается пятидесятилетие Великого Октября. Каково же значение этого величайшего исторического события для сегодняшнего дня?

И мы вновь вчитываемся в чеканные ленинские строки, определяющие основной закон революции. Этот закон сформулирован Лениным на основе анализа опыта Октябрьской революции, он подтвержден всеми революциями, включая и те, которым исполнилось ныне 20 лет. Но этот закон не только обращен к истории, хотя и выведен на основании ее непогрешимых свидетельств. Ведь Ленин говорил, что марксизм отличается своим историческим подходом к явлениям общественной жизни «не в

смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...»¹. Сохраняет ли этот закон свою социальную ценность и для современности, готовящей будущее? Другими словами говоря, идет ли современный капитализм к коренным революционным преобразованиям?

Для революционных преобразований необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Есть ли признаки вызревания кризиса буржуазного управления? Зримы ли такие черты в каждодневном водовороте событий капиталистического мира, столь различных по характеру и значению?

Для революционных преобразований общества необходимо, чтобы народные массы осознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения. Овладевает ли дух социального изменения сознанием масс в капиталистическом мире? Потребность обновления, убежденность, что старые устои социальной жизни не годятся, — вот что порождает революционные преобразования. Конечно, появление таких элементов общественной жизни — не мгновенный акт, их вызревание — длительный процесс.

Какие же вести доносят до нас газетные листы и гул голосов радио о политической жизни в капиталистическом мире? Верно ли представление о плавном и организованном течении общественной жизни в странах капитала? Наблюдателю бросается в глаза, во-первых, то, что политические кризисы стали постоянными спутниками современного капиталистического общества. Нет, пожалуй, ни одной буржуазной страны, которая могла бы похвастаться тем, что она за последние годы не была ареной политических кризисов. Во-вторых, факты говорят, что эти политические кризисы приобрели невиданную для дооктябрьского периода, для начала нашего века остроту, а в ряде случаев и подлинную драматичность.

Вспомним, что в США среди бела дня, на глазах у бесчисленной полиции не так давно был убит президент. Что это, выражение высокой «организованности» современного капитализма? Приводят как аналогию убийство президента Линкольна в прошлом веке, но то был последний выстрел гражданской войны между Севером и Югом страны. Выстрел в Кеннеди — результат кровавой борьбы монополий.

Ленин подчеркивал, что «монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраниают ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов»². Трения и конфликты не смягчаются, а обостряются. При нынешнем государственно-монополистическом капитализме идет самая ожесточенная борьба монополий

за власть. В этой схватке различные группы монополистов порой колеблют даже трон своей общей власти.

Выстрелы продолжают греметь на улицах городов США, политические убийства стали там обыкновением, серии погромов и других злодеяний направлены против негритянского движения. Само это движение при всей его стихийности даже люди, очень далекие от марксизма, называют теперь негритянской революцией. Ведь 20 миллионов негров в Соединенных Штатах, т. е. 20 миллионов американских граждан, требуют предоставить им равные права с белыми, они вышли на улицы не только городов Юга, но и в Нью-Йорке, Вашингтоне, Детройте, Чикаго. Это серьезные потрясения социальной жизни. Вместе с неграми в одном ряду идут белые, которых пока немного, но их участие говорит о возможности слияния двух потоков демократического движения в США. Демократическое движение за мир, против агрессивной политики правительства все выше вздымает свои волны в связи с кровавой войной во Вьетнаме.

Вспомним политические бури во Франции в 1958 г., такие факты, как террор ОАС, и т. д. Сравним политическое положение в стране тогда с ситуацией, сложившейся в прошлом веке в связи с делом Дрейфуса. Можно сделать вывод, что по ряду показателей современный политический кризис был острее и глубже. А ведь Ленин считал, что дело Дрейфуса могло создать революционную ситуацию во Франции³. В заявлении Французской коммунистической партии давалась такая оценка положению в стране: «В настоящее время Франция живет под угрозой гражданской войны и хаоса, под угрозой открытого фашизма. Фашистские головорезы, пользуясь безнаказанностью, нагლეют с каждым днем. Создать союз демократических сил для общей борьбы с фашизмом — национальный долг»⁴.

Грандиозная зимняя всеобщая забастовка 1960/61 г. в Бельгии в корне изменила существовавшее до того у многих представление о Бельгии как о самой спокойной в социальном отношении стране Запада.

В 1962 г. в Испании происходило самое мощное забастовочное движение, с каким приходилось сталкиваться франкистскому режиму со времен окончания гражданской войны в 1939 г. Уже к середине мая участие в этом движении приняли 300 тыс. рабочих в 22 провинциях страны. Большое значение имели также открытые выступления многочисленных представителей интеллигенции в связи с правительственными репрессиями. «Не нужно удивляться, если настанет момент, когда рабочие ответят насилием на насилие, объектом которого они являются»⁵ — та-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 75.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 386.

³ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 255.

⁴ В. Гончаров. Обострение обстановки во Франции. — «Новое время», 1962, № 3, стр. 7.

⁵ «Проблемы мира и социализма», 1963, № 12, стр. 53.

кими словами заканчивается письмо так называемого левого крыла фаланги.

Возьмем правительственный конфликт в Греции в 1965 г., который перерос в острейший политический кризис, вызвавший мощную, долго не затухавшую волну народных выступлений. Однако рабочий класс не был столь могущественным, чтобы оказать решающее влияние на исход кризиса и с этой целью объединить вокруг себя все демократические силы страны.

В 1965 г. в самом центре Вены был убит антифашист и патриот коммунист Эрнст Кирхвегер. Похороны его вылились в крупную манифестацию антифашистского единства. Буржуазная газета «Тиролер тагесцейтунг» нарисовала следующую, по ее мнению мрачную, картину будущего: «Нельзя более исключить возможность того, что... в стране появится похожее на народный фронт объединение коммунистов, австромарксистов-социалистов и левых католиков»⁶. Реакция сделала все возможное, чтобы избежать этого.

Можно привести многочисленные другие примеры, свидетельствующие, что о бесконфликтности политической жизни современного капиталистического общества не может быть и речи. Там, где буржуазным теоретикам мерещится зеркальная гладь, там любой наблюдатель видит постоянные потрясения.

Каков характер этих политических кризисов, какова тенденция их развития? Политический кризис может быть чреват революционными изменениями в том случае, если он, как установил Ленин, «касается именно *основ* государственного устройства, а вовсе не каких-либо частных его, касается *фундамента* здания, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа»⁷. Нельзя, разумеется, сказать, что современные кризисы обладают такими чертами. Они еще не обнажают с достаточной силой фундамента капиталистического строя. Но налицо серьезные признаки кризиса власти буржуазии, ее системы политического управления. Причем следует сказать, что для большинства капиталистических стран возможность выхода с помощью фашизма, с помощью установления открытой террористической диктатуры закрыта. Фашизм дискредитирован, народные массы стали бдительнее, попытки фашизации наталкиваются на их растущее сопротивление.

В этих конфликтах проявляется кризис государственной власти буржуазии (борьба между монополиями за власть, схватка за власть между влиятельными группами правящих классов, борьба, перерастающая парламентские формы и обычную систему сговоров и соглашений, и т. п.). Механика этих

кризисов такова, что их развязывают господствующие классы, но в кризисы вовлекаются рабочий класс, другие слои трудящихся, городские средние слои. Причем удельный вес и роль масс народа в их развитии возрастают.

В ряде случаев острые кризисы правительственной политики, ее беспомощность в решении назревших вопросов подчеркивают необходимость преобразования социальной и экономической структуры общества. Вот что говорит об этом тов. Луиджи Лонго, генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии: «И в Италии объективно и со все большей настоятельностью выдвигается потребность социалистических преобразований. Опыт левоцентризма, его провал доказывают, что обновление итальянского общества, а также удовлетворение самых насущных нужд народных масс не могут быть по-настоящему осуществлены, если не будет положен конец процессу монополистической экспансии, если не будут проведены глубокие преобразования нынешних экономических и социальных структур. Из-за нежелания идти по этому пути левоцентристская коалиция ввергла страну в тяжелый экономический кризис, вызвавший волну увольнений, временное закрытие предприятий, неполную занятость рабочих. Но ответом на это было широкое движение трудящихся за свои права»⁸.

Реформисты рассчитывают, что с помощью реформ, не меняя фундамента общества — частнособственнических отношений, можно будет найти выход из обостряющихся противоречий. Ленин считал, что час революционного преобразования общества бьет, когда исключена возможность «реформаторского выхода из положения»⁹. Что же касается реформ, то Ленин говорил о них: «Мы ведем самостоятельную политику, выдвигая *лишь* лозунги таких реформ, которые *безусловно* выгодны интересам революционной борьбы, которые *безусловно* повышают самостоятельность, сознательность и боевую способность пролетариата»¹⁰. Хотят этого или не хотят реформисты, объективно речь идет сейчас о проведении именно таких реформ. «Реформы», служащие мобилизации и активизации сил реакции, встречают противодействие масс, так как они в конечном итоге являются наступлением на демократические права трудящихся, попытками искусственно уменьшить их роль в общественной жизни. Путь же возможных реформ в капиталистическом обществе, которые могут поддержать массы, — это путь усиления роли трудящихся в политической и экономической жизни капиталистического мира. Вокруг этого и кипит ожесточенная борьба. Но свойство таких реформ таково, что они подводят к революционному пре-

⁶ Э. Цуккер-Шиллинг. Обстановка в Австрии. — «Новое время», 1965, № 18, стр. 19.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 300—301.

⁸ «Правда», 2 апреля 1966 г.

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 301.

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 263.

образованию современного буржуазного общества мирным или немирным путем. Они приближают тот момент, когда следующий шаг становится необходимым, когда он диктуется логикой общественного развития и классовой борьбы. В этом заключается одна из характерных особенностей политической жизни современного капиталистического мира.

В каком направлении развивается рабочее движение? В новых условиях борьба пролетариата направлена против государственно-монополистического капитализма. И в этой борьбе выступает ведущая тенденция — рабочий класс борется за право решать политическую, социальную и экономическую судьбу общества. Эта борьба принимает разные формы. Иной раз действительные глубокие цели ее еще не осознаны пролетариатом, а социал-реформисты делают все от них зависящее, чтобы процесс роста сознательности рабочего класса тянулся подольше.

Одним из проявлений тенденции усиления борьбы рабочего класса за свое право решать судьбу страны является его активизация на выборах, увеличение числа депутатов-коммунистов в законодательных органах, в парламентах ряда государств, а кое-где (в Финляндии, например) и участие коммунистов в правительстве. Парламентские фракции коммунистов в Италии и Франции играют большую роль в политической жизни страны. Этого не могут отрицать и самые заядлые реакционеры. Но важно подчеркнуть, что заметны и другие, внепарламентские проявления той же тенденции.

Все более настойчиво ведется борьба рабочим классом за участие в управлении предприятием и в целом всем хозяйством страны. Вместе с тем все более ясно становится, что капиталисты, хваленые организаторы производства, ныне для его развития не нужны. Они лишь паразитируют на производственном процессе. Даже некоторые буржуазные экономисты со вздохом сожаления вынуждены это признать. Например, Шумпетер — видный швейцарский экономист — приходит к выводу, что предпринимательство умирает. Он пишет, что «капиталистический процесс... уменьшает в конечном счете значение той функции, благодаря которой живет класс капиталистов»¹¹. Конечно, Шумпетер при этом остается апологетом капитализма, но важно, что он уже не все может скрыть.

Социал-реформисты хотят ликвидировать процесс борьбы рабочего класса за его права на производстве, свести все к «социальному партнерству», к мирному сосуществованию капиталистов и рабочих, управляющих «совместно», причем на долю капиталистов приходится реальная власть, а рабочим остается как некая «утешительная премия» право сидеть за одним столом с капиталистами. Капиталисты стремятся использовать эти фор-

мы сотрудничества для подкупа профсоюзной верхушки, определенных слоев рабочих, дискредитировав вместе с тем эти формы в глазах масс.

Но обуздать всеми этими мерами реальную тенденцию социального развития и борьбы рабочего класса за повышение своей роли в общественной жизни стран капитала не удастся. Несомненно, что эта борьба не примиряет классовые противоречия, а в конечном счете обостряет их в новых условиях. Во многих странах борьбу трудящихся возглавляют коммунисты, они вскрывают перед рабочими суть борьбы за право участия в управлении предприятием, за увеличение влияния пролетариата на управленческие процессы производства.

В ряде случаев идет борьба за права комитетов или других организаций рабочих на предприятиях, как, например, комитеты шопстюардов в Англии. Идет процесс вторжения рабочего класса, его организаций в решение таких вопросов, которые ранее считались компетенцией предпринимателя, проявлением его частнособственнических прав. Недаром предприниматели начинают оказывать этому процессу все более энергичное сопротивление, понимая, что процесс этот выходит за рамки «социального партнерства». Национальный совет французских предпринимателей категорически заявил, например, в 1965 г., что «в области руководства предприятиями власть не может быть разделена»¹². Аналогичные голоса раздаются в Западной Германии и других капиталистических государствах. Нельзя не отдать должное капиталистам, классовое чутье их не обманывает, они разгадывают возможное направление процесса.

Опыт Октябрьской революции показал, что рабочий класс готовил ее, завоевывая прочные позиции, создавая специальные институты своего участия в политической жизни общества, опираясь на которые он затем мог поставить и решить вопрос о завоевании власти. Вспомним чрезвычайно важные в теоретическом и практическом отношении высказывания Ленина о Советах: «Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 года, не создало Советов еще в феврале 1917 года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел только от наличия уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы»¹³. Надо добавить к этому, что в результате установления рабочего контроля накануне Октябрьского восстания 1917 г. на многих крупных предприятиях рабочие становились хозяевами на производстве. Накануне революции все говорило о резком увеличении роли рабочего класса в политической и

¹¹ J. Schumpeter. Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie. Bern, 1946, S. 231

¹² Пьер Жансус. Современные проблемы профсоюзов. — «Проблемы мира и социализма», 1966, № 9, стр. 24.

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 6.

экономической жизни страны. Это была важная сторона его подготовки к тому, чтобы осуществить затем государственное руководство обществом.

В этой связи на память приходит мысль, изложенная в одном давнем документе рабочего движения, в обращении заводского комитета Путиловского завода в Петрограде 24 апреля 1917 г.: «Приучаясь к самоуправлению в отдельных предприятиях, рабочие готовятся к тому времени, когда частная собственность на фабрики и заводы будет уничтожена и орудия производства вместе с зданиями, воздвигнутыми руками рабочих, перейдут в руки рабочего класса. Поэтому, делая маленькое дело, нужно постоянно помнить о той важной и главной цели, к которой стремится рабочий народ»¹⁴. Это был период, когда на заводах и фабриках России явочным порядком вводился рабочий контроль, до национализации было еще далеко. Пролетариат России проходил большую школу, убеждаясь в негодности системы управления капиталистов, приглядываясь внимательно к методам управления. Становление государства народной демократии в ряде стран также показало необходимость сильных позиций рабочего класса в жизни общества для того, чтобы затем революционным путем можно было приступить к коренным социальным преобразованиям. Такова историческая тенденция.

Объективная логика борьбы рабочего класса за улучшение своего экономического положения также в конечном счете приводит к атакам на фундамент буржуазного общества. Это новая и важная тенденция в современном развитии рабочего движения. Частичные требования все чаще бывают обращены не только к тому или иному заводчику, но к государственно-монополистическому капитализму, который господствует во всей жизни общества.

Несомненно, что существование могучей системы социализма оказывает большое влияние на результаты борьбы пролетариата. Пошли бы капиталисты на такие уступки рабочему классу, как социальное обеспечение, оплачиваемые отпуска той или иной продолжительности, организация бесплатной медицинской помощи и т. д., если бы на свете не было мировой системы социализма, Советского Союза, где существует бесплатная медицинская помощь для трудящихся, осуществлены широчайшие мероприятия по социальному обеспечению? Социал-реформистские теоретики утверждают, будто все эти уступки капиталистов свидетельствуют о появлении «нового капитализма», который-де перестал быть капитализмом и превратился в некое смешанное общество — «полусоциализм-полукапитализм». На самом деле речь идет об уступках капитализма, которые он де-

лает борющемуся рабочему классу, имея перед глазами пугающий его пример социалистических стран, воплощающих великие социальные завоевания трудящихся.

Зачем нужна революция, говорят буржуазные и реформистские теоретики, если и при капитализме возможны такие улучшения в положении рабочего класса? Но дело в том, что достигнутые улучшения не ставят предела дальнейшим требованиям пролетариата, все более проявляется тенденция, ведущая к тому, что возрастающие требования затрагивают «право» капиталистов присваивать себе львиную долю национального дохода. Владельцы предприятий постоянно жалуются, что рабочий класс повышает свои требования и нет им предела. Так называемая политика доходов, проводимая сейчас в ряде стран, именно и преследует цель установления государством в рамках капиталистического планирования или программирования предела повышения номинальной заработной платы для наемного труда во всех отраслях промышленности. Такова генеральная линия капиталистов, отстаивающих свое «право» на огромные прибыли. Но рабочий класс не желает мириться с этой теорией и практикой, устанавливающей пределы для его экономической борьбы пролетариата имеет глубокий социальный смысл. Рабочий класс не признает установленного разделения «национального пирога» между трудящимися и капиталистами. И здесь он требует увеличения своей доли, своего права на национальный доход. Это одна из сторон общей тенденции борьбы за увеличение роли рабочего класса в жизни общества. Но такая борьба не может не наталкиваться на преграды, которые возводит на ее пути государственный и социальный строй буржуазного общества. Рабочий класс требует, чтобы планирование и программирование вело к укреплению его позиций в обществе. В ответ на это протаскиваются законы и принимаются другие меры, ограничивающие право бастовать. В Англии, например, во время стачки моряков было объявлено чрезвычайное положение, судебные преследования профсоюзов были организованы в США в связи со стачкой транспортников в Нью-Йорке и забастовками на железных дорогах. Борьба против таких законов и мер становится борьбой против государственной политики, т. е. неизбежно переходит в сферу политической борьбы. Таковы протупающие тенденции развития экономической борьбы пролетариата, которая начинает упираться в государственное устройство буржуазных стран.

И если жизнь поставит вопрос о том, может ли буржуазия управлять производством и всей государственной и общественной жизнью страны, то этот вопрос рабочий класс и другие слои трудящихся не смогут решать, отвлекаясь от того, как развивается строй, основанный на общественной собственности.

¹⁴ Цит. по кн.: «Великий Октябрь. Сборник статей». М., 1958, стр. 201.

Для того чтобы рабочий класс стал хозяином в нынешнем капиталистическом мире, необходимо совершенствование управления хозяйством там, где оно уже находится в его руках. Таково требование времени.

В Заявлении коммунистических и рабочих партий 1960 г. подчеркнуто, что для социалистических стран необходимо «неуклонное улучшение политической и хозяйственной работы, постоянное совершенствование методов руководства народным хозяйством, научно обоснованное социалистическое хозяйствование — всемерное повышение производительности труда на основе непрерывного технического прогресса, плановое ведение хозяйства, неуклонное соблюдение ленинских принципов материальной заинтересованности и всемерного развития моральных стимулов к труду на благо общества путем повышения политического сознания масс, осуществление контроля над мерой труда и потребления»¹⁵.

Игнорирование этих требований будет означать, что империализм окажется сильнее в технико-экономическом, а следовательно, и в военном отношении по сравнению с социализмом. Возможности помощи освободительному движению со стороны системы социализма сократятся, ее воздействие на рабочий класс развитых капиталистических стран и на трудящихся стран, борющихся за свою независимость, также уменьшится. Большое значение для победы идей коммунизма во всем мире имеет не только индустриальное развитие стран социализма, но и успешное решение ими вопросов развития социалистического сельского хозяйства, осуществление ленинского кооперативного плана. Влияние Октябрьской социалистической революции возрастало и возрастает по мере успехов социализма, по мере того как преимущества социализма перед капитализмом становятся все нагляднее. «...План развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы, — говорится в Директивах XXIII съезда КПСС, — явится новым важным этапом в создании материально-технической базы коммунизма, ускорении темпов роста благосостояния советского народа. В результате его выполнения Советский Союз достигнет более высоких рубежей в экономическом соревновании с капитализмом, что окажет большое влияние на усиление мирового революционного процесса»¹⁶.

Коммунистическая партия Советского Союза показала, что сейчас центр тяжести в историческом соревновании между социализмом и капитализмом перенесен на такие стороны производства, как его технический уровень, качество и надежность

продукции, эффективность ее использования. Именно на этом участке фронта должен быть нанесен мощный удар по капитализму. Социалистическому обществу отнюдь не безразлично, за счет каких усилий и издержек, какой ценой достигается результат в процессе производства. Только соблюдая ленинский закон хозрасчета, можно добиться роста национального дохода, отвечающего задачам роста производства и повышения благосостояния народа. Советский Союз и ряд других стран социализма решают сейчас коренные, важнейшие задачи, встающие перед развитым социалистическим обществом.

Трудно преувеличить историческое значение современного отрезка пути, начатого Октябрьской революцией. И когда страны социализма выдвигают на каждом участке и по всему фронту великой стройки нового общества требование глубокой научной обоснованности и наиболее эффективной реализации всех потенций социализма, определяемых закономерностями его развития, они понимают, что успешное выполнение этих требований несет большие победы социализму в его экономической, политической и идеологической борьбе, т. е. во всех трех формах классовой борьбы трудящихся против мирового капитала.

Трудящиеся капиталистических стран высоко ценят опыт строительства коммунизма в Советском Союзе как вклад в их борьбу, как выполнение трудящимися СССР их интернационального долга. Об этом свидетельствуют многочисленные выступления представителей братских партий на XXIII съезде КПСС. Об этом говорил, например, тов. Арисменди, первый секретарь ЦК коммунистической партии Уругвая: «Каждая ваша цифра — это удар в грудь империализма, это вдохновляющий свет для рабочего класса и всех угнетенных мира, она содействует новым успехам демократии, национального освобождения и социализма»¹⁷.

XIX съезд Коммунистической партии Канады принял специальную резолюцию в связи с наступающим пятидесятилетием Великой Октябрьской революции: «Каждый успех, достигаемый Советским Союзом, укрепляет дело мира, рабочее и демократическое движение в нашей собственной стране, вдохновляет его на дальнейшую борьбу против власти монополий и стремления империализма США к мировой войне. Советский Союз является могучей силой в борьбе за мир, демократию, независимость и социализм. Настоящий съезд призывает всех прогрессивных и настроенных в пользу социализма канадцев объединиться в праздновании пятидесятой годовщины Октябрьской революции, рассматривая это как часть борьбы за новое демократическое развитие».

¹⁵ «Документы совещания коммунистических и рабочих партий. Москва, ноябрь 1960 года». М., 1960, стр. 21.

¹⁶ «Материалы XXIII съезда КПСС». М., 1966, стр. 225.

¹⁷ «Правда», 4 апреля 1966 г.

Победа Октябрьской социалистической революции, а затем возникновение и развитие мировой системы социализма оказали большое влияние на все стороны развития капиталистического общества, нет таких изменений, которые совершились бы вне зависимости от этих событий.

Можно ли, например, толковать нынешнюю научно-техническую революцию лишь как результат внутреннего развития капитализма? Так рассуждать нельзя. Известно, что империалистам, монополиям выгоднее было иной раз класть под сукно даже очень важные изобретения. Это закономерность, присущая внутреннему развитию капитализма с момента вступления его в последнюю фазу своей истории, со времени подавления конкуренции могущественными монополиями. И если империалисты заговорили о научно-технической революции, то это прежде всего потому, что ныне перед ними вырос могучий соперник — социализм, который быстро развивается и в технико-экономическом отношении. На всем протяжении истории капиталисты имели соперников одной классовой природы. По отношению к труду они выступали только как работодатели, эксплуататоры. Но теперь появился соперник совсем другой классовой природы, их антагонист — труд, объединенный в могучую самостоятельную производительную силу и демонстрирующий со всей наглядностью, что капиталисты стали лишними для развития производства. В этих новых условиях монополии вынуждены все большее внимание обращать на совершенствование техники и технологического процесса.

Нельзя выводить научно-техническую революцию лишь из закономерностей внутреннего развития науки и техники, это развитие в основном и главным социально детерминировано, обусловлено в конечном счете изменениями в общественном, историческом процессе. Каковы же эти изменения?

Научно-техническая революция связана, конечно, с успехами науки, но она определяется развитием общества, наступлением такого этапа в его истории, когда потребность в применении все новых и новых достижений науки стала настоящей. В каких условиях это происходит? Социалистическому обществу революция в технике дает новые эффективные средства для завершения строительства социализма, для построения материально-технической базы коммунизма. Техническая революция отвечает его жизненным потребностям. Загнивающий капитализм хватается за новейшие достижения техники для того, чтобы еще продержаться на земле.

Детище международного рабочего класса, опаснейший соперник капитализма — мировая система социализма выступает и в сфере производства его опасным соперником. Призрак коммунизма встал и пад такой областью, как техника и технология, уступить эту сферу капиталисты не желают. Некоторое

спешное перевооружение капитализма в борьбе против социализма — неопровержимый факт. И оно касается не только военной техники, которая является лишь составной частью технической вооруженности современного общества.

Можно задать в этой связи такой вопрос: участвовали бы монополии США столь настойчиво в исследовании космоса, привлекло бы государство для этого большие научные силы, тратило бы оно огромные средства, если бы исследование космоса не велось с таким успехом страной социализма? Отрицательный ответ совершенно ясен. Достаточно прочесть открывшиеся заявления буржуазной печати о «гонке в космосе».

Нельзя не видеть, что научно-техническая революция не может излечить капитализм от его недугов, не может вдохнуть в него молодость, она неизбежно ведет в конечном счете к обострению противоречий, присущих капиталистическому обществу. Вот один из выводов комиссии по технике, автоматизации и экономическому прогрессу, созданной конгрессом США и опубликовавшей свой доклад в 1966 г.: «Заккрытие устаревших предприятий в результате технических и экономических изменений в некоторых случаях обрекло на нищету население целых районов... В 1963 г. около 35 млн. трудящихся все еще не имели прожиточного минимума»¹⁸.

Вот другой вывод той же комиссии, которая констатирует, что в результате технической революции «потребовалось бы каждый год на два миллиона рабочих меньше для того, чтобы произвести такое же количество товаров... Хотя спрос слегка и увеличился, это увеличение недостаточно для того, чтобы сбалансировать одновременное увеличение производительности труда и числа людей, пополняющих рабочую силу»¹⁹. Комиссия конгресса США, конечно, побоялась сделать из этих фактов общий вывод, но три ее члена — представители объединения профсоюзов АФТ—КПП, к которым присоединились еще два члена комиссии, записали такое мнение: «Мы твердо убеждены, что определенная форма государственного демократического планирования необходима Соединенным Штатам». И далее: «Слепые силы рынка больше не в состоянии справляться со сложными проблемами современного общества». Если таким языком заговорили официальные представители реакционных профсоюзных объединений АФТ—КПП, стоящих на страже устоев капитализма, то, следовательно, в капиталистическом мире конфликт между уровнем развития производительных сил и производственными отношениями проступает все явственнее. Деятели АФТ—КПП надеются преодолеть этот конфликт с по-

¹⁸ Пьер Жансус. Современные проблемы профсоюзов. — «Проблемы мира и социализма», 1966, № 9, стр. 22.

¹⁹ Там же.

мощью «государственного демократического планирования»²⁰. Но в чьих руках для этого должна быть государственная власть? Они, конечно, не ставят такого вопроса, но их слова показывают, что буржуазия приближается к тому рубежу, когда окажется, что по-старому она управлять не может.

Большинство рабочего класса еще не осознало, что жить по-старому нельзя, но и здесь накапливаются признаки перелома. Как же при этом можно считать «безнадежно устаревшей» мысль Маркса, сформулированную им в середине прошлого века, о социалистическом преобразовании общества! «Подобная революция, — писал Маркс, — возможна только в те периоды, когда оба эти фактора, современные производительные силы и буржуазные формы производства, вступают между собой в противоречие»²¹. Буржуазные формы производства все более стесняют развитие производительных сил, и научно-техническая революция еще резче подчеркивает необходимость изменения этих форм.

В связи с научно-технической революцией у капиталистов появилась в последнее время новая надежда. Техническая революция, утверждают они, подорвет значение рабочего класса в важнейшей сфере деятельности человека — в производстве. Венгерский историк тов. Немеш справедливо замечает, что и ревизионисты, плетущиеся в хвосте за буржуазными идеологами, отрицают «руководящую роль рабочего класса под предлогом, что «в эпоху атома» этот ленинский принцип «устарел» и должен быть заменен признанием «руководящей роли интеллигенции»»²². Кое-где от слов перешли к делу, пытаясь с помощью немногих техников и служащих предотвратить остановку предприятия, сорвать забастовку рабочих. В течение шести месяцев во время забастовки рабочих на нефтеочистительном заводе в Канаде предприниматели смогли поддерживать производство с помощью инженерно-технического персонала и служащих. Появились далеко идущие планы: опираясь на интеллигенцию, низвести рабочих до уровня античного пролетариата, который не играл никакой роли в производстве, а получал от рабовладельцев подачки в виде «хлеба и зрелищ».

Но и тут действительность, развитие реальных процессов отказывается помогать планам империалистической реакции. Встает несложный вопрос: если инженерно-технические работники «заменяют» рабочий класс в капиталистическом обществе, то не будут ли они подвергаться и эксплуатации подобно рабо-

чим? Пока останутся буржуазные формы производства, останется и эксплуатация, а следовательно, будет продолжаться и борьба между трудом и капиталом. В итоге будет иметь место дальнейшее расширение рядов рабочего класса, известное изменение его структуры, но отнюдь не уменьшение его роли в производственном процессе. Реальностью стали уже сейчас забастовки служащих, чертежников, других категорий инженерно-технических работников. Другое дело — отставание сознания известных групп интеллигенции от происходящих изменений их социального бытия. Но марксистско-ленинские партии, развернув борьбу за интеллигенцию, содействуют привлечению ее на сторону рабочего класса.

Капитализм отнял у труда его духовное содержание, его творческое начало, все больше превращая рабочего в автомат. Трудящийся человек не может с этим смириться. А буржуазные формы производства не позволяют преобразовать труд, прекратить его «деспиритуализацию», как выражаются буржуазные социологи. Значительные группы интеллигенции уже сейчас познают горечь такого труда.

Социалистическое общество вновь наполняет труд высоким духовным содержанием. Причем речь идет не о возврате к труду ремесленника, кустаря. Духовным содержанием наполняется современный, технически высоко оснащенный труд. Растет культурный и технический уровень трудящихся. Каждый новый шаг мировой социалистической системы по пути развития инициативы и самостоятельности трудящихся в производстве — новый удар по современной капиталистической системе.

Все эти и подобные им факты показывают, как мировая система социализма вышла на все пути мировой истории, все более определяя ее ход и направление. Но процесс возрастающего влияния мировой системы социализма противоречивый и сложный, его нельзя упрощать, считая, что капитализм сдается без боя или уже сдался и разваливается у всех на глазах.

В современной идеологической борьбе огромное значение имеет отношение людей разных профессий и различных социальных категорий к уже существующему на земле социализму. Это изменяет характер всей духовной жизни современного общества, ставя в центр ее борьбу между социалистической и буржуазной идеологией. Ленин подчеркивал в начале века, что «буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает неизмеримо большими средствами распространения»²³. Ныне социалистическая идеология разрабатывается всесторонне, она способна ответить на все духовные запросы человека, средства ее распространения выросли в огромной

²⁰ Пьер Жансус. Современные проблемы профсоюзов. — «Проблемы мира и социализма», 1966, № 9, стр. 22.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I. М., 1948, стр. 197.

²² «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. I. М., 1958, стр. 232.

²³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 41.

степени. Такой перелом в распространении социалистических идей произошел после Октябрьской социалистической революции, когда социализм стал исторической действительностью. Реакционная буржуазия все свои усилия сосредоточивает именно на том, чтобы опорочить опыт строительства социализма. Это ось современной идеологической борьбы. Поэтому любая наша ошибка раздувается буржуазной пропагандой, а весь путь социализма клеветнически изображается вереницей ошибок. Но если Ленин при всех явных тяжелых ошибках Парижской коммуны, при всей кратковременности ее существования говорил, что мы все стоим на плечах у Парижской коммуны, то как же передовое человечество может определить свое отношение к нынешнему огромному опыту строителей социализма на земле, иначе как объявив себя продолжателями и его последователями! Без творческого освоения опыта Октябрьской революции, строительства социализма в СССР и других социалистических стран сейчас уже невозможно последовательное социалистическое мировоззрение. Выбор трудящимися путей в будущее, их отношение к учению марксизма-ленинизма в значительной степени зависят от правильного понимания ими того, как решают страны социализма встающие перед ними задачи. Это имеет огромное политическое и идейное значение для борьбы против капитала, для воздействия идей коммунизма на все слои трудящихся.

Но идеи социализма распространяются не только в развитых странах капитала, но и в странах, находящихся в колониальной зависимости, стремящихся сбросить это ярмо или уже освободившихся от него и строящих новую жизнь. О чем говорит этот факт? Во-первых, о том, что идеи национального освобождения тесно переплетены с идеями социального освобождения. О том, что свержение ига иностранных капиталистов-колонизаторов неизбежно требует значительных изменений социальной структуры общества. Подлежит ограничению и вытеснению деятельность тех элементов общества, которые в силу своей социальной и экономической природы оказывали помощь и содействие иностранному капиталу — колонизатору. В этом смысле огромное значение имеет пример народно-демократических революций, которые, очищая свою землю от иностранных захватчиков, вместе с тем выметали вон и всех их местных пособников, стремились закрыть все каналы для возможного восстановления их власти, переходили к глубоким социальным преобразованиям.

Во-вторых, появление и развитие этой черты современного исторического процесса с новой силой подчеркивает международное значение Октябрьской революции и народно-демократических революций. К их опыту обращают свои взоры все более широкие слои населения земли в разных ее краях, живущие в

различных социальных, экономических и культурных условиях. История свидетельствует, следовательно, что международное значение Октябрьской революции и последующих революций растет и ширится.

Происшедший в результате победы Октябрьской социалистической революции раскол мира на две противоположные системы создал наиболее благоприятные условия для развития важной силы современного революционного процесса — национально-освободительного движения в колониальных, зависимых и полузависимых странах. Народы этих стран один за другим добиваются политической независимости и вступают в полосу боев за свою экономическую независимость от империалистических государств.

Народы, борющиеся за национальное освобождение, используют опыт, накопленный мировым революционным движением. При этом освободительный процесс протекает в двух формах, открытых марксистско-ленинской теорией и подтвержденных практикой: мирной и вооруженной. Пример развития партизанского движения в годы гражданской войны и в период Великой Отечественной войны, принципы формирования армии, некоторые основные принципы ведения вооруженной революционной борьбы, широко освещенные в советской литературе, в том числе в художественной, нашедшие свое отражение и в кино, вошли буквально во все бои и битвы всех отрядов современного национально-освободительного движения. Они стали, проще говоря, азбукой вооруженной борьбы за национальное освобождение, хотя, может быть, и не все пользующиеся ею знают, как она возникла.

Важнейшим требованием революционной стратегии является поддержка революционной борьбы массами трудящихся, на них опирается и вооруженная борьба, и революционный переворот, осуществляемый мирным путем, причем сила сопротивления, степень вооруженного насилия господствующих классов определяют вооруженный или более мирный путь революции. Именно это доказала последняя по времени кубинская революция, разрешившая задачу национального и социального освобождения народа.

В речи на суде, когда реакция схватила Фиделя Кастро после нападения на казарму «Монкада» 26 июля 1953 г., он заявил: «Когда мы говорим о народе (если речь идет о борьбе), мы имеем в виду те 600 тысяч кубинцев, которые не имеют работы и хотят честно зарабатывать хлеб, а не эмигрировать из страны в поисках средств к существованию. Мы говорим о 500 тысячах сельскохозяйственных рабочих, живущих в жалких хижинах, имеющих работу всего четыре месяца в году и голодающих в остальное время... Мы говорим о 400 тысячах промышленных рабочих и батраков, у которых нет будущего и у

которых отняты все завоеванные ими права... а в будущем их ожидает безработица и отсутствие средств к существованию... мы говорим также о 100 тысячах мелких землевладельцев, которые живут и умирают, обрабатывая чужую землю... Словно феодальные крепостные, они должны отдавать хозяину часть своего урожая; они не могут улучшать, украшать эту землю... ибо они не знают, когда придут судебный агент и сельская полиция и сгонят их с этого участка; мы говорим также о 30 тысячах самоотверженных преподавателей и профессоров, искренне беспокоящихся о судьбе будущих поколений; их труд не пользуется уважением, и им так мало платят за него; мы говорим и о 20 тысячах мелких торговцев, отягощенных долгами, разоряемых кризисом и окончательно добиваемых продажными чиновниками и взяточниками; мы говорим о 10 тысячах молодых представителей интеллигенции — врачах, инженерах, адвокатах, ветеринарах, педагогах, зубных врачах, фармацевтах, журналистах, художниках, скульпторах и т. д., — которые покидают учебные аудитории с желанием бороться, полные надежд, а попадают в тупик, натываясь повсюду на закрытые двери, на безразличие к их просьбам и требованиям»²⁴. Такова была социальная картина Кубы до революции. Таковы были движущие силы революции. Такова была историческая необходимость ее торжества.

Реакционный военный переворот, происшедший на Кубе 10 марта 1952 г., красноречиво показал, что господствующие классы не могут управлять страной по-старому, что они мечутся от буржуазно-демократических форм к формам, порожденным самой черной реакцией, стремясь спасти латифундии и их хозяев, подвергая грабежу достояние народа и подавляя его освободительное движение. Монополии США безоговорочно хозяйничали в стране. Все говорило о том, что разрешить глубокий кризис национальной экономики с помощью каких-либо частичных реформ невозможно.

Уже события 26 июля 1953 г. явились грозным симптомом, показывающим, что народные массы не хотят жить по-старому, не желают терпеть старую систему управления хозяйством и всей общественной жизнью страны. В этот день революционеры предприняли штурм казармы «Монкада», своеобразной Бастилии в самой обширной из кубинских провинций — Ориенте. Казармы взять не удалось, революционерам не пришлось выиграть этот бой, но они, как показали последующие события, выиграли войну, ибо страна созрела для революции, ибо на их стороне было сочувствие народа и имелась возможность пробудить его могучую силу для разрушения старого и создания нового.

²⁴ «Куба. Историко-этнографические очерки». М., 1961, стр. 37—38.

В эмиграции, далеко от родных берегов, революционеры продолжали подготовку к дальнейшей борьбе, уверенные, что время революции пришло. 25 ноября 1956 г. яхта «Гранма» вернула революционеров на родную землю. И после 17 января 1957 г., когда революционеры принудили сдать правительственный военный пост в Сьерра-Маэстре, страна заговорила с радостной надеждой о первых боях, цель которых — освобождение народа. Революционеры смогли создать партизанские колонны, а затем организовать два фронта против правительственных войск: первый — в горах Сьерра-Маэстры и второй — восточный. У партизанских отрядов появились необходимые мастерские, созданы были административные управления, которые действовали как правительственные органы. Борьба требовала не только героизма и мужества в тяжелых боях, в трудных, изнуряющих походах, но и организаторских талантов, пропагандистского искусства, умения добиться поддержки трудящихся масс Кубы.

Хорошо вооруженные правительственные войска вели ожесточенные бои, но разложение в стане противника росло. 1 января 1959 г. после штурма сдался гарнизон города Санта-Клара, и в тот же день диктатор Батиста вместе со своими сообщниками бежал из страны. Всеобщая забастовка трудящихся Гаваны и почти всех городов западной части страны пресекла попытки реакционеров задержаться у последнего рубежа, создав консервативное правительство. Повстанцы потребовали безоговорочной капитуляции и армии диктатора, и нового «правительства».

Важнейшей задачей революции была аграрная реформа. Были ликвидированы латифундии с их полуфеодальными формами эксплуатации, исполнители освободились от тяжких оков земельной ренты, крестьяне получили в свои руки земельные участки. Кубинская революция доказала осуществимость важнейших антиимпериалистических и антифеодальных задач, которые выдвинуты были ходом общественного развития стран Латинской Америки.

Другой задачей революции была национализация сахарных «инженерских», поместий, нефтеперерабатывающих заводов, шахт, банков, производства электроэнергии, фабрик и заводов, телефонной связи, железных дорог и т. д. Господству монополий в Латинской Америке пришел конец. Кубинский народ первым в Латинской Америке решил задачу национального освобождения, завоевав экономическую и политическую независимость.

Была проведена широкая демократизация социальной и политической жизни, создано новое государство, хозяевами которого являются рабочие и крестьяне, сформирована новая армия; уже на третьем году революции была уничтожена неграмотность, великая социальная энергия была высвобождена, и

прост сознательности трудящихся стал важным фактором прогресса страны.

Выполнение назревших антимпериалистических задач необходимо привело к изменению фундамента общества, к социалистической революции. Кубинская революция ликвидировала не только господство монополий США в стране, но и власть буржуазии (тесно связанной с американским капиталом), экспроприировав ее предприятия и земельные владения. Создался мощный государственный сектор экономики, в котором господствуют социалистические производственные отношения. В деревне на базе латифундий стали возникать сельскохозяйственные кооперативы и народные имения.

Революция на Кубе вновь подтвердила, что революции не делаются по заказам и не экспортируются из других стран. Они возникают в результате внутренних процессов развития той или иной страны, когда это развитие приводит к глубокому общенациональному кризису.

Революция на Кубе показала, что победа возможна лишь при поддержке народа, что союз рабочего класса с крестьянством и другими демократическими слоями — условие торжества революции. И этот опыт Октября и народно-демократических революций был также подтвержден в новых условиях.

Революция на Кубе показала, что в изменившейся международной обстановке, когда существует могучая система социализма, возможна победа революции в небольшой стране, даже находящейся в непосредственной близости от цитадели империализма. Для создания общенационального кризиса и победы революции нет необходимости в таких международных катаклизмах, как войны. Кубинская революция победила почти через 14 лет после окончания второй мировой войны в том районе земного шара, который непосредственно в эту войну и не был вовлечен.

Таким образом, кубинская революция, происшедшая более чем через 30 лет после Октябрьской революции, в новых исторических условиях, на «новом» для социалистической революции континенте показала, что основные закономерности Октябрьской революции имеют непреходящее международное значение. Они касаются самого существа социалистической революции и в новых ее формах продолжают играть большую роль.

Если говорить о подготовке революции, то прежде всего надо сказать о необходимости создать прочные позиции для трудящихся в политической жизни страны, что позволило бы затем овладеть государственной властью. На Кубе революция проявилась в виде организации партизанских отрядов, борьба которых собирала под знамена свободы массы народа, партизанские отряды в этих условиях принимали функции управления, становились зародышами новой революционной власти.

Главным условием победы была поддержка их народными массами.

Для подготовки кубинской революции, зревшей в условиях зверского деспотизма, оказались необходимыми и кадры профессиональных революционеров, которые стали организаторами борьбы масс. Революционный процесс подтвердил затем и необходимость создания массовой партии нового типа. Революция на Кубе учит видеть за местными, национальными особенностями и формами, возникающими в новых исторических условиях, действие общих законов социалистической революции.

Кубинская революция нашла горячий отклик во всей Латинской Америке. Капиталистический способ производства в масштабе континента показал свою полную неспособность обеспечить всем странам экономическое процветание, прогрессивное национальное развитие, вытасщить народные массы из нищеты и безграмотности, оградить их от удушающего гнета монополий США. Почти 200 млн. латиноамериканцев живут в странах, отставших в своем развитии. 41% населения в возрасте старше 15 лет не умеет ни читать, ни писать. Из 34 млн. детей школьного возраста только 4 млн. оканчивают школу, примерно 15 млн. уже через год ее бросают, вынужденные помогать родителям, а остальные 15 млн. детей не могут учиться из-за отсутствия школ.

Положение народных масс не улучшается, а ухудшается. По данным ООН, уровень производства продуктов питания сейчас ниже, чем был 20 лет тому назад. Половина национального дохода остается в руках землевладельческой олигархии и крупных капиталистов. Даже организация американских государств вынуждена была признать, что от 60 до 80% земли, пригодной для обработки, находится в руках 3—8% землевладельцев, и это при том условии, что половина населения Латинской Америки живет в сельской местности.

По подсчету экономистов, при нынешних темпах, для того чтобы достичь 1/3 дохода на душу населения, ныне существующего в США, латиноамериканским странам потребуется примерно 255 лет. Это ли не обвинительный приговор капиталистическому пути развития в период империализма. «В ту эпоху, когда капитализм был еще прогрессивным, — пишет бразильский коммунист тов. Мотта Лима, — он являл собой надежду для колоний, страдавших от нищеты, невежества и террора феодально-клерикальных правительств Мадрида и Лиссабона. Только с течением времени и в результате обострения столкновений интересов действительность стала вырисовываться во всей своей жестокости»²⁵.

²⁵ «Пути развития стран, завоевавших национальную независимость, и мировой социализм». Прага, 1964, стр. 135.

Октябрьская революция показала, как можно и должно сокращать длинные исторические пути, как можно и должно пробуждать такие силы истории, которые творят ее по-новому, решая труднейшие задачи. Поэтому национально-освободительное движение в Латинской Америке все теснее связывается с социализмом. Идея единства национального и социального освобождения прокладывает себе дорогу и на этом континенте.

Эта идея, преодолевая препятствия, овладевает странами, различными по уровню своего развития: Аргентина, Чили, Уругвай имеют развитый промышленный пролетариат, а в Перу 70% населения живет за счет земли. Венесуэла претерпела внезапный поворот судьбы, когда в 1920 г. там была открыта нефть, но в общем ее экономика сохранила полуколониальный характер. Эта идея должна преодолеть этнические и языковые барьеры. Она должна пронизать различные формы борьбы: и стачечное движение рабочих Аргентины, и выступления горняков Боливии, доходящие до вооруженных столкновений, и крестьянские восстания, вспыхивающие то тут, то там, рождающие партизанские отряды и группы самообороны, и юношеское движение студентов, наполненное романтикой.

Террор, зверства полиции не могут остановить глубокий политический кризис реакционных режимов, существующих в странах Латинской Америки. Постоянные военные перевороты, установление диктатур, опирающихся на самые разнужданные элементы общества, — все это обостряет банкротство политической организации, навязанной обществу реакционными кругами. Зависимость от иностранного капитала, главным образом от монополий США, выкачивающих львиную долю национального дохода, уродливое развитие экономики также свидетельствуют о банкротстве господствующих классов. Национальная буржуазия, средние слои не обладают достаточным весом для того, чтобы воздействовать на обстановку, определить ее изменение. Буржуазия не смогла осуществить аграрную реформу, ибо многие ее представители тесно связаны с латифундистами. Задачи буржуазно-демократической революции не решены, и только новая волна освободительного движения, основной силой которого являются трудящиеся, сможет решить эти давно назревшие вопросы общественного развития континента. Кубинская революция показывает, как это делается.

Итак, буржуазные формы производства становятся нетерпимыми в силу объективных тенденций общественного развития в цитадели капиталистического способа производства — в США, Западной Европе. Но буржуазные формы производства становятся нетерпимыми и там, где они еще не достигли своего развития, ибо они не открывают необходимого пути прогресса. Это знаменательная черта современной всемирной истории, ее новейшего этапа.

Буржуазные теоретики с показным недоумением спрашивают, как капиталистические отношения могут стать оковами там, где они еще не развились. Они при этом, как всегда, «забывают», что капитализм вступил в последнюю фазу своего развития, которая отличается загниванием, усилением его паразитизма. В тех странах, где буржуазные отношения находятся на начальных этапах развития, широкие массы не считают, что их путь в будущее требует расцвета этих отношений. Капитализм перестал считаться путем к политической и экономической независимости, к быстрому и бурному развитию производительных сил. И для таких взглядов существуют веские объективные основания.

Разумные люди развивающихся стран не могут не видеть, что идти по капиталистическому пути — значит тащиться в са-мом хвосте процессу капиталистических государств, обречь себя на консервацию отсталости, приниженного положения, ибо сущность капиталистического мира, в котором влияние, место, роль и престиж распределяются, говоря словами Ленина, по силе, по капиталу, изменить невозможно.

Конечно, нет недостатка в призывах следовать по пути капитализма. Эти призывы постоянно слышны в Латинской Америке, Азии, Африке. В маленькой африканской республике Дагомее министр торговли с большим пафосом говорил: «Африканский торговец не должен оставаться, как прежде, мелким торгашом, он должен осознать свои возможности в деле импорта и экспорта... необходимо, чтобы дагомейские торговцы были в состоянии участвовать во внешнеторговом обмене»²⁶. Понятно, что от горячих речей этого министра дагомейский торговец не сравняется ни с Рокфеллером, ни с Морганом и в области внешней торговли, занятой сильными иностранными монополиями, дорогу себе не прощует.

Реальнее смотрит на вещи президент Центрально-Африканской Республики, который в своей программной речи в 1961 г. восклицал: «И я говорю этой африканской элите, которая создается на наших глазах: не стыдитесь быть буржуа, не стыдитесь обогащаться»²⁷. Обогащаться за счет нищеты и страданий народа — таков рецепт. Но трудящиеся, сбросив с плеч иностранных эксплуататоров, несомненно, распознают в этой «элите» агентуру мощных иностранных монополий.

Народные массы Африки знают, что существует иная, реальная, проверенная опытом дорога созидания своей национальной независимости. Эта дорога проложена впервые Октябрьской революцией, по ней идут страны мировой системы

²⁶ «Пути развития стран, завоевавших национальную независимость, и мировой социализм», стр. 215.

²⁷ Там же.

социализма. Их пример стоит перед глазами, и его не скроешь никакими дымовыми завесами клеветы.

Трудящиеся видели, что источники народного богатства Африканского континента находились полностью в руках иностранного капитала, что важнейший источник этого богатства — прибавочный продукт, производимый крестьянским трудом, изымался колонизаторами. В их руках находились и другие материальные ресурсы (недра земли, минеральные богатства и т. д.). Это вело к бедности и нищете, к отсталости.

Как же создать национальное богатство, развивая капиталистические отношения, которые никакой гарантии против грабежа страны иностранным капиталом дать не могут?

Как уберечь страну от вассальной зависимости от могучего иностранного капитала?

Если такие возможности существуют, то они требуют иного государства, создания власти демократического типа, а следовательно, большой роли в его деятельности народных масс, трудящихся. Иными словами говоря, и в этом случае необходимы значительные социальные преобразования. Так идея национального освобождения неизбежно соединяется с идеей социального освобождения и в Африке.

Но здесь возникает немало вопросов и противоречий, которые надо разрешать для того, чтобы дорога прогресса широко открылась. Молодое государство, например, не может автоматически стать на место администрации колонизаторов, присваивающих себе прибавочный продукт крестьянства. Подъем жизненного уровня крестьянства, всех слоев трудящихся должен быть постоянной заботой государства и одним из результатов социального освобождения. Вместе с тем невозможно и проедание всего дохода, осуществление принципов крестьянской дележки. Тогда страна не сможет развиваться. Словом, действительный путь разрешения возникающих противоречий, правильное понимание национального и социального освобождения дает только марксизм-ленинизм. Отсюда та тяга к научному социализму, которая проявляется в молодых государствах Африки, сбросивших путы колониализма.

Наука о коренном преобразовании общества, проверенная и обогащенная Октябрьской революцией, социалистическими революциями в других странах, повсюду направляет сегодня прогрессивную творческую мысль и революционный поиск.

«Совершенно правильно отмечалось, — пишет журнал «Африканский коммунист», — что революция не может быть успешной без революционной теории. Широкие идеи африканского национализма и борьба за политическую независимость, которые сумели объединить наши народы и привести их к настоящей ступени прогресса, не являются достаточно четкими и научными, чтобы позволить нам увеличить наши силы и наше

единство с целью сопротивления новому контрнаступлению империализма, с целью освобождения поработенных районов португальских колоний, сопротивления белому превосходству и колониализму, а также для того, чтобы утвердить единство Африки, ее величие и процветание»²⁸.

С наступлением второго этапа революционного процесса, когда в порядок дня ставятся глубокие социальные преобразования, особенно благотворно влияние идей научного социализма. Революционная теория учит видеть опасности и преодолевать их, она указывает путь вперед, который предполагает возрастающую активность, организованность и сознательность масс. Опыт Великой Октябрьской революции продолжает и сегодня питать революционную теорию, помогает выделить те вопросы, которые в первую очередь в новых конкретных условиях африканской действительности требуют научной разработки и практического решения для дальнейшего успешного развития освободительного движения, для отражения натиска его врагов — неоколониалистов.

Такой опыт заставляет обратить пристальное внимание на вопросы политической и социальной организации нового общества, на проблему — государство, классы и партии на этом континенте.

Для ряда африканских государств, вступивших на путь национальной независимости, задачи общественного развития, по заявлениям политических деятелей, формулируются примерно так: прежде всего необходимо принять меры для быстрого подъема национальной экономики, искоренить остатки колониальной ее структуры, а затем создать и усилить развитие государственного и кооперативного секторов, которые должны стать опорой национальной экономики, что даст возможность перейти к глубоким социалистическим преобразованиям. Государственный сектор там, где он не служит проникновению в страну иностранного капитала, а наоборот, закрывает ему дорогу, там, где он не используется для обогащения лишь отдельных групп, а отвечает интересам народа, содействует развитию общественной собственности. В сознании людей постепенно побеждает мысль о связи и прогрессивном значении обеих этих форм (кооперативной и государственной) собственности. В ряде стран Африки проводятся мероприятия, направленные на максимальное поощрение развития именно государственного и кооперативного секторов, на регулирование капиталовложений с учетом приоритета производственных инвестиций. Разумеется, нельзя было бы говорить о широком распространении таких тенденций, если бы Советский Союз, а затем другие социалистические страны не проложили бы дорогу именно в этом

²⁸ «African Communist», N 26, 1966, p. 19.

направлении, если бы этот путь развития не был бы уже освоен значительной частью человечества.

В Объединенной Арабской Республике в процессе формирования государственного сектора был нанесен серьезный удар по иностранному и крупному местному капиталу. Начало этому положила национализация компании Суэцкого канала. Мировая буржуазная печать кричала, что египтяне не справятся с управлением столь сложным организмом и отступят, вновь очищая место иностранному капиталу. На деле же национализация вдохнула веру в силы молодого государства, в огромные возможности народа. Ныне создание такого гигантского сооружения, как Асуанская плотина, с помощью Советского Союза показало воочию, что Объединенная Арабская Республика сумела вырастить свои кадры инженерно-технических работников и рабочих различных специальностей и квалификации.

В 1960 г. был национализирован банк «Мыср», через год были изданы законы, ограничивающие доходы частных предпринимателей. Уже к 1964 г. в руках государственного сектора сосредоточено было 82% всей экономической деятельности страны. В стране существует также широкое социальное законодательство в интересах трудящихся.

Аграрные реформы улучшили положение крестьян, были созданы государственные хозяйства и кооперативы. О влиянии на все эти социальные преобразования опыта Октябрьской революции говорил Хусейн Зульфикар Сабри, член генерального секретариата Арабского социалистического союза ОАР, выступая на XXIII съезде КПСС: «Опыт Коммунистической партии Советского Союза и грандиозные успехи, которые год за годом достигались под ее руководством со времени бессмертной Октябрьской революции, перестали быть достоянием только лишь советского народа. Этот опыт и эти успехи оказались полезными для народов всего мира. Это прежде всего относится к народам, стремящимся к свободе, прогрессу, к тому, чтобы разбить цепи рабства, которыми капитализм и колониализм сковали их, выступая при этом в самых разнообразных — старых и новых — формах»²⁹.

Этот опыт оказался полезным и народу Гвинеи. Там молодому государству пришлось в первую очередь подумать о нуждах крестьянского населения. Поиски направлялись в сторону кооперативного производства с использованием сохранившихся традиций общинного землепользования. Одновременно с этим проявилось стремление сосредоточить в руках государства ключевые позиции в экономике страны, и прежде всего финансы, внешнюю торговлю, транспорт и т. д. В Гвинее не ставится задача полной ликвидации иностранных и местных

частных предприятий, но общая линия экономического развития определяется признанием того, что для прогрессивного развития страны необходимо кооперативное и государственное производство, осуществляемое в национальных масштабах.

И в Республике Мали мы видим признание опыта Октябрьской революции для строительства новой жизни. Там происходит перестройка экономики страны путем создания государственного сектора и кооперирования крестьянства. Хотя и здесь нет стремления полностью ликвидировать влияние в хозяйстве иностранного и местного частного капитала, однако командные экономические позиции находятся в руках государства. Для развития общественной собственности, таким образом, дорога открыта, и страна пошла по пути глубоких социальных преобразований.

Особо следует подчеркнуть начинающуюся борьбу в молодых странах континента за идеологическую независимость от колонизаторов, против широкого импорта буржуазной идеологии. Давно уже империалисты немалое внимание обращали на создание таких кадров интеллигенции в этих странах, которые прошли бы буржуазную идеологическую подготовку. Сейчас в некоторых из развивающихся стран агентуре капиталистических держав удалось одержать верх, но это произошло отнюдь не в силу «преимуществ» буржуазной идеологии, а в результате прямого вмешательства империалистов, в том числе и вооруженной рукой. Но в большинстве стран можно видеть могучее влияние социалистической идеологии, причем все сильнее и шире распространяются идеи научного социализма.

Борящаяся Африка не сдается. Не один год идет упорная борьба в Анголе. И Франциско Невес, представитель демократических, патристических сил Анголы, говорил на XXIII съезде КПСС: «Те, кто ведут борьбу в Анголе, считают себя неразрывно связанными с этим необыкновенным событием, потому что победоносная Октябрьская революция, создав первую великую социалистическую страну мира, возвестила появление нового общественного строя и вселила уверенность в возможность достижения свободы и прогресса для трудящихся классов и угнетенных народов. Именно благодаря несокрушимой силе этой революции, свершившейся почти полвека тому назад и всколыхнувшей человечество, все больше расширяется социалистический лагерь»³⁰.

Сообщения португальских властей показывают, что партизанская война разгорается с возрастающей силой в Мозамбике. В короткий период между 16 и 31 мая 1966 г. португальские власти провели 629 операций против партизанских отрядов в Мозамбике. Председатель партии Фронт освобождения

²⁹ «Правда», 7 апреля 1966 г.

³⁰ «Правда», 8 апреля 1966 г.

Мозамбика (ФРЕЛИМО) объявил, что силы освобождения, насчитывавшие вначале всего 200 человек, ныне выросли до 5 тысяч хорошо обученных бойцов.

Идет борьба в Южно-Африканской Республике против колонизаторов-расистов, в Родезии против ставленников английского империализма. Ныне колонизаторам становится все труднее действовать старыми методами. Так, в Кении, Уганде, Судане английские империалисты проводят в жизнь систему, которую они сами называли «непрямое управление», или, иными словами, систему неокolonизма. И там народные массы ведут борьбу за создание демократических и действительно независимых государств. Где идет такая борьба, там идеи Октябрьской революции укрепляют волю и ум борцов.

Ведя непримиримую борьбу против неокolonизма и его местной агентуры, передовые отряды африканской революции стремятся сплотить все прогрессивные элементы, все слои, выступающие за национальное и социальное освобождение.

Это общедемократическое движение возможно потому, что рабочие, огромное большинство крестьян, значительные слои мелкой буржуазии города, а также известные слои национальной буржуазии, т. е. большинство нации, заинтересованы в совместной борьбе против империализма, в развитии демократии, в ослаблении позиций иностранного капитала в местной экономике, в проведении радикальной земельной реформы, в процветании промышленности и сельского хозяйства. Реальные интересы различных групп сходятся в требованиях, очень важных для прогрессивного общественного развития.

Не только в странах Африки, но и в Передней Азии империалисты стараются либо помешать созданию единого национально-демократического фронта — могучей силы национально-освободительного движения, либо расколоть его. «Для этого, — говорил на международной встрече, посвященной 30-летию VII конгресса Коминтерна, тов. Фуад Нассар, генеральный секретарь Иорданской коммунистической партии, — они прибегают к разного рода заговорам, подкупу, экономическому, военному и политическому нажиму, к идеологической пропаганде, в которой основная ставка делается на антикоммунизм. И как только в ряде арабских стран им удалось применить это отравленное оружие — антикоммунизм, арабское освободительное движение и единство патриотических и прогрессивных сил сразу же понесли урон»³¹.

Среди различных демократических сил, участвующих в национально-освободительном движении, за последнее время особую роль играют те группы, которые программным требовани-

ем выдвигают некапиталистический путь развития своих стран, заявляют о своей приверженности социалистическим идеям. В некоторых странах такие группы уже стоят у власти, в других еще ведут борьбу, добиваясь ниспровержения господства колонизаторов или неокolonизаторов. Они выступают против феодализма и капитализма, придерживаются политики неприсоединения и подчеркивают необходимость более тесных связей с социалистическими странами. От имени ливанских коммунистов член Политбюро ЦК Ливанской коммунистической партии тов. Савая говорил на той же встрече в честь VII конгресса Коминтерна: «Мы считаем, что коммунистические партии в освободившихся странах глубоко заинтересованы в том, чтобы поддерживать прогрессивные мероприятия представителей мелкобуржуазной революционной интеллигенции, стоящих во главе ряда освободившихся стран, их усилия найти приемлемые для своих стран формы и способы перехода на путь некапиталистического развития, ведущий к социализму»³².

Совершенно очевидно, что в масштабе всего мирового революционного процесса такие тенденции расширяют социальную базу рабочего движения, расширяют его экономические и политические союзы, служат делу прогресса. Но и в пределах отдельных стран эта тенденция приближает проведение социальных преобразований, делает борьбу за них успешнее. В проекте программы Суданской коммунистической партии говорится, что партия приветствует «новые некоммунистические группы», которые «приблизились к идеям социализма за последние шесть лет. В эти группы входят интеллигенты и другие лица, активно участвующие в политической жизни страны. Эти новые социалистические школы искренне стремятся к социализму. Они хорошо осознают важность социальных проблем, которые сегодня стоят перед страной, и считают, что капиталистический путь не годен для ее развития»³³.

Речь идет о вовлечении в революционный процесс новых социальных слоев населения в тех странах, где буржуазные отношения не получили большого развития и рабочий класс еще не вырос в ведущую силу общества. Там возникают революционно-демократические коалиции, представляемые радикально настроенной военной и гражданской интеллигенцией, за которой идут мелкобуржуазные слои деревни и города. Эти группы, или политические коалиции, искренне стремятся к социализму, хотя еще не всегда точно знают путь к нему. Ленин писал, что «отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников ра-

³¹ «Международная встреча, посвященная 30-летию VII Конгресса Коминтерна», стр. 108.

³² «Международная встреча, посвященная 30-летию VII Конгресса Коминтерна», стр. 353.

³³ «African Communist», N 26, 1966, p. 77.

бочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового мирозерцания или отдельные лозунги, требования, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного мирозерцания вообще и буржуазно-демократического мирозерцания в частности»³⁴. В известной мере эти слова Ленина относятся и к некоторым политическим коалициям, возникшим ныне в Африке и Азии, которые с большим размахом и глубиной решают общедемократические задачи. Но переход к более глубоким социальным преобразованиям, успех и прочность их зависят от того, насколько эти коалиции оказываются способными усвоить принципы научного социализма, дающие возможность правильно видеть расстановку социальных сил, выделять ближайшие назревшие задачи и конечные цели борьбы, находить реальные и эффективные средства преобразований.

Указанные процессы характерны и для молодых государств Африки, и в еще большей степени они касаются Передней Азии, особенно арабских стран, где национально-освободительные революции развертываются в иных условиях, где буржуазные формы производства развиты значительно сильнее, где часто речь идет о том, чтобы прервать путь капиталистического развития, который принес колониальную кабалу, тормозит прогресс, мешает независимому политическому, социальному и экономическому развитию.

Революционный процесс, развивающийся в Передней Азии, большую отчетливость приобретает в Сирии. Она первой из арабских стран завоевала политическую независимость и изгнала со своей территории французские и английские войска, провела национализацию предприятий, принадлежавших иностранному капиталу, а также иностранных и местных банков и страховых компаний. Национализация предприятий иностранного капитала была осуществлена еще сирийской национальной буржуазией под давлением народных масс, однако, проводя национализацию, буржуазия принимала меры к тому, чтобы не нарушить «священную капиталистическую собственность» (настаивала на выплате компенсаций владельцам иностранных предприятий). Неуверенная в перспективах капиталистического развития, сирийская буржуазия не развернула широкого строительства независимой национальной экономики, наоборот, заняла губительную для нее позицию. Буржуазия воздерживалась от новых капиталовложений, усилила вывоз капиталов за границу, в связи с этим появились не признаки оживления, а застоя в промышленности, спада в торговле, роста безработицы. Все это сильно подрывало престиж национальной буржуазии, не желавшей привлечения демократических сил

к управлению народным хозяйством. В январе 1965 г. в стране была проведена национализация уже в таком масштабе, что государственный сектор охватил примерно 80 процентов промышленного производства. От политического руководства были отстранены правые лидеры националистической партии Баас, и к власти пришли руководители ее левого крыла. По позициям капитала был нанесен удар. Позиции помещиков уже сейчас сильно подорваны.

Таким образом, в Сирии созданы реальные возможности для того, чтобы демократические силы могли прервать путь капиталистического развития страны. Дальнейшая ее судьба зависит от того, на какой основе сложатся отношения между национализированной промышленностью, с одной стороны, и мелко-товарным крестьянским хозяйством, а также мелкими торговцами и ремесленниками — с другой, в какой мере демократические силы будут привлечены к руководству народным хозяйством и всей жизнью общества.

Не только на Ближнем Востоке, но и в Юго-Восточной Азии современная история имеет дело с рядом государств, уже добившихся политической независимости, где на повестку дня поставлены вопросы социальных преобразований и идеи социализма получили широкое распространение.

17 лет тому назад после упорной народной борьбы Индия добилась национального освобождения. В 1955 г. правящая партия Индийский национальный конгресс провозгласила целью своей политики создание «общества социалистического образа». Новая Индия родилась с требованием осуществления мер социального освобождения, которое должно стать непосредственным результатом достигнутого национального освобождения.

Однако в действительности получилось так, что аграрная политика оказалась направленной главным образом на ограничение феодального произвола помещиков, на устранение некоторых докапиталистических пережитков в сельском хозяйстве, но отнюдь не препятствовала развитию капиталистических отношений в деревне. В результате положение трудящихся остается тяжелым.

Созданный государственный сектор, охватывающий многие отрасли тяжелой промышленности, от развития которых зависит в значительной мере экономическая независимость страны, еще не занял ключевых позиций в народном хозяйстве. В силу политической структуры страны трудящиеся лишены возможности оказывать влияние на развитие государственного сектора, и он не стал рычагом социальных преобразований. Частный капитал растет, усиливается его концентрация, увеличивается, а не сокращается влияние на экономику и политическую жизнь страны. Монополии США и других империалистических

³⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 65.

держав за последние годы упрочили свои связи с крупным индийским капиталом и стремятся расширить свое влияние на судьбы Индии. Несмотря на некоторые социальные завоевания, положение рабочего класса тяжелое; достаточно сказать, что за последние 10 лет, по данным центральной плановой комиссии, не произошло никакого повышения реальной заработной платы рабочих.

Реакция использует разобщенность, а следовательно, и политическую слабость левых и демократических сил. Единство их — важнейшее условие успешной борьбы за то, чтобы преодоление вековой экономической отсталости страны сопровождалось глубокими социальными преобразованиями, а не уступками местным и иностранным монополиям за счет трудящихся под видом «жертв во имя прогресса». За это единство борются коммунисты Индии, вдохновленные идеями Октябрьской революции, развернувшей знамя национального и социального освобождения. Демократические силы требуют, чтобы осуществлялись на деле хотя бы те прогрессивные и демократические начинания, которые записаны в программных декларациях правящей партии Индийский национальный конгресс. Они выступают за то, чтобы дело социального освобождения двигалось вперед, а не тормозилось силами внутренней и внешней реакции. Опыт национально-освободительного движения современности подтверждает необходимость этой борьбы.

В Бирме Революционный совет — правительство, созданное радикальными элементами офицерства, — провозгласил в 1964 г.: «Существующие в стране условия показывают, а ее история подтверждает, что никакая другая система, кроме социалистической, не подходит к бирманской действительности и что социалистическая система наиболее благоприятна для крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции страны»³⁵. 80% населения страны составляют крестьяне, 15% — рабочие. В результате национализации в руках государства сосредоточено 40% транспорта, 60% промышленных и горнорудных предприятий, 80% строительного дела, полностью все электростанции, средства связи и банки. Но города окружены морем мелкоотварных крестьянских хозяйств. Возникают крестьянские кооперативы, но им еще предстоит решать сложные задачи хозяйственного укрепления. Не потеряли всех своих позиций и враждебные классовые силы в стране, связавшие свою судьбу с колониальной экономической и социальной структурой. В трудной борьбе продвигается вперед Бирма, отыскивая верный путь к намеченной в общих чертах цели.

³⁵ А. Левковский. Положение в Бирме. — «Проблемы мира и социализма», 1966, № 7, стр. 67.

События в Индонезии показали, что там, где демократические силы не закрепили своих позиций в политической организации общества, где сама эта организация отличается рыхлостью, где не решаются вопросы прогрессивного развития экономики, социальная структура в течение долгого времени не претерпевает значительных изменений, обуславливающих рост рабочего класса и его влияния, а аграрная реформа была растянута на 20 лет, до 1980 г., — там контрреволюционные силы, опирающиеся на иностранные монополии, могут прервать процесс национального и социального освобождения.

Таким образом, опыт государств Азии и Африки подтверждает, что национальное и социальное освобождение не есть плавное скольжение по рельсам избранного пути, а процесс классовой борьбы, требующий проявления революционных, не только разрушительных, но и организаторских, созидательных способностей демократических сил. Создание Советского Союза, народно-демократические революции, прошедшие в ряде стран, убедительно свидетельствуют о том, что разрушение расшатанных старых порядков и создание устойчивых новых не отделено друг от друга каким-либо длительным историческим периодом, а является единым революционным действием масс. Национально-освободительные революции, конечно, происходят в иных условиях, отличаются по своим задачам и движущим силам, но и они подтверждают эту историческую необходимость.

Национально-освободительные революции нельзя приравнивать к буржуазным революциям прошлого. Задача тех революций состояла лишь в разрушении надстройки, которая мешала развитию уже имеющихся производительных сил и складывающихся производственных отношений буржуазного типа. Буржуазные революции были призваны уничтожить все то, что мешало уже сложившемуся новому строю. Национально-освободительные революции призваны уничтожить все те порядки, которые сковали производительные силы, обрекли на нищету и голод трудящиеся массы. Эти революции должны изменить колониальную экономическую и социальную структуру общества. Если же революция сметает лишь верхушку колониальной администрации, то колонизаторы, вынужденные уйти, оставляют за собой значительные позиции внутри страны, в ее экономике и социальной структуре, позволяющие рассчитывать на восстановление колониального ига в той или иной форме. Такие процессы мы видим в ряде стран Африки. Но если даже освободительное движение привело к национализации собственности иностранного капитала, то и в этом случае судьба страны и народа еще не решена окончательно. Вопрос стоит о природе государственной власти, в руки которой переходит отчужденная собственность иностранного капитала, о правильном хо-

зяйствовании, исключаящем расточительство, о развитии государственной собственности в интересах народа, об источниках накопления и т. д. Словом, речь идет об опоре государственной власти на демократические силы страны, о социальных преобразованиях, проведенных в интересах этих сил, об аграрной реформе, которую ждет страдавшее крестьянство и которая должна максимально отвечать его нуждам и чаяниям. Правильная политика по отношению к мелким производителям, в том числе к мелким торговцам и вообще средним слоям, означает включение их в развивающийся экономический процесс. Речь идет о такой политической организации общества, которая давала бы демократическим силам возможность своей активной деятельностью пресечь реставрацию порядков, выгодных слоям, тесно связанным с иностранным капиталом.

Даже после социалистической революции, как писал Ленин, «класс эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не исчез и не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата... У них осталась международная база, международный капитал, отделением коего они являются. У них остались частью некоторые средства производства, остались деньги, остались громадные общественные связи»³⁶. На другом уровне и в другой исторической обстановке, но у элементов, связанных с международным капиталом, после национально-освободительных революций остаются и некоторые материальные ресурсы, и общественные связи. Поддержка иностранным капиталом таких элементов со времени Октябрьской революции не исчезла, а в условиях антиколониальных движений, может быть, даже возросла.

В результате победы Октябрьской революции, а затем развития мировой системы социализма классовая борьба между трудом и капиталом не только властно проникла на международную арену, но и заняла на ней выдающееся место. До Октябрьской социалистической революции сфера международных отношений была захвачена империалистическими державами, трудящиеся могли воздействовать на эту сферу, лишь оказывая давление на свои буржуазные правительства, непосредственно влияния пролетариата на мировую политику не было, поскольку у него не было рычагов государственной власти.

Ныне же в любом вопросе международных отношений империалисты, стремясь провести свое решение, наталкиваются на объединенную волю социалистических государств, которые отстаивают решение всех проблем мировой политики в интересах трудящихся. К прежней силе давления пролетариата и других слоев трудящихся на буржуазные правительства с целью изме-

нения их агрессивного курса на мировой арене добавлен могучий рычаг государственного воздействия Советского Союза, других социалистических стран, проводящих свою политику в интересах мира, демократии и социализма. Нет сомнения в том, что такое изменение, которое внесла Октябрьская революция и умножило образование мировой системы социализма, означает перестройку всех сложившихся ранее международных отношений.

Влияние мировой системы социализма на международной арене состоит в первую очередь в том, что вся ее политика облегчает развитие революционного процесса, направлена на создание благоприятных условий для успехов прогрессивного человечества, борющегося против реакции.

Советское социалистическое государство вместе со многими другими странами социализма, как известно, проводит на международной арене политику мирного сосуществования, острине этой политики сегодня направлено против империалистической агрессии, она, эта политика, требует от империалистов безоговорочного отказа от попыток экспорта контрреволюции, признания права народов самим решать свою судьбу. Это означает, что внутренний процесс социального развития, присущий данной стране, освобождается от всех попыток изменить его с помощью грубого насилия со стороны других государств. Требование предоставить народам самим решать свою судьбу мировая система социализма сделала основой своей государственной политики, проводит его в жизнь и защищает средствами, которые имеются у государства, выступающего на международной арене.

Нынешнее ослабление позиций монополий США в мировой политике — процесс противоречивый. Во-первых, американский империализм цепляется за свои позиции, в его политике усилились агрессивные тенденции, что приводит к обострению международной обстановки, тому свидетельство кровавая авантюра американских агрессоров во Вьетнаме. Во-вторых, теряя свои позиции, монополии США идут на компромисс с другими опасными империалистическими силами, которые склонны их поддержать для того, чтобы укрепить собственные военно-политические позиции. Особое внимание привлекают за последнее время планы создания многосторонних ядерных сил НАТО (внутри которого формируется американо-западногерманское ядро), представляющие угрозу не только Европе, но и всему миру.

Империалистическая реакция и агрессия — ныне одно понятие. Усиление агрессивных устремлений империализма означает вместе с тем неизбежное усиление внутренней реакции, преследование демократических сил, чрезвычайные законы, разгул шовинизма. Поэтому борьба против милитаризма и агрес-

³⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 280.

сии есть борьба и против внутренней реакции в капиталистических странах.

В этих условиях огромное значение имеет сам факт существования на земле могучей социалистической державы, созданной Октябрьской революцией, ведущей последовательную, принципиальную политику по отношению к империализму США, к английскому империализму, который помогает монополиям США в войне против Вьетнама, к западногерманскому реваншизму.

Советский Союз, другие страны социализма последовательно проводят на мировой арене линию не только разоблачения всех маневров империалистической политики, но и активного противодействия ей. Такова важная сторона той политической помощи, которую оказывают социалистические страны всему современному освободительному движению. Сила этой политики состоит в том, что средства государственного воздействия на международные отношения сочетаются с борьбой и напором масс на буржуазные правительства. Начало такому двойному воздействию на мировую политику положила Октябрьская революция.

Для того чтобы массы в каждый определенный момент развития международных отношений знали верный путь единых действий, направленных против политики империалистической агрессии, необходимо, чтобы они ясно видели реальную демократическую возможность политического, а не военного решения международных вопросов. Внося на утверждение II съезда Советов Декрет о мире, Ленин говорил на второй день Октябрьской революции, что одна из наших целей — «помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира»³⁷. Это одна из важных реальных целей социалистического государства, указанная Октябрьской революцией. И сегодня нет такого крупного международного вопроса, по которому голос Советского Союза, других стран социализма не был бы слышен во всем мире отчетливо и громко. В наше время в политическую жизнь все больше вовлекаются народные массы, и без их растущего участия важнейшие вопросы мировой политики разрешены быть не могут.

На наших глазах развивается этот процесс. Мы видим сегодня это в первую очередь на примере роста солидарности всех антиимпериалистических сил с борющимся народом Вьетнама. Мощные демонстрации, протесты, сбор средств происходят в той или иной мере буквально во всех странах мира, демократическое движение против войны во Вьетнаме охватывает и США, что особенно важно подчеркнуть. Правильная политика социалистических стран изолирует агрессора, который в глазах

общественного мнения берет на себя всю ответственность за кровавую войну и ее возможные последствия для дела мира во всем мире. В растущей солидарности антиимпериалистических сил с борющимся героическим народом Вьетнама наглядно проявляется укрепляющееся единство трех потоков мирового освободительного процесса.

Солидарность, единство демократических и социалистических сил становятся материальной мощью, способной обуздать империалистическую агрессию. И ядром этой концентрирующей материальной силы является мировая система социализма. Мировая система социализма стремится оказать материальную и политическую помощь народам, борющимся за свою независимость, тесно связать, объединить два потока современного революционного процесса — борьбу трудящихся социалистических стран и национально-освободительное движение. Для этого у нее есть эффективные средства.

Было время, когда в страны Востока из капиталистических государств Запада шло оружие и некоторые более совершенные орудия труда, служившие одной цели — еще большему и страшному закреплению народов Востока империалистами, колонизаторами и их местными помощниками. Новый гнет и ужасающее рабство несла машина, проникающая на Восток из стран капитала, создающая сложнейший переплет буржуазных и добуржуазных форм эксплуатации, которые с двойной или тройной силой давили на плечи трудящихся. Многочисленные караваны или поезда с оружием, двигавшиеся с Запада, несли с собой смерть, разрушения, безысходную каторгу для оставшихся в живых после «карательных экспедиций» в странах Востока.

Ныне положение в корне изменилось. Советский Союз, другие социалистические страны предоставляют те совершенные орудия труда, которыми сами владеют, для того чтобы молодые государства Востока быстрее двигались по пути экономического и социального прогресса. Экономического потому, что обладание совершенными орудиями труда — залог успешной борьбы за экономическую независимость. Социального прогресса потому, что строящиеся на пустырях фабрики, заводы меняют структуру общества, увеличивают количественно и качественно роль рабочего класса в жизни страны.

Политическая помощь стран социализма освободительному движению дополняется материальной поддержкой вплоть до поставок вооружения. Но оружие это служит иной цели, оно несет не порабощение, а освобождение. Премьер-министр Демократической Республики Вьетнам тов. Фам Ван Донг писал, обращаясь к Советскому правительству: «От имени Центрального Комитета Партии трудящихся Вьетнама, правительства Демократической Республики Вьетнам и вьетнамского народа

³⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 16.

разрешите выразить Вам искреннюю благодарность за поддержку и помощь, оказываемые в духе пролетарского интернационализма Коммунистической партией Советского Союза и советским народом в справедливой и победоносной борьбе вьетнамского народа против американских империалистов за спасение родины»³⁸.

Интернациональный долг рабочего класса, указывал В. И. Ленин, состоит в том, чтобы сделать «максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах»³⁹. Советский Союз верен этому интернациональному долгу. С этой мыслью он совершал Октябрьскую революцию, с этой мыслью он строит сегодня коммунизм, зная, что его созидательный труд оказывает влияние на весь мировой революционный процесс.

Как бы ни развивался революционный процесс в тех или иных странах — относительно мирным путем или с помощью вооруженной борьбы, — наличие на мировой арене социалистических государств, системы социализма, их борьба против интервенции империалистов играют огромную роль. Силы социального прогресса внутри каждой страны, где назрел революционный кризис, могут добиться превосходства над внутренними силами реакции. Опасность несет именно интервенция империалистов, которые, маневрируя, могут создавать перевес вооруженных сил на том или ином конкретном участке. Создавать противовес этой политике империалистических интервентов — это значит в огромной степени освободить дорогу социальному прогрессу, мировому освободительному процессу. Таковую борьбу и ведет мировая система социализма, верная заветам Октября.

Итак, Великая Октябрьская социалистическая революция продолжает быть путеводной звездой трудящегося человечества, ищущего свое будущее и идущего в будущее. Ее свет усилен ныне другими революциями, но все они показывают одно направление движения человеческого общества, подтверждают законы революции, закономерность и историческую необходимость строительства нового общества на всей земле. И как бы далеко ни уходило человечество от славной исторической даты Октябрьской революции, свет ее не померкнет.

В политической мысли после Октябрьской революции образовалось два противоположных течения: одно — провозгласило всемирно-историческое значение Октябрьской революции, признав в том числе и неизбежную повторяемость ее основных черт; другое — яростно отрицало этот тезис. Таков один из устоев современной буржуазной политической философии, за-

щитная реакция буржуазного мышления против влияния Октябрьской революции на умы людей во всем мире.

Капитализм в России продемонстрировал свою полнейшую неспособность решить сложнейшие исторические задачи, он не смог вывести огромную страну в целом на путь прогресса. Великие исторические задачи мог решить только социализм. Октябрьская революция и путь, ею открытый, стали проверкой важнейших положений марксизма-ленинизма, создали условия для дальнейшего творческого обогащения революционной теории. Прогрессивное развитие современного человечества происходит под знаменем марксизма-ленинизма, верховным и единственным критерием которого, как говорил Ленин, является его соответствие с действительным процессом общественно-экономического развития.

Октябрьская революция по-новому поставила вопрос о ходе мирового революционного процесса. Сейчас никто уже не отрицает, что именно Октябрьская революция дала опыт сочетания пролетарской революции с колониальными революциями внутри страны. Затем этот опыт был продемонстрирован и за ее пределами. В этом состоит одно из конкретных проявлений союза рабочего класса и крестьянства внутри одной страны, затем и во всемирном масштабе.

До 1917 г. существовали два потока мирового революционного процесса: борьба рабочего класса в капиталистических странах и национально-освободительные движения в колониях, полуколониальных и зависимых странах. После Октября возник новый поток — борьба трудящихся, строящих социализм сначала в одной стране, а затем в ряде стран, образующих ныне мировую систему социализма.

Отныне вопрос о тесной связи, единстве трех потоков мирового революционного процесса стал важнейшим вопросом теории и практики прогрессивного развития человечества.

Эти потоки можно разъединить только искусственно, в изолированном состоянии они сегодня эффективно развиваться не могут, как не могли они изолированно развиваться и в ходе Октябрьской революции. Нынешняя борьба труда против капитала испытывает на себе постоянное влияние успехов и даже частичных неудач строительства нового общества в странах социализма. Понятно также, что национально-освободительное движение не могло бы развиваться столь широко и глубоко, если бы мировая социалистическая система не отрезала от империализма значительную часть суши, не продвинулась бы к новым морям и океанам. Конечно, и без непрерывной борьбы труда против капитала на этом участке фронта революционного движения не было бы столь могучих прорывов, такого отступления врага. Всем ясно, что и борьба труда против капитала протекала бы в неизмеримо более трудных условиях, ес-

³⁸ «Правда», 10 февраля 1966 г.

³⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 304.

ли бы империализм по-прежнему сохранял свои колониальные тылы. В свою очередь созданию нового строя в странах социализма, несомненно, помогает то, что по империализму наносят удары трудящиеся капиталистических стран и народы — борцы против колониализма. Во всем этом существует объективная историческая связь, которую нельзя отменить по чьему-либо произволу.

Нет никакого сомнения в том, что в настоящее время наступил новый этап утверждения и развития на земле общественной собственности, рожденной Великой Октябрьской социалистической революцией. Идет напряженная борьба со всей экономической, политической, идеологической системой, порожденной веками господства частной собственности. История поставила задачу ликвидации эксплуататорского строя, который развивался в течение тысячелетий; выкорчевываются самые глубокие корни эксплуатации человека человеком, уничтожаются примитивные формы угнетения и самонаивнейшие, модернизированные, «усовершенствованные» виды эксплуатации. Борьба за решающее влияние социализма на мировой процесс многосложна, она идет от этапа к этапу, от рубежа к рубежу, она началась Октябрьской революцией и дошла до наших дней, когда социализм и капитализм вводят все свои резервы, используют имеющиеся у них возможности.

Дальнейшая судьба общественной собственности неизбежно связана с теми районами нашей планеты, где эта собственность развивается и в ходе развития демонстрирует свои возможности решать наиболее актуальные, сложные вопросы отношений между людьми, проблемы развития науки и техники, короче говоря, проявляет свою способность осуществлять власть людей над общественными процессами и над силами природы. Все этому положила начало Октябрьская социалистическая революция, поэтому в веках она сохранит за собой имя Великой.

Идеи, порожденные Октябрьской революцией, распространяются по всему миру и побеждают именно потому, что они, эти идеи, непрерывно развиваются, проверяются на практике, творчески обогащаются на основе опыта народных масс в Советском Союзе, в других странах социализма. Коммунисты всех стран вновь и вновь обращаются к опыту Октябрьской революции, изучают ее ход, ее пути.

В ходе революционного процесса возникали различные тенденции, некоторые из них не могли развиваться. Например, известно, что революционный процесс в октябре 1917 г. пошел по пути восстания, вооруженной борьбы. На этом опыте учились поколения революционеров. Но была и другая тенденция, которая, однако, в тех условиях не возобладавала, — это мирная тенденция развития революции. Освоение всемирно-историче-

ского опыта Октябрьской революции включает изучение и таких возможностей, которые в тот исторический период не реализовались, но при нынешнем изменении ряда условий могут быть в известных обстоятельствах превращены в действительность.

Однако Октябрьская революция неопровержимо доказала, что, как бы ни развивался революционный процесс, проблема взятия государственной власти, т. е. скачка, перерыва в непрерывном развитии общества, остается, ибо речь идет о качественном изменении, о глубоком преобразовании социальных отношений.

Переворот в России произошел под руководством рабочего класса, который способен сплотить вокруг себя крестьянство и средние городские слои, имеющие в главном единые с пролетариатом интересы.

Октябрьская революция положила начало накоплению богатейшего опыта создания более высокого типа общественной организации труда, охватывающего все слои общества — рабочих, крестьян, интеллигенцию. Вычеркнуть этот опыт из истории человечества уже нельзя. Он растет и приумножается с каждым днем в Советском Союзе, в других социалистических странах.

Тот путь, который открыл Октябрь и по которому КПСС повела трудящихся Советской страны, подтвердил важнейшее положение Ленина: «...пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма»⁴⁰. Высокая степень организации труда предполагает и высокую степень его оснащения. Эту мысль Ленин выразил в известной формуле: «...коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны», — что означает также требование постоянного подъема культурного уровня масс. Выработывая линию партии, Ленин соединял высшие достижения науки о развитии общества с выводами передовой технической и естественнонаучной мысли.

Как подчеркнул XXIII съезд КПСС, основным вкладом нашей партии, всего советского народа в мировой революционный процесс является строительство коммунизма в СССР, всестороннее совершенствование советского социалистического общества. В этом видят главный интернациональный долг советского народа также и братские коммунистические и рабочие партии. Новый этап развития советского общества, разрешенные задачи, им диктуемые, неразрывно связаны со всем современным развитием мировой системы социализма, оказывают влияние на весь современный исторический процесс. Поэтому к

⁴⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 13.

стране победившей Октябрьской революции, к партии, совершившей эту революцию, прикованы взоры миллионов людей.

Большой важности вывод из исторического опыта Октябрьской революции состоит в высокой оценке роли марксистско-ленинской партии для развития революционного процесса, партии, которая всегда неразрывно связана с массами, выражает их кровные коренные интересы. Партия является штабом, руководящим всей практической борьбой, объединяющим все силы. Партия является и теоретическим центром революции. В ходе революции возникают все новые вопросы и задачи, которые можно и следует решать, только творчески развивая марксистско-ленинскую теорию, обобщая гигантский опыт народных масс.

Возрастающая роль марксистско-ленинских партий есть выражение того факта, что исторический процесс перестал быть результатом стихийного движения масс, что он становится во все большей степени плодом их сознательной деятельности. Поэтому политическая организация общества, создающего новый строй, предполагает существование марксистско-ленинской партии.

В огне революционного творчества, зажженного Октябрьской революцией, возникли все марксистско-ленинские партии, ведущие бой против капитала сегодня. Вместе с Октябрьской революцией они прошли долгий путь борьбы, это была их общая борьба за общее дело и общие цели. И сегодня нет такой силы, которая могла бы уничтожить единство международного коммунистического движения, мирового рабочего класса, всех трудящихся со страной Октябрьской революции, с партией Ленина, с народами, которые полвека высоко несут знамя Великого Октября.

часть третья

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА, КУЛЬТУРЫ И КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

МАРКС И СОВРЕМЕННОСТЬ*

Глубоко справедливо говорится, что у великих людей не две даты их бытия в истории — рождение и смерть, а только одна дата: их рождение. Подходили к концу годы, проведенные Марксом в тихом немецком городке Трире, когда по ту сторону Рейна, во Франции, лионские ткачи подняли знамя, на котором стояли слова их клятвы: «Жить работая или умереть сражаясь». Маркс гениально осознал выявляющиеся тенденции исторического процесса. И сегодня, отмечая 150-летие со дня его рождения, мы ясно видим, что бытие Маркса в истории продолжается; он как бы слился с историческим процессом, в который он внес свой великий вклад, и этот вклад неотделим от ведущей тенденции и главных сил современного мирового развития. Маркс создал учение о развитии общественной жизни, ее основ, ее главнейших элементов, показав преходящий характер той социальной формы, какой является капитализм в жизни человечества.

В дальнейшем ходе истории уже нельзя было разрешать возникающие новые проблемы, не опираясь на учение об общественном развитии, которое создал Маркс, на его ответы на вопросы о судьбах человеческого общества, о характере будущего мира и о реальных путях, ведущих в это будущее. Величие Ленина наряду с другими его заслугами перед человечеством состоит и в том, что он, исходя из учения Маркса, дал решение

* Статья напечатана в книге «Бессмертные великих идей». М., 1968, стр. 172—188.

новых проблем, показал, что марксизм может и должен развиваться на своей собственной основе, отметая различные попытки дополнить его буржуазными взглядами и теориями с неизменными ссылками на «новые времена», которые-де требуют «новых песен».

I

Марксизм возник в тот поворотный момент истории, когда идея развития начала свое триумфальное шествие, оставляя зримый след в науках о природе, когда новые перспективы открылись перед техникой. Но социальная мысль отставала. В те времена особенно много писали и говорили о завоевании человеком природы, славословили «век пара» и предсказывали наступление «века электрической искры». Но большинство теоретиков считало, что капитализм представляет некую вечную социальную форму, которая непрерывно и беспрепятственно будет наполняться новым содержанием благодаря достижениям науки и техники. Капитализм, таким образом, прославлялся как вечная и наиболее удобная форма единства общества и природы. Конечно, существовала мечта о будущем справедливом обществе, но дороги к нему никто не знал.

Маркс показал не только социальную обусловленность развития человеческого знания о природе, но и доказал, что социальная структура, общественные отношения классового общества отнюдь не беспредельно емки для того, чтобы вместить достижения науки, превращенные в производительные силы этого общества. Есть предел для развития капиталистических общественных отношений, на определенном этапе они становятся тормозом великой производительной силы человеческого труда, а следовательно, и творческой силы человеческого ума. В этом состояло величайшее открытие Маркса.

Сегодня немало слышится голосов, утверждающих, будто этот гениальный вывод Маркса «устарел». В послевоенной буржуазной Европе и в США широко распространены теории, прославляющие «гармоническое развитие» капитализма. Идеологи империализма всячески поносили и поносят теорию Маркса, раздувая при этом «спасительную» роль буржуазного государства, которое якобы способно разрешить противоречия капиталистического строя. За буржуазными теоретиками потянулись в хвосте и ревизионисты. Сейчас, особенно в связи с тяжелым валютным кризисом, у защитников монополий голос срывается. Все очевидней становится, что так называемое государственное регулирование экономики при капитализме означает на деле лишь проявление, а в конечном счете обострение основного противоречия, вскрытого Марксом: общественный характер производства вступает во все более острый антагонизм с частным характером присвоения. Государство капиталистических монопо-

лий, действуя в интересах всего класса капиталистов, может изымать и использовать часть прибылей для социального маневрирования. Но это неизбежно сопровождается обострением борьбы между монополиями за власть, порождает новые противоречия между ними и политические кризисы, создает возможности для более активных действий демократических сил, разветвления борьбы рабочего класса. Такова правда жизни.

Конечно, и сегодня еще есть люди, которые хотели бы «править» Маркса. При этом они восторгаются новыми машинами в США, до хрипоты кричат о совершающейся там научно-технической революции. Эти люди делают вид, будто не замечают страшной разрушительной работы, которую производит современный технически вооруженный империализм. Каждый день землю Вьетнама терзают и сжигают огнем, добытым наукой. Американский империализм грозит пустить в ход и самое новейшее достижение — ядерное оружие. Нет, кажется, ни одного завоевания, вырванного человеком у природы, которое монополии не стремились бы поставить на службу истребления человека. Война есть продолжение политики, и, следовательно, кто строит свою политику в расчете на войну, тот отравляет всю политическую, всю общественную жизнь духом истребления и человеконенавистничества. Разве такой общественный строй, неизлечимые пороки которого с неотразимой убедительностью вскрыл Маркс, может дать простор для творческой, созидательной социальной энергии, когда он стремится безжалостно уничтожить главную производительную силу — трудящихся!

Характерная особенность современного развития состоит также в том, что монополистический капитал уже не может класть под сукно новые изобретения, как это было в начале столетия, ибо он знает, что эти изобретения завтра будут служить усилению индустриального могущества социализма, в первую очередь Советского Союза. Борьба величайшей напряженности идет ныне и в главнейшей сфере человеческой деятельности — в производстве. Социализм наступает. Монополистический капитал не может спокойно спать: прежней монополии в мировом масштабе у него нет; ему каждый день следует думать о потенциальных возможностях своего нарастающего силы противника — социализма. Это меняет картину мирового развития, но не меняет природы капитализма, что бы ни говорили по этому поводу ревизионисты, отступники от марксизма-ленинизма. В упорной борьбе, своими победами и достижениями социализм доказывает, что именно он является той социальной формой, которая предоставляет безграничные возможности для роста производительных сил общества в интересах и во имя трудового человека.

Выделяя главное, что характерно для марксизма в вопросе о социалистическом обществе, Ленин писал: «У Маркса нет и ка-

пельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, фантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественноисторический процесс, *рождение* нового общества из старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки¹. В этом великая сила марксистско-ленинской теории. Сегодня она опирается на фактический, насчитывающий десятилетия опыт строительства нового общества, опыт многих миллионов трудящихся. Без этого опыта современный мир нельзя себе и представить. Важнейшие положения, выдвинутые Марксом и творчески развитые Лениным, прошли проверку, стали непреложными законами прогресса общества.

Ленин говорил далее, что «Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма»². Эта проблема о ступенях экономической зрелости коммунизма — от первых переходных форм к развитому социалистическому обществу и строительству коммунизма — стала проблемой общественной практики миллионов людей, стала историческим процессом. Именно в этом направлении теоретически и практически работала и работает партия Ленина, в этом направлении она вела и ведет народ. И никто в мире не может отрицать, что есть теперь такая страна, в которой социалистическое производство и общественные отношения, ему присущие, начав с различных переходных форм в разных районах страны, достигли высокой зрелости.

В разработке теории социалистического общества Маркс перенес центр тяжести на анализ производства, на проблемы создания и умножения коллективного богатства. «Вульгарные социалисты», как называл Маркс тогдашних своих противников из числа эпигонов утопического социализма, сосредоточивали свое внимание на распределении, сочиняли различные морально-политические трактаты, но оставляли без внимания основную сферу деятельности человека — производство. Никакой мысли о ступенях экономической зрелости коммунизма у них не было и в помине, не было и самой проблемы развития, созревания нового общества на экономической основе. По сути дела, учение Маркса и Ленина о новом общественном строе есть учение о новом соотношении природы и общества, о новом характере использования человеком сил природы, для чего само общество должно изменить свой строй.

Борьба людей с природой за овладение ее могучими силами никогда еще не имела столь широких реальных перспектив, и никогда еще не было такого страшного уродующего влияния старой социальной структуры, какое оказывает на нее совре-

менный капитализм. Ныне многие люди за рубежом социалистических стран священные слова «знание», «наука» начинают произносить с суеверным ужасом. Таков итог хозяйничанья капитала. Вопрос об использовании обществом сил природы, бывший в прошлом достоянием философски настроенных умов, ныне во всей своей конкретности стал актуальным вопросом политики, затрагивающим интересы миллионов людей. И мировое коммунистическое движение для своего совещания, намеченного на конец этого года в Москве, указало на необходимость усиления антимпериалистической борьбы как на важнейшую проблему деятельности всех прогрессивных, всех социалистических и демократических сил современности.

II

Марксизм, наметив пути разрешения важнейших проблем общественного развития, впервые поставил на прочную научную основу и учение о человеке. Маркс доказал, что вне общественных связей не существует человека. Общественная природа человека есть определяющее начало для его изучения. Изменение социальных условий, уничтожение различных видов социального гнета, создание новых общественных связей, основа которых есть созидательный труд, освобожденный от эксплуатации, — таковы требования для развития человеческой личности, которые выдвинул марксизм. Вне здоровых общественных связей интеллект неизбежно беднеет, духовная жизнь индивида нищает. Все это стало аксиомой, против которой могут выступать лишь фарисеи и лжецы старого мира. Тем не менее противники марксизма в последнее время усвоили себе манеру по всякому поводу и без всякого повода утверждать, будто Маркс и его последователи «забыли человека». Находятся также теоретики, заявляющие, что марксизм необходимо «дополнить» антропологией (учением о человеке) и постараться его, марксизм, «гуманизировать».

Это старые погудки на новый лад. Теоретики буржуазии долгое время изошрялись в попытках представить общество как конгломерат личностей, некий рассыпной строй индивидов. Марксизм-ленинизм установил, что общество, выйдя из недр первобытного строя, разделилось на классы, которые составляют основу его социальной структуры. И в наши дни никаких изолированных, «бесклассовых» индивидов не существует. Общественное развитие, борьба антагонистических классов ведет к революционному уничтожению эксплуатации и угнетения, к ликвидации антагонистических классов. После этого величайшего социального изменения общество отнюдь не распадается на отдельные личности, как думал во времена Маркса анархист

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 48.

² Там же, стр. 98.

Бакунина; наоборот, социальные связи, очищенные от всей скверны эксплуатации, становятся все более необходимыми для развития личности каждого человека. Требование «свободы» индивида от общественных связей, а следовательно, и от общественного долга глубоко реакционно. В состоянии подобной «социальной невесомости» человек теряет чувство собственной личности. Это может вести лишь к тяжелым перерождениям сознания индивида, к разрушению всего механизма социальной мотивации деятельности человека.

Марксизм-ленинизм именно под углом зрения развития человека, его интересов рассматривает и научно оценивает общественные отношения. С этой целью он ввел категории способностей и потребностей человека. Это — величайшее достижение учения личности. Без потребностей и способностей нет и не может быть никакого проявления личности, нет ее связей с обществом, нет также и внутренней структуры личности, нет никакой индивидуальности. История личности, так же как и история человечества, есть развитие человеческих потребностей и способностей. Если проанализировать историю такого человеческого понятия, как «счастье», оно подтвердит своим развитием эту истину. В требованиях «свободы личности», если их очистить от буржуазной лжи, нет другого действительного содержания, кроме требования удовлетворения здоровых потребностей человека, развития и применения его способностей. Индивидуальное, которое буржуазные теоретики вечно противопоставляют общественному, на деле оказывается неразрывно связанным с социальным.

Научный коммунизм обосновал необходимость такой социальной структуры, которая дала бы возможность для безграничного развития способностей человека, для применения их в труде и для полного удовлетворения его потребностей.

Эксплуататорское общество — а капитализм в особенности — безжалостно уродует именно способности и потребности людей. Для маскировки буржуазные теоретики придумали теперь издевательскую теорию, утверждающую, будто капитализм есть общество «равных возможностей для всех». Капитализм якобы всем предоставляет возможность стать миллионерами, всем предоставляет право «есть на золотой тарелке». На самом же деле только власть имущие реализуют это право.

Общество, в котором социальный престиж человека зависит не от капитала, а от его способностей, от его труда, есть социализм. Это — непреложная истина. Существует ли, или, лучше сказать, может ли существовать иное социальное учение о развитии личности, которое в силах опровергнуть эти положения, выдвинутые гением Маркса — Энгельса — Ленина? Нет, не существует. История ведет к тому, что растущие потребности человека уже невозможно удовлетворить на частнособственниче-

ской базе; отношения частной собственности составляют преграду и для развития способностей. Развитие человека и человечества требует социализма. Реакционны все рассуждения о человеке как об одиночке, оторванном от общества, от класса, ведущих борьбу за свои интересы, за социальную структуру, соответствующую этим интересам.

III

Маркс, Энгельс, Ленин дали единственно научную теорию, указывающую на возможности человека воздействовать на общественные условия, теорию социального действия и социального преобразования. Как происходят глубокие изменения в жизни общества? Этот вопрос социальная мысль задавала уже давно. Многие, отвечая на него, утверждали, что социальные изменения творят воля, идея, дух. Часто воплощением этого духа объявлялись «великие личности», различные его «избранники» (элита).

Марксизм-ленинизм впервые показал действительное значение сознательной деятельности людей. Эта деятельность может оказывать влияние на исторический процесс, когда она отправляется от осознания назревших потребностей общественного развития, реально существующих условий. Эта деятельность приобретает подлинную эффективность, когда она обращена к людям труда, когда ею охвачены трудящиеся массы, которые и являются творцами истории.

Отстаивая и развивая это учение Маркса, Ленин разбил народнические теории, согласно которым историю делают «критически мыслящие личности». В обществе, которое достигло капиталистической ступени развития, никакие «выдающиеся личности» не повернут ход истории, пока в борьбу не вступит рабочий класс — величайшая сила социального развития. И сегодня еще находятся теоретики, именующие себя прогрессивными людьми, которые не признают эту истину, открытую Марксом. Среди них особенно известен, например, Герберт Маркузе, который отрицает тот факт, что интеллигенция только тогда становится революционной силой, когда она переходит на позиции рабочего класса в его борьбе с буржуазией, когда она рабочему классу, его победе отдает свои знания.

Условием победы сил социального прогресса во всех случаях остается признание ими тезиса, сформулированного Марксом и Энгельсом еще в 1846 г. и гласящего, что буржуазия и пролетариат становятся двумя решающими классами общества, и борьба между ними — главной борьбой нашего времени³. Эта

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 24.

борьба, начавшаяся более ста лет назад, продолжается в новых условиях. Борьба между социализмом и капитализмом — главная борьба нашего времени. Кто отказывается от этой мысли, тот неизбежно теряет ориентир в революционной борьбе.

Существуют также теория и теоретики, которые утверждают, будто ныне главная и даже единственная революционная сила на свете — национально-освободительное движение. Подобные теоретики превозносят главным образом участвующую в нем интеллигенцию и отчасти крестьянство — «мировую деревню». Но они утаивают тот непреложный факт, что современное национально-освободительное движение, решая задачи национального и социального освобождения, развивается, осваивая многое из того опыта, который накопили социалистические страны, и в первую очередь Советский Союз. Они забывают, что национально-освободительное движение пользуется помощью этих стран и что могучий революционный поток, который проявляется в успешном строительстве нового общества на земле, ведет непрерывное наступление на империализм и тем самым помогает развертыванию всех других антиимпериалистических сил современности.

Антикоммунисты в лагере буржуазных идеологов и некоторые ревизионисты атакуют учение марксизма-ленинизма о путях развития революционной борьбы, утверждая, будто Маркс рассматривал мировой революционный процесс как некое одномерное явление, ограниченное борьбой рабочего класса Западной Европы. На этом основании они делают вывод, будто «модель» революции, разработанная Марксом, не оправдала себя. На самом деле, разрабатывая теорию мирового революционного процесса, Маркс неизменно связывал возможность победы революции в Европе с поддержкой борьбы европейского пролетариата со стороны революционных сил других стран.

В 1858 г. в письме Энгельсу Маркс писал о возможности победы революции в Европе: «Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество проделывает еще восходящее движение?»⁴ Маркс называл это «трудным вопросом» и на протяжении многих лет вместе с Энгельсом работал над его теоретическим разрешением. Они знакомятся с движением народных масс в странах Востока, в Индии, особенно пристально изучают развитие революционной борьбы в России. Известна гениальная мысль Маркса о необходимости дополнить борьбу европейского рабочего класса чем-то вроде второго издания крестьянской войны в тех странах, где крестьянство составляет большую часть населения. Ленин впоследствии творчески

развил эту идею Маркса в стройное учение о союзе рабочего класса с трудовым крестьянством.

Уже примерно в 70-х годах прошлого века у Маркса складывается научно-обоснованное представление о двух потоках мирового революционного процесса — пролетарском движении на Западе и крестьянской революции, зреющей в России, о плодотворном взаимодействии этих двух потоков. Маркс уделяет огромное внимание России, с любовью и уважением относится к ее революционным силам. Вместе с тем он и Энгельс внимательно следят за экономическими и социальными изменениями российской действительности, придавая все большее значение зарождающемуся и быстро растущему пролетариату России.

Вопрос о революции в странах Востока был трудным для того этапа развития мирового революционного процесса. Эти проблемы всесторонне осветил гений Ленина на следующем этапе. Но уже Маркс и Энгельс, изучая их, сформулировали важный социологический закон: для того чтобы отставшие в технико-экономическом отношении страны могли сократить процесс своего развития по пути к социалистическому обществу, они должны увидеть на примере, «как это делается». «Только тогда, — писал Энгельс, — когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда отсталые страны увидят на этом примере, «как это делается», как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом, — только тогда смогут эти отсталые страны встать на путь такого сокращенного процесса развития. Но зато успех им тогда обеспечен»⁵.

В прошлом буржуазные революционеры и приверженцы утопических систем видели в революции лишь средство разрушения старого общественного строя. Маркс объявил войну таким теориям. Согласно взглядам Маркса и Энгельса, мировой революционный процесс необходимо включает созидание нового общества, а успешное строительство этого общества стимулирует мировую революционную борьбу.

Национально-освободительное движение неразрывно связано с развитием стран социализма, с Советским Союзом, с новыми величественными явлениями в жизни современного человечества, порожденными борьбой и победами рабочего класса. Эти явления изменили всю мировую обстановку, весь ход всемирной истории. Надо ослепнуть на оба глаза, чтобы этого не видеть. Надо быть также совершенно слепым, чтобы не видеть, какое значение для революционного процесса современности имеет борьба рабочего класса в капиталистических странах. Именно единство трех потоков современного революционного процесса

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 29, стр. 295.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 446.

придает ему силы для разрушения старого, отжившего строя эксплуатации и угнетения, для создания новых форм общественной жизни на земле. При этом, как подчеркнул Ленин, объективно главное направление революционного процесса выражает рабочий класс — последовательный борец против власти капитала во всех его уродливых проявлениях.

Маркс, Энгельс, Ленин вскрыли и важнейшее условие социального прогресса: для борьбы и победы рабочий класс должен быть организован. Вся логика говорит об этом. В прошлом ни рабы, ни крепостные крестьяне не могли создать политических партий, руководящих их борьбой. Сознательный элемент при разрушении социально-экономических формаций в прошлом не играл своей великой роли. Высшей формой такой организации должна быть политическая партия, способная вести вперед рабочий класс и те социальные слои, которые за ним идут, — крестьянство, интеллигенцию, другие непролетарские слои трудящихся. Энгельс писал: «Для того чтобы пролетариат в решающий момент оказался достаточно сильным и мог победить, необходимо — Маркс и я отстаивали эту позицию с 1847 г., — чтобы он образовал особую партию, отдельную от всех других и противостоящую им, сознающую себя как классовая партия»⁶. Ленин в новых условиях борьбы творчески развил марксово учение о партии рабочего класса. Без такой политической организации невозможно проявление высокой сознательности масс, их воздействие на исторический процесс будет носить лишь стихийный характер.

Учение о партии рабочего класса — центральный пункт всей марксистско-ленинской концепции социального действия и социального изменения. И в наше время, когда после Октябрьской социалистической революции мир вступил в полосу величайших социальных изменений, общее направление которых составляет переход от капитализма к социализму, нет вопроса более острого, чем вопрос о ведущей роли марксистско-ленинской партии, о принципах ее строения, о структуре ее деятельности. На этом сосредоточивают свое внимание буржуазные теоретики, стремясь воздействовать на все элементы, шатающиеся, колеблющиеся между двумя лагерями — социализмом и капитализмом. Эти нападки антикоммунизма на марксистско-ленинское учение о партии вместе с тем показывают, какой исторической силой стали партии рабочего класса, верные знамени Маркса — Ленина, какой силы добились люди труда, создавшие такие партии, организованные в их рядах, вдохновленные их идеями.

Как бы ни старались империалисты с помощью атак и диверсий на идеологическом фронте, с помощью национализма,

различных буржуазных взглядов на человеческое общество ослабить могучую силу марксистско-ленинских партий, коммунисты идут вперед, развивая учение Маркса и Ленина, верные этому учению, озаряющему их нелегкий, но славный путь.

Апрельский Пленум ЦК КПСС подчеркнул значение непримиримой идеологической борьбы на современном этапе. В огромном по своим масштабам процессе социального освобождения, охватившем всю землю, идеалы социализма становятся близкими сотням и сотням миллионов людей, воздействуют на их каждодневную действительность, на всю их борьбу. В новых условиях империализм затрачивает бешеные усилия для того, чтобы извратить и очернить идеи социализма. Он готов для этого капитализм переименовать в «социализм», а вместе с тем подвергнуть поруганию все действительно, важнейшие устои социализма. Этой цели служат широко распространяемые буржуазной пропагандой искаженные, лживые представления о социалистическом обществе, различные теории, согласно которым экономическую основу социализма — общественную собственность на средства производства — можно соединить с политической организацией буржуазного общества и получится «гармоничное» общество-гибрид, как будто бы дело идет о складывании кубиков, а не об органических законах развития социальных и политических структур.

Немалое значение реакция придает пропаганде индивидуализма, разрушающего социальные связи трудового люда и опирающегося на частнособственнические иллюзии и привычки. Атаки ведутся против концепций коллективизма, хотя именно эти идеи были всегда верными спутниками человечества на пути его социального раскрепощения.

Современный этап исторического развития характеризуется все возрастающей ролью сознательности народных масс, их умением правильно видеть противоборствующие тенденции, пониманием объективных возможностей для развертывания революционной борьбы и использования этих возможностей. В мировом революционном процессе все менее эффективной становится стихийность движения, крепнет понимание той истины, что попытки двигаться вперед на ощупь ведут к поражению.

Все большее значение для развития мирового революционного процесса, для движения трудового человечества по пути социального прогресса приобретает свет марксистско-ленинской теории. Поэтому империалистическая реакция наряду с военнополитическими авантюрами, имеющими своей целью силой затормозить развитие мирового революционного процесса, приводит в действие и все средства идеологической борьбы.

Непримиримая борьба против буржуазной идеологии есть историческая необходимость, важное условие для того, чтобы дороги прогресса не скрыл от взоров людей туман иллюзий,

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 37, стр. 275.

возникающих в результате самообмана и прямого обмана со стороны империалистической реакции.

Если задать вопрос о нынешней стратегической линии капитализма в идеологической борьбе против марксизма, то, отвечая на этот вопрос, следует подчеркнуть, что сегодня буржуазные идеологи, напуганные распространением марксистских идей, ведут войну главным образом против марксизма как системы. Они уже ничего не могут сделать с внедрением в сознание людей ряда марксистских идей, они страшатся объединения этих идей в систему, и поэтому все их усилия направлены на то, чтобы разорвать марксизм-ленинизм на куски, сделать все от них зависящее, чтобы доказать, что ныне марксизм может существовать только в лоскутном виде, с вкраплением в него солидных кусков буржуазных идеологических концепций. Поэтому борьба за марксизм-ленинизм как целостную систему в современном мире усиливается. Буржуазные идеологи все чаще прибегают к своеобразному приему, выдавая отдельные буржуазные концепции за «последнее слово науки». Марксисты в этой связи стремятся к тому, чтобы действительно последнее слово науки в ходе ее бурного развития, в ходе меняющейся общественной жизни, выдвигающей новые вопросы, было произнесено именно марксизмом-ленинизмом.

Перед глазами всего человечества, народов, строящих социализм, рабочего класса и всех трудящихся, ведущих антиимпериалистическую борьбу, стран, охваченных национально-освободительным движением, перед их глазами — пример Великого Октября, полувекового бурного развития огромной страны в экономической, социальной и культурной областях, развития, которое немыслимо без великой силы, вдохновляющей и организующей социальную энергию масс, — Коммунистической партии Советского Союза. Перед глазами народов — могучая поступь социалистического содружества. И в этом характернейшая особенность современного прогресса.

Маркс вскрыл единство коренных интересов и задач рабочего класса в интернациональном масштабе. Так родился призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Из этого он исходил, решая вопросы организации и просвещения рабочего класса. Впоследствии этот важнейший принцип марксизма-ленинизма — пролетарский интернационализм — подвергся бесчисленным нападкам. Но он живет, этот принцип, ибо его породила жизнь, ее тенденции он выражает. Конечно, у рабочего класса много задач, которые он решает в национальных рамках. Количество этих задач увеличивается, сами они усложняются. Коммунисты показали, что они являются выразителями лучших, самых передовых традиций наций и борются за их будущее. Старые потуги буржуазных клеветников доказать, будто коммунистические партии импортированы извне и не являются продуктом нацио-

нальной жизни, теперь уже почти никем не принимаются за истину. Процесс, в силу которого коммунистические партии становятся важнейшим фактором национального развития, идет все дальше и глубже. Это, несомненно, является важным шагом вперед по пути социального прогресса. Но это лишь одна сторона современного мирового развития.

Другая сторона состоит в том, что неуклонно происходит сближение национальных и интернациональных задач рабочего класса. Сейчас уже нет исторических процессов, отгороженных от всего света национальными рамками. Историческое событие, происходящее в одной стране, затрагивает в той или иной мере интересы других народов. Само это событие происходит в той или иной международной обстановке, в определенной степени от нее зависит. Эту объективную тенденцию мирового процесса начинают понимать и многие деятели национально-освободительного движения, начавшие с пропаганды лишь националистических идей. Сегодня многие из них уже понимают значение международной солидарности прогрессивных сил для успеха их дела. Многие уже начинают сознавать, что солидарность прогрессивных сил в масштабах данного района или даже континента не может заменить широкую международную солидарность этих сил, их великое значение для победы дела социального прогресса. Американская агрессия во Вьетнаме для многих стала предметным уроком, показывающим актуальную и потенциальную силу международной солидарности.

Коммунисты являются самыми последовательными выразителями этой тенденции мирового развития. Они понимают свою ответственность перед мировыми прогрессивными силами за то, как они решают национальные задачи внутри своей страны. Это сознание интернациональной ответственности, несмотря на различные преграды и препятствия, растет. Растет и заинтересованность отдельных национальных отрядов коммунистов в международных делах. Без такой глубокой заинтересованности трудно или просто невозможно выполнить и свои задачи в национальных рамках.

Буржуазные пропагандисты, которые, как известно, очень не любят материалистическую диалектику, утверждают, будто нельзя сочетать национальные и интернациональные задачи прогрессивных сил. Они «уговаривают» их замкнуться в национальные рамки и забыть об интернациональной солидарности, которая якобы является пережитком. При этом умышленно путают вопрос о руководстве мировым коммунистическим движением из одного центра с вопросом об интернациональной солидарности, о единстве этого движения на принципах марксизма-ленинизма. Совершенно очевидно, что сейчас уже невозможно руководить мировым коммунистическим движением из одного центра — это ушло в прошлое. Но международная солидарность

коммунистических партий, их единство и сплоченность на основе марксизма-ленинизма — это требование времени. Этому единству принадлежит будущее.

Утверждение принципа пролетарского интернационализма, выдвинутого и научно обоснованного Марксом, происходит в условиях ожесточенной политической и идейной борьбы с врагами марксизма — и потому требует от всех марксистско-ленинских партий постоянной и упорной организационной и воспитательной работы. Спекулируя на различных трудностях, враги научного коммунизма давно и не раз подрывали этот принцип. Не желая принимать его как выражение объективной исторической тенденции, прокладывая себе дорогу в борьбе с националистической ограниченностью, они утверждали, что этот принцип — лишь благое пожелание, которому в действительности не суждено осуществиться. Но исторические тенденции общественного развития нельзя утопить в море чернил, их нельзя уничтожить даже самым ловким росчерком пера, ибо за этими тенденциями стоят классы и партии, реальные стремления трудящихся масс, их борьба за свои коренные интересы.

Еще в молодые годы, в самом начале практической революционной деятельности, Маркс подчеркивал, что недостаточно одних только коммунистических идей для уничтожения строя частной собственности. «Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется *действительное коммунистическое действие*». Он был твердо уверен, что «история принесет с собою это коммунистическое действие»⁷. И сегодня оно развивается, это коммунистическое действие, охватывая весь мир. Знамя, поднятое Марксом, несут миллионы людей.

РАЗРАБОТКА В. И. ЛЕНИНЫМ ПРОБЛЕМ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА *

Величие марксизма-ленинизма состоит в том, что он с научной глубиной показал и объяснил, как люди делают свою историю в эпоху грандиозных революционных преобразований при переходе от капитализма к коммунизму. Больше того, марксистско-ленинская теория учит людей делать историю в эту замечательную эпоху, наиболее эффективно применять законы общественного развития, свою могучую объединенную силу. Глубокое понимание марксизма-ленинизма, линии партии — важнейшее условие пробуждения творческой активности масс. XX век — век овладения сказочной мощностью атома. Но в еще большей степени наше время озаменовано открытием и прояв-

лением огромной социальной энергии трудящихся, преобразующей мир. По своему значению для судеб человечества это пробуждение революционной энергии миллионов нельзя ни с чем сравнить. Открытие огня, затем пара, электричества, внутриядерной энергии — великие этапы покорения людьми сил природы. Но без проявления величайших сил самих трудящихся, их способности сознательно изменять социальную организацию общества в соответствии с развитием производительных сил нельзя добиться, чтобы природные силы не служили угнетению человека человеком, чтобы их мощь была направлена на благо и счастье человечества.

Осознание сущности общественных отношений, их природы имеет решающее значение для исторической деятельности трудящихся. Эта задача выполняется благодаря самоотверженной работе марксистско-ленинских партий, творчески развивающих учение Маркса — Ленина, отстаивающих его в борьбе с правыми и левыми оппортунистами и воспитывающих массы в духе коммунистического мировоззрения.

В настоящей статье мы остановимся на разработке В. И. Лениным некоторых проблем научного коммунизма и на значении соответствующих ленинских положений для практики коммунистического строительства.

Раскрытие закономерностей величайшей исторической эпохи перехода от капитализма к коммунизму навсегда останется бессмертной заслугой В. И. Ленина. Ленин существенно обогатил научную теорию общественного развития. Он доказал, что для периода империализма характерно крайне неравномерное развитие капиталистических стран, в результате чего возникает слабое звено (или ряд звеньев) в империалистической цепи и создается возможность прорыва этой цепи. Революционная ситуация, общенациональный кризис не может возникнуть одновременно во всех или во многих странах.

В августе 1915 г. В. И. Ленин писал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране»¹. Таково было важнейшее положение ленинской теории социалистической революции.

Согласно этой теории, ход общественного развития должен был привести к тому, что в одной или нескольких странах победит социалистическая революция, а весь остальной мир в течение некоторого времени останется буржуазным или добуржуазным. Начнется, таким образом, новая, важнейшая полоса

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 606.

* Статья напечатана в журнале «Вопросы философии», 1963, № 12, стр. 3—15.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 354.

всемирной истории, когда мир расколется на две системы. Это будет полоса одновременного существования на земле социалистических и буржуазных, а также добуржуазных стран. В этот период в буржуазных странах обострятся противоречия между трудом и капиталом, усилится борьба за коренное революционное преобразование общества на социалистических началах.

Что касается добуржуазных стран, то с возникновением империализма появляется такой важный фактор революционного процесса, как антиимпериалистическая национально-освободительная борьба народов этих стран. «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию», — отмечал В. И. Ленин. — Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию.

Рабочие передовых стран мира с интересом и воодушевлением следят за этим могучим ростом мирового освободительного движения во всех частях света и во всех формах. Буржуазия Европы, испуганная силой рабочего движения, бросилась в объятия реакции, военщины, поповщины и мракобесия. Но на смену этой, заживо гниющей буржуазии идет пролетариат европейских стран и молодая, полная веры в свои силы и доверия к массам демократия азиатских стран.

Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся в начале XX века новую полосу всемирной истории². Это был гениальный анализ изменений в мировом революционном процессе, происшедших со времени Маркса.

Победа социалистической революции в одной стране вносит дальнейшие изменения в мировой революционный процесс, в борьбу за власть пролетариата передовых капиталистических стран и в начавшееся пробуждение колониальных и зависимых стран.

Взяв власть в стране победившей революции, рабочий класс, руководя всеми трудящимися, строит новую экономику и новые социальные отношения, ведет огромную работу по воспитанию высокой сознательности людей. При этом вначале социализм не преобладает среди других укладов в экономике и социальной структуре данного общества. Однако наличие власти в руках рабочего класса, который ведет за собой всех трудящихся города и деревни, наличие марксистско-ленинской партии, которая руководствуется передовой революционной теорией и неразрывно связана с массами, позволяет в ходе экономической, политической и идеологической классовой борьбы сделать социалистический уклад преобладающим, а затем и безраздельно господ-

ствующим в стране. Большое значение для строительства нового общества имеют внешние условия. Наиболее благоприятна для этого мирная обстановка.

На VII съезде партии в 1918 году В. И. Ленин говорил, что «мы находимся сейчас только на первой переходной ступени от капитализма к социализму у нас в России». Он подчеркивал далее: «История нам не дала той мировой обстановки, которая теоретически на известное время мыслилась и которая для нас желательна, которая позволила бы быстро перейти эти переходные ступени. Мы сразу видим, как гражданская война многое затруднила в России и как эта гражданская война сплетается с целым рядом войн. Марксисты никогда не забывали, что насилие неизбежно будет спутником краха капитализма во всем его масштабе и рождения социалистического общества. И это насилие будет всемирно-историческим периодом, целой эрой самых разнообразных войн — войн империалистических, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других, войн национальных, освобождения национальностей, раздавленных империалистами, различными комбинациями империалистских держав, входящих неминуемо в те или иные союзы в эпоху громадных государственно-капиталистических и военных трестов и синдикатов. Эта эпоха — эпоха гигантских крахов, массовых военных насильственных решений, кризисов — она началась, мы ее ясно видим, — это только начало»³.

История показала, что В. И. Ленин был прав в этой оценке начавшегося тогда периода. Но он не считал, что этот период самых разнообразных войн никогда не сменится мирной обстановкой, желательной для коммунистического строительства. И он не обуславливал наступления мирного периода только конечной победой революции в мировом масштабе.

В связи с вышесказанным В. И. Ленин поставил очень важный в методологическом отношении вопрос о неизбежном усилении влияния социализма на мировой революционный процесс. Защищая новую теорию социалистической революции от людей, которые пугали силой капитализма и выражали неверие в силу трудящихся, В. И. Ленин подчеркивал в 1918 году, что «нет ни одного исторического переворота, сколько-нибудь крупного, без целого ряда случаев несоответственности сил. Силы растут в процессе борьбы, с ростом революции»⁴. Это — замечание глубокого социологического смысла, оно дает поистине философский охват исторического процесса. Из приведенного положения Ленин делал далеко идущие теоретические выводы о росте сил социализма внутри страны и на мировой арене, его растущем влиянии на все стороны всемирной истории.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 47—48.

⁴ Там же, стр. 383.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 146.

Замечательная ленинская характеристика перспектив развития мирового революционного процесса содержится в «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам» (1920 г.). В. И. Ленин выделяет значение того периода, когда все злободневнее становится «задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)»⁵. В ленинском анализе, таким образом, четко намечены два этапа в развитии мирового революционного процесса после победы социалистической революции в одной стране и указаны качественные их отличия.

Первый этап — существование социалистического государства во враждебном капиталистическом окружении. На этом этапе диктатура пролетариата еще не может определять мировую политику. Главная задача здесь — строительство социалистического общества в одной стране при поддержке со стороны революционных сил за рубежом, в первую очередь со стороны рабочего класса капиталистических стран. В этот период необходимо всеми средствами внешней политики продлить передышку, а всеми средствами внутренней политики — укрепить и развить социалистический строй, провести индустриализацию страны, добиться победы социализма в деревне, осуществить культурную революцию.

После Великой Октябрьской социалистической революции возникли некоторые возможности для того, чтобы революционные силы победили в нескольких странах Восточной и Центральной Европы, и таким путем создавалась бы мировая система социализма. Но капитализм был еще очень силен, Советская страна была слаба, зрелых коммунистических партий, могущих руководить победоносной социалистической революцией, нигде, кроме нашей страны, не имелось. Советская республика в Венгрии, революция в Германии были империалистической реакцией подавлены.

Понадобилось немалое время для того, чтобы совершился переход от первого этапа мирового революционного процесса — победы социализма в одной стране — к созданию мировой социалистической системы. За этот период силы социализма значительно окрепли. Советский Союз завершил строительство первой фазы нового общества, а коммунистические партии в капиталистических странах стали важным фактором политической жизни.

Возникновение впервые на земле социалистического общества оказало серьезнейшее влияние на мировое революционное движение. Карл Либкнехт писал: «Российская советская республика стала знаменем борьбы, знаменем Интернационала; она ободряет других, наполняет их мужеством, удесятеряет храбрость и решимость борцов... Она несет в себе высокие достижения благороднейших идеалов, которые будут идеалами нового мира»⁶. Подъем революционного движения в рядах рабочего класса выразился в создании коммунистических партий. Появилась возможность сплотить эти возникающие партии в Третий Интернационал. В. И. Ленин так оценивал положение: «Первый Интернационал заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм».

Второй Интернационал был эпохой подготовки почвы для широкого, массового распространения движения в ряде стран.

Третий Интернационал воспринял плоды работ II Интернационала, отсек его оппортунистическую, социал-шовинистскую, буржуазную и мелкобуржуазную, скверную и начал осуществлять диктатуру пролетариата»⁷.

Еще в октябре 1918 года В. И. Ленин говорил: «Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней нет революционной партии»⁸. Но уже на первом этапе, при существовании социалистического строя только в одной стране, этот величайший недостаток был исправлен, в чем огромную роль сыграл Коммунистический Интернационал, который оказывал большую помощь молодым коммунистическим партиям, помогал их идейному и организационному становлению, овладению ими историческим опытом нашей партии. Вскоре после III конгресса Коминтерна Ленин говорил: «Мы имеем армию коммунистов во всем мире». Она еще плохо обучена, плохо организована»⁹. Над устранением этих недостатков и работал Коминтерн.

Под руководством В. И. Ленина Коминтерн разрабатывал генеральную линию коммунистических партий в новых исторических условиях, создавшихся после Великой Октябрьской социалистической революции, освещал вопросы вовлечения крестьянских масс, а также угнетенных колониальных народов в борьбу против империализма.

Под влиянием Великого Октября новое развитие получило национально-освободительное движение в колониях и зависимых странах. Исторический опыт национального и социального освобождения народов Советского Союза придал этому движению идейную и политическую силу; в ряде стран Востока нача-

⁵ Ф. Фишер. Как жил и боролся К. Либкнехт. М., 1931, стр. 56.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 303.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 109.

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 96.

ли создаваться марксистско-ленинские группы и партии. Коминтерн существенно помог им в их деятельности.

Энгельс в свое время писал о I Интернационале: «В течение десяти лет Интернационал господствовал над одной стороной европейской истории — именно той стороной, в которой заложено будущее, и он может с гордостью оглянуться на свою работу»¹⁰. Эти слова можно повторить о деятельности III Интернационала с тем отличием, что та сторона европейской истории, в которой заложено будущее, стала неизмеримо богаче. Социализм начал оказывать свое влияние не только на европейскую, но и на мировую историю.

На втором этапе коренным образом меняется и характер влияния. Социализм, ставший мировой системой, способен оказывать решающее влияние на мировую политику, как и предвидел В. И. Ленин, высказывая мысль о диктатуре пролетариата «по крайней мере нескольких передовых стран», о диктатуре интернациональной. За это время наша страна стала передовой не только по своему общественному строю, но и в технико-экономическом отношении; она в ближайшие годы догонит и перегонит главную державу капиталистического мира — США. Система социализма не могла бы оказывать решающего влияния на мировое развитие, если бы она пренебрегала задачами экономического строительства. Эта ленинская мысль является продолжением ранее высказанной им идеи о возможности победы социализма первоначально либо в одной стране, либо в нескольких, немногих странах. Данные ленинские положения представляют собой важнейшие устои теории мирового революционного процесса.

Выделение и анализ этого нового этапа мирового революционного процесса является одним из крупнейших достижений марксизма-ленинизма. Наше понимание современной истории значительно обогатилось и углубилось после того, как партия, ее Центральный Комитет разработали вопрос о значении для мирового развития выхода социализма за пределы одной страны и образования мировой социалистической системы. Укрепление системы социализма ведет к тому, что становится возможным добиться, чтобы борьба между капитализмом и социализмом на мировой арене не принимала формы военных столкновений и мировых войн.

На втором этапе для выросших и возмужавших в борьбе коммунистических партий потребовались иные, чем Коминтерн, связи между собой, руководство из одного центра огромным и многообразным движением мирового коммунизма стало уже невозможным. Начали развиваться новые формы контактов и сотрудничества между братскими марксистско-ленинскими партия-

ми, в частности в виде различных совещаний представителей этих партий. Величайшую поддержку имеет международное коммунистическое движение в мировой социалистической системе, которая является важнейшим итогом борьбы рабочего класса за весь предшествующий период в развитии революционного процесса.

Прочную опору в лице социалистической системы обрело и национально-освободительное движение. Социалистические страны средствами государственной политики имеют возможность поддерживать на мировой арене борьбу народов за свою политическую и экономическую независимость. Совершается крах колониальной системы империализма.

Для внутреннего развития мировой системы социализма, для борьбы между трудом и капиталом в буржуазных странах и для национально-освободительного движения важнейшее значение на втором этапе мирового революционного процесса имеет тот факт, что Советский Союз вступил в период развернутого строительства коммунизма. В этот период в решающую фазу вступает и соревнование между социализмом и капитализмом. Преимущества социалистического строя проявляются прежде всего в успехах хозяйственного строительства. Именно реализация огромных преимуществ социализма оказывает революционизирующее влияние на умы и волю трудящихся капиталистических стран. Прочные основы полной победы над капитализмом закладываются не ультрареволюционными фразами, а неустанным трудом миллионов в сфере материального производства, который укрепляет общий фронт социализма, умножает его силы в революционной борьбе народов всех стран. *«...Главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой»*, — подчеркивал В. И. Ленин. *«На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно»*¹¹.

Вскоре после возвращения в Россию в 1917 г. В. И. Ленин в работе «Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии)» писал: «От капитализма человечество может перейти непосредственно только к социализму, т. е. общему владению средствами производства и распределению продуктов по мере работы каждого. Наша партия смотрит дальше: социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого стоит: «каждый по способностям, каждому по потребностям»¹². В связи с этим Владимир

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 341.

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 179—180.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 33, стр. 538.

Ильич делал вывод: «Мы должны называться *Коммунистической партией*, — как называли себя Маркс и Энгельс»¹³.

Ставя в 1918 г. вопрос об изменении названия партии, В. И. Ленин подчеркивал, что, «начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества, не ограничивающегося только экспроприацией фабрик, заводов, земли и средств производства, не ограничивающегося только строгим учетом и контролем за производством и распределением продуктов, но идущего дальше к осуществлению принципа: от каждого по способностям, каждому по потребностям»¹⁴.

Таким образом, В. И. Ленин учил видеть в социалистических преобразованиях конечную цель, помнить об этой цели, даже только приступая к ним, но ни под каким видом не путать конечную цель и ближайшие преобразования, не отождествлять их между собой. Во многих ленинских работах послеоктябрьского периода подчеркивается отличие первой фазы коммунизма от второй, ошибочность попыток перепрыгивания непосредственно ко второй фазе. Невозможно оценить, чем обязана теория строительства социализма и коммунизма В. И. Ленину. У Маркса по этому вопросу была сформулирована основная, руководящая идея; у Ленина решены теоретически в неразрывной связи с практикой сотни вопросов созидания нового общества, его экономики, его политической организации, его культуры. Поистине ленинские труды после 1917 года — это энциклопедия строительства социалистического общества.

Об отличии первой фазы коммунистического общества от второй и об условиях перехода от одной к другой В. И. Ленин ставит вопрос еще накануне Октябрьской революции в своем труде «Государство и революция», подчеркивая, что социалистическое общество — это такое общество, «которое *вынуждено* сначала уничтожить *только* ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)»¹⁵. Поэтому В. И. Ленин отмечает в качестве важнейшей отличительной черты общественной организации первой фазы тот факт, что «остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продуктов»¹⁶. Но в результате укрепления и прогресса со-

циалистических отношений изменяется самый характер государства: «*Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного синдиката»¹⁷. Из этого вытекает, что развитие такого «синдиката» и превращение его во всенародное государство есть необходимый процесс. Для полного же отмирания государства нужен полный коммунизм.

Вместе с тем В. И. Ленин неуклонно проводит мысль о единой основе развития обеих фаз. Социализм есть неполный коммунизм, однако социализм в своем развитии неизбежно ведет к коммунизму. Владимир Ильич учил видеть и тщательно возвращать все ростки коммунизма, которые появляются в социалистическом обществе, особенно подчеркивая значение роста сознательности и высокой дисциплинированности трудящихся. Изживание таких черт, как «труд враздробь, недоверие к общественному хозяйству, старые привычки мелкого хозяина...»¹⁸, убыстряет движение общества к коммунистическому будущему. Возникновение таких явлений общественной жизни, как коммунистические субботники, свидетельствует о том же.

Социалистические преобразования, развитие социалистических отношений содействуют достижению конечной цели — коммунизма, «ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль туеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким невероятно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием... что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*».

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства»¹⁹. В этих замечательных строках указаны и одно из важнейших отличий первой фазы от второй и одно из важнейших условий для вступления общества во вторую фазу.

Что же обеспечивает неизбежное перерастание первой фазы во вторую? Общая основа обеих фаз единой коммунистической формации состоит в том, что «пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма»²⁰. Прогресс человеческого общества есть прежде всего развитие вели-

¹³ Там же, стр. 101.

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 34.

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 102.

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 13.

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 179.

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 44.

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 93.

¹⁶ Там же, стр. 95.

кой производительной силы труда; это основной угол зрения на исторический процесс. Без этого не было бы ни количественного накопления, ни качественного развития ни в области материальной, ни в области духовной культуры человечества, не было бы, следовательно, поступательного движения общества вперед. Растущая производительная, созидательная сила человеческого труда требует и его организации, соответствующей достигнутому уровню развития производительных сил и обеспечивающей дальнейший прогресс. Социализм создает такую общественную организацию труда, которая позволяет достичь высшей фазы коммунистического общества и окончательно победить капитализм.

В. И. Ленин, решительно и последовательно ведя борьбу против проявлений мелкобуржуазной анархистской стихийности, писал: «Мелкобуржуазному революционеру свойственно не замечать, что для социализма недостаточно добывания, ломки и пр., — этого достаточно для мелкого собственника, взбесившегося против крупного, — но пролетарский революционер никогда не впал бы в такую ошибку»²¹. Мелкобуржуазный революционер меньше всего думает о созидании, о производстве, о хозяйственном строительстве. Иная точка зрения у последовательного пролетарского революционера, который никогда не будет относиться с высокомерным презрением к хозяйственной деятельности, к ее успехам, к развитию созидательной, производительной силы человеческого труда.

Эта мысль лежит в основе многочисленных ленинских трудов и выступлений. В апреле 1918 года в «Правде» была напечатана статья В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти», содержащая основные контуры программы великой творческой работы масс. Перед новым строем, рожденным революционной борьбой, тогда встали огромные задачи созидания. Надо было определить основное направление общественного развития и основную линию деятельности партии, идущей во главе трудящихся. Теория общественного развития превращалась в теорию практического преобразования общества. Великая революционная энергия масс становилась такой гигантской созидательной силой, какой еще не знала история. Все зависело от правильного понимания перспектив общественного процесса, которые определяют русло для могучего потока пробудившейся социальной энергии. И замечательные ленинские строки отвечали на поставленный жизнью коренной вопрос о переходе от капитализма к социализму.

По мере того как решается в главном и основном задача экспроприировать экспроприаторов и подавить их сопротивление, писал В. И. Ленин, «выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, об-

щественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация»²². Так была впервые поставлена перед партией, перед нашим обществом задача такой организации труда, которая дала бы высшую, чем при капитализме, производительность труда. Как добиться разрешения этой коренной задачи?

«Подъем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности»²³. В. И. Ленин, указывая, что страна наша располагает гигантскими запасами руды, топлива, водными ресурсами, сырьем для химической промышленности, говорит об Урале, Западной Сибири, Кавказе, Туркмении. Он заключает свою мысль следующими словами: «Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил»²⁴. Так была сформулирована В. И. Лениным важнейшая задача созидания нового общества. По этому пути мы шли, строя социализм, выполняя один за другим пятилетние планы развития народного хозяйства. По этому пути мы идем и сегодня, выполняя ленинские указания об электрификации страны, выдвинув в грандиозный план химизации промышленности и сельского хозяйства, строя материально-техническую базу коммунизма, разрабатывая наши огромнейшие богатства приемами новейшей техники, решительно устраняя недостатки.

Требование создать материальную основу для повышения производительности труда относится к строительству как первой, так и второй фазы нового общества. Только на этой основе возможны соответствующие изменения социальной структуры, всей системы общественных отношений, ликвидация противоположностей и впоследствии — существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, победа сначала социалистических, а затем коммунистических производственных отношений. Но создание материальной основы — отнюдь не единственное требование, которое выдвинул В. И. Ленин перед строителями нового общества.

Основу всех многообразных общественных связей составляют, по выражению Ленина, «отношения между людьми по участию их в общественном труде»²⁵. Без прочных связей людей в процессе труда нет никакого общества, степень развития труда и характер этих связей определяют ступени истории человечества.

²² Там же, стр. 187.

²³ Там же, стр. 188.

²⁴ Там же.

²⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 45.

В. И. Ленин писал, что рабочий класс после революции строит новую, более высокую общественную связь, подчеркивал значение активности масс в создании этой «новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, строящих крупное социалистическое производство»²⁶. Владимир Ильич говорил именно о «творчестве социалистических условий хозяйства и жизни»²⁷, о творчестве «новых экономических отношений, нового общества»²⁸. Это творчество развивается в период социализма и достигает огромного размаха в период развернутого строительства коммунистического общества. На всем протяжении строительства нового общества трудящиеся увеличивают и совершенствуют свою объединенную силу.

Один из переворотов, производимых в общественных отношениях социалистической революцией, состоит в том, что политическая надстройка становится существенно иной, коренным образом изменяется ее роль в организации общественного труда. Диктатура пролетариата, а затем всенародное государство имеют огромное значение в объединении созидательных усилий трудящихся. В недавно опубликованных главах первоначального варианта статьи «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин писал: «Задача управления государством, которая выдвинулась теперь на первый план перед Советской властью, представляет еще ту особенность, что речь идет теперь — и, пожалуй, впервые в новейшей истории цивилизованных народов — о таком управлении, когда преимущественное значение приобретает не политика, а экономика. Обычно со словом «управление» связывают именно и прежде всего деятельность преимущественно, или даже чисто, политическую. Между тем самые основы, самая сущность Советской власти, как и самая сущность перехода от капиталистического общества к социалистическому, состоит в том, что политические задачи занимают подчиненное место по отношению к задачам экономическим»²⁹. Дальнейшее изменение политической организации общества в целях разрешения в первую очередь экономических задач — характернейшая черта нашего развития.

В ходе коммунистического строительства партия смело решает большие вопросы управления промышленностью, строительством, сельским хозяйством. Марксистская теория общественного развития доказала вопреки «теориям» всяких путаников, что переход к коммунизму отнюдь не будет означать распад об-

щества на отдельные, малосвязанные друг с другом ячейки. Наоборот, в процессе такого перехода получают дальнейшее развитие и совершенствование общественные связи, вся комбинированная производственная деятельность людей.

Прогресс производительной силы человеческого труда требует все более высокой сознательности и объединения трудящихся, использующих самую передовую технику. Это важнейшая закономерность развития нового общества. На нее постоянно указывал В. И. Ленин. «Другим условием повышения производительности труда, — писал он, отметив значение прогресса общественной техники, — является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения. Этот подъем идет теперь с громадной быстротой, чего не видят ослепленные буржуазной рутинной люди, не способные понять, сколько порыва к свету и инициативности развертывается теперь в народных «низах» благодаря советской организации»³⁰.

Порыв к свету стал у нас могучим народным движением. Это ярко проявляется в культурной революции, огромном росте культурно-технического уровня трудящихся, который особенно убыстряется и становится всеобщим в период строительства коммунизма. 40% рабочих и 23% колхозников СССР имеют высшее и среднее образование, наши вузы выпускают инженеров в три раза больше, чем США.

В. И. Ленин говорил об инициативности, которая развертывается в народных «низах», как важном условии роста производительной силы труда. Замечательный творческий поиск масс пробужден советским строем, нашей партией. Возрастание этой инициативности всех и каждого — закон развития социалистического общества. Она проявляется и во взлете научной теоретической мысли, и в повседневных «будничных» делах миллионов — прежде всего в движении передовиков промышленности и сельского хозяйства. Советские люди, руководимые партией, на всех участках строительства коммунизма поднимают и решают важнейшие государственные вопросы.

В. И. Ленин выдвигал и другое требование, необходимое для окончательной победы нового строя над капитализмом. «Во-вторых, — подчеркивал он, — условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации»³¹. Когда Владимир Ильич писал статью «Очередные задачи Советской власти», только еще началась эта великая борьба за победу «пролетарской сознательной дисциплинированности над стихийной мелкобуржуазной анархией», за то, чтобы применить «ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механи-

²⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 17.

²⁷ Там же, стр. 18.

²⁸ Там же, стр. 13.

²⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 130.

³⁰ Там же, стр. 188.

³¹ Там же.

ческих движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д.»³². В. И. Ленин выступил инициатором борьбы за величайшую организованность, слаженность во всей работе, в первую очередь в производстве, за организацию всего общественного труда на строго научных началах, за создание эффективной системы контроля с максимальным участием широких народных масс. Развитие научной организации всего общественного труда — важная черта движения социалистического общества к коммунизму.

Владимир Ильич непрестанно подчеркивал значение учета и контроля при социализме, огромные возможности этого контроля, если он опирается на инициативу трудящихся. Никакое человеческое общество, как известно, не может жить и развиваться без присущей ему формы социального контроля, необходимого для выполнения законов и правил этого общества. Следует отметить, что буржуазные социологи немало написали книг о социальном контроле; но они неизменно «забывают» сказать, что на всех этапах истории антагонистических формаций это неизбежно был контроль над массами народа. Только социалистический строй совершил величайший переворот, передав контроль за выполнением законов и правил общества в руки самих народных масс. В этом заключается гигантская сила социалистического строя, развивающегося по пути к коммунизму. Реализация ее означает усиление роли сознательности в общественном развитии.

Ведущей силой во всей борьбе за новое общество должна быть, по мысли Ленина, партия коммунистов, воплощающая пролетарскую высокосоциальную дисциплину. Создание ее было первым ярким проявлением той организаторской работы, на которую способен рабочий класс. В свою очередь, партия развернула огромную организаторскую деятельность в массах трудящихся, сплачивая их под знаменем ленинизма, раскрывая перспективы общественного развития, указывая путь превращения этих перспектив в историческую реальность. Централизованная и дисциплинированная политическая партия пролетариата нужна именно для того, учил В. И. Ленин, чтобы «*организаторскую* роль пролетариата (а это *главная* роль) проводить правильно, успешно, победоносно»³³.

В нашем обществе, как подчеркивал В. И. Ленин, «сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое действие»³⁴. Сейчас распространение не только самых передовых взглядов на жизнь, но и самого передового практического опы-

та является главным стержнем всей работы партии. Благодаря этой работе отдельные начинания советских тружеников становятся достоянием масс, рождают новые начинания, которые в свою очередь вновь становятся массовыми и т. д. Этот процесс творческого освоения передового опыта и его наращивания, играющий огромную роль в нашем движении к коммунизму, не мог бы развиваться без огромной организаторской и воспитательной работы партии.

Высокая идейность, которую воспитывают коммунисты в народе, — это не только свойство ума человека. Она выковывает характер, рождает особый психический и моральный облик личности. В. И. Ленин подчеркивал значение борьбы против таких черт, присущих еще части советских людей, как «рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию»³⁵. Высокая коммунистическая идейность, которая проявляется во всей повседневной деятельности людей, препятствует возникновению этих рецидивов. В. И. Ленин высоко ценил такие качества характера и психики, как «выдержка, настойчивость, готовность, решимость и умение сотни раз испробовать, сотни раз исправить и во что бы то ни стало добиться цели...»³⁶, подчеркивал огромную важность коммунистического отношения к труду. Именно эти замечательные качества, необходимые строителю коммунизма, воспитывает партия, проверяя и закаляя людей в горниле труда на общее благо.

Успех дела зависит от отчетливого понимания каждым человеком, коллективом и всем народом задач, которые выдвигает историческая действительность, от учета и максимального использования возможностей, которые социалистический строй открывает для деятельности трудящихся, от знаний путей, которые ведут к решению этих задач, и от соответствующей организации масс. В этом заключается одна из важнейших идей В. И. Ленина о строительстве нового общества. И именно партия коммунистов дает массам ясную историческую перспективу и организует их на историческую деятельность во имя победы коммунизма.

ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ О РАЗВИТИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА *

Исполняется девяносто первая годовщина со дня рождения Ленина — величайшего мыслителя и революционного деятеля, стоящего на самом высоком в истории человечества перевале — от капитализма к коммунистическому обществу. Его идеи

³² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 189—190.

³³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 27.

³⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 191.

³⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 27.

³⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 316.

* Статья напечатана в журнале «Вопросы экономики», 1961, № 4, стр. 4—14.

уже давно превратились в могучую творческую энергию миллионов масс и, воплощаясь в жизнь, стали материальной силой, изменяющей мир.

Марксизм-ленинизм — единственная научная теория, которая на основе всестороннего изучения труда и его роли в истории человеческого общества показала путь, ведущий к освобождению труда от оков эксплуатации, созданию свободного коммунистического строя. Идеи, всесторонне освещающие труд, пронизывают все три составные части марксизма. Развитие труда, условий и форм производства — коренная проблема марксистской политической экономии; изучение общественного труда создало научную социологию; без философского осмысления трудовой деятельности человека была бы немыслима и марксистская философия, этика. Вся марксистско-ленинская теория неразрывно связана с обоснованием великой роли трудящихся масс в истории, с освещением путей завоевания ими счастливого будущего. Учение же о коммунистическом труде увенчивает величественное здание теории научного коммунизма. Разработка основ этого учения — бессмертная заслуга В. И. Ленина, гениальная мысль которого глубоко проникала в явления сегодняшнего дня и указывала пути к будущему.

Ленин видел лишь первые радостные признаки появления коммунистического отношения к труду в нашей стране. Но его гениальная мысль не останавливалась на этих зачаточных формах и намечала перспективу дальнейшего развития коммунистического труда, вскрывала его сущность, глубокое качественное отличие от всех предшествующих этапов развития трудовой деятельности человечества.

С тех пор как В. И. Ленин впервые поднял вопрос о значении творческого почина трудящихся в условиях социалистического общества и обратил внимание партии на необходимость изучать и возвращать передовой опыт в труде, дающий, как писал он, тройную производительность труда против обычной, прошло более сорока лет. Ленин подчеркивал тогда, что «с точки зрения принципиальной мы другого явления, которое указывало бы на то, что мы не только называемся коммунистами и не только хотим ими быть, но на деле нечто коммунистическое — не только социалистическое — осуществляем, — другого явления, кроме субботников, нет»¹.

Центральный Комитет нашей партии требует самого внимательного и заботливого отношения к новым, коммунистическим формам труда, к очагам передового опыта и новаторского почина. Огромная энергия трудящихся масс, проявляющаяся на всех участках коммунистического строительства, должна быть правильно организована и направлена на достижение великих

целей. Важнейшая заповедь охватившего всю страну движения ударников и коллективов коммунистического труда — учиться, работать и жить по-коммунистически. Коллективы коммунистического труда, передовики и новаторы, люди смелого творческого почина имеются во всех отраслях производства и в сфере обслуживания. Дело за тем, чтобы организовать и направить всех трудящихся на глубокое изучение и овладение передовым опытом.

Среди многочисленных высказываний В. И. Ленина о сущности и характере коммунистического труда наше внимание привлекает в первую очередь положение, словно высеченное на граните: «Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих»². Эти слова В. И. Ленина определяют коммунизм как качественно новый этап в многовековой истории труда, новую ступень в совершенствовании величайшей производительной силы общества.

Раскрывая сущность коммунистического труда, характеризуя его основные черты, Ленин в первую очередь подчеркивал высокую сознательность тружеников нового общества.

Сам труд в наших условиях — важнейшее средство коммунистического воспитания. Первоочередной задачей является воспитание молодого поколения, которое не только активно строит коммунистическое общество, но и будет жить при коммунизме. Мероприятия партии и правительства по реорганизации школы, усилению ее связи с жизнью, с производством служат блестящим воплощением ленинских идей о коммунистическом воспитании, о воспитании нового человека в труде на общую пользу.

Широкий политический кругозор и коммунистическая деловитость, умение оценивать значение труда своего коллектива и своего личного вклада в общее дело — неотъемлемые черты коммунистического отношения к труду, сознательному и целенаправленному.

В труде человек всегда ставил определенные задачи и цели и приучался достигать их. Но коммунистический труд характерен тем, что каждую технологическую, производственную задачу человек связывает с теми великими задачами, которые разрешаются обществом на данном этапе, с теми целями, которые намечает партия. Надо знать, какими путями должен идти народ, чтобы выполнить решения партии, направленные на достижение общего блага, и соответственно с этим оценивать свои трудовые усилия и усилия своих товарищей. Это и придает великую силу нашим передовикам, умеющим глубоко овладеть

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 22.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 37.

и успешно применить специальные знания, накопить ценный опыт, способным видеть широкие перспективы и мыслить по-государственному.

Следует подчеркнуть, что требования, которые предъявляет общество к сознательности, проявляемой в труде, отнюдь не стабильны, они возрастают от одного этапа коммунистического строительства к другому. Та трудовая деятельность, которая удовлетворяла общество еще вчера, сегодня становится недостаточной. Сегодня от работника требуется уже более широкий кругозор, больше знаний и навыков. Этим определяется природа социалистического соревнования, в этом — источник непрерывного развития коммунистического труда.

Требования к сознательности, проявляемой в труде, возрастают не только потому, что растет и совершенствуется техника. Расширяются требования к труду как к общественной деятельности, растет понимание общественного долга, связанного с трудом (передача опыта, помощь отстающим и т. д.), умение раскрывать и видеть новые резервы и возможности. Именно поэтому нельзя считать, что всякое расширение производства возможно лишь при условии новых капитальных вложений. Коммунистический труд ведет и к большей отдаче ранее созданных средств производства, их приспособлению и усовершенствованию в результате поисков творческой мысли, к новой организации производственного процесса.

Неверно было бы думать, что бригада коммунистического труда, добившись этого высокого звания, в дальнейшем должна лишь сохранять достигнутый уровень. По сути дела, получение звания бригады коммунистического труда — начало новой жизни коллектива. Коммунистический труд — непрерывный творческий процесс, в котором нет границ дальнейшему совершенствованию обоих элементов производительных сил: трудящегося и орудий труда.

Расширяется и углубляется понимание высокой сознательности, проявляемой человеком в труде. Поскольку инициативность, накопление передового опыта в трудовом процессе становится неотъемлемым качеством коммунистического труда, для трудовой деятельности нужны не только золотые руки, не только пытливая мысль, но и большая душа. Старое выражение «работать с душой» приобретает новое значение, становится требованием общества к каждому трудящемуся. Для коммунистического труда отнюдь не безразличны моральный облик и психический склад трудящегося, ибо различные черты личности человека оказывают влияние на трудовой процесс. Высокое моральное сознание, правильное понимание общественного долга может вести человека на великие трудовые подвиги. Недостаточная моральная устойчивость скажется и на трудовом процессе, принесет вред коллективу, обществу. Такие черты психи-

ческого облика людей, как настойчивость, упорство, умение преодолевать трудности, характерны для наших передовиков, они помогают им изменять трудовой процесс, достигать новых побед в коммунистическом труде. Поэтому совершенно естественно, что в обязательствах бригад коммунистического труда содержатся и нравственно-воспитательные требования. Если у человека нет привычки быть честным и правдивым в своей личной жизни, то где гарантия, что и в труде, в своем коллективе он не пойдет по ложному пути? На многих примерах мы видим, как производственный коллектив в наши дни расширяет свое воспитательное воздействие на личность, добивается коммунистической сознательности во всем, занимается воспитанием цельного характера нового человека, способного совершить величайший переворот в трудовом процессе. Ибо в коммунистическом труде занята не какая-то частичка человека, скажем, его руки, или в труде проявляется только способность правильно и быстро считать, если он счетовод. В трудовой процесс вовлечен весь человек, с его совестью, моралью, умом и наблюдательностью, его настойчивостью и принципиальностью. Вот почему такое громадное значение для дальнейшего развития нашего общества, его производительных сил имеет, как отметил январский Пленум ЦК КПСС, воспитание кадров в духе честности и правдивости перед партией и народом, в духе высокой ответственности за порученное дело.

Сознательное отношение к труду означает выполнение требований трудиться по способностям. Но это, в свою очередь, означает, во-первых, необходимость развивать способности в процессе труда во имя общего блага: ведь способности, если их не развивать, глоснут. Требование трудиться по способностям — весьма динамичное требование, оно предполагает развитие способностей человека в труде, систематическое совершенствование своих знаний и навыков. Во-вторых, оно означает стремление вкладывать способности в свой труд и умение применять их на практике. С этим связана и подчеркнутая Лениным добровольность коммунистического труда. Речь идет именно о проявлении доброй воли человека, без принуждения отдающего свои способности, свой опыт обществу, проявляющего в полной мере эти способности в труде на общее благо. Это характерная черта наших передовиков, которые становятся маяками для всех трудящихся. Ленин писал о гигантском значении того факта, что коммунистические субботники были организованы рабочими «по их собственному почину». Замечательная работа Ленина, посвященная этим субботникам, носит название «Великий почин». Эту же мысль о значении и силе почина подчеркивал Ленин, когда говорил о социалистическом соревновании. Массовая активность, инициативность в труде — свойства коммунизма.

Говоря о сознательности и добровольности труда работников при коммунизме, Ленин вместе с тем отмечал, что работники, их трудовые усилия должны быть объединены. Коммунистический труд — это не серия разрозненных усилий отдельных работников. Коммунистический труд предполагает поэтому возрастание и усложнение организаторской работы, которая должна объединить эти усилия, направляя их к единой цели, умножить великую силу труда его организацией, объединением отдельных людей и коллективов в могучий поток коммунистического строительства.

Огромная организаторская и воспитательная работа нашей партии отиравается именно от этого, она имеет своей целью максимально раскрыть способности каждого в труде, пробудить массовую инициативу и активность, опираясь на растущий и обогащающийся опыт масс, на их активное участие в выполнении планов, разработанных партией для того, чтобы ускорить приближение светлого будущего — коммунизма. Организаторская работа партии неразрывно связана и сливается воедино с ее воспитательной работой. И если говорить о тех способностях, которые воспитывает и которых требует коммунистический труд, то они касаются самых различных свойств человека. Разумеется, речь тут идет не только о свойствах ума, но и о свойствах характера, таких, например, как умение систематически добиваться великой цели, поставленной обществом, партией, большая честность, непримиримость к недостаткам своим и чужим. Коммунистический труд во все большей степени вовлекает в трудовой процесс всю личность человека, требует раскрытия всех его способностей, воздействует на формирование его характера и морального облика. Коммунистический труд есть процесс формирования нового человека, требующий огромной организаторской и воспитательной работы партии в каждом коллективе, на каждом предприятии, предъявляющий новые, неуклонно растущие требования к руководителям.

В. И. Ленин подчеркивал огромное значение для победы коммунистического труда использования сознательными рабочими передовой техники как важнейшего условия бурного роста производительности труда. Уже в коммунистических субботниках — первых ростках коммунистического труда — он увидел и подчеркнул как одну из его важнейших черт громадное повышение производительности труда. Рассматривая в работе «Великий почин» пути упрочения нового общественного строя, В. И. Ленин отметил исключительно большое значение создания новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и техники с массовым объединением сознательных работников.

Капитализм в ходе своего развития убил рабочую инициати-

ву, предприимчивость, а усовершенствование навыков труда превратил в простое «приспособление» человека к его «технической среде», как признают сами буржуазные теоретики. Правда, капитализм призвал себе на помощь силу науки и техники, опирающихся на достигнутый трудовой опыт и стимулирующих дальнейшее развитие средств производства. Но эта сила использовалась в интересах эксплуататорского класса. Буржуазные социологи изображают этот процесс на свой лад: между изобретателем, ученым и обновлением техники стоит в качестве посредника «дух предпринимательства», который принимает на себя «риск новаторства». Нечего и говорить, что этот «дух предпринимательства» — весьма могущественная, хотя и не сверхъестественная сила капиталистического общества, которая не только подчиняет себе применение изобретений, как и самих изобретателей, но и порабощает труд.

Развитие труда при капитализме — это усиление системы эксплуатации, превращение трудящегося человека в придаток машины. Капиталистическое общество, превращая рабочего в придаток машины, все в меньшей степени использует в трудовом процессе способности человека, его склонности, различные стороны его личности. Недаром сегодня теоретики буржуазии заговорили о необходимости «гуманизации» труда, о том, что «техническая среда» человека становится «бесчеловечной». Все дело, утверждают они, заключается в том, насколько быстро и хорошо рабочий человек «приспосабливается» к этой «технической среде». «Гуманизация» труда должна помочь такому приспособлению, облегчить его. Теоретики «гуманизации» труда лишь подтверждают, что капиталистическая техника превращает человека в простой придаток к машине. Поэтому ученые-обществоведы в капиталистическом мире видят свою задачу в том, чтобы лучше «пригнать» психику человека к деятельности машины. Развитие капиталистической техники наглядно подтверждает слова В. И. Ленина, что человеческий ум и гений обращаются в средство насилия над человеком, в средство эксплуатации. Даже техника — великое завоевание человечества — превращается в средство насилия над трудящимся человеком, она уродует его способности, сковывает психику.

Пропасть отделяет труд на капиталистическом предприятии от коммунистического труда. Там, по существу, речь идет об использовании рабочего новой техникой, машиной. Коммунистический труд предполагает использование сознательными рабочими передовой техники. Это означает, что рабочий является рачительным хозяином ее, он вносит усовершенствования в технологический процесс. Маркс так охарактеризовал высшую стадию в развитии трудового процесса: «Труд выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к само-

му процессу производства как его контролер и регулировщик». Маркс заканчивал свою мысль таким определением: «Производительные силы и общественные отношения — и те и другие являются различными сторонами развития общественного индивида — представляются капиталу лишь средством и служат ему лишь средством для того, чтобы производить на своей ограниченной основе»³. Труд включает в себя не только процесс производства, но и рационализаторскую, творческую мысль работника, направленную на организацию и совершенствование процесса производства. Эта творческая мысль, влетающая в производство, не является уделом одиночек, она становится характерной чертой деятельности всех трудящихся, которая развивается планомерно и целенаправленно. Тем самым обеспечивается достижение качественно нового уровня в развитии производительных сил.

Тот процесс изменения и совершенствования навыков труда, который в докапиталистических формациях вел к стихийным изменениям в средствах труда, а в эпоху капитализма, особенно в период империализма, стал лишь процессом выработки трудовых навыков применительно к новой технике, приспособления рабочего к новой машине, в социалистическом обществе приобретает совершенно иной характер. Охватывая весь рабочий класс, всю армию трудящихся, он становится одним из важнейших факторов, обеспечивающих быстрое и непрерывное развитие производительных сил.

Характер и способ соединения двух важнейших элементов производительных сил — рабочих и средств труда, — разумеется, в своей основе один для всей коммунистической формации, для обеих ее фаз. Но в период между первой и второй фазами производительные силы претерпевают значительные изменения: создается материально-техническая база коммунизма, изменяются и сами трудящиеся, растет их культурно-технический уровень. Отношение рабочих к средствам труда становится более активным, творчески инициативным; широкое развитие получают рабочее новаторство и рационализаторство; пытливая мысль рабочего в соединении с его золотыми руками становится активной силой технического прогресса. Характер развития производительных сил общества меняется, убыстряются его темпы, растет производительность труда, достигающая такого уровня, который невозможен для капиталистического строя. «Вырастив новое поколение всесторонне развитых производителей, — писал Энгельс, — которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца, общество тем самым создаст новую производительную силу...»⁴ Соз-

дание обществом новой, невиданной ранее в истории производительной силы осуществляется в процессе возведения материально-технической базы коммунизма, является одним из важнейших результатов периода развернутого строительства коммунистического общества.

Развитие научной технической мысли наряду с решением таких задач, как сокращение рабочего времени, упрощение операций и т. д., несомненно, во все большей степени будет учитывать активное отношение рабочего к средствам производства, будет идти по новым путям, оставив позади себя капиталистическую технику. Жизнь подсказывает необходимость все более тесной связи между коллективами конструкторов, проектировщиков и коллективами предприятий, рабочими-передовиками, организаторами производства, экономистами-планировщиками. Такая связь повышает эффективность, экономичность проектов, позволяет более полно и всесторонне изучить, учесть общественное значение и прогрессивную социальную роль любого достижения в области техники и планирования.

О широких масштабах проявления указанной тенденции в развитии производительных сил свидетельствуют огромный рост рабочего рационализаторства и изобретательства, массовое появление различных форм новаторского почина, растущая эффективность творческой деятельности масс. В 1960 г. около 2400 тыс. изобретателей и рационализаторов внесли свыше 4 млн. предложений по усовершенствованию производства. Внедрение в народное хозяйство более 2500 тыс. изобретений и рационализаторских предложений дало около 1,4 млрд. руб. экономии в расчете на год.

Этот процесс развития рабочего новаторства и творческого почина неотделим от процесса оплодотворения производства наукой, ее новыми достижениями. По существу, эти два процесса уже сливаются сейчас и в дальнейшем будут все больше сливаться. Когда рабочий-новатор читает доклады в научном институте, когда, скажем, коллектив ленинградского завода «Красный выборжец» заключает договор о творческом сотрудничестве с учеными металлургического факультета Политехнического института имени М. И. Калинина, это значит, что научно-исследовательская работа, с одной стороны, стимулируется трудовым опытом, а с другой стороны, она сама оплодотворяет этот опыт.

Прошло то время, когда уровень развития производительных сил требовал от рабочего элементарного минимума технической грамотности. Июньский (1959 г.) Пленум ЦК КПСС выдвинул новую задачу: «Насыщенность современного производства сложными машинами и механизмами требует от каждого работника разносторонних общих и специальных знаний. Поэтому в нынешних условиях производственное обучение рабочих не может

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 46, ч. II, стр. 213, 214.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 308.

быть ограничено программой техминимума, а должно включать элементы инженерно-технической подготовки».

За истекшее время обучение рабочих получило значительное развитие в стране, являясь одним из ярких примеров воплощения в жизнь ленинского завета «учиться, учиться и еще раз учиться». Этот процесс развивается чрезвычайно бурно и порождает новые формы овладения знаниями каждым рабочим. На многих заводах составлены семилетние планы обучения рабочих, которые являются как бы составной частью семилетних производственных планов предприятий⁵. Так, на Нижне-Тагильском комбинате только в учебной заводской сети в настоящее время обучается свыше 8,5 тыс. человек, в вечерних школах, техникумах и вузах — более 6 тыс. Всего учится свыше 15 тыс. человек. Как говорил на партийно-хозяйственном активе комбината один из выступающих, «пошли учиться целыми бригадами, сели за парты те, кто имеет перерыв в учебе в 10—15 лет». Актив обратил особое внимание на имеющиеся недостатки в учебе, на преодоление тех трудностей, которые возникают в этом огромном и сложном деле. Одна из трудностей заключается в том, что некоторые руководители, как пишет газета, еще не понимают важного положения: «Знание — это сила, которая незамедлительно скажется на повышении производительности труда и успешном выполнении государственного плана»⁶.

Нижне-Тагильский комбинат отнюдь не исключение. Можно было бы привести еще немало подобных примеров, показывающих, какое громадное внимание уделяется на предприятиях вопросам повышения культурно-технического уровня трудящихся, рост которого является важной предпосылкой становления коммунистического труда.

Следовательно, сознательное использование передовой техники рабочим — активный процесс, ведущий к повышению его культурно-технического уровня и к дальнейшим изменениям в самой технике. Возникающие прогрессивные изменения в технике требуют дальнейшего повышения культурно-технического

уровня трудящихся, стимулируют творческую мысль, активное отношение работника к технике, что, в свою очередь, ведет к новым ее изменениям. Поэтому мы говорим не о «приспособлении» к новой технике, а об овладении ею, подчеркивая активный и творческий характер этого процесса. Это одна из важных сторон развития производительных сил при коммунизме.

В. И. Ленин указывал: «Коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма»⁷.

Из этой ленинской характеристики коммунистического труда явствует, что весьма важную роль в определении его сущности играют именно моральные стимулы к труду. В то же время Ленин неоднократно подчеркивал, что на одном энтузиазме масс нельзя построить новое общество; он указывал на огромное значение материальных стимулов к труду в социалистическом обществе.

Решающая роль материальных стимулов к труду сохраняется и в период развернутого строительства коммунистического общества. Партия учит, что в современных условиях коммунистического строительства в основе распределения материальных благ руководящим остается принцип: от каждого — по способностям, каждому — по труду. Распределение по труду обеспечивает материальную заинтересованность людей в результатах производства, стимулирует рост производительности труда, повышение квалификации работников, совершенствование техники производства.

В работе «Государство и революция» Ленин указывал на важнейшее значение борьбы против всяких элементов тупеядства: когда для тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма» уклонение от всенародного учета и контроля делается неимоверно трудным, станет редчайшим исключением и будет сопровождаться быстрым и серьезным наказанием, «тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе...» «...Необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень ско-

⁵ Как сообщала газета «Тагильский металлург», 5 февраля 1961 г. партийно-хозяйственный актив Нижне-Тагильского металлургического комбината принял постановление, в котором обязал секретарей партийных и комсомольских организаций, начальников производства, цехов и отделов «вести постоянную и неослабную борьбу за успешную реализацию семилетнего плана повышения общеобразовательного и технического уровня кадров, поддерживать более тесную связь со школами, техникумами и институтами, не оставлять без внимания ни одного случая пропуска занятий и низкой успеваемости». Решено также систематически обсуждать вопросы, связанные с семилетним планом повышения общеобразовательного и технического уровня кадров, на партийных, профсоюзных и комсомольских собраниях, на заседаниях партийных бюро, профсоюзных комитетов и бюро комсомольских организаций.

⁶ «Тагильский металлург», 18 января 1961 г.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 315.

ро станет привычкой»⁸. Сейчас настало время самой решительной борьбы с туеядцами и мошенниками. И если надо сделать так, чтобы им было невероятно трудно уклоняться от труда, то это значит прежде всего, что им должно быть крайне трудно обойти закон: «кто не трудится, тот не ест». Общество должно быть построено так, чтобы туеядец в нем не мог существовать, а это возможно, если со всей строгостью и в полной мере будет соблюдаться принцип оплаты по труду.

Материальные стимулы к труду в социалистическом обществе имеют, таким образом, большое воспитательное значение; они неразрывно связаны с высокой моральной оценкой трудовых усилий, умения вкладывать в труд все свои способности, служить обществу своим трудом. Принцип «кто не трудится, тот не ест» выражает и моральное сознание общества, его отношение к труду как важнейшей обязанности человека. Широкое распространение этого принципа, его глубокое усвоение всеми членами общества делают отношение к труду основной моральной ценностью и подготавливает ту характерную для коммунизма привычку трудиться на общее благо, о которой говорил Ленин. В период развернутого строительства коммунизма воспитывается у членов общества привычка в труде на общее благо находить удовлетворение своих материальных и моральных потребностей. Воспитание этой привычки требует выработки у каждого уважения к общественному богатству, понимания того, что удовлетворять свои материальные потребности, получать высокое моральное удовлетворение человек сможет, лишь умножая это богатство, а не расточая его, не портя его «зря», как бурсаки у Иомяловского, по замечанию Ленина.

Привычка трудиться на общее благо отнюдь не означает, что труд в коммунистическом обществе станет каким-то бессознательным, инстинктивным отпращиванием. Маркс критиковал Фурье за то, что тот считал, будто труд в коммунистическом обществе превратится в забаву, в игру. Этого никогда не будет. Труд на благо общества станет при коммунизме первейшей потребностью, и именно в этом смысле он станет привычкой, без которой человек даже не мыслит свое существование. Таким же образом и творческий почин в труде, инициативность, широкое соревнование тоже станут привычным, совершенно необходимым условием всякой трудовой деятельности человека. Эти черты коммунистического труда — добровольность и высокая сознательность — проявляются уже в период развернутого строительства коммунизма и дают ясное представление о дальнейших перспективах общественного развития.

Примеры многих тысяч коллективов коммунистического труда наглядно показывают, насколько органично вошло в их ра-

боту и быт, став привычным, добровольное, подлинно хозяйское, активное отношение работников ко всем сторонам жизни их коллектива⁹. Периодическое проведение общественных смотров рабочих мест, использования техники, организации труда и техники безопасности, рейдов по качеству продукции и бережливости, обсуждение вопросов повышения производительности труда, организации производства, экономии сырья, трудовой дисциплины, помощь отстающим, взаимный контроль за работой и учебой каждого, изучение опыта передовых рабочих и коллективов и многие другие формы активного участия тружеников в жизни своих производственных коллективов — живые примеры добровольной, бесплатной деятельности на общую пользу, яркое свидетельство того, как на наших глазах стремительно растет, утверждается в жизни коммунистический труд.

В период развернутого строительства коммунистического общества еще не уничтожено разделение труда. Ленин указывал, что по мере развития нового общества появится реальная возможность «переходить к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке *всесторонне развитых и всесторонне* подготовленных людей, людей, которые *умеют все делать*». К этому коммунизм идет, должен идти и придет, но только через долгий ряд лет»¹⁰. Этот процесс имеет качественные отличия на разных этапах строительства нового общества, развиваясь от зачаточных форм к более совершенным. В период развернутого строительства коммунистического общества обогащаются новым содержанием и еще остающиеся старые профессии, которые, однако, требуют уже *разносторонней* подготовки и развития способностей трудящегося.

Наполнение труда большим духовным содержанием, превращение его в общественную деятельность, устранение на основе

⁹ Вот яркий, но типичный пример из жизни одного коллектива коммунистического труда — вскрышного разреза № 1 гор. Коркина. В этом коллективе прочно вошли в практику так называемые «четверги» — дни встречи трудящихся с руководителями предприятия. Каждый четверг к семи часам утра в нарядную разреза собирается первая смена — 500—600 человек. Сюда же приходит весь руководящий состав. На «четвергах» обсуждаются самые актуальные вопросы производства, быта и отдыха трудящихся: подводятся итоги социалистического соревнования, обсуждаются случаи нарушения трудовой дисциплины и общественного порядка, вручаются переходящие знамена передовым участкам, присваиваются звания ударника и коллектива коммунистического труда. Здесь же рабочие получают ответы на интересующие их вопросы. «На четвергах взаимных претензий» руководители двух смежных служб или участков докладывают об итогах работы, предъявляют претензии друг к другу. Естественно, что, готовясь к очередному «четвергу», каждый коллектив подтягивается, старается, чтобы в его адрес поступило как можно меньше замечаний. Присутствие руководящего состава позволяет тут же наметить меры и установить сроки устранения вскрытых недостатков.

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 33.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 102.

механизации и автоматизации наиболее тяжелых работ все больше ведут к тому, что в коммунистическом труде стираются существенные различия между умственным и физическим трудом, между трудом в деревне и в городе. Коммунистический труд постепенно как бы расплавляет в своем горниле эти различия. Когда речь идет о подлинно коммунистическом отношении к труду работника сельского хозяйства или работника промышленности, существенные различия между этими видами деятельности уже не играют прежней роли. С другой стороны, тот труд, который мы называем физическим, все больше требует умственной деятельности, серьезной подготовки, знаний и, как уже говорилось, широкого политического кругозора.

Развитие форм коммунистического труда в Советском Союзе имеет огромное интернациональное значение. Растущий опыт нашей партии, всего советского народа обогащает сокровищницу мировой системы социализма. Претворение в жизнь великих ленинских идей, живое творчество масс служат делу завоевания симпатий трудящихся всего мира на сторону коммунизма. В политической, экономической и идеологической борьбе за торжество идей коммунизма трудовые усилия и достижения советского народа — важный фактор. Крепнет политическое и экономическое могущество Советского Союза, всех стран мировой системы социализма, укрепляется дело мира, приближаются сроки окончательной победы социализма в мирном экономическом соревновании с капитализмом. Становятся еще более прочными идейные позиции коммунизма в борьбе против буржуазной идеологии, трудящееся человечество яснее видит дорогу в будущее, отчетливее сознает перспективы общественного развития, за осуществление которых надо бороться, рассеивается туман буржуазных взглядов, представлений и предрассудков. Ныне важнейшей силой, способствующей распространению идей коммунизма, стала сила примера, сила реальных фактов, показывающих, как коммунизм в СССР становится действительностью.

В. И. Ленин писал, что «первый коммунистический субботник, устроенный 10 мая 1919 года железнодорожными рабочими Московско-Казанской железной дороги в Москве, имеет большее историческое значение, чем любая победа Гинденбурга или Фоша и англичан в империалистской войне 1914—1918 годов»¹¹. Победой милитаристов, империалистов Ленин противопоставлял наши победы в труде. Коммунистический субботник железнодорожных рабочих Московско-Казанской дороги, указывал он, есть одна из ячеек нового общества, несущего всем народам земли избавление от ига капитала и от войн. С этими ленинскими словами уверенно идем мы сегодня к победе коммунистического труда.

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 18.

РОЛЬ НАРОДНЫХ МАСС В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ *

В широких откликах на состоявшуюся недавно сессию Верховного Совета СССР выделяется в первую очередь деловая работа о государственных интересах, всенародном благе как доминирующая черта современной жизни советского общества. По всеобщему признанию, в этом проявляется большое значение решений октябрьского и ноябрьского Пленумов ЦК КПСС, которые требуют, чтобы слова не заменяли дела, а выражали их. На сессии подчеркивалось, что надо вести решительную борьбу с теми, кто представляет себе руководство народным хозяйством как менторство, кто подменяет настоящее, деловое руководство высокомерными поучениями, рекомендациями, проникнутыми субъективизмом. Трезвая оценка плюсов и минусов при обсуждении вопросов поможет всему советскому народу и каждому члену нашего общества понять назревшие задачи и свою роль в их выполнении. В этом заключается одна из важнейших ленинских норм партийной и государственной жизни.

На другой день после победы Октябрьской революции, 8 ноября 1917 года, В. И. Ленин говорил о новой политической силе, которая возникла впервые в истории: «По нашему представлению, государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»¹. Эти слова Ленина выражают великий поворот в политической, государственной деятельности народных масс. Успехи советского народа в строительстве нового общества позволяют всем глубже понять огромные силы и возможности народных масс, перспективы развития этих сил.

Характерной чертой нашего времени является переход огромных масс людей от стихийного участия в историческом процессе к сознательной деятельности, превращение их в активных творцов этого процесса. В мае 1918 года В. И. Ленин говорил о переходе в нашей стране сотен тысяч людей, «которые до сих пор жили по традициям, по привычке, в лагерь строителей советских организаций...»² Тогда этот процесс только начинался, и только в одной стране. Сейчас процесс перехода от старого уклада жизни по традиции, по привычке, оставшейся от веков господства эксплуататоров, к сознательному историческому творчеству охватил не только страны мировой социалистической системы, но и многие народы, еще недавно находившиеся в колониальной зависимости. Во всемирной истории современная эпоха — поворотный момент в деятельности

* Статья напечатана в журнале «Коммунист», 1964, № 18, стр. 12—23.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 21.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 380.

масс, в их организации, в эффективности их действий и в темпах развития общества.

В течение долгих тысячелетий участие масс в историческом процессе оставалось стихийным. Только с выходом пролетариата на арену классовой борьбы коренным образом изменился характер участия трудящихся масс в историческом процессе. В. И. Ленин указывал, что лишь пролетариат смог достичь объединения, сплочения, образовать стройные, дисциплинированные ряды, которые ведут систематическую борьбу с капиталом. «Ничего подобного даже приблизительно не было у крепостного крестьянина, не говоря уже о рабах, — писал Ленин. — Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»³. Здесь содержится глубокая мысль о том, что характер участия трудящихся классов в историческом процессе непосредственно связан с их политической организацией. Ни рабы, ни крепостные крестьяне не могли создать партий, которые были бы сознательным авангардом всего класса. И рабы и крепостные крестьяне создавали временные повстанческие организации, которые по своей структуре и функциям были очень далеки от политических партий, действующих не от случая к случаю, а постоянно и повседневно, спланирующих весь класс на борьбу за ближайшие задачи и конечные цели, формулирующих эти цели на основе анализа действительности с помощью революционного учения.

Стихийность движений трудящихся в период рабовладения и феодализма проявлялась и в том, что эти движения часто проходили под религиозным флагом, их участники смутно, в фантастической форме осознавали цели своей борьбы, у них не было разработанной политической программы, четко отражающей классовый интерес и назревшие потребности общественного развития. Отсутствие необходимой сознательности и развитой политической организации проявлялось и в отношениях, складывавшихся между массой и руководителями движения в наиболее революционные моменты истории: руководители движения крепостных или рабов окружены были ореолом святости, непогрешимости, они — орудие божественного провидения, его указующий перст. Не было еще четкого представления о том, что сила руководителей движения в сознательности и организованности масс, в умении выразить коллективную волю и мысль. Новые, научно обоснованные формы организации масс и принципы руководства их деятельностью приносят в революционную

борьбу марксистско-ленинские партии. Благодаря их деятельности рабочий класс спланирует вокруг себя другие слои трудящихся, а самое понятие «народные массы» приобретает отчетливость, возникает такая политическая организация масс, которая открывает реальную возможность их исторического действия огромной эффективности.

I

Идеологи капиталистов и мелкой буржуазии всегда подходили и подходят с неправильных позиций к самому понятию «народ», «народные массы».

Народники много говорили о народе, даже славословили ему на разные лады, но их представления о нем были далеки от научной революционной теории. Они не видели классов и классовой борьбы, понятие «народ» становилось поэтому туманным, расплывчатым. Для движения народных масс, согласно таким теориям, игнорирующим внутреннюю динамическую силу народа, необходим какой-то толчок извне. Чаще всего эта внешняя сила представлялась в виде «героев», управляющих «толпой» — инертной, безликой силой. Если речь заходила о личности, то она противопоставлялась народу, помещалась над ним.

Мелкобуржуазные теории, отрицающие классы и классовую борьбу, не могли вскрыть антинародной сущности политики эксплуататоров, правильно понять их отношение к народным массам. Многие теоретики такого толка под именем «народ» объединяли эксплуататоров и эксплуатируемых, повторяли буржуазные взгляды периода Французской буржуазной революции, когда буржуазия отождествляла себя с народом, не допуская мысли, что у трудящихся могут быть свои законные интересы, отличные от интересов буржуазии. По сути дела, народническая социология не могла четко отличить понятие «народ» от понятия «нация».

Современная буржуазная философия и социология почти отказались от понятия «народ». Прошли те времена, когда буржуазные теоретики писали это слово с большой буквы. Теперь они предпочитают употреблять с каким-то оттенком презрения слово «массы», в ходу у них такие термины, как «массовое общество», «массовая цивилизация», которые должны определять нынешний этап общественного развития. Философские и социологические теории о «массовом обществе» неразрывно связаны с политическими взглядами и политической организацией буржуазного общества в период империализма. Такая связь неизбежна, ибо равным счетом ничего нельзя сказать о роли и возможностях народных масс, если не обращать внимания на их политическую организацию и на социальную структуру обще-

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 82.

ства, которая эту организацию порождает. Как ни откренчиваются современные буржуазные теоретики от этого положения, но всеми своими рассуждениями они его лишь подтверждают.

О каких политических взглядах буржуазии идет речь?

Уже вскоре после Французской революции XVIII века буржуазные теоретики провозгласили, что общество состоит не из классов, социальных групп или организаций, а из индивидуумов. Это была апология буржуазного индивидуализма, социального и политического строя, основанного на господстве частнособственнических отношений. По существу, это была апология весьма реальных, абсолютных, неограниченных прав капитала и предоставление народным массам лишь формальных прав. Народ стал характеризоваться как сборище индивидуумов, лишенное внутренней организации. В энциклопедических словарях, например в шеститомном издании французского словаря Ларусса, появилось следующее определение слова «народ»: «Множество людей, населяющее одну страну и живущее под действием одних законов». Только государственная власть, действующая на данной территории, объединяет это «множество» или «сборище». Буржуазное презрение к массам есть вместе с тем и презрение к личности, попрание ее прав.

Что такое индивидуум, какова его роль в буржуазном обществе, если он лишен частной собственности, капитала, которые и определяют его вес? Буржуазная точка зрения на массы оправдывает права собственника и бесправие бедноты. Бедняку говорили: ты сам виноват, что не стал «лицом».

Располагающая государственной властью буржуазия отнюдь не склонна примириться с тем фактом, что рабочий приобретает силу, только объединившись со своими товарищами в политические организации. Буржуазия и в теории и на практике предпочитает иметь дело с персонифицированными денежными мешками и с рассыпным строем «индивидуумов», лишенных всякой силы и организованности, затерянных, как песчинки в гигантских дюнах, именуемых «обществом». Однако вопреки воле буржуазии и в условиях ее господства рабочий класс начал организовываться, росла его сознательность, он начал борьбу за свои права и использовал с этой целью буржуазно-демократические свободы.

Со вступлением общества в период империализма монополистический капитал повел наступление на демократические права народных масс, стремясь утвердить свое полнейшее господство на политической сцене. Сотнями стали выходить сочинения, которые утверждали, будто классы и классовая борьба исчезли, что повсюду идет процесс «интеграции», что общество становится все более «однородным». Это были апологетические сочинения, воспевающие современное капиталистическое общество, которое якобы имеет «законное право» запретить за ненадоб-

ностью и устарелостью политические партии рабочего класса, его демократические организации. В США и по сей день находится немало продажных перьев, пытающихся доказывать в печати, что профсоюзы якобы «стесняют личность», а штрейк-брехеры, наоборот, возвеличивают «индивидуальную свободу».

Все более широкое распространение получили теории, всячески оплевывающие народ. Их авторы утверждают, что «однородность» ведет к растворению личности в «массе» и что «массы» в истории — это величайшее зло. Французский философ Габриель Марсель, примыкающий к школе христианского экзистенциализма, проповедует, что массы суть не что иное, как «деградирующее состояние человеческого». Многочисленные социопсихологи школы Фрейда взялись «доказать», будто массам по самой их природе доступны лишь низшие виды духовной деятельности. Они всячески раздували и преувеличивали роль бессознательного и подсознательного в поведении масс. Даже далекий от социопсихологических изысканий фрейдистского толка английский историк Арнольд Тойнби в своем огромном труде, посвященном философии истории, одним ударом рассекает все цивилизации, когда-либо существовавшие на земле, на два социальных слоя — «творческое меньшинство» и «нетворческая масса». История, по мнению Тойнби, в значительной степени есть меняющееся соотношение между косной, нетворческой «массой» и «творческим меньшинством». Эти реакционнейшие и антинаучные взгляды получили дальнейшее развитие в различных теориях «элиты», «избранных», которые, так сказать, заведуют и должны заведовать историей человечества. Смысл всех буржуазных теорий в конечном итоге сводится к одному: попытаться отстранить от активной политической деятельности народные массы, способствуя тем самым консервации капиталистических отношений.

Практическая и теоретическая деятельность марксистско-ленинских партий развивается в непримиримой борьбе против этих взглядов и поведенческих буржуазии. Марксизм-ленинизм дал понятие «народ» строго научное объяснение, без чего невозможно правильное и максимально эффективная революционная деятельность. Только расчленив понятие «народ» на классы, марксизм создал действительно научное понимание народа, народных масс как реальной силы исторического прогресса. В первую очередь из общего понятия «народ», крайне расплывчатого у буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков, следовало выделить рабочий класс, который эти теоретики хотели растворить в общем понятии «народ». Это сделали Маркс и Энгельс, указавшие вместе с тем, что пролетариат является вождем всех трудящихся в революционном процессе.

В. И. Ленин развил учение о союзе рабочего класса с крестьянством, соединении крестьянских движений с борьбой

рабочего класса, о руководстве пролетариата революционной борьбой непролетарских слоев трудящихся. Он развил положение об общности коренных интересов рабочего класса и трудящегося крестьянства. Только их союз может привлечь и привлекает к себе лучших представителей интеллигенции, все здоровые силы нации. Дальнейшее развитие этого союза, его укрепление, рост его организаций определяют судьбу исторического процесса.

Главное состоит в том, чтобы ядро союза, его руководитель — рабочий класс был высокоорганизован и способен вести за собой все другие непролетарские слои трудящихся. Такой союз обеспечивает победу социалистической революции, а затем успехи социалистического строительства, в ходе которого все ближе к рабочему классу становятся другие слои народа; таким образом, народ все более консолидируется, приобретает единство и сплоченность в борьбе против эксплуататоров, в строительстве нового общества.

Ленинские идеи выверялись в горниле революционных схваток. Новейшая история показала, что именно ленинская теория обеспечивает успех на практике, позволяет проводить жизненную, реалистическую политику, способную решать назревшие исторические задачи. Возникновение таких массовых политических сил современной истории, как народный фронт и другие, воочию убеждает в правильности предвидения ленинизма.

Таким образом, только марксизм-ленинизм дал научно обоснованные понятия «народ», «народные массы» вместо прежних учений, изображавших народные массы как нечто бесформенное, лишенное внутренней социальной и политической организации. Народ, то есть рабочий класс, объединяющий вокруг себя крестьянские массы, непролетарские слои трудящихся, — великая социальная сила, способная изменить весь строй общества. Таков непреложный вывод истории. Более того, в этом состоит характернейшая черта всего содержания современного исторического процесса, который определяется растущим активным и сознательным участием в нем народных масс. Высшие формы такого участия оказывают влияние и на все другие звенья исторического процесса. Вот почему превращение нашей партии в партию всего народа, а Советского государства — в общенародное государство, реальные наши успехи, показывающие эффективность активного участия масс в решении задач общественного развития, имеют большое значение и далеко за пределами нашей страны.

II

Организация народа как сознательной социальной силы — важнейшая историческая задача современности. Такую задачу выполняет партия рабочего класса, построенная на организа-

ционных принципах ленинизма, руководствующаяся революционной теорией. И главнейший ее принцип состоит в том, что марксистско-ленинская партия ведет работу в массах, привлекая, как писал В. И. Ленин, «все без исключения лучшие силы, проверяя на каждом шагу, тщательно и объективно, поддерживается ли связь с массами, жива ли она. Так, и только так, передовой отряд воспитывает и просвещает массу, выражая ее интересы, уча ее организации, направляя всю деятельность массы по пути сознательной классовой политики»⁴. Партия учит массы организации, без чего не может проявиться их сознательная сила. Партия воспитывает и просвещает массы, проводя в их гуще организаторскую работу, выражая во всей своей деятельности интересы трудящихся, назревшие потребности общественного развития. В этом и коренится огромная сила партии, возникновение и развитие которой изменяют весь ход всемирной истории, самый характер участия масс в историческом процессе.

После того, как уничтожена власть эксплуататоров, народ, объединенный рабочим классом, раскрывает в полной мере свои могучие творческие силы. Партия рабочего класса организует и направляет строительство нового общества, и огромное значение имеет ее постоянная, живая связь с массами. Ленин так говорил об этой связи: «Причина наших побед: прямое обращение нашей партии и Советской власти к трудящимся массам с указанием на всякую очередную трудность и очередную задачу; умение объяснить массам, почему надо налечь из всех сил то на одну, то на другую сторону советской работы в тот или иной момент; умение поднять энергию, героизм, энтузиазм масс, сосредоточивая революционно напряженные усилия на важнейшей очередной задаче»⁵.

Здесь В. И. Ленин вновь возвращается к мысли о силе Советского государства, о чем он говорил еще 8 ноября 1917 года. По сути дела, он формулирует важнейший принцип деятельности всей политической организации советского общества — и партии и государства. Говорить массам правду об имеющихся трудностях и намечать пути их преодоления не только моральный принцип деятельности партии, но и властное требование реальной политики, всего ее материалистического мировоззрения. Выполнение этого требования увеличивает силу исторического действия масс. Вот почему партия придает этому требованию такое большое значение, осуждая пустое хвастовство, празднословие и администрирование.

Совершенно очевидно, что без глубокого научного анализа назревших задач общественного развития партия не может

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 37.

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 305.

объяснить массам, почему и как следует решать именно эту задачу, не может организовать и направить революционные усилия масс. Изучение объективного хода развития — основа всей политики партии.

Необходимо также глубокое знание настроений, господствующих в массе, умение подойти к массе, умение при решении каждой важной задачи завоевать ее абсолютное доверие к партии, которая выражает ее интересы, ее цели.

В. И. Ленин, обобщая опыт руководства массами в условиях советского общества, выдвигал следующие принципы:

«Связь с массой.

Жить в гуще.

Знать настроения.

Знать все.

Понимать массу.

Уметь подойти.

Завоевать ее **абсолютное** доверие.

Не оторваться руководителям от руководимой массы, авангарду от всей армии труда.

...Не льстить массе, не отрываться от массы»⁶.

Руководствуясь этими принципами, партия завоевала великое доверие народа. Но это, разумеется, не означает, что эти принципы уже устарели. Постоянное проведение их в жизнь, дальнейшее укрепление и расширение связи с массами позволяют партии достичь более глубокого научного анализа назревших задач, разрабатывать методы их решения.

Осуществляя тесную связь с народом, партия вбирает опыт масс, изучает и обобщает его, обогащает им революционную теорию. В своей речи на I съезде Советов народного хозяйства В. И. Ленин очень четко охарактеризовал роль опыта масс трудящихся в строительстве нового общества. Он говорил, что научный анализ капиталистического общества вскрыл тенденцию его развития, историческую неизбежность поворота от господства частной к господству общественной собственности. Теоретический анализ определил тем самым магистральную линию преобразования общества. И Ленин продолжает свою мысль: «Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли»⁷.

Откуда же партия, руководящая величайшей реорганизацией общества, может получить необходимое знание конкретных форм преобразования и реально возможных темпов этого процесса?

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 497—498.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 380.

На этот вопрос В. И. Ленин отвечает со всей четкостью и ясностью: «Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания именно потому, что для нашего дела, для дела строительства социализма недостаточно опыта сотен и сотен тысяч тех верхних слоев, которые делали историю до сих пор и в обществе помещичьем и в обществе капиталистическом. Мы не можем так делать именно потому, что мы рассчитываем на совместный опыт, на опыт миллионов трудящихся»⁸. Задача создания нового общества требует вовлечения в строительство всей массы трудящихся. Только тогда возможны эффективные результаты строительства и богатейший опыт его.

Нельзя, конечно, считать, что после революционного переворота наступает период стихийного движения общества вперед, период блужданий, что история движется методом «проб и ошибок», что подобному методу подчиняется вся деятельность масс. Это неверно. Наоборот, именно в таких условиях неизбежно возрастает роль созидательного начала, усиливается и усложняется роль марксистско-ленинской партии. Она должна научно обобщать опыт, отбирать из него самое важное для исторического прогресса, все то, что наиболее глубоко выражает потребности общественного развития, его коренную, существенную линию. Задача партии заключается в том, чтобы пробудить творческую энергию масс, направить ее на решение назревших вопросов. Вот почему партия так решительно осуждает всякое пренебрежение опытом масс, всякие скоропалительные рекомендации наперекор практическому опыту.

Сложность великой организаторской работы, которую ведет партия в массах советского народа, состоит в том, что для решения задач строительства нового общества нужна такая организация масс, которая должна предусмотреть, «как поставить каждого человека на свое место...»⁹.

История оперирует большими числами, она делает ставку на многомиллионные массы. Но это отнюдь не свидетельствует о том, что масса безлика, что в ней нет отдельного человека. Вся трудность нашей современной исторической задачи заключается как раз в том, что каждый, составляющий массу, должен быть активным, сознательным строителем. Тогда умножается творческая энергия народных масс во всех сферах общественной жизни. Партия выступает за то, чтобы законные интересы каждого труженика постоянно учитывались, чтобы его материальные стимулы к труду не ослаблялись, а возрастали.

Вместе с тем важнейшая сторона деятельности партии, объединяющей вокруг себя трудовой народ, — воспитание представ-

⁸ Там же.

⁹ Там же.

лений об общем деле, связывающем всех членов общества, об общественном интересе, без удовлетворения которого невозможно и удовлетворение личных интересов каждого труженика. Партия — выразитель общественного интереса, выразитель общего дела всего трудового народа, строящего новое общество. И государственная организация нового общества служит этой цели. Советы являются формой вовлечения масс в государственное строительство, они порождены революционным опытом масс и способствуют его накоплению и обогащению. Большой опыт творчества масс имеется у профсоюзов, у молодежных организаций, а также в области ведения кооперированного сельского хозяйства. Однако без организующей, руководящей роли партии в самой гуще народных масс этот опыт не получил бы своего исторического развития. Особенностью деятельности такой политической организации, как партия, является то, что она воздействует на массы не административными мерами, а доводит свое слово, передовую теорию до сознания каждого трудящегося, приобщая их к активной сознательной работе.

«В революционной деятельности изменение самого себя совпадает с преобразованием обстоятельств»¹⁰, — писал Маркс. Такое «преобразование обстоятельств» означает, что в ходе революционной деятельности человек перестает относиться к социальным условиям как неизменным, predetermined роком, слепой судьбой, стихией. Это означает вместе с тем, что человек осознает объективную детерминированность своей социальной деятельности и реальные возможности изменения существующей обстановки, а не пробавляется пустыми иллюзиями и фантазиями. Партия развивает у трудящихся правильное представление о социальной деятельности человека, о роли субъективного фактора и объективно существующей действительности.

В соответствии с этим политика нашей партии включает два важнейших элемента: научный анализ закономерностей, тенденций общественного развития и обобщение тех выводов, которые естествознание позволяет применить к производству, к развитию общественного труда. Познание природы и познание общества объединяются для того, чтобы служить научной основой исторической деятельности масс, содействовать прогрессивному общественному развитию.

Научная обоснованность каждой задачи этой деятельности масс — главнейшее требование партии, которая решительно осуждает любое отступление от него, всякие пустые и бессодержательные заявления. Только на этом пути вся работа по строительству нового общества приобретает необходимую практичность и деловитость.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 201.

III

Исторический поворот в характере деятельности масс и в их сознании проявляется в первую очередь в их отношении к производству.

Отношение к производству, внесенное в сознание людей веками господства частной собственности, состоит в том, что добывание пищи, одежды рассматривается как частное дело отдельного человека. Сначала «мое» дело, «мой» интерес и «общее» дело, «общий» интерес почти не дифференцировались. Противоречие между личным и общественным интересом появляется с разложением первобытнообщинного строя, с возникновением частной собственности, классов. Уже в рабовладельческом обществе с разложением общины новые представления дают о себе знать, они, как известно, развиваются и в период феодализма, достигая своего апогея при капитализме. Пока люди находятся в «стихийно сложившемся обществе», говорил Маркс, «собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней»¹¹. Отношение к труду, к трудовому процессу, к производству — важнейшая сторона развития общественного сознания и сознания индивидуума. Лишь с возникновением нового общества начинает исчезать извращенное отношение человека к производству. В. И. Ленин подчеркивал, что борьба «за разрыв с проклятым прошлым, причувствившим смотреть на добычу хлеба и одежды, как на «частное» дело, на куплю-продажу, как на сделку, которая «только меня касается», — эта борьба и есть величайшая, имеющая всемирно-историческое значение, борьба социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности»¹².

Вместо той общественной связи в производстве, которая выступала как корыстный интерес хозяина, люди строят новые общественные отношения. Проклятое прошлое, личный интерес, указывал Маркс, сводили потребности человека к обладанию, между тем апроприация отнюдь не является каким-то универсальным выражением интересов человека. Он писал: «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда, когда мы им обладаем...» И далее: «Поэтому на место *всех* физических и духовных чувств стало простое отчуждение *всех* этих чувств — чувство *обладания*»¹³. Это, замечает Маркс, ведет к «абсолютной бедности» человеческой личности. Даже потребность в другом человеке, начиная со времен рабовладельческо-

¹¹ Там же, стр. 31.

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 184—185.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 592.

го общества, превращается в стремление приобрести человека в собственность.

Империализм почти полностью лишил духовного содержания важнейшую сферу деятельности человека — производство, труд, низвел рабочего до уровня придатка машины. Вот одно из красноречивых признаний. Американский еженедельник «Нэйшн», отличающийся либеральным оттенком, опубликовал несколько лет тому назад большую статью «Миф о счастливом рабочем», автор которой проработал ряд лет на заводах. Статья наделала много шума. В ней говорится, что жизнь «заставляет человека ненавидеть работу, которая бездушна, бесконечна, однообразна до одурения, потогонная, грязная, шумная, выматывающая силы, неопределенная по своей перспективе и без всяких надежд на продвижение. Простая истина заключается в том, что заводская работа унижительна. Она унижительна для любого человека, который мечтает совершить что-то достойное в своей жизни; нам пора осознать это».

О «деспиритуализации труда» много толкуют специалисты по индустриальной социологии, это неразрешимая проблема капитализма, его преступление перед человечеством. Капитализм, лишая рабочего человека радости творческого труда, стремится превратить его в бездушный автомат, приносящий прибавочную стоимость. Как же верна и глубока мысль Маркса, который писал о рабочих при капитализме: «Единственная связь, в которой они еще находятся с производительными силами и со своим собственным существованием, — труд, — потеряла у них всякую видимость самостоятельности и сохраняет их жизнь лишь тем, что калечит ее»¹⁴.

В нашем обществе труд, освобожденный от оков эксплуатации, частнособственнической корысти, стал величайшей силой развития самих народных масс. Вот почему решение задач правильной организации общественного труда имеет первостепенное значение в нашем государстве. Вот почему партия уделяет этим вопросам огромное внимание. Рост инициативы каждого трудящегося, рост их самостоятельности в труде — основное требование к организации общественного труда в период строительства коммунизма. Осуществление этого требования ведет к глубочайшим изменениям в сознании человека, к развитию его способностей и потребностей.

Лучшие умы прогрессивного человечества мечтали о том, чтобы труд давал простор развитию и применению способностей людей и чтобы он мог удовлетворять их растущие потребности. Всемирно-исторический процесс в течение тысячелетий не отвечал этому необходимому требованию социальной справедливости. После коренного переворота в общественном строе, после

победы социалистической революции труд, освобожденный от оков эксплуатации, дает возможность человеку приложить и совершенствовать свои способности. В этом заключается огромная сила нового общества. Политика партии состоит в том, чтобы наращивать, умножать эту силу.

Построение нового общества означает коренное изменение прежде всего в важнейшей сфере деятельности народных масс — в производстве, и в их отношении к труду. Впервые люди создают сознательно и свободно экономическую основу общества, эти созидательные задачи становятся главными в деятельности всех членов общества. Партия способствует реализации величайшей исторической миссии, созданию больших и малых сплоченных коллективов внутри общества и превращению всех тружеников, всего общества в единый огромный, сознательный и творческий коллектив, в единый народ, строящий новую жизнь, совершающий титанический патриотический подвиг.

IV

Прошли века, пока выделились, дифференцировались и развились три сферы человеческой деятельности: производство, социально-политическая и идеологическая сферы. Прошли еще века, пока люди труда своей борьбой устранили эксплуатацию человека человеком — основное препятствие в развитии этих трех сфер деятельности масс.

Социалистическое общество вскрывает огромные социальные потенции людей, реальные возможности их объединенных усилий для изменения природы, совершенствования общественных связей и самих людей. Оно наполняет труд высоким духовным содержанием, устраняет разрыв между производством и социально-политической сферой. Производственные задачи становятся политическими задачами масс, вся социальная деятельность в первую очередь направлена на обеспечение развития производства. Трудящийся — хороший производственник — в нашей стране есть вместе с тем общественный деятель, к его голосу прислушивается все общество, его производственная деятельность состоит в служении общественному долгу, получает высокую оценку всего народа.

В социалистическом обществе по мере его развития участие в социально-политической жизни является правом и долгом каждого человека-гражданина. Всенародное социалистическое государство выражает и законодательно закрепляет это право каждого. Партия работает над тем, чтобы в условиях последовательного демократизма каждый труженик был активным, инициативным, сознательным деятелем на пользу общества. Это и знаменует наступление нового этапа в социально-политической деятельности человека, изменяющей и его самого.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 67.

С развитием социалистического общества марксистская идеология становится идеологией масс, и, таким образом, происходит радикальный переворот в духовной деятельности человека. Никогда еще в истории человечества передовая мысль не была достоянием самых широких народных масс. Это — важнейшее знамение современности. Задача ныне состоит в том, чтобы научная марксистская идеология стала мировоззрением каждого члена нашего общества.

Величие нашего времени состоит в том, что кладется конец извечной обособленности духовной деятельности человека от физического труда. Все сферы его деятельности гармонически сливаются; производство уже не отделено китайской стеной от духовной сферы. Наоборот, оно требует от человека высокого интеллекта, знаний, богатства духовных сил, в том числе и высоких моральных качеств. Социально-политическая деятельность также не отделена от производства, не отдана в руки привилегированного меньшинства — она принадлежит всему народу, всенародному государству, нашей партии. Социально-политическая деятельность неразрывно сливается и со всеми сторонами духовной деятельности, ибо все ее виды в социалистическом обществе есть служение народу, выполнение общественного, гражданского долга. Партия поднимает всю деятельность масс на новый уровень, совершая свою титаническую работу в гуще масс, в каждом коллективе, привлекая к ней каждого труженика.

Как обстоит дело с этими тремя сферами деятельности масс в современном капиталистическом обществе? Мы уже говорили, что сами буржуазные теоретики признают «деспиритуализацию» сферы труда, производства. Там, где империализму это удается, и в той мере, в какой ему это удается, к «деспиритуализации труда» присоединяется «деполитизация» общественной жизни. Это и есть наглядное выражение процесса загнивания капитализма.

Буржуазные социологи написали немало книг о «деполитизации» современного капиталистического общества, особенно в США. Приводятся цифры недостаточного участия граждан в выборах, результаты опросов, свидетельствующие об упадке интереса к политической жизни. Не говорится лишь о действительных причинах и виновниках этих явлений. Между тем они налицо. Когда политическая арена целиком занята двумя мощными концернами, двумя партиями, как это имеет место в США, когда трудящемуся время от времени предлагается выбор между этими концернами, ничем не отличающимися по своей основной программе, о какой активности масс может идти речь? Когда последние президентские выборы в США несколько раздвинули рамки обычных споров между «республиканцами» и «демократами», когда предметом этих споров стали демократи-

ческие права трудящихся, заметно оживились интересы масс избирателей к политике. Монополии повсеместно стремятся превратить политическую жизнь страны в стоячее болото, вытеснить с политической арены все демократические силы.

В таких условиях и сфера духовной деятельности масс уродливо сужается. Без осознания общественных связей и назревающих задач общественного развития духовный мир человека не может быть богат и полон. На его долю остается область плзлззз, ибо стимулы, идущие от общественной жизни к духовной деятельности человека, ослаблены. В духовной деятельности все ярче проявляется факт, что рамки реальности, в которой живет человек, крайне ограничены личным, повседневным, которое не осознается как частица напряженной и полнокровной, бьющей ключом общественной жизни. Импульсы к постановке больших вопросов человеческой жизни, таким образом, неизбежно слабеют. Известный американский критик и сторонник модернистского искусства Ирвинг Хау так рисует миссию деятеля этого искусства: «Он хочет вырвать своих читателей из спячки — вышибить их из колен самодовольного комфорта. Поэтому он намеренно стремится ошеломить общественный вкус, обращаясь к гротеску, к чудовищному, ужасному, мистическому, болезненному». Но «вышибить из колен» — еще не значит указать правильный путь. Так нищает духовный мир человека, и в этом также преступление капитализма.

Коммунистические и рабочие партии в капиталистических странах выполняют великую историческую миссию. Они выражают и во сто крат укрепляют те тенденции, те силы, которые выступают против гнили и плесени, за пробуждение народных масс к великой творческой деятельности. Революционная энергия масс, их деятельность в сфере социально-политической в эксплуататорском обществе направлены на разрушение его устоев, на формирование предпосылок для последующей грандиозной созидательной работы. К этому направлена организаторская и воспитательная деятельность марксистско-ленинских партий в капиталистическом обществе, в этом суть социально-политической деятельности масс в условиях капитализма.

Рабочий класс под руководством марксистско-ленинских партий борется против всех ограничений, созданных эксплуататорским строем творческой инициативе масс, стремится пробудить их политическую активность. Коммунисты за рубежом опираются на успехи, которых достигают наша партия, руководящая огромной созидательной деятельностью масс, другие братские партии социалистических государств. За коммунистами в странах капитала все больше идут демократические силы, представители интеллигенции, в том числе и те, которые еще не осознают, что именно коммунистическое движение пробуждает их, направляет их первые и трудные поиски истины. Если же гово-

рять о развитии и превращении демократических элементов во внушительную силу общественной жизни развитых капиталистических стран, то без наличия сильной коммунистической партии этот процесс совершиться не может. Пример США и Западной Германии наглядно это подтверждает. Такова логика истории. Политическая организация рабочего класса и вокруг него всех трудящихся масс, расширение и углубление деятельности коммунистических партий и их влияния на все демократические силы — важнейшее звено современной всемирной истории.

Мы идем в рядах мирового коммунистического движения, которое направляет классовую экономическую, политическую и идеологическую борьбу к единой цели — социализму и коммунизму, решает назревшую задачу общественного развития. Подлинно научная революционная теория выступает за единство экономической, политической и идейной борьбы рабочего класса. Такое требование глубоко философски обосновано, его выполнение вносит сознательность во все сферы деятельности трудящихся масс. Марксистско-ленинские партии руководствуются в своей борьбе этим требованием, сочетая организаторскую и идеологическую деятельность в массах, ведя их на борьбу за осуществление ближайших целей, продиктованных исторической обстановкой, за достижение конечных целей рабочего класса. Марксистско-ленинской теории одинаково чужды и враждебны созерцательность, пассивность, преклонение перед стихийностью и всякий волюнтаризм, субъективизм, неизбежно ведущий к авантюризму. В. И. Ленин писал: «Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития...»¹⁵ Это и есть важнейший принцип научно обоснованной, философской теории революционного действия масс.

Ленинизм — мировоззрение нашей партии, за победу которого в массах она ведет борьбу, — утверждает, что моральный долг человека, его чувство ответственности перед обществом могут развиваться только на основе правильно познанных требований общественного развития, назревших потребностей общества. Лишь в таком случае человек может определить, что именно он должен делать, как следует ему поступать. Это понимание созревает в результате деятельности партии, которая изучает требования общественного развития, намечает задачи деятельности масс, без чего невозможно и определение смысла индивидуальной жизни в конкретных исторических условиях.

Создание политической организации рабочего класса — его партии — знаменует не только важную ступень в деятельности масс, в изменении ими социальной действительности, но и в ее

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 309.

познании. Объединение усилий рабочего класса, всех трудящихся есть вместе с тем и обобщение опыта борьбы многих отрядов армии труда. Опыт борьбы включает эффективное использование познанных закономерностей и открытие новых объективных предпосылок исторической деятельности масс, предопределяющих глубокое познание объективных условий социального бытия. Величие идей В. И. Ленина, непреходящее значение съездов КПСС, документов Совещаний марксистско-ленинских партий состоит в том, что, основываясь на всестороннем познании социальной действительности, исторической практики масс, они в то же время научно направляют их сознательную деятельность.

Духовный горизонт советского человека не замыкается границами одной страны, во всей своей деятельности он видит решение интернациональных задач поддержки мирового освободительного движения. Благодаря организаторской и воспитательной работе партии советский человек чувствует себя членом своей эпохи, членом того коллектива, который включает все борющиеся национальные отряды, бойцом той великой армии труда, которая на разных участках ведет борьбу против эксплуатации, за победу на всей земле новых общественных отношений, открывающих безграничный простор проявлению социальной энергии масс. В этом суть исторического дела Коммунистической партии и всего советского народа.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XX ВЕКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС*

Мне хотелось бы вначале привести несколько строк из воспоминаний о К. Марксе. «Вскоре у нас зашла речь об естествознании, и Маркс издевался над победоносной реакцией в Европе, которая воображает, что революция задушена, и не догадывается, что естествознание подготавливает новую революцию. Царствование его величества пара, перевернувшего мир в прошлом столетии, окончилось; на его место станет неизмеримо более революционная сила — электрическая искра»¹. Эти строки из воспоминаний В. Либкнехта относятся к 1850 году и ярко рисуют отношение К. Маркса к революционным сдвигам в естествознании и технике.

Как известно, К. Маркс усматривал в таких сдвигах союзника пролетариата в деле революционного преобразования

* Сокращенный текст доклада академика Г. П. Францова, прочитанного в ноябре 1968 г. на совместной научной сессии Академии общественных наук при ЦК КПСС и Института общественных наук при ЦК СЕПГ, посвященной социальным проблемам современной научно-технической революции. Напечатано в журнале «Политическое самообразование», 1969, № 8, стр. 30—35.

¹ «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 91.

общества, симптом вызревания исторической необходимости такого преобразования. Развитие естествознания подготовляло новую научно-техническую революцию в течение долгих десятилетий. Сначала должна была развиться до гигантских масштабов сила электричества. Другие отрасли естествознания также должны были подготовиться целой серией открытий к новому прыжку.

Накануне научно-технической революции, когда капитализм «разрешил сложнейшие вопросы техники» и уже многие замечательные открытия естествознания были осуществлены, Ленин писал: «Куда ни кинь — на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить немедленно. Мешает капитализм»².

Пройдет еще ряд лет, и на свет появится план ГОЭЛРО, ленинский план электрификации страны, поднявший вопрос о том, как поставить на службу победившей социалистической революции великую революционную силу электричества и ряд других достижений научно-технического прогресса. Под руководством КПСС этот план советский народ выполнил и перевыполнил, и на карте мира появилась могучая индустриальная держава, уверенно бросающая вызов капитализму в области науки и техники. Значительной научной и технической силой становятся другие социалистические страны, борющиеся за повышение эффективности производства, за все более полную реализацию преимуществ социализма. Страны социализма поставили в порядок дня овладение научно-технической революцией и ее развитие на основе общественной собственности. Так обстоит дело сегодня.

В свете фактов современного исторического процесса можно сделать вывод о том, что научно-техническая революция как социальное явление связана с важнейшим противоречием современного мира, борьбой двух систем — социализма и капитализма. Эта борьба не есть лишь условие исторической обстановки, в которой протекает в современном мире научно-техническая революция как имманентный процесс развития науки и техники. На самом деле эта историческая обстановка оказывает определяющее влияние на процесс развития научно-технической революции, на применение ее достижений на практике в первую очередь. И трудно сказать, протекала бы научно-техническая революция в таких масштабах и темпах, если бы на земле продолжала существовать лишь одна система — капитализм в его последней стадии, то есть в стадии империализма. Буржуазная печать не скрывает, что двигательная пружина научно-технического прогресса есть соревнование с системой социализма, когда речь идет о таком проявлении научно-технической револю-

ции, как завоевание космоса, или когда речь идет о новейших видах вооружений.

Возникает вопрос: правомерно ли ограничивать воздействие борьбы двух систем лишь на эти области техники? Не вернее ли поставить вопрос гораздо шире?

Нам представляется, что, оставив в стороне вопрос о борьбе двух систем, нельзя даже правильно подойти к анализу научно-технической революции как исторического явления. В самом деле, искусственное отделение научно-технической революции от основного вопроса современной всемирной истории ничем не оправдано. Рассмотрение этой проблемы в каком-то искусственно созданном «безвоздушном пространстве» не даст возможности правильно ее поставить и решать. Конечно, научно-техническая революция подготовлена развитием ряда наук, которые дают в руки человека новые средства для овладения могучими силами природы. В своем познании явлений природы человечество подошло к такому кульминационному пункту, когда возможности сознательного воздействия на силы природы невиданно возрастают и расширяются. Это, несомненно, так. Но этот процесс есть социальное явление, факт общественной жизни народов, и в качестве такового это явление и должно рассматриваться. Если мы действительно хотим правильно изучать современную всемирную историю, то нам прежде всего надо учиться понимать ее фазы и явления в свете борьбы двух систем.

В нашей литературе, как мне кажется, все еще недостаточно освещается, в частности, вопрос о влиянии борьбы двух систем на внутреннее развитие капитализма. Конечно, капитализм развивается по своим собственным законам. Но борьба двух социальных миров оказывает могучее влияние на его развитие. Система капитализма, глубоко вовлеченная в эту борьбу, не может быть понята, если рассматривать ее как изолированную систему, не подверженную воздействию настоятельных потребностей борьбы против могучего, набирающего все новые силы мирового социализма.

В этой связи можно поставить вопрос: как случилось, что в системе империализма, загнивающей системе, вся экономическая и политическая жизнь которой испытывает на себе гнет монополий, расширились возможности применения достижений науки и техники в производстве? «Теперь капитализм изменил свою природу, — кричат социал-демократы и ревизионисты, — он перестал быть загнивающим обществом и стал прогрессирующим социальным строем». Нет, монополистический капитализм не изменил своей природы. Изменилась мировая обстановка.

Теперь, при наличии социалистического общества, капиталистические монополии, как бы сильны они ни были, не могут захватывать всю отрасль данной промышленности, делить ее между

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 17.

собой в мировом масштабе и т. д. Ленин приводил слова одного буржуазного экономиста о том, что в мире в начале века сложились две электрические «державы» и что «других, вполне независимых от них, электрических обществ на земле нет»³. Эта ситуация, как всем ясно, ныне в корне изменилась. В мире существует электрическая держава, не только независимая от капиталистических монополий, но и бросающая им вызов. Если бы все важные изобретения монополисты стали класть под сукно, то подобные изобретения все равно были бы реализованы в социалистическом мире.

Социализм развивает производство на основе общественной собственности, двигая вперед науку и технику, широко развертывая изыскания в этих областях. Труд, который в течение столетий выступал по отношению к капиталу только как наемная рабочая сила, затем, когда была создана высшая форма политической организации пролетариата — партия нового типа, вступил в борьбу за власть. Завоевав государственную власть, он выступает теперь на значительных пространствах мира как могучий соперник капитала в организации и развитии производства. Это не меняет природу капитализма, но изменяет мировую обстановку его деятельности. Ленин писал: «Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций»⁴. В условиях ожесточенной борьбы двух систем, которая охватила не только политику и идеологию, но и важнейшую сферу деятельности человека — производство, монополии не могут запереть ворота перед научно-техническими изобретениями, научно-технической революцией.

Основной вывод, который можно сделать, состоит в том, что научно-техническая революция не сглаживает и не ликвидирует борьбу двух систем, как это утверждают некоторые сторонники «теории конвергенции», заявляющие, будто научно-техническая революция ведет к однотипному структурному развитию двух систем, к их «встрече», а не к обострению борьбы между ними. На самом деле борьба между капитализмом и социализмом в основной сфере деятельности человека — в области материального производства — приобретает все большую остроту и глубину, ибо капитализм в этой сфере не собирается сдаваться без боя.

Несомненно, что, используя достижения научно-технической революции, капитализм в своей борьбе против социализма стремится отыскать новые средства. Но каковы для капитализма

более длительные перспективы осуществления в производстве достижений такой революции?

Необходимо в первую очередь кратко указать на одно положение, высказанное в марксистской литературе. Речь идет о влиянии научно-технической революции на основное противоречие капитализма. Главное здесь, на мой взгляд, заключается в том, что массовое производство, основанное на новейших достижениях науки и техники, требует высокой организованности, слаженности и непрерывности. Это требование рано или поздно вступает в противоречие со стихией рынка, с его судорогами и конвульсиями. Производство, строгая логика его технологии не могут мириться с какими-либо тормозами, с перерывами в налаженном ритмическом потоке. Рыночная стихия между тем будет давать такие импульсы, которые поведут к нарушению слаженности, ритмичности, высокой организованности. Следовательно, научно-техническая революция в ходе своего развития будет все больше требовать социалистических производственных отношений, установления общественной собственности, научного планирования, научной координации и кооперации промышленности. Это важная сторона научно-технической революции, на которую буржуазные теоретики стараются не обращать внимания. Научно-техническая революция не отменяет, а подтверждает тезис марксизма-ленинизма о том, что современный капитализм созрел для социального преобразования, что империализм есть канун социалистической революции.

Об этом на свой лад, на своем языке начинают говорить, например, и некоторые деятели профсоюзного движения в США, которые обычно отражают буржуазные взгляды. Комиссия по технике, автоматизации и экономическому прогрессу в своем докладе конгрессу США в 1966 г. записала особое мнение трех членов — представителей АФТ—КПП, которые заявили: «Мы твердо убеждены, что определенная форма государственного демократического планирования необходима Соединенным Штатам». И далее: «Слепые силы рынка больше не в состоянии справляться со сложными проблемами современного общества».

Конечно, этот конфликт не будет развиваться молниеносно. Потребуется значительное время. Немало будет обманов и иллюзий с «государственным демократическим планированием» в условиях государственно-монополистического капитализма. Потребуется значительное время, чтобы рабочий класс капиталистических стран убедился в том, что необходимо устранение капиталистического общества, а не изменение тех или иных его частей.

Но важно видеть, что эта тенденция наметилась и она будет давать о себе знать в различных формах. Дело заключается в том, что по мере развития этого конфликта рабочий класс

³ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 366.

⁴ Там же, стр. 422.

все более активно втягивается в него. Та же комиссия в своем докладе конгрессу США констатирует, что в результате осуществления научно-технической революции «потребовалось бы каждый год на два миллиона рабочих меньше для того, чтобы произвести такое же количество товаров». Комиссия ставит вопрос, как сбалансировать одновременное увеличение производительности труда в результате осуществления научно-технической революции и число людей, пополняющих ежегодно рынок труда. Она твердо заявляет, что нынешние темпы увеличения спроса для решения этого вопроса не годятся. Здесь возникает сравнительно новая арена классово-борьбы: идет борьба против того, чтобы все тяготы осуществления научно-технической революции перекладывались на рабочий класс.

Некоторые буржуазные теоретики толкуют научно-техническую революцию как средство вытеснения рабочего класса из сферы производства, в связи с чем он должен-де лишиться своей роли в обществе, потерять свое политическое значение. Они мечтают о возврате к временам античности, к античному люмпен-пролетариату, который жил за счет общества. Конечно, попытка столкнуть современный пролетариат с его высокой квалификацией, с его высокой культурой труда к положению, а следовательно, и к уровню сознания античного люмпен-пролетариата, требовавшего лишь «хлеба и зрелищ», не может не привести к взрыву общественного строя, осмелившегося произвести такой эксперимент. Касаясь этой темы праздности как социального идеала современного капитализма, нужно сказать, что, внимательно приглядываясь к духовной жизни капиталистического Запада, можно ясно увидеть нарастающий протест против «общества праздности» как социального идеала. Правда, протесты против этого социального уродства тоже часто носят уродливые формы, но важно, что эти протесты появились и не глухнут.

У этого вопроса есть и другая сторона, пожалуй, не менее важная, чем указанная. За счет кого же будет жить капиталистическое общество? Ответ буржуазных теоретиков сводится примерно к тому, что основной производительной силой станет техническая интеллигенция.

Можно сказать, что капитализм, осуществляя научно-техническую революцию, обостряет социальные конфликты, в первую очередь конфликт, присущий капитализму на всех стадиях его развития, — конфликт с рабочим классом. Угроза безработицы, нависшая не над отдельными слоями рабочих, а вообще над всем рабочим классом в целом, всеобщая безработица может стать законом его жизни. Не ясно ли, что такая постановка рабочего вопроса вызовет острейший социальный конфликт, который потрясет до основания капиталистический строй и с особой ясностью, наглядностью покажет рабочему классу великое преимущество системы социализма?

Может ли человек и человечество жить не трудясь, а следовательно, не применяя и не развивая свои способности в труде? В наш век это было бы подрывом самых элементарных устоев человеческого общежития. Социализм возвращает рабочему духовное содержание труда, которого его лишил капитализм. Капитализм лишает рабочего права на труд, которое осуществляет и гарантирует социализм. В буржуазной литературе можно найти признания, что капиталисты притормаживают сейчас широкое введение автоматизации и телемеханики, боясь подготовить тем самым социальный взрыв огромной силы.

Нарастает и другой социальный конфликт — между государственно-монополистическим капиталом и интеллигенцией. Этот вопрос, к сожалению, в марксистской литературе слабо изучен. Между тем бурная волна студенческих движений последнего времени заставляет присмотреться к назреванию и развитию этого конфликта. Даже в буржуазной печати раздаются голоса по поводу этих движений, утверждающие, что суть их заключается в том, что интеллигенция, особенно ее молодое поколение, протестует против того прокрустово ложа, на которое ее укладывают монополии. Та чрезмерная иерархия, которая установлена монополиями на предприятиях и в научно-исследовательских учреждениях, не сулит молодому поколению сколько-нибудь широкого применения своих способностей. Особенно сейчас, в условиях научно-технической революции, монополии стремятся превратить представителей молодого поколения интеллигенции в такие же «винтики» в лабораториях и в цехах, какими капитализм сделал рабочих. Это вызывает протесты молодежи из числа интеллигенции. Она еще не может осознать и сформулировать свои требования. Но мне кажется, что в сущности, в основе дело идет к борьбе за право работать по способностям, за право проявлять и развивать эти способности в труде. Поперек дороги становится монополистический капитализм. Его нивелирующий рубанок не щадит и выходцев из средних классов. И в этом отношении монополистический капитализм предстает перед нами как канун социалистической революции.

Мелкобуржуазный радикализм — явление нестойкое. Известно, что фашизм немалое число представителей мелкобуржуазного радикализма сумел сбить с его позиций, одурманить различными видами демагогии и повернуть против рабочего класса.

И сейчас предпринимаются попытки направить мелкобуржуазный радикализм против рабочего класса. Стоит вспомнить хотя бы теорию профессора Герберта Маркузе. Следовательно, огромное значение приобретает субъективная сторона дела, битва идей, сражение за единство действий рабочего класса и непролетарских слоев.

За последние годы вопрос об интеграции капиталистической системы, особенно же Западной Европы, все чаще ставится в зависимость от научно-технической революции. В буржуазной печати высказываются предположения, будто научно-техническая революция способствует этой интеграции, ведет к еще более тесному переплетению национальных хозяйств и т. д. Такую тенденцию нельзя отрицать, но форма ее проявления типично капиталистическая. Здесь все строится на господстве и подчинении, на гегемонизме, распределении влияния по силе, по капиталу, как говорил В. И. Ленин.

Однако эта сила теперь несколько иная, она обрастает научно-технической оболочкой. Нет сомнения в том, что вопросы научно-технической революции становятся составной частью мировой политики, приобретают политическое значение. Утерянные позиции в капиталистическом мире монополистический капитал США надеется вернуть себе, оседлав научно-техническую революцию. В буржуазной печати появились сообщения о том, что в Западной Европе усиливается беспокойство в связи с растущими инвестициями США в западноевропейских странах, причем тревогу вызывают характер и направление этих инвестиций. Они, по замыслам инвестирующих, в итоге должны дать контроль или господствующие позиции монополистическому капиталу США в тех областях, где вводится новая технология. Появился даже новый термин — «технологический колониализм» США по отношению к Западной Европе. Этой цели служит и так называемая «покупка умов». По данным за 1966 г., из европейских стран, а также Канады и Японии выехало в США около 10 тыс. ученых. Чтобы осуществлять «технологический колониализм», надо сначала купить западноевропейскую техническую мысль, попытаться создать перевес сил в области изобретений, реализующих плоды научно-технической революции. Процесс этот в начальной стадии, до его кульминации еще далеко, но важно отметить, что такая тенденция появилась, и, следовательно, на международной арене научно-техническая революция также ведет к обострению межимпериалистических противоречий в ключевых пунктах производства.

Кстати сказать, и внутри капиталистических стран научно-техническая революция вызывает обострение борьбы между монополиями. Часто «молодые» монополии ведут борьбу против «старых». В условиях государственно-монополистического капитализма такая борьба становится борьбой за рычаги государственной власти, приобретает характер острых политических конфликтов и кризисов.

В мировой политике монополистический капитал связывает с научно-технической революцией и другие надежды, в частности на переоснащение колониализма. С одной стороны, монополии предполагают, что научно-техническая революция с ее но-

вой технологией значительно ослабит их зависимость от некоторых видов сырья, которое добывается в странах, слабо развитых в технико-экономическом отношении. С другой стороны, они ожидают, что научно-техническая революция создаст новые мощные средства для наступления на утерянные колонии, для усиления их технико-экономической зависимости, а следовательно, и для сохранения политических отношений господства и подчинения.

Таковы некоторые линии использования капитализмом научно-технической революции. Налицо попытки укрепить позиции капитала, но они в конечном счете ведут к обострению противоречий капитализма. Я уже не говорю об осуществляющихся на практике попытках направить научно-техническую революцию по пути гонки вооружений, изготовления оружия массового уничтожения людей. Это, разумеется, — наиболее опасное для человечества использование научно-технической революции капитализмом.

Из сказанного следует вывод о том, что антиимпериалистическая борьба в период научно-технической революции не может и не должна затухать, она будет развиваться, и для этого существует объективная основа. Такова логика жизни, ее объективная необходимость. Дело в значительной степени за субъективным фактором. Следовательно, идеологическая форма борьбы рабочего класса, коммунистических партий имеет огромное значение.

Все большее историческое значение приобретает борьба за научно-техническую революцию в Советском Союзе, других странах социализма. Научно-технический прогресс в странах социализма, широкое внедрение новой техники в производство, повышение его эффективности, глубоко научная обоснованность управления экономикой, наиболее эффективная реализация всех огромных потенций социализма — в этом залог новых побед социализма в экономической, политической и идеологической областях его борьбы против капитализма. Это и есть один из ключевых вопросов всемирной истории.

КУЛЬТУРА *

Культура — совокупность достижений общества в его материальном и духовном развитии, используемых обществом, составляющих культурные традиции и служащих дальнейшему прогрессу человечества; в обществе с антагонистическими классами неизбежно носит классовый характер. Противоположные понятия — некультурность, варварство, дикость. Правильное

* Статья напечатана в «Философской энциклопедии», т. 3. М., 1964, стр. 118—121.

понимание культуры возможно лишь на основе учения о социально-экономических формациях, с помощью анализа развития производительных сил, производственных отношений и надстроек данного общества. Однако понятие «культура» не может быть заменено этими понятиями, поскольку оно объединяет достижения во всех сферах деятельности человека, результаты умственного и физического труда в их единстве, вскрывает особенности таких достижений, характерные для определенных исторических эпох, конкретных обществ, народностей и наций. Содержание «культуры» — творческий созидательный труд человека во всех областях жизни и отношение к труду — есть важнейший признак уровня прогрессивного развития человечества. Первоначально понятие «культура», восходящее к латинскому слову *cultura* (возделывание, обработка), употреблялось главным образом для определения воздействия человека на природу, для характеристики достижений, выражающих овладение ее силами. Это понятие особенно широко применялось в период подъема буржуазной культуры в трудах историков, этнографов, археологов XIX века. Появилась даже особая дисциплина «история культуры». В дальнейшем под влиянием идеалистических концепций теории буржуазии крайне запутали вопрос о культуре, пытаясь свести содержание этого понятия лишь к идеям, моральным нормам, господствующим в данном обществе, или даже к иррациональной жизненной силе определенного периода, эпохи, игнорируя материальную основу культуры.

Понятие «культура» включает в себя два аспекта, соответствующие двум органически взаимосвязанным сторонам трудовой деятельности человека: материальную культуру — достижения, показывающие главным образом уровень овладения общественным человеком силами природы; и духовную культуру — достижения, показывающие уровень и глубину познания природы и общества, широту достигнутого кругозора, внедрение в общественную жизнь прогрессивных идей и положительных знаний.

Важнейшим показателем материальной культуры являются орудия труда, которые в современную эпоху все в большей мере становятся материализованным воплощением достижений науки. Уровень культуры определяется также достигнутыми навыками и знаниями, применяемыми трудящимися в процессе материального производства. В этом смысле часто говорится о «культуре труда» различных исторических эпох. Уровень культуры выражается в других материальных элементах общественной жизни — обработанные человеком предметы природы (таковы приспособленные для жизни человека, расчищенные и возделанные участки земли, поля, сады и т. п., в этом смысле говорят, например, о «культивированной почве»), различного рода и назначения материальные предметы, употребляемые человеком в

быту (одежда, мебель, утварь и др.; понятие «культура быта» предполагает использование этих предметов человеком), научное, учебное, медицинское оборудование и т. п.

Все эти достижения являются показателем того уровня развития производительных сил и производственных отношений, которого достигло данное общество, а также конкретно-исторических условий его жизни. На изучении предметов материальной культуры основана такая историческая дисциплина, как археология, отчасти также этнография. Обе эти науки на основании анализа памятников материальной культуры делают выводы относительно уровня духовной культуры той или иной эпохи, страны, народа (например изучение орнамента на орудиях труда и предметах быта, приемы их выделки и т. д.). Достижения в области материальной деятельности неразрывно связаны с духовным обликом людей, с уровнем их интеллектуального развития.

Духовная культура — это совокупность достигнутого обществом в области нравственной и художественной жизни, в науке и философии. Она выражена также в политических и правовых идеях, в политическом развитии людей, в их правовых отношениях. Для характеристики уровня, достигнутого в развитии общественных отношений, в политической и правовой области чаще употребляется понятие цивилизации.

Такие явления духовной жизни людей, как язык, речь, мышление (логика), правила поведения («внешняя» культура), а также то, что можно было бы назвать «культурой чувств», также характеризуют духовную культуру общества. Освобождение человеческих чувств и характера от «зоологического индивидуализма», умение владеть своими чувствами и настроениями есть развивающиеся от одного исторического этапа к другому свойства общественного человека, находящие свое выражение в культуре¹. Исторически формирующийся психический склад людей также можно рассматривать с точки зрения духовной культуры общества и личности.

В классовом обществе культура носит классовый характер. Общественное сознание людей всегда в конечном счете определяется их отношением к средствам производства, их ролью в общественной организации труда, участием в распределении. Поэтому в период разделения общества на антагонистические классы, например в рабовладельческом обществе, существует духовная культура рабовладельцев и она является господствующей; в феодальном обществе господствует культура феодалов, помещиков; в капиталистическом обществе — буржуазная культура. Разбив цепи капиталистического рабства, рабочий класс, опираясь на прогрессивную культуру предшествующих истори-

¹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 48, стр. 231.

ческих эпох, создает свою, социалистическую культуру, которая принимает всенародный характер. На всем протяжении развития каждой формации культура имеет определенные устойчивые признаки, но она качественно изменяется от одной исторической эпохи к другой. В истории различаются, например, культура раннего средневековья, культура эпохи Возрождения или в Древней Греции культура «века Перикла» и т. д.

«В каждой национальной культуре, — писал Ленин о буржуазной эпохе, — есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры»². В эпоху средневековья существовала не только феодальная культура, но зарождалась в виде элементов культура буржуазная, в капиталистическом обществе в виде элементов развивается демократическая и социалистическая культура.

Классовый характер духовной культуры в классовом обществе не исключает того, что имеется известная общность культуры, культурные навыки и традиции, принадлежащие той или иной нации, той или иной эпохе в целом. Приблизительно одно и то же в социальном отношении содержание общественного сознания может находить проявление в различных формах, видах культуры, в зависимости от национально-исторических особенностей, от особенностей конкретных эпох и т. д.

Достижения в области материального и духовного развития общества обязаны своим происхождением главным образом народу, включающему прогрессивные классы и слои общества, трудящимся массам. Отсюда и объективное общечеловеческое содержание культуры. Народная основа — залог прогрессивного движения культурной жизни, преемственности в ее развитии. Вместе с тем господствующие классы оказывают влияние и на образ жизни эксплуатируемых, поскольку в обществе, состоящем из антагонистических классов, господствующие идеи есть идеи господствующего класса.

Французский социолог Э. Дюркгейм отметил как важный рубеж в истории культуры ее раскол на «светскую» и «сакральную», происшедший еще в первобытном обществе, но объяснял это с идеалистических позиций. Однако игнорировать такое явление культурного развития человечества также нельзя, ибо оно имело большое социальное значение. В эпохи, когда господствующее положение занимала религиозная идеология, она наложи-

ла свой отпечаток на все развитие культуры. Так выражалось влияние господствующих классов на культуру, их контроль в этой сфере общественной жизни, а также социальная придаленность масс, неразвитость науки и научного мировоззрения в силу общественных условий. Борьба против рабовладельческой культуры происходила в религиозной форме, и победа феодализма в Европе ознаменовалась господствующим влиянием христианской религии во всех областях культуры. Выделение элементов культуры, связанных с церковью, с обрядами и религиозными представлениями, противопоставление их другим элементам, объявленным «мирскими» или даже «греховными», играло большую роль в истории классовой борьбы. Известно, что в период феодализма церковь боролась против «светского духа» науки и искусства. Феодализм стремился к полной клерикализации культурной жизни, к подчинению всех ее сторон религии. С другой стороны, недостаточно зрелые идейные и политические течения, выступавшие против феодализма, в той или иной мере использовали религиозные формы. Движение за освобождение культуры от влияния религиозных идей, культ и контроль церкви было прогрессивным, однако в полной мере буржуазия этого освобождения никогда не добивалась, а в эпоху империализма клерикальные влияния на культуру значительно усиливаются.

В эксплуататорском обществе господствующие классы стремятся присвоить себе все достижения в материальном и духовном развитии общества, отстранить в той или иной мере от культуры трудящиеся массы. Уже Руссо заметил эту противоречивость культуры эксплуататорского общества, создание которой неизбежно предполагает тяжелую нужду и страдание народных масс. Распространение культуры в массах теоретики реакционной буржуазии рассматривают как понижение уровня культуры, ее нивелировку и унификацию. Проблема культуры и массы неразрешима для эксплуататорского общества на всех ступенях его развития.

Неразрешимость этой коренной проблемы приводит культуру эксплуататорского общества в конце концов к упадку. Культура античного рабовладельческого строя пришла к упадку, ибо свойственное господствующим классам этого общества презрение к труду убивало творческое начало в деятельности людей, без которого не может развиваться культура. Культура стала синонимом роскоши и праздности господствующего класса. Отрицательное отношение к творческому, созидательному труду в условиях крепостничества привело примерно к такому же концу феодальной культуры. Буржуазия, начав с проповеди предприимчивости и почина, пришла затем к паразитизму, который глубоко враждебен духу созидания, творческой деятельности человека. Буржуазная культура развивается неравномер-

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 121.

но, под знаком глубоких противоречий, ее достижения сопровождаются усилением реакции, разложения. Имперализм по существу враждебен всякому творчеству, превращая его в средство удовлетворения корысти или пустую забаву, в созидание пустышек (беспредметное искусство, философские теории, сводящие деятельность разума к произвольной игре, и т. д.). Этому процессу не могут скрыть даже многие апологеты капиталистического строя. Так, западногерманский философ-идеалист Хейдеггер пишет о возникновении буржуазной культуры: «Бегство из мира в царство сверхчувственного заменяется историческим прогрессом. Потусторонняя цель вечного блаженства превращается в земное счастье большинства. Забота о религиозном культе сменяется воодушевлением культурного творчества... Творчество, до сих пор привилегия библейского бога, становится признаком человеческой деятельности». Его рассказ об изменениях, происшедших в культуре, заканчивается следующим образом: «Это творчество (Schaffen) превращается в конце концов в гешефт» (Holzwege, Fr/M, 1950, S. 203). Но гешефт, бизнес, это, конечно, не творчество, не созидание, а махинация, продиктованная корыстным расчетом и часто связанная с прямым жульничеством. По Хейдеггеру, в этом виновата не буржуазия, а сама культура, на которую издавна ополчаются многие так называемые критики культуры (Шпенглер, идеологи фашизма и др.). Эти проклятия по адресу культуры также являются характерным выражением идеологии имперализма.

«Идейное обоснование господства монополий, оправдание эксплуатации, опорочение общественной собственности и коллективизма, воспевание милитаризма и войны, оправдание колониализма и расизма, разжигание вражды и ненависти между народами — таковы идеи, которыми проникнуты политические и экономические теории, философия и социология, этика и эстетика современной буржуазии»³.

Победа социалистической революции знаменует коренной поворот в развитии культуры. Социалистическая культура является продолжением, законной наследницей всех прогрессивных, положительных культурных достижений и традиций прошлого, «...закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»⁴. Социалистическая культурная революция устраняет свойственную эксплуататорскому обществу отчужденность трудящихся масс от культуры. Отсутствие социальных антагонизмов и единая интернациональная классовая природа духовной культуры со-

циалистических стран делает ее подлинно народной. В эту создающуюся культуру все народы вносят свой вклад. Для нее характерно развивающееся у всех членов общества творческое инициативное отношение к труду, умножающему общественную собственность, забота о непрерывном росте общественного материального и духовного богатства — источника счастья для всех, непримиримое отношение к тем, кто покушается на это богатство, кто духовную сокровищницу народа пытается наполнить фальшивыми ценностями и подделками, кто не хочет работать в меру своих сил и способностей на общее благо. Эта культура является выражением всех развивающихся способностей человека, всех его гигантских возможностей, освобожденных от пут эксплуататорского общества. Культурный рост всего народа — важнейшее условие прогресса производительных сил, повышения общественной активности трудящихся, переустройства быта. Социалистическое общество заботится о передаче культурного наследия, «...всех тех богатств, которые выработало человечество»⁵, молодому поколению, которое должно будет его преумножить и развить.

Одной из важнейших закономерностей начавшегося в современную эпоху перехода от капитализма к социализму процесса складывания единой всемирной культуры будущего является взаимообогащение различных национальных социалистических культур, в ходе которого решительно отбрасываются пережитки родовых, феодальных и капиталистических форм и всемерно возвращаются подлинно народные формы культуры, способные обогатить сокровищницу мировой культуры человечества. Социалистическая культура объединяет народы, и поэтому особенно нетерпимы всякого рода националистические ее извращения, препятствующие союзу свободных народов. Социалистическая культура — прообраз всемирной духовной культуры коммунистического общества, которая будет носить общечеловеческий — лишенный социальных и национальных различий — характер. «Культура коммунизма, вбирая в себя и развивая все лучшее, что создано мировой культурой, явится новой, высшей ступенью в культурном развитии человечества»⁶.

Марксистско-ленинское представление о культуре и путях ее развития противостоит реакционной и лженаучной буржуазной философии и социологии культуры. Суть буржуазных теорий культуры сводится к идеалистическому тезису о том, что культура общества определяется идеями и представлениями. Объективный идеализм сводит определение культуры к господствующей идее, к духу народа и эпохи и т. д. Современный субъективный идеализм считает, что культура — комплекс «понятий

³ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1961, стр. 53—54.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 304.

⁵ Там же, стр. 305.

⁶ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 130.

и положений, принятых народом для того, чтобы организовать данные его опыта» (американский философ и социолог Нортроп). Некоторые из представителей субъективного идеализма идут еще дальше, определяя культуру как комплекс «условных символов», принятых данным обществом, и т. д. Никакого принципиального отличия бескультурья и варварства от подлинной высокой культуры с такой точки зрения не существует.

Многочисленные представители буржуазного индивидуализма утверждают, что основа культуры — отдельная личность, а не коллектив, общество, народ. Они культивируют тип одиночки, отщепенца, для которого характерен анархический индивидуализм или рабская приниженность, забитость, находящая свое выражение в религиозных мистических настроениях. Превознесение одиночки — одно из проявлений разложения буржуазной культуры, ибо индивидууму вне общества некому и нечего сказать. Отсюда косноязычие или даже полная немота некоторых представителей искусства, литературы капиталистических стран.

Для различных школ современного идеализма характерно отрицание закономерности и глубокой прогрессивности взаимодействия культуры различных народов. Распространенная в буржуазной этнографии школа «культурных кругов» изображает историю культуры как чередование разных типов «культур», не связанных между собой генетически. О различных «типах культур», которые не являются закономерными этапами культурного развития человечества, пространно писали Шпенглер, Тойнби и др. При этом многие философы современной буржуазии стремятся софистически отождествить глубочайший кризис, переживаемый сейчас буржуазной культурой, с кризисом культуры вообще. Для этих теоретиков буржуазии характерны односторонние и преувеличенные нападки на «машинную культуру», заменившую человека-творца придатком машины, «массовую культуру». Многие из критиков «машинной культуры» заявляют при этом, что выход состоит в восстановлении господства религии, в возврате под сень средневековых порядков. Сторонниками такой точки зрения выступают католические философы, неотомисты. Другие буржуазные теоретики, подчеркивая, что духовная культура отстает от материальной, заявляют, что такое «культурное отставание» является неизбежным и закономерным (например, американский социолог Осборн). Все эти теории в извращенной форме отражают глубочайший кризис буржуазной культуры, для которой характерна деградация, разрыв между высокими достижениями в области материальной культуры и духовной нищетой, скудостью идеалов, моральных норм и т. д. В своем стремлении «опровергнуть» закон поступательного развития общества буржуазные теоретики особый упор делают на критику теории культурного прогресса. Такие фак-

ты, как возрождение в фашизме звериных, варварских элементов, выдаются ими за «закон» развития культуры, приводят их к мысли, будто никакого прогресса в области культуры человечества установить нельзя. Уродующее, реакционное влияние капитализма на духовную жизнь общества они выдают за доказательство отсутствия прогресса.

Опыт истории в целом, признанные всем миром огромные успехи техники, науки, искусства в СССР, стране строящегося коммунизма, в других социалистических государствах, успехи, которые являются лишь первыми ласточками невиданного духовного прогресса общества, основанного на принципах коммунизма, — наглядная иллюстрация открытых историческим материализмом законов развития культуры и убедительное опровержение реакционных спекуляций буржуазных социологов вокруг вопроса о культуре и путях ее развития.

РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА*

Вехи борьбы

В СССР сейчас живет и трудится четвертая часть всех научных сил земного шара. В прошлом году выпуск инженеров у нас составил 170 тыс. человек. Студентов в Советском Союзе примерно в четыре раза больше, чем в таких европейских странах, как Англия, Франция, Италия и Западная Германия, вместе взятых. Нет в мире такой страны, где общее количество врачей и их число на 10 тыс. населения хотя бы даже приближалось к нашей, советской норме. Вспомним, что читатель массовых библиотек располагает сейчас книжным фондом свыше миллиарда экземпляров, а накануне революции этот фонд составлял всего 127 тыс. книг и журналов. Впрочем, мы уже не сравниваем теперь показатели высоты и общенародной широты нашей сегодняшней культуры с цифрами, рассказывающими о дореволюционном прошлом. Эти периоды нашей истории отделяет великий водораздел — Октябрьская социалистическая революция. И, приводя эти цифры на пороге пятидесятилетия нашей революции, мы еще отчетливее видим ее величие.

За показателями нынешней советской культуры стоит великая борьба партии. Перелистайте труды Ленина, посмотрите, с какой революционной страстью писал он или произносил слова, клеймящие дикость, отсталость, бескультурье. Он учил партию не только ненавидеть всяческие проявления культурной отсталости, но и выкорчевывать их. Когда Ленин начинал свою деятельность в 90-х годах прошлого века, среди населения в возрасте от 9 до 49 лет было 74% неграмотных, а среди жен-

* Статья напечатана в газете «Известия», 26 сентября 1966 г.

щин — даже 86%. А сейчас больше половины работающих в СССР имеют высшее и среднее образование. Вот показатели пройденного пути и победы, одержанной в борьбе.

А есть еще и такой непререкаемый показатель мощи советской культуры. Мы не только выстояли в войне против фашизма, но и разгромили его. Это была величественная победа новой культуры над такими озверевшими представителями эксплуататорских классов, которые, используя предрассудки мелкобуржуазных слоев, устами Геббельса цинично заявляли: «Когда я слышу слово культура, я хватаюсь за револьвер». И фашисты действительно хватались за оружие, для того чтобы истреблять и культуру, и людей.

В ходе великой ленинской борьбы за культуру народа нашлось немало людей, которые старались сбить партию с толку. Всякий раз они напяливали на себя личину архиреволуционеров, хотя сами больше походили на архимандритов или псаломщиков, гнусавивших вытверженные на зубок тексты. Сначала появились «махавцы», призывавшие во имя, якобы, чистейших «пролетарских» интересов сокрушить интеллигентов и интеллигентность. Затем пришли проповедники «пролеткульта», которые предлагали вместо овладения народом началами знания, вместо политического образования масс изобретать некую «пролетарскую культуру», не имеющую ничего общего с подлинными культурными запросами пролетариата и его задачами в революции. Затем были и такие, что кричали «философию за борт!» на том основании, что это буржуазная штука и от нее разит реакционной гегельянщиной.

А Ленин предлагал создать общество материалистических друзей диалектики Гегеля. И интересно, как аргументировал Ленин свое предложение изучать диалектику Гегеля. Он писал, что работники нашего философского журнала «должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай), — т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической деятельностью и своим историческим сном обуславливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы, — каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм»¹. Ленин считал, что без изучения диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, без умения применять практически

эту диалектику нельзя понять пробуждение к жизни новых классов и новых народов.

С самого начала меньшевики твердили, будто с социалистической революцией надо подождать. Страна для нее, дескать, не созрела, у населения нет необходимого уровня культуры. Ленин отвечал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы?»².

Накануне Октябрьской революции кругом слышались голоса, что большевикам не удастся поднять массы народа до таких высот культуры, которые обозначены именами Толстого, Достоевского, Менделеева, Павлова. Массы могут лишь нивелировать культуру по низшему уровню, твердили эти голоса, уронить культуру до понимания полуграмотного человека. Еще раньше Лев Толстой, запутавшись в этой фальшивой альтернативе, призывал к «опрощению», к отказу от культуры. Но коммунизм не был бы величайшей силой прогресса, если бы он передовое ронял до уровня отсталого, а не поднимал отставших до уровня передовых. Еще задолго до революции, отвечая людям, считавшим, что уничтожение противоположности между городом и деревней будет процессом нивелировки культуры по деревенскому уровню, Ленин писал: «Неправда, что это равносильно отказу от сокровищ науки и искусства. Как раз наоборот: это необходимо для того, чтобы сделать эти сокровища *доступными всему народу*, чтобы уничтожить ту отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс так метко назвал „идиотизмом деревенской жизни“»³.

Конечно, в канун революции звучали и другие голоса мастеров культуры: Тимирязев утверждал, что наука и демократия неразрывно связаны в своем развитии, в своих победах. На таких людей, как Тимирязев, на такие кадры интеллигенции опиралась партия, проводя культурную революцию. Многие из тех интеллигентов, которые сначала называли себя попутчиками революции, затем переходили в первые ряды борцов за преобразование жизни. Ленин в своих письмах к Горькому, а затем многими своими действиями, как глава Советского государства и руководитель партии, показал, что интеллигенцию надо привлекать на сторону рабочего класса, а не отталкивать. Привлекать, но честно и прямо осуждая ее колебания и отступления,

² Там же, стр. 381.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 150.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 30.

ибо задача сотрудничества рабочего класса с интеллигенцией состояла в том, чтобы «победить ложь, предрассудки и помочь трудящимся массам победить старый порядок и вести дело строительства государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков»⁴. Даже говоря об идеологической работе, о разработке и пропаганде материалистического мировоззрения, Ленин указывал, что «коммунисты и все последовательные материалисты должны, осуществляя в известной мере свой союз с прогрессивной частью буржуазии, неуклонно разоблачать ее, когда она впадает в реакционность»⁵.

С удивительной силой и ясностью Ленин подчеркивал, говоря об интеллигенции: «Если нам приходилось с ней беспощадно бороться, то к этому нас не коммунизм обязывал, а тот ход событий, который всех «демократов» и всех влюбленных в буржуазную демократию от нас оттолкнул»⁶. И никто так не ценил возможность включить интеллигенцию в строительство социализма, как Ленин.

Ленинским путем

При общем низком культурном уровне царской России наша страна до революции имела замечательный рабочий класс, его пролетарское ядро отличалось высокой сознательностью и изумительной организованностью. В 1899 году Ленин отмечал, что «среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на оупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, „рабочую интеллигенцию“»⁷.

Партия большевиков — авангард рабочего класса — сформировала свое первое правительство из людей, о которых буржуазные газеты тогда писали, что книг они написали больше, чем иные европейские профессора. Да ведь и во главе этого правительства, во главе партии, которая начала вытаскивать Россию из страшной тины отсталости, стоял Ленин — подлинный светоч культуры. Ему были одинаково доступны высоты культуры своей родины и других народов, языки которых он хорошо знал. Он блестяще владел материалом всех, буквально всех общественных наук, занимался труднейшими философскими вопросами естествознания, и почти невозможно просто перечитать прочитанные им тогда книги на французском, английском, не-

мецком, русском языках хотя бы только по этим вопросам. И искра этого ленинского огня горела в наших рабфаковцах, которые «грызли гранит науки», становились профессорами, инженерами, строителями нового общества.

Итак, мы двинулись догонять другие народы, к которым историческая судьба благоволила, и всеобщая грамотность для них была уже давней традицией. Как же надо было их догонять? Какой ответ давал на этот вопрос Ленин, какой путь он указывал? Глубоко обдумывал Ленин свой ответ. «Из всех социалистов, которые об этом писали, — говорил он, — не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализма богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники, — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма»⁸.

На заре рабочего движения пролетарии выражали свою бессильную и слепую ненависть против капитализма, ломая, разбивая машины. Социалистическая революция заявляет, что машины, техника, знания, все орудия и инструменты культуры, накопленные буржуазией, должны служить делу строительства нового общества. Перечитайте эти строки, определяющие задачу коммунистов: всю, именно всю сумму накопленного капитализма богатейшего и для нас исторически неизбежно-необходимого (как подчеркивает Ленин, — абсолютную необходимость решения этой задачи!) запаса культуры и знаний и техники — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма.

Буржуазные теоретики постарались всячески запутать этот вопрос, их взгляды на культуру крайне односторонни. Они свели все понятие культуры лишь к духовной культуре. Это и понятно для идеалистов, ибо они утверждают, что «дух творит материю», культура, по их мнению, — это совокупность идей. Под «духом» теперь все чаще понимают отдельных людей, неких «индивидуумов», возвышающихся над массой. Народные массы — «потребители культуры». Выпячивание собственной личности в сфере культуры стало обычным в буржуазном обществе, а презрение к «потребителям культуры» — признаком хорошего тона. Все это старая песня о «героях и толпе», о «героях», творящих культуру, и о «толпе», идущей следом за ними. Многие из таких «героев», например итальянский футурист Маринетти, охотно заявляли, что они произвели «революцию в

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 404.

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 28.

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 221.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 269.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 382.

культуре», уничтожили всех предшественников и на чистой странице нацарапали свои каракули. Это была не просто буржуазная реклама, но и выражение буржуазной концепции культуры, усвоенной и многими представителями мелкой буржуазии.

Немало есть охотников сводить культуру просто к идеологии или даже к отдельным формам ее. Но тогда для рабочего класса вопрос о культуре решается очень просто. Ведь никто не призывает «овладеть буржуазной идеологией». Теряет, следовательно, смысл и ленинский призыв осваивать культуру прошлого. А Ленин писал, что «Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»⁹.

Догоняя другие страны в развитии культуры, мы опирались на то, что создал российский пролетариат до революции, чем он вправе гордиться — своими певцами, поэтами, трибунами, своей моралью и нравственностью, золотыми руками рабочих, мастеров своего дела, природной сметкой. Капитализм, говорил В. И. Ленин, мят, душил, давил народные таланты. Октябрьская революция раскрепостила их, были созданы все условия для расцвета подлинно народной культуры.

Духовно богаче

Но культура невозможна без знания. Это знания о природе, обществе и самом человеке, знания, которые не лежат мертвым грузом, не являются бременем для людской памяти, а проявляются во всех сферах деятельности людей. Это орудия труда, являющиеся воплощением знаний о природе, материальная культура общества, как говорят, это навыки знания, умение наиболее эффективно пользоваться этими орудиями, т. е. то, что обычно называют культурой труда. Уровень культуры выражается и в других материальных элементах общественной жизни, от обработанных умным человеческим трудом на основе знаний садов, полей (культура земледелия) до одежды, мебели, утвари и всех других составных частей «культуры быта».

Все эти достижения культуры являются показателями высоты того уровня, до какого поднялась главная производительная сила общества — человек, чего добился создающий производительный труд людей. И все эти достижения неразрывно связаны с духовной культурой, с духовным обликом людей, с уровнем их интеллектуального, морального, политического развития. Культура предполагает тот или иной уровень знаний общественных сил, а также способностей и возможностей самого человека. Эти знания дает не только наука, но и литература, искусство,

которые открывают огромные социальные горизонты, содействуют полному развитию способностей человека, формируют его духовные потребности, запросы, без которых люди перестают быть людьми. Освобождению человека от «зоологического индивидуализма», от звериного начала, процессу, который возник еще в первобытном стаде и первобытной коммуне, а затем продолжался на всем протяжении истории, помогало искусство своим «воспитанием чувств», открытием огромных духовных потенций человека и направлением их на пользу обществу и человеку, члену его. Разве в истории культуры не были открытием духовных потенций человека творения Бетховена, Леонардо да Винчи или Шекспира? Они обогащали духовный мир человека, усиливали его созидательную мощь.

Какая же может быть пролетарская культурная революция, если она отрицает знания, если она ведет народ не к максимальному интеллектуальному обогащению, а к духовному голоданию и обнищанию. Только иронически можно было бы называть подобную политическую линию пролетарской культурной революцией.

Фактор прогресса

Из сказанного следуют некоторые выводы. Во-первых, все элементы культуры тесно между собой связаны. Эксплуататорское общество, однако, стремится развить лишь одну какую-либо сторону культуры, выгодную в данный момент буржуазии. Отсюда культура в эксплуататорском обществе всегда приобретает одностороннее, а подчас даже уродливое развитие. Культура нового общества направлена на создание гармонически развитого человека, и поэтому общество кровно заинтересовано во всестороннем развитии культуры. Коммунистические партии, выражающие интересы рабочего класса, других слоев трудящихся, глубоко заинтересованы в развитии культуры. Социалистическое государство, выражающее и защищающее общенародные интересы, наряду с другими функциями обладает культурными функциями.

Во-вторых, культуру создает, несмотря на гнет, вопреки угнетению, крепостническому или буржуазному, народ, трудящиеся. Без их активнейшего участия культуры быть не может. Вот почему Ленин говорит о человечестве, выработавшем запасы знаний. Никакой даже самый гениальный мастер культуры создать ее не может, он лишь вносит в нее свой посильный вклад. Эксплуататорское общество всячески уродует процесс создания культуры, стремясь свести народные массы до уровня пассивных «потребителей культуры», да и в этом потреблении почти все захватывают себе угнетатели, оставляя на долю масс одни крохи. Там, тогда и в той мере, где и когда эксплуататорам

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 304—305.

это удастся, культура переживает глубочайший кризис и упадок. Современный империализм — ярчайший тому пример. Эксплуататоры сейчас все больше попирают разум, стремятся, чтобы знания, их великая сила не были основой культуры, чтобы уважение к труду и трудящемуся человеку — величайшая ценность культуры — было везде вытеснено паразитизмом, чтобы культура и культурность свелись к господству везде и во всем одуряющих реакционных идей. Но это им, разумеется, не удастся и не может удастся. Ибо в каждой нации есть здоровая сила — рабочий класс, и другие слои трудящихся, передовая интеллигенция, противодействие которых растет. Марксистско-ленинские партии ведут эту битву. Есть Советский Союз и страны социализма — очаги могучей новой культуры. Есть марксизм-ленинизм — орудие огромной силы в борьбе за культурный прогресс человечества. Есть, наконец, внутренняя логика развития культуры. Превращение деятеля культуры в одиночку, в отщепенца, оторванного от народа, отнюдь не содействует развитию культуры. Абсолютное одиночество никому не создает творческой атмосферы. В одиночном заключении талант в конце концов гибнет. Полное нарушение общественных связей ведет к тому, что человеку некому и нечего сказать, он немеет и глохнет.

В-третьих, не может быть никаких абсолютно замкнутых во времени и в пространстве культур. Национальные культуры, отгороженные от культурных достижений других народов, всего человечества, не могут успешно развиваться. Пролетарская культура, создаваемая социалистическим обществом, не может не быть закономерным, творческим развитием запасов знаний, накопленных человечеством в предшествующие эпохи. Что же касается пролетарской, марксистско-ленинской идеологии, то она вся построена на знаниях. Вот что говорил об этом Ленин: «Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая практическим опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры»¹⁰.

Обратите внимание — усвоил и переработал. Призывая хранить наследство, Ленин подчеркивал необходимость не ограничиваться им, критически подходить к наследию прошлого, памятуя, что в каждой культуре есть две культуры — передовая

и реакционная. «Валовый» подход к отечественной культуре прошлых времен был чужд Ленину-диалектику: Владимир Ильич вычеркнул имя В. Соловьева, философа-идеалиста и реакционера, из списка имен деятелей русской культуры, которым собирались мы в первые годы Советской власти ставить памятники.

В-четвертых, наша культура потому и называется социалистической, что она вся в целом и во всех ее звеньях абсолютно несовместима с эксплуатацией человека человеком, направлена против всякой эксплуатации, против всех видов гнета, в том числе и духовного. И для того, чтобы стать эффективным оружием борьбы против эксплуатации, она должна быть всесторонне разработана, иметь способность во все большей степени удовлетворять потребности людей, в том числе и их духовные запросы, стимулировать и формировать именно разумные потребности и запросы. Это не только теоретическое положение, это — практическая потребность социалистического общества. Ленин говорил: «Мы не представляем себе другого социализма, как основанного на основах всех уроков, добытых крупной капиталистической культурой»¹¹.

«Другой социализм» не имел бы действительной жизненной основы, он не только оказался бы слабее капитализма, но и потерял бы свою привлекательность для трудящихся и неизбежно начал бы утрачивать социалистические черты. «Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма»¹². Вот чем, по Ленину, определится осуществимость социализма. И, конечно, для этого необходима культура каждого трудящегося, нужны все элементы культуры. Даже прорывы на таком, казалось бы, второстепенном участке, как культура быта или культура чувств, воспитания их и владение ими, исключающее, скажем, потребность и горе и радость «топить в вине», могут тормозить прогресс. Овладение культурой каждым человеком — необходимое условие прогресса, развития социалистического общества.

И, наконец, следует добавить, что страна Октябрьской революции, разумеется, ничего механически не перенимала. И освоение культурных достижений других народов исключало всякое слепое преклонение. Недаром в музыке или литературе мы создали советские школы понимания и толкования великих творений гения других народов и веков. Не было процесса «подражания», был процесс созидания советской культуры, т. е. процесс творчества, пробудивший большие культурные силы народа. В этот творческий процесс постепенно включались организации,

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 272.

¹² Там же, стр. 190.

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 337.

существовавшие до революции, такие, как Художественный театр или Академия наук. Одновременно создавались и крепились новые институты культурной жизни страны. Создавались кадры новой интеллигенции, и главное, непрестанно рос культурный кругозор всей массы народа. Распространение марксистско-ленинского мировоззрения не только не ограничивало культурный процесс, но наоборот, стимулировало все более глубокий интерес к науке, в том числе, например, к идейным источникам марксизма, к наиболее прогрессивным течениям общественной мысли прошлого, к современному естествознанию и его теоретическим проблемам, к художественному отображению больших социальных процессов и их преломления в индивидуальной судьбе.

Словом, наша советская культура во всей ее многосложности — это уровень нашего овладения силами природы, силами общества и уровень формирования духовного богатства человека. Ее развитие, разумеется, невозможно без многообразной деятельности нашей партии, которая распространяет и передовые взгляды и передовой опыт, превращает силу примера в важный фактор нашего прогресса.

КОММУНИЗМ И СВОБОДА *

В многовековой истории борьбы человечества за свободу период развернутого строительства коммунизма — важнейший и славный этап. Историки тщательно изучат и опишут каждую ступень той лестницы, по которой мы поднимаемся вверх. Ведь переход к коммунизму будет для человечества скачком из царства необходимости в царство свободы. Разумеется, человек никогда не приобретет какую-то «абсолютную свободу» от действия законов природы, физики, химии, биологии. «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, — писал Энгельс, — а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей»¹. Период строительства коммунизма означает небывалый расцвет науки и техники, гигантский шаг человечества по пути овладения силами природы. Без этого не может быть человеческой свободы, ибо люди, задавленные силами природы, остаются ее невольниками. Без этого человек не может встать во весь свой исполинский рост. Мы положили уже начало космической эры. В Программе КПСС выдвинуты величественные задачи в области промышленного развития и использования ресурсов природы. И мы неуклонно выполняем эти задачи.

Капитализм пробудил немалые производительные силы, но он направляет их развитие в ущерб интересам человека, машины служат средством закабаления, эксплуатации трудящихся, огромные материальные и людские ресурсы расходуются на изготовление орудий массового истребления. Коммунизм освобождает науку и технику, заставляя их служить самой благородной цели — господству человека над силами природы во имя человеческого счастья. Царство свободы человека мы строим, закладывая его прочную основу, создавая материально-техническую базу коммунизма.

Мы идем к обществу действительной человеческой свободы, и мы уже прошли немалый путь. В нашей стране уже уничтожены эксплуататорские классы, и мы идем к ликвидации классовых различий между рабочим классом и крестьянством. В нашей стране во все большем масштабе происходит удовлетворение индивидуальных потребностей человека за счет общественных фондов, и мы идем к тому, что, создав изобилие материальных благ, общество окончательно освободит человека от каждодневной заботы о средствах индивидуального существования. Мы все больше познаем законы природы и ставим их на службу обществу. Наш народ уже создал на земле самую свободную страну.

Почему же наше общество самое свободное в мире? Во-первых, потому, что у нас ликвидированы эксплуататорские классы, нет эксплуатации человека человеком. Следовательно, исчез главный мотив для подавления одних в интересах других, исчезла причина несвободности человека. Пока человек влачит на себе цепи эксплуатации, он не может быть свободным. Экономическая необходимость, суровая и неумолимая, сгибает человека, попавшего в нужду, не дает ему возможности свободно решать, выбирать свой путь, проявлять свою свободу воли. Эта экономическая нужда загоняет человека в любое рабство, предусмотренное или не предусмотренное законом. Она тяжело давит и на сознание человека.

На пороге цивилизации человека сжали в своих тисках стихийные силы общества, одних они превратили в рабов, полностью или частично бесправных, других сделали рабовладельцами. В эпоху крепостничества бесчисленные привилегии знати, ее узаконенный произвол сковывали трудящегося человека. Бессилие перед природой, вереницы «черных годов», всечеловеческие «глады и моры» страшным бичом истязали его тело. А душу, запуганную попами и помещиками, вечно держали в «страхе божьем». Когда средневековые с его зловещими кострами инквизиции уходило в прошлое, тогда особенно громко по земле разнесся клич о свободе и первые песни были сложены в ее славу и честь. Но за этим требованием не скрывалось ничего иного, кроме требования уничтожить привилегии знати.

* Статья напечатана в газете «Правда», 7 января 1962 г.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 116.

Господином жизни стал денежный мешок, под его тяжестью склонялись чаши весов правосудия и любых законов. Трудящиеся же испытывали на себе все ужасы наемного рабства, их душу, как в темнице, держал, говоря словами Ленина, «страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть...»². Освобождение от этого страха — величайшее завоевание социалистического общества. Свобода от эксплуатации — величайшая из всех свобод, которые завоевал человек.

Во-вторых, у нас некого подавлять, некого лишать свободы, кроме преступников, которые теряют ее на определенный, установленный судом срок. Было время, когда мы вынуждены были подавлять остатки эксплуататорских классов, лишать их свободы выражать свою волю, ибо эта воля была направлена на свержение социалистического строя. Теперь в нашей стране нет никаких остатков эксплуататорских классов. У нас существует общенародное государство. И, следовательно, в нашей стране осуществлена полная свобода граждан.

Конечно, в человеческом обществе не может быть абсолютной независимости личности от общества. Такая независимость может быть только воображаемой. На деле разговоры о такой «свободе» прикрывают обычно антисоциальные, антиобщественные поступки, направленные во вред другим людям. Буржуазные сказки об «абсолютной свободе индивидуума» есть пустые и вредные сказки. Когда Ленин, большевики выступили на арену политической борьбы, они поставили вопрос о свободе на почву конкретности, изгнали лживые и туманные рассуждения буржуазных идеологов о «свободе вообще». Они поставили вопрос так: свобода *для кого*, свобода *от чего*. Отвечая на этот вопрос, мы можем сказать: у нас существует свобода для всех. У нас нет никаких ограничений по полу, по национальным или религиозным признакам. Все граждане пользуются одинаковыми правами в нашей свободной стране. А если поставить вопрос: свобода от чего существует в нашей стране? Ответ будет ясен: это — свобода от эксплуатации, свобода от всех видов духовного гнета, а следовательно, освобождение человеческой мысли и дела от всех вековых оков, созданных экономическим, политическим и духовным господством эксплуататоров.

У нас нет одной свободы, особенно дорогой сердцу буржуазии, — свободы жить за чужой счет, свободы эксплуатации, па-

разитизма и тунеядства. Мы не признаем за человеком «права» заявлять: хочу тружусь, хочу не тружусь. Ибо на самом деле это стремление в переводе на язык общественных отношений означает: хочу тружусь, а хочу живу за чужой счет, за счет тех, кто трудится. Мы в корне и самым решительным образом враждебны строю, при котором одни живут за счет других. Мы не собираемся допускать даже частичных, пусть даже микроскопических «реставраций» подобных отношений в нашей стране. Всякое воспевание таких отношений с помощью художественного слова, искусства нам глубоко чуждо. Паразитический взгляд на мир и на человеческие отношения вызывает у нас отвращение. Свободу от труда мы не признаем ни как юридическую, ни как моральную норму общественной жизни. Всякое желание поживиться за счет другого, оттеснить или нарушить законные интересы других, прикрываясь какими-то особыми правами своей собственной индивидуальности, есть мерзкий буржуазный эгоизм и крайний индивидуализм. Это — все то же стремление пожить за чужой счет.

Для понимания сущности гражданских прав в нашем обществе, его коренных отличий от буржуазной демократии надо отдавать себе отчет в том, что в Советском Союзе нет социальных группировок, враждебных друг другу, которые могли бы вести борьбу за власть. Но если нет борьбы за власть, следовательно, и демократия перестает быть ареной такой борьбы. В социалистическом обществе развиваются процессы, сама природа которых носит глубоко демократический характер, — такие, как критика всех форм деятельности различных органов и должностных лиц, систематическая борьба против всякого бюрократизма.

Во все большей степени осуществляется участие масс в управлении государственными и общественными делами. Вот один из наглядных примеров. Только в Российской Федерации актив постоянных комиссий местных Советов вырос за один 1960 г. на 318 тысяч человек и составил 1 млн. 260 тыс. В работе производственных совещаний на заводах и фабриках в 1960 г. по стране приняло участие около 37 млн. рабочих и служащих. Это ли не использование массами демократических свобод.

Многие функции государственного аппарата постепенно переходят к общественным организациям. «Всестороннее развертывание и совершенствование социалистической демократии, — говорится в Программе КПСС, — активное участие всех граждан в управлении государством, в руководстве хозяйственным и культурным строительством, улучшение работы государственного аппарата и усиление народного контроля над его деятельностью — таково главное направление развития социали-

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 419.

стической государственности в период строительства коммунизма»³.

Партия, Советское государство постоянно привлекают широкие народные массы для обсуждения важнейших вопросов, решение которых определяет развитие нашего общества. Обсуждение Программы КПСС стало подлинно всенародным делом. На собраниях, посвященных Программе, присутствовало около 73 млн. человек. По вопросам Программы поступило от трудящихся более 300 тыс. писем и статей, а в обсуждении этих вопросов участвовало более 4 млн. 600 тыс. человек.

При социалистическом строе печать, освобожденная от гнета капитала, стала действительным выразителем общественного мнения, активное участие в ней советских людей исчисляется миллионами. В нашей печати участвуют, присылают свои статьи, заметки, письма более 5 млн. рабочих и крестьянских корреспондентов. Это поистине гигантская цифра, показывающая значение печатного слова в Советском Союзе.

Уничтожение частной собственности, влияния капитала на общественную жизнь уничтожает формальность демократических порядков, выдвигает на первый план требование гарантии демократических прав по существу. XVIII век выступил с требованиями формальных демократических прав. Это было, по выражению одного из русских революционных мыслителей, неосуществимое требование для каждого «права» есть на золотой тарелке. Дальнейшее развитие демократических идей в ходе социальной борьбы принесло требование реальной, материальной гарантии осуществления демократических прав народа. Без этого все права и свободы — пустой звук. XX век провозгласил, что предоставление таких гарантий народным массам невозможно без уничтожения власти и всякого влияния капитала в обществе. При столкновении формального права и реальной, материальной силы капитала победа всегда на его стороне. Уничтожение власти денег — вот первейшая гарантия свободы народа.

Огромной силой в социальной жизни СССР является общественное мнение, которое определяет престиж каждого, от руководителя до рядового работника. Причем в социалистическом обществе впервые в истории исчезла всякая возможность подкупа общественного мнения: только личные способности, идейность и моральные качества определяют в этом обществе престиж, авторитет каждого. Моральная требовательность становится все выше со стороны общества, и такие качества, как честность, неподкупность, преданность общественному долгу, приобретают величайшее значение.

Подлинная свобода для человека — это возможность развернуть все свои способности, раскрыть их в своей деятельности, неустанно их развивать. Об этой свободе, как о высшем благе, как о самой большой ценности человеческой жизни мечтали передовые люди на протяжении веков. Мы создали общество, которое требует от всех трудиться по способностям. Это закон нашей жизни и ее моральная норма. И это есть величайшее достижение человечества. Мы идем к созданию общества, которое в полной мере сможет удовлетворить потребности каждого человека. В нашей стране идет изменение сознания и психологии людей, происходит накопление всех духовных богатств личности. Для коммунизма будет характерен «труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма»⁴, — писал Ленин. При коммунизме *необходимость* соблюдать несложные основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*. Тогда принуждение окончательно заменится убеждением в общественной жизни, во всех сферах социальных отношений. Мы идем к этому обществу!

После революции в нашей стране происходила упорная борьба, как говорил Ленин, «величайшая, имеющая всемирно-историческое значение, борьба социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности»⁵.

Для социального и политического развития нашего общества характерна не стихийность, а растущая сознательность и организованность. Без высокой сознательности и организованности не может быть свободы. Стихийность лишает человека свободы, принижает его личность, умаляет его возможности. Ярким показателем овладения человеком могучими общественными силами является наше плановое хозяйство. У нас человек давно перестал чувствовать себя ничтожной песчинкой в хаосе бурь, «спадов» и «подъемов» хозяйственной стихии, как это имеет место при капитализме. Сознательное отношение к своему труду, активное участие в разработке планов развития народного хозяйства — характерная черта советского человека. Для успешного развития нашего общества необходима огромная воспитательная и организаторская работа в массах, которые являются строителями этого общества. Необходимо объединение всех усилий советских людей. В период, когда непрерывно возрастают инициатива, творческая самостоятельность людей в труде и во всех сферах общественной жизни, огромную роль играет партия коммунистов как организатор и вдохновитель всей творческой деятельности масс.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 315.

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 185.

³ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1969, стр. 101.

Партия коммунистов не смогла бы играть свою роль в общественной жизни страны, если бы она не опиралась во всей своей деятельности на широкую сеть различных демократических организаций трудящихся. Формы этих организаций многочисленны — от Советов, которые располагают тысячами и тысячами депутатов, занятых государственной работой, до профсоюзов, объединяющих могучую армию рабочих в общегосударственном масштабе и играющих большую роль в управлении хозяйством, в организации отдыха, развитии культуры, здравоохранения и социального обеспечения; от организаций молодежи, женщин до творческих организаций, таких, как союзы писателей, художников, композиторов, архитекторов и т. д. Без деятельности этой широкой сети демократических организаций трудящихся нельзя понять социальную жизнь нашего общества, силу которого составляет разбуженная им великая социальная энергия, сознательная самодеятельность масс.

Партия создала замечательные кадры организаторов в области промышленности и сельского хозяйства, в науке и культуре. Это люди зрелые в политическом отношении, знающие и любящие свое дело, пользующиеся в каждом коллективе заслуженным авторитетом. Члены партии коммунистов работают повсюду на заводах и стройках, в колхозах и совхозах, в исследовательских институтах и в культурных организациях, не имея никаких привилегий, но выполняя свой долг вожаков масс и получая великое моральное удовлетворение в общественном признании ценности своей работы. Знание дела, практики, умение сочетать широкий политический кругозор с отчетливым пониманием задач повседневной жизни, тесная связь с массами, активное стремление хорошо организовать общественную деятельность людей, пробудить их инициативу, создавать необходимые условия для проявления способностей каждого человека, постоянная забота об общественном благе, о советском человеке, о его растущих материальных и культурных запросах — характерные черты работы партии коммунистов. Без той огромной роли, которую играет партия в общественной жизни советского народа, мы не могли бы завоевать наших свобод, не могли бы успешно идти по пути к коммунизму — царству свободы.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО *

Великая Октябрьская социалистическая революция, пятидесятилетие которой отмечают в этом году все народы, явилась глубоким водоразделом в истории человечества. Она открыла

эпоху всеобщего революционного обновления мира, обновления, коснувшегося всех сфер человеческой деятельности — экономики и политики, идеологии и мировоззрения людей, положения и отношений классов и партий.

В нашей стране победа Октября и полувековой созидательный труд советского народа, организованного, сплоченного и вдохновляемого Коммунистической партией, не только преобразили экономические отношения, классовую структуру и духовную жизнь общества, но и коренным образом изменили положение человека в обществе, отношения человека и общества.

Научный коммунизм провозгласил, что человек должен иметь на земле все необходимые условия для жизни, для развития своих способностей, для многообразного творчества, для созидания. Но для этого необходимо создать такое общество, реализовать такие принципы общественной жизни, сформировать такую социальную структуру, которая позволяла бы все это осуществить. Октябрьская революция, провозгласившая своей неотложной, важнейшей задачей экономическое, социальное и политическое раскрепощение народных масс, заложила основы такого общества. С тех пор вот уже полстолетия мы камень за камнем возводим это общество и сегодня с законной гордостью оглядываемся на пройденный путь, ясно видим дорогу вперед.

Без производства невозможно существование человека. Следовательно, производство есть главная сфера его деятельности, та основа, без которой никакое общество существовать не может.

Эпохи в развитии производства определяют развитие потребностей и способностей человека. Потребности и способности людей были иные в эпоху каменного топора, чем в эпоху ядерной энергии. Но в течение многих веков только имущие классы, обогащаясь за счет чужого труда, имели возможность удовлетворять свои потребности. Трудящиеся же массы были обречены на тяжелый труд, обеспечивавший лишь поддержание существования работника и его семьи, то есть воспроизводство рабочей силы.

Важный вопрос социальной мысли, вытекающий из всей истории человечества, был сформулирован давным-давно: возможно ли такое развитие производства, когда все люди получали бы по своим потребностям? Долгое время господствовало мнение, что это невозможно — человеческое общество не настолько богато, чтобы это стало действительностью. Такая концепция была весьма удобна богатым классам. Она служила как бы «научным» оправданием бедности огромного большинства членов общества и роскоши, в которой живет его верхушка.

* Статья напечатана в газете «Известия», 21 августа 1967 г.

Но сейчас, в век ядерной энергии, в век научно-технической революции, эта концепция потеряла почву. Выдвинутая и обоснованная творцами научного коммунизма мысль, что производство в своем развитии достигнет такой фазы, когда она сможет удовлетворять все потребности человека, эта мысль уже сейчас получила широкое распространение во всем мире. Недалеко то время, когда она станет общепризнанной истиной.

Однако и сегодня еще далеко не всем ясно, что для этого необходимы не только умные машины, но и рациональная структура общества, то есть господство в нем общественной собственности на средства и орудия производства.

Великое историческое значение опыта строительства социализма в нашей стране в том и состоит, что он служит реальным, материальным и потому неопровержимым подтверждением истинности учения научного коммунизма. Освобождение производства от оков частной собственности обеспечило в нашей стране несравненно более высокие темпы роста производительных сил, чем в наиболее развитых капиталистических странах. При этом, по мере роста общественного производства и производительности труда, неуклонно повышалось материальное благосостояние всех членов общества. Великие научные открытия нашего века, успехи советской науки во многих важнейших отраслях знаний, определяющих прогресс всего общественного производства, создают реальные возможности для успешного осуществления принципа коммунизма — от каждого по способности, каждому по потребности.

Программное положение Коммунистической партии Советского Союза — «Все во имя человека, для блага человека». Это девиз партии и всего советского социалистического общества. Это и наша цель, выше, благороднее, гуманнее которой человечество еще никогда не ставило перед собой.

Сегодня усилия десятков миллионов трудящихся нашей страны сознательно направлены на то, чтобы создать материально-техническую базу коммунизма, то есть такую материальную основу, которая позволила бы полностью удовлетворять растущие материальные и духовные потребности всех членов общества. Каждый наш шаг в этом направлении, каждый наш успех будет подтверждать мысль о достижимости такой фазы в развитии общества, будет укреплять волю к достижению реальной цели — построению коммунизма.

Революция, открывшая новую эру в истории человечества, знаменовала начало великого переворота также и в самосознании, самопознании человека. Речь идет, разумеется, о людях труда, о тех, кто составляет огромное большинство населения Земли. В нашей стране человек труда познал, что он в действительности может совершить великие исторические деяния

как борец против старого мира угнетения и как создатель нового общества.

В западной литературе можно нередко встретить утверждение, что капиталистическое общество дает мотивацию действий человека, минуя всякие убеждения, что главное побуждение к действию — успех, выгода, комфорт и т. д. Так внимание рядовых членов буржуазного общества переносится с производства на потребление. В этом, убеждают буржуазные политики и социологи, вся радость и все счастье! А производство, труд человека — это лишь необходимость, предшествующая потреблению. Потребительское, паразитарное существование выдается за предел мечтаний. Для наполняющей жизнь радости творческого труда здесь не остается места.

Против такой структуры общества и идет ныне борьба во всемирном масштабе. И важнейшим аспектом этой борьбы является отношение человека к общественному труду.

Капитализм собрал людей на огромных фабриках и заводах, организовал их в многочисленные коллективы, которые держатся на совместной деятельности, на кооперации усилий. Но в условиях капитализма труд каждого работающего — его частное дело, хотя сама жизнь каждый день показывает, что этот его труд неразрывно связан с трудом других его товарищей. Носителем этих связей является лишь хозяин предприятия, монополистический капитал. Капитализм в важнейшей сфере деятельности человека — в производстве — делает все, чтобы лишить трудящегося сознания своей социальной ценности. Ленин говорил, что после Октябрьской революции у нас идет борьба «за разрыв с проклятым прошлым, приучившим смотреть на добычу хлеба и одежды, как на «частное» дело, на куплю-продажу, как на сделку, которая «только меня касается», что эта борьба имеет всемирно-историческое значение.

Социализм утвердил в человеке сознание его собственной социальной ценности. Это сознание воспитывается у нас начиная со школы. Понимание своей социальной ценности — важнейшее условие развития личности. Без такого понимания человек попадает в своеобразное положение социальной невесомости. Находясь в таком состоянии, он может расценить свою социальную ценность близкой к нулю, впасть в отчаяние, предаться настроениям самоуничтожения и, утратив понимание своего места в жизни, потерять и правильное представление о ее смысле.

Утрата понимания своей действительной социальной ценности может привести также и к раздуванию своего «я», породить презрительное отношение к коллективу, к обществу. Мирощущение одиночки, разрыв связей между личностью и обществом — явление обычное для современного буржуазного государства.

В социалистическом обществе нет условий для такой заброшенности, покинутости человека. Здесь каждый отдельный человек множеством нитей связан с коллективом, с обществом, которые, будучи заинтересованы в развитии личности, поддерживают человека, помогают развиться его способностям и таланту.

В нашем советском обществе все более активно идет примечательный процесс, когда светлое и доброе слово «наше», «народное» вытесняет собственнический клич «мое». Такова объективная тенденция нашего общественного развития. И никого не должен удивлять такой факт. К XV съезду комсомола социологами были опрошены 15 тыс. юношей и девушек в 15 областях, краях и республиках. Из них 84,5% поставили на первое место общественную полезность своего труда и только 2,6% опрошенных ответили: «Хороша любая работа, если она хорошо оплачивается».

Конечно социалистическое общество стремится к тому, чтобы наиболее полезный для общества труд ценился высоко. Но нельзя не видеть, что мотивы человеческой деятельности решительно меняются, что труд характеризуется как важная общественная деятельность. Молодежь едет на новые земли, на крупнейшие стройки страны, руководствуясь стремлением помочь обществу, ускорить его развитие, внести свой вклад в общенародное дело строительства коммунизма. Она стремится получить трудовые навыки, закалить характер, узнать суровую и прекрасную жизнь торжествующего коллективного труда.

Значение социализма во всемирной истории в том и состоит, что он вырывает производство из сферы господства частного интереса и переводит его в сферу общественного интереса, *приучает людей смотреть на труд как на общественное дело*, как на главное призвание каждого члена общества. Вместе с тем социализм не устраняет личной заинтересованности отдельного человека в производстве. Ленин подчеркивал, что построить новое общество можно «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...»¹. Именно эти указания Ленина лежат в основе решений XXIII съезда КПСС, выработанной съездом хозяйственной политики, осуществляемой в стране экономической реформы. При этом материальные стимулы отнюдь не исключают моральных. Наоборот, социализм означает органическое сочетание этих стимулов.

Невнимание к материальным стимулам, когда плохо работающий человек или даже отлынивающий от работы получает то же самое, что и хороший работник, неизбежно наносит ущерб

общественной значимости труда, подрывает моральные устои общества, для которого отношение к труду есть величайшая нравственная ценность.

В советском обществе возникает и развивается то сочетание моральных и материальных стимулов, которое преобразует и психологию человека, изменяет мотивизацию его действий, всю структуру самой человеческой деятельности, расширяя ее возможности. Происходит сближение двух сфер деятельности человека — производственной и социально-политической. Это оказывает большое влияние и на сферу духовной жизни человека. В этой сфере идет напряженная борьба идеологии творческого созидательного труда против различных форм паразитизма и всяческого тунеядства. Изменяется отношение к интеллекту, к уму. Ум, кипящий в действии пустом, не привлекает внимания. Ум, проявляющий свою действительную творческую силу, вызывает уважение. Мало-помалу исчезает такое понятие, что моя деятельность «только меня касается». Это несколько не подавляет личного начала, но возвышает его, поднимает «мою деятельность» на высокий уровень общественного значения.

Отношение к труду на пользу общества становится у нас высшим моральным критерием поведения человека. Изменяется, следовательно, такое давно уже введенное в социологию понятие, как *социальный престиж индивидуума*.

Чем определяется социальный престиж советского человека? Его отношением к труду на пользу общества, его вкладом в эту общую сокровищницу. Всякая праздность, всякий паразитизм, желание жить за счет другого является поведением морально нетерпимым. Этого права личность в нашем обществе не имеет. Благодаря тому, что труд определяет социальный престиж человека, чрезвычайно наглядно выступают такие черты морального облика советского человека, как честность, требовательность к себе и другим, принципиальность, идейность. Трудовые отношения в социалистическом обществе обязательно требуют проявления именно таких моральных качеств. Следовательно, в труде, в трудовом коллективе идет формирование характера человека. Труд плюс непосредственная общественная деятельность человека расширяют его активность, инициативу, создают возможность проявить и развить различные стороны своего характера, свои способности. Труд и трудовой коллектив в советском обществе — катализатор всех этих качеств.

В сфере производства у нас существуют три группы интересов. Все они возникают на основе осознанных потребностей. Это общенародные, общегосударственные интересы, интересы трудового коллектива данного предприятия и личные интересы каждого трудящегося. Между этими интересами существует диалектическая связь, есть между ними и некоторые противоречия. Но главное — это их единство.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 151.

Тысячи нитей соединяют трудовой коллектив с другими коллективами той же отрасли производства, с многочисленными коллективами других, связанных с ним отраслей трудовой деятельности. Без удовлетворения потребностей общенародных, общегосударственных невозможно удовлетворение интересов каждого данного коллектива, ибо он существует не сам по себе, а может успешно действовать лишь в тесной кооперации со всей системой народного хозяйства. Существует объективная основа и для единства личных и общественных интересов, ибо благосостояние, вся деятельность и жизнь индивидуума неразрывно связаны с обществом, и успешное развитие этого общества отвечает его коренным интересам. Общественный, общенародный интерес выступает здесь уже не как внешняя сила, а как внутренняя осознанная потребность человека.

Еще до возникновения научного коммунизма такие выдающиеся мыслители, как Сен-Симон и Фурье, подчеркивали значение развития способностей личности для человеческой жизни и деятельности. Они задавались вопросом — каковы должны быть социальные условия для полного расцвета способностей человека? Это был важнейший отправной пункт социалистической мысли, которая продолжала лучшие традиции гуманизма. Ученики Сен-Симона сформулировали, как первый принцип социальной справедливости, как важнейший принцип новой социальной структуры положения о том, что каждый в обществе должен иметь возможность трудиться по своим способностям, развивать их, проявлять их в труде, каждый должен получать от общества по своему труду.

Было время, когда и многие передовые умы человечества ожидали, что к осуществлению этого гуманистического идеала приведет полное развитие капиталистических отношений собственности. Они полагали, что свободная конкуренция разовьет инициативу, создаст безграничные возможности для проявления способностей каждой личности. Но такие надежды не оправдались и не могли оправдаться. Еще на заре капитализма были прозорливые и смелые люди, которые предвидели, что развитие частной собственности углубляет пропасть между богатыми и бедными, лишает последних всякой возможности духовного развития, а разжигание частнособственнических интересов, погоня за наживой нравственно уродуют человека.

В условиях буржуазного общества человек находится в рабской зависимости от внешних условий. Невозможность получить образование, профессию, массовая безработица — неодолимые препятствия на пути развития его способностей и их практического применения.

В социалистическом обществе каждый человек, будучи свободен от социального и национального гнета, пользуясь незыблемыми правами на труд, на отдых, на образование, имеет, та-

ким образом, все возможности для того, чтобы полностью проявить свои способности в многообразных формах трудовой и общественной деятельности. Осуществилась та свобода личности, о которой, как о высшем благе, как о самой большой ценности в человеческой жизни, мечтали передовые люди на протяжении веков.

Забота о человеке, о все более полном удовлетворении его материальных и духовных потребностей, о гармоническом развитии строителей коммунизма составляет основу всей деятельности Коммунистической партии и Советского государства. В каждом советском коллективе, где ключом бьет общественная жизнь, первейшим делом является забота о человеке, забота о том, чтобы ни один человек не был потерян для общества, чтобы радостное понимание своей социальной ценности, общественного значения того дела, на каком бы малом участке человек ни трудился, наполняло его существование. В этом наиболее ярко проявляется высокий гуманизм социалистического общества.

Формирование нового человека неразрывно связано со всей многообразной организаторской и воспитательной деятельностью Коммунистической партии. Ленин в своей первой теоретической работе приводил девиз одного из друзей Маркса — В. Либкнехта: изучать, пропагандировать, организовывать. Коммунистическая партия изучает сложившуюся обстановку в стране и в мире. С помощью тщательного научного анализа она вскрывает те возможности, которые предоставляет историческая обстановка для деятельности масс, разъясняет массам стоящие перед ними задачи и организует историческую деятельность масс в намеченном направлении. Единство этих трех элементов в работе партии позволяет ей концентрировать огромную социальную энергию миллионов масс трудящихся и направлять эту энергию к действию, цель которого — коммунизм.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВИЗМ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ*

Одной из характерных черт, важной закономерностью исторического периода развернутого строительства коммунизма являются расширение и рост творческой инициативы, самостоятельности трудящихся во всех сферах коммунистического строительства, совершенствование на основе ленинских принципов форм и методов работы партии, вдохновляющей, организующей и направляющей великую социальную энергию масс.

В различных формах растущей самостоятельности масс большая роль принадлежит воспитательной работе. Нельзя решать

* Статья напечатана в журнале «Вопросы философии», 1961, № 3, стр. 34—46.

огромные и многосторонние задачи коммунистического строительства, не подняв на новый, высший уровень самостоятельность масс, коллективов трудящихся, профсоюзов, комсомола и других организаций именно в деле коммунистического воспитания.

Период развернутого строительства коммунистического общества означает решительное наступление против пережитков капитализма, против всех и всяческих проявлений влияния на трудящихся враждебных идей, взглядов и настроений. Таким образом, в нашей идеологической борьбе, в нашей воспитательной работе наступает также новый этап. качественно отличный от предыдущих, хотя, разумеется, он является непосредственным продолжением той огромной работы, которую партия вела в течение всех лет после Октябрьской социалистической революции по воспитанию трудящихся масс.

В центре внимания стоит борьба за коммунистическое отношение к труду. Большая воспитательная и организационная работа необходима для того, чтобы выявить все материальные стимулы к труду, поднять материальную заинтересованность трудящихся наряду с воспитанием высокой сознательности каждого члена советского общества. В разрешении этих задач, осуществляемых под руководством партии всеми общественными организациями, отдельным коллективам трудящихся принадлежит огромная роль.

Характерным для нового этапа воспитательной работы является процесс, который можно назвать «достройкой» мировоззрения советского человека.

Мы имеем миллионы людей, которых вполне можно назвать новыми людьми. В массе сознание советского человека коренным образом перестроено. Основные черты социалистического мировоззрения присущи в целом всем советским людям. Но еще не всегда и не у всех людей мировоззрение отличается цельностью и стройностью. От человека же коммунистического общества требуется, чтобы его мировоззрение было именно цельным, чтобы оно было лишено каких-либо брешей, пустот, через которые могут проникнуть чуждые веяния, идеи и представления. Совершенно нетерпимо, чтобы человек, как говорится, «в основном» был политически грамотным, понимал «в основном» партийную линию, большие государственные задачи, которые стоят перед страной, а вместе с тем допускал бы в своей повседневной работе, которая подчинена выполнению этих государственных задач, отступление от принципов или даже прямую беспринципность. Идя по этой дороге, человек может скатиться и к прямому преступлению. Это показывает зачастую, что принципы коммунистического мировоззрения усвоены человеком недостаточно глубоко, что они не стали глубокими убеждениями, которые, в свою очередь, являются побуждением к деятельности, ее идейным стимулом.

Нетерпимо также, чтобы советский человек, который в целом предан идеям строительства нового общества, который усвоил некоторые основы социалистического мировоззрения и понимает значение проводимой партией работы по созданию материально-технической базы коммунизма, в то же время мирился с наличием в своем сознании представлений о сверхъестественной силе, о духах, вмешивающихся в человеческую жизнь.

Надо подчеркнуть, что серьезной помехой сейчас становятся изъяды в психологии человека, остатки навыков и привычек, в течение столетий культивировавшиеся обществом, в котором господствовали социальные отношения, уродовавшие личность. На изучение проблем социальной психологии мы, советские обществоведы, не обращали должного внимания, не разрабатывали вопросы неразрывной связи изменений в идеологии и в психологии масс. Буржуазные теоретики исписали горы бумаги, доказывая «неуправляемость» реакции социальной психологии масс, неизменность психической «природы» человека. Это один из устоев буржуазной идеологии, не имеющий абсолютно ничего общего с действительностью.

В работах В. И. Ленина содержатся четкие указания о научном понимании социальной психологии масс и о ее перестройке. Этот вопрос очень важен для нашей практической работы. Изъяды в психологии людей — тормоз для коммунистического воспитания, почва для возрождения тех или иных предрассудков, неправильных представлений, чуждых буржуазных идей.

Возьмем, например, хотя бы такие черты психологии и характера, отмеченные Лениным, как «разгильдяйство, небрежность, неряшливость, неаккуратность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией, работу — разговорами, склонность за все на свете браться и ничего не доводить до конца...». Ленин указывал путь ликвидации таких черт характера, психики в условиях советской действительности. Он подчеркивал необходимость «провести *практический контроль* за тем, чтобы слово превращалось в дело»¹. Слово не должно расходиться с делом — это и есть одна из замечательных черт характера, психического склада человека коммунистического общества. Для этого нужен самоконтроль и контроль, который может и должен осуществлять и сам индивидуум и коллектив. Помощь индивидууму со стороны коллектива здесь чрезвычайно эффективна. Особенно большую роль играет сила примера, воспитание людей на положительных примерах тысяч и тысяч тружеников, которые проявляют замечательные качества психического склада, получившего название «советский характер». Бороться за то, чтобы эти черты были присущи каждому советскому человеку, чтобы неряшливость и разгильдяй-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 201, 202.

ство, склонность заменять дело словами, торопиться и начатое не доводить до конца были полностью изжиты — такова важная задача воспитательной работы. Но эта задача неразрешима без воспитания высокой сознательности, глубокой идейности, которая проявляется в большом и малом, пронизывает всю повседневную деятельность человека.

Высокая сознательность неизбежно сопряжена с самоконтролем, с высокой требовательностью к себе. Высокая сознательность, проникая во все сферы духовной жизни человека, во все его практические дела, способна переделывать социальную психологию людей. Такая переделка психики и характера человека имеет огромное значение в коммунистическом воспитании. Нельзя, чтобы человек рассуждал по общим вопросам более или менее правильно, но в своем психическом облике сохранял в той или иной мере черты мещанина, обывателя. Ленин подчеркивал, например, значение борьбы против таких явлений в психическом складе людей, в их поведении, как «рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию»².

Идейно-воспитательная работа, следовательно, требует такого повышения коммунистической сознательности, которое оказывает решающее влияние на весь психический облик человека, на все его поведение. Идейно-воспитательная работа должна иметь своим результатом не только рост положительных знаний, в том числе и политических знаний в массах народа, но и оказывать огромное влияние на строй психики человека, на его привычки и характер. На эту сторону дела мы все же недостаточно обращаем внимание. Главным образом мы говорим о моральном сознании человека, но различные стороны психического облика и характера часто остаются вне пределов наших работ. Такие черты, указанные В. И. Лениным, как переходы от увлечения к унынию, бесхарактерность, необязательно должны сочетаться с аморализмом или с политическим невежеством.

Знать какую-то совокупность правильных положений, которые в целом и каждое в отдельности характеризуют коммунистическое мировоззрение, — это еще не значит добиться цельности и глубины этого мировоззрения, твердых убеждений. Цельность и глубина мировоззрения требуют, чтобы на базе положительных знаний (на невежестве, разумеется, ничего не построишь) формировались твердые принципы деятельности, поведения, правильной оценки общественных явлений, вырабатывались формы самоконтроля за своим поведением. Но если речь идет о самоконтроле, осуществляемом с определенных идейных позиций, о наличии у человека глубоких убеждений, то чрезвычайно возрастает и роль общественности, коллектива, который,

выступая со своими требованиями, провозглашает: «Давши слово, держись!». В этом проявляется моральная поддержка обществом принятого индивидуумом решения и контроль со стороны общества за последовательностью поступков индивидуума.

Общество указывает индивидууму масштаб для его суждений, оценок, решений. Если индивидуум ни с кем и ни с чем себя не связывает, то он тем самым сужает до крайности свой умственный кругозор, ликвидирует возможность моральной самооценки своих поступков, его духовная жизнь стиснута узкими рамками своего «я», мелкого себялюбия, эгоизма. По существу, мироощущение такого человека ущербно. Общество требует сейчас от каждого своего члена, чтобы он умел мыслить в государственном масштабе, умел рассуждать как гражданин, смотреть на вещи и явления с точки зрения тех больших задач, которые сегодня решает народ, и соответственно с этим действовал.

Например, определенные производственные операции имеют для советского человека не только свой технологический аспект, не только требуют хорошего знания техники для правильного их понимания, но должны оцениваться и как звено большого социального процесса, направленного на построение коммунизма. Правильное понимание всего этого процесса должно быть стимулом к правильному действию. Любое явление, будь то производственная операция или поведение товарища на производстве и в быту, советский человек должен уметь воспринимать не изолированно, а уметь видеть это явление в связи с другими, понимать его последствия, его социальное значение, дать ему принципиально правильную оценку и соответственно с этим выработать свое поведение. Часто в нашей печати мелькают статьи, заметки о том, что люди проходят мимо тех или иных проступков. Они правильно оценивают такие явления, правильно понимают их недопустимость в нашем социалистическом обществе, но они не сумели выработать на основе этой оценки твердые убеждения, принципы своего поведения.

В первую очередь необходимо понимание социального процесса, который происходит в нашем обществе, и умение определить в нем роль и обязанность каждого коллектива и каждого человека. Это важнейшая черта мировоззрения советского человека, позволяющая ему правильно оценивать все явления общественной жизни, в том числе поведение свое и своих товарищей. Эта черта говорит о действенности мировоззрения советского человека. Но воспитание этой черты невозможно вне коллектива, к которому принадлежит человек по характеру своей деятельности и который решает практические задачи. В первую очередь это коллектив, который сформировался в процессе труда, в процессе производства, ибо такой коллектив — основа всей общественной жизни, всех отысканий, которые развиваются в обществе. Но функции производственного коллектива не исчер-

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 27.

пываются только задачами производства, ибо с производством, с трудом в социалистическом обществе чрезвычайно тесно связаны все сферы общественной жизни. Понимание своего места в общественной жизни, своего долга перед обществом, раскрытие способностей индивидуума происходят в производственном коллективе. Понимание социального процесса в значительной степени будет умозрительным, если оно не будет включать как важнейший момент понимание того места и роли, которые в этом общем социальном процессе занимает данный коллектив, а следовательно, и данный человек — член этого коллектива.

Мы имеем сейчас все объективные условия для того, чтобы понимание направления общественной жизни, процесса строительства коммунизма было доступно каждому советскому труженику.

В период развернутого строительства коммунизма выявление роли каждого коллектива и человека в выполнении намеченного плана, а также выявление имеющихся возможностей, резервов становится важнейшей задачей организаторской и воспитательной работы партии. По сути дела, оба эти вида работы сливаются воедино, когда речь идет об определении конкретных рубежей семилетнего плана для каждого отдельного предприятия и каждого отдельного коллектива, когда вырабатываются пути, которыми можно достичь этих рубежей или их превзойти. Без правильно поставленной организаторской работы не может быть и воспитательной работы в коллективе. В первую очередь должна быть хорошо, правильно организована производственная работа, вскрыты ее резервы, намечены перспективы, осуществления которых следует добиваться.

В деятельности бригад коммунистического труда чрезвычайно наглядно раскрывается объединение и переплетение задач организации производственной работы и воспитания людей. Если проанализировать обязательства, которые берут на себя бригады коммунистического труда, то в них можно зачастую видеть три основных раздела: производственные задачи, обязательства по повышению образовательного уровня и те или иные моральные обязательства, относящиеся к поведению в быту и на производстве членов бригад. Таким образом, здесь имеет место переплетение задач производственных, образовательных и морально-воспитательных.

Наши коллективы, возникшие в процессе труда, являются не только производственными коллективами, их значение и сфера деятельности, их функции расширяются, распространяясь не только на труд, но и на организацию досуга, отдыха и даже на организацию быта. Такое переплетение задач производственных, образовательных и воспитательных в производственном коллективе вытекает из основного требования социалистического общества — трудиться по способностям. Процесс труда требует

раскрытия способностей человека, выработки определенных черт характера, развития морального сознания, чувства долга. Следовательно, воспитание способностей, воспитание характера и нравственного чувства, расширение умственного кругозора каждого индивидуума отнюдь не безразлично для производственного коллектива социалистического общества. В условиях социализма все это стороны процесса общественного труда. Основной принцип социализма означает, что человек должен вкладывать в труд свои способности и должен развивать свои способности в труде и для труда на благо общества.

Способности человека не есть нечто абсолютно стабильное, неизменное, некий дар природы, полученный раз и навсегда. Они могутглохнуть, если не находят применения в жизни, они развиваются, если им дается правильное применение. Развитие способностей требует, в частности, и развития определенных черт характера, например, настойчивости, целеустремленности, организованности. Для развития способностей необходимо также образование, обучение. Без этого способности не разовьешь. Максимальное развитие способностей, приведение в действие тех резервов, которыми человек обладает в потенции, но которые под влиянием образования и воспитательной работы могут стать активной действующей силой, — вот требование, обращенное к каждому члену коммунистической бригады. Твердое убеждение в том, что твои силы и способности нужны обществу, что их следует развить и вложить в труд, становится одним из важнейших моральных побуждений, одним из свойств настойчивого и ищущего характера.

Ленин писал: «„Кто не работает, тот пусть не ест“ — вот *практическая* заповедь социализма. Вот что надо *практически* заложить. Вот какими *практическими* успехами должны гордиться наши „коммуны“ и наши организаторы из рабочих и крестьян, тем более из интеллигентов (тем более, ибо гордиться своими общими указаниями и резолюциями они *слишком* привыкли, *чересчур* привыкли)»³. На каждом этапе развития общества существуют свои заповеди. Совершенно невозможна для индивидуума свобода вообще от всяких общественных связей и отношений. Не может существовать человеческое общество, которое не знает никакой грани между дозволенными и недозволенными действиями. Такая свобода означала бы ликвидацию всякой общественной жизни, всякого общежития, самого общества.

На заре истории мы видим, говоря словами русского социолога XIX века Максима Ковалевского, появление «того принципа, что все содействующее материальному или нравственному преуспеянию группы считается добром, чем-то желательным, согласным с обычаем, должным. Наоборот, все то, что по той

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 203—204.

или иной причине наносит вред интересам группы, ее безопасности, ее материальному преуспеванию, ее чести — считается дурным, позорным и по природе нетерпимым». Эти представления в первобытном обществе не отличаются четкостью, они окутаны пеленой фантастики, страдают крайней ограниченностью. М. Ковалевский отмечает, например, такой закон первобытной общины: «Что позволено по отношению к чужеродцам, то нетерпимо по отношению к сородичам»⁴. Впоследствии новые нормы дозволенного и недозволенного продиктовало человеку рабовладельческое общество, тогда то, что дозволено рабовладельцу, было запрещено рабу. В феодальном обществе тяжкие оковы крепостничества, иерархия различных сил сковывали трудящихся.

Буржуазное общество благословило как дозволенное существование паразитов, тунеядцев, эксплуатирующих чужой труд на том основании, что частная собственность священна и неприкосновенна.

Социалистическое общество объявляет борьбу всякому паразитизму, тунеядству, всяким попыткам узаконить порядки, при которых один живет за счет другого. Это главное в социалистическом обществе, его практическая заповедь. Неуклонное выполнение этой заповеди создает определенное моральное сознание коллектива, нетерпимо относящегося ко всякому, кто хотел бы пожить за чужой счет, не работать или работать кое-как. Ленин особенно подчеркивает ту мысль, что в проведении принципов социализма нельзя ограничиваться общими фразами, правильными мыслями, резолюциями, а необходимо неуклонно и последовательно проводить эти принципы в жизнь. Века отрыва умственного труда от физического создали вредную традицию у работников умственного труда гордиться общими «указаниями», правильными мыслями, оторванными от дела. Претворение мысли в дело воспринималось как нечто второстепенное, «прикладное», лишенное самостоятельного значения. Но правильно мыслить — это еще полдела. Важно правильно поступать, действовать. Последовательное проведение принципа «кто не работает, тот пусть не ест» означает максимальную деловитость, борьбу со всем, что отвлекает от дела пустопорожними разговорами, и т. д. Практическими успехами и следует гордиться членам социалистического общества.

Проведение принципов социализма в жизнь, на практике развивает в людях определенные черты характера, моральное сознание, моральную требовательность, которая бьет не только лодырей и тунеядцев; эта требовательность направлена и против тех, кто работает впосилы или не в меру своих способностей,

⁴ М. М. Ковалевский. Обособление дозволенных и недозволенных действий. — «Новые идеи в социологии», сб. IV. СПб, 1914, стр. 90.

кто не хочет в труде обнаружить свои способности, совершенствовать и развивать их в ходе труда, по мере возрастания требований, предъявляемых обществом к труду. Требования, которые предъявляет общество к труду, не остаются неизменными, они возрастают от одного этапа к другому в ходе социалистического строительства. По мере развития всего общественного строя, трудового процесса и самого человека эти требования меняются, становятся все более высокими. Тут дело не только в развитии техники. Мы чаще подчеркиваем только момент изменения, усложнения и развития технологического процесса. Но надо подчеркивать и рост требований к труду, как к общественной деятельности человека. Это связано, конечно, с изменением техники, с перевооружением нашего народного хозяйства, но не сводится только к этому. Возрастают моральные требования к трудовой деятельности, к честному выполнению своих трудовых обязанностей. Развивающийся социалистический труд требует все более высокой культуры, все более высокого образования и все более высокого сознания общественного долга.

В деятельности бригад коммунистического труда особенно ярко проявляется воспитательная роль коллектива по отношению к личности. В период развернутого строительства коммунизма роль общественных организаций, отдельных коллективов во всех сферах социальной жизни чрезвычайно возрастает. Повышается роль общественных организаций, коллективов и в сфере воспитания. Повышается роль производственных коллективов, ибо в социалистическом обществе воспитание и образование происходят в труде. По мере развития способностей личности в ее жизни все большую роль приобретают и другие коллективы, тесно связанные с производственным коллективом. Для одного человека в организации досуга большую роль играет коллектив художественной самодеятельности, для другого — дружина охраны порядка, для третьего — кружок рационализаторов, для четвертого — спортивная команда. При разносторонних способностях и склонностях человек принадлежит к нескольким таким коллективам, переходя от одного занятия к другому. Огромную роль играет тот коллектив, который объединяет деятельность всех коллективов, во всех них участвует, мобилизует и организует творческую силу масс, — Коммунистическая партия Советского Союза. В работе всех коллективов, работающих под руководством партии, большое значение имеет воспитательная деятельность.

Надо подчеркнуть, что всякая недооценка воспитательной роли коллектива в период развернутого строительства коммунистического общества чревата большими опасностями. Такая недооценка ведет к ослаблению влияния социалистического общества на личность, замедляет или ограничивает это влияние. При этом важно отметить, что коллектив может выполнить свою

воспитательную роль лишь в том случае, если в нем хорошо поставлена организационная и идейно-политическая работа, если правильное, партийное влияние охватывает членов коллектива. Конечно, совершенно ясно, что если даже в том или ином коллективе плохо поставлена воспитательная работа, то в целом все советское общество, весь социалистический строй жизни воздействуют на каждого индивидуума. Следует подчеркнуть, что воздействие партии на каждый коллектив является обязательным условием того, чтобы он сам правильно работал, правильно организовывал свою деятельность, в том числе и в сфере воспитания. В свою очередь, влияние нашего социалистического общества, социалистического строя, социалистического государства должно усиливаться и подкрепляться влиянием на человека каждого данного коллектива, каждой данной общественной организации, к которой отдельный человек принадлежит. Разрыв связи индивидуума с коллективом или недостаточность связей, которые могут обнаружиться у того или иного человека с его коллективом, могут привести к оживлению, к рецидивам в той или иной форме индивидуализма, к появлению, хотя бы в зачаточном виде, мироощущения одиночки, то есть к оживлению пережитков капитализма в сознании человека, ибо как раз указанные черты являются главными устоями буржуазного мировоззрения.

Мир частнособственнических отношений неизбежно порождает черты мировоззрения индивидуализма, мироощущение одиночки. Это основа основ буржуазной идеологии. Буржуазный строй, порождая рабочий класс — могильщика капитализма, создает и великую силу, способную похоронить буржуазный индивидуализм, взрастить мировоззрение коллективизма. Коллективизм не есть некая «врожденная идея», он формируется в ходе классовой борьбы, в ожесточенном сражении с миром и идеологией частной собственности. Бытие определяет сознание, и общественное бытие рабочего класса определяет его мировоззрение коллективизма.

В социалистическом обществе также нет «врожденных идей» коллективизма. Весь общественный строй, вся жизнь воспитывают у человека эти идеи с раннего детства. Важнейшее условие такого воспитания — воздействие коллектива, тесная, неразрывная связь личности с коллективом на всех стадиях развития личности.

Ослабление связи с коллективом может иметь некоторые объективные основания, например, при переходе из одного коллектива в другой в связи с территориальными перемещениями того или иного человека. Переход из одной возрастной группы в другую также связан с перемещением коллектива, особенно у молодежи, например, после окончания школы, когда резко меняется один, привычный коллектив на другой. Человек попадает в

новый коллектив в связи с изменениями в профессиональной принадлежности и т. д. Но во всех этих случаях новый коллектив имеет огромные возможности воздействия на своего вновь прибывшего сочлена, значение воспитательной работы коллектива возрастает. Он должен сразу своим влиянием облегчить некоторые сложности, которые встают перед человеком.

Человек, который плохо или недостаточно связан с коллективом, может в той или иной мере терять отчетливое понимание своей действительной социальной ценности, своего места в общественной жизни. Как уже было сказано, включение в работу коллектива, правильное понимание поставленных перед коллективом задач по выполнению семилетнего плана — все это дает возможность индивидууму занять свое прочное место в общественной жизни, почувствовать свою настоящую социальную ценность, то благо, которое он приносит обществу своим трудом, своими способностями, своими знаниями. Там же, где теряется истинное понимание своей действительной социальной ценности, там могут развиваться обывательское безразличие, мещанская приниженность или тот индивидуализм, который неизбежно ведет к аморализму в его различных антиобщественных проявлениях, будь то хулиганство или тунеядство.

Непомерное выпячивание своего «я» в противовес коллективу, обществу или чувство приниженности, неполноценности — это две стороны одной и той же медали — мироощущения одиночки, отщепенца, человека, отбившегося в той или иной степени от коллектива, зараженного индивидуализмом. Во всех этих случаях налицо забвение своей действительной роли в обществе и долга перед обществом, голое «ячество», заслоняющее действительные социальные связи индивидуума с обществом, с коллективом.

Когда связи индивидуума с коллективом слабеют или эти связи оказываются недостаточными, когда появляется мироощущение одиночки, хотя бы в зачаточной форме, человек как бы выбывает из своего действительного коллектива. Часто в этом случае он начинает искать себе подобных, таких же потерявших или не нашедших себя людей, тоже зараженных в той или иной мере мироощущением одиночки.

Так создаются различного рода «компании» по пьянству, хулиганству и т. д. Эти «компании» образуются из людей, оторвавшихся от своих действительных коллективов и тем самым утерявших полностью или частично сознание своего действительного места в обществе и своего долга перед обществом. Это своего рода изгой, если можно применить в данном случае этот термин древнерусского законодательства. Разрыв моральных и духовных связей с коллективом превращает человека в изгоя или отщепенца, ведет к его деклассированию, порождает различные асоциальные и даже антисоциальные черты психологии и

характера. Человек как бы теряет свое место в нашем обществе, состоящем из жизнедеятельных, полных энергии и сил трудовых коллективов. Связь его с коллективом держится на очень тонкой ниточке: он более или менее регулярно ходит на работу, «отбывает» свои служебные обязанности. Но он не вовлечен по-настоящему в коллектив, не привязан к нему заботами и думами, его радостями и неудачами. Настоящей духовной, в том числе и моральной связи с коллективом, в котором он работает, на самом деле у него нет. Затем может порваться и эта тонкая ниточка, которая соединяет индивидуум с коллективом. Это случается, если настроения тупеядства, лодырничания, узколичных интересов и стремлений в этом человеке возобладают.

Недостаточное моральное воздействие коллектива на личность имеет место и тогда, когда в результате ослабления партийной, воспитательной работы коллектив не воздействует в полной мере на все стороны личности человека, когда даже самое понятие коллектива в той или иной степени может стать формальным.

Производственный коллектив, если в нем действительно хорошо поставлена партийная, организационная и воспитательная работа, создает своеобразное «поле морального напряжения», воздействие которого обязательно должен испытывать на себе каждый член коллектива. Это «поле морального напряжения» включает влияние общественного мнения и формирование этого общественного мнения, способного воздействовать на индивидуум. Чем больше коллектив проявляет заботу о различных сторонах жизни человека, чем больше коллектив держит в поле своего внимания материальные и духовные запросы каждого своего члена, тем в большей степени вырабатывается дух коллективизма, тем меньше почвы для рецидивов индивидуализма.

Если на предприятии заботятся об удовлетворении духовных запросов человека, если там хорошо работают библиотека и клуб, устраиваются коллективные культпоходы в театры, посещение кино, создаются необходимые условия для самообразования и продолжения образования, то это значит, что значительная часть духовных запросов индивидуума удовлетворяется коллективом и через коллектив.

Если человек может рассчитывать на помощь коллектива и в том случае, когда он попал в беду, когда наступила полоса личных неурядиц, несчастий или горя, то в этом случае почва для появления рецидивов мироощущения одиночки чрезвычайно сужается. Личность должна чувствовать постоянную моральную опору в коллективе. Коллективизм, который противопоставлен как великая сила индивидуализму, находит поддержку в многообразных связях индивидуума и коллектива, связях, которые содействуют развитию личности и служат общему благу. Наруше-

ние таких связей может, наоборот, замедлять развитие личности, тормозить воспитание в человеке духа коллективизма, оживлять различные атактистические черты в характере и психике. В этом случае, если можно так выразиться, мы имеем дело со своеобразным социальным атактизмом, рецидивами старого, поскольку влияние нового, прогрессивное развитие личности тормозятся или умаляются. Ленин еще в своей классической работе «Что делать?» вопрос об идеологии ставил так: «буржуазная или социалистическая идеология»; он подчеркивал, что середины тут нет, ибо никакой «третьей» идеологии человечество не выработало.

С тех пор, как написаны были эти слова, прошло много лет, но человечество и за этот период не выработало и не могло выработать никакой «третьей» идеологии. Это исторически и логически абсолютно невозможно. Ленин писал, развивая свою мысль: «Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»⁵. Третьего не дано.

Возможны ли в социалистическом обществе случаи некоторого отстранения личности, индивидуума от влияния социалистической идеологии? Да, возможны, ибо влияние социалистической идеологии не простой автоматический процесс, оно предполагает активную борьбу, большую воспитательную работу. Конечно, атактистическое возрождение тех или иных черт буржуазной идеологии у отдельного индивидуума не означает какой-то полной реставрации буржуазного мировоззрения. Речь идет лишь о рецидивах, об ослабленных формах этого мировоззрения. Возьмем, например, характер религиозных верований у современного советского человека. Они часто приобретают полупантеистический или деистский характер, весьма далекий от ортодоксии и от тех форм верований, которые продолжают жить в странах капитала. Верующий в СССР — прежде всего советский человек, сознание его противоречиво, в нем уживаются правильные мысли и представления, отражающие нашу советскую действительность, и в корне противоречащие этим мыслям и представлениям элементы религиозных верований.

В одном из писем в газету «Комсомольская правда» юноша указывает, что он хотел бы быть комсомольцем, ибо понимает все значение того дела, которое ведет наша партия, но он спрашивает, нельзя ли при этом остаться и верующим. В этом письме сквозит противоречивость, расколотость мировоззрения человека, непоследовательность этого мировоззрения. Это абсолютно нетерпимо в условиях строительства коммунистического общества. Это ведет к непоследовательности в деятельности, к поло-

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 40.

винчатости решений, к моральной и политической пассивности, может, наконец, увлечь человека и на антиобщественный путь.

Достаточно проанализировать, например, материалы, которые собраны аспирантами Академии общественных наук, в частности кафедры философии, чтобы понять все значение воспитательного влияния коллектива на формирование мировоззрения личности. И наоборот, факты показывают, какой большой урон мы терпим в том случае, если воспитательное влияние коллектива оказывается недостаточным. В самом деле, как происходит, например, большей частью процесс вовлечения трудящихся в те или иные религиозные организации, особенно сектантские?

У работницы, притом малоквалифицированной, тяжело заболел ребенок. Она столкнулась с равнодушием к своей личной судьбе со стороны коллектива. Тут и начинают свою деятельность ловцы душ человеческих. Они заманивают человека в некий другой коллектив, в свою общину, религиозную организацию, нарочито подчеркнуто проявляют заботу об этой женщине, на которую обрушилось тяжелое личное несчастье. Человек через некоторое время уже теряет всякое лицо, становится орудием в руках этой сектантской организации.

Юноша пережил тяжелое душевное испытание, вызванное тем, что девушка, которую он любил, оказалась морально распущенной. Он тоже сталкивается в своем серьезном горе с глупым равнодушием коллектива, к которому он принадлежит. Тут он и становится жертвой сектантов, которые предлагают ему иллюзию, суррогат коллектива и суррогат моральных связей с коллективом, заманивают его, говоря другими словами, в свою общину.

Вот большое письмо в «Кемсомольскую правду» юноши, который старается сам проанализировать свою жизнь, начиная с тяжелого, безрадостного детства с пьяницей-отчимом и несчастной, больной матерью. Занятый постоянной работой в семье, мальчик мало был связан со своими сверстниками. Этот отрыв не был ликвидирован и впоследствии, когда он имел возможность встречаться чаще с другими детьми. Вот как он об этом пишет: «Я направился к своим сверстникам, но те меня не признали за своего; я не умел и не знал ни одной игры, в которую они играли... я стал угрюмым. Одиночество стало моим спутником жизни. А оно было тяжело». Так развивались в характере и психике мальчика, а затем юноши замкнутость, угрюмость, в какой-то мере появилось стремление отгородиться от жизни, попытки подменить действительность иллюзией, суррогатом. «И я снова,— пишет юноша,— ходил в церковь и молился богу, и пусть поверит мне читатель, что после этого одиночество уже не казалось мне таким невыносимым и тягостным». В конце письма он пишет, что когда он слушал беседы своих наставни-

ков о вреде религии, то ему казалось, что «они не искренне говорят», а больше по служебным обязанностям, как в таких случаях в народе говорят: это их кусок хлеба». По-видимому, эти атеистические беседы были довольно формальными, лишенными душевной теплоты и убежденности, за живую струнку души они не задевали. Иллюзорный «выход» в данном случае был найден в церкви. Он мог «отыскаться» и в вине или в том разнузданном эгоизме и индивидуализме, который толкает к хулиганству.

Во всех этих случаях, если бы коллектив охватывал своим влиянием и заботой духовные запросы человека, активнее вовлекал его в жизнь, ничего подобного не произошло бы.

Душой каждого коллектива, его руководящей и направляющей силой является партийная организация. От ее работы, от ее умения вникать во все стороны воспитательной работы, в том числе и в вопросы формирования психики и характера людей, в вопросы их личной жизни, зависит в конечном счете успех дела коммунистического воспитания, усиление воздействия коллектива на личность, на развитие всех ее способностей, ее мировоззрения, ее морального сознания, психики и характера.

Все объективные условия для этого у нас есть.

В нашей философской литературе давно уже возник спор о причинах живучести пережитков капитализма в сознании людей. Одни товарищи объясняли эти причины только отставанием психики, сознания от бытия. Другие критиковали такую точку зрения, заявляя, что нельзя явления сознания объяснять явлениями сознания. Они говорили, что пережитки капитализма — явление социальное. Но некоторые из авторов, потеряв нить диалектики, принялись разыскивать причины в социальном строе нашего общества. Это, разумеется, ничего общего не имеет с диалектико-материалистическим подходом к вопросу о причинах живучести пережитков капитализма. Наличие пережитков капитализма в сознании советских людей, конечно, явление социальное. Но оно не имеет корней в нашем социальном строе. Речь идет не о том, что пережитками капитализма затронуты целые социальные слои нашего общества, отдельные сколько-нибудь крупные его социальные силы,— этого нет. Речь идет о рецидивах в сознании, в психике отдельных людей из разных социальных слоев тех или иных пережитков прошлого. Соответственно этому следует искать и причины такого явления. Почва для рецидивов мироощущения одиночки всегда создается в результате нашей слабой работы, слабого воздействия коллективов на отдельных людей, слабой постановки партийной, организационной и воспитательной работы в отдельных коллективах, к которым принадлежат эти индивидуумы.

Ликвидация недостатков в нашей воспитательной работе в каждом коллективе, в каждой партийной организации обеспечивает огромный успех в деле перестройки сознания людей в

масштабе всей страны. Вот почему такое огромное значение имеет постановление Центрального Комитета партии о пропаганде, требующее поднять уровень нашей идеологической работы во всех ее звеньях, во всех коллективах на уровень задач строительства коммунистического общества.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ *

Теория научного коммунизма ответила на один из самых сложных вопросов, который когда-либо вставал перед человечеством, — вопрос о путях совершенствования самой человеческой личности, о возможности развития всех ее духовных потенций. Огромным историческим смыслом наполнены слова Программы КПСС, в которых охарактеризованы моральные устои человека — строителя коммунистического общества. В чеканных строках выражен высокий моральный идеал трудящихся в неразрывной связи с их великим социальным идеалом, указаны реальные пути осуществления этого идеала, его претворения в повседневную жизнь и деятельность людей.

Мыслители прошлого создали по вопросу о моральном совершенствовании человека немало различных теорий. Но все они проповедовали моральное и интеллектуальное совершенствование отдельного человека, все они игнорировали его общественную природу. Это был порочный путь метафизики и идеализма. Этот путь неизбежно извращал и искажал самый моральный идеал в угоду классовой корысти. Особенно старательно шли по этому пути моралисты-апологеты буржуазного индивидуализма. Рассуждая об изъятиях и грехах абстрактной «человеческой природы», они умалчивали о том, что именно эксплуататорский строй, античное рабство, феодализм, а затем капитализм изуродовали моральное сознание человека. Проповедь морального самоусовершенствования отдельного человека имела в их устах реакционный смысл, так как вводила людей от жизни и от борьбы. С ее помощью буржуазия стремилась отвлечь трудящиеся массы от борьбы за светлое будущее человечества.

Домарксовский социализм также не мог указать действительный путь морального и интеллектуального прогресса человечества, хотя вопрос о социальном прогрессе и был им поставлен. Одним из важнейших пороков утопического социализма был взгляд, согласно которому новый человек появится в особых ретортах или теплицах, в тех ячейках нового общества, которые якобы возникнут в недрах старого. Это был метафизический, идеалистический взгляд, далекий от истины.

* Статья напечатана в книге «От социализма к коммунизму». М., 1962, стр. 512—546.

Только марксизм, решая вопрос на основе материалистической диалектики, показал путь переделки сознания человека в ходе борьбы за победу нового общественного строя. Уже Маркс и Энгельс указывали, что сознание человека, которому придется строить новое общество, будет вначале отягощено остатками старого мировоззрения и поэтому потребуются коренная его переделка. Пролетариат может совершить эту переделку только в революционной борьбе за уничтожение старого буржуазного общества и создание нового, коммунистического. «...Для массового порождения... коммунистического сознания, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — ...необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в революции...». Они указывали, что «свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»¹.

Революционная теория указала человечеству путь безграничного социального, экономического, интеллектуального и морального прогресса. По этому важнейшему вопросу марксизм дал качественно новый ответ, решительно порывая со старыми утопическими и метафизическими взглядами. «Тем и отличается марксизм, — писал Ленин, — от старого утопического социализма, что последний хотел строить новое общество не из тех массовых представителей человеческого материала, которые создаются кровавым, грязным, грабительским, лавочническим капитализмом, а из разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей. Эта смешная мысль теперь всем смешна и всеми оставлена, но не все хотят или умеют продумать обратное учение марксизма, продумать, как это можно (и должно) строить коммунизм из массового человеческого материала, испорченного веками и тысячелетиями рабства, крепостничества, капитализма, мелкого раздробленного хозяйничанья, войной всех против всех из-за местечка на рынке, из-за более высокой цены за продукт или за труд»².

Марксизм дал ответ на вопрос о том, как строить новое общество из массового человеческого материала, а не из особо добродетельных людей, искусственно созданных, как вывести трудящегося человека на дорогу безграничного интеллектуального и морального прогресса. Этот ответ был дан с позиции диалектического и исторического материализма, установившего значение общественной революционной практики для развития познания и сознания человека. Ступени строительства нового общества являются одновременно и этапами переделки самого человека.

Впоследствии различного рода оппортунисты, ревизионисты, меньшевики, отказываясь от революционного марксизма, отхо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 70.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 409.

дили и от положения о переделке сознания масс в ходе революционной борьбы. Меньшевики, например, утверждали, будто бы социалистическая революция в России невозможна на том основании, что в целом общеобразовательный, культурный уровень народных масс страны ниже, чем в капиталистических государствах Западной Европы. Это было повторением на новый лад старых метафизических взглядов. В. И. Ленин с позиций революционного марксизма, опровергая этот фальшивый, оппортунистический тезис, говорил:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»³. Этот процесс в условиях советской действительности, конечно, не является каким-то механическим повторением стадий, пройденных западными народами. Советский народ создает качественно новую, неизмеримо более высокую культуру — социалистическую по своей природе.

Владимир Ильич Ленин, Коммунистическая партия Советского Союза открыли путь, идя которым можно и должно победить эксплуататоров, вести строительство нового общества и в ходе этого добиться перевоспитания масс трудящихся. Итогом разработки этой проблемы является Программа КПСС.

На всех исторических этапах борьбы наша Коммунистическая партия решала вопрос об идейном влиянии на массы, о воспитательной работе среди трудящихся. Так было, когда партия принимала свою первую Программу и звала рабочий класс, всех трудящихся России на борьбу за свержение самодержавия, а затем буржуазного строя и установление диктатуры пролетариата. Так было, когда партия приняла свою вторую Программу и выдвинула задачу построения социалистического общества.

Развернутое строительство коммунистического общества означает формирование нового человека, решительное наступление против пережитков капитализма в сознании людей, против всех и всяческих проявлений влияния на трудящихся враждебных идей, взглядов и настроений. В нашей идеологической, воспитательной работе наступил новый этап, качественно отличный от предыдущих, хотя, разумеется, он является непосредственным продолжением той работы, которую вела наша партия после Великой Октябрьской социалистической революции.

Процесс перестройки сознания масс трудящихся, их воспитания и обучения в горниле борьбы за построение социалистиче-

ского общества занимает всю эпоху, открытую Великой Октябрьской социалистической революцией. Воспитание и обучение трудящихся масс — одно из важнейших условий успешной переделки общественной жизни и существенная составная часть этой переделки.

Победоносная социалистическая революция свидетельствовала об огромных сдвигах в мировоззрении масс, о крушении важных устоев идейного влияния буржуазии на трудящихся. Это был результат выполнения Коммунистической партией ее первой Программы. Великая и плодотворная идея о том, что жить надо без капиталистов и помещиков, овладела сознанием масс, произвела коренной поворот в их мировоззрении. За своим авангардом, за партией большевиков пошел рабочий класс, за рабочим классом двинулись основные слои трудящихся города и деревни. Так началось широкое распространение важных положений идеологии Коммунистической партии в народе, формирование нового мировоззрения масс. В огне революции основным был лозунг: за революцию, за Советскую власть, против господства эксплуататоров. Это был исходный рубеж для формирования нового мировоззрения, которого в готовом виде, разумеется, в массах еще не имелось. Это был исходный рубеж для формирования понятия об общественном долге.

В дальнейшем социальное и духовное развитие страны определялось ожесточенной борьбой за вытеснение частной собственности и основанных на ней социальных отношений, а также идеологии, сложившейся в связи с существованием частной собственности в течение многих веков.

Говоря о роли диктатуры пролетариата, Ленин подчеркивал именно ее «воспитательную задачу, особенно важную в России, где к пролетариату принадлежит меньшинство населения». «А между тем, — добавлял Ленин, — тут эта задача должна выдвинуться на первый план, так как нам нужно подготовить массы к социалистическому строительству»⁴. Первый период в воспитательной работе Коммунистической партии после Октября и состоял в выполнении этой огромной задачи — подготовить массы к социалистическому строительству.

Партия выковала поколения мужественных борцов со смелым умом и непреклонной волей. Она привлекла на свою сторону лучших представителей интеллигенции, выдвинула плеяду блестящих организаторов и теоретиков во главе с гениальным Лениным. Деятельность Коммунистической партии по внесению социалистической сознательности в среду рабочего класса дала обильные плоды.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 399.

На арене истории появилась та огромная социальная сила — союз рабочего класса с крестьянством, которая в области политики и экономики способна творить чудеса и которая огромное значение имеет и для переделки сознания всех масс трудящихся. Ленин много раз говорил о моральном влиянии пролетариата в ходе революционной борьбы на другие слои трудящихся, подчеркивая, как необходима рабочему классу «его пролетарская близость к психологии всякого трудящегося, его авторитет перед распыленным, менее развитым, менее твердым в политике трудящимся человеком из деревни или из мелкого производства...»⁵. Пролетарское влияние, влияние Коммунистической партии простиралось на крестьянские массы и оказывало огромное воздействие на всю воспитательную работу.

В рабочем классе формировались революционная идеология, черты коллективизма, высокая сознательность и преданность великому делу. Историческим рубежом явилась революция 1905 года. У пролетариата выковывались такие замечательные качества борца и созидателя, как «выдержка, настойчивость, готовность, решимость и умение сотни раз испробовать, сотни раз исправить и во что бы то ни стало добиться цели...»⁶. Пролетариат создал великую революционную партию коммунистов, прошел замечательную школу борьбы под ее руководством, проявил высокую сознательность и организованность. Ленин говорил в 1920 году: «О диктатуре пролетариата не могло бы и речи быть, если бы пролетариат не выработал в себе большой сознательности, большой дисциплинированности, большой преданности в борьбе против буржуазии, т. е. той суммы задач, которую необходимо выдвинуть для полной победы пролетариата над его исконным врагом»⁷. В этом, собственно, и заключается итог воспитательной работы Коммунистической партии в массах в ходе борьбы за выполнение первой Программы партии. Задача состояла в том, чтобы черты нового, революционного мировоззрения и психологии были распространены на весь рабочий класс и на всех трудящихся.

Суровой проверкой глубины сдвигов, происшедших в сознании масс, явилась гражданская война. За годы гражданской войны и интервенции произошло важное изменение в идеологии масс. Окрепла уверенность в своих силах у рабочего класса, еще глубже понял он непримиримость интересов эксплуататоров и интересов трудового народа. Выросло и углубилось влияние Коммунистической партии в массах, которые выдвинули из своей среды много людей высокого морального долга, большого героизма, отдавших свою жизнь служению интересам народа. Фор-

мировались идеи советского патриотизма и чувство интернациональной солидарности с трудящимися всех стран, помогавшими в борьбе против международного империализма.

Глубокие изменения произошли в сознании среднего крестьянства, которое, убедившись на опыте, что реставрация господства буржуазии и помещиков несет ему великие беды, стало ближе к рабочему классу.

В этот период совершаются сдвиги и в сознании известных слоев интеллигенции, ее представители идут на службу к Советской власти, которая использует квалифицированные кадры, их знание и опыт, которыми ранее пользовались капиталисты. В 1919 году Ленин, выступая на II Всероссийском съезде учителей интернационалистов, характерную черту периода видел в том, что «мелкобуржуазные демократические элементы силою вещей вынуждены переходить на сторону Советской власти, потому что они убедились, что всякий другой путь невольно толкает их на путь защиты белогвардейцев и международного империализма»⁸.

В огне революции и гражданской войны сгорели идейные знамена всех буржуазных и мелкобуржуазных партий, их идеология потерпела банкротство в глазах народа. Что же касается партии коммунистов, то ее роль и значение непрерывно увеличивались в ходе социального и идейного развития страны. Выполняя свою вторую Программу, Коммунистическая партия решала огромные задачи по воспитанию масс.

Под воздействием Коммунистической партии, на основе революционной практики вырабатывались новые нормы сознания широких трудящихся масс. Во весь рост встала труднейшая задача: рабочие и трудовое крестьянство должны стать и должны почувствовать себя настоящими хозяевами жизни. Необходимо было ликвидировать до конца старое представление, согласно которому, как говорил Ленин, «настоящее образование могут получать только богатые и что для большинства трудящихся достаточно только подготовка хороших слуг и хороших рабочих, но не настоящего хозяина жизни...»⁹. Для этого надо было учиться, приобретать необходимые знания, дать массам и политическое образование, политическую культуру. Ленин так определил эту задачу: «Таким образом, цель политической культуры, политического образования — воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки и помочь трудящимся массам победить старый порядок и вести дело строительства государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков»¹⁰. Политическая культура предполагает овладение зна-

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 386.

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 316.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 399—400.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 432.

⁹ Там же.

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 404.

ниями, необходимыми для строительства нового общества. «Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, надо учиться», — говорил Ленин¹¹, выдвигая как важную задачу соединение партийной пропаганды со школьной и внешкольной работой в массах: «В партийной работе мы выработали свои навыки широкого воздействия на массы, но их нужно соединить с методами культурно-просветительными, в частности, школьными и особенно внешкольными, что не всегда удавалось»¹². Рабочий класс приобрел новый важнейший рычаг изменения общества — государственную власть, диктатуру пролетариата. Необходимо было использовать эту власть всесторонне, полностью и для воспитания масс.

Выполнение важнейших задач организации масс было неразрывно связано с воспитательной работой Коммунистической партии и Советского государства. В сознание народа должна была войти мысль, что «только организованность даст ему возможность сплочения, создания товарищеской дисциплины...»¹³. Устанавливалось незыблемое единство воспитательной и организационной работы Коммунистической партии и Советского государства в массах.

Ленин подчеркивал при этом, что «для Советской власти именно организация труда в отдельных крупнейших предприятиях и в отдельных деревенских общинах является самым главным, коренным и злободневным вопросом всей общественной жизни»¹⁴. Воспитательная работа должна была ускорить и облегчить, по выражению Ленина, переход «от старых, никуда не годных, приемов работы или приемов отлынивания от работы в капиталистическом обществе...»¹⁵ к новым формам организации и к новым приемам труда. Уже тогда Ленин подчеркивал огромное воспитательное значение создания образцовых очагов хозяйствования, показывающих пример правильной организации труда, приемов работы.

В кратких строках Владимир Ильич дал блестящий анализ вопроса о воспитательной роли примера в строительстве новой жизни, начав этот анализ с разбора взглядов утопического социализма: «При капиталистическом обществе были неоднократно примеры устройства трудовых коммун со стороны людей, которые надеялись мирно и безболезненно убедить человечество в преимуществе социализма и обеспечить его введение. Со стороны революционных марксистов такая точка зрения и такие приемы деятельности вызывают вполне законные насмешки, потому что в обстановке капиталистического рабства достигнуть

каких-нибудь коренных изменений путем изолированных примеров было бы, действительно, совершенно пустым мечтанием, на практике приводившим либо к безжизненным предприятиям, либо к превращению этих предприятий в союзы мелких капиталистов.

Эта привычка относиться с насмешкой и с пренебрежением к значению примера в массовом народном хозяйстве сказывается иногда и теперь у людей, которые не продумали коренного изменения, наступившего со времени завоевания политической власти пролетариатом»¹⁶. Исходя из этих новых общественных условий, Ленин подчеркивал гигантское значение примера в организации производства на социалистических началах, указывал, что задача состоит в том, чтобы опыт лучшей организации стал достоянием масс.

На первый план выдвигались вопросы упрочения и развития новой социальной организации общества. Задачи правильной организации труда, производства стали самыми злободневными задачами всей общественной жизни страны. Воспитательная работа Коммунистической партии и Советского государства развивалась в соответствии с этими задачами.

Для новой социальной организации общества, для победы и развития новых, социалистических отношений огромное значение имела происходившая в нашей стране, как говорил Ленин, «величайшая, имеющая всемирно-историческое значение, борьба социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности»¹⁷. В этой борьбе большевистская организованность, коммунистическая идеология побеждали буржуазно-анархистские тенденции, которые породило буржуазное общество и которые продолжали воспроизводиться мелкобуржуазными слоями. Проявления этого круга представлений были многообразны. Без преодоления их нельзя было вырабатывать центральное понятие морального сознания советского человека — понятие общественного долга.

Вера в стихийность развития социальных отношений, представление, что общественные дела «сами улаживаются», совмещались в мышлении масс с анархистскими тенденциями, согласно которым можно по произволу вмешиваться в ход общественного развития, не сообразуясь с его законами. Для того, чтобы победила новая социальная организация, для того, чтобы трудящиеся стали подлинными хозяевами жизни, такие представления должны были изживаться.

Мелкобуржуазный «социализм» требовал в первую очередь «дележки», полного раздела между всеми членами общества совокупного общественного продукта. К этому и должен был, по

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 132.

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 463—464.

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 325—326.

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 147.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же стр. 148.

¹⁷ Там же, стр. 185.

воззрениям мелкой буржуазии, почти автоматически вести социальный переворот. Соответственно с такими взглядами и социальная организация нового общества представлялась как распад общества на мелкие самодовлеющие, мало связанные друг с другом отдельные ячейки. Ломка общественных отношений представлялась как ликвидация тех огромных социальных связей, которые создал капитализм, централизация сменялась полнейшей децентрализацией, при которой исключалась возможность существования крупного индустриального производства, причем не только власть, но и всякий общественный авторитет уничтожались. В стране, в которой сильно было мелкобуржуазное влияние, такого рода представления давали о себе знать вплоть до формирования особой фракции, так называемой рабочей оппозиции, разгромленной под руководством Ленина на X съезде партии.

В результате гигантской организационной и воспитательной работы, развернутой партией коммунистов, в сознании масс укреплялись правильные представления о социализме, согласно которым новому обществу на первой стадии его развития, как указывал Маркс, неизбежно придется из совокупного общественного продукта вычитать расходы по возмещению потребленных обществом средств производства; из этого совокупного продукта надо вычитать и определенную добавочную часть для расширения производства, необходимо иметь резервный фонд для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий и т. д.; надо также предусмотреть издержки управления и другие суммы на общественные нужды.

Ленин, Коммунистическая партия показали массам, что общество не может сразу осуществить полное равенство, для этого еще недостаточно общественного богатства, ко второй стадии нового общества ведет один путь — коллективного, сознательного, плодотворного труда масс. Кардинальное значение имело распространение в сознании масс правильного представления, согласно которому вначале общество осуществляет распределение по количеству и качеству труда. Однако и на этой стадии, как гениально указывал Маркс, будет неуклонно возрастать доля совокупного общественного дохода, которая предназначается на удовлетворение совместных потребностей. Распространение в массах этих правильных, научных взглядов на природу социалистического общества, на необходимые, закономерные этапы его развития было гигантским достижением воспитательной работы партии.

Ленин неоднократно подчеркивал, как важно было сломать старое представление о государстве, о «казне» и «казенном» для того, чтобы расчистить дорогу социалистической сознательности масс. «Мы продолжаем страдать в этом отношении от мужицкой наивности и мужицкой беспомощности, когда мужик,

ограничивший барскую библиотеку, бежал к себе и боялся, как бы кто-нибудь у него ее не отнял, ибо мысль о том, что может быть правильное распределение, что казна не есть нечто ненавистное, что казна — это есть общее достояние рабочих и трудящихся, этого сознания у него быть еще не могло»¹⁸. Распространение великих идей обобществления, понятия общественной собственности, правильных представлений о социалистической государственности, об общем достоянии, об общем благе и общем деле, о необходимости трудиться во имя этого общего блага — таковы были важнейшие задачи в воспитательной и организационной работе партии в массах.

Коммунистическая партия указывала путь строительства социализма в нашей стране и вместе с тем намечала перспективу дальнейшего движения нашего общества ко второй фазе — к коммунизму. Ленин пристально следил за ростками коммунизма. Это имело огромное воспитательное значение, вооружало массы пониманием исторической перспективы развития нашего общества. Ленин призывал показать «пример действительно коммунистического труда, т. е. такого, который ведется бесплатно». Известно, какое значение придавал Владимир Ильич «великому почину» рабочих — субботникам как примеру коммунистического отношения к труду, как росткам коммунистической сознательности, которой принадлежит великое будущее.

Дальнейшие глубокие изменения в сознании трудящихся масс наступили вместе с последующими изменениями социальной структуры общества, с окончательной ликвидацией социальных отношений, связанных с частной собственностью, с широким развитием общественной собственности, с ее безраздельным господством в экономической и социальной жизни страны. Мелкое крестьянское хозяйство рождало капитализм и вместе с тем воспроизводило мелкособственническую психологию. На том этапе развития союза рабочего класса и крестьянства, когда требовалось допущение частной торговли, это неизбежно вело к некоторому оживлению капитализма. Буржуазные слои в городе и деревенская буржуазия (кулаки) не могли не оказывать известного влияния на духовную жизнь общества, борьба против этого влияния была одной из важных задач воспитательной работы Коммунистической партии в массах. Характерной чертой этого периода было то, что в деревне крепло организационное и идейное влияние партии и идея кооперирования все больше внедрялась в сознание крестьянских масс.

Могучее развитие общественной собственности началось с промышленности, с машиностроительной индустрии, которая способна была обеспечить перевооружение всех отраслей народного хозяйства, дальнейшее укрепление и развитие новой со-

¹⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 331—332.

циальной организации общества. Рост тяжелой индустрии укреплял позиции рабочего класса, увеличивал его численность, умножал удельный вес в обществе кадров индустриальных рабочих. Однако тот факт, что в ряды рабочего класса вливалось новое пополнение из деревни, ставил неотложную задачу воспитания этого пополнения. Оснащение промышленности передовой техникой требовало расширения образования, выдвигало задачу повышения культурно-технического уровня рабочего класса, увеличения кадров интеллигенции, в первую очередь технической, т. е. осуществления ленинского завета учиться и учиться. Уже в 1927/28 г. в высших учебных заведениях обучалось 169 тыс. человек, т. е. почти в полтора раза больше, чем в 1914/15 г.

В связи с индустриализацией страны менялась социальная структура и слаборазвитых районов. Создавались кадры рабочего класса в среде национальностей, которые ранее его совершенно не имели или имели лишь в зачаточном виде. Изменялось соотношение сил на фронте идеологической борьбы, увеличивались возможности воспитательной работы Коммунистической партии.

Таким образом, мощный поток индустриализации создавал новые социальные изменения в стране и новые предпосылки для глубоких изменений в сознании людей. Укреплялась и расширялась база для идейного влияния рабочего класса на все слои трудящихся. Идейные сдвиги в сознании масс определялись в первую очередь тем фактом, что все более приближалась заветная цель — построение социалистического общества в нашей стране. Воспитывались многочисленные кадры борцов, готовых отдать все свои силы для того, чтобы приблизить победу социализма. В народных массах рос советский патриотизм, укреплялось и расширялось чувство интернационального долга. Та организационная и идейная подготовка масс к социалистическому строительству, которую на протяжении почти десятилетия проводила Коммунистическая партия, давала все новые и новые обильные результаты.

Развитие советского общества подготовило условия к решению поставленных Коммунистической партией гигантских задач, выполнение которых означало полное вытеснение капиталистических элементов из экономики страны, следовательно, новое, серьезное изменение социальной структуры общества. В деле коммунистического воспитания масс это означало, что чуждые новому обществу идеи и взгляды лишаются социальной опоры в стране, становятся лишь пережитками прошлого в сознании людей.

О значительных изменениях, происшедших в сознании масс, говорит в первую очередь тот факт, что выполнение задач первого пятилетнего плана вызвало в социальной жизни общества

мощную волну творческой инициативы трудящихся. По всей стране стали возникать ударные бригады рабочих, которые ставили перед собой конкретные цели выполнения и перевыполнения показателей плана. Первая такая бригада возникла на ленинградском заводе «Красный треугольник». На заводах рабочие начали составлять между собой договоры на социалистическое соревнование. Это движение свидетельствовало о широком внедрении социалистического отношения к труду в массах, оно значительно подняло сознательность и активность рабочего класса, содействовало подъему его культурно-технического уровня, резкому увеличению числа передовых людей среди рабочих на каждом заводе, на каждом предприятии. Как летописи, зафиксировавшие проявления замечательного мужества, силы, ума и воли советского человека, читаются и поныне книги тех лет, посвященные описанию «новостроек». Тогда прочно вошло это слово в язык советского общества.

Широко известны стали имена новых героев, знатных людей страны, которые становились в ряд с именами ветеранов гражданской войны. Формировалось новое понятие высокого социального престижа, который зависит от трудовой доблести. Для мировоззрения масс это имело огромное значение, ибо трудовая доблесть становилась важнейшей категорией морального сознания, вытесняя прежние представления, связанные с миром частнособственнических отношений.

Совершался исторический поворот в сознании основных масс крестьянства, которое переходило на путь коллективизации. В 1929 году государством были организованы машинно-тракторные станции, которые оказывали большую помощь создающимся колхозам. Дело заключалось не только в том, что в деревню из города пришли сложные сельскохозяйственные машины, туда пришли и рабочие. В машинно-тракторные станции и колхозы влились многие тысячи передовых рабочих, имевших большой организационный опыт, обладавших высокой политической сознательностью. Тип такого рабочего — организатора и воспитателя новой деревни увековечил Михаил Шолохов в лице Давыдова — героя романа «Поднятая целина». Под воздействием этих замечательных организаторов больше стали выдвигаться из среды крестьян люди нового облика.

Расслоение среди старой интеллигенции в этот период, воспитательная работа, которую проводила Коммунистическая партия с кадрами этой интеллигенции, привело к тому, что большинство работников умственного труда все решительнее связывало свою судьбу с делом трудового народа. Лишь небольшая группа среди старой интеллигенции продолжала еще надеяться на возвращение своих прежних хозяев, вела себя как «внутренняя эмиграция» в стране, являлась носителем буржуазной идеологии.

В суровой политической и идеологической борьбе против кулачества, против сторонников сохранения буржуазных отношений в стране, в том числе и против правых оппортунистов и «левых» капитулянтов, против бухаринцев, троцкистов и т. д., крепло социалистическое сознание масс, их уверенность в том, что путь к победе социализма в нашей стране есть путь индустриализации и коллективизации. И важнейший рубеж в развитии социалистического сознания масс был взят. Переделка мировоззрения пошла вглубь, в массах советского народа утверждалась мысль, что можно и должно жить без частнособственнических отношений между людьми. Так создавались предпосылки морально-политического единства всего народа, для формирования единого социалистического мировоззрения всех трудящихся нашей страны.

Изменился культурный облик населения СССР. Это был итог огромной воспитательной работы партии и государства в массах, а вместе с тем важная предпосылка для постановки и решения новых задач в области воспитания. Неграмотность была ликвидирована, осуществлено было всеобщее начальное обучение.

Передовики производства, новаторы, талантливые организаторы трудового процесса, люди высоких моральных качеств, критерием которых выступает честное отношение к общественному долгу, к труду, становятся общественными и политическими деятелями, которых хорошо знает страна.

В области промышленности в эти годы родилось могучее движение за освоение новой техники. На заводы, вооруженные новой техникой и построенные в годы пятилеток, пришли новые рабочие, которые вчера еще были крестьянами. Западные идеологи пророчили, что эти рабочие не справятся с новой техникой, что они ее разрушат своими неумелыми руками. Этим надеждам не суждено было оправдаться. Рост сознательности и культурно-технического уровня рабочего класса был обязательным требованием жизни и стал одной из важнейших предпосылок дальнейшего прогрессивного развития общества. Передовые люди рабочего класса, возглавляемые коммунистами, показали образец, как надо бороться за новую технику и чего при умении можно достичь с ее помощью. Имена этих людей стали широко известны по всей стране. В этом движении рабочих за овладение передовой техникой, которое показало рост сознательности и культурно-технического уровня рабочего класса, крылось начало того процесса, который неминуемо ведет к ликвидации отличий между рабочим и инженером, между умственным трудом и физическим. Это были первые проблески сближения уровня культурного развития рабочих с инженерными работниками. Стахановское движение воплощало социалистический принцип работать по способностям, проявлять в труде все свои способности,

а следовательно, развивать эти способности, обогащать духовные возможности личности и всего коллектива.

Это было начало того процесса, который своего расцвета достиг в наши дни, когда передовые рабочие выступают с докладами о своем опыте перед учеными, пишут книги об этом опыте и по своему культурному уровню уже не отличаются от интеллигенции.

Полная независимость от корыстных интересов буржуазии радикально изменила социальное положение и сознание такой социальной группы, как интеллигенция. Деятели культуры все более глубоко и отчетливо имели возможность осознать, что для них наступила эпоха товарищеского сотрудничества с рабочими и крестьянами. Это означало изменение «в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы при независимости от корыстных интересов класса капиталистов»¹⁹, как замечательно писал Ленин. Деятельность интеллигенции отныне была подчинена общественной пользе; осознание этого факта создает новые устои ее мировоззрения. Это создает огромное моральное удовлетворение своей деятельностью, плоды которой высоко оцениваются всем обществом, это становится важным стимулом культурного прогресса.

Произведения советской литературы и особенно ее крупнейших мастеров, обогативших духовную жизнь народа, бурный подъем советской науки широко известны во всем мире, развитие советского театра и кино, выдвинувших плеяду подлинных новаторов, повлиявших на развитие искусства во всех странах мира, — таковы итоги изменений, происшедших в социальном положении и сознании интеллигенции. Сформировалась новая интеллигенция, которая по своему происхождению и по своему положению тесно связана с народом и неотделима от народа. Судьба этой интеллигенции не только не может противопоставляться судьбе народа, но, более того, ее настоящее и будущее полностью зависит от успехов и достижений рабочих и колхозников, которые создают материальную основу ее деятельности, дают содержание этой деятельности, оценивают результаты труда интеллигенции, определяют престиж каждого и всей социальной группы в целом.

В Советском Союзе должны были измениться и действительно изменились такие веками существовавшие элементы социальной и идейной жизни, как национальное самосознание народов. Нации на протяжении всей истории их существования состояли из буржуазии и трудящейся массы. Ныне в Советском государстве буржуазия перестала быть компонентом нации. Тем самым открылись новые возможности для развития нации и для корен-

¹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 351.

ного изменения их самосознания. Происходило сближение наций, ибо почва для национальных антагонизмов исчезла, а исторически сложившиеся предубеждения были обречены на ликвидацию в ходе единого, общего социалистического развития. Отныне социальное развитие не воздвигало перегородок между нациями, а вело к устранению создавшихся ранее. Революция осуществляла юридическое равенство всех наций, населявших страну. Социалистическая перестройка всей страны неуклонно вела к установлению фактического равенства наций, поднимая слабые, отстававшие в экономическом отношении районы, вовлекая все нации в единый поток величайшего социального созидания и борьбы, объединения их общей для всех социальной структурой.

Так складывался идейный облик советского человека, высокие моральные качества советских людей. Их глубокая идейность, преданность принципам социализма и советского патриотизма были проверены самой тяжелой во всей истории человечества Великой Отечественной войной. Насажждение капитализма вооруженной рукой извне оказалось безнадежной затеей. Значительная часть страны была оккупирована армией фашистской Германии, но привить капитализм советским людям на этой части территории оказалось невозможным. В обществе, которое не знает внутренних антагонизмов, в котором воспитательная работа Коммунистической партии дала огромные результаты, сложилось невиданное политическое единство народа, пробудились величайшие материальные и моральные силы для отпора врагу. Это общество создало прекрасные командные кадры и замечательных солдат, которые провели великие битвы, породило инженера и рабочего, обеспечивших перебазирование промышленности и рост военной техники, вызвало активность колхозного крестьянства, которое, преодолевая большие трудности, производило продовольствие для страны и армии. Период послевоенного восстановления народного хозяйства, которое произошло в чрезвычайно короткие сроки, также показал огромные материальные и моральные потенции советского общества.

Программа КПСС указывает наши задачи во всех сферах общественной жизни, намечает основные контуры прогресса нашего общества в области экономики, его социальной и политической организации. Огромное внимание уделено интеллектуальному и моральному прогрессу человека. Здесь основная задача общества состоит в преобразовании сознания людей в духе коллективизма, трудолюбия и гуманизма. Воспитание этих основных черт сознания людей происходит в процессе их активного участия в строительстве коммунизма.

Советского человека отличает его мировоззрение, построенное на научной основе. Коммунистическая партия добивается, чтобы все советские люди глубоко понимали ход и перспективы мирового развития, правильно разбирались в событиях внутри страны и на международной арене, сознательно строили жизнь по-коммунистически. Массы овладевают все глубже научным коммунизмом, идеями марксистско-ленинского учения. Формирование мировоззрения означает также формирование морального сознания, характера поведения человека.

В центре всей воспитательной работы ставится развитие коммунистического отношения к труду. Заповедь нашего общества гласит: труд на благо общества — священная обязанность человека. Жить за счет труда других нельзя. Всякий труд на благо общества — как физический, так и умственный — уважаем и почитен.

В нашем обществе по мере его развития все более возрастает роль моральных начал, расширяется сфера действия морального фактора в общественной жизни. Идет решительная и окончательная борьба против эгоистических, извращенных взглядов, правил и норм поведения, воспитанных веками господства эксплуататоров. Коммунистическая партия провозглашает те простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались. Наша мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками. Коммунистическое общество — высший, закономерный этап в моральном развитии человечества.

Особо важное значение в нравственном развитии общества имеет революционная мораль рабочего класса. Эта мораль развивается и обогащается в ходе строительства нового общества. Такое развитие и позволяет Коммунистической партии выдвинуть сегодня рожденный жизнью моральный кодекс строителя коммунизма, включающий высокие нравственные принципы.

Социальные условия советского общества дают огромные возможности для того, чтобы эти принципы стали основой деятельности всех членов общества, чтобы осуществлялось безграничное моральное и интеллектуальное развитие личности человека.

Вместе с тем процесс формирования нового человека, разумеется, не может быть стихийным. Программа КПСС указывает на необходимость неуклонного возрастания во всех сферах общественной жизни роли и значения нашей Коммунистической партии, ее политической, идеологической и организационной работы, а также повышения роли таких организаций трудящихся, как профессиональные союзы, Коммунистический союз молодежи, кооперация, научные и научно-технические общества, организации изобретателей и рационализаторов производства, куль-

турно-просветительные, спортивные общества, союзы работников литературы, искусства, журналистики и т. д. Народ — решающая сила строительства коммунизма. Только высокая ступень организации его материальных и духовных сил обеспечивает победу коммунизма. Коммунистическая партия — коллективный организатор и вождь этой борьбы за коммунизм. Партия существует для народа, в служении ему видит смысл своей деятельности. Этой прекрасной мыслью пронизана и вся Программа КПСС, этой мысли подчинены все ее положения и требования.

В новых условиях конкретизируется и развивается положение, выдвинутое революционным марксизмом в противовес утилитарному социализму и реформистам, что новый человек не выводится в «теплицах», а формируется в борьбе и труде по строительству нового общества. Именно эта мысль положена в основу соответствующего раздела Программы КПСС.

Сфера так называемой частной жизни в условиях строя, основанного на господстве частной собственности, считается самой широкой сферой. Частным делом признаются порядки, установленные капиталистом на своем предприятии, частное дело — отношение к жене, детям, к товарищам по работе и т. д. и т. п. При перестройке общественных отношений на социалистических началах, конечно, подверглась изменению и так называемая сфера частной жизни. Уничтожение господства корысти в сфере общественных отношений не могло не воздействовать на все формы отношений между людьми, в том числе и на такие, как дружба, любовь и т. д. Дальнейшее развитие социалистических производственных отношений, включающих дружбу и взаимную помощь, требует все более глубокого изменения всех навыков и привычек поведения человека и его отношений к другим людям. Даже такие, казалось бы, сугубо личные качества, как нетерпеливость, отсутствие выдержки у того или иного члена коллектива, могут стать тормозом в деятельности производственного коллектива. Если в сфере так называемых личных отношений у человека проявляются те или иные черты старого мировоззрения, например, себялюбие, индивидуализм, то такие черты характера и мировоззрения неизбежно проявятся в той или иной форме и степени также в общественной деятельности человека. Требования к переделке мировоззрения и характера личности углубляются по мере развития социалистического общества.

В период развернутого строительства коммунизма сфера общественной жизни все больше и больше вовлекает все стороны личности человека, становится ареной для проявления всех его многогранных способностей и свойств, в том числе и его морального сознания. Все более расширяется и растет творческая инициатива масс, их самостоятельность охватывает все стороны общественной жизни, повышается значение производственных

коллективов, общественных организаций и соответственно возрастает роль каждого члена коллектива.

Это не значит, что сфера личной жизни обедняется. Наоборот, личная жизнь человека обогащается. Бурное кипение общественной жизни возвышает и личную жизнь человека. При этом никакой пропасти между общественной и личной жизнью человека не существует. Для буржуазного общества характерно именно представление о глухой стене, отделяющей общественную от частной жизни человека: человек отбыл свою службу и вместе с рабочей одеждой он может снять с себя свое общественное лицо. Этого представления не может и не должно быть в нашем обществе, человек сохраняет свое лицо члена коммунистического общества во всех сферах своей жизни, во всех жизненных ситуациях. Это обогащает его личную жизнь, дает ей высокие принципы и идеалы. С другой стороны, для человека коммунистического общества и общественное дело воспринимается как его личное дело, непосредственно его касающееся.

Высокая сознательность — отличительное свойство всего советского народа в целом. Однако в настоящее время было бы преждевременным утверждать, что каждый советский человек уже обладает цельным коммунистическим мировоззрением, охватывающим все стороны жизни, что в своем поведении он руководствуется исключительно нормами коммунистических отношений между людьми. Один — хорошо работает на производстве, но в быту, в семье в той или иной мере находится под бременем старых норм морали и поведения. Другой не изжил в себе индивидуализма и поэтому моральные стимулы к труду подменяет честолюбием, любовью к славе и почестям. Третий накопил известные научные знания, но не изжил в своем сознании некоторых предрассудков. Таким образом, усвоение массами основ нового мировоззрения, норм морали и поведения нельзя себе представлять как процесс, который с механической точностью и абсолютной равномерностью охватывает в одинаковой степени полностью все сознание каждого. Проникновению полностью все сознание каждого воспитательная работа была программа КПСС требует, чтобы наша воспитательная работа была направлена на формирование цельного мировоззрения строителя коммунизма. Это выдвигает огромные требования в области воспитательной работы. Одна из важных ее задач: «достройка», расширение и углубление мировоззрения всех членов общества, повышение их сознательности.

В рассказе писателя Л. Пасенюка «Глаз Тайфуна» человек, зараженный мещанством, обывательщиной, рассуждает так: «...Я хоть человек беспартийный, но сознание у меня высокое, ну, нравственность, скажем... И все же я допускаю, что даже при моих убеждениях можно иметь вполне простительные человеческие»

ские слабости, некие моральные изъяны. Главное — быть прямым в основных идеологических и моральных вопросах. Я допускаю в человеке, подобно мне, отклонения от абсолюта!»²⁰. Самое плохое в этой «философии» то, что грани, отделяющие «основное» от «второстепенного», весьма подвижны и для иного «основное» может превратиться лишь в общие фразы, декларации, заверения, а «второстепенное» может при этом захватывать почти все поведение человека, ибо большое, как известно, складывается из малого, повседневного. Конечно, людей, которые совершенно сознательно проповедают подобную «философию», у нас немного. Но имеется значительное количество людей, у которых существуют противоречия между некоторыми их привычками, привычками, оставшимися от старого, и их мировоззрением, основа которого уже изменилась, но переделка его еще не завершена. Можно сказать, что у таких людей мировоззрение еще не построено.

Изъяны в психологии людей, остатки навыков и привычек, в течение столетий культивировавшихся эксплуататорским обществом, в котором господствовали социальные отношения, уродовавшие личность, становятся сейчас серьезной помехой в воспитании нового человека. Изменения в идеологии должны быть неразрывно связаны с изменениями и в психологии масс. Изъяны в психологии людей — тормоз для коммунистического воспитания, почва для возрождения тех или иных предрассудков, неправильных представлений, чуждых буржуазных идей.

Высокая сознательность, проникая во все сферы духовной жизни человека, во все его практические дела, неизбежно переделывает и *психологию людей*. Такая переделка психики и характера человека имеет огромное значение в коммунистическом воспитании. Нельзя, чтобы человек рассуждал по общим вопросам более или менее правильно, но в своем психическом облике сохранял в той или иной мере черты мещанства, обывателя. Ленин подчеркивал, например, значение борьбы против таких явлений в психическом складе людей, в их поведении, как «рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию»²¹.

Бесхарактерность — такая черта психического облика, которая и способного человека может превратить в малоценного члена общества. То же можно сказать и о невыдержанности характера, когда поведение человека отличается постоянными переходами от увлечения к унынию. Индивидуализм, обособленность, нелюдимость — преграда на пути усвоения мировоззрения коллективизма и выработки соответствующих норм поведения. Все эти черты — наслоение веков, уродовавших психический строй

человека. Буржуазные психологи возводят такие черты психики к извечным свойствам абстрактной природы человека. Это, разумеется, неверно. Всегда, конечно, будут существовать люди более и менее общительные, более и менее возбудимые и т. д. Но речь идет не об этом. Индивидуализм — это черта характера, воспитанная веками господства уродливого мира частнособственнических отношений.

Идейно-воспитательная работа, следовательно, требует такого повышения коммунистической сознательности, которое оказывает решающее влияние на весь психический облик человека, на все его поведение.

Идейно-воспитательная работа должна иметь своим результатом не только рост положительных знаний, в том числе и политических знаний в массах народа, но и оказывать огромное влияние на строй психики человека, на его привычки и характер, на все его поведение, на все стороны его деятельности.

Коммунизм требует от человека высокого морального сознания, такого чувства долга перед обществом, которое выступает не как что-то внешнее по отношению к личности, а как ее внутреннее побуждение. Познавание важнейших закономерностей развития общества, перспектив, раскрытых партией, и задач, поставленных для достижения этих перспектив, становится основой мировоззрения и важнейшим побуждением к деятельности членов общества, создает в итоге высокое моральное удовлетворение этой деятельностью. Еще несколько лет назад в ряде случаев можно было бы столкнуться с психологией, для которой характерно правило: «моя хата с краю — ничего не знаю». Сегодня такие черты сознания уходят в прошлое. Задача состоит в том, чтобы высокое сознание общественного долга было присуще всем и каждому члену общества. Такого программного требования нашей партии. И надо сказать, что примеры проявления развитого чувства долга перед обществом становятся в нашей повседневной жизни все более обильными и многообразными. Общее дело и его интересы становятся интересами всех и каждого.

Принцип частнособственнического мировоззрения «моя хата с краю» вытесняется из сознания масс широким и глубоким интересом к общественным делам и чувствам общественно-го долга.

О большой честности, принципиальности и требовательности к самому себе говорят такие красноречивые факты: рабочие, изыскав дополнительные возможности повышения производительности труда, обращаются к руководству своих предприятий с предложением соответствующей платы. Этот почин не остался без увеличения заработной платы. Только на заводе «Динамо» стоянием лишь отдельных рабочих. Только в Москве его уже он нашел около 200 последователей, а всего в Москве его уже

²⁰ «Огонек», 1961, № 26, стр. 20.

²¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 27.

поддержали на различных предприятиях несколько тысяч человек.

Чувство общественного долга не замыкается лишь производством, оно простирается на различные сферы нашей многообразной общественной жизни. В Волгограде, например, созданы сестринские бюро по уходу за больными на общественных началах, в которых принимают участие многие трудящиеся города; на их счету не одна тысяча посещений больных. Подобных примеров наша жизнь рождает с каждым днем все больше и больше. Так, работницы одной из бригад коммунистического труда Первого Московского часового завода приняли обязательство: оказывать повседневную помощь в воспитательной работе сотрудникам детской комнаты отделения милиции своего района; домохозяйки-активистки ряда районов Москвы берут на себя обязательство благоустроить свои дома, создать библиотеку в красном уголке; учителя ленинградских школ на общественных началах организуют университеты для родителей; врачи гор. Ростова-на-Дону отказываются от частной практики и проводят на общественных началах консультации; студенты многих институтов помогают открывать детские сады на общественных началах и т. д.

О том же развитом чувстве общественного долга говорят факты, когда участники соревнования за звание коллективов и ударников коммунистического труда состоят в народных дружинах по охране общественного порядка, выступают активными борцами против хулиганства, пьянства, сквернословия, грубости и других антиобщественных явлений и пережитков, унаследованных от капитализма.

Там, где есть живое чувство общественного долга, там важнейшими моральными устоями личности считаются честность, справедливость и принципиальность в большом и малом. Самое представление о «большом» и «малом» в трудовой деятельности человека меняется.

Важно отметить, что в наше время высокая моральная оценка обществом труда человека, а также высокая научная и техническая оснащенность труда, успехи механизации и автоматизации создают такое положение, когда исчезает различие между более почетными и менее почетными видами трудовой деятельности.

Каждый человек, на каком бы он участке ни работал, ощущает и сознает неразрывную и непосредственную связь своей деятельности с разрешением великих задач, которые решает общество, которые выдвинуты партией.

В нашем социалистическом обществе труд оказывает влияние на все стороны личности человека, выявляет его многообразные способности. В труде развивается ум человека, его сметливость, умение быстро соображать, схватить и понять главное,

умение следить и за так называемыми мелочами. Требование социалистического общества трудиться по способностям предполагает, во-первых, необходимость развивать эти способности в процессе труда во имя общего блага, ибо способности, если их не развивать, глоснут. Во-вторых, это предполагает и требование уметь применять свои способности в труде, требование учиться применять эти способности. Речь идет, следовательно, о формировании человека, без принуждения отдающего свои способности обществу, развивающего и проявляющего в полной мере свои способности в труде на общее благо.

В период развернутого строительства коммунистического общества обогащаются новым содержанием и еще остающиеся старые профессии, которые требуют значительного развития личности и способностей трудящегося. Ныне деятельность пастуха требует больших знаний в области животноводства и немалых способностей, а отношение к любому виду работы измеряется тем, насколько честно, умело и беззаветно человек этим видом труда служит обществу, насколько он вкладывает в дело свои способности, отдается ему душой. У нас есть пастухи со законченным средним образованием, продолжающие учиться, становящиеся серьезными специалистами в области животноводства. Почет окружает и этот вид деятельности.

Наполнение труда большим духовным содержанием, превращение его в общественную деятельность, устранение наиболее тяжелых работ из трудового процесса за счет механизации и автоматизации все больше ведет к тому, что в коммунистическом труде стираются существенные различия между умственным и физическим трудом, между трудом в деревне и в городе. Коммунистический труд постепенно как бы расплавляет в своем горниле эти существенные различия. Физический труд все больше и больше требует умственной деятельности, серьезной подготовки, знаний и, как уже говорилось, широкого политического кругозора. Обучение работников умственного труда все больше требует усвоения ими знаний и приобретения опыта в области физического труда.

Требования общества по отношению к своим членам включают в первую очередь требование коммунистической сознательности. Ленин, дав замечательное определение коммунизма, указал и наиболее характерную черту коммунистической сознательности: «Коммунизм есть высшая, прогив капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих»²². Из этого ленинского определения вытекают и те повышенные требования, которые предъявляет общество ко всем своим членам в

²² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 22.

период развернутого строительства коммунизма и которые нашли свое выражение в Программе КПСС.

Нужно не только желание, стремление принести своим трудом пользу общему благу, но нужно во все возрастающей степени умение приносить эту пользу. Этому и требует общество от строителей коммунизма. Причем такое умение предполагает и выдержку, достаточную стойкость характера, психологию, которая исключает внезапные переходы от порыва к унынию или бездеятельности. Это не значит, конечно, что исключается порыв, энтузиазм, революционная романтика в деятельности советских людей. Наоборот, советские люди показывают в период развернутого строительства коммунизма прекрасные образцы трудового героизма, подвигов во славу нашей Родины.

Но дело заключается в том, что в современных условиях подвиг требует умения, значительных знаний, крепкого и цельного мировоззрения. Именно поэтому подъем целины стал школой политического и культурного воспитания миллионов советских людей. Вся практика строительства коммунизма — такая школа, в которой вырабатываются цельное мировоззрение, стойкий характер, высокое моральное сознание.

Коммунистическое воспитание предполагает выработку в массах народа нового отношения к знанию. Буржуазные социологи много пишут относительно «социологии знания», о месте и роли научных знаний в социальном процессе. Но эти труды, отличающиеся схематизмом, абстрактностью, присущими идеалистическому методу, только запутывают этот важный вопрос.

Если говорить о «социологии знания», то следует отметить, что роль знания и отношение к знанию в корне различны в социалистическом обществе и обществе эксплуататорском. В период развернутого строительства коммунизма происходит решительная и непримиримая борьба против всяких пережитков буржуазного отношения к знанию. Буржуазия всегда считала, что знания хороши лишь постольку, поскольку они могут содействовать наживе, буржуазия всегда боялась, чтобы знания, приобретенные ее слугами — рабочими, не объединились в их сознании в стройное и цельное мировоззрение. Дворянское отношение к знанию, как к забаве, и уродливо корыстное буржуазное отношение к нему — нам одинаково чужды.

Если вдуматься в те требования, которые Программа КПСС выдвигает в отношении образования и воспитания в их неразрывной связи, то следует подчеркнуть, что трудящимся — хозяевам новой жизни надо стремиться к тому, чтобы полученные знания объединялись в систему, надо настойчиво учиться мыслить и рассуждать научно и принципиально при решении практических вопросов, добиваться усвоения правильных представ-

лений о силах природы, представлений, исключающих всякую веру в сверхъестественное, непознаваемое и т. д. Коммунистическое воспитание предполагает также правильное понимание массами социальных сил, понимание, которому одинаково чуждо и суеверное рабское преклонение перед этими силами, и их игнорирование за счет различных субъективных идеалистических вывертов и иллюзий. Коммунистическое воспитание предполагает и правильное понимание роли человека, его сил и возможностей, понимание, исключающее дух раболепия, забитости или дух разнузданного, раздутого индивидуализма. Эти правильные представления становятся основой всей деятельности, всего поведения человека, побуждают его к правильным действиям, что закаляет и характер человека, формирует весь его психический облик.

Изучение законов природы, естественных наук в нашем обществе неизбежно происходит в тесной связи с изучением экономической и социальной жизни общества, тех задач, которые решает наш народ в области производства, экономики, используя данные науки. Когда человеку становятся совершенно ясны великие идеалы коммунизма, изложенные в Программе КПСС, а следовательно, ясны конечные и непосредственные цели его повседневной трудовой деятельности, тогда высокая коммунистическая сознательность пробуждает творческую инициативу и активность советского человека в труде, коллективный рационализаторский опыт, новаторское дерзание. Все это коренным образом меняет духовный облик человека.

В эксплуататорском обществе, как подчеркивал Маркс, «социальная сила, вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают...»²³.

Только в условиях коммунистической формации человек имеет все возможности для правильного понимания и овладения общественными силами. В этом ему огромную помощь оказывает марксистско-ленинская наука, знание закономерностей общественного развития, их диалектики.

Воспитание неотделимо от образования, ибо коммунистическое мировоззрение есть мировоззрение научное. Воспитание и образование неотделимо от деятельности формирования мировоззрения и психического склада нового человека в каких-то резортах или теплицах. Правильные навыки и представления у человека могут сформироваться лишь в труде, на основе трудо-

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 33.

вого процесса, в ходе деятельности на благо общества. Для этого наш общественный строй представляет безграничные возможности.

Сочетание знаний с трудовым процессом приводит не только к тому, что эти знания, подтверждаемые практикой, становятся более отчетливыми, менее отвлеченными, но и сами обогащаются, углубляются. Сочетание хороших теоретических знаний и трудового процесса толкает мысль к рационализаторскому предложению, к усовершенствованию, к новаторству, к открытию.

Это приводит не только к выдвижению ряда серьезных научных проблем, не только к появлению рационализаторских предложений, но и к постановке и решению больших технических задач целыми коллективами. Так, на московском заводе «Манометр» группа товарищей выступила с предложением, чтобы в результате соревнования в канун XXII съезда КПСС выпускаемые заводом приборы служили бы раза в два дольше, чем они служат теперь.

Были разработаны необходимые конструкторские предложения. В соответствии с этим каждый рабочий (токарь, слесарь, слесарь-сборщик, механик и др.) взял на себя обязательства, выполнение которых ведет к увеличению долговечности и повышению качества прибора. Секретарь заводской организации комсомола на городском собрании 24 мая 1961 года хорошо говорил об одной из важных сторон этого начинания: «Смысл этих обязательств — подняться рабочему на ступеньку выше по своему техническому и общеобразовательному уровню. Если рабочий изготавливал деталь, то теперь он обязуется изготавливать деталь на класс выше по чистоте и долговечности».

Поставленная большая производственная задача, таким образом, требует как обязательного условия для ее решения подъема общеобразовательного и технического уровня рабочих, а также большой воспитательной работы. На том же заводе «Манометр» это дело поставлено таким образом, что когда в цех приходят молодые рабочие и происходит их обучение производственному процессу, то товарищи помогают им на общественных началах. Создается школа коммунистического труда, руководит которой наиболее подготовленный товарищ. Консультации по теоретическим вопросам ведут специалисты. Группа работает 5—6 месяцев в зависимости от сложности осваиваемых операций. В результате рабочие, обучавшиеся в этой школе, получают необходимые практические навыки, повышается их разряд, увеличивается количество деталей, выпускаемых с отличным качеством, уменьшается брак.

Уже те или иные обязательства, которые берут бригады или отдельный рабочий, требуют не только расширения технического кругозора, но и знаний в области экономики производства, уме-

ния находить еще не использованные резервы для выполнения важнейших задач предприятия, неразрывно связанных с общими государственными задачами данной отрасли промышленности и всем семилетним планом в целом. Возьмем, например, почи бригады токарей механического цеха завода им. Владимира Ильича, которую возглавляет А. А. Кубарев. Она решила добиться наивысшей производительности труда на каждом рабочем месте и обязалась к концу 1962 г. увеличить производительность труда в два с половиной раза против фактического уровня, достигнутого в 1961 г. По примеру передовой бригады весь коллектив завода вступил в соревнование за достижение наивысшей производительности труда, комплексное использование всех внутренних резервов производства. Такие обязательства, всех внутренних резервов производства. Такие обязательства, несомненно, показывают политическую зрелость рабочих, их широкий политический кругозор, государственный масштаб их мышления.

Коммунизм — великая сила познания человеком законов развития природы и общества. Коммунизм — великий социальный идеал трудящихся. Коммунизм одновременно включает и их моральный идеал, ибо коммунизм означает формирование морального облика людей, которые сбросили с себя тяжкие оковы представлений, привычек, настроений и правил поведения, порожденных веками господства частнособственнических отношений, создали высокие моральные требования коллективизма и гуманизма, новые взаимные отношения людей, основанные на дружбе и товарищеской взаимопомощи.

Огромное значение имеет тот факт, что в период развернутого строительства коммунизма наша партия в своей воспитательной работе располагает возможностью опереться и опираться на положительный опыт трудящихся, которые достигли уже больших успехов на пути к тому, чтобы принципы коммунизма стали основой всей их деятельности и поведения. В Программе КПСС подчеркивается задача воспитания людей именно на положительных примерах.

В нашем обществе особенно большую роль играет сила примера, воспитание людей на положительных примерах тысяч и тысяч труженников, которые проявляют образцы высокой коммунистической сознательности и замечательные качества психического склада, получившего название «советский характер».

Воспитательную силу примера в советском обществе, как уже указывалось, в свое время подчеркивал В. И. Ленин. В период развернутого строительства коммунизма, когда растет инициатива и самостоятельность масс, сила примера приобретает еще большее воспитательное значение, становится важнейшим фактором общественной жизни.

На чем основана эта сила примера? Еще старые социологи домарксовской поры правильно заметили, что если бы индивидуум был предоставлен только самому себе, то его духовное развитие мало чем отличалось бы от животного. Общественное влияние на личность часто проявляется в виде примера, который учит, как следует действовать, как вести себя в тех или иных жизненных условиях. Накопление в сознании человека различных влияний, направленных в одну и ту же сторону, — результат общественного воздействия, общественного мнения. Это влияние в социалистическом обществе не подавляет личность, а в конечном счете только содействует выявлению ее способностей и возможностей. Сила воздействия коллектива приводит человека к усвоению таких правил, которые становятся для него обычными и привычными. Конкретные примеры дают возможность индивидууму усвоить, что «так не делают», «так не поступают». От правильной организации жизни коллектива зависит, чтобы пример наиболее честных, высоконравственных и идейных людей доминировал, пользовался бы наибольшим престижем. В жизненный опыт человека входят те примеры, которые он усвоил и которые оказали на него глубокое влияние. Совсем не следует думать, что сила примера предполагает лишь простое подражание. Это грубейшая ошибка, которую постоянно допускают буржуазные социологи со времен реакционного теоретика конца XIX века Г. Тарда. На самом деле сила положительного примера пробуждает внутренние психические возможности человека. Сознание своей индивидуальности совершенно невозможно без влияния коллектива, без соприкосновения и тесного взаимодействия с другими индивидуальностями. Усвоенный пример может быть превзойден или может породить такие действия, которые переносят этот пример в иную область, что составит начало новой цепи, явится новым примером, подлежащим в свою очередь освоению. В силу такого процесса в движение за коммунистический труд вовлекаются все новые массы людей, оно растет вширь и одновременно обогащается по своему содержанию.

Движение за коммунистический труд, освоение опыта передовиков оказывает многообразное воспитательное воздействие. Получают широкое распространение новые навыки и методы труда, становятся достоянием масс примеры, образцы освоения и эффективного использования передовой техники, новаторства и рационализаторства. Пример передовиков исключает возможность механического его повторения, он показывает необходимость учиться, постоянно приобретать знания для того, чтобы трудовой процесс развивался. Деятельность передовиков является примером правильного отношения к делу, показывает новый путь, которым следует идти. Прогресс всегда в той или иной мере связан с первооткрывателями новых путей, с их почином, с

их творческой инициативой, с их примером, который должен быть освоен другими. Без деятельности масс превращение открывающихся возможностей в действительности неосуществимо. Прогресс — это, в конечном счете, деятельность народных масс, преодолевающих на своем пути препятствия и трудности, выдвигающих из своей среды передовиков, опыт которых должен стать достоянием всех.

Сила примера играет большую роль для формирования мировоззрения, характера и психического склада людей, в том числе для воспитания эмоций, чувств, умения привести в действие свою волю при определенных условиях, для достижения поставленной цели. Освоение положительного примера в социалистическом обществе имеет большое значение не только для развития разума человека, но и для правильного развития его чувств, его воли.

Без правильно воспитанных и направленных чувств и эмоций не может быть настоящего цельного человека, его служения великому делу, его горения во имя высоких идеалов. Ленин говорил, что «без „человеческих эмоций“ никогда не бывало, нет, и быть не может человеческого *искания* истины»²⁴. Надо только, чтобы эмоции человека, его чувства имели верное направление и находили правильный выход, не затмевали разум, помогали, не мешали человеку находить истину, идти вперед, не сбивали бы его с пути. Без воспитания цельного коммунистического мировоззрения, морального сознания не может быть и воспитания чувств, эмоций, как и различных сторон характера: воли, настойчивости, стремления преодолевать трудности.

Для победы принципов коммунизма в мировоззрении и в поведении людей в период, когда совершается переход общества от социализма к коммунизму, имеет огромное значение не только положительный пример, но и *контроль со стороны общественного мнения*.

Возьмем такие черты психики и характера, отмеченные Лениным, как «разгильдяйство, небрежность, перьяшливость, неаккуратность, нервная торопливость, склонность за все на свете дискуссней, работу — разговорами, склонность до конца...»²⁵. Все эти вредные черты психики и характера, привычки и навыки — наследие веков существования эксплуататорского общества. Каждое из этих отрицательных качеств может стать весьма опасным для общества, для коллектива. Человек, отягощенный такими отрицательными качествами, может серьезно подвести коллектив, даже и не обладая злой волей или чуждыми буржуазными взглядами.

²⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 112.
²⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 201.

Ленин указывал верный и прямой путь ликвидации таких отрицательных черт характера, психики в условиях советской действительности. Он подчеркивал необходимость «провести *практический контроль* за тем, чтобы слово превращалось в дело»²⁶. Слово не должно расходиться с делом — это и есть одна из замечательных черт характера, психического склада человека коммунистического общества. Для этого нужен контроль, который может и должен осуществлять и сам индивидуум и коллектив.

Контроль со стороны общественного мнения — важнейший рычаг самовоспитания. Если этот рычаг не приведен в действие, то дело самовоспитания человека может свестись к благим пожеланиям «самоусовершенствования».

В «Государстве и революции» Ленин, определяя важную характерную черту периода перехода от первой фазы развития коммунистического общества ко второй, писал, что «тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе», когда для туеядцев, баричей, мошенников и других «хранителей традиций капитализма», как их называл Ленин, сделается невероятно трудным уклоняться от всенародного учета и контроля, когда такие уклонения станут редчайшим исключением, будут сопровождаться быстрым и серьезным наказанием²⁷. В результате соблюдение несложных, основных правил всякого человеческого общества очень скоро станет привычкой.

Сейчас наступило время самой решительной борьбы с туеядцами, баричами и мошенниками, осуществления самых широких мер общественного контроля. Не только принуждение, но и высокая требовательность общественного мнения, его нетерпимость ко всем видам антиобщественного поведения играет большую роль в воспитательной работе.

Необходимо и силой закона и силой общественного мнения сделать так, чтобы туеядцам не было возможности уклоняться от труда, обходить закон: «не трудящийся пусть не ест».

Буржуазное общество, вобрав в себя многие представления эпохи рабства и крепостничества, благословило, как дозволенное, существование паразитов, туеядцев, эксплуатирующих чужой труд на том основании, что частная собственность священна и неприкосновенна. Капитализм объявил существование бездельников высшим требованием «свободы».

Социалистическое общество объявляет борьбу всякому паразитизму, туеядству, всяким попыткам узаконить порядки, при которых одни живут за счет других. Это главное в социалистическом обществе, его практическая заповедь. Неуклонное выпол-

нение этой заповеди создает определенное моральное сознание общества, нетерпимо относящегося ко всякому, кто хотел бы пожить за чужой счет. Это — одно из важных требований морального кодекса человека — строителя коммунистического общества, зафиксированное в Программе КПСС.

Принцип «тот, кто не трудится, пусть не ест» выражает и моральное сознание общества, его отношение к труду как важнейшей обязанности человека. Широкое распространение этого принципа, глубокое усвоение его всеми членами общества делает отношение к труду важнейшей моральной и интеллектуальной ценностью и подготавливает ту привычку трудиться на общее благо, которая, по указанию Ленина, характерна для коммунизма. Период развернутого строительства коммунизма воспитывает привычку находить в труде на общее благо удовлетворение и своих материальных и моральных потребностей. Воспитание этой привычки требует выработки уважения к общественному богатству, понимания, что удовлетворение материальных потребностей и высокое моральное удовлетворение человек получает, умножая богатство советского общества, а не расточая его. Эти идеи нашли свое яркое и четкое воплощение в Программе КПСС.

И сила примера, и осуществление контроля — все это предполагает развитие коллектива и его влияния на каждого индивидуума. В наших условиях чрезвычайно возрастает роль коллектива в формировании мировоззрения, психологии и поведения человека. Чем больше коллектив держит в поле своего внимания материальные и духовные запросы каждого своего члена, чем в большей степени вырабатывается дух коллективизма, тем меньше почвы, чтобы у кого-либо в коллективе появилась и проявилась психология одиночки. Деятельность сотен тысяч передовиков труда повышает моральную силу коллектива. Создаются чрезвычайно благоприятные условия для воздействия такого морально сильного и сплоченного коллектива на отдельных менее стойких своих сочленов, для товарищеской поддержки и помощи им со стороны коллектива.

Несколько лет тому назад одна молодая прядильщица московской фабрики имени М. И. Калинина была широко и печально известна среди своего коллектива как недобросовестная и по известна среди рабочих фабрики. Подруги по работе, члены бригады коммунистического труда приложили много усилий, чтобы перевоспитать ее, вовлечь в соревнование за коммунистический труд. И эти усилия не были напрасны. Под влиянием коллектива она стала одной из лучших работниц цеха. За хорошие производственные показатели и отличное поведение ныне ей присвоено почетное звание ударника коммунистического труда. Теперь она сама активно помогает другим работницам в овладении передовыми методами труда. Ею уже обучено 20 прядиль-

²⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 202.

²⁷ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 102.

щиц, многие из которых перевыполняют установленные нормы выработки пряжи.

Влияние морально сильного коллектива распространяется на многие стороны личной жизни его членов, особенно когда коллектив умеет откликнуться на те или иные важные события личной жизни своих членов. В этом проявляется моральное влияние коллектива, его поддержка, забота, помощь. Коллективизм и гуманизм — два требования, которые характеризуют облик человека нового общества и которые зафиксированы в Программе КПСС, неразрывно связаны между собой. Это проявляется во всей повседневной жизни.

Если на предприятии заботятся об удовлетворении духовных запросов человека, если создаются необходимые условия для продолжения образования, то это значит, что значительная часть духовных запросов каждого члена такого предприятия удовлетворяется коллективом, человек духовно живет в коллективе и с коллективом. Известны многочисленные хорошие примеры такой заботы коллектива об удовлетворении духовных нужд своих членов.

На многих наших предприятиях сложилась хорошая традиция — отмечать свадьбы, делать девушке, выходящей замуж, коллективные подарки. И для члена коллектива приятно и радостно отметить такой торжественный день именно в коллективе, видеть и чувствовать внимание к себе сотен людей.

Если человек может рассчитывать на помощь коллектива и в том случае, когда он попал в беду, находится в горе, переживает личные неурядицы, то и в этом случае мировоззрение коллективизма одерживает победу, а для настроений одиночества, для мироощущения одиночки исчезает всякая почва.

Если же в результате плохой постановки воспитательной работы уменьшается влияние коллектива на личность человека, то этим самым создается почва для рецидивов мироощущения и психологии одиночки, плохо связанного с коллективом. Следует помнить, что врожденных идей нет, нет и врожденных идей коллективизма. Возрождение же психологии одиночки, который не чувствует живой связи с коллективом, может привести к непомерному выпячиванию своего «я» в противовес коллективу, обществу. Отсюда прямая дорога к забвению своего долга перед обществом, к анархическому индивидуализму, девиз которого — «лишь бы мне было хорошо, а до остального мне дела нет!». Это — дорога к антиобщественным поступкам, к поведению отщепенца. Человек, оторванный от коллектива, не чувствует той великой силы, которую представляет собой коллектив, общество. В настроениях одиночки могут появиться нотки уныния, поиски иллюзорного выхода из одиночества, ложные утешения, когда одни ищут этого утешения в вине, другие — самоуспокоения в молитвах, песнопениях и проповедях о какой-

то сверхъестественной силе. В результате одни попадают в компанию пьяниц и хулиганов, другие — в церковные и сектантские общины, руководители которых подкарауливают таких отбившихся от коллектива людей.

Иными словами, слабость воспитательного воздействия коллектива на личность создает благоприятную почву для оживления различных пережитков капитализма в сознании отдельных людей. Борьба с этими пережитками — программное требование нашей партии, задача всего советского общества. Для того чтобы правильно организовать и вести эту борьбу, надо помнить, что в нашей стране нет целых социальных слоев, которые были бы в своей массе заражены пережитками капитализма. Посетели этих пережитков — отдельные люди, принадлежащие к разным слоям, есть такие люди и среди рабочих, и среди интеллигенции, и среди колхозного крестьянства. Почва для рецидивов пережитков капитализма всегда создается в результате постановки воспитательной работы на отдельных предприятиях, в отдельных коллективах. Устранение недостатков в воспитательной работе в каждом коллективе, дифференцированный подход к каждому человеку, к каждой группе людей — вот что обеспечивает нам полную ликвидацию всех пережитков капитализма в сознании людей. Огромная сила примера, помощь, а также контроль со стороны коллектива — это важные стороны воспитательного влияния коллектива на личность.

Душой каждого коллектива, его направляющей и руководящей силой является партийная организация. В период развернутого строительства коммунистического общества возрастает роль всех общественных организаций, всех коллективов трудящихся. И в первую очередь возрастает роль Коммунистической партии Советского Союза — роль того коллектива, который объединяет деятельность всех коллективов, во всех них участвует, мобилизует, направляет и организует великую энергичную массу.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ *

I

Содержание и формы идеологической борьбы империализма против социализма ныне претерпели серьезные изменения. Начать с того, что вопросами такой борьбы во все большей степени занимаются генералы из штаба НАТО, чиновники дипломатической службы, профессиональные разведчики, представители различных звеньев аппарата государственно-монополистическо-

* Статья напечатана в газете «Правда», 22 сентября 1968 г.

го капитала. Создана управляемая крупными центрами особая отрасль деятельности для всяких продажных перьев — антикоммунизм. Этим систематически занимаются все подчиненные государственно-монополистическому капиталу средства массовой информации — радио, телевидение, пресса. Словом, борьба против идеологии социализма стала одной из важных функций государственно-монополистического капитала и его политики.

К такой деятельности во все меньшей степени применимо понятие идейной борьбы в прежнем смысле. Не случайно выражению «идейная борьба» апологеты буржуазии предпочитают другое: «психологическая война». Организаторы этой «войны» не знают никаких ограничений в выборе оружия: «большая ложь», клевета, фальсификация фактов — все годится; материалы, способные отравить сознание, ценятся особенно высоко. В арсенале средств «психологической войны» — самые различные «операции»; среди них выделяется «наведение мостов», по которым можно было бы наладить доставку идейной контрабанды в страны социализма.

За десятилетия, истекшие после второй мировой войны, обанкротилась старая буржуазная теория, согласно которой с социализмом можно расправиться, приведя в действие вооруженную силу, экономические меры «удушения» и дипломатию «давления». Социализм показал огромную внутреннюю силу, способность развиваться как мировая система. Импералисты, не отказываясь от своей старой теории, вынуждены искать к ней поправки и дополнения. Поиски идут главным образом в одном направлении: нельзя ли найти способ для того, чтобы добиться желаемой «эрозии» марксистско-ленинской идеологии, как идейной основы социалистического общества, расшатать его политическую организацию и получить простор для антисоциалистической деятельности внутри той или иной страны.

Атаки реакционных сил на социалистические завоевания в Чехословакии наглядно показали эту тактику империализма в действии.

Центральный Комитет нашей партии на основе глубокого анализа сложившейся мировой обстановки своевременно и четко указал на возросшее значение идеологического фронта в нынешней борьбе между социализмом и капитализмом, вскрыл теснейшую связь между политической и идеологической формами этой борьбы на современном ее этапе. Все большее внимание этому фронту уделяют ныне братские марксистско-ленинские партии.

II

Теоретики и пропагандисты капитализма, активно участвующие в современной идеологической борьбе, очень не любят само понятие «идеология». Буржуазные идеологи выпускают кни-

ги о «конце века идеологии», кричат с пеной у рта о якобы наступившей «деидеологизации» духовной жизни человечества. Каковы же действительные цели, которые ставят себе эти ловцы незрелых умов, почему они так суетятся?

Дело заключается в том, что идеологи капитализма столкнулись с могучим противником и они понимают его силу: идеология социализма есть цельная и стройная система идей, взглядов, убеждений, глубоко разработанная, научно обоснованная, прошедшая и проходящая проверку на опыте многомиллионных масс, продолжающая развиваться на основе этого богатого опыта. Буржуазные теоретики не раз признавались, что они не в состоянии выдвинуть такой системы взглядов, которая могла бы привлечь массы. Поэтому долой понятие идеологии вообще, что значит прежде всего долой социалистическую идеологию.

Слащавая ложь во спасение капитализма, не выдерживает столкновений с правдой жизни. Суровый ветер эпохи разрывает паутину, сотканную буржуазными идеологами, и она повисает клочьями. Что осталось, например, сегодня от мифа о капитализме как «обществе всеобщего благоденствия»? А ведь это был один из китов, на котором строилась идеология капитализма. Бунты негритянской бедноты, доведенной до отчаяния, развеяли миф о США как стране «разных возможностей для всех». Все меньше людей верят лживым утверждениям, будто современное буржуазное общество является обществом «гуманизма и демократии». Разве можно скрыть вопиющие факты безжалостного и холодного истребления американскими «цивилизаторами» и «гуманистами» мирного населения, детей, женщин во Вьетнаме. Какая цена восхвалениям буржуазной демократии, когда в США среди бела дня, словно на охоте, преспокойно убивают сначала президента, затем его брата-сенатора и пастора-проповедника, не говоря уже о жертвах, остающихся «безымянными».

Палило глубокий кризис буржуазной идеологии, отражающий в конечном счете глубокий всеобщий кризис капитализма.

Защитники капитала, выступая против идеологии вообще, и прежде всего против марксистского мировоззрения, делают это под прикрытием грубых софизмов: цельность, стройность и принципиальность мировоззрения приравниваются без всяких оснований к «догматизму» и «доктринерству», а беспринципность и разорванность сознания объявляются его «свободой» и «независимостью».

Находятся некоторые люди из числа ревизионистов, которые, наслушавшись буржуазных идеологов, под флагом «борьбы против догматизма» атакуют верность принципам, проповедуют ликвидацию революционных убеждений, устоев социалистической идеологии, замену их набором модных буржуазных поли-

тических, философских и экономических теорий. Современный ревизионизм означает идейную капитуляцию перед капитализмом, отказ от социалистической идеологии как цельной и стройной системы идей, взглядов, убеждений, позволяющих трудящимся массам переделывать мир. В Чехословакии, например, ревизионисты прямо предполагали «демонтировать» марксизм-ленинизм, пытались доказать, что ленинизм якобы не интернациональное, а чисто «восточное» учение, не пригодное для развитых стран Запада. Ревизионисты хотели бы подвергнуть выветриванию классовое содержание социалистических идей, вплоть до отрицания борьбы между капитализмом и социализмом как важнейшей черты всей жизни современного человечества. Между тем социалистическая идеология сильна именно благодаря своей цельности, своей органической связи с жизнью, с практикой.

III

В современной борьбе капитализма против социалистической идеологии широко применяется и другой прием: буржуазные идеологи выступают за «множественность» идеологий, за их плюрализм. На самом деле они предлагают «на выбор» разновидности буржуазной идеологии. В США, например, это означает: хотите, придерживайтесь в политике взглядов демократов или республиканцев, хотите, примыкайте к откровенным фашистам. Аналогичный по своей сути «выбор» предлагается и в области философии, политической экономии, эстетики, этики и т. п. Одно лишь исключается категорически и бесповоротно: право разделять научную социалистическую идеологию, вести борьбу против идеологии буржуазной.

Применяя этот прием для достижения «эрозии» марксистско-ленинской идеологии, защитники капитализма утверждают, что в мире должны, дескать, существовать различные «социалистические» идеологии. Престиж социализма высок, и к нему тянутся новые социальные слои. Нельзя ли изобрести в противовес марксизму-ленинизму «другую социалистическую идеологию», другое, приемлемое для буржуазии, понимание социализма и пропагандировать затем это понимание.

Разрабатывается система «поправок» к идеологии социализма с тем, чтобы она стала «другой». Такая система поправок получила название «либерализации», т. е. различных послаблений по отношению к антисоциалистической деятельности внутри стран социализма. Эту систему называют также «демократическим социализмом», вопреки тому, что в условиях, когда политическая арена захватывается антисоциалистическими элементами, о социалистической демократии уже не может быть и речи. Это наглядно показал ход событий в Чехословакии.

Никакого «другого» социализма после возникновения и развития научного социализма быть не может, никакой «другой» социалистической идеологии, не основанной на марксизме-ленинизме, в наше время не может существовать, ибо нельзя отменить великий критерий истины — практику, опыт многомиллионных масс.

Ленин еще в начале века писал, что «вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет...». И делал необходимый вывод: «Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое* отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»¹.

Научный социализм потому и называется научным, что он целиком основан на научном анализе и не признает «равноправия» истины и заблуждения. Разумеется, поиски истины предполагают творческие дискуссии, обсуждения, но ведь и эти поиски должны вестись на основе научных принципов, неопровержимо установленных марксизмом-ленинизмом, проверенных опытом борьбы и побед.

Буржуазная пропаганда «плюрализма» социалистических идеологий направлена и на подрыв интернационального характера марксизма-ленинизма, социалистической идеологии. Буржуазные теоретики и ревизионисты тщетно пытаются перечеркнуть основные закономерности становления и развития социалистического общества, раскрытые марксистско-ленинской наукой.

Особенно много на Западе пишется книжек, брошюр и статей, в которых утверждается, будто социализм, построенный в Советском Союзе, применим только в условиях нашей страны. Но ведь старая царская Россия представляла собой в уменьшенном виде весь тогдашний мир империализма. И в этой стране не были индустриально развитые районы с рабочим классом, который по своей высокой организованности, сознательности и революционным традициям отнюдь не уступал рабочему классу других центров капиталистического мира. Опыт переделки на социалистических началах промышленности нашей страны вошел в сокровищницу марксизма-ленинизма, представляя собой большую ценность и для пролетариата развитых в индустриальном отношении современных капиталистических стран.

В нашей стране имелись аграрные районы, опыт развития которых на социалистических основах является примером для других стран, где преобладают аграрные отношения. Буржуазные теоретики испытывают страх, видя, как пытливый взор народов Востока обращается к расцветающим советским социалистическим республикам Средней Азии.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 39, 40.

Опыт строительства социализма в СССР показал также, что успешное созидание нового общества немислимо без руководящей роли рабочего класса и коммунистической партии, что оно предполагает преобразование духовной жизни общества — культурную революцию.

Таким образом, наш, советский, опыт содержит общие закономерности, без которых строительство социализма невозможно. Вместе с тем этому опыту присуще и специфическое особенное, вызванное своеобразными условиями развития Советской страны, что, естественно, не может быть механически перенесено на почву других стран, вступивших на путь социалистического развития.

Верность основным принципам марксизма-ленинизма, научного социализма, творческое применение их к условиям различных стран, непримиримая борьба с буржуазной идеологией и ревизионизмом — необходимая предпосылка успеха дела социализма.

IV

Существует также линия «пробивания брешей» в социалистической идеологии, которую проводят буржуазные пропагандисты. Она направлена на отдельные участки деятельности людей в области культуры, на проникновение буржуазных взглядов в науку, искусство, литературу, на проповедь творчества, «свободного» от интересов трудящихся масс, социалистического общества. Эта линия направлена также на подрыв экономической теории марксизма-ленинизма, его оценки современного империализма как последней стадии капитализма, оценки значения господства общественной собственности и планового начала как основы социализма. Идеологи буржуазии не скрывают, что «пробиванием брешей» они хотели бы добиться умаления руководящей роли партии в социалистическом обществе.

Разобщение великой армии труда, сильной своим единством, — главная задача «пробивания брешей». Буржуазные идеологи мечтают о том, чтобы оторвать интеллигенцию от рабочего класса или по крайней мере отдельные группы ее отстранить от общего дела борьбы рабочего класса и всех трудящихся за социализм. Яд буржуазного национализма, по их же расчетам, должен помочь разобщению трудящихся по национальному признаку.

Буржуазные пропагандисты стараются прежде всего «пробить брешу» в политическом сознании, чтобы дезориентировать, сбить с толку тех, кто мог бы поддаться их влиянию. С помощью клеветы, лжи и фальсификации они ополчаются против принципов социалистической демократии и в первую очередь против принципа демократического централизма, зная его ре-

альную силу. Известно, что социалистическая демократия есть высшая форма демократии потому, что она пробуждает широкую инициативу и активность трудящихся, полностью высвобождает их созидательную энергию во имя прогрессивного развития общества, ставит неодолимые преграды для всякой деятельности антисоциалистической, антинародной, стремящейся обратить развитие общества вспять или обречь его на застой. Принцип демократического централизма, последовательно проводимый во всей деятельности марксистско-ленинской партии, государства и общественных организаций, дает возможность пробуждать инициативу масс и в максимальной мере концентрировать усилия всех на решении общих задач, обеспечивает необходимые условия для максимальной эффективности действия миллионов масс трудящихся.

К сожалению, находятся люди, которые своими уступками в главном и принципиальном склонны соглашаться на подрыв политической организации социалистического общества, на ликвидацию руководящей роли марксистско-ленинской партии, на предоставление свободы деятельности антисоциалистическим элементам, а следовательно, на подготовку реставрации капитализма.

Такова роль ревизионизма, открыто действующего справа. Но «пробивание брешей» в социалистической идеологии под покровом «левых» фраз играет ту же роль. Стремление группы Мао Цзе-дуна разрушить социалистическую идеологию, фактически ликвидировать партию в Китае, которая руководствовалась бы принципами марксизма-ленинизма, создает засилье мелкобуржуазной националистической идеологии, означает вместе с тем застой и попятное движение общества, вступившего ранее на путь социалистического развития.

Наша партия ведет неустанную борьбу против всяких попыток расчленить единую социалистическую идеологию, «растачить» ее по национальным и региональным квартирам. Она прилагает максимум усилий к тому, чтобы укрепить единство мирового коммунистического движения на основе принципов марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма.

Социалистическая идеология имеет свою прочную основу в экономическом, социальном и политическом строе стран социализма. Эта идеология выражает коренные интересы рабочего класса и всех слоев трудящихся, которые он объединяет. Она выражает прогрессивные тенденции всемирной истории, и нет такой силы в мире, которая могла бы помешать ее успешному развитию. Социалистическая идеология находится не в обороне, а в наступлении.

Если социалистическая идеология в ходе борьбы против буржуазных идей и взглядов все более развивается и совершенствуется, все глубже проникает в сознание миллионов, то этого

отнодь нельзя сказать о буржуазной идеологии. В борьбе ее оруженосцев с идеологией социализма доминирует диверсионная, подрывная деятельность. Это свидетельствует о слабости буржуазных идей.

В условиях современного капитализма буржуазия вынуждена во все большей мере отказываться от старого наследия, которое уже не удовлетворяет ее нынешних классовых интересов. Это наследие главным образом связано с тем периодом, когда буржуазия была еще восходящим классом. Ныне для нее стеснительны многие важнейшие идеи прошлого. И, наоборот, рабочий класс, марксистско-ленинские партии выступают как законные наследники всего прогрессивного, что было в прошлом.

Вместе с тем идет и ширится процесс высвобождения от влияния буржуазной идеологии новых социальных слоев. Становятся все более заметными черты идейного кризиса среди буржуазной интеллигенции, многие представители которой выражают недовольство той узкой тропой, которую предлагают для применения их способностей и знания государственно-монополистический капитализм с его косной иерархией. Все больше слышится протестов против бездушия и духовной нищеты буржуазного общества, против «культы вещей и потребления». Ширится борьба, которую ведут коммунисты за распространение социалистической идеологии в рядах пролетариата и других идущих с ним слоев трудящихся. В странах, охваченных национально-освободительным движением, стремительно падает авторитет буржуазной идеологии, тесно связанной с политикой колониализма и неоколониализма, растет престиж идеологии социализма. Таковы факты.

В ожесточенной борьбе идей, которая ведется в нашу эпоху, победу одержат идеи социализма. Только социалистическая идеология отвечает насущным потребностям развития общества, всесторонне и полно выражает интересы, чаяния миллионов и миллионов трудовых людей на земле, отражает неодолимое движение современного человечества к социализму и коммунизму. За социалистической идеологией — правда жизни, а правда непобедима.

УКАЗАТЕЛИ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агностицизм в социологии 33, 78, 157, 160, 203
- Анархизм 264, 265, 448
- Анархо-синдикализм 392
- Антикоммунизм 173, 177—179, 182, 184, 198, 221, 227, 250, 314, 319, 365, 366, 383, 460, 512, 534, 536, 540, 670
- Борьба
 - антиимпериалистическая 452, 465, 531, 538
 - антифашистская 435, 458, 462, 465, 466, 472, 476
 - революционная 86, 118, 120, 126, 127, 258, 273, 325, 425, 450, 490, 491, 535
- Буржуазия 134, 141, 148, 152, 153, 159, 169, 185, 188, 191—193, 208, 262, 279, 282, 283, 290, 297, 303, 304, 331, 334, 377, 400, 413, 425, 436—438, 440—442, 446, 450, 459, 460, 464, 469, 478, 498, 500, 506, 514, 533, 542, 571, 597, 638, 660, 676
- Власть
 - буржуазная 104, 190
 - государственная 128, 197, 252, 281, 301—303, 429, 443, 454, 457, 488, 508, 644
 - революционная 55
- Война 63, 177, 180, 181, 223, 226, 256, 260, 278, 289, 299, 300, 305, 307—325, 329—332, 336—340, 342, 345, 347, 348, 364, 370, 417, 422, 424, 426—428, 431, 457, 458, 483, 484, 529, 543, 642
- возможность предотвращения 61—63, 65
- Государство
 - буржуазное 47, 68, 132, 133, 186, 188, 332, 435, 619
 - рабовладельческое 299, 301
 - социалистическое 271, 272, 295, 314, 323, 328, 329, 331, 332, 344, 348, 388, 393, 394, 465, 503, 519, 544, 569, 612
- Гуманизм 41, 42, 54, 63, 64, 107, 108, 110, 623, 668
- Диалектический метод 112, 239
- Диктатура
 - буржуазная 57, 393
 - пролетарная 14, 89, 125—128, 133, 137, 141, 248, 272, 275, 285, 291, 293, 294, 313, 314, 346, 393, 428, 430, 431, 436, 439, 447, 454—456, 465, 471, 474, 479, 483, 484, 544, 546, 552, 608, 640—642, 644
 - революционная 120, 129, 140
- Диалектика 18, 109, 111, 262, 268
- «диалектика восхождения» 16, 18
- диалектический процесс развития общества 18, 78, 132, 158, 205, 207, 290, 296
- материалистическая 12, 17, 134, 137, 203, 287, 290, 398, 602
- Закономерность общественного развития 129, 249, 297—299, 327, 354, 496, 578, 657, 661
- Идеализм 17, 28, 105, 106, 108, 110, 112, 164, 199, 261, 262, 264, 309, 310, 383, 638
- в античной социальной мысли 31, 32
- в буржуазной социологии 600
- в концепциях просветителей 50
- в утолических теориях 74, 77, 80, 84—86
- в философии, науке и культуре начала XX в. 211, 212, 215, 235, 236, 599, 600

Идеология

- борьба идеологий 13, 22, 105, 111, 174, 184, 250, 255, 305—309, 311—313, 335, 347, 348, 350, 366, 368, 374, 382, 407, 412—415, 499, 500, 511, 537, 593, 621, 624, 635, 648, 650, 669, 670, 675, 676
- буржуазная 14—16, 165—179, 183, 191, 195, 196, 202, 240, 255, 259, 262, 309, 334, 348, 350, 383, 498, 499, 511, 528, 538, 625, 635, 670, 671—674
- критика буржуазной идеологии 12, 361, 413
- марксистско-ленинская 309, 375, 412, 499, 511, 582, 635, 641, 645, 671, 672, 675, 676
- Империализм 196, 207, 231, 232, 242, 253, 254, 262, 274, 275, 280, 287—290, 292, 296, 304, 310, 311, 318, 319, 321—323, 328, 333, 337—339, 344, 418, 428, 450, 452, 486, 490, 494, 519, 529, 537, 541, 580, 587, 589, 592, 598, 608
- канун социалистической революции 269, 271, 286, 591
- последняя стадия развития капитализма 263
- Индивидуализм буржуазный 195, 234, 372, 383, 392, 398, 408, 537, 600, 613, 632, 633, 654, 656, 657, 661
- анархический 411, 668
- Интеллигенция
- буржуазная 16, 260, 336, 369, 466, 498, 499, 574, 583, 591, 603, 604, 643, 649, 676
- научно-техническая 193, 590, 648
- национальная 513, 534
- социалистическая советская 405, 454, 610, 651
- Интернационализм пролетарский 121, 140, 454, 522, 538, 540, 675
- Искусство 306
- абстрактное 195, 196
- Капитализм 13, 14, 20, 75, 138, 171, 179, 186, 189, 192, 196, 197, 199, 201, 220, 249, 264, 281, 286, 292, 295, 296, 303—306, 308, 310, 311, 314, 317, 319, 323, 332, 339, 361, 362, 370, 371, 373, 376, 383, 385, 391, 392, 397, 398, 459, 486, 507, 527, 532, 560, 561, 586, 589, 590, 606, 611, 619, 637, 646, 647, 666
- капиталистический путь развития 71, 145, 218, 221, 416, 419
- критика 16, 53, 72, 78, 81—83, 94, 113, 129, 138, 182, 184

Классы, классовая борьба 20, 25, 26, 28—30, 36—38, 53, 71, 74, 75, 77, 83, 93, 94, 115, 119, 141, 145, 153, 162, 167, 171, 188, 189, 208, 213, 219, 232, 237, 241, 247, 252, 264, 282, 309, 365, 388, 425, 433, 434, 441, 442, 474, 490, 517, 518, 529, 570, 590, 597

Коллективизация 295, 370, 371, 649, 650

Колониальная система империализма 143, 340

Коммунизм (как теория) 107, 123, 130, 136, 137, 141, 170, 172—176, 178, 179, 181, 184, 203, 254, 255, 308, 322, 328, 329, 340—348, 352, 355, 356, 360, 362—364, 366, 367, 369, 371, 372, 374, 378, 388, 390, 393, 397, 398, 402, 404—406, 411—413, 446, 494, 525, 528, 530, 548, 557, 603, 610, 611, 615, 618, 623, 624, 627, 628, 631, 652, 654, 655, 657, 659, 660, 663, 667

— как высшая фаза развития общества 137, 223, 381, 549, 550

— уравнилельный 40, 44, 46, 58—61

— утопический 38, 41, 43—45, 54—56, 59, 60, 71, 77, 85, 94, 110, 121, 122, 129—131, 134, 292

Крестьянство 89, 90, 126, 136, 258, 290, 291, 292, 294, 303, 345, 359, 377, 417, 451, 454, 466, 470, 476, 477, 479, 503, 504, 523, 535, 574, 642, 643, 647, 652

— крестьянские войны 118, 303

Культура 210—212, 315, 384, 398, 593, 595, 597, 603, 605—607

— античная 204, 205, 216, 217, 376, 377

— буржуазная 195, 213—215, 372, 594—601, 606, 609

— духовная 196, 200, 201, 550, 594, 595, 598, 600

— матерьяльная 594, 595, 606

— социалистическая 213, 352, 359, 421, 454, 596, 598, 599, 601, 606, 608, 609, 640

Либерализм буржуазный 100, 101, 148, 151—155, 159, 162, 163, 179, 184, 185, 187, 190—194, 198

— неолиберализм 184, 187—189, 194—196, 225

Марксизм-ленинизм 11, 12, 17, 70, 100, 102, 106, 118—121, 124, 126, 128—130, 134, 137, 139, 155, 162, 163, 166, 170, 215, 217, 219, 227, 229, 245, 246, 250, 252, 258, 259, 291,

293, 299, 302, 306, 313, 315, 317, 322, 325, 337, 348, 363, 365, 378, 379, 383, 384, 399—401, 414, 415, 423, 425, 429, 431, 433, 441, 482, 485, 500, 508, 509, 523, 526, 528—530, 532, 533, 538, 540, 556, 574, 584, 608, 639, 653, 654, 674

Материализм 105, 112, 199, 262, 268, 290

— диалектический 18, 87, 106, 154, 203, 209, 272, 318, 399, 639

— исторический 21, 26, 87, 111, 155, 241, 248, 399, 601, 639

— механистический, метафизический 255, 261

— стихийный 27, 108

— философский 105, 106, 114, 116, 306, 307

Международное рабочее движение 128, 170, 176, 255, 444, 445, 460, 464, 472, 473, 491

Метафизика 50, 78, 157, 219, 290, 296, 349, 383, 638

Милитаризм 271, 307, 321, 332, 338, 342, 343, 345, 472

Мир 15, 178, 181, 310, 312, 314, 319, 322, 324—330, 339, 340, 342, 343, 345, 347—349, 351, 495, 521

— утопические проекты вечного мира 61, 62, 64—70

Мирное сосуществование 307, 308, 323, 325—327, 343, 347, 349—351, 519

Мировая система социализма 143, 146, 179, 180, 208, 254, 284, 295, 307, 313, 320, 333, 336, 339, 340, 343, 348, 349, 360, 361, 370, 375, 440, 441, 453, 483, 492, 494, 496, 499, 504, 507, 508, 518, 519, 521—523, 525, 544, 546, 547, 560

Мировое коммунистическое движение 127, 284, 289, 294, 313, 316, 342, 343, 413, 423, 435—439, 441—445, 447—453, 462, 464, 466—468, 470, 474—477, 495, 513, 547, 584

Мировой революционный процесс 86, 90, 91, 102, 139, 140, 141, 143, 145, 253, 254, 288, 292—294, 327, 331, 342, 343, 346, 353, 360, 415, 431, 433, 442, 465, 494, 501, 513, 519, 522—524, 526, 534—537, 542—547

Мораль коммунистическая 400, 653

Народные массы 21, 22

— роль в общественном развитии 12, 53, 90, 92, 116, 121, 220, 228, 255, 339, 340, 348, 351, 353, 362, 377, 395, 460, 462, 475, 478, 520, 537, 569, 570, 574, 575, 577, 583, 654

Научная теория социального развития 161

Научно-технический прогресс 149, 366, 375, 376, 385, 401, 494, 586, 593

Научно-техническая революция 254, 367, 496—498, 586—590, 592, 593, 618

Научный коммунизм 12, 14, 20, 59, 107—109, 112, 114, 117, 119, 123, 125, 128—131, 172, 173, 221, 229, 262, 311, 363, 364, 375, 381, 390, 399, 401, 412, 413, 436, 532, 541, 556, 617, 618, 638, 653

Национально-освободительное движение 227, 288, 289, 293—295, 340, 342—346, 349, 368, 432, 448—452, 468, 476, 479, 481, 501, 506, 508, 509, 512, 514—518, 520, 521, 523, 534, 535, 539, 542, 545

Некапиталистический путь развития 97, 101, 450, 513

Неопозитивизм 17, 18, 20, 225

Общественно-экономическая формация 164, 166, 204, 206—208, 222, 294—296, 301, 306, 313, 384, 385, 388

Общество

— история 159, 252, 254

— и личность 43, 54, 74, 158, 172, 194, 195, 236, 356, 393—396, 406, 634

— и природа 73, 74, 77, 106, 160, 201, 203, 251, 262, 402

— развитие 12, 16, 69, 70, 102, 103, 105, 109, 123, 135, 163, 166, 167, 178, 183, 193, 202, 203, 208, 210, 217, 236, 247, 248, 251—253, 255, 273, 316, 318, 324, 353—356, 359, 369, 378, 391, 392, 403, 485, 525, 615

— социальная организация общества 70, 72, 74, 76, 78, 79, 81, 84, 141, 232, 233, 370, 378, 393, 645, 646

— социальная структура 51, 70, 72, 113, 115, 165, 201, 204, 215, 232, 237—239, 352, 359, 364, 421, 489, 500, 517, 521, 528, 530—533, 537, 617, 622, 647, 648, 652

Общество

— капиталистическое 193, 194, 199, 200, 201, 231, 232, 255, 304, 306, 366, 442, 489, 496, 622, 630, 645, 666

— коммунистическое 137, 248, 347, 566, 567, 624—626, 638, 640, 653

— закономерности становления и развития 54, 57

— рабовладельческое 204—206, 296

— социалистическое 137, 139, 145, 146, 295, 310, 319, 329, 355, 357, 359, 362, 367, 387, 389, 391, 392, 394,

- 400, 402, 403, 411, 499, 530, 545, 548, 581, 599, 613, 614, 620, 621—623, 628, 630—632, 666
- Парижская коммуна 11, 126—128, 173—175, 216, 447, 500
- Партия
- марксистско-ленинская 12, 21, 58, 117, 143, 171, 249, 268, 272, 273, 284, 294, 295, 316, 348, 349, 351, 355, 365, 378, 399, 408, 412, 413, 417, 424, 428, 429, 431, 432, 435, 437, 442, 443, 445, 447, 456, 459, 464, 467, 470, 475, 477, 479, 482, 484, 510, 525, 526, 538, 539, 546, 554, 555, 571, 575, 577, 578, 581—584, 604, 608, 615, 616, 623, 631, 632, 640—644, 647—649, 653, 654, 669, 670, 676
 - политическая организация рабочего класса 117—121, 126—128, 149, 197, 198, 247, 365, 584
- Переходный период от капитализма к социализму 137, 138, 248, 259, 268, 285, 290, 291, 293, 313, 317, 346, 425, 427, 453, 455, 480, 485, 536, 547, 550, 552, 599
- Переход от социализма к коммунизму 403, 541, 665, 666
- Политика, политическая борьба 12, 21, 22, 103, 117, 121, 130, 135, 153, 176, 182, 193, 196, 299, 303, 307, 309, 320, 324, 326, 328—333, 337—341, 344, 346, 348, 414, 415, 437, 439, 487—490, 493, 519, 520, 540, 580, 584, 592, 619, 650
- Политическая организация общества 152, 156, 176, 252, 274, 301, 364, 393, 460, 518, 552
- буржуазного 193, 196, 197, 289, 571
 - социалистического 352, 432, 454
- Позитивизм 79, 194, 199, 210, 231, 232, 235, 241
- Прибавочный труд 113
- Прибавочный продукт 113, 508
- Прибавочная стоимость 113, 580
- Прогресс социальный 123, 156, 159, 162, 226, 229, 252—255, 306, 307, 347—349, 354, 359, 360, 368, 376—382, 388, 396, 397, 412, 436, 456, 458, 513, 521, 536, 593, 638, 639, 652
- буржуазные концепции 47, 49—53, 70, 94, 95, 126, 133, 153, 156, 162, 163, 173, 219
 - интеллектуальный 397—399, 638, 639, 652
 - исторический 119, 222, 223, 228, 577
 - марксистско-ленинское учение о нем 53, 124, 204
 - моральный 397—399, 638, 639, 652
 - научно-технический 165, 366, 563
 - теория прогресса 202, 206, 209, 230, 252—254, 348, 375, 377
 - утопические теории 41, 43, 44, 72, 73, 79, 80, 85, 225
- Производство 15, 25, 59, 67, 71, 73, 79, 80, 81, 112, 113, 136, 198, 211, 215, 230, 236—238, 268—271, 292, 303, 311, 326, 354, 367, 383—385, 387—389, 394, 400, 417, 495, 528—530, 558, 579, 581, 582, 589, 617—621
- Способ производства 26, 123, 124, 139, 142, 164, 180, 200, 210, 215, 239, 296, 297, 299, 300, 302—305, 307, 384, 436, 461, 505, 506
- Производственные отношения 108, 116, 123, 140, 148, 200, 201, 210, 215, 216, 219, 222, 232, 238, 252, 253, 273—275, 277, 280, 385, 405, 426, 461, 476, 497, 501, 517, 589, 594, 654
- Производительные силы 134—136, 138—140, 142, 143, 146, 200, 201, 210, 215, 216, 219, 222, 231, 239, 252, 253, 261, 273—275, 277, 280, 293, 316—318, 337, 347, 352, 361, 375, 378, 384, 386, 393, 426, 427, 461, 497, 517, 528, 529, 550, 557, 559, 562, 563, 580, 594, 599, 611, 618
- Пролетариат 78, 128, 193, 208, 220, 225, 262, 265, 273, 274, 276—279, 288—290, 320, 321, 345, 346, 363, 388, 416, 419, 425, 429, 432, 437, 442, 448, 450, 490, 492, 518, 525, 533, 536, 542, 570, 574, 639, 642
- Рабочий класс (см. Пролетариат)
- историческая миссия 86, 104, 117, 119, 122, 125, 135, 141, 162, 173, 188, 193, 252, 253, 268, 273, 275, 288, 413
 - могильник капитализма 14, 632
 - роль в общественном развитии 17, 72, 86, 98, 117, 119, 126, 147, 159, 175, 176, 178, 187, 197, 208, 247, 252, 255, 258, 279, 281, 282, 284, 289—291, 293, 314, 319, 340, 342, 346, 348, 349, 351, 359, 362, 377, 399, 417, 418, 423, 424, 426—429, 442, 447, 453, 455, 458, 459, 463, 464, 466, 467, 470, 474, 476, 479, 483, 484, 493, 499, 504, 521, 523, 525, 529, 533, 535, 536, 542, 552, 571, 574, 583, 584, 590, 604, 605, 641—643, 647, 648, 650, 674, 676
- Революция 114, 121, 135, 140, 273, 274, 306, 314, 315, 317, 319, 320, 331, 352, 358, 382, 478, 479, 501
- буржуазная 53, 58, 59, 68, 70, 86, 87, 128, 149, 151, 152, 172, 221, 274, 289, 291, 293, 303, 305, 335, 352, 353, 364, 417, 435, 517
 - культурная 295, 544, 553, 603, 607, 674
 - миф об «экспорте» революции 175, 176, 315
 - революционная инициатива 11, 12, 15, 67, 126, 127
 - социалистическая 58, 83, 97—99, 127, 138, 140, 141, 143—147, 171, 173, 178, 203, 252—256, 263, 271, 275—279, 283—289, 291—295, 313, 319, 321, 322, 328, 339, 345, 352, 353, 358, 381, 388, 414, 415, 419, 421—429, 431—437, 439, 442, 444—455, 458, 464, 465, 467—469, 471—473, 479—481, 484, 491, 494, 501, 504—509, 511, 512, 518—520, 522—525, 541, 542, 605, 616—618, 641
 - социальная 124, 142—144, 219, 289, 461
- Религия
- религиозная идеология 24, 34—36, 67, 78, 85, 105, 116, 149, 168, 212, 220, 225, 306, 309, 310, 596, 597, 636
- Реформизм 14, 262, 434, 438, 442, 489, 654
- социал-реформизм 436, 437, 448, 460, 490, 492
- Ситуация революционная 275—278, 281, 284, 286, 287, 428
- Собственность
- общественная 55, 56, 58—60, 83, 85, 95, 96, 146, 159, 173, 186, 199, 226, 311, 365, 373—375, 378, 380, 383, 386, 390, 391, 393, 405, 412, 454, 485, 493, 509, 524, 537, 576, 586, 588, 589, 599, 618, 647
 - частная 40, 41, 45, 54—56, 59—61, 71, 84, 85, 92, 96, 97, 114, 116, 125, 135, 154, 173, 174, 186, 193, 195, 208, 226, 251, 311, 355, 365, 375, 383, 492, 524, 533, 540, 576, 579, 614, 618, 630, 641
- Социализм (как теория) 17, 20, 174, 176, 186, 218, 252, 254, 279, 284, 287, 293, 294, 295, 296, 307, 310, 311, 313, 314, 318, 321, 323, 339, 350, 351, 353, 359, 360—362, 365, 369, 372, 374, 392, 399, 420, 430, 433, 440, 453, 478, 484, 492, 500, 523, 529, 532, 546, 549, 550, 554, 588, 591, 609, 619, 629, 670, 672
- буржуазные концепции 14
 - вульгарный 139
 - доктринерский 134, 135
 - утопический 54, 61, 69, 70—72, 78, 80—86, 88, 93, 97, 107, 118, 110, 121, 122, 129, 130, 132, 137, 354, 398, 399, 530, 638, 639, 644, 654
- Социальная мысль 11, 15, 16, 18, 19, 21, 22, 26, 331
- возникновение 12, 13, 24, 26
 - буржуазная 13, 94, 148, 149, 151, 170, 172, 178, 183—185, 194, 198, 199, 200, 204, 251, 256, 257, 258, 259, 260, 263, 268, 305, 310
 - основные этапы развития 24, 25, 27, 29, 30—36, 38, 45, 46, 50, 51, 53, 55, 57, 61, 64, 71, 78, 81, 83, 85—87, 93, 94, 103, 105, 107, 125, 134, 136, 139, 149, 154, 199, 203, 249, 255—259, 261, 262, 264, 267—269, 272, 273, 287, 294, 351, 368, 369, 374—376, 379, 400, 412, 413, 528, 533, 617
 - связь с развитием диалектической мысли 29, 108, 114
 - связь с развитием естественных наук 33, 39, 49, 104, 154, 169, 263, 264, 375, 390, 402, 585, 586
 - связь с развитием общественных наук 28, 30, 47, 71, 102, 129, 105, 109, 117, 164, 166, 390, 401
 - связь с развитием политической мысли 14, 62, 66—68
 - связь с развитием философской мысли 108, 112, 205, 297
- Социология буржуазная (концепции) 17, 154, 199, 200, 201, 209, 210, 214, 215, 228, 242, 245, 247, 297, 306, 350, 383, 531, 561, 574, 582, 619, 660, 664
- мальтузианство 181, 223, 224
 - неокантовские концепции 164, 166, 261
 - позитивистские теории 132, 133, 155, 158, 162, 165, 166, 167, 172, 242, 244, 332
 - психофизиологические теории 237, 239, 240, 241, 243
 - «роста» теория 230—232
 - социал-дарвинизм 161—224
 - «социология индустриальная» 201, 202, 580
 - «циклов» теории: Вилкс 47, 48, пифагорейская 34, современная 75, 78, 81, 84, 154, 160, 218—224, Фурье 79, 80
 - эмпирическое направление 241—243
- Социология марксистская 208, 431
- Труд 77—82—84, 111, 113, 233, 236, 237, 380, 387, 393, 400, 403, 404, 496, 499, 556, 561, 562

- коммунистический 404, 556—561, 565—568, 628, 647, 662, 664
- общественный 363, 364, 374, 381, 387—390, 392, 554, 556, 578, 580, 581, 588, 619—621, 629, 631, 653, 658, 659, 661
- организация труда 202, 247, 355, 357, 392, 549, 551, 552, 554
- отделение умственного труда от физического 404, 405, 410, 551, 568, 630, 650
- производительность труда 167, 230, 247, 248, 300, 347, 352, 362, 384—390, 403, 494, 551, 553, 562, 590, 657, 663
- разделение труда 167, 361
- средства труда 384, 385, 562
- утопические теории освобождения труда 54, 71, 72, 74
- Утопия 14, 20, 22, 98, 129, 133, 225, 354
- Фашизм 177—181, 225, 340, 343, 443, 455, 456—458, 474, 480, 487, 488, 591
- идеология фашизма 198
- Философия 14, 116, 126, 156, 200, 209, 251, 259, 261—263, 522, 571, 600
- Философия истории 17, 217, 218, 227, 331
- Эксплуатация, 14, 40, 51—53, 55, 72, 74, 77, 81, 100, 103, 106, 113, 114, 126, 132, 138, 192, 198, 199, 200, 226, 230, 231, 252, 258, 239, 300, 308, 348, 357, 365, 376, 379, 381, 385—387, 393, 396, 407, 419, 433, 478, 499, 524, 581, 607, 609, 611, 656, 661
- Эпоха
 - историческая 206, 211, 218, 222, 296, 304, 318, 326, 384

И М Е Н Н О Й У К А З А Т Е Л Ь

- Августин Аврелий («Блаженный») 35, 62, 151
- Аденауэр Конрад 197, 312
- Альбрехт Карл 122
- Антифонд Антифон 34
- Антонеску Йон 475, 476
- Арисменди Родней 495
- Аристотель 33, 169, 205
- Арон Раймон 350
- Бабеф Гракх (Франсуа Ноэль) 57, 59, 120, 140, 152
- Бальзак Оноре де 421
- Бакунин М. А. 132—134, 263, 292, 531
- Бардэ Гастон 225
- Бауэр Отто 436
- Барнес Гарри Элмер 33, 39, 200, 201, 243
- Баррюель Августин 150
- Беккер Хоуард Пол 33, 39
- Белинский В. Г. 38
- Белл Даниэль 195
- Берджес Эрнест Уотсон 233
- Бернард Лютер Ли 225, 226
- Бернштейн Эдуард 125, 259, 364
- Бетховен Людвиг ван 607
- Блан Луи 121, 122
- Бланки Луи Огюст 120, 131
- Боден Жан 47
- Бональд Луи Габриель Амбруаз 149, 150
- Боун Роберт 315
- Боулс Честер 314
- Бохенский Иннокентий Мария Гюзеф 174
- Брейс Эмиль 204, 206, 207, 211
- Бутуль Гастон 66, 233
- Бухарин Н. И. 285, 322, 358, 416
- Бэйли Роберт В. 228, 229
- Бюрнель Э. 442
- Ванини Лючиано 43
- Вебер Макс 165, 166
- Вейтлинг Вильгельм 86, 122, 130
- Вергилий Марон Публий 34
- Веттер Густав 350, 351
- Вико Джамбаттиста 47—49, 80
- Вильсон Вудро 191
- Виндельбанд Вильгельм 164, 165
- Виппер Р. Ю. 149, 157
- Витория 63
- Волгин В. П. 31, 32, 44, 54, 58, 83
- Вольтер Франсуа Мари (Аруэ) 48, 65—67, 148

- Гакегаузен Август фон 92
- Галилей Галилео 104
- Галифе Гастон 321
- Галлахер Уильям 444
- Гегбельс Иосиф Пауль 180
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих 24, 88, 93, 109, 110—112, 114, 115, 157, 209, 212, 602
- Гераклит 27
- Гердер Иоганн Готфрид 50, 149
- Герри 312
- Герцен А. И. 70, 86, 87—93, 98, 99, 102, 109, 140
- Гесс Моисей 110
- Гиббон Эдуард 297
- Гиддингс Франклин Генри 236, 237
- Гизо Франсуа Пьер Гийом 115, 297
- Гюльди Р. 447
- Гоббс Томас 47
- Гобино Жозеф Артур де 196
- Гоголь Н. В. 38
- Горький А. М. 223, 421, 603
- Готвальд Клемент 437, 462—464
- Гоулднер Алвин У. 18, 19
- Грамини Антонио 20, 241, 422, 443
- Гротеволь Отто 473
- Гурвич Жорж 16, 17, 19
- Гуч Джордж Пибоди 217
- Даллес Джон Фостер 181, 333, 339, 344
- Даль Франц 473
- Дарвин Чарлз Роберт 104, 203, 204
- Дардель Эрик 209
- Дезамин Теодор 107, 120, 130
- Декарт Рене 123
- Демокрит 27
- Джефферсон Томас 151, 191, 334, 335
- Джила Милован 365
- Джиттлер Джозеф В. 238
- Диккенс Чарльз 421
- Димитров Георгий 466
- Добролюбов Н. А. 86, 93, 100—102
- Додд Томас 183, 184
- Дольчинно 37
- Дони Антон Франческо 44
- Допш Альфонс 298, 302
- Достоевский Ф. М. 421, 603
- Дрейфус Альфред 281, 428, 487
- Дюбуа Пьер 62
- Дюркгейм Эмиль 167, 168, 232, 596
- Еврипид 205
- Жеромский Стефан 469
- Зомбарт Вернер 256, 257
- Инар 68
- Иоанн XXIII 197, 312
- Кабе Этьен 130
- Кадар Янош 438, 414
- Казенс Норман 189
- Кампанелла Томмазо 38, 43—47, 49, 52, 54, 58
- Кант Иммануил 68, 69, 258
- Кастро Фидель 501
- Каутский Карл 144, 146
- Кейнман П. 452
- Кеннеди Джон Ф. 336, 486
- Ким Ир Сен 450, 483
- Кирхвегер Эрнст 488
- Клаузевиц Карл 337
- Ковалевский М. М. 46, 47, 395, 629, 630
- Коменский Ян Амос 64, 65, 67, 251
- Кондорсе Жан Антуан де 50, 73, 149
- Констан Бенжамен 152
- Конт Огюст 73, 76, 78, 132, 133, 154—158, 162, 164, 167, 168, 172, 194, 203, 232, 233, 270
- Коперник Николай 39, 104
- Корнель Пьер 297, 298
- Коулмэн 244
- Кромвель Оливер 56, 57
- Крюсс Эмери 64
- Кубарев А. А. 663
- Кузнец Саймон 366
- Кук 224
- Куланж Фюстель де 298
- Кульман Георг 122
- Кэссон Стэнли 216, 217
- Кюстин Адольф де 92
- Лаво Жорж Е. 190, 191
- Лавров П. Л. 132, 133
- Ландхер Барт 212
- Ласки Гарольд 221
- Лассаль Фердинанд 89
- Лафарг Поль 153, 159, 160
- Лейбниц Готфрид Вильгельм 66
- Ленин Владимир Ильич 11, 12, 38, 59, 87, 93, 103, 105, 107, 109, 111, 116—128, 136, 137, 143—147, 161—163, 170, 171, 174, 178, 184, 186, 192, 206—208, 222, 233, 239, 241, 242, 246, 247—249, 252—254, 258—260, 262, 264, 265—272, 273—291, 293, 294, 300, 302, 304, 313—332, 340, 341, 345, 346, 351—355, 357, 358, 360, 370, 374, 379, 381, 385, 386, 388—393, 395, 396, 398, 399, 403, 408, 409, 410, 412, 413, 416, 417, 421—434, 437, 440, 443, 445,

447—450, 454, 467, 469, 478—480, 483—489, 491, 499, 500, 507, 513, 514, 518, 520, 522, 523, 525—527, 529, 530, 532—537, 540—557, 559—561, 565—570, 573, 575—577, 579, 584—586, 588, 592, 596, 601—609, 612, 615, 619, 620, 623, 625, 626, 629, 630, 635, 639—647, 651, 656, 659, 663, 665—667, 673
 Леонардо да Винчи 607
 Лессинг Готхольд Эфраим 93, 149
 Либкнехт Вильгельм 585, 623
 Либкнехт Карл 341, 434, 545
 Лима Мотта 505
 Линкольн Авраам 486
 Локк Джон 46, 113
 Лонго Луиджи 489
 Лоуэлл Аббот Лоуренс 192
 Лукреций Тит Кар 27, 33, 34
 Люксембург Роза 434
 Лютер Мартин 43
 Мабли Габриель Бонно де 38, 59, 60—62, 82
 Майкосен 428
 Макайвер Роберт Морисон 236
 Мак-Кензи Роберт Т. 192
 Макиавелли Николо ди Бернардо 39—41, 49
 Мак-Лиш Арчибалд 182, 446
 Мао Цзе-дун 675
 Марешаль Пьер Сильвен 57
 Маринетти Филиппе Томмазо 605
 Марини 62
 Маркузе Герберт 533, 591
 Маркс Карл 16, 17, 23, 24, 59, 77, 82, 93, 97, 101, 103, 104, 106—117, 120—147, 173, 175, 178, 220, 239, 252, 253, 255, 257, 258, 260, 261, 264, 268—273, 275, 284, 288, 292, 293, 300, 302, 303, 314, 318, 348, 349, 367, 377—379, 381—384, 398, 422, 425, 433, 461, 467, 485, 498, 527—538, 540—542, 548, 561, 562, 566, 573, 578—580, 585, 603, 623, 639, 646, 661
 Марсель Габриэль 573
 Мейер Эдуард 218
 Мелье Жан 56, 57
 Менделеев Д. И. 421, 603
 Меринг Франц 86, 434
 Мертон Роберт 372
 Миллер Раймонд 373, 374
 Минье Франсуа Огюст Мари 115
 Михайловский Н. К. 164, 264
 Монтескье Шарль Луи 49, 66, 67, 73
 Мор Томас 38, 41—43, 45—47, 49, 52, 54, 58, 63, 251
 Морган 507

Морелли 38, 54, 56, 61
 Моруа Андре 158
 Мэйо Элтон 169
 Мэйхью Кристофор 308
 Мэкси Честер Коллинг 170
 Мюнцер Томас 37
 Нассар Фуад 512
 Невес Франциско 511
 Перу Джавахарлал 451
 Нортрон Фильмер Стюарт 211, 212, 600
 Ноув Алек 366, 367, 370
 Овидий 31
 Огборн Вильям 200—202
 Осборн Генри Ферфилд 600
 Оуэн Роберт 77, 83—85, 102, 107, 114, 354
 Павлов П. П. 421, 503
 Парсонс Талькот 40, 232, 235
 Пассенюк Л. М. 407, 655
 Пендел Элмер 223, 224
 Пени Вильям 65
 Перру Франсуа 364
 Песси Вилле 441
 Петти Уильям 113
 Пик Вильгельм 435, 472
 Пирэни Анри 218
 Платон 31, 32, 45, 174
 Плэттс-Миллс 463
 Поллит Гарри 444
 Помяловский Н. Г. 403
 Поппер Карл 234
 Поршнев Б. Ф. 56, 57
 Прудон Пьер Жозеф 88—90, 132, 133
 Пушкин А. С. 29
 Райт Квинси 209, 221, 222
 Рассел Бертран 161, 201, 337
 Рашевский Николай 244
 Ренке Вильгельм 224, 225
 Ривьера Мерсье де ла 61
 Рид Герберт 181
 Риккерт Генрих 164, 165
 Рисмэн Дэвид 194
 Ритчи Артур Давид 201
 Роллан Ромен 422
 Росс Эдвард 237
 Росситер Клинтон 190, 191
 Ростон Уолт Уитмен 230—233, 337, 338
 Руге Арнольд 110, 129
 Рузвельт Франклин 188, 189
 Руссо Жан-Жак 33, 51, 52, 59, 60, 67, 68, 364, 371, 597
 Рытхеу Ю. С. 421

Савая 513
 Сартр Жан-Поль 17
 Сен-Пьер Шарль Ирине де 65, 66
 Сен-Симон де Рувруа Анри Клод 61, 72—79, 85, 93, 95, 100, 109, 110, 112, 115, 121, 133, 149, 155—157, 167, 270, 622
 Симон Анри Пьер 182
 Скажин Сергей Данилович 37
 Смит Адам 94, 113
 Соловьев В. С. 609
 Спенсер Герберт 154, 155, 158—161, 164, 167—170, 174, 194, 200, 203, 232, 332
 Спиноза Бенедикт 49, 227
 Стамболийский Александр 466
 Стасюлевич М. М. 36
 Стивенсон Ян 180
 Страус-Хюне Р. 240
 Суарес 63
 Сунь Ят-сен 450
 Сухэ-Батор 449
 Сюлли Максимиллиан Бетюн де 66
 Тард Габриэль 356, 664
 Теннис Фердинанд 236
 Тимирязев К. А. 603
 Тито Иосип Броз 439, 467, 468
 Тойнби Арнольд 169, 218—223, 573, 600
 Толстой Л. Н. 421, 603
 Тольятти Пальмиро 443, 457, 459
 Торез Морис 442, 456, 459, 460
 Троцкий Л. Д. 290, 291
 Тусар 437
 Тьерри Огюстен 115
 Тэйлор Френсис Генри 242
 Тюрго Анн Робер Жак 49
 Тютчев Ф. И. 87
 Ульбрихт Вальтер 473
 Уинстенли Джерард 55, 56
 Уорд Лестер 236
 Фам Ван Донг 521
 Фейербах Людвиг 88, 89, 93, 107—109, 255
 Фишер Герберт Альберт Лоуренс 227
 Фома Аквинский 36
 Франс Анатолий 422
 Фрейд Зигмунд 573
 Фюрнберг 436

Фурье Шарль 61, 77, 79, 80—86, 89, 93, 95, 100, 107, 109, 110, 115, 121, 149, 354, 566, 622

Хаксли Олдос 223
 Хау Нивинг 583
 Хауз Эдуард 438
 Хидаятов А. 421
 Хейдеггер Мартин 598
 Хейердал Тур 213
 Хелперн Б. 244
 Хо Ши Мин 482
 Хусейн Зульфикар Сабри 510

Циранкевич Юзеф 469

Чаушеску Николае 475, 476
 Чернышевский Н. Г. 86, 88, 92—100, 102, 140
 Черчилль Уинстон 181
 Чойбалсан 449

Шекспир Вильям 607
 Шир Э. 457
 Шолохов М. А. 649
 Шоу Бернард 422
 Шпенглер Освальд 173, 212, 598, 600
 Штернберг Л. Я. 24
 Шульце-Геверниц 270
 Шумпетер 490
 Шурц Генрих 25, 26

Энгельс Фридрих 11, 22, 26, 37, 38, 59, 61, 77, 93, 97, 101, 103, 108, 110, 111, 114, 117, 120—124, 127, 130, 133—136, 141—147, 152, 173, 175, 178, 236, 239, 253, 256, 257, 260, 261, 268, 269, 273, 284, 296—298, 302, 317, 338, 354, 381, 383, 398, 422, 426, 467, 485, 532—536, 548, 562, 573, 610, 639

Эпикур 27, 205
 Эразм Роттердамский 63
 Эрхард 187, 188
 Эсхил 205
 Эшнай А. Я. 371

Юбэнк Ирл 238

Ясперс Карл 349

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Автобиография	8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

<i>Введение. О чем говорит история социальной мысли</i>	11
Раздел первый	
Социальная мысль ищет и находит дорогу	23
Глава первая. Как возник основной вопрос социальной мысли	23
Античная социальная мысль	29
Средневековые теории общественного процесса	35
Попытки создать социальную теорию и утопии	39
Идеал прогресса	46
Глава вторая. Предвестники великого будущего	53
Коммунисты-утописты XVIII в.	54
Мечта о прочном мире	61
Утопический социализм начала XIX в. и идея развития общества	70
Русские революционные демократы и проблема общественного развития	86
Глава третья. Переворот в истории социальной мысли	103
Материалистическое мировоззрение и коммунизм	105
Диалектика и научный коммунизм	109
Важнейшая сфера деятельности человека	112
Источник развития классового общества	115
Политическая организация рабочего класса	117
Путь социального прогресса	123
Научный коммунизм и его борьба против утопизма	129
Проблема будущего общества	134
Идея мирового революционного процесса	139
Раздел второй	
Отжившие идеи цепляются за жизнь	148
Глава первая. Буржуазная социальная мысль поворачивает вспять	148
Теория откровенной реакции	149
Возникновение либерализма и связь с ним буржуазной социологии	151
Социология Конта	155
Система Спенсера и его эволюционизм	158
«Реформы» против революции	161
Торжество субъективизма в социологии	163
Кризис классических позитивистских схем в социологии	166

Глава вторая. Жизнь развивается вопреки буржуазным теориям	170
Камень преткновения буржуазной социальной мысли	172
Антикоммунистическая мифология	173
Хроника духовного оскудения антикоммунизма	178
Характерные черты неолиберализма	184
Политические концерны и духовное обнищание личности	189
Судьба буржуазно-либеральных лозунгов	194
Глава третья. Концепции социального застоя	199
Утрата исторической перспективы	199
Социальное изменение вместо прогресса	202
Буржуазные концепции цивилизации и культуры	210
Второе рождение «теории круговорота»	217
Проповедь случайности вместо исследования объективной закономерности	226
Теория «экономического роста» — суррогат научной теории прогресса	230
Буржуазная социология бессильна решить проблему общественных связей	232
Раздел третий	
Ленинская мысль указывает дорогу прогресса	250
Глава первая. Социальная мысль и революционная практика	255
Теория борьбы, а не преклонение перед стихийностью	256
Пролетарская революционность против мелкобуржуазного революционаризма	262
Путь развития социальной мысли в новую эпоху	268
Глава вторая. Как рождаются революции	273
Учение о революционной ситуации	275
Основной закон революции	279
Время революционных преобразований	288
Глава третья. Важный вопрос перехода от одной формации к другой	294
Два этапа в развитии новой общественной формации	295
Переход от одной формации к другой и идеологическая борьба	306
Глава четвертая. Революция, война и мир	314
Действительная постановка Лениным вопроса о революции и войне	315
Ленинские идеи борьбы за мир	320
Современная социальная мысль и проблема войны	331
Коммунизм — это мир и дружба между народами	347
Глава пятая. Великая сила примера в строительстве нового общества	351
Воспитательная сила примера в строительстве нового общества	354
Влияние примера на мировой исторический процесс	357
Глава шестая. Научный коммунизм и современная теория прогресса	375
Дорога прогресса всего человечества	376
Рост производительности труда — основа общественного прогресса	384

Прогресс организации общественного труда	388
Главное направление развития свободного общества	393
Путь интеллектуального и морального прогресса	397

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Октябрь открывает эпоху	415
Народно-демократические революции и идеи Октября	453
Октябрь и современность	485

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА, КУЛЬТУРЫ И КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

К. Маркс и современность	527
Разработка Лениным проблем научного коммунизма	540
Ленинские идеи о развитии коммунистического труда	555
Роль народных масс в историческом процессе	569
Социальная революция XX века и научно-технический прогресс	585
Культура	593
Революция и культура	601
Коммунизм и свобода	610
Человек и общество	616
Социалистический коллективизм и формирование личности	623
Некоторые проблемы коммунистического воспитания	638
О некоторых особенностях современной идеологической борьбы	669
<i>Указатели</i>	
Предметный указатель	677
Именной указатель	682

Георгий Павлович Францов
ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Утверждено к печати Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Редактор Э. Г. Юдин. Редактор издательства Л. Р. Мариупольская.
Художественный редактор Н. Н. Власик. Художник Л. С. Эрман.
Технический редактор П. С. Кашина.

Сдано в набор 16/VII 1970 г. Подписано к печати 17/IX 1970 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 1. Усл. печ. л. 43,12. Уч.-изд. л. 44,7.
Тираж 11 500. Т-14638 Тип. зак. 1489. Цена 2 р. 86 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10